АШИН Г. К.

ЭЛИТОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Кафедра философии

Г.К. Ашин

ЭЛИТОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Издательство «МГИМО-Университет»
2010

УДК 32
ББК 66.04
А98

Рецензенты:
Л.К. Зыбайлов, д-р философ. наук, профессор МГПУ,
Ю.С. Коноплин, д-р политических наук, профессор МГПУ

Ашин Г.К.

А98 Элитология: история, теория, современность : монография / Г.К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. — М. : МГИМО-Университет, 2010. — 600 с.

ISBN 978-5-9228-0582-7

«Элитология» – российский инновационный термин, внедренный в научный оборот проф. МГИМО(У) Г.К. Ашиным в 1985 г. Элитолоия – это комплексная научная дисциплина, лежащая на стыке социальной философии, политологии, социологии, всеобщей истории, психологии, культурологии. В ряде российских университетов элитология читается в качестве спецкурса, поэтому данная монография может быть использована в учебном процессе.

Элита – предмет исследований проф. Г.К. Ашина. На эту тему в издательстве «МГИМО-Университет» вышел ряд его книг.

УДК 32
ББК 66.04

Ashin G.K.

Elitology: history, theory, modernity : monograph / G.K. Ashin. The Moscow State Institute for Foreign Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of Russia. The Chair of Philosophy. – M. : MGIMO-University, 2010. – 600 p.

Elitology is a Russian innovative term of 1985 created and introduced into scientific circulation by prof. G. Ashin (MGIMO-University). Elitology represents a complex scientific discipline lying at the junction of social psychology, political science, sociology, history, psychology, cultural studies. Elitology as a special course has been included by a number of Russian universities in their curricula which justifies the use of the monograph in educational process.

Elite is a subject of scientific research by pfor. G. Ashin and a range of his works has been published by «MGIMO-University».

ISBN 978-5-9228-0582-7

© Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2010
© Ашин Г.К., 2010

Посвящается alma mater — МГИМО(У) МИД РФ,
элитному вузу России

Оглавление

Введение 7

Глава 1

ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК 11
Предмет элитологии 11
Российская школа элитологии 17
Элитологический тезаурус 24
Структура элитологии 29

Глава 2

ГЕНЕЗИС ЭЛИТОЛОГИИ. ПРОТОЭЛИТОЛОГИЯ 38
Корни и традиции 38
Предыстория элитологии. 44
Элита в эгалитаристской парадигме 69
Элита в либерально-демократических концепциях Нового времени 76
Элитаристская парадигма в Новое время 80

Глава 3

КЛАССИКИ ЭЛИТОЛОГИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX века 85
Г. Моска 86
В. Парето 91
Р. Михельс 101

Глава 4

ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛИТОЛОГИИ В XX ВЕКЕ, ЕЕ ТИПОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР 109
Возможности типологизации элитаризма 109
Макиавеллистская школа элитологии 112
Фашистский вариант элитаризма. Расизм и элитология 113
Аргументы «от биологии» 119
«Аристократический» и консервативный варианты элитизма 127
Либеральный, леворадикальный элитаризм. Марксизм и элитаризм 131

Глава 5

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЭЛИТАРИЗМА 141
Психологическое обоснование элитизма 141
Цивилизационный подход к элите 154

Бюрократия как элита 157
Технологический детерминизм и элитология 165
Элитизм и постмодернизм 177

Глава 6

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ 181
Генезис российской элитологии 182
Элитология XX века 191

Глава 7

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ 203
Становление американской элитологии 203
Элитология США в XIX веке 212
Элитология США в XX веке 218

Глава 8

ЭЛИТА: ПОНЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ 225
Спор о термине 228
Этимология термина и его применение 229
Понятие «элита» в социологических исследованиях (операциональный уровень термина) 255
Элиты в мировой политике 262
Элита и процессы глобализации 269

Глава 9

ЭЛИТА И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС. ЭЛИТА И «МАССА» 276
Элита и правящий класс 276
Элита и «масса» 290

Глава 10

ЭЛИТИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ. ДИСКУССИИ О СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ И СТРУКТУРЕ ЭЛИТ В США 304
Теории политического плюрализма и их критики 308
К дискуссии о структуре власти в США 312
Неоэлитизм. Модели политической структуры развитых капиталистических стран 320
Последняя четверть XX — начало XXI века: продолжение дискуссии 327

Глава 11

ЭЛИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ. ЭЛИТАРНАЯ И ЭГАЛИТАРНАЯ ПАРАДИГМЫ 338
Элитаризм как альтернатива демократии 338
Демократический элитизм 346
Элита и масса. Поиск оптимума 359
Элитарная и эгалитарная парадигмы 374

Глава 12

ТРАНСФОРМАЦИЯ И СМЕНА ЭЛИТ (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ). ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ ... 385
Закономерности трансформации и смены элит ... 385
Протоэлиты становления государственности на Руси ... 392
Правящий класс единого Русского (Московского) государства ... 397
Политические элиты Российской империи ... 398

Глава 13

СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА ... 405
Теория «нового класса» ... 407
Смена поколений советской элиты ... 420

Глава 14

ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА. ПРОИЗОШЛА ЛИ СМЕНА ЭЛИТ? ... 442
Произошла ли смена элит в начале 90-х годов? ... 452

Глава 15

ОТ «МОНОЛИТНОСТИ» К ПЛЮРАЛИЗМУ ЭЛИТ (ТЕНДЕНЦИИ И КОНТРТЕНДЕНЦИИ) ... 462
Политико-административная элита ... 463
Экономическая элита ... 475
Региональная элита ... 484
Культурная элита ... 491
Взаимоотношение элит: конфликт или консенсус? ... 497

Глава 16

РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ... 509
Типы и каналы рекрутирования элиты ... 510

Глава 17

ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ... 537
Стратегия России в постиндустриальном мире и элитное образование ... 537
Понятие элитного образования ... 543
Из истории элитного образования ... 545
Опыт элитного образования в России ... 552
Элитное образование и социальная справедливость ... 557
Социология элитного образования ... 563
Элитное образование в США ... 577
Конкуренция элитных вузов ... 583

Приложение 1 ... 591
Приложение 2 ... 592

Введение

Современное обществознание отмечает возрастание роли элит в жизненно важных сферах социальной жизни — в политике, экономике, культуре. Собственно, это вряд ли является новостью для населения нашей страны (и, разумеется, не только нашей)[1]. Та харизма, которая обычно сопровождала элиту (во всяком случае, в моменты ее возникновения и подъема), ныне многократно усилилась современными масс-медиа как средством манипулирования сознанием масс[2]. Особенно это относится к телевидению, в том числе российскому, хотя наше телевидение отличается не высоким уровнем, а, напротив, низким, китчевым (даже по сравнению с американским). И если мы ограничимся констатацией возрастания роли элит в жизни современного общества, нас по праву обвинят в банальности.

Но вопрос можно поставить острее: очевидное возрастание роли элит — это благо для общества или, напротив, рост социальной несправедливости? Возрастание роли элит в социальном и политическом процессе чаще всего происходит за счет уменьшения роли народных масс в современном обществе. Ведь именно политические элиты принимают решения, которые порой коренным образом влияют на жизнь и судьбы широких народных масс, на население целых стран, регионов мира, порой на сотни миллионов людей.

Тогда нужна ли элита вообще? Этот вопрос в мировой элитологии порой рассматривается как абстрактный, чисто академический, поскольку наука не знает обществ без элиты. Впрочем, опыт элитофобии Россия имеет. Массовые расстрелы политической, экономической и, что особенно тяжело, культурной элиты стоили

---

[1] Один из самых видных элитологов США Дж. Хигли пишет: «Есть признаки, что вертикальное, или элитное, измерение крепнет... В некоторых демократиях элиты сейчас более заметны и сильны... На национальном уровне во всех странах Европейского Союза признаками усиления элит является расширение аппаратов систем государственной безопасности, более тщательный контроль за массами». (Полития. 2006. № 2. С. 28).

[2] Ашин Г.К. Вторжение без оружия. М., 1985.

России гибели и ухудшения положения миллионов людей. Помимо всего прочего, они отнюдь не привели к обществу без элиты. Переворот 1917 года был самой радикальной в истории человечества сменой элит[3].

И тут неизбежно встают острейшие проблемы, и первая среди них — как добиться того, чтобы элиты выражали интересы народных масс, а не привилегированных меньшинств и чтобы принимаемые ими решения были наиболее квалифицированными. Или поставим вопрос еще острее: как миллионам людей обезопасить себя от эгоистических действий правящих групп. С одной стороны, стратификация общества, в том числе выделение лидеров и элиты, необходимы для упорядочения общественной жизни, ее регулирования, для уменьшения энтропии в социуме. Однако общество (точнее, его бóльшую часть) подстерегает опасность превратиться в объект манипулирования элит, утратить свою субъектность. А для решения этой проблемы требуется создание гражданского общества, которое бы постоянно контролировало деятельность элит, чтобы в соответствии с конституционными нормами демократических государств народ стал подлинным субъектом социально-политического процесса.

Уже много столетий человечество отчетливо сознает, что жизнь миллионов людей зависит от решений, которые принимают немногие власть имущие независимо от того, являются ли эти решения квалифицированными и, главное, выражают ли они потребности населения или, наоборот, защищают своекорыстные интересы привилегированного меньшинства. Отсюда — пристальный интерес к составу и содержанию деятельности правящих слоев как со стороны ученых-мыслителей, так и широкой общественности. Идеологи правящих классов, естественно, оправдывают существование элиты, отстаивая ее чуть ли не божественное происхождение. Лидеры же и выразители интересов слоев, не представленных в правящей элите, не только критикуют существующие порядки, но нередко и ставят под сомнение легитимность этого слоя. Хотя следует признать, что всякий раз, когда они берут власть в свои руки, оказывается, что властные функции по-прежнему осуществляются меньшинством. В любом случае в конечном итоге подавляю-

[3] Примерами элитофобии являются и так называемая «Великая пролетарская культурная революция» в Китае, инспирированная Мао Цзедуном или режим Пол Пота в Камбодже, ответственный за гибель трети населения собственной страны. — *Прим. авт.*

щее большинство соглашается, что успешное функционирование общества, качество жизни людей в значительной мере зависят от деятельности этого правящего меньшинства.

Но беда в том, что слишком часто элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающими этого названия. Подлинная элита — это люди чести и совести, для которых главный приоритет — служение народу, это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию. К сожалению, такой элиты Россия не имела ни до революции (были лишь отдельные периоды, когда в правящих кругах находились люди талантливые и бескорыстные, причем они были скорее исключением, чем правилом), ни после нее. До революции народные массы были отстранены от политики, которая была узурпирована элитой царизма. Это были авторитарные режимы, где народ был не субъектом, а объектом управления. И хотя три российские революции прошли под флагом «власть — народу», народ не получил этой власти. Учредительное собрание было разогнано, а ленинское правительство ставило интересы призрачной «мировой революции» выше интересов российского народа. Репрессивная сталинская диктатура создала ГУЛАГ и другие средства запугивания масс, в том числе идеологические. Крах советского строя не привел к подлинному народоправию. В связи с ролью элит в обществе современная российская действительность заставляет нас обратиться к вопросу: являются ли многочисленные трудности постсоветского периода — беспрецедентный спад экономики за годы ельцинского правления, так называемых «реформ» 90-х годов, приведших к сокращению ВВП почти вдвое (сравним это, например, с реформами в Китае, в результате которых ВВП страны поднялся более чем в 14 раз), внутриполитические и внешнеполитические провалы, неровный, «рваный» политический курс, деградация многих сфер духовной жизни — результатом действия объективных причин, неотвратимых факторов переходного периода от тоталитаризма к демократии, так сказать, платой за искупление тоталитарных грехов? Или же это во многом результат действия субъективных факторов и прежде всего низкого качества правящей элиты? И если справедлива вторая точка зрения (а ясно, что в структуре субъективного фактора огромная роль принадлежит именно этой политической элите), то с необходимостью возникает вопрос: как поднять качество элиты? Правление Путина-Медведева не смогло пресечь разгул коррумпированной «элиты» и должным образом стимулиро-

вать развитие гражданского общества. Для решения вопроса о радикальном улучшении качества элиты обратимся к науке, и прежде всего к той научной дисциплине, которую по праву можно назвать наукой XX и XXI веков — элитологии.

Для учебного пособия по элитологии, представленного вашему вниманию, характерны следующие особенности:

1. Поскольку феномен элиты представляет собой сложный системный объект, для своего изучения он требует системного, комплексного подхода. В отличие от программы университетов западных стран, в которых читаются специальные курсы: «Социология элиты», «Политическая элита», «Теории элиты», то есть лишь отдельные фрагменты этого системного объекта, курс «элитология» отличается целостностью охвата феномена элиты.

2. Предлагается полипарадигмальный подход к элитологии, история элитологии анализируется под углом зрения противостояния элитарного и эгалитарного подходов в интерпретации социально-политического развития общества.

3. Различение предметов политической философии (с ее подчеркиванием нормативных аспектов) и политической социологии (делающей ударение на социальной реальности, порой весьма далекой от нормативности) оказывается эвристическим для решения важнейших дискуссионных вопросов элитологии (например, определения элиты — функционального или ценностного), типологизации рекрутирования элит (открытого или закрытого), элитного образования (опять-таки открытого или закрытого), совместимости элиты и демократии (в нормативном плане наличие элиты, принимающей важнейшие для миллионов людей решения, противоречит демократии как народоправию, но в истории еще на зафиксировано обществ без элиты, и демократическими в политологии обычно называются политсистемы с демократической элитой, открытой для широкой восходящей мобильности, для воздействия широких народных масс на принятие ей стратегических решений).

4. Наконец, в пособии последовательно проводится принцип историзма, дихотомия элита-масса не рассматривается как вечный, неизменный феномен, анализируются различные формы взаимодействия элиты и массы, рассматриваются тенденции и к возрастанию роли народных масс в историческом процессе.

ГЛАВА

1 ЭЛИТОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Предмет элитологии. XX век резко ускорил процесс дифференциации и интеграции наук, передав его как эстафету XXI веку. Причем новые научные дисциплины все чаще формируются не просто как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом смежных, наук (а порой и весьма далеких друг от друга)[1], причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной. Именно такой комплексной научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус, является элитология[2]. Она сформировалась в русле социальной и политической философии, но она интегрировала в себя достижения и методы других, смежных дисциплин. Элитология сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитология — сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. *Это наука об элитах, о высшем слое в системе социально-политической страти-*

---

[1] «Дисциплинарно организованные науки — пишет академик В.С. Степин, — ...ставят проблему синтеза развиваемых в них представлений о мире... Различие междисциплинарных и дисциплинарных исследований состоит в масштабах обобщения... В междисциплинарных исследованиях связываются между собой казалось бы отдельные предметные области» (Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 13).

[2] Впрочем, любая наука в определенном смысле элитарна, и ее развитие — это отбор лучшего из возможных вариантов; история науки в самом общем виде — это выявление и сохранение лучшего (и отбрасывание худшего, не оправдавшего себя). Это лучшее становится достигнутым на определенный момент уровнем развития науки, на котором вновь выявляется, отбирается лучшее, новое, прогрессивное, то есть развитие науки и есть выбор элитного и в известном смысле она — практическое применение законов элитологии (Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. М.; Астрахань, 1999. С. 15).

фикации. Являясь меньшинством общества, этот слой играет огромную, часто решающую, роль в социальном процессе. Особая роль элиты обусловливается важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает это правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это — историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты, и если да, то какими путями и методами, — вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Но в предельно широком смысле элитология выходит за границы только общественных наук, ее можно рассматривать как науку о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, негэнтропийном процессе, структурализации и эволюции. Известно, что движение от хаоса к упорядоченности — содержание процесса развития — включает в себя дифференциацию бытия, с которой неразрывно связана его иерархизация (ключевая проблема для понимания феномена элиты и элитного). Как известно, особенность систем — их устойчивая способность к саморегуляции, предотвращению или минимизации возмущений, поддержание равновесия, гомеостазиса. Общая теория систем имеет предельно широкую область применения. Любую систему можно представить как определенную целостность, состоящую из элементов, находящихся в отношениях, связях друг с другом, составляющих определенное единство; причем можно выявить иерархию этих отношений, их субординацию (каждый элемент системы может рассматриваться как подсистема, то есть система более низкого порядка, как компонент более широкой системы). Несомненна связь элитологии с синергетикой (которую можно рассматривать как пролегомены к элитологии или, точнее как ее метатеорию). Синергетику, в развитие которой огромный вклад сделал И.Р. Пригожин, можно назвать наукой об универсальных закономерностях развития сложных динамических самоорганизующихся систем, причем последние претерпевают резкие изменения состояний в периоды нестабильности. В синергетической парадигме развитие есть смена стабильных состояний системы короткими хаотическими периодами (бифуркациями), обусловливающими переход к последующему стабильному

состоянию, причем выбор носит вероятностный характер и происходит в точках бифуркации. *Именно в эти периоды в социальных системах наиболее вероятны элитогенез, а также смена элит.*

В предельно широком толковании элитология — это своего рода метатеория по отношению к социальной элитологии, которая, собственно, и будет предметом нашего исследования. И последняя не есть экстраполяция на общество элитологии бытия, законов космоса или хотя бы биологической элитологии. Про социальную элитологию мало сказать, что она специфична, она существенно отличается от иерархизации в природе (макро- и микрокосмосе), ибо она — субъектна, ее законы реализуются через активную деятельность людей, законы общества не являются просто продолжением или частным случаем законов природы. Общество, с одной стороны, — часть материального мира, но это такая часть, которая не только отлична от природы, но в известном смысле также и противоположна ей, будучи продуктом деятельности людей.

Но не будем бесконечно расширять предмет элитологии, хотя бы потому, что вследствие этого она потеряет свою специфику. Пожалуй, гораздо точнее будет сказать, что элитология в широком смысле *основывается* на учении о системности бытия (а следовательно, на общей теории систем), его дифференциации и иерархизации, на законах термодинамики (энтропии и негэнтропии), синергетике. Разумеется, указанные области знания сами по себе не раскрывают специфики элитологии, они скорее указывают на те установки и принципы, от которых отталкивается элитология, на которых она основывается. Они в лучшем случае могут быть лишь предварительными замечаниями по поводу того, на какие методологические установки опирается элитология.

Отметим, что иерархичность свойственна не только морфологии определенной системы, но и ее функционированию: отдельные уровни системы ответственны за определенные аспекты ее поведения, функционирование системы как целого является результатом взаимодействия всех ее уровней, причем управление системой в целом осуществляется ее высшим уровнем. Таким образом, в сложных динамических системах можно выделить управляющую и управляемую подсистемы, зафиксировать явление субординации — важнейший момент, объясняющий проблему элиты и элитности. Среди наиболее сложных динамических систем особый интерес представляют биологические и, разумеется, социальные системы, причем последние, собственно, и являются специ-

фическим предметом рассмотрения элитологов. Отметим, что одним из основателей подхода к обществу как к системе, находящейся в состоянии динамического равновесия, был признанный классик элитологии В. Парето. В этой связи хотелось бы отметить также разработку системного подхода в тектологии А.А. Богданова[3] и праксиологии Т. Котарбинского[4], которые особенно плодотворны применительно к пониманию функционирования политико-административной элиты.

Известно, что особенность систем — их способность к саморегуляции, предотвращение или минимизация возмущений, поддержание равновесия, гомеостазиса. Другая особенность систем — их иерархическая структура, в которой качество целого несводимо к свойствам составляющих ее элементов. Система как иерархическая структура, как целостность «задает» программу функционирования ее элементов (причем саморегуляция биологических систем, в частности, популяции, происходит не на уровне особей, составляющих популяцию, а на уровне популяции как целостности, а в обществе — не на уровне индивидов, а на уровне социума, причем выделение элиты — элемент эволюции социальных систем на определенном этапе их развития, направленный на уменьшение энтропии; главное качество элиты — удерживать социальную систему в состоянии равновесия, давать ей импульс к динамическому развитию).

Эволюционное изменение биологической популяции начинается со сдвига в условиях среды и ведет к увеличению частоты и разнообразия генетических и поведенческих отклонений от нормы. Особи, реализующие наиболее жизнеспособные отклонения от нормы, можно назвать элитными. Эти элитные особи выступают как бы разведчиками, а затем и авангардом в развитии популяции, из которых наиболее полезные для популяции «отбираются» этой популяцией через закрепление оптимальных для популяции качеств в потомстве этих особей. Причем нужные для популяции изменения в элитных особях естественный (равно как и искусственный) отбор превращает в массовые (типичные) для популя-

[3] Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 т. М., 1989.

[4] Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975; Его же. Развитие праксиологии // Вестник международного института А.А. Богданова. 2000. № 2. Указанная проблема рассматривается в докторской диссертации Ю.В. Ярмака «Праксио-тектологические основы профессиональной деятельности элиты» (М., 2002).

ции, в норму. Как отмечает видный российский палеонтолог М.А. Шишкин, «в ходе отбора структуры и функции организма вовлекаются в скоординированное изменение, которое распространяется в поколениях вплоть до уровня генома и в итоге превращает аберрацию в новую устойчивую норму»[5].

Теперь сузим предмет элитологии до социальной элитологии[6], которая и есть элитология в собственном смысле слова. Элитологию можно рассматривать как науку об основаниях социальной дифференциации и стратификации, точнее как науку о высшей страте в любой системе социальной стратификации, об ее особых функциях, связанных с управлением системой в целом или тех или иных ее подсистем, с выработкой норм и ценностей, которые служат самоподдержанию системы и ее развитию, ориентируют ее на движение в определенном направлении (на совершенствование системы, на ее прогресс). Поэтому к элитам относятся наиболее динамичные, пассионарные элементы общества (или, если это относится к закрытым обществам, их высшие классы или социальные страты). Таким образом, элита — часть общества, состоящая из наиболее авторитетных, влиятельных людей, которая занимает ведущие позиции в выработке норм и ценностей, определяющих функционирование и развитие социальной системы. Элита является той референтной группой, на ценности которой, считающимися образцовыми, ориентируется общество. Это или носители традиций, скрепляющих, стабилизирующих общество, или в иных социальных ситуациях (обычно кризисных) — наиболее активные, элементы населения, являющиеся инновационными группами. Таким образом, элитология — это наука об элитах и элитном, наука об основаниях дифференциации общества, о критериях этой

---

[5] Шишкин М.А. Биологическая эволюция и природа нравственности // Шишкин Александр Федорович (1902–1977). М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2003. С. 143. Интересны соображения известного российского политолога М.В. Ильина: «Биологической аналогией для человеческого сообщества являются природные «сообщества» в виде экосистем биосоциогенозов... различать можно и нужно не только биологическую и социальную эволюцию, но также эволюцию (инди)видов и ойкосов любых разновидностей от простейших биоценозов до мировой системы государств» (Полис. 2009. № 2. С. 188).

[6] Элитология может выполнять методологические функции по отношению к социальным наукам, выступать как метатеория (например, по отношению к такому важнейшему разделу политэкономии, как теория конкуренции). — *Прим. авт.*

дифференциации, легитимности этой дифференциации, наука, исследующая политическое поведение элиты, систему ее ценностных ориентаций, ее социальные характеристики. Разумеется, она нуждается в разработке соответствующего категориального аппарата, в том числе определения понятий «лучший», «избранный».

Наконец, часто (прежде всего в политологии) об элите говорится в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите. Именно эта составная часть элитологии стала (может быть, без достаточных на это оснований) наиболее важной, распространенной, «прикладной» частью элитологии, хотя это — лишь одна из многих элитологических дисциплин. **В этом узком смысле предметом элитологии (точнее говоря, политической элитологии) является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержание этой власти, легитимизации ее как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.**

В структуру предмета элитологии непременно входит история развития знаний об элитах, то есть история элитологии[7]. В центре предмета элитологии находится исследование ее законов — законов структуры (строение элиты, связь между ее политическим, культурным, военным и др. элементами, которые обычно являются подсистемами элиты как целостной системы), законов функционирования элит, взаимодействия элементов системы, зависимостей между различными ее компонентами, роли, в которой каждый из этих компонентов выступает по отношению к элите как целостному феномену, законов связи и субординации элементов этой системы, наконец, законов развития этой системы, перехода ее с одного уровня на другой, обычно более высокий, к новому типу связей внутри этой системы. Подробнее об этом речь пойдет далее.

[7] Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М., 2003.

Российская школа элитологии. Термин «элитология» — российская новация. Он введен в научный оборот в 80-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках начиная со второй половины 90-х годов, когда был опубликован ряд работ по этой проблематике[8]. Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин «elitology» режет слух людям, для которых английский язык является родным. Не случайно они предпочитают термин «political science» политологии и «cultural studies» — культурологии. Впрочем, мы отнюдь не цепляемся за термин[9]. Как говорится в русской пословице: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

За последние годы автор этой работы посетил более 20 университетов США, Великобритании, ФРГ, во многих их них выступал

---

[8] Отметим следующие работы: Афананасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.; Воронеж, 1996; Ашин Г.К. Современные теории элиты. М., 1985 (в этой книге впервые использован термин «элитология»). Отметим также: Ашин Г.К. Элитология: становление, основные направления. М., 1995; Его же. Основы элитологии. Алматы, 1996; Теоретические основы элитологии образования / Г.К. Ашин [и др.]. М., 1998; Ашин Г.К., Охотский Е.В. Курс элитологии. М., 1999; Основы политической элитологии / Г.К. Ашин [и др.]. М., 1999; Ашин Г.К. Элитология: учеб. пособие для гуманитарных вузов. М., 2005; Его же. Мировое элитное образование. М., 2008; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. М., 1998; Понеделков А.В. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д., 1995; Его же. Политико-административные элиты России. Ростов н/Д., 2005; Карабущенко П.Л. Элитология Платона. Астрахань,1998; Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2003; Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Власть, государство и элиты в современном обществе / под ред. А.В. Дуки, В.П. Мохова. Пермь, 2005; Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / отв. ред. А.В. Дука. СПб., 2001; Властные элиты и номенклатура. Аннотированная библиография российских изданий 1990–2000 гг. / под ред. А.В. Дуки. СПб., 2001 (в книге приводится аннотированный список из 460 изданий по этой проблематике); Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д., 2004.

[9] Во всяком случае, автор хотел бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж. Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. у он использовал термин «elitology». — *Прим. авт.*

с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: «Социология элиты» на социологических факультетах и «Политические элиты» — на политологических. Приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит — лишь часть элитологии, пусть весьма важная. В самом деле, разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования — элиту — как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного настаивает элитология, в частности российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология», его значения нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие, — всего лишь момент, пусть даже узловой момент, определенной концепции. Элитология — наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо от того, является ли он апологетом, певцом элиты или же критиком общества, нуждающегося в элите для своего управления и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине. Характерны и небезынтересны возражения западных коллег против самого термина «элитология» и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: «Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней — латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности». Я отвечал, что с этим аргументом можно согласиться, что я с большим удовольствием ввел бы термин «аристология», где оба корня были бы греческими, что гре-

ческое «aristos» представляется мне более предпочтительным, чем имеющее латинский корень «элита». Но все дело в том, что термин «элита», введенный в научный оборот В. Парето, является устоявшимся, прочно утвердившимся в науке, а термин «аристология» внес бы еще бóльшую путаницу в и без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал: «Плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин», и призвал опереться на слова знаменитого средневекового схоласта У. Оккама о том, что «не следует умножать сущности». Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью: философ говорил о том, что «не следует умножать сущности без особой на то надобности». А тут именно тот случай, когда существует «особая надобность». Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от неквалифицированных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющих своим предметом ту или иную элиту, тот или иной аспект исследования элит. Курс «Теории элит» обычно носит лишь историко-политологический характер. Весьма интересный курс «Элитизм», читаемый Л. Филдом и Дж. Хигли (вышла книга с таким же названием[10]), анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может претендовать на целостный анализ элитологии). Не могут нас удовлетворить и элитаристские концепции в духе Ф. Ницше и Х. Ортеги-и-Гассета хотя бы потому, что все они безоговорочно принимают дихотомию элита-масса как аксиому, как норматив цивилизованного общества, игнорируя возможность изучения и интерпретации феномена элиты исследователями, исходящими из эгалитарной парадигмы и считающими наличие элиты вызовом демократии, оставляя в стороне возражения против увековечивания этого деления как неисторического подхода к самому факту существования элиты.

Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс «Политическая элита». Нужно отметить, что подавляющее большинство современных исследователей при-

[10] Field L., Higley J. Elitism. L.; Boston, 1980.

знают плюрализм элит (политической, экономической, религиозной, культурной и т.д.). Но если в каком-либо контексте понятие «элита» используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите. Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты (что, по нашему мнению, скорее плохо, чем хорошо, ибо по умолчанию предполагает примат политической элиты). Нам же представляется более справедливым, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Христу, Канту, Эйнштейну.

Если отвлечься от узкой, односторонней, можно сказать, несколько обывательской трактовки элиты как группы политических лидеров, то ее можно трактовать как авангард любой социальной общности, будь то человечество, страна, нация (вплоть до малой группы), ее наиболее активная часть — это творцы культурных норм, зачинатели социальных преобразований, те, кто выполняют роль разведчиков социума. Между прочим, сказанное относится не только к элите человечества, но и в известной мере к элитам биологических популяций. Один из крупнейших российских психофизиологов П.В. Симонов, исследуя популяцию крыс (которых он считал одними из наиболее умных представителей животного мира), выяснил, что в этой популяции можно выделить различные группы — одну, составляющую абсолютное большинство (назовем ее консервативной группой), а также небольшую, наиболее активную, группу новаторов, наиболее любознательных особей. Эксперимент состоял в том, что в определенном ограниченном пространстве (хотя оно и имело выход наружу) крысы получали достаточное количество пищи и других «крысиных благ» и наиболее простым и безопасным способом их жизнедеятельности было не выходить наружу — «в чистое поле», где невозможно было укрыться от врагов (а среди них были хищные птицы). В данной ситуации большинство наружу не выходило. Но в популяции был и определенный процент особей, достаточно любопытных, обуреваемых жаждой знаний, чтобы «рискнуть», разведать новое пространство

и постараться освоить его. Это и были элитные особи, объективно действовавшие для популяции.

Пожалуй, ближе всего к предмету элитологии подходит предмет социологии элиты. Однако и предмет социологии элиты существенно уже, чем предмет элитологии. Социология элиты не исчерпывает все богатство содержания элитологии. На заседании Ученого совета Института социологии РАН один из его членов, критикуя термин «элитология», сказал по этому поводу, что в социологии большое количество терминов и при желании можно к каждому из них добавить слово «логия», создав подобным образом множество новых наук. Думается, что в такой постановке вопроса можно разглядеть своего рода «социологический экспансионизм», уверенность в том, что все социальные проблемы можно разрешить в рамках социологии. Не является ли такой подход проявлением своего рода «детской болезни» сравнительно молодой науки, стремящейся «отвоевать» себе как можно большее пространство. Но ведь элитологические проблемы решали не одно тысячелетие лучшие умы человечества, начиная с Конфуция и Платона, тогда как социология существует лишь около двух столетий. Не следует абсолютизировать и социологические методы исследования: в элитологии они дополняются философскими, политологическими, культурологическими, психологическими. Социологический подход к выявлению элиты был предложен одним из основоположников и классиков элитологии конца XIX – начала XX века В. Парето. В различных сферах человеческой деятельности он выделял людей, осуществляющих эту деятельность наиболее успешно (им он ставил индекс 10. Допустим, по критерию богатства следует поставить десятку миллиардерам, единицу — тому, кто едва держится на поверхности, зарезервировав 0 для нищего, бомжа (хотя, строго говоря, по Парето, всегда существует иерархизация, а следовательно, элита нищих, бомжей и т.д.). Но можно ли использовать указанный критерий при определении, допустим, культурной элиты? Какой индекс мы присвоим Ван Гогу или Вермееру — гениям живописи, не оцененными по достоинству современниками, или И.С. Баху, гениальность которого в полной мере была оценена только его благодарными потомками? Очевидно, понадобятся специфически культурологические критерии. Социология элиты — важнейшая часть элитологии, но это все же только ее часть. Поэтому системный подход, предлагаемый российской элитологией, представляется нам более перспективным.

Российская школа элитологии сложилась в последние два десятилетия XX века. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной идеологией, элита — атрибут антагонистического общества, и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты — привилегированного слоя в виде прежде всего верхушки партийно-советской бюрократии — было секретом Полишинеля). Исторически элитологическая проблематика вошла в советскую науку с «черного хода» — через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (разумеется, сам этот термин — такая же бессмыслица, как «буржуазная физика» или «буржуазная биология»).

И не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию. Уж слишком натерпелась она от правления неквалифицированной, авторитарной (а тем более тоталитарной), часто коррумпированной политической элиты. А это вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая сформулировала бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленных такими выдающими деятелями науки и культуры, как Н.А. Бердяев, М.Я. Острогорский, П.А. Сорокин, И.А. Ильин, Г.П. Федотов, внесших неоценимый вклад в развитие элитологии. А во второй половине XX века к ним присоединились А. Авторханов, М. Восленский и др.

Российская школа элитологии бурно развивается в последнее десятилетие; ее представители опубликовали более сорока монографий, тысячи статей по важнейшим аспектам элитологии. Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, О.В. Гаман, О.В. Крыштановская,

Е.В. Охотский А.Е. Чирикова, Н.В. Лапина и др., ростовские элитологи А.В. Понеделков, В.Г. Игнатов, С.Е. Кислицин А.М. Старостин, петербуржцы А.В. Дука, В.Я. Гельман, астраханцы П.Л. Карабущенко, Н.Б Карабущенко, пермяк В.П. Мохов, М.Х. Фарукшин (Казань), А.К. Магомедов (Ульяновск), элитологи Екатеринбурга, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России впервые в мире стали выходить элитологические журналы — «Элитологические исследования» (теоретический журнал, ныне выходяший в электронном виде), «Российская элита» (иллюстрированное популярное издание), «Элитное образование». Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по истории элитологии, элитологической регионалистике (где мы вышли на одно из первых мест в мире, если не на первое), по ряду общетеоретических проблем элитологии[11].

А как велико знание населения о российских элитах? Результаты социологических исследований в Северо-Кавказском регионе показывают, что населению более всего знакома деятельность представителей административно-политической элиты, о которой, не смолкая, информируют федеральные и местные СМИ. Если у самого населения надежды на то, что к его запросам будут прислушиваться еще не умерли (на это надеется около 41% опрошенных), то для экспертов более существенны «лояльные режиму» 20% и особенно то, что 18% ответов на вопрос, какое качество элиты ценит население, содержало ответ: профессионализм или те-

[11] «В настоящее время российская элитология является одной из ведущих в мире. Это не просто набор каких-то отдельных теорий или концепций, а единая наука с общей методологической основой. За последние 20 лет число элитологов в России увеличилось на два порядка. При этом «среди них нет отчуждения, а, напротив, обнаруживается тенденция к консолидации научной деятельности» (П.Л. Карабущенко). «Я высоко оцениваю современные российские элитологические исследования. Считаю, что их уровень вполне соответствует западному, а иногда даже превосходит его» (А.Е. Чирикова). Тем не менее возникает вопрос: насколько отрефлектированы и выражены претензии современной отечественной элитологии на парадигмальный статус? Следует подчеркнуть, что данный статус требует и методологического подтверждения — наличия достаточно ясных фундаментально-теоретических подходов и возможностей их операционализации (см.: Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д., 2008. С. 16–18).

траду «профессионализм-образованность — высокая нравственность, патриотизм».

Элитологический тезаурус. Как всякая становящаяся наука, элитология нуждается в осмыслении и уточнении своего понятийного аппарата, разработке общей теории и методологии, перевода теоретических понятий на операциональный уровень, разворота эмпирических исследований элит, сравнительных элитологических исследований.

Начнем с различения таких понятий, (которые до сих пор смешиваются), как элитология, элитизм, элитаризм. Смешение этих терминов — прежде всего результат того, что элитология зарождалась как элитаризм, ибо ее теоретики были выразителями интересов тех слоев населения, из которых и рекрутировались члены элиты и которые выступали идеологами (и тем самым апологетами) этих слоев.

Элитаризм — это концепция, исходящая из того, что разделение общества на элиту и массу — норматив социальной структуры, атрибут цивилизации (отсутствие такого разделения — признак дикости, неразвитости общества). Чем более аристократично общество, тем выше оно как общество (Ф. Ницше). Элита в этом понимании — страта, являющаяся в большей или меньшей степени закрытой, члены которой не приемлют или презирают нуворишей. Таким образом, элитаризм — аристократическое и глубоко консервативное мировоззрение. Соответственно, сочинения его сторонников — рефлексия по поводу той самой высшей социальной страты, к которой они относятся или на ценности которой ориентируются.

Элитизм — явление, близкое к элитаризму, но не тождественное ему понятие. Принимая в качестве исходного постулата ту же дихотомию элита-масса, его сторонники, однако, не относятся к массе с откровенным презрением (что характерно для таких элитаристов, как Ф. Ницше), они более либеральны, они могут с уважением относиться к массе и признавать ее права на место «под солнцем». Во всяком случае в их понимании элита не должна быть закрытой стратой общества, а, напротив, должны быть открытой для наиболее способных выходцев из неэлитных слоев, в том числе и из социальных низов. Обычно они признают законным и даже желательным высокий уровень социальной мобильности. Любое общество подвержено социальному расслоению, которое вы-

звано неравным распределением способностей; в конкурентной борьбе за элитные посты побеждают функционально более подготовленные к управленческой деятельности. Для элитистов характерен меритократический подход к элите (впрочем, такой подход отнюдь не является монополией элитистов, он присущ как ряду умеренных элитаристов, так и умеренных эгалитаристов).

Наконец, элитология — наиболее широкое понятие, объединяющее всех исследователей элиты независимо от их методологических установок и ценностных предпочтений, включая и сторонников эгалитарной парадигмы, для которой наличие элиты — вызов фундаментальной ценности общества — равенству. Среди эгалитаристов есть сторонники грубой уравнительности вплоть до полного имущественного равенства, эгалитаристы, для которых невыносимо, чтобы среди «равных» находились такие люди, которые, по выражению Дж. Оруэлла, «более равны, чем другие» (радикальные эгалитаристы). Но значительно большее число эгалитаристов выступают как борцы за «справедливость», под которой они обычно понимают более адекватную систему социального неравенства, обосновывают допустимость определенной степени неравенства в соответствии со способностями и, главное, заслугами людей, их вкладом в развитие общества, то есть демонстрируют элементы меритократического подхода (умеренные эгалитаристы).

Большинство исследователей элиты исходят из того, что элита является определяющей силой исторического (в том числе политического) процесса, его субъектом. Такой подход таит в себе достаточно произвольное постулирование. Чтобы избежать смешения различных трактовок элиты и ее роли в развитии общества, мы и вводим различение таких понятий, как элитология, элитаризм, элитизм. Первое — более широкое понятие, чем второе и третье. Разумеется, все элитаристы и элитисты являются элитологами, но не все элитологи являются либо элитаристами, либо элитистами. Подобное различение помогает нам, в частности, избежать распространенной ошибки, особенно свойственной американским политологам, относящих выдающегося американского социолога Р. Миллса к элитаристам на том формальном основании, что он использовал дихотомию элита-масса для анализа политической системы США. Миллс не считал наличие властвующей элиты ни идеалом, ни нормой политической системы, справедливо полагая, что сосредоточение власти в руках этой элиты является свидетельством недемократичности этой политической системы. Таким

образом, являясь, несомненно, элитологом, причем выдающимся элитологом, Миллс не был ни элитистом, ни тем более элитаристом. Элитистская парадигма (объединяющая элитистов и элитаристов), включает тех социологов и политологов, которые, как Л. Филд и Дж. Хигли, считают выделение элиты как субъекта социального управления и ее привилегированное положение законом общественного процесса, его нормативом. Но ведь элитолог, исследующий реально существующую элиту, может критически относиться к самому факту существования этого социального слоя, считая его угрозой для демократии (даже альтернативой демократии); его идеалом социальной организации может быть самоуправляющее общество, общество без элиты или же (что, в сущности, одно и то же) общество, все члены которого возвысятся до уровня элиты, будут реальным субъектом, творцами исторического процесса. Что же касается элитаристов и элитистов, то они считают подобные взгляды разновидностью социальной утопии, и наличие элиты для них — имманентный элемент цивилизованных обществ.

В последние годы возрос интерес к элитистской парадигме — прежде всего в политологии (причем эта парадигма рассматривается обычно в соотношении с эгалитаристской, плюралистической и иными парадигмами). Именно эту проблематику — противостояние и смену различных парадигм в политологии с упором на элитистскую парадигму — и исследуют упомянутые выше Филд и Хигли. Вот схема, рисуемая ими. В первой четверти XX века возникает элитистская парадигма (этим термином они объединяют элитизм и элитаризм) и вытесняет эгалитаристскую парадигму, бросает вызов либеральной и марксистской парадигмам. При этом признается, что основатели элитизма не были полностью враждебны либеральной системе западных ценностей и основного противника видели в марксисткой парадигме. Во второй и третьей четверти XX столетия наступает спад, стагнация элитистской парадигмы[12], и интерес к ней вновь возрастает в четвертой четверти столетия. Думается, что эта схема не совсем корректна: она не вполне учитывает, в частности, тот взрыв интереса к элитистской парадигме в 50-х годах, который был вызван книгами Р. Миллса «Властвующая элита» и Ф. Хантера «Верховное лидерство в США», вызвавшими острую полемику в американской и западноевропей-

[12] Field L., Higley J. Elitism. L., 1980. P. 4, 117–130.

ской политологии, направленную в целом на дискредитацию леворадикальной концепции Миллса и его последователей и защиту плюралистической парадигмы. Эта схема к тому же не принимает во внимание консервативную и аристократическую парадигму, пришедшую в XX век из века XIX. Короче говоря, эта схема сильно упрощает ситуацию, сложившуюся в XX веке. Положение Филда и Хигли о возрастании роли и значения элитистской парадигмы в третьей четверти XX века и далее в начале XXI века также оспаривается многими политологами и социологами. Впрочем, у них не меньшее число сторонников. К. Лэш пишет о «восстании элит» в Америке[13], Дж. Девлин — о революции элит в постсоветской России; близкую позицию занимают Д. Лейн, К. Росс, У. Циммерман[14]. В пользу схемы Филда и Хигли говорит, в частности, возрастание влияния «неоэлитистов» Т. Дая, Х. Зайглера и др. (в том числе самого Дж Хигли) в американской политологии).

Возрастание элитистских концепций в современной политологии отражает прежде всего возрастание роли элит в современном политическом процессе. Известный российский элитолог О.В. Гаман справедливо отмечает существенное возрастание влияния власти национальных и транснациональных элит по отношению к массовым группам. Пиком элитаризма она считает период после Второй мировой войны, и в частности период правления Дж. Буша-старшего[15].

А подтверждается ли схема Филда и Хигли на примере российской политологии? В определенной мере да. Ряд российских политологов пишет о радикальном повороте российской политологии и социологии от эгалитаритской, антиэлитистской парадигмы, безусловно превалировавшей в советский период, к элитистской парадигме. Но в России в конце XX века сложилась особая, уникальная политическая ситуация. И вряд ли на примере россий-

---

[13] Книга К. Лэша «Восстание элит...» (Lash C. The Revolt of Elites... N.Y.; L., 1995) явно противопоставлена знаменитой книге Х. Ортеги-и-Гассета «Восстание масс».

[14] Devline J. The Rise of the Russian Democracy. The Causes and Consequences of the Elite Revolution. N.Y., Oxford, 1995; Lane D., Ross C. The Transition from Communism to Capitalism. Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin. N.Y., 1999; Zimmerman W. Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives 1993–2000. N.Y., 2002.

[15] Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт // Полис. 2008. № 6. С. 68–69.

ских общественных наук можно проиллюстрировать мировую тенденцию роста влияния элитарной парадигмы. В России несомненный рост влияния элитистской парадигмы, на наш взгляд, не является результатом естественной эволюции научных взглядов, это скорее результат действия политических причин, это реакция на цензурные, идеологические гонения на элитизм, осуществлявшиеся в советские годы и десятилетия. Известно, что пружина, которая сжимается внешними силами, стремится распрямиться, стремится к колебательному движению в противоположную сторону.

И в России действительно состоялся поворот от эгалитаризма советского типа, эгалитаризма в большой мере фарисейского, отрицавшего наличие в СССР тоталитарной элиты, наделенной институциональными привилегиями, и скрывавшего действительное неравенство правящей элиты и народных масс, иначе говоря, псевдоэгалитаризма, пропагандировавшегося апологетами однопартийной системы, к элитистской парадигме. Этот поворот часто интерпретируется как часть общего поворота от тоталитаризма к демократии.

Думается, однако, что тут слишком много моментов, отражающих специфику именно российской ситуации конца XX века, чтобы можно было считать российский поворот к элитистской парадигме этого периода подтверждением правоты гипотезы Филда и Хигли об общемировой смене парадигм в политологии. В науке переход от одной парадигмы к другой[16] — результат последовательного накопления фактов и данных, не укладывающихся в общепринятую научным сообществом парадигму, и в результате накопление количественных изменений ведет к смене парадигм (что тождественно революциям в науке). В российской ситуации конца XX века все происходило иначе. Во-первых, настораживает факт одномоментности и почти полного единодушия российских политологов при переходе от одной парадигмы к другой. Этот переход напоминает скорее не естественный процесс развития науки, а результат некоторой команды сверху (скорее, упреждение этой команды, готовность угадать и исполнить волю «нового начальства»). Это напоминает существовавшую в военно-морском флоте команду, когда эскадре кораблей, идущим в кильватер, адмирал командует «Право (лево) руля!» и добавляет: «Все вдруг!» Когда

[16] Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

такой поворот имеет место в науке, это отнюдь не свидетельствует об атмосфере в ней свободы и демократии. Слишком уж это похоже на тоталитарные времена, когда «вся советская биология» дружно начинала бороться в менделизмом-морганизмом или все науки в стране — от математики до философии — боролись против кибернетики. Или когда лояльные нацистской Германии физики «опровергали» теорию относительности, созданную «неарийцем» Эйнштейном. Так, может быть, учитывая исторический опыт, будет уместно предположить, что суждение о смене парадигм — определенное упрощение процесса развития современного российского сознания, может быть, подобный поворот — очередное шараханье из одной крайности в другую, столь характерное, к сожалению, для российской жизни в последнее столетие; может быть, такое резкое движение небезопасно, будучи движением между Сциллой эгалитаритзма и Харибдой элитизма. Так, может быть, реальное движение политической мысли протекает между этими двумя крайностями, в их борьбе и вместе с тем в их взаимопроникновении при взаимном учете этих противоположностей. Человечество не одно столетие мучительно ищет равновесия между федерализмом и унитаризмом, между административно-правовым и гражданско-правовым пространствами, между элитизмом и эгалитаризмом, ищет пути создания устойчивой ненасильственной гражданской власти, построения гражданского общества.

Сказанное выше всего лишь в лучшем случае начало элитологического тезауруса, который мы будем пытаться дополнить и другими терминами, углубляющими и расширяющими элитологическую проблематику. Это будет прежде всего относиться к самому термину «элита», его соотношению с такими терминами, как правящий класс, правящая группа, правящая клика, правящий клан и т.д.

Структура элитологии. Элитология имеет сложную структуру. Она включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политическую элитологию, историю элитологии, элитологическую психологию (в том числе мотивацию власти, психологические особенности элитного слоя), культурологическую элитологию (элита как творческая часть общества, создающая культурные ценности, анализ элитарной и массовой культуры), сравнительную элитологию, исследующую общие закономерности и особен-

ности функционирования элит в разных цивилизациях, разных странах, разных регионах мира, элитное образование и элитопедагогику. Разумеется, этот список элитологических дисциплин далеко не полон. Интересную классификацию элитологических дисциплин предлагает П.Л. Карабущенко. Помимо теоретической элитологии он выделяет практическую и прикладную элитологию[17].

Философская элитология[18] представляет собой наиболее высокий уровень обобщения в элитологии. Она, в свою очередь, обладает сложной структурой. В ней можно выделить элитологическую онтологию, элитологическую гносеологию (включающую древнее тайноведение, эзотерическую гносеологию), элитологическую философскую антропологию, элитологический персонализм.

Онтологическая элитология выявляет неоднородность, дифференциацию, иерархичность бытия. На этом уровне наиболее широко ставится проблема элитности и элитного. Отметим, что проблемы неоднородности и иерархизации бытия были в центре внимания античной (Пифагор, Гераклит, Сократ, Платон) и средневековой философии (Августин Блаженный, Фома Аквинский)[19], они обсуждались в философии Нового времени, в фило-

---

[17] Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. М.; Астрахань, 1999. С. 21–26.

[18] Ашин Г.К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. 2004. № 7.

[19] Разумеется, то, что мы подчеркиваем важность проблем иерархизации, отнюдь не означает, что мы — ее сторонники, тем более в форме ее религиозной интерпретации отцами церкви. На наш взгляд, каноническая концепция иерархии: Бог– святые – ангелы – люди (см., напр., «Сумму теологии» Фомы Аквината) — всего лишь экстраполяция на сферу божественного привычных человеческих представлений об иерархии: царь (пусть Царь Небесный) – министры – губернаторы и т.д., в ней много антропоморфного. Например, представлений о том, что Богу нужны помощники — Архангелы и др. — для его благих дел. Но если Бог всемогущ и всеведущ, нужны ли ему помощники? Да и нужны ли посредники между Богом и человеком в виде религиозного чиновничества — церкви как института? Читатель может сказать — все это не имеет отношения к исследуемой проблеме. Да, прямого отношения. Мы не апологетизируем иерархию и не отрицаем ее (хотя не всегда рассматриваем ее со знаком плюс). Мы только хотим сказать, что проблема иерархии — проблема, которая требует осмысления этого феномена в элитологии. — *Прим. авт.*

софии XX века (Н.А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет)[20]. Но главное, наиболее интересное в проблеме иерархизации общества — что лежит в ее основе — это происхождение («элита крови»), капитал («элита богатства»), признание, связи — то, что входит в понятие «предписанный статус», или иерархия личностных качеств, степень овладения человеком богатствами культуры, накопленной человечеством, личные достоинства, таланты, трудолюбие. Ортега считал основой элитизации индивидуума личностные качества. Элита для него — не те, кто считает себя выше всех, а те, кто относится к себе требовательнее, чем к другим, это элита ответственности. Элиту он видел не в высшем классе (для него деление на элиту и массу существует в каждом классе, в том числе и в группах, стоящих наверху социально-политической иерархии, включая группы интеллектуалов, где часто большинство составляют псевдоинтеллектуалы). Он возмущен, что слово «благородство» подвергается «безжалостному искажению» и большинство понимает его как наследственную, кровную аристократию.

Процесс развития включает в себя дифференциацию и иерархизацию бытия, а с ней и выделение элитного. Особенно это относится к развитию сложных динамических систем, которое всегда сопровождается их усложнением (и специализацией в органических и социальных системах), ростом внутренней дифференциации и иерархизации. Данная проблематика давно уже стала общенаучной. Она входит, повторяем, в предмет теоретической биологии. Развитие органических популяций сопровождается ростом их внутренней дифференциации, усложнением, иерархизацией; рост внутренних различий ведет к выделению наиболее совершенных особей, качества и свойства которых отвечают тенденциям системы (популяции) к ее развитию. Эти более совершенные особи

[20] Отметим, что проблема иерархизации отступает на задний план, теряется в постмодернизме, ставящем под сомнение иерархии, категории верха и низа, приписывая каждому знаку множество значений, признавая равенство всех ценностей и законность любого равенства (в том числе между элитарной и массовой культурами), утверждает мультикультурализм в политике. Бывший министр высшего образования в правительстве М. Тэтчер Дж. Уолден критикует «ультрадемократию» за «освобождение от иерархии» (Walden G. The New Elites. L.; N.Y., 2000. P. 44). Впрочем, в современной литературе встречаются и исключения (может быть, подтверждающие правило), такие как публикация результатов исследования о происхождении иерархии статусов в Американском журнале социологии (American Journal of Sociology. Vol. 107. № 5. March, 2000).

и можно назвать элитными в системе популяции. Элитные элементы являются ведущим фактором в процессе естественного и искусственного отбора. В сущности, вся биологическая эволюция — в соответствии с учением Дарвина — есть элитология живого, выявление лучших (наиболее приспособленных к условиям своего существавния) особей, вымирание менее приспособленных, превращение элитного в норму, выявление в популяции новой элиты (т.е. элиты элит) и т.д. по спирали. Проблемой элитности занимается и социобиология, и евгеника. Известно, что Платон, экстраполируя процессы искусственного отбора на общество, явился теоретическим отцом евгеники, которое как целостное учение было сформулировано во второй половине XIX века Ф. Гальтоном. И не важно, что автор настоящей работы не разделяет идеи евгеники. Важно то, что биология обращается к элитологической проблематике.

Элитологическая гносеология. Начнем с того, что в этой проблеме особенно явственно обнаруживается различие между элитарным, отличающемся закрытостью, и элитностью. Элитарная гносеология — это эзотерическая теория познания для «избранных», посвященных, обладающих «божьим даром», обычно с упором на оккультное знание, на интуицию и «озарение». В период разложения первобытно-общинного строя и зарождения классового общества его стратификация основывалась не только на принадлежности к родовой аристократии, но и на приобщении к сакральным знаниям и таинствам, носителями которых была главным образом жреческая каста. Эти тайные знания составляли символический капитал протоэлиты, легитимизировали ее претензии на привилегированное положение в обществе. Элитарные эзотерические знания разрабатывалась более трех тысячелетий — от брахманов, индуистов, первых философских школ древней Индии и древнего Китая (включая даосистов), «тайноведения», разрабатывавшегося досократиками, иерархической «теории совершенства» Пифагора, платоновской концепции элитарного сознания (состояния умов, которые наиболее приблизились к миру идей), «эйдетического зрения»[21]. На пороге Нового времени элитарная эзотерическая гносеология развивалась теософией — мистическим богопознанием, раскрывающимся «избранным». Мейстер Экхарт

[21] Карабущенко П.Л. Элитология Платона. Астрахань, 1998. С. 184.

(1575–1624) ставил задачу уяснения божественной премудрости, символически зашифрованной, познания самооткровения Бога. Для шведского мистика Э. Сведенборга (1688–1772) задача избранных мыслителей — постижение подлинных символов Слова Божия, прежде всего «Пятикнижия», выявление символического соответствия между земным и «потусторонним». В XIX веке традицию теософии развивала Е.П. Блаватская (1831–1891) со своими последователями. Она стремилась к синтезу религии, философии, оккультизма, опиралась на традиции брахманизма, учения индуизма о карме, стремилась установить тождественность всех религиозных смыслов, создать универсальную религию, ставя задачу достижения оккультного знания и сверхъестественных способностей, носителями которых являются «посвященные», овладевшие тайнами эзотерического знания. Развитию спекулятивного мистицизма в традициях теософии посвятил свои труды Р. Штайнер (1861–1925) — основатель антропософии. Этой мистической, ориентированной на оккультизм, эзотерической теории познания можно противопоставить научную гносеологию, (которую в этом плане можно назвать элитной в смысле ее глубины, критического характера и открытости для критики), классическую теорию познания, оплодотворенную гением И. Канта.

Элитологическая философская антропология и элитологический персонализм — традиция, идущая от Конфуция, Пифагора, Платона к Н.А. Бердяеву М. Шелеру и Э. Мунье, обращающаяся к комплексному изучению проблем человека, уделяющая особое внимание вопросу о самосовершенствовании личности, восходящей по ступеням совершенства до уровня элитности. Антропологическая элитология — одно из направлений развития элитологии, ориентированное на раскрытие роли активных (пассионарных) групп в социально-политическом процессе, выявление аксиологического аспекта элитологии. Оно подчеркивает роль элиты как создателя образцов поведения, возвышения, обогащения человеческих потребностей[22]. Элитизация личности стоит в центре ряда направлений религиозной философии начиная с буддизма (проблема «просветленной» личности). Философская антропология ищет ответ на вопрос о том, что есть человек, в чем его сущность, целостность. Модус человеческого существования есть возмож-

[22] Карабущенко П.Л. Антропологическая элитология. М.; Астрахань, 1999.

ность; человек — это проект (М. Хайдеггер), человек есть то, что он творит (А. Камю). Отсюда — его путь к самосовершенствованию, возможность выйти за свои пределы, возвыситься над ними (элитизация личности). Для М. Шелера образование ценно постольку, поскольку оно служит духовному становлению личности, пробуждению его духовности. Философскую антропологию можно рассматривать как выявление предельных значений, в которых может быть описана человеческая природа (равным образом может быть и поставлен вопрос об отсутствии этой фиксированной природы, то есть понимание ее как пластичности), возможности выхода за эти пределы (что и может пониматься как феномен элитизации личности).

Персонализм исходит из близких посылок: личность — высший смысл цивилизации. Персонализм Н. Бердяева называют «эсхатологическим», но его можно по праву назвать и элитологическим персонализмом: личность — подобие Бога, она приобретает черты богоподобия в процессе творчества, тем самым реализуя свое призвание. Бердяев утверждал, что важнейшая характеристика человека в том, что он не удовлетворен собой, стремится к преодолению своей ограниченности, к сверхчеловечности, к идеалу. Персонализм стремится создать педагогику, целью которой является пробуждение и развитие личностных начал в человеке, стимулирование самовозвышения личности, ее элитизаци, т.е. элитопедагогику. В фокусе ее внимания не просто личность, но яркая личность, субъкт творческой деятельности, инновационная личность.

Социально-философская элитология нацелена на поиск нормативного подхода к элите, который, пожалуй, наиболее соответствует этимологии термина «элита», требующего, чтобы к элите относились наиболее творческие, выдающиеся по своим моральным и интеллектуальным качествам люди. К этому подходу близка меритократическая концепция, исходящая из того, что подлинная элита — это не просто те, кто волей рождения или случая оказался «наверху», но элита заслуг, элита ума, образованности, интеллектуального и морального превосходства, эрудиции, творческого потенциала.

Нет сомнения в том, что важное, можно сказать, даже центральное место в элитологии принадлежит *социологии элиты* (при этом напомним еще раз, что предмет элитологии шире, чем предмет

социологии элиты, они соотносятся как целое и часть). В отличие от социально-философского подхода, ориентированного преимущественно на нормативность, социология элиты делает упор на исследование реальных элит. Известно, сколь важное значение в социологии уделяется анализу социальной структуры и социальной мобильности (групповой и индивидуальной), причем особый интерес вызывает восходящая мобильность (прежде всего в элиту), изучение механизмов рекрутирования элиты. Для социологии характерен взгляд на элиту как на референтную группу, на ценности которой ориентируется общество. Отвлекаясь по возможности от морализаторских оценок, она выявляет элиту в обществе и в различных социальных группах по таким критериям, как имущественное положение, статус, место во властных отношениях. Упор обычно делается в традициях М. Вебера на статусный подход, связанный с притязаниями на престиж и привилегии, с распределением символического почета. Особый интерес для элитологии в этой связи имеет проблема предписанного статуса, связанного с унаследованными факторами, с социальным происхождением, расовой и национальной принадлежностью, и статуса, основанного на личных достижениях. Первый играет определяющую роль в обществах с закрытой элитой, второй — с открытой. Среди социологических методов исследования элит важнейшее место занимает метод эмпирических исследований. В социологии широко применяется статистический метод выявления элиты, предложенный В. Парето.

Признавая важную роль социологии элиты в структуре элитологии, мы хотели бы вместе с тем возразить ряду социологов, которые считают, что элитология как самостоятельная дисциплина не нужна, так как, по их мнению, социология элиты покрывает элитологическую проблематику. Претендуя на решение всех проблем элитологии в рамках социологии, они демонстрируют таким образом своего рода «социологический экспансионизм». Будучи относительно молодой наукой (по сравнению с философией, историей), социология вынуждена была, выявляя свой объект и предмет исследования, «отвоевывать» себе территорию у других, уже сложившихся ранее дисциплин. Подобный «экспансионизм» социологии можно рассматривать как «детскую болезнь» развивающейся дисциплины. То, что существует и плодотворно развивается социология элиты, вовсе не означает, что элитология не нужна, подобно тому, как наличие социологии культуры не отрицает и не

подменяет культурологию[23], равно как и наличие социологии политики не отменяет и не подменяет политологию.

Как показывает науковедческая статистика, из всех разделов элитологии наибольшее число исследователей привлекает политическая элитология. Внимание к этой проблематике — ответ на широкий общественный интерес к ней, на социальный заказ, на потребность понять, кто является основным субъектом политики — народные массы или же узкая элитная группа, понять, кто стоит за важнейшими стратегическими решениями, влияющими на судьбы миллионов людей, на вопросы войны и мира, кто эти люди, по праву ли они занимают свои позиции, насколько квалифицированно они решают политические проблемы. Используя данные политической социологии, политическая элитология исследует социальную принадлежность и происхождение членов политической элиты, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности, ценностные ориентации, основные типы политической элиты (кастовые, сословные, классовые, номенклатурные, меритократические), группировки, кланы внутри элиты, вопросы формирования и смены элит, анализирует оппозиционные парадигмы: элитизм и эгалитаризм, элитизм и плюрализм, элитизм и демократия. Особый интерес вызывают компаративные исследования различных типов элит, анализ отношений политических элит и народных масс, возможности оптимизации этих отношений, проблемы политического лидерства. Значительной, причем растущей, отраслью политической элитологии является исследование региональных политико-административных элит в различных странах мира (отметим в этой связи, что только в постсоветской России по этой проблематике проведено более ста исследований).

Мы отметили только некоторые области элитологии. Нельзя не отметить такие важные разделы элитологии, как исследование экономических, культурных, религиозных, военных элит. Поскольку практически каждая сфера человеческой деятельности имеет свою элиту, если мы попытаемся даже только перечислить различные элиты, это нам не удастся, мы уйдем в бесконечность. Значит, предмет элитологии будет постоянно расширяться. На важно лишь подчеркнуть, что каждый из разделов элитологии является структурным элементом исследования элиты как целост-

[23] Kemple T. Theory, Culture and Society. L.; Los Ang., 2007.

ного феномена, что в каждом из этих разделов, наряду с их спецификой, можно вычленить определенные общие закономерности, создать общую теорию, методологию элитологии, которая «работает» во всех этих специфических областях, своеобразно в них преломляясь.

В заключение заметим, что мы начали обзор структурных элементов элитологии с той ее области, которая в последние десятилетия менее всего привлекает внимание исследователей (с философской элитологии), а закончили той, которая особенно интенсивно исследуется (политической элитологией). Хотелось бы несколько подправить этот дисбаланс, обратив внимание элитологов на слабо освещенную в литературе, причем фундаментальную, проблематику философской элитологии, которая представляет собой ту основу, на которой строится общая теория элитологии, ее метатеорию.

ГЛАВА

2 ГЕНЕЗИС ЭЛИТОЛОГИИ. ПРОТОЭЛИТОЛОГИЯ

Корни и традиции. Уже много столетий человечество отчетливо сознает, что жизнь миллионов людей оказывается зависимой от решений, которые принимают немногие власть имущие, зависимой от того, являются ли эти решения квалифицированными и, главное, выражают ли они интересы и потребности населения, прежде всего его большинства, интересы народных масс или же своекорыстные интересы привилегированного меньшинства. Поэтому особая роль правителей — лидеров, элиты — неизменно была предметом острого интереса и внимания социальных мыслителей. Отсюда их пристальный интерес к составу и содержанию деятельности правящих слоев общества. Взгляды их по этому вопросу были и остаются различными, порой диаметрально противоположными. Идеологи правящих классов, естественно, оправдывали существование элиты, в то время как лидеры и идеологи классов и слоев, не представленных в правящей элите, порой ставят под сомнение легитимность этого слоя, хотя следует признать, что всякий раз, когда они брали власть в свои руки, оказывалось, что властные функции по-прежнему осуществлялись меньшинством, но его состав, его политика оказывались существенно иными. В любом случае успешное функционирование общества, качество жизни людей в значительной мере зависит от этого правящего меньшинства.

Интерес к качеству и роли элиты вполне естественен еще и потому, что действия этого социального слоя людей, облеченных властью, лежат на поверхности, могут непосредственно фиксироваться уже на эмпирическом уровне. Однако в этом обстоятельстве коренятся и гносеологические возможности теоретических ошибок, своего рода «оптического обмана»: явлениям, обнаруживающимся на поверхности, может быть придано преувеличенное значение. Вследствие этого процессы, являющиеся результатом действия многих причин, при подобном подходе выглядят одномерными, слишком плоскими. То, что фиксируется непосредственно, может заслонять собой действия более далеких, опосредованных причин, которые не лежат на поверхности, а скрыты в глубине, лежат за

действиями, управленческими решениями власть предержащих. Среди этих глубинных действий и процессов, определяющим образом воздействующих на ход истории, прежде всего следует назвать деятельность миллионных народных масс. Эта деятельность порой осуществляется за кулисами истории, а на ее подмостках действуют прежде всего персонажи из страты элиты, хотя деятельность народных масс в итоге оказывается великой, подлинно исторической, творческой.

Однако гносеологические корни тех или иных социально-политических концепций представляют собой скорее возможности их построений, возможности, которые превращаются в действительность благодаря их социальным корням, благодаря тому, что они соответствуют потребностям и интересам тех или иных социальных групп, прежде всего тех, которые занимают властные позиции.

Нужно заметить, что говорить о социальных корнях концепции сейчас не модно, порой это рассматривается как пережиток марксистского методологического принципа классового анализа, который в свою очередь рассматривается как редукция социального знания к материальным интересам тех или иных классов, идеологизацией которых она является. Но понимание того, что та или иная социальная концепция есть продукт своего времени, продукт социальных отношений, т.е. принцип историзма и принцип социальной детерминированности познавательного процесса — это как раз сильные стороны марксизма, к тому же далеко выходящие за рамки собственно марксизма (они идут от немецкой классической философии) и интегрированные современной наукой в частности, социологией познания — от К. Маннгейма до Р. Мертона, которая, отталкиваясь от Маркса, обосновывает мысль о том, что определенная идеология оказывается функцией от места и роли класса или социальной группы, их интереса). Теории элиты — отнюдь не продукт чистой науки, «незамутненного мышления». Они конструируются прежде всего самими представителями господствующих классов (вспомним, что еще не в столь отдаленном прошлом образованные люди были почти сплошь выходцами из привилегированных слоев общества). Поскольку само духовное творчество было, как правило, привилегией господствующих классов, естественно, что они исследовали прежде всего свою собственную деятельность. Уже поэтому к элитарным теориям следует относиться с изрядной долей скептицизма: ведь исследуют элиту чаще всего либо сами представители элиты, либо люди, близкие к ней. Но,

поскольку роль элиты в обществе традиционно осмысливали прежде всего представители господствующих классов, получается, что элита сама себя описывает. А будет ли этот автопортрет достаточно реалистичным, не может не вызвать законных сомнений.

Известно, что само разделение труда на физический и умственный поставило представителей второго в привилегированное положение. Но как раз люди умственного труда и осуществляют исследования элит. Разумеется, сказанное в особой степени относится к прошлому, когда представителей умственного труда было в обществе ничтожное меньшинство. Напротив, ныне, когда профессии умственного труда стали массовыми, их представители давно уже утратили свое привилегированное положение, их доходы (например, школьных учителей) порой ниже доходов людей физического труда и их отношение к правящей элите, ранее бывшем преимущественно апологетическим, сменилось достаточно критическим. Собственно указанные сдвиги «работают» на общий рост демократических тенденций в современном мире.

Проблема элиты — важный аспект проблемы субъекта исторического процесса. На вопрос, кто является субъектом истории, может быть дан самый общий ответ — люди. Но он нас не удовлетворит именно в силу этой общности. Ведь на деле этот объект весьма дифференцирован. Не все люди одинаково «субъектны», некоторые пассивны, некоторые выступают не двигателем, а тормозом социального прогресса. Это относится и к различным классам и социальным группам. Разные люди, разные сегменты общества обладают разным уровнем пассионарности, причем особенно высоким ее уровнем как раз и отличаются элиты.

Как уже отмечалось, проблема элиты тесно связана с проблемой разделения труда в обществе, элементом которой является дифференциация общества на руководителей (их всегда меньшинство) и руководимых. Это в определенной степени коррелируется с биологическими, психологическими и иными различиями между людьми, из которых отнюдь не все могут быть руководителями, организаторами. Психологи считают, что таковых всего несколько процентов, а некоторые ученые говорят только о менее чем одном проценте[1]. Казалось бы, проблема решаема естественным образом, гармонично: именно эти люди и занимают весьма ограниченное

[1] Рыбас С. Элита и общество // Политическая элита: политический ежегодник. М., 2003. С. 11.

количество вакансий на лидирующие позиции. Однако зададим вопрос — какие социальные последствия влечет такое разделение труда, когда оно приобретает характер привилегий для руководящего меньшинства и, при определенных условиях, эксплуатации меньшинством большинства. Достаточно тривиальная констатация того, что люди не равны по своим психофизическим данным, что только небольшой процент их имеет способности и склонности к организаторской деятельности, что разделение труда приводит к выделению на роли организаторов меньшинство, а на роли исполнителей большинство населения, — все это видится ключом к оптимальной социальной организации. Однако тут возникает слишком много «но». Прежде всего люди, занимающие руководящие общественные позиции, как правило, требуют для себя привилегированного положения, кроме того, они склонны к тому, чтобы стремиться захватить по возможности больше власти, уйти от контроля масс и лишить последних субъектности или хотя бы минимизировать их роль в управлении обществом, что представляет опасность едва ли не бóльшую, чем отсутствие руководящего меньшинства, опасность анархии. Значит, подлинное решение указанной проблемы — оптимизация отношений элиты и масс.

Возникновение теорий дихотомии элита-масса было сразу же связано (в частности, Конфуцием, Платоном и другими элитологами) с представлениями о справедливом управлении, которое осуществляют наиболее мудрые, честные, способные люди. И сразу же элитарные концепции столкнулись с противоречием, которое сопровождает эти теории до наших дней: социально-политическая структура общества не соответствует постулатам элитологов, поскольку в реальности нет соответствия между природными (да и приобретенными) способностями человека и местом, которое он занимает в иерархической структуре общественных отношений, с его близостью к власти.

Власть (по М. Веберу — это способность навязать свою волю другим) — прежде всего способность властной группы, стоящей на вершине социально-политической структуры, элиты, навязать свою волю массам. Причем элитогенез часто рассматривается как форма упорядочения социальных отношений[2], уменьшения хаоса (а отсутствие элиты — как анархия), это первотолчок к созданию

[2] Будон П. Место беспорядка. Критика теории социальных изменений. М., 1998.

разветвленной социальной стратификации. Будучи формой восходящей социальной мобильности, элитогенез открывает дорогу мобильности всех страт общества, связанной с образованием иерархических групп, которые ведут борьбу за достижение более высоких статусных позиций или удержание уже достигнутых, т.е. является основой всей системы социальной стратификации. В политической социологии П. Бурдье элитогенез связывается с более широкой концепцией «символического капитала»[3]. Отметим, что в российской элитологии интересную концепцию элитогенеза в контексте смен российских элит развивают П. Паутов и Т. Вернигорова[4].

Разумная политика может быть в самом общем виде определена как направленность на уменьшение энтропии (Н. Винер оценивает ее как меру неупорядоченности и хаоса системы) в обществе. Кто является субъектом и инициатором такой политики? Можно предположить, что им являются народные массы, объективно заинтересованные в такой политике. Однако вряд ли возможно представить себе, что оптимальная политика, направленная на прогрессивные социальные преобразования, например на модернизацию общества, будет выработана непосредственно народными массами. Плодотворная идея не может придти в голову сразу миллионам людей. Сначала она приходит в голову одному или немногим людям и только потом, при благоприятных обстоятельствах, может овладеть умами миллионов людей. Таким образом, инициатором такой политики обычно является элита — либо стоящая у власти, либо, чаще, потенциальная элита, контрэлита. В этом ее роль как важнейшего элемента в структуре субъекта социально-политического процесса. Понимание этого особенно важно в свете исторического опыта XX века, показавшего, что массы часто оказываются носителями политических движений, которым более подходит понятие энтропийных. Они порой оказываются носителями движений отнюдь не демократических, порой тоталитарных (большевизм, фашизм, маккартизм, пужадизм, перонизм, исламистский экстремизм и т.п.).

Изучение элиты сталкивается с рядом трудностей объективного и субъективного порядка. Прежде всего сама элита далеко не всегда была заинтересована в объективной научной расшифровке

[3] Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

[4] Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М., 2000.

ее деятельности, раскрытии «тайны» ее господства. Многие представители элиты разных поколений, причем такие совершенно разнородные, как Александр Македонский и Цезарь, Наполеон и Гитлер, де Голль и Хомейни, полагали, что, если масса будет считать государственное управление делом не просто чрезвычайно сложным, но даже и таинственным, мистическим, трансцендентным, это может послужить стабильности социально-политической системы. Напротив, если всякий покров таинственности будет сброшен, деятельность лидирующего слоя будет демистифицирована, расшифрована, даже алгоритмизирована, пользуясь современной терминологией, станет достоянием всех, исчезнет его харизма в глазах масс, ослабеет его авторитет.

Как видим, для правящих классов (это особенно относится к прошлому) как раз характерна заинтересованность в покрове тайны над деятельностью власть имущих, в мистификации господства меньшинства над большинством, в его идеологизации. Им необходимо идеологическое оправдание и обоснование самого существования этого социального слоя, осуществляющего государственное управление и обладающего «законными» привилегиями. И напротив, интерес широкой общественности требует демистификации власти элиты, выявления и расшифровки механизмов осуществления ею этой власти с тем, чтобы либо поставить под сомнение легитимность существования авторитарной элитной группы, либо для того, чтобы оптимизировать процесс принятия властных решений в интересах всего общества, иначе говоря, заставить элитную группу в ее политике выражать не ее интересы, а потребности всего общества.

Даже при всем желании представителей некоторых господствующих классов ограничить знания об элите и методах ее управления обществом лишь узким кругом «непосредственно заинтересованных лиц», сделать его эзотерическим, не представлялось возможным. Но если это невозможно было в прошлом, то это совсем уж нереально в эпоху мощных средств массовой информации, в эпоху всеобщего образования, в эпоху гласности. Вместе с тем и сами потребности правящего класса требовали разработки теоретических оснований и практических рекомендаций для успешной деятельности правящих групп. И поэтому вполне естественно и закономерно появление теоретических трудов, анализирующих и обобщающих деятельность людей, стоящих у руля политического руководства обществом.

Отрасль социального знания (ставшая со временем отраслью социологии и политологии), рассматривающая деятельность властных групп, формировалась на протяжении многих столетий. Ее развивали предшественники современной элитологии. Мы сконцентрируем внимание на рассмотрении наиболее выдающихся из этих предшественников, внесших наибольший вклад в разработку рассматриваемой нами проблематики, в наибольшей степени повлиявших на современную элитологию. Это прежде всего Конфуций, Платон, Макиавелли, Карлейль, Ницше. Важное место среди этих мыслителей занимают М. Вебер, З. Фрейд. Впрочем, последние — это уже современники основоположников элитологии, что дает нам основание рассмотреть их взгляды на интересующую нас проблему в последующих главах.

Предыстория элитологии. Если собственно элитология как самостоятельная научная дисциплина — продукт XX века[5], то ее корни, как мы видели, уходят в глубь веков. Наш экскурс в историю социально-политической мысли будет по необходимости кратким и фрагментарным. Мы ограничимся наиболее интересными для нас и, как нам представляется, яркими моментами. Первые дошедшие до нас источники, свидетельствующие о серьезной рефлексии по поводу роли правителей, содержания и задачах их деятельности, относятся к первому тысячелетию до н.э. К. Ясперс не случайно назвал время между 800 и 300 годами до н.э. «осевой эпохой» всемирной истории, когда в Китае, Индии, на Ближнем Востоке, в античной Греции и Риме сформировался тип человека, который существует и поныне, когда осуществился прорыв мифологического мировоззрения, составлявшего духовную основу «доосевых культур», когда возникает рефлексия, недоверие к непосредственному опыту, на ниве которых произрастает философское знание.

Пристальное внимание уделяли власть предержащим древнекитайские мыслители, которые пытались сконструировать нормативную модель правителя. Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н.э.), один из основателей легизма, ставил закон выше правителей. Все люди должны быть равны перед законом, должны существовать универ-

[5] Впрочем, хронологические рамки элитологии — вопрос дискуссионный. Российский элитолог П.Л. Карабущенко считает, что элитология формируется уже в античности, а в трудах Платона выступила как целостная система знаний (Карабущенко П.Л. Элитология Платона. М.; Астрахань,1998).

сальные принципы управления, одинаковые для всех. Некоторые мысли Гуань Чжуна об отношении верхов и низов общества опередили политическую мысль на тысячелетия. Они поражают своей глубиной и проницательностью, например: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые — все должны следовать закону. Это и называется великим искусством управления». И все же, по мнению ряда легистов, из этого правила существует исключение — сам правитель как творец законов. Гуань Чжун рисует образ идеального правителя, ценящего дао и законы больше, чем свое государство[6]. Вместо традиционной формулы «правитель — отец и мать народа» он предлагает иную: «закон — отец и мать народа»[7]. Он утверждал, что совершенный правитель считает улучшение жизни народа своим важнейшим делом: «...Верхи добросовестно заботятся о низах, а низы должны честно служить верхам», — таково оптимальное отношение верхов и низов, при котором «правитель не теряет авторитета, низы не относятся небрежно к своим трудовым занятиям». Один из последних знаменитых легистов Хань Фей (III в. до н.э.) писал: «Ныне твердых и вызывающих доверие людей не больше десятка, а чиновных должностей — сотни. Раз не хватает людей заполнить чиновничьи должности — необходимо господство закона, что решит проблему несовершенства государственных служащих». И далее: «Правителю надлежит обладать не только знанием, но и умением эффективно использовать это знание»[8]. Во II в. до н.э. по мере усиления роли бюрократии легизм оттесняется конфуцианством.

Древнекитайские мудрецы полагали, что целостность, процветание империй или, напротив, их упадок и распад зависят прежде всего от качества правителей. Отметим прежде всего взгляды одного из величайших древнекитайских мудрецов Лао-цзы (род. по преданию в 604 г. до н.э.). Понятие *«Дао»*, которым он пользуется, — это первоначало всех вещей, источник, откуда проистекает вселенная. *Дао* блюдет закон движения жизни невидимым и неощутимым образом, и все совершается как бы само собой, направляемое благой силой *(Дэ)*. *Дэ* действует и на космическом, и на природном уровнях, среди людей оно действует через посредство «избранных», обладающих мудростью. Необыкновенной глубиной

[6] Штейн И. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М., 1950. Гл. 30.

[7] Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 565.

[8] Хань Фэй-цзы. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.

отличается типология правителей, осуществленная Лао-цзы: «Лучший властитель — о котором знают, что он есть, и все (т.е. он правит тактично, не навязывая свои решения, как бы стимулируя подданных принимать самим правильные решения, мудрый правитель предпочитает оставаться в тени. — *Г.А.*). Которого любят и почитают, тот похуже. Еще хуже тот, которого народ боится. Хуже всех, над которым смеются»[9]. Первый тип правителя идеально воплощает ритуальную модель государства, в котором все идет своей чередой, согласно раз и навсегда заведенному порядку. Одно из свойств *Дао* — его всераскинутость, оно — всюду, за каждым явлением таится то начало, которое определяет существование мира. Увидеть его нельзя, оно доступно лишь в момент просветления. Обычный человек, даже зная о *Дао*, «не узнает его, встречаясь с ним, не увидит его лица». Наилучшее правление — путем недеяния — удается только тому, кто не стремится к власти. Совершенный человек действует недеянием, в недеянии он любит народ и управляет страной. (Как известно, близкую позицию занимал Л.Н. Толстой.) Для даосов самосовершенствование личности, ее элитизация доступно лишь тому, кто взрастил в себе *Дэ*, что означает не только соблюдение норм морали, но обретение «полноты жизненных свойств», постижение внутреннего совершенства вещей. Поэтому человек, обладающий *Дэ*, излучает несокрушимую мощь жизни, всегда и всюду привлекает к себе людей, они становятся послушным его воле, но при этом он не требует от других поклонения, он воздействует на мир, не обнаруживая себя, не кичась своими качествами, люди ему верят, берут с него пример. Высший, добродетельный человек обладает притягательностью, является носителем образца. Лао-цзы пишет о худших правителях (мы будем называть их псевдоэлитой): «Когда дворец блещет убранством, поля заполняются сорняками. И надевать при этом яркие наряды, носить отборные клинки, чревоугодничать, купаться в роскоши — это зовется воровской кичливостью»[10].

Но, бесспорно, наиболее известны взгляды великого китайского мыслителя Конфуция (551–479 гг. до н.э.). Конфуций выде-

---

[9] Лао Цзы. Дао Дэцзин. Дубна, 1994. С. 17. Приведем другой вариант перевода этого фрагмента: «Наивысший — это тогда низшие знают лишь о его существовании, ниже его тот, кого с любовью хвалят, еще более низкого боятся, самого же низкого презирают (Семененко И.И. Обрети себя в Дао. М., 2000).

[10] Там же. С. 53.

ляет в обществе два слоя: управляющих и управляемых. По Конфуцию, управлять государством призваны благородные мужи во главе с государем (сыном неба), причем управлять на принципах добродетели. Благородный муж является таковым не в силу происхождения, но благодаря воспитанию в себе высоких моральных качеств. Перед простолюдином, по системе Конфуция, открывается определенная возможность социальной мобильности, возможность стать высокопоставленным чиновником, если он обнаружит высокие способности, будет усердно учиться, проявит себя как добродетельный человек. То есть система, утверждавшаяся Конфуцием, была гораздо более прогрессивной, чем кастовая система почти с нулевой мобильностью, которая существовала в тот же исторический период в древнеиндийской цивилизации, хотя и Конфуций утверждал разные нормы поведения людей — одни для «благородных», призванных повелевать, другие — для «низких», призванных к смирению. У Конфуция «благородный муж» отличается прежде всего хорошим воспитанием, «он, в частности, не может быть грубым»[11]. Хотя Конфуций являлся сторонником сословно-иерархического деления, особое внимание он уделял возможности выдвижения на руководящие посты людей, обладающих знаниями. По существу, через сферу образования провозглашался принцип равных возможностей. Он учил, что обретение *Дэ* (добродетели) достижимо почти для каждого, склонного к обучению, стремящегося к самосовершенствованию, тем самым он оказывается подготовленным к разумному управлению государством.

По Конфуцию, идеальный правитель должен быть добродетелен. Его высокие моральные качества дают ему право властвовать над народом. Согласно Конфуцию, правителю следует почитать пять «прекрасных качеств»: «Благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток». И искоренять «четыре отвратительные качества»: «если (народ) не поучать, а убивать, это называется жестокостью. Если (народ) не предупредить, а затем (выразить недовольство), увидев результаты (труда), это называется грубостью. Если настаивать на быстром окончании (работы), прежде дав указание не спешить, это называется разбоем; если обещать награду, но поскупиться ее выдать, это называется

[11] Семененко И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987. С. 278.

жадностью»[12]. Если народ «упрямо не желает следовать» правителю, тот должен быть твердым; если же он послушен, правитель должен уметь быть мягким.

Конфуций разрабатывает модель идеального чиновника — *цзюнь цзы* (причем благородный чиновник олицетворяет всех причастных к делам управления народом — от мелкого чиновника до самого правителя, но чаще всего он олицетворяет высших управляющих). Учитель раскрывает свое представление о благородном администраторе на конкретном примере известного его ученикам Цзы Чаня: «Он имеет четыре проявления Дао благородного мужа: в своих поступках он проявляет чувство самоуважения; находясь на службе у вышестоящих, проявляет чувство ответственности; воспитывая народ, проявляет чувство доброты; используя народ, проявляет чувство справедливости». *Цзюнь цзы* чаще всего выступает у Учителя в функции первого советника, т.е. премьер-министра или самого правителя. Итак, образ благородного правителя или сановника, их основные функции очерчены вполне определенно. С помощью понятия *«цзюнь цзы»* Конфуций подчеркивает значение бюрократии в системе управления государством и обществом в целом.

Проповедь элитарной исключительности характерна для древнекитайской культуры. Для Конфуция установленный порядок вещей (*ли*) включает в себя различия между верхами и низами, правителями и управляемыми. По конфуцианскому канону народ ни в коем случае нельзя предоставлять самому себе, оставлять без морального воздействия правителей, чтобы он не «испортился»[13]. Управление обществом имеет целью сохранение порядка и норм — этических и политических. Для Конфуция характерна строгая иерархизация бытия, прежде всего социального бытия. Князь... спросил Конфуция, в чем заключается управление государством. Конфуций ответил: «Да будет государем государь, слуга — слугой, отцом отец и сыном сын»[14]. Идеальный тип государства Конфуций разъяснял на примере семьи, в которой отец — государь, чиновники — старшие братья, младшие братья — работники и у всех цель — общее благо.

---

[12] Малявин В.В. Человек в культуре раннеимператорского Китая. М., 1989; Бурлацкий Ф.М. Мао Цзе-дун. М., 1976. С. 360.

[13] Лунь Юй. Древнекитайская философия: в 2 т. М., 1973.

[14] Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 1. М., 1997. С. 49.

Идеальной личностью Конфуций считал человека, который выше всего ставит знание, чувство долга (*и*), гуманность (*жэнь*), выполнение заветов предков[15]. Правитель и его бюрократия обязаны не только следить за соблюдением народом правил, но и воплощать их в жизнь на собственном примере, исходить из принципа справедливости. Чтобы народ поверил в искренность провозглашенной правителем политики, она должна быть нравственной. *Цзюнь цзы* у Конфуция отнюдь не отшельник, но активная личность. Причем Конфуций стремился к тому, чтобы народом управляли живые люди, а не сухой закон. Правила, создаваемые людьми для людей, должны восприниматься осознанно. По Конфуцию, правитель возвышался над главой семьи лишь на несколько ступенек. Правитель непременно должен быть «благородным мужем», но, хорошо зная нравы и интеллектуальные возможности царей и знати, он понимал, что реально правят подчас люди, весьма далекие он нравственного и интеллектуального уровня *цзюнь цзы*.

Благодаря образованию, накоплению знаний человек может стать *цзюнь цзы*, что открывает широкие возможности для карьеры чиновника. Конфуций считал, что люди от рождения обладают более или менее одинаковыми способностями овладевать знаниями, остальное зависит уже от их усилий, их характера.

Конфуций занимал высокие административные должности, но оставляет службу, чтобы посвятить себя преподаванию, открыв свою школу. Среди его многочисленных учеников были выходцы из разных слоев общества — от простолюдинов до аристократов, причем в ней преобладали отнюдь не знатные по происхождению. Его радовало, что и «низшие в почете». Конфуций разработал механизмы и технологии отбора для обучения эффективных чиновников и их продвижения по службе. Только систематическое изучение наук, прохождение конкурсных экзаменов (причем многоступенчатых) открывало путь для успешной карьеры. За проведением экзамена на высшую ступень следили высшие чиновники и сам император. Обладатели высших степеней, полученных через систему конкурсных экзаменов, составляли сословие шэньши, имевшее институциональные привилегии[16]. Богатство и знатность само по

[15] Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Катая. М., 1982.

[16] См. подробнее: Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М., 2000. С. 91–93.

себе не открывало автоматически путь в это сословие, нужны были собственные достижения, то есть это была элита меритократии. Конфуций разработал стройную систему отбора и обучения чиновников, создал для них специальную школу. Именно изучение наук, прохождение строгих экзаменов в конфуцианском Китае открывало возможность для восходящей социальной мобильности чиновников. Высшей целью системы управления считалось благо государства, благосостояние населения. Но без квалифицированных управленцев, без элиты народ обойтись не может. Разъясняя вопросы управления обществом и обращаясь непосредственно к элите, Конфуций говорил: «Если вы пожелаете добра, то и народ станет добрым. *Дэ* благородного мужа — ветер, *Дэ* маленького человека — трава. Трава всегда под ветром гнется»[17]. То есть, выражаясь языком современной социологии, элита — та референтная группа, на ценности которой ориентируется масса.

Гуманистические идеи Конфуция развивал Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) с его идеей «человеколюбивого правления». Он разделял население Поднебесной на «благородных людей», управляющих, вершащих «большие дела», и управляемых, простолюдинов, осуществляющих «дела малых людей». Он подчеркивал, что долг правителей — заботиться о своем народе; управляемые содержат тех, кто ими управляет, и «самое ценное в стране — народ, затем уже следует власть, и только после — правитель».

Если культура древнего Китая допускала определенную ступень мобильности из низших страт общества в высшие, то в древней Индии такой переход был максимально затруднен, если не закрыт полностью. В древнеиндийской философии Брахма, «образующий реальное и нереальное», определяет и «род деятельности (карму) и особое положение человека»[18]. Жесткая кастовая система в древней Индии как бы «естественно» порождала элитарное миропонимание, которое и являлось идеологизацией существовавших социальных отношений. Именно представители высшей касты — брахманы — выступали носителями и толкователями ведической мудрости. В ведической мифологии Пуруша — прародитель космоса и человечества с его «естественной» иерархизацией: из рта Пуруши возникли брахманы, из рук — воинское сословие (кшатрии), из бедер — торговцы (вайшья), из ступеней — шудры (низшая каста).

---

[17] Лукьянов А.Е. Лао Цзы и Конфуций. Философия Дао. М., 2002. С. 192.

[18] Законы Ману. М., 1960. С. 22, 23.

Близкая мифология характерна и для древнейших стран Ближнего Востока, где мы встречаем учение о разделении людей на золотых, серебряных и бронзовых — учение, развитое Платоном (впрочем, без ссылки на источник).

Особое, можно сказать, центральное место в древнейшей из мировых религий — буддизме — занимает элитизация, самосовершенствование личности путем созерцательного размышления (медитации), переживания цельности бытия, полной самоуглубленности, искоренения в себе страстей, неправедных желаний, эгоизма. Будда — «просветленный» (624–544 до н.э.) — основал свое учение на личном опыте самосовершенствования и прозрения человека. Он исходил из того, что каждый человек может подняться до уровня высшего духовного существа — будды, достичь просветления и нирваны. Нравственный идеал буддизма — абсолютное непричинение вреда окружающим (ахинса), идущее от доброты, мягкости, чувства совершенной удовлетворенности. Путь совершенствования человека бесконечен, он направлен к универсальному развитию всех человеческих сил. Хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, особенно благородны бодхисаттвы — те, кто достиг уровня, позволяющего стать буддой, но откладывают этот шаг для того, чтобы помочь другим людям в самосовершенствовании.

* * *

Наивысшего расцвета протоэлитология достигла в Древней Греции, особенно в период VII–III в до н.э. Античность была интереснейшей эпохой в становлении элитологии[19]. Начнем с Гераклита (ок. 540–480 гг. до н.э.). Аристократ по происхождению, отказавшийся от царского трона в пользу брата, он подчеркивает свое презрение к демократии как власти толпы. «Один, если он наилучший», для Гераклита выше десятитысячной толпы. Причем «наилучший» не по происхождению или богатству, а по уму, по духовным ценностям. Он обличает невежество тех людей, которые в погоне за материальными благами пренебрегают своим духовным совершенствованием, и при этом не терпят «наилучших», которые отличаются от большинства. Эфесцы, его сограждане, по мнению

[19] Отметим, что роль античного периода в становлении элитологии глубоко исследована в работах П.Л. Карабущенко: Античная политическая философия: Афинская школа теории элит. Астрахань, 1997; Элитология Платона. М.; Астрахань, 1998; Античная элитология: дис... д-ра философ. наук. М., 1999.

Гераклита, предали себя позору, когда «Гермодора, наиполезнейшего для себя мужа, изгнали, говоря: из нас никто наиполезнейшим не будет, а если есть такой — то пусть будет он в другом городе и у других»[20]. Свои сочинения он пишет нарочито усложненным языком (за что получает прозвище «Гераклит темный»), чтобы подчеркнуть, что он пишет не для большинства, лишенного мудрости, но для «избранных»[21].

Большой интерес представляют элитологические мотивы в философии Пифагора (570–497 гг. до н.э.), которую по праву называют философией избранности. Она и создавалась как своего рода «тайноведение», как эзотерическое, элитное знание для посвященных, приобщиться к которому могли лишь члены тайного ордена пифагорейцев в Кротоне, знание, разглашение которого строжайше запрещалось. Приобщение к этому закрытому ордену рассматривалось как очищение личности, ее элитизация, приобщение к высшим духовным ценностям (в гармонии с физическим совершенствованием). Прием в школу Пифагора был основан на жестком индивидуальном отборе достойнейших, он включал в себя несколько этапов или степеней посвящения: подготовительную ступень, очищения или катарсиса, совершенства и, наконец, наивысшего совершенства, созерцания полноты истины. Отметим, что конкурсный прием в школу, точнее в орден, осуществлялся не по критерию знатности или богатства, а по критерию интеллектуальных, волевых качеств неофитов.

Демокрит различает (и противопоставляет) этические нормы большинства и ценности немногих мудрецов (элиты), утверждает примат ценностей духовных перед материальными, подчас низменными удовольствиями масс. Принимая идею Протагора о том, что человек — мера всех вещей, он добавляет, что это должен быть не всякий человек, но мудрец.

Во многом по-новому проблему элиты (аристократии) и лидерства поставил Сократ (470–399 гг. до н.э.). Традиционно в нее относили правителей — политико-административную элиту, высших военных руководителей. Сократ же рисует новый образ элиты —

---

[20] Гераклит Эфесский. Фрагменты // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 46.

[21] По преданию, Сократ, которого спросили его мнение о сочинениях Гераклита, ответил: «Я понял лишь половину из написанного им. Эта половина прекрасна. И я делаю вывод о том, что та половина, которую я не понял, также прекрасна». — *Прим. авт.*

это мудрецы, которые умеют обуздывать страсти своего тела, эмоции, желания низкого порядка, такие как похоть, это люди, которые самодостаточны (автаркичны), не нуждаются ни в чем внешнем, но нацелены на внутреннее самосовершенствование. Страсти, особенно злые, не могут разрушить гармонию его души. Знаменитый даймонизм Сократа можно рассматривать как творческий экстаз, вдохновение, помогающее решать сложнейшие проблемы, это спутник гения. Сократ выражал сомнение по поводу тезиса о том, что лучший (атрибут элиты) — это сильнейший[22], для него важны прежде всего моральные качества человека. Традиционному представлению об элите как военной элите и как о победителях в политической борьбе он противопоставляет элиту мудрецов, умеющих победить низменные страсти и устремиться к возвышенному; его идеал — элитизация личности. Тезису потомственных аристократов «править должны лучшие по происхождению» Сократ противопоставляет тезис «править должны самые мудрые, высокоморальные». Добродетель (arete) — критерий элитности, это то, что совершенствует природу человека, возвышает его.

Наивысшего расцвета античная протоэлитология достигла в философии Платона, которая для него — философия избранности. Именно он наиболее полно, целостно, системно сформулировал элитарное мировоззрение. Идеолог афинской аристократии, он решительно выступал против допущения демоса к участию в политической жизни, в государственном управлении, пренебрежительно именуя его «толпой», враждебной мудрости, руководствующейся не знаниями, а «мнениями», далекими от истины. Государственные функции, по Платону, могут успешно выполняться лишь аристократами, получившими специальное воспитание; ремесленники и крестьяне должны быть отстранены от управления обществом и других занятий «благородных людей» и обречены на выполнение «черновой работы»; рабов Платон вообще не считал за членов общества. И все же следует признать, что, будучи аристократом не только по происхождению, но и по духу, он был далек от идеализации родовой земельной аристократии, подчеркивал, что ценит прежде всего не социальный, а духовный аристократизм. Платон призывает повернуться от обыденных проблем к физическому и нравственному самосовершенствованию, к высшему благу. Хотя он допускает принципиальную возможность для каждого

[22] Платон. Горгий. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1990. 488 в.

стремиться к этому идеалу, непосредственный адресат этих призывов — именно элита.

Аристократизм Платона носил преимущественно интеллектуальный и нравственный характер. Аристократом делает человека не столько происхождение, сколько высокий уровень его добродетелей. Хотя Платон и был аристократом по рождению, он был далек от идеализации родовой земельной аристократии или разбогатевших торговцев. Его аристократизм носил преимущественно интеллектуальный и нравственный характер. Его особой заботой было формирование культурной элиты. В чрезвычайной ситуации, когда перед государством стоят новые задачи, только правители-философы в состоянии выдвинуть новую политическую программу. Важнейшая и одновременно труднейшая задача — обеспечить доступ к власти наиболее способным и мудрым.

Aristos (латинский эквивалент элиты) — это лучшие люди, достигшие совершенства, овладевшие истинным знанием. Основания для власти элиты — не интересы какой-то социальной группы, а интересы всех граждан. Лучшей формой правления он считал верховенство лучших людей — мудрых и добродетельных (то есть подлинной элиты). Образовательная программа Платона резко дифференцирована: для большинства граждан он предлагает лишь профессиональное образование, а философия и политика у него — удел элиты. Основа его политической системы — иерархизация общества.

Основные категории протоэлитологии Платона (которая является его заветной наукой, равно как и политика) — иерархия (которая имеет и космический, и земной характер), избранное, возвышенное, гениальное, совершенное. Человек элиты, подлинный аристократ считает «самым ценным не спасение во имя существования, как это считает большинство, но достижение совершенства и сохранение его на всем протяжении своей жизни»[23]. Платон противопоставляет сакральное знание посвященных (элиты) и мнения масс, знания эзотерические (элитарные) и экзотерические, доступные всем, различает знание элиты и знание о самой элите[24]. Можно обнаружить определенные противоречия в ряде утверждений Платона. С одной стороны, он утверждает, что цель человека — стать лучшим, достичь совершенства души и тела, т.е. призы-

[23] Платон. Законы. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 158 (707 d).

[24] Карабущенко П.Л. Элитология Платона. С. 122–126.

ческой системы в противоположность афинской демократии (хотя это ни в коем случае не слепок с политсистемы Спарты, аристократией он называет и политсистему Афин). Впрочем, Платон пытается определенным образом синтезировать элементы аристократии и демократии. В диалоге «Менексен» он пишет: «Само наше государственное устройство и тогда было, и ныне является аристократией: эта форма всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют ее демократией, другие еще как нибудь — кто во что горазд, на самом же деле это правление лучших с одобрения народа»[26]. А государства, отклоняющиеся от нормы — тирания и олигархия, когда люди «считают других своими господами либо рабами». Упадочными, нисходящими формами он называет тимократию (господство честолюбцев), обычно перерастающую в правление военных. От аристократии оно отличается тем, что у власти оказываются люди, любой ценой стремящиеся к почестям. В таком государстве среди правителей начинаются раздоры. Еще ниже ставит Платон олигархию — власть богачей, опирающихся на торговлю, ростовщичество. В государстве воцаряется жажда наживы, богачами восхищаются, их назначают на высшие посты. Взяв власть, они принимают закон об имущественном цензе, и бедняки к власти не допускаются. И в этом — главный порок олигархии: мудрый, но бедный правителем стать не может. Особое раздражение Платона вызывает демократия, в которой он видит власть толпы, неблагородного демоса. Люди получают возможность делать то, что хотят, а не то, к чему они предназначены по своей природе; значит, при демократии нет справедливости. Беда демократии в том, что она уравнивает тех, кто не равен по природе. Кроме того, при демократии не действуют законы, люди им не подчиняются. Да и с добродетелями дело обстоит возмутительно: наглость там путают с просвещенностью, свободу — с разнузданностью, бесстыдство — с мужеством. Однако хуже всего — тирания — правление одного, но жестокое и кровавое. Тираном становится ставленник народа, который превращает народ в толпу, в послушное орудие своей злой воли и использует его для расправы с гражданами. Причем его жертвами обычно становятся как раз лучшие.

---

[26] Платон. Менексен. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 146 (238 c, d). Интересно отметить, что концепция элитарной демократии, которую подчас изображают новинкой XX века (см.: Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. A Critique. Little Brown, 1967), была сформулирована почти на два с половиной тысячелетия раньше.

Как же придти к совершенному государству? Решающую роль тут Платон отводит элите: «Пока в государствах не будут царствовать философы либо так называемые цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино... государствам не избавиться от зол»[27]. И далее: «...Ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов»[28]. Разумеется, нельзя понимать Платона так, что любой философ способен управлять государством. Если философ создает умозрительные теории, далекие от жизненных потребностей общества (а именно таких философов высмеивал в своей комедии «Облака» Аристофан), он может только дискредитировать философию. Одно дело считать, что Платон просто требует мудрости от правителей (это было бы, разумеется, правильным, но слишком тривиальным); но, если бы правителями действительно стали философы, скорее можно было бы ожидать наибольших социальных потрясений. Концепция Платона — типичная утопия (переходящая в антиутопию). А. Тойнби справедливо писал, что превратить подобную утопию в реальность можно только «через механизм социального мимезиса, особой формы социальной тренировки, сопровождаемой насилием»[29]. Действительно, не случайно Платон защищает право управлять «то убеждением, то силой». Становясь царем, философ перестает быть философом. Опять-таки прав Тойнби в том, что философ самоуничтожается, как только он вступает в поле безжалостного действия царя, а царь самоуничтожает себя, входя в философское поле отвлеченных размышлений[30].

Итак, политическая элитология Платона включает в себя: строгое разделение населения на классы, отождествление судьбы государства с судьбой правящего класса, исключительный интерес к этому классу и его единству, жесткую систему воспитания и воспроизводства этого класса и особую заботу о единстве правящего класса, ибо раскол в нем ведет к гибели государства, к переворотам, к революции. Впоследствии этот закон как бы переоткрыл В. Парето.

Хотелось бы обратить внимание на очень глубокую мысль Платона о том, что многие рвутся к власти, чтобы добиться доступа

---

[27] Платон. Государство. Соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. 473 d, 501 e.

[28] Там же. 502 a.

[29] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 486.

[30] Там же. С. 469.

к общественным благам, урвать себе кусок побольше, потому-то не следует допускать, чтобы «к власти приходили те, кто прямо-таки в нее влюблен»[31]. В этом случае существует огромная опасность того, что к власти придут честолюбцы. Философ писал: «По правде же дело обстоит вот как: где всего менее стремятся к власти те, кому предстоит править, там государство управляется лучше всего...»[32]

Платон в своих диалогах постоянно изображает себя последователем, учеником Сократа. Но, думается, в действительности позиция Сократа по вопросу о взаимоотношениях носителей власти и философов была принципиально иная: философ не должен требовать престола. Позиция Сократа — позиция подлинного интеллигента, который как интеллигент — не царь, а теоретик и критик власти. Склад ума Сократа — критический, ироничный, направленный на обнаружение несовершенства существующих порядков, тогда как направленность ума Платона — поиск законченных, совершенных форм политической организации. Очевидна авторитарность платоновских царей-философов, их стремление установить абсолютный контроль над поведением и мыслями населения. А сократовский бескомпромиссный поиск истины, критичность к существующим институтам несовместимы с авторитаризмом философов-правителей. Правитель, как философ, должен почитать истину выше всего на свете, но именно как правитель он «должен нередко прибегать ко лжи и обману» (разумеется, ради пользы тех, кто ему подвластен, спешит оправдаться Платон). И во многом прав К. Поппер, подчеркивающий контраст между учениями Сократа и Платона, говоря о слабости идеи философа-правителя: «Какой контраст она составляет с простотой и человечностью Сократа, предостерегавшего политика против опасности ослепления собственной властью»[33].

Платон любит ссылаться на миф (истоки которого, как отмечалось, можно обнаружить в древневосточных преданиях) о том, что «бог в тех из нас, кто способен править, примешал при рождении золота, и потому они наиболее ценны, в помощников их — серебро, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников»[34]. Чуть ниже, впрочем, Платон выражает готовность пойти на определенную уступку: если в низших сословиях «родится кто-нибудь

---

[31] Платон. Государство. 521 в.

[32] Там же. 520 d.

[33] Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 198.

[34] Платон. Государство. 415 а.

с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи»[35], однако упор он делает на то, что из высших классов следует исключать «носителей любых примесей к основному металлу»[36], т.е. подчеркивается именно возможность движения вниз. К. Поппер замечает, что забота о чистоте сословия (он называет это расизмом) занимает важное место в платоновской теории[37]. Такова его установка на запрет смешанных браков, во всяком случае, требование, чтобы ребенка, родившегося в смешанном браке, причисляли к страте того из родителей, который ниже по своему статусу[38]. Но во всяком случае Платон признает, что между происхождением того или иного человека и его нравственными и умственными качествами нет прямой связи: люди, наделенные высшими нравственными и интеллектуальными задатками, могут родиться в низшем классе, как и рожденные родителями из высших классов могут оказаться низкими душами. Поэтому классовая принадлежность не должна быть строго наследственной[39]. Но он допускает наследственное закрепление способностей путем искусственного отбора и брака между людьми с высокими умственными и физическими качествами.

Трагедия общества, по Платону, когда правящий класс оказывается разделенным. Эта разъединенность порождается честолюбием, и тогда тимократия вырождается в олигархию. («Всякая власть разрушается разве не самими ее носителями?» — не без оснований спрашивает Платон, хотя и тут можно отметить, что этому обычно предшествует объективное ухудшение исторической ситуации, ослабление политической системы и т.д.) Вырождение правящего класса, если оно начнется, не остановится на тимократии. Гармонизировать классовые отношения, по Платону, следует не через их уравнивание, а через подавляющее превосходство господствующего класса. В любом случае главное — сохранить единство правителей. Как этого достичь? Во-первых, через подавление экономических интересов, связанных с частной собственностью, отсюда — требование отмены частной собственности правителей. Во-вторых, через единое государственное обучение их. Еще раз отметим

[35] Там же. 415 с.

[36] Там же. 546 а.

[37] Поппер К. Цит. соч. С. 190.

[38] Платон. Законы. 930 d.

[39] Платон. Государство.

расистские аргументы Платона, который сетует на то, что люди тщательно производят селекцию скота и пренебрегают этим в отношении человеческого рода[40]. Итак, идеальная модель государства у Платона включает в себя: строгое разделение на классы; абсолютное превосходство господствующего класса, для чего он обладает монополией на образование и другими привилегиями; наконец, отождествление судьбы государства с судьбой правящего класса. Классы, а лучше сказать, касты отделены друг от друга жесткими социальными перегородками, правители не смешиваются с управляемыми, даже живут обособленно. Тем не менее Платон допускает как исключение перевод неспособных потомков правителей и стражей в низшие касты и, наоборот, детей, обладающих редкими талантами, из низших страт в высшие. Ссылаясь на это положение Платона, американские элитологи К. Прюит и А. Стоун пишут, что он более двух тысяч лет тому назад предвосхитил теорию циркуляции элит Моски и Парето[41].

Свое «идеальное государство» Платон противопоставлял демократии, в которой осуществляется власть «сильного зверя» — черни, демоса. Он особенно опасался, что демос — те, кто трудится своими руками, — «всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее». Различая три основных формы правления (монархию, аристократию и демократию), он делил каждую еще на подтипы: монархия может быть законной или насильственной (тиранией), аристократия как власть немногих может быть владычеством лучших (аристократия) или худших (олигархия), однако острее всего его критика демократии, вырождающейся в охлократию. В его «идеальном государстве», как и в олигархии, властвуют немногие, но, в отличие от олигархии, этими немногими являются «достойнейшие», действительно способные управлять государством в силу природных задатков и многолетней тренировки, поэтому «идеальное государство» — воплощение справедливости (разумеется, с позиции правителей).

Мы более подробно остановились на концепции Платона не только потому, что она достаточно рельефно обнажает идеалы элитаризма, но и потому, что она оказала огромное влияние на современных элитологов. Сошлемся на американского политолога

[40] Платон. Государство.

[41] Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites. Elite Theory, Power and American Democracy, N.Y.; L., 1973. P. 189.

Особый интерес представляет разработанная Платоном концепция элитного образования. Хотя Платон не был вполне свободен от консервативной установки о том, что представители различных классов, слоев общества «большей частью» рождают себе подобных, он был слишком проницателен, чтобы не абсолютизировать этот тезис, признавая, что «все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же — и в остальных случаях»[43]. Так что классовый признак не является наследуемым, и поэтому необходимо наиболее способных из низших слоев переводить в высшие, а менее способных детей — выходцев из семей высших слоев — в низшие.

Выявление способностей ребенка и молодого человека происходит, по Платону, в процессе воспитания и образования, и поэтому большая ответственность падает на педагога, который должен разглядеть в воспитуемых таланты. Предлагая обучаемым различные задания, преимущественно трудные, воспитатель должен «наблюдать природные наклонности каждого»[44] и развивать те, которые лучше всего служат общественному благу. И особую роль для общества играет воспитание и образование элиты — будущих правителей. Хотя взгляды Платона откровенно аристократичны, при этом важно отметить, что критерий аристократизма для Платона — не родовитость и богатство, а высокие моральные и интеллектуальные качества. Это должны быть люди чести и совести, призванные взять на себя ответственность за судьбы страны. И при выборе достойнейших для занятия элитных позиций селекторат (которым являются философы-правители) должен пренебречь дружескими и родственными связями, что совершенно необходимо для поддержания статуса элиты и легитимизации ее позиций. От селектората, таким образом, требуется высокая принципиальность, и «если ребенок родится с примесью меди или железа, они никоем образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников и земледельцев». Готовность отрешиться от родственных чувств и личных симпатий — тот оселок, на котором можно проверить нравственные качества лиц, осуществляющих селекцию; только на этой основе можно преодолеть протекционизм, непотизм и тем предотвратить вырождение

[43] Платон. Государство. 415 а-в.

[44] Там же.

элиты. По Платону, для того чтобы стать правителями, мало природных задатков, надо их выявлять и развивать в процессе воспитания, совершенствовать в процессе зрелого опыта. Наставники, предлагая детям различные упражнения, причем сложные, должны изучать способности и наклонности каждого ученика, уделяя особое внимание тем, в ком они разглядели задатки потенциальных правителей. Отметим, что созданная Платоном Академия просуществовала почти тысячелетие.

Развитие протоэлитологии продолжил Аристотель. Высшее благо и счастье, доступное человеку — в совершенствовании себя как человека, в социальной активности. Сочинения Аристотеля историки философии делят на экзотерические, предназначенные для широкой публики, и эзотерические, предназначенные для избранных, прежде всего учеников его школы. Большую известность приобрела аристотелевская классификация форм правления по числу лиц, которым вручена власть: власть одного, монарха, и ее деградировавшая форма — тирания; аристократия — власть немногих, лучших (основное качество их — достоинство, ответственность, забота о всеобщем благе), и ее деградировавшая форма — олигархия (среди ее характеристик Аристотель на первое место ставит богатство); власть большинства — полития (республика), власть в ней основана на законе, правительственные должности достаются и бедным, лишь бы они были достойны; ее негативной формой является демократия, где власть находится в руках неуправляемой толпы[45]. Признавая лучшим видом государственного устройства правление лучших, аристократии, он считал, что в практическом плане предпочтительнее учитывать мнение большинства, ибо, если их отлучить от власти, они становятся враждебными государству. Отсюда его симпатии к политии: там, где средние граждане многочисленны, реже среди граждан возникают группировки и раздоры. Характерно высказывание Аристотеля о том, что «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных; они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей»[46]. Интересны рассуждения Аристотеля по

[45] Аристотель. Политика. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 457, 458.

[46] Там же. С. 456.

поводу равенства. «Равенство бывает двоякого рода: равенство по количеству и равенство по достоинству... безусловно справедливым может быть только равенство по достоинству.. Превосходство ведет к внутренним распрям, когда один или несколько будут выдаваться своим могуществом в большей степени, нежели это совместимо с характером государства... Поэтому в некоторых странах, например в Афинах, имеют обыкновение прибегать к остракизму»[47]. Он утверждал, что обязанность законодателя — «делать все государство в целом счастливым», отмечая при этом, что в большинстве стран ремесленники и земледельцы не счастливы[48]. Аристотель близок Платону в его программе элитного образования, целью которого является воспитание мудрецов, аристократии духа, духовное избранничество и вместе с тем подготовка к политическому лидерству.

Из мыслителей поздней Античности отметим древнеримских стоиков, и особенно Сенеку. Он считал, что истинная ценность и истинное благородство человека зависит не от знатности по рождению, а от его добродетели, добродетель же доступна всем, она требует человека «в голом виде». Благородное происхождение — игра случая. Единственный оправданный смысл благородства состоит в подлинной духовности, которая приобретается трудом, а не наследуется. Он — сторонник духовной элитизации личности: «Презренное существо человек, если он не возвышается над человеческим». Одобрение толпы для него — доказательство полной несостоятельности. Причем к черни он относит не только простонародье, но и венценосцев. «Главная задача должна заключаться в том, чтобы не следовать, подобно скоту, за вожаками стада, чтобы мы не шли туда, куда идут другие, а туда, куда повелевает долг»[49].

Представления об элитном и элитности претерпели существенные трансформации в период Средневековья. Элитный человек — образец для подражания — уже не царь, побеждающий противников, не его «мудрый советник», это — страдающий Христос, принявший смерть во искупление людских грехов, это святой угодник, это аскет, умерщвляющий плоть во имя веры, духовности.

Для философии раннего Средневековья (патристики) характерна позиция Августина Аврелия (он же Августин Блаженный,

[47] Аристотель. Политика. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 528.

[48] Там же. С. 414.

[49] Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 168.

354–430 гг.). В своей знаменитой «Исповеди» он подчеркивал: «Я не хотел принадлежать к толпе»[50]. Он разрабатывал учение о божественной благодати, которая ведет к спасению избранного меньшинства и осуждению за греховную жизнь большинства человечества. Первая — элитарная часть — это Град Божий, его составляют праведники, которых любовь к Богу доводит до самоотречения, а Град Земной состоит из себялюбцев, забывших о Боге. Этический критерий элиты — неустанное исполнение заповедей божьих. «Избранные» очищаются от зла не только посредством чистой жизни, но и воздержанием от материальных забот, занятые лишь совершенствованием[51]. Сократовское «познай самого себя» у него означает: себя как образ и подобие Бога. Псевдо-Дионисий Ареопагит (V век) подчеркивал иерархизацию мира — «священный порядок», приближающий, насколько возможно, к божественному. В мире есть ступени, определяемые близостью к Богу. Иерархизация требует от избранных просвещать, совершенствовать низших, сообщая им свое озарение [52].

В области политических наук исходным, концептуальным был тезис: «Богу – Богово, Кесарю – Кесарево», а также «нет власти не от Бога». В Средние века учение церкви о небесной и земной иерархии оправдывало крепостнические, сословные порядки; безропотное повиновение масс феодальным правителям утверждалось церковью как безусловная добродетель. Иоанн Солсберийский отождествлял государство с человеческим организмом, утверждая, что в этом «теле» духовенство —душа, правители — голова, крестьяне — ноги (кстати, эта мысль близка приведенному выше положению ведической мифологии). Другой средневековый богослов, Фома Аквинский, канонизированный католической церковью, проповедовал, что подданные должны безропотно нести «свой крест», подчиняясь «богоизбранным» правителям. При этом он добавлял, что подчиняться им следует лишь в телесных действиях. Во внутренних же движениях души следует «повиноваться лишь Богу». Государ-

[50] Отметим, что в молодости Августин находился под влиянием манихейства, утверждавшего существование двух начал в мире: добра и зла. Очищение добра от зла среди людей происходит стараниями «избранных», которые очищаются посредством аскезы, безбрачия, воздержания от мирских радостей, занимаются лишь совершенствованием. — *Прим. авт.*

[51] Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье. СПб., 1994. С. 50–51.

[52] Дионисий Ареопагит. О небесной и земной иерархии. СПб., 1997.

ство — необходимый социальный институт, оно ведет свое начало от Бога. Справедливое правление — условие благой жизни людей. Фома писал: «Если же правление направлено не к общему благу множества, а к личному благу властителя, это правление неправедное». Сущность власти — отношения господства и подчинения: воля лиц, находящихся на высших ступенях государственной иерархии, движет нижестоящими. Социальное неравенство Фома не только одобряет, но считает его важным элементом гармонии, совершенства Вселенной. Весь мир Аквинат представлял по образцу феодальной системы в виде иерархической лестницы «люди — ангелы — святые — Бог». Важную роль в государственной жизни играют иерархи христианской церкви, без которых правитель не может обеспечить своего соответствия воле Бога. Причем главное в представлении христианских теологов о человеке элиты, об избранном человеке — это не правитель как таковой, а святой угодник, ориентирующийся не на мирские, а на небесные, божественные ценности, совершенный человек, идеал которого — Иисус Христос.

Обратимся к протоэлитологии Возрождения. Николай Кузанский (1401–1464) развивал платоновские элитологические идеи. Человек — высшее творение Бога, он поставлен над другими его творениями. В божественной иерархии он лишь немного ниже ангелов. Уподобление человека Богу осуществимо в творческой деятельности. Видный гуманист Возрождения Дж. Пико делла Мирандола (1463–1494) в «Речи о достоинстве человека» ярко описывает процесс элитизации человека, овладение им все новыми и новыми высотами. Бог определил каждому своему творению его место, его пределы и границы. «Ты же, не стесненный никакими пределами, — обращается Бог к человеку, — определишь свой образ по своему решению», то есть качества человека не предопределены, человек сам себя творит и подымается все выше; элитизация есть выход за пределы ограниченности, реализуемый в творческой деятельности.

Если обратиться к политическим мыслителям Возрождения, наиболее ярки и оригинальны, безусловно, работы Николо Макиавелли. Его взгляды на проблему отношений правителей и подданных отличаются противоречивостью. С одной стороны, он выступал против феодалов, тормозивших объединение Италии, с другой стороны, он более всего опасался бунта вышедших из повиновения масс: «Не существует ничего более ужасного, чем разнузданные, лишенные вождя массы», и вместе с тем «нет ничего более

беспомощного»[53]. Он ищет оптимальное соотношение между правителями и народом и видит его в сильной власти. В то же время Макиавелли осуждает тираническую власть, которая развращает правителей и массу, которая, привыкнув терпеть тирана, становится «холуйской, лицемерной». Хотя личность политического вождя оказывается в центре внимания Макиавелли, он, в отличие от своих предшественников, не сводит политический процесс только к деяниям героев, в его представлении он весьма многокрасочен. Макиавелли различает активных и пассивных участников исторической драмы: это и монарх, и дворянство, и простолюдин, выходящий на городскую площадь и поддерживающий государя или бунтующий против него, офицер, участвующий в военном столкновении, ростовщик, субсидирующий политика, церковный деятель и т.д. Он рисует яркие психологические портреты лидеров; их действия стимулируются главным образом дурными врожденными страстями, исконно присущими людям. Они «неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до наживы». Макиавелли готов оправдать аморальные средства, при помощи которых правители достигают власти. При этом власть — не только ценность в себе, но средство для достижения определенных политических целей. Чтобы властвовать, правители должны знать главные стимулы человеческой деятельности (а это, по Макиавелли, жажда власти и обладание имуществом), изучать и использовать в своих интересах вкусы, наклонности, слабости толпы и, благодаря этому, господствовать над ней.

Интересна типология методов правления, предлагаемая Макиавелли, которые обеспечивают эффективность власти: это — «львы» (решительные правители, опирающиеся на силу) и «лисы» (гибкие политики, для которых характерны ловкость, притворство, хитрость, это мастера переговоров и закулисных интриг). Эту типологию принимает классик элитологии XX века В. Парето. Решая дилемму, на кого государю делать ставку из двух борющихся сил — на народ или знать, Макиавелли однозначно выбирает народ. Он пишет: «...Нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно — требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным»[54]. Государю надлежит

[53] Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 436.

[54] Там же. С. 329.

быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут: «Он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры»[55]. Хотелось бы обратить внимание еще на одну глубокую, не оцененную до конца мысль Макиавелли, последовательное развитие которой приводит к выводу о том, что власть предпочтительнее доверять тому, кто к ней менее рвется, доверять не явно выраженным честолюбцам, но тем, кто отчасти этой властью тяготится. Поскольку в каждой республике, рассуждает Макиавелли, есть люди знатные и народ, интересы которых обычно противостоят друг другу, возникает вопрос, кому лучше доверять власть: «...Охрану какой-либо вещи надлежит поручать тому, кто бы менее жаждал завладеть ей. А если мы посмотрим на цели людей благородных и худородных, то, несомненно, обнаружим, что благородные изо всех сил стремятся к господству, а худородные желают лишь не быть порабощенными и, следовательно, гораздо больше, чем гранды, любят свободную жизнь, имея меньше надежд, чем они, узурпировать общественную свободу»[56]. Макиавелли делает вывод о том, что интересы народа гораздо более совпадают с интересами государства. Он отнюдь не идеализирует народ, который, как и государь, и аристократия, подвержен (хотя и в меньшей степени) влиянию обстоятельств, и пишет, что «народ, который долго и смиренно терпит тиранию власти или иностранное иго — это развращенный народ, утративший драгоценный дар богов — свободолюбие, независимость, честность, смелость»[57]. Хотелось бы обратить внимание на неисторичность многих политологов и политиков, подчеркивающих только одну сторону творческого наследия Макиавелли, которая связана с обоснованием сильной власти, а также политического аморализма[58], оставляя в тени то обстоятельство, что описываемые им методы достижения власти были для него прежде всего средством достижения цели, бывшей, несомненно, прогрессивной — объединения Италии. Раздираемая феодальными распрями, таможенными перегородками, беззако-

[55] Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 330.

[56] Там же. С. 391.

[57] Там же. С. 411.

[58] Отметим, как исторический курьез, что в юные годы будущий прусский король Фридрих II написал книгу «Антимакиавелли», в которой отчитал великого флорентийца за политический аморализм. Но, став королем, он охотно использовал худшие из описанных Макиавелли методов борьбы за власть. — *Прим. авт.*

нием феодальных правителей, беззащитная перед вторжением иностранцев страна не могла нормально развиваться. И ради преодоления этой феодальной раздробленности Макиавелли допускал любые, в том числе жестокие, аморальные, средства. Кстати, несвободна от одностороннего подхода к наследию Макиавелли и «макиавеллиевская» школа элитаризма XX века и один из ее лидеров — профессор Нью-Йоркского университета Джеймс Бернхэм[59].

Элита в эгалитаристской парадигме. До сих пор мы преимущественно рассматривали историю развития элитарных концепций. Но, как уже отмечалось, элитология шире, чем элитарность, чем теории элиты. Исследование элит может вестись не только в рамках элитарной парадигмы, для которой выделение элиты имманентно развитию цивилизации, но и в рамках альтернативной, эгалитаристской парадигмы (эгалитаризм — учение о том, что в обществе должно быть установлено равенство — политическое и экономическое).

Элитаристская и эгалитаристская парадигмы развивались и вели борьбу между собой на протяжении всей истории человеческой цивилизации. В древнеегипетских, древнеиндийских, древнекитайских, древнеассирийских, вавилонских законах и других текстах III–IV вв. до н.э. преобладала элитаристская трактовка социально-политических отношений, отражавшая интересы господствующих классов. В меньшей степени сохранились тексты эгалитаристского характера, отражавшие интересы угнетенных классов, проявившиеся, в частности, в восстаниях рабов. Особый интерес представляют эгалитаристские, гуманистические идеи в раннем христианстве.

Эгалитаристские, антиэлитарные взгляды (эгалитарная парадигма) возникли и распространились в связи с ростом социально-экономического расслоения общества; эгалитаристские концепции трактуют возникновение и существование элиты как величайшую социальную несправедливость, а социальную и политическую элиту — как эксплуататорскую группу, как паразитический нарост на теле общества, то есть рассматривают элиту и ее роль в обществе со знаком минус. Эгалитаристская парадигма в своих крайних формах — как требование политического, право-

[59] Burnham J. The Machiavellians — Defenders of Freedom. N.Y., 1943.

вого, имущественного равенства — является антиэлитаристской, ибо существование элиты подрывает принцип равенства. Впрочем, история показала, что антиэлитаризм порой оборачивается лицемерным прикрытием смены элит, когда представители ранее угнетенных социальных групп, одержав победу в гражданской войне, сами становятся новой элитой (подобно тому как большевистская революция, прошедшая под антиэлитарными лозунгами, привела к власти тоталитарную элиту).

Эгалитаризм, пропагандировавший идеи уравнительности как основы организации социальной жизни, включая имущественное равенство, выступал главным оппонентом элитаризма. Идеи эгалитаризма зародились еще в условиях рабовладельческого строя как ностальгическая тоска по принципам первобытного равенства. Они проявились уже в античной Греции. Умеренные эгалитаристские идеи высказывал Аристотель в «Политике», провозглашая лучшим социальным строем отсутствие крайностей богатства и бедности, «меры» экономического благополучия, «золотую середину», ибо чрезмерное богатство ведет к олигархии. Он справедливо отмечал опасность элитаризма для стабильности политической системы: «А не принимающие участия в управлении государством могут ли дружественно относиться к государственному устройству?»[60].

Особое влияние на развитие эгалитаристских концепций имели проповеди Христа, носившие мощный заряд эгалитаристских гуманистических идей. Эгалитаристские идеи развивались в проповедях некоторых библейских пророков, в древнем Риме, в движении ранних христиан, некоторых монашеских и сектантских общин, в крестьянских движениях в Средние века, в движении английских левеллеров. Эгалитаризм проповедовал Бабеф и бабувисты, требовавшие уравнительного распределения общественного богатства на основе общности имущества. Утопический социализм и коммунизм проповедовал всеобщую уравнительность и аскетизм; наиболее крайнее выражение он получил в казарменном коммунизме.

Казалось бы, эгалитаризм наиболее близок демократии и является ее наиболее последовательным проведением. Но это не совсем так. Сторонники казарменного коммунизма (например, Г. де ла Пломбани), понимая, что в условиях всеобщей уравни-

[60] Аристотель. Политика. Т. 4. С. 424.

тельности люди утрачивают стимулы к труду, выступали с требованиями системы жесткого контроля и принудительных механизмов, регламентации сверху труда и быта людей, что прямо противоположно идеалам демократии, причем это право на насилие берет на себя определенная группа, которая и выполняет функции тоталитарной элиты. В определенной мере теоретики казарменного коммунизма предвосхитили политику и идеологию Пол Пота.

Эгалитаристские взгляды, как уже отмечалось, зародились еще в Древнем мире, в период разложения первобытно-общинного строя и становления классово-дифференцированного общества. Это была реакция на социальное расслоение как на несправедливость, когда родоплеменная знать стала институтизировать свое привилегированное положение и передавать его по наследству. Причем отрицательное отношение к имущественному неравенству порой перерастало в отрицательное отношение к неравенству вообще, например к отрицательному отношению к интеллектуальному неравенству, к «шибко умным» как к «выскочкам», как к нарушителям традиций (это отношение оказалось весьма стойким и существующим и поныне). Это как раз то отношение и те взгляды, которые яростно обличал Гераклит, как настроение толпы против выделяющихся из нее, возвышающихся над стандартами массы, против мудрых, наилучших. Впрочем, эгалитаристские концепции, как правило, выливались в протест против существования социальной элиты, а отнюдь не в остракизм против людей незаурядных, умных, не в протест против существования различий между людьми вообще.

Эгалитаристские концепции существовали на всем протяжении рабовладельческой, а затем феодальной и капиталистической формаций. Умеренно-эгалитаристских взглядов придерживался и Аристотель в его «Политике», где он выступал за «золотую середину» в области имущественной дифференциации, предупреждал против крайностей имущественного неравенства, способного привести к социальному взрыву. Когда в обществе нет ни бедных, ни слишком богатых людей, считал он, это и есть справедливость, которая венчает все добродетели (великодушие, доброту, скромность, чувство меры). Впрочем, он указывал, что «...люди вступают в распри не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях»[61]. Лучшим

[61] Аристотель. Политика. Т. 4. С. 420, 421.

социальным строем он считал отсутствие крайностей богатства и бедности, «меру», «золотую середину», поскольку чрезмерное богатство ведет к олигархии. Поэтому предпочтительным государственным строем он и считал политию, которая является «не демократией и не олигархией, но средним между ними»[62].

Идеями эгалитаризма пропитано раннее христианство. Позднее, в трудах Бабефа, Руссо, мы находим попытки теоретического обоснования эгалитарной парадигмы, развитие антропологических, ценностно-гуманистических этических идеалов эгалитаризма, ценностей альтруизма, солидарности, которые вели к демократическим выводам.

Термин «эгалитаризм» стал употребляться начиная с XVIII века, но сами концепции, как мы видели, зародились много раньше. Эгалитаристские взгляды особенно ярко проявляли себя в периоды восстания рабов, а затем — крепостных крестьян, в восстании крестьян под руководством Уота Тайлера, крестьянской войне под руководством Томаса Мюнцера. Восставшие английские крестьяне задавали вопрос: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был дворянином?» Так, может быть, идеальным обществом будет общество без элиты...

По эгалитарной парадигме строили свои концепции представители утопического социализма и коммунизма XVI–XIX веков Т. Мор, Т. Кампанелла, Уинстенли, Бабеф, А. Сен-Симон, Фурье, Оуэн и др. Одни из эгалитаристов рассматривали идею равенства как грубую уравниловку, другие выступали за сохранение определенных различий в труде и потреблении. Различна и степень антиэлитаризма, элитофобии в различных вариантах эгалитаризма. В большинстве из них можно разглядеть зачатки взглядов, оправдывающих существование «альтернативной» элиты, справедливой, хотя и с авторитарными и даже тоталитарными наклонностями, склонной к строгой регламентации жизни, против стремления иных, отличающихся от принятого стандарта, «выделиться», нарушить общий строй. Ставился (да и теперь ставится) вопрос: возможно ли общество без элиты? Является ли таковым социалистическое или коммунистическое общество? Порой на эгалитаристских лозунгах спекулировали идеологи тоталитаризма, порой эгалитаристами были благородные романтики типа Сен-Симона, Фурье, Оуэна, порой он выливался в анархические призывы, по-

[62] Аристотель. Политика. Т. 4. С. 147.

рой антиэлитаризм выливался на деле во власть тоталитарной элиты (в сталинизме, полпотовском терроре, маоистской «великой пролетарской культурной революции», северокорейском режиме). Заметим, что антиэлитаризм в той или иной форме присущ любой революционной идеологии, даже если она на поверку выливается в «иной элитизм», в котором, по Оруэллу, «all are equal, but some are more equal then others».

Т. Мор (1478–1535) обличал неравенство в обществе, когда одни люди проводят жизнь «в роскоши и блеске, праздности», а «работник, возница, ремесленник постоянно заняты тяжким трудом, который едва могут выносить животные». Причину социального неравенства он видел прежде всего в частной собственности, а также войнах, абсолютизме. В его Утопии господствует общественная собственность. Жизнь граждан регламентирована правилами, их деятельность, их поведение контролируется должностными лицами (сифогрантами). Допускается превращение неисправимых преступников в рабов.

Т. Кампанелла (1568–1639) причину всех зол, в том числе неравенства, видел в частной собственности. В его Городе Солнца «того почитают за знатнейшего и достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел, кто умеет применять их с большим знанием дела». Есть ли в государстве правящая элита? Управляет им четверка: Метафизик (его слово — решающее), Мощь (ведает военными делами), Мудрость (руководит развитием наук), Любовь (ответственный за деторождение и воспитание). В Городе Солнца существует общность жен; государство берет на себя обучение и воспитание детей, требует создания одинаковых стартовых условий для всех детей (последнее — благородная цель, не реализованная человечеством до сих пор). Но «забота об общем благе» вырождается в чрезмерную регламентацию жизни, подчинение личности Системе. Преступление против государства или высших властей караются смертью[63].

Дж. Уинстенли (1609–1652) требовал обобществления земли и ее плодов, постоянной сменяемости должностных лиц. При этом он полагал, что наилучшими правителями будут как раз выходцы из самых бедных и угнетенных, причем он уходит от вопроса о том, что эти люди могут оказаться неподготовленными и некомпетентными для выполнения управленческих функций. Уинстенли схватил сущность социального управления: «...Истинное правление

[63] Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954.

есть упорядочение всех действий, которое придает всякому поступку или вещи подобающие им вес и меру, и это предотвращает беспорядок». Он сформулировал, мы бы сказали, идеал административной элиты. Это «должны быть пригодные должностные лица, дух которых настолько смирен, мудр и свободен от алчности, что они могут исполнять установленные законы страны как свою волю, а не ставить свою волю из гордости и тщеславия выше правил свободы, требуя для себя прерогатив». Уинстенли допускал, что «может выдвинуться невежество». И «если должностное лицо будет ослеплено алчностью и высокомерием и невежество будет руководить им, то и стоящий ниже его человек может указать ему, что он сбился с пути... Но если нахождение у власти имеет лишь собственные интересы... это предвестие их собственного падения и часто свидетельствует о язве, поразившей всю страну... все должностные лица суть выборные, и, когда их действия направлены к тому, чтобы удовлетворить тех, кто выбрал их, тогда они являются добросовестными и справедливыми слугами республики... Но когда должностные лица захватывают землю в свои руки, они тем самым поднимаются до положения господ над своими хозяевами, народом, избравшим их»[64].

Ж. Мелье (1664–1729) считал: «Первым злом является огромное неравенство (disproportion) между различными состояниями и положениями людей; одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда. Такое неравенство глубоко несправедливо... Все люди равны от природы... Но люди живут в обществе, а так как общество не может быть благоустроенным... не может сохранять добрый порядок без наличия некоторой зависимости и подчинения... одних другим. Но вместе с тем эта зависимость и это подчинение должны быть справедливы и соразмерны, т.е. они не должны допускать чрезмерного возвышения одних и принижения других...»[65] Как видим, Мелье — эгалитарист, но его эгалитаризм не перерастает в элитофобию.

---

[64] Уинстенли Дж. Закон свободы // Избранные памфлеты. М., 1950. С. 179, 227.

[65] Мелье Ж. Завещание. В 2 т. Т. 1. М., 1954. С. 55, 57.

Послушаем аргументацию Г. Мабли (1709–1785): «Повсюду общество было подобно скопищу угнетателей и угнетенных... кто может отрицать, что, выйдя из рук природы, мы находились в самом совершенном равенстве?.. Разве она провела межи на полях? Она не создала ни богатых, ни бедных... она не предназначила одних быть господами других»[66].

Ж.Ж. Руссо (1712–1778) разрабатывал теории равенства с сохранением мелкой частной собственности (этот идеал пыталась осуществить якобинская диктатура). Руссо сформулировал основные атрибуты власти народа: ее неотчуждаемость, неделимость, неограниченность. Суверенитет народа является осуществлением общей воли. Причем, по Руссо, у общей воли нет иных целей, кроме общего блага, а главным ее стремлением является стремление к равенству.

Г. Бабеф (1760–1797) — один из самых известных и наиболее радикальных представителей эгалитаризма. Сторонник революционного ниспровержения феодализма и абсолютизма, упразднения крупной земельной собственности, он мечтал о строительстве общества, в котором будет достигнуто «абсолютно равное распределение». Разделяя концепцию общественного договора, он писал: «В естественном состоянии все люди равны. Нет никого, кто бы не согласился с этой истиной. Однако для того, чтобы оправдать крайнее неравенство имуществ в общественном состоянии, утверждают, что даже в состоянии дикости все люди, строго говоря, не пользовались абсолютным равенством, потому что природа не наделила каждого из них в одинаковой степени чувствительностью, умом, воображением, трудолюбием, активностью и силой; следовательно, она не наделила людей одинаковыми средствами, чтобы работать для своего счастья и приобретать те блага, которые его обеспечивают. Но если общественный договор был действительно заключен на основе разума, разве он не должен был иметь целью устранение того, что есть порочного и несправедливого в естественных законах?»[67] Он выступал против любых привилегий административной элиты, считая, что «нелепо и несправедливо притязать на большее вознаграждение тому, чья работа требует более высокого уровня умственного развития, большего прилежания

[66] Мабли Г.О законодательстве или принципы законов //Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 398.

[67] Антология мировой полиической мысли. Т. 1. С. 580.

и напряженного ума... это нисколько не увеличивает вместимость его желудка»[68]. Сторонник Бабефа Ф. Буонаротти писал о необходимости «представить народу действительное равенство как подлинную и законную цель революций»[69].

Элита в либерально-демократических концепциях Нового времени. Отметим, что к эгалитаристской парадигме склонялось явное меньшинство политологов, пытавшихся сконструировать идеал социально-политической системы. Громадное большинство видело этот идеал не в недифференцированном обществе, а в обществе иерархизированном (другое дело, что основанием этой иерархизации многие из них считали личные достоинства, а не аристократическое происхождение или богатство). Необходимость определенной иерархизации в обществе признавали, как мы видели выше, даже явные эгалитаристы, такие как Уинстенли или Мелье. Большинство политических мыслителей видели свой идеал не в обществе без элиты, а в обществе с «хорошей» элитой, «просвещенной» элитой и т.п. Наличие элиты представлялось неустранимым и, более того, желательным для общества, особенно развивающегося общества. Именно элита, творческое меньшинство общества рассматривается подавляющим большинством политологов, социологов, историков в качестве основного субъекта общественно-исторического процесса. Порой этим субъектом виделась не столько элита, сколько лидер, выдвигаемый элитой («героическая» интерпретация истории продолжала занимать ведущее место и в Древнем мире, и в Средневековье, и в Возрождении и в значительной мере в Новое время).

И все-таки в представлении о жестком противопоставлении правящего меньшинства и ведомой им массы в период Нового времени произошли существенные изменения. Причем основной удар по элитарной парадигме был нанесен не крайними эгалитаристами, отвергавшими необходимость элиты, но теми мыслителями, которые, отражая объективный процесс возрастания роли народных масс в истории, пересматривали дихотомическое деление на элиту и массу как основу социальной структуры. Классические теории демократии были, как правило, не антиэлитариз-

[68] Бабеф Г. Соч. В. 4 т. Т. 3. М., 1962. С. 519.

[69] Буонаротти Ф. Заговор во имя равенства. В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 2.

мом, а умеренным компромиссом между народоправием и элитаризмом. Прогрессивные политологи и обществоведы этого периода стали рассматривать народные массы не в качестве объекта управления элиты, а в качестве основного субъекта социального и политического процесса, имеющего право выбирать своих правителей. Это были демократические теории, прежде всего теории общественного договора. Собственно даже среди сторонников теории общественного договора существовали фундаментальные разногласия. Один из основателей теории общественного договора Т. Гоббс считал, что договор заключается не между гражданами и правящей властью, а гражданами между собой в том, что следует повиноваться избранной ими власти, причем не имея над ней контроля. Допускается, что правитель может стать деспотом, но это все же лучше, чем анархия, чем «война всех против всех» (напомним, что Гоббс жил в период гражданской войны в Англии), что народ продолжал быть объектом управления правителя, являющегося сувереном, что народ не имеет права свергнуть монарха.

Большое влияние на развитие политической философии оказали взгляды идеологов Просвещения, прежде всего договорная теория государства, развивавшаяся Локком, Монтескье, Руссо. И хотя в самом общем виде идея общественного договора выдвигалась еще во времена Античности (софистами, Эпикуром), в своей развитой форме она была сформулирована в Новое время. Именно и работах идеологов нарождавшейся буржуазии пробивала дорогу идея народного суверенитета, неприемлемая для последовательных элитаристов. Английский поэт Дж. Мильтон (XVII в.) доказывал, что народ — единственный суверен, что власть правителей должна им контролироваться.

Основоположником либеральной демократической традиции Нового времени в интерпретации теории общественного договора был Дж. Локк. В его теории народного суверенитета источником власти является народ, а правитель или элита — всего лишь средства, с помощью которых народ осуществляет этот суверенитет. Народ, как субъект власти, имеет право не только выбрать правителя (властную элиту), но и сменить его (ее), если властитель превращается в тирана, а политическая элита — в олигархическую группу, правящую в своих партикуляристских интересах, а не в интересах народа. В его концепции политической философии государство должно действовать по воле большинства (подразумевалось

большинство в буржуазном парламенте). Он развивал учение о разделении властей как средстве предотвращения злоупотребления властью правителями.

В концепции Монтескье общественный договор представляет собой не сделку, а вручение народом власти правителю, которому народ делегирует свои полномочия. Причем интересы государства и его граждан выше интересов правителей. Монтескье существенно дополнил классическую, идущую еще от Аристотеля классификацию форм правления. В его учении формы правления делятся не по числу лиц, которым вручена власть, а по характеру политических и иных отношений между правителями и управляемыми, причем важное место принадлежит правовому оформлению этих отношений. Монтескье — сторонник конституционных государств, ибо сама природа деспотических государств ведет к произволу, злоупотреблениям властью со стороны правителей по отношению к подданным. Сторонник «умеренных» политических систем, он считал, что аристократическое правление сохраняет стабильность, если действует в соответствии с законами. Гибель аристократии он увязывал с утратой легитимности, когда власть становится произвольной, а государство деспотическим.

Французские просветители XVIII века гневно осуждали тиранию и деспотизм, считали, что интересы народа грубо попраны, что феодальные правители лишили народ его естественных прав. Гельвеций писал, что «аристократия узурпирует все формы власти» по праву рождения, не обладая талантами и заслугами, и закабаляет народ. Французские материалисты XVIII века провозглашали право народа на восстание против тиранических правителей. «Всякий народ, стонущий под игом самовластия, вправе сбросить его»[70]. Однако этот вывод не проводился ими последовательно. Они опасались крайностей революции, не верили в способность народных масс самостоятельно руководить общественной жизнью. По их мнению, массы должны следовать за просвещенными лидерами из образованных классов. Хотя французские просветители беспощадно разоблачали феодальных правителей как тиранов, порабощавших народ, в их понимании народные массы не являются субъектом социального процесса. Занимая в целом идеалистическую позицию в интерпретации общественной жизни, они

[70] Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 396.

приходили к выводу, что творцы истории — «мудрые законодатели», «просвещенные правители».

Как мы видим, элитаризм критиковался как сторонниками народного суверенитета и демократии, так эгалитаристами. Классические теории демократии были, как правило, не антиэлитаризмом, а умеренным компромиссом между народоправием и элитаризмом. В основе демократических теорий Нового времени лежит идея народного суверенитета. Легитимным источником власти является народ, а правитель или элита — это скорее средства, с помощью которых народ осуществляет свой суверенитет. Именно демократическая интерпретация общественного договора потеснила элитаризм или во всяком случае придала ему новую форму, изменив отношение к народу только как объекту управления элиты. В демократических теориях он рассматривается в нормативном плане как субъект социально-политического процесса.

Можно высказать предположение, что между элитаризмом и элитизмом нет абсолютной грани, есть грани и переходы. Наиболее влиятельным направлением политической мысли Нового времени является не элитаризм и тем более не антиэлитаризм в форме эгалитаризма, а ослабленный элитаризм — та самая «золотая середина», о которой писал Аристотель, назовем ее элитизмом. В отличие от элитаризма, возвеличивающего элиту как творческую силу, подлинный субъект истории, элитизм выступает за элиту, ответственную перед народом. То есть это демократический элитизм. Формирующееся гражданское общество выдвигает и свою элиту. Не народ зависит от правителя и политико-административной элиты, а, напротив, правитель и элита зависят от народа. Общественный договор заключается, в сущности, в том, что народ как бы нанимает управленческую элиту и терпит ее до тех пор, пока она ему честно служит, доказывая свою компетентность, и заменяет ее другой, как только она перестает ему служить или ставит свои групповые интересы выше общенародных. Не народ ждет «доброго царя» и пресмыкается перед ним, а гражданское общество избирает из своей среды человека, который доказал, что он выражает интересы народа, обладает качествами, отвечающими его запросам, и доказывает это своими действиями. И как только эти действия перестанут отвечать чаяниям народа, он отправляется в отставку. Как писал А. Токвиль, анализировавший американскую демократию начала 30-х годов XIX века, именно народ становится всемогущим повелителем.

Элитаристская парадигма в Новое время. Но не следует полагать, что элитаристы капитулировали или отошли на задний план. Напротив, элитаризм продолжал развиваться, прежде всего в Европе, в частности, ранними немецкими романтиками, А. Шопергауэром с его учением о гениальности, о творческом меньшинстве, создающем новые культурные нормы («гений — это талант [природное дарование], который дает искусству правило... его первое свойство — оригинальность», причем оно обречено на непонимание «тупого большинства»). Несомненным элитаризмом отмечено творчество Т. Карлейля с его интересом к героям и героическому в истории. Он писал: «...Всемирная история — история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся на этой земле. Они, эти великие люди, были вождями человечества, воспитателями, образцами и, в широком смысле, творцами всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все содеянное в этом мире представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в наш мир»[71]. Не рассматривая все течения внутри европейского элитаризма XIX века, мы можем закончить наш краткий исторический экскурс на таком ярком мыслителе, непосредственном предшественнике элитаризма XX века, каким, безусловно, является Ф. Ницше.

Первоосновой мирового процесса Ницше объявлял волю к власти; движущая сила истории — «ненасытное стремление к проявлению власти и применение власти, пользование властью как творческий инстинкт»[72]. Жизнь, считает он, «стремится к максимуму чувства власти», воля к власти становится критерием любого типа поведения: «Что хорошо?» — «Все, что повышает волю к власти...» — «Что дурно?» — «То, что идет от слабости». Говоря о борьбе классов, он открыто встает на позицию защиты господствующего класса. Мораль для него играет разлагающую роль, это — «оружие слабых», «инстинкт толпы», который преодолевают «сверхчеловеки». «Есть *мораль господ и мораль рабов*... Знатный человек отделяет от себя существ, выражающих собой нечто противоположное таким возвышенным, гордым состоянием: он презирает их... в этой морали пер-

[71] Карлейль Т. Теперь и прежде. М., 1994. С. 6.

[72] Ницше Ф. Полн. собр. соч. В XII т. Т. IX. М., 1909. С. 298.

вого рода противоположение «хороший» и «плохой» значит то же самое, что «знатный» и «презренный»[73]. Существует природное неравенство людей, обусловленное различием их «жизненных сил» и «воли к власти». Сильный человек, прирожденный аристократ, абсолютно свободен, он не связывает себя никакими морально-правовыми нормами. Субъектом этой морали является *сверхчеловек* — центральное понятие философии Ницше.

По Ницше, «жизнь по самой своей сущности есть присвоение, нанесение вреда, преодоление чуждого и более — угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия... эксплуатация... И та корпорация, отдельные члены которой... считают себя равными — а это имеет место во всякой здоровой аристократии — должна сама, если только она представляет собой живой, а не умирающий организм, делать по отношению к другим корпорациям все то, от чего воздерживаются ее члены по отношению друг к другу: она должна быть воплощенной волей к власти»[74]. Причем «белокурым бестиям», которыми восхищается Ницше, присуще врожденное благородство, аристократичность, которых так не хватает нынешним господам, «фабрикантам и торговым деятелям» с их вульгарностью.

Консервативное крыло современных элитаристов восприняло концепции Ницше о «господах Земли», о «высшей расе аристократии», попирающей массы, о том, что народ должен быть удерживаем в рабстве всеми средствами — насилием, религией, рабской моралью. Ницше осмысливает процесс и причины упадка элит: «...Если аристократия, как это было во Франции в начале революции, отрекается от своих привилегий и приносит себя в жертву распущенности своего морального чувства, то это коррупция... она шаг за шагом уступала свои права на господство и принизилась до функции королевской власти... Но в хорошей и здоровой аристократии существенно то, что она чувствует себя не функцией (все равно, королевской власти или общества), а смыслом и высшим оправданием существующего строя, поэтому она со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполных, до степени рабов и орудий»[75].

---

[73] Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 381–382.

[74] Там же. С. 380–381.

[75] Там же. С. 380.

Главная мишень критики Ницше — революционные силы, восстающие против господства элиты: «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившихся смотреть на свое существование как на некоторую несправедливость и принимающих меры к тому, чтобы отомстить за себя и за все предыдущие поколения»[76]. Ницше страшится активности и организованности масс, видя задачу в том, чтобы задержать поток, «по-видимому, неизбежной революции». Ницше — критик буржуазной демократии справа, его политический идеал — сильная власть аристократии и сверхчеловека над народом. Отвергая социальную революцию, он выступает за революцию духовную, за «переоценку ценностей».

Аристократия в учении Ницше вовсе не равнозначна господству властвующей элиты над массой; важно прежде всего качество элиты. В его произведениях «знать» и «чернь» употребляются не как социально-политические категории, а как моральные, вне связи с существующей социальной иерархией. «Знать» и «чернь» определяются не богатством или бедностью, а величием и ничтожностью. Величие души — удел немногих, и именно оно придает смысл человеку, делая его сверхчеловеком. Этика служит не обществу, не массе, но совершенствованию индивида, избранности. Руководствоваться следует не моралью «мелких людишек», которая не больше, чем ложь, а моралью сверхчеловека, его целями и стремлениями. В этом смысле Ницше объявляет себя имморалистом. Только жизнь имеет абсолютную ценность, а настоящая жизнь появляется тогда, когда человек становится богом. Яркой, настоящей жизни достоин лишь человек, ставший богом, — сверхчеловек.

Мотив сверхчеловека — важнейшая часть элитологических воззрений Ницше. «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти... Сверхчеловек — смысл земли»[77]. Он презирает все формы массового сознания, его идеал — элитизация личности (превращение ее в сверхчеловека). Называя человека «грязным потоком», Ницше пишет, что сверхчеловек по отношению к человеку — как человек по отношению к обезьяне. Сверхчеловек — это аристократия (подлинная элита) общества. Ницше утверждает: «Возвышение человека — дело аристократи-

[76] Ницше Ф. Полное собр. соч. Т. IX. С. 126.

[77] Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Соч. Т. 2. С. 8.

ческого общества как общества, которое верит в длинную вереницу рангов и в разноценность людей и которому в некотором смысле нужно рабство. Без пафоса дистанции, порождаемого воплощенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытующе и свысока на подданных, служащих им орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать подчиненных на почтительном расстоянии, совершенно не мог бы иметь места другой, более таинственный пафос — стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний»[78]. Если для Протагора человек есть мера всех вещей, то для Ницше эта мера — аристократия: «Люди знатной породы чувствуют себя мерилом ценностей, они не нуждаются в одобрении, они говорят: "Что вредно для меня, то вредно само по себе", они сознают себя тем, что вообще только и дает достоинство вещам, они созидают ценности. Они чтут все, что знают в себе, такая мораль есть самопрославление»[79]. Это, пожалуй, наиболее откровенная формулировка элитаризма. Ницше предельно элитарен, он стремится развить и обострить теорию Платона. Аристократический Платон слишком либерален для него. Человек элиты Платона — совершенный, справедливый, мудрый — представляется ему «противоестественным» в этом жестоком мире. Герой Ницше — надменный, жесткий, лишенный сочувствия к слабым, нижестоящим.

«Господствующая каста» у Ницше самоидентифицирует себя: «Есть инстинкт распознавания ранга, который более всего является признаком высокого ранга, есть наслаждение, доставляемое нюансами почитания, и оно указывает на знатное происхождение и связанные с ним привычки»[80]. Ницше определяет признаки знатности: «...Не иметь желания передавать кому-нибудь собственную ответственность, не иметь желания делиться ею; свои преимущества и пользование ими причислять к своим обязанностям»[81]. Так откровенно формулируется кредо элитаризма — сильная власть аристократии, которая должна твердо верить, что

[78] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч. Т. 2. С. 379.

[79] Там же. С. 382.

[80] Там же. С. 388.

[81] Там же. С. 395.

существует не для общества, но что оно (общество) не более как «фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего бытия»[82]. Эта формулировка элитаристского идеала в XX веке (она перейдет и в XXI век) будет модернизироваться, ей будут стараться придать более «пристойный» вид в глазах буржуазно-демократических кругов, но сущность ее не изменится[83].

[82] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Соч. Т. 2. С. 380.

[83] Элитаризм Ницше, его учение о сверхчеловеке повлияли и на русских философов Серебряного века, особенно на В.С. Соловьева и Н.Ф. Бердяева, что не отрицает оригинальность русских философов в трактовке этой проблемы. По Ницше, человеческое должно быть преодолено сверхчеловеком, но для Соловьева истинно сверхчеловеческое уже явлено в лице богочеловека Христа. Причем если сверхчеловечество — удел немногих избранных, то для Соловьева идея элитизации личности — идея для всего человечества: каждый человек — потенциальный сверхчеловек (см.: Сенокосов Ю.В. Идея сверхчеловека у Соловьева и Ницше // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 69–78).

ГЛАВА

3 КЛАССИКИ ЭЛИТОЛОГИИ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

До сих пор речь шла о предшественниках элитологии. Теперь речь пойдет о формировании собственно элитологии. Признанными основателями элитологии и ее «патриархами» являются итальянские социологи Г. Моска и В. Парето. Симптоматично, что еще один патриарх элитаризма — Роберт Михельс — по национальности немец, уроженец Германии, переехал в Италию, где получил профессорскую кафедру в Туринском университете и принял итальянское гражданство (его и звали в Италии Роберто Михельс). К представителям первого поколения элитологов, творчество которых попадает на конец XIX — первую треть XX века, относятся также российский политолог М.Я. Острогорский (теория которого, как мы увидим, опередила построения Р. Михельса, причем выходила за элитаристскую парадигму[1]), французский политолог Ж. Сорель, выдающийся немецкий социолог и политолог М. Вебер, знаменитый австрийский психиатр, психолог, культуролог З. Фрейд.

Они сформулировали азбуку доктрины, и последующие элитаристы развивали, переосмысливали отдельные положения, но фундаментальные основы оставались незыблемыми. Элитарная структура общества рассматривалась как необходимость и как норматив. Классики элитологии считали, что политические режимы определяются структурами правления элит. Именно они сделали элиту предметом своего исследования и дали ей дефиницию, попытались раскрыть ее структуру, законы ее функционирования, роль элит в социальной и политической системе, мобильность в элиту представителей других страт общества, закономерности смены элит.

Пальма первенства в формулировании современных теорий элиты принадлежит Гаэтано Моске и Вильфреду Парето. Причем

---

[1] Напомним, что понятие «элитолог» шире, чем «элитарист»; оно включает и тех политологов, которые, признавая особую роль элит в политическом процессе, не считают элитарную структуру общества единственно возможной или хотя бы желательной; ряд элитологов подчеркивают, что существование элиты противоречит демократии. — *Прим. авт.*

между этими авторами и их последователями шел и продолжается спор о приоритете. Для противников элитаризма этот спор кажется мелким и смешным, как спор Бобчинского и Добчинского по поводу того, кто первый сказал «э». Но для сторонников и последователей Моски и Парето спор о приоритете представляется принципиальным. В. Парето стал знаменит, пользовался европейской известностью как экономист, статистик, социолог задолго до того, как приобрел известность Моска. Но целостную концепцию правящего класса, его роли в социально-политическом процессе (в первых трудах Моски термин «элита» отсутствует, зато его широко использует Парето) впервые выдвинул именно Моска. Позднее Моска обвинял Парето (не без некоторых оснований) в принижении его заслуг в разработке теории политической элиты, сетовал на то, что тот не сослался должным образом на его работы, которые знал и в значительной мере использовал. Во всяком случае и Моска, и Парето высказали ряд сходных идей.

Г. Моска. Концепция правящего класса как субъекта политического процесса была сформулирована Г. Моской в книге «Элементы политической науки», вышедшей в конце XIX века и получившей широкую известность после второго переработанного и расширенного издания в 1923 году. Но особенно возросла популярность Моски после перевода его книги на английский язык и издания ее в США. Обратимся к этой книге — классике элитологии.

Исходный пункт концепции Моски — деление общества на господствующее меньшинство и политически зависимое большинство (массу). Вот как формулирует Моска свое кредо: «Одно становится очевидным даже при самом поверхностном взгляде (обратим внимание на эту мысль с прилагательным "поверхностный", которой обычно не придают значения и в которой, может быть, больше смысла, чем первоначально вкладывал в нее автор: элитарист фиксирует то, что очевидно уже для обыденного сознания — наличие в обществе управляющих и управляемых; то есть обыденному сознанию, которому не ясны причина деления общества на классы, сущность социально-политических отношений, уже очевидна эта в общем тривиальная истина — есть власть имущие и есть безвластные (некая констатация, которую еще предстоит интерпретировать на уровне научного понимания. — *Г.А.*). Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными, всегда воз-

никают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает функционирование политического организма... В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего (или политического) класса»[2]. Эту цитату приводит большинство исследователей элитаризма как «классическую» формулировку основ теории политической элиты. Заметим также, что отождествляя правящий и политический классы, Моска совершает ошибку — это близкие, но отнюдь не тождественные понятия. Можно быть членом политического класса (каким является ныне Г. Зюганов и др. лидеры КПРФ), но не быть членом правящего класса, правящей элиты.

Критерием формирования господствующего класса являются способности к управлению людьми, подкрепленные материальным и интеллектуальным превосходством. Господствующий класс не является чем-то стабильным, он может эволюционировать, причем в двух направлениях: аристократическом и демократическом. Аристократическая тенденция выражается в его стремлении стать наследственным, закрытым, следствием чего является его застойность и деградация. Демократическая тенденция может сделать политику господствующего класса более гибкой, а его власть более прочной, ибо допускает обновление этого класса наиболее способными к управлению выходцами из более низких страт общества. Оптимальным же является синтез обеих тенденций, могущий обеспечить как стабильность власти, так и повышение ее эффективности.

Поскольку управление общественными делами всегда «находится в руках меньшинства влиятельных людей», с которыми сознательно или бессознательно считается большинство, Моска ставит под сомнение сам термин «демократия». «То, что Аристотель называл демократией», было просто-напросто «аристократией для довольно большого числа членов общества». Моска считает демократию камуфляжем той же власти меньшинства, плутократической демократией, признавая, что именно в опровержении демократической теории «заключается в основном задача данной его работы». Вместе с тем он считает оптимальным для политической

[2] Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187.

системы определенное совмещение аристократических и демократических начал. Моска пишет, что власть меньшинства над большинством должна в той или иной степени легитимизироваться, т.е. осуществляться с согласия большинства (иначе, как он отмечает, ситуация была бы обратной, т.е. большинство управляло бы меньшинством). Как же объяснить этот феномен? Прежде всего это связано с тем, что правящее меньшинство всегда является организованным меньшинством (во всяком случае по сравнению с неорганизованной массой). «Суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время меньшинство организованно именно потому, что оно меньшинство»[3]. Однако есть и еще одно обстоятельство, легитимизирующее эту власть меньшинства: «Оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходства... Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут»[4]. (Это — обоснование ценностного подхода к элите, который в будущем будут оспаривать сторонники функционального подхода). Более убедителен тезис Моски не о «моральном превосходстве» власть имущих и не о «военной доблести» их (на чем он настаивает применительно к ранним стадиям развития общества), а о связи управленческого меньшинства с богатством: «Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели воинская доблесть; правящие скорее богаты, чем храбры». И далее: «В обществе, достигшем определенной стадии зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым — значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами»[5]. По Моске, связь тут двусто-

[3] Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 189.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 191.

стать наследственными, если не по закону, то фактически»[8]. В этой фразе — большая доля истины, относящаяся к элитам самых разных политических систем, от восточной деспотии до партноменклатуры «реального социализма». Впрочем, Моска справедливо отмечает тенденцию перехода от более закрытых правящих классов к менее закрытым, от наследственных привилегированных каст, где элита, или, как предпочитает писать Моска, правящий класс, явно ограничена числом семейств и рождение является единственным критерием принадлежности к нему, к более открытому обществу, где, в частности, образование открывает путь к правительственным постам. Однако и тут господствующий класс обнаруживает тенденцию монополизировать обучение (думается, что было бы точнее сузить это положение до монополизации именно элитного обучения), и «тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называли преимуществом poisitions deja prises»[9] (уже занятого положения). Для Моски определенный приток в элиту новых людей — залог здоровья общества. Впрочем, Моска оговаривается, что это только при условии преобладания стабилизирующей общество консервативной тенденции, сохранения преемственности и обновления элит за счет лучших выходцев из масс. Таким образом, Моске явно ближе концепция трансформации, а не смены элит. Можно упрекнуть Моску в принижении роли народных масс в истории, в нигилистическом отношении к демократии (хоть это не совсем так: в своих последних работах его отношение к демократии несколько меняется, о чем речь пойдет ниже).

Моска отметил две тенденции в правящем классе: аристократическую и демократическую. Первая ведет к окостенелости, к отсутствию мобильности в элиту и к вырождению общества (что особенно подчеркивал Парето), вторая имеет место, главным образом, в периоды социальных изменений, когда происходит пополнение правящего класса наиболее динамичными и способными представителями социальных низов, когда элита наиболее подвижна и продуктивна. Завершая обзор взглядов Моски, отметим, что для него правление элиты — идея, с помощью которой правящее меньшинство стремится оправдать свою власть и старается убедить большинство в ее легитимности.

---

[8] Социс. 1994. № 10. С. 193.

[9] Там же. С. 193.

Моска справедливо отмечает связь проблемы элиты с проблемой лидерства: «Вокруг индивида, первым формирующего новое учение, всегда собирается более или менее многочисленная группа людей, которые ловят каждое слово учителя и глубоко вдохновляются его чувствами. У каждого мессии должны быть свои апостолы»[10].

В. Парето. Другим основателем элитологии считается Вильфредо Парето — итальянский экономист и социолог, один из виднейших представителей позитивистской социологии конца XIX – начала XX века, заявлявший, что его цель — создать «исключительно экспериментальную социологию», подобно химии и физике; он способствовал широкому проникновению в социологию математических и статистических методов исследования. Но, как и другие социологи-позитивисты, претендовавшие на строгую научность и беспартийность своей теоретической системы, он сплошь и рядом заимствовал догмы и предрассудки того социального слоя, к которому принадлежал и интересы которого отстаивал. На творчество Парето оказали влияние, с одной стороны, либеральные установки позитивистов Кона, Милля, с другой стороны, индивидуалистические и «аристократические» установки Ницше. Общество Парето рассматривал как целостность, а его части — как функциональные элементы целого (отметим, что ведущий социолог школы американского структурного функционализма Т. Парсонс считал его одним из предшественников функциональной теории). Парето исходит из того, что фундаментальным социальным законом является закон «социальной гетерогенности», внутренней дифференцированности, сердцевиной которого является противопоставление массы управляемых индивидов небольшому числу управляющих, которых он и называет элитой. Социальная система, по Парето, стремится к равновесию, причем это равновесие не статичное, а динамичное, и динамика социальной структуры инициируется и даже детерминируется элитой — правящим меньшинством. Термин «элита» Парето вводит в на грани XIX и XX веков и обосновывает его в своих дальнейших трудах, написанных в начале XX века.

В своем труде, ставшем классикой мировой социологии — «Трактате по общей социологии», он обобщает свои исследования по борьбе старой и новой аристократии. Вычленение элиты —

[10] Социс. 1992. № 12. С. 101.

исходный пункт социального анализа Парето: «Не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, повсюду мы имеем немногочисленный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного»[11]. Для выявления того, кто может быть отнесен к элите, Парето предлагает статистический метод: «Допустим, что во всех областях человеческой деятельности индивиду дается индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзаменах по разным предметам в школе. Дадим, например, тому, кто превосходно делает свое дело, индекс 10. А тому, чьи успехи сводятся только к наличию единственного клиента, — индекс 1, так, чтобы можно было поставить 0 кретину. Тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, честным или бесчестным путем), мы поставим 10; человеку, зарабатывающему тысячи франков, — 6 баллов, тем, кто едва избежал дома для бедных, — 1, оставив 0 тем, кто туда попал... Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области деятельности самую высокую оценку, назовем элитой. Для цели, которой мы задаемся, подошло бы любое другое название или даже простая буква алфавита»[12].

Итак, богатые образуют вершину социальной пирамиды, бедные — ее основание. Впрочем, классифицировать общество можно, по мнению Парето, и по иным критериям, к примеру по способностям в любой области деятельности: «Дадим, например, крупнейшему юристу 10 баллов; тому, кто не заполучил ни одного клиента, — 1, резервируя 0 для идиота. Ловкому жулику, который обманывает людей и не попадается под уголовный кодекс, мы поставим 8, 9 или 10 в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети, или количества денег, которые он у них выманил. Нищему мелкому жулику, крадущему столовые предметы у трактирщика и вдобавок схваченному за шиворот жандармами, мы поставим 1... Шахматистам можно присваивать более точные индексы, основываясь на количестве и качестве выигранных партий. И так далее для всех сфер деятельности...»[13] Подход Парето нейтрален в ценностном отношении, в его понятии элиты не следует искать моральный или метафизический смысл, а лишь попытку

[11] Pareto V. Trattato di sociologia generale. Firenze, 1916. Vol. 1. P. 317.

[12] Pareto V. Mind and Society. N.Y., 1935. Vol. IV. P. 2027–2031.

[13] Ibid. P. 2031.

объективного постижения социальной дифференциации. Элиту составляют те, кто оказываются наверху в реальной борьбе за существование.

Таким образом, Парето стремится очертить социальную страту тех, кто имеет наивысшие индексы в своей сфере деятельности, которую он называет «избранным классом, элитой; подразумевается, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом, что, однако, не означает, что бесполезно рассматривать эти разграничения»[14].

Графики иерархического деления людей по разным показателям (авторитет, умение, образование) будут частично совпадать с графиком распределения богатства, и все же последний оказывается «осевым». Неизбежность деления общества на элиту и массу Парето выводил из неравенства индивидуальных способностей людей, проявляющегося во всех сферах социальной жизни. Индивиды, обладающие большим влиянием, богатством образуют «высшую страту общества, элиту». К ней Парето относит прежде всего коммерческую, политическую, военную, религиозную верхушку. Причем не имеет смысла задаваться вопросом о том, подлинна или неподлинна элита и имеет ли она право на данное название, это элита де-факто.

Как видим, это предельно широкая трактовка элиты. Но мы встречаем у Парето и понимание элиты в узком смысле. Это та часть элит, которая играет определяющую роль в политике, которая является правящей элитой (т.е. элита в узком смысле слова оказывается аналогом политического класса Г. Моски). Итак, не все члены элиты входят в элиту в узком смысле слова, т.е. в правящую элиту, некоторые из них образуют неправящую элиту. Так, выдающиеся ученые входят в элиту, но не оказывают значительного влияния на правительство. Социальная структура, по Парето, приобретает следующий вид: «1) низшая страта, неэлита... 2) высшая страта, элита, делящаяся на две части: а) правящая элита; в) неправящая элита»[15]. Возможно и формирование контрэлиты из людей, обладающих способностями к управлению обществом, но не имеющих доступа к власти и могущих оказаться центром притяжения сил, враждебных правящей элите.

---

[14] Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 61.

[15] Там же.

Материальные и духовные ценности распределяются в обществе в высшей степени неравномерно, и особенно власть, богатства, почести. «Неравенство в распределении богатства, по-видимому, зависит гораздо больше от самой природы человека, чем от экономической организации общества»[16]; неравное распределение богатства есть неточное отражение социальной гетерогенности, т.е. неравного распределения евгенических свойств, поскольку адекватному соответствию препятствуют социальные перегородки (жаль, что Парето при этом не добавляет, что в них в первую очередь заинтересована как раз элита. — *Г.А.*). Указанная неравномерность связана с тем, что меньшинство управляет большинством, прибегая к силе и хитрости, причем оно стремится легитимизировать свою власть, внушая управляемым, что оно выражает интересы общества, что долг массы — подчиняться элите.

Для объяснения социальной динамики Парето формулирует свою известную теорию «циркуляции элит»: социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из равновесия с течением времени возвращается к нему; процесс колебания системы и прихода ее к «нормальному состоянию» равновесия образует социальный цикл; течение цикла зависит от характера циркуляции элит. Генезис элиты связан с появлением в недрах определенного общества пассионарной группы, которая вначале не имеет власти, не допускается к ней существующей правящей элитой, хотя стремится к власти. Она и является базой новой элитной группы, выступающей в рамках старой политической системы как контрэлита. С течением времени старая элита дряхлеет, а потенциал контрэлиты растет, и постепенно по своему качеству и волевому настрою она начинает превосходить ту элиту, которая монополизировала власть. Контрэлита сплачивает вокруг себя оппозиционные силы, доказывает, что она способна более эффективно управлять обществом, осуществить назревшие социальные преобразования и, заручившись поддержкой части социальных низов, свергает старую элиту, занимая место правящей группы. Но затем, превратившись в правящую элиту, она в свою очередь дряхлеет, деградирует, не служит обществу, а лишь паразитирует на нем, тщательно оберегая свои привилегии, общество проходит новый цикл развития с появлением более пассионарной контрэлиты и т.д.

---

[16] Pareto V. Trattato di sociologia generale. Par. 1012.

Впрочем, при желании тут можно «поймать» Парето на внутренней противоречивости его теории. Ведь исходный принцип социологии Парето — подход к обществу как к целостной системе, функционирование каждого из элементов этой системы задается ее целостностью. Это весьма плодотворный подход. Но в своей теории элит он вступает в противоречие со своим системным подходом, так как полагает, что часть социальной структуры, ее элемент — элита — задает программу обществу как целостности. Это не только противоречит его системному подходу, но и оборачивается гипертрофированием, абсолютизацией роли элит в развитии общества, недооценкой роли других элементов социальной структуры и прежде всего недооценкой роли народных масс в социальном процессе. Функционирование элит, их структура, формы рекрутирования элит задаются социальной системой как целостностью, и потому поведение элит различно в различных социальных системах.

Элиты, особенно закрытые, со временем разлагаются: «Первоначально военная, религиозная аристократии, торговцы, плутократия, за небольшим исключением, непременно должны были входить в элиту... Победоносный воин, процветающий торговец, обогащающийся плутократ являлись в обыденном смысле людьми высшего уровня, каждый в своем деле. Тогда этикетка соответствовала действительному качеству, но затем, со временем, произошел разрыв, часто значительный... в то же время некоторые аристократии, поначалу являвшиеся существенной частью правящей элиты, превратились в конце концов в ее самый незначительный элемент, как это в особенности произошло с военной аристократией. Аристократии не вечны... через какое-то время они исчезают. История — это кладбище аристократий»[17]. Но свято место пусто не бывает: «Правящий класс восстанавливается не только численно, но, что более важно, и качественно благодаря семьям из низших классов...»[18]

В элите же постоянно накапливаются элементы, не обладающие качествами, необходимыми для управления и, чтобы остаться в элите, прибегающие к насилию, террору. Аристократия переживает не только количественный, но и качественный упадок и вынуждена бороться за свое выживание с контрэлитой.

Парето стремится представить исторический процесс в виде вечной циркуляции основных типов элит. Схема этой циркуляции

[17] Антология мировой политической мысли. Т. 2. С. 65–66.

[18] Там же.

имеет мало общего с историческим подходом к общественному развитию, весьма спекулятивна в своих претензиях на универсальность: «Элиты возникают из низших слоев общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются, уничтожаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории»[19]. История для Парето — это история преемственности привилегированных меньшинств, которые формируются, борются, достигают власти, наслаждаются властью, приходят в упадок и заменяются другим привилегированным меньшинством. Именно Парето ввел термин «элита» в социологию, и он стал общеупотребительным, хотя он сам применяет в качестве синонимических и такие понятия, как «правящий класс», «высший слой общества» и, конечно, следуя традиции, «аристократия». Причем, как и Моска, Парето справедливо считает, что высокая степень закрытости элит замедляет исторический процесс и, если элита является закрытой — это верный путь к ее деградации, как и деградации общества в целом. Ведь в неэлитных стратах общества накапливается все большее количество людей, способных к управлению обществом, людей пассионарных, которые как раз оказываются востребованными обществом, но, не имея возможности выхода в элиту, возможности реализации своих творческих потенций, они превращаются в контрэлиту или элиту будущего, превосходящую по своим качествам старую элиту.

Итак, элиты развиваются циклично. Пришедшая к власти элитная группа энергично ведет общество к новым моделям социально-политической жизни. Следующие поколения этой элиты, удовлетворенные своей жизнью, стремятся стабилизировать ситуацию, а затем консервировать ее, превращаются в элиту статуса, а не достижений, начинают превращаться в паразитическмй слой.

Почему происходит смена элит, а их господство, как правило, неустойчиво и непродолжительно? Во-первых, потому что многие аристократии являются преимущественно военными (во всяком случае опирающимися на военную силу) и они истребляются в бесконечных войнах. А самое главное, через несколько поколений аристократия становится изнеженной, теряет жизнестойкость и решительность в использовании силы. Качества, обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития; отсюда меняются и типы элит, а история оказывается кладбищем аристократии.

---

[19] Pareto V. Les systmes socialistes. Lausanne, 1965. P. 60–61.

По Парето, существует два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип — «львы» (Парето, как видим, использует терминологию Макиавелли), для них характерен крайний консерватизм, грубые, «силовые» методы правления. Второй тип — «лисы», мастера обмана, политических комбинаций, интриг. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивость состояния политической системы требует прагматически мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов. Каждой элите свойственен один из двух основных методов управления: элите «лис» — манипулятивный, включающий компромиссы, социальную демагогию, и элите «львов» — метод грубого подавления. Постоянная смена одной элиты другой является результатом того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует постоянного процесса замены одной элиты другой по мере того, как перед элитами возникают иные, но в общем-то повторяющиеся ситуации. Общество, где преобладает элита «львов», представляет собой общество ретроградов, оно неподвижно, застойно. Напротив, элита «лис» динамична. Представители первой любят спокойствие, вкладывают свои капиталы в ренту, представители второй извлекают прибыль из любых колебаний рыночной конъюнктуры[20]. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен, в соответствии с требованиями ситуации, пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. А прекращение циркуляции приводит к вырождению властвующей элиты, к революционной ломке системы, к выделению новой элиты с преобладанием в ней элементов с качествами «лис», которые с течением времени вырождаются во «львов», сторонников жесткой реакции, и соответствующий «цикл» повторяется. Оба типа элит не могут окончательно стабилизировать политсистему, они просто оказываются элементами процесса смены элит.

При этом, предупреждал Парето, не следует смешивать силу элиты с насилием, которое часто есть спутник слабости: «Пока

[20] Эту схему Парето используют многие современные элитологи для объяснения политических процессов (например, польские элитологи Я. Покульский и Я. Василевский в своей статье «Циркуляция политических элит...» (Полис. 2008. № 6).

французские правящие классы в конце XVIII века занимались развитием своей «чувствительности», затачивался нож гильотины»[21]. Революции, по Парето, всего лишь смена и борьба элит: правящей элиты и потенциальной элиты (контрэлиты), которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, но это лишь обман для непосвященных. Парето отмечает, что высшая и низшая страты (элита и массы) неоднородны. В низшей имеются люди, обладающие способностями к управлению обществом. В элите же постоянно накапливаются элементы, не обладающие качествами, необходимыми для управления, и прибегающие к насилию, террору. Пришедшая к власти элита стремится передать власть своим детям, внукам, но те, в отличие от первого поколения элиты, не закалены в борьбе за власть, изнеженны, воля их ослаблена. «Аристократия переживает не только количественный, но и качественный упадок». Вместе с тем история — не только кладбище аристократии, но и преемственность аристократии. «Правящий класс пополняется семьями, происходящими из низших классов». Элита, борясь с контрэлитой, может использовать один из двух способов (или оба сразу): либо уничтожить ее, либо абсорбировать, причем последний способ — не только более гуманный, но и более эффективный, поскольку дает возможность избежать революций. Для Парето общественный процесс связан с распространением конкуренции как способа отбора в элиту в экономике, политике, управленческих структурах[22]. Он считал, что никакая государственная регламентация не в состоянии восполнить недостаток частной инициативы и заменить свободную конкуренцию в качестве инструмента отбора элит. В этом плане он резко негативно относился к социализму.

Следует сказать, что английская элита оказалась, пожалуй, наиболее преуспевшей в абсорбции потенциальных контрэлит: несколько веков она держит открытыми (или лучше сказать, приоткрытыми) двери для наиболее мобильных представителей непривилегированных классов. Значительно ниже социальная мобильность в элиту в Испании, Португалии, странах Латинской Америки. Всякое общество чревато нестабильностью. Закрытость элит рано или поздно приводит к старению общества и его закату.

Интересен анализ Парето нелогических (иллогических) поступков людей, когда объективная последовательность событий,

[21] Pareto V. Les systemes socialistes. P. 276.

[22] Ibid. P. 6.

совершаемых людьми, не соответствует их субъективным намерениям. Известный французский социолог и политолог Р. Арон, иллюстрируя мысль Парето, пишет: «Так, революционеры-большевики скажут, что они хотят взять власть, чтобы обеспечить свободу народа. Совершив насильственным путем революцию, они самим непреодолимым ходом вещей вовлекаются в установление авторитарного режима»[23].

К демократическим теориям Парето относился с недоверием и скептицизмом. Демократические режимы Парето называл плутодемократическими, считая их властью элиты «лис», предпочитающих хитрость и изворотливость голому насилию и поддерживающих свою власть пропагандой и политическими комбинациями и маневрированием. Он лояльно отнесся к установлению фашистского режима в Италии, ограничившись абстрактной рекомендацией режиму быть более либеральным. Муссолини объявлял Парето своим учителем (хотя в еще большей мере он считал своим учителем другого элитариста — Ж. Сореля).

В своем фундаментальном труде «Социалистические системы» Парето соглашается с Марксом в том, что классовая борьба — важнейшее явление мировой истории, но утверждает, что неверно полагать, что классовая борьба порождается экономическими причинами, вытекающими из отношений собственности на средства производства. Он считает, что борьба за политическую власть может быть первопричиной как столкновения элиты и масс, так и соперничества правящей и неправящей элит. Следствием классовой борьбы в современную эпоху будет не установление диктатуры пролетариата, как утверждал Маркс, а господство тех, кто выступает от имени пролетариата, т.е. опять-таки привилегированной элиты (сходную мысль сформулировал в свое время М. Бакунин. Отметим, между прочим, что первой женой В. Парето была Александра Михайловна Бакунина). «В наше время социалисты отлично усвоили, что революции конца XVIII века просто поставили у власти буржуазию на место прежней элиты... но они искренне считают, будто новая элита политиков будет крепче держать свои обещания, чем те, которые сменяли друг друга до сих пор. Впрочем, все революционеры последовательно провозглашают, что прошлые революции в конце концов заканчивались только надувательством народа, что подлинной станет та революция, которую

[23] Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 405.

готовят они. «Все до сих пор происходившие движения, — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», — были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства». К сожалению, эта подлинная революция, которая должна принести людям безоблачное счастье, есть лишь вводящий в заблуждение мираж, никогда не становящийся реальностью. Она похожа на золотой век, о котором мечтали тысячелетиями»[24]. Что ж, можно поздравить Парето почти через столетие за его проницательность. Американский социолог П. Бергер пишет, что Парето считал, что интеллектуалы, идентифицирующие себя с социализмом, связывают с ним свои надежды на то, что в будущем они превратятся в элиту[25].

Сравним взгляды Моски и Парето. Мы убедились в том, что они достаточно близки. Но и при жизни обоих основателей элитологии, и ныне, в среде их последователей продолжается спор о приоритете. В книге «Теория управления и парламентское правление» (Турин, 1884) Моска начал разработку своей теории правящей элиты на десятилетие раньше основных трудов Парето по этой проблематике. Причем Парето отказался признать требование Моски подтвердить его приоритет, ссылаясь на «банальность» положений Моски, изложенных ранее Берком, Тэном и другими политическими мыслителями. Р. Арон изложил суть этого спора следующим образом: «Использовал ли Парето идеи Моски в большей степени, чем требовало приличие, ссылаясь на него несколько меньше, чем требовала справедливость?»[26]

Наряду со сходством исходных положений Парето и Моски можно отметить и их различия. В отличие от Моски, подчеркивавшего прежде всего сплоченность правящей верхушки и говорившего о «правящем классе», Парето толкует субъект власти более плюралистично, как совокупность конкурирующих групп. Если Парето делал упор на замене одного типа элит другим, то Моска подчеркивал постепенное проникновение в элиту «лучших» представителей массы. Если Моска абсолютизирует действие политического фактора, то Парето объясняет динамику элит во многом

[24] Pareto V. Les systemes socialistes. P. 61–62.

[25] Бергер П.Л. Социалистический миф // Социс. 1990. № 3.

[26] Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 405.

психологически: элита господствует над массой, насаждая политическую мифологию, сама же она возвышается над обыденным сознанием. Для Моски элита — политический класс, у Парето понимание элиты шире, оно более антропологично.

Многие крупные современные политологи критиковали определенные стороны концепции Парето. Р. Арон писал, что его теории перегружены ценностными суждениями. Виднейший английский элитолог Т. Боттомор писал о том, что из работ Парето не ясно, относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой. Действительно, обе интерпретации присутствуют у Парето и он часто пишет о том, что наиболее способные индивидуумы рекрутируются из низшей страты в высшую, а отдельные элементы элиты деградируют, опускаясь на дно общества. Но и тот, и другой свободны от недооценки вклада Парето в теорию элитологии.

Р. Михельс. Перечисляя основоположников элитологии, западные исследователи теорий элиты не без основания отмечают труды Р. Михельса (хотя с большими основаниями, как мы увидим дальше, им следовало бы сослаться на такого классика элитологии, как М.Я. Острогорский). Немецкий политолог Михельс во многом примыкает к итальянской школе основоположников элитологии. В зрелом возрасте он переезжает в Италию, получает итальянское гражданство, работает профессором политических наук в Турине. В контексте элитологии нас больше всего будет интересовать главный труд Р. Михельса «Социология политических партий в условиях демократии», изданная в Лейпциге в 1911 году. Мы находим здесь уже знакомые нам положения о том, что «общество не может существовать без господствующего, или политического класса, хотя элементы его подвергаются обновлению», и что наличие такого класса — «постоянно действующий фактор социальной эволюции»[27]. Известность Михельса связана главным образом со сформулированным им «железным законом олигархических тенденций». Суть этого закона состоит в том, что «демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности», вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты — активного меньшинства, которому массе приходится довериться ввиду невозмож-

[27] Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., 1962. P. 340.

ности ее прямого контроля над этим меньшинством. Поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию, и люди, совершая социальный переворот, убегают от Сциллы, чтобы попасть к Харибде. Таким образом, демократия сталкивается с «неразрешимым противоречием»: во-первых, она «чужда человеческой природе» и, во-вторых, неизбежно содержит олигархическое ядро[28].

Нужно сказать, что первоначально Михельс отличался руссоистско-синдикалистским максимализмом, утверждая, что подлинная демократия — непосредственная, прямая; демократия представительная несет в себе зародыш олигархичности. «Масса вообще никогда не готова к господству, но каждый входящий в нее индивид способен на это, если он обладает необходимыми для этого положительными или отрицательными качествами, чтобы подняться над нею». Демократия, считает Михельс, вообще чужда человеческой природе. Он приходит к выводу о том, что олигархия — неизбежная форма жизни крупных социальных структур. Основная работа Михельса посвящена главным образом анализу деятельности социалистических и социал-демократических партий стран Западной Европы, прежде всего — СДПГ. Михельс показывал, что власть в этих партиях принадлежит фактически узкому кругу лиц, находящихся на верхних ступенях партийной иерархии. Необходимость управления организацией требует создания аппарата, состоящего из профессионалов, и партийная власть неизбежно концентрируется в их руках («причина образования олигархии в демократических партиях лежит в технической невозможности обойтись без лидеров»)[29].

---

[28] Michels R. Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., 1962. P. 6.

[29] В большинстве американских и западноевропейских политологических работах (исключением являются работы известного американского политолога С. Липсета, см., напр, его статью: Острогорский М.Я. и политическая социология XX века // Социс. 1992) Михельс считается основоположником социологии партий. Однако в действительности эта честь принадлежит российскому политологу М.Я. Острогорскому, на тринадцать лет раньше Михельса опубликовавшего книгу «Демократия и политические партии». Причем эта книга, на наш взгляд, глубже работы Михельса. Если Михельс считает движение политических партий (и организаций в целом), возникших первоначально как демократические, от демократии к олигархии «железной необходимостью», то Острогорский далек от подобного фатализма, для него движение к олигархии — лишь одна из тенденций развития, наряду с которой существует и противоположная тенденция — демократическая, и реальное развитие политических партий зависит от исхода борьбы

У Михельса мы встречаем элементы исторического подхода к демократии: «На нижней ступени человеческой культуры господствовала тирания. Демократия могла возникнуть только на более поздней и высокоразвитой стадии общественной жизни». Однако олигархичность присуща «самой природе человеческого общества». Исследуя развитие политических систем, «...замечаешь, что по мере развития демократия вновь оборачивается вспять... Институт вождей был известен во всех прежних эпохах. И когда сегодня, особенно среди ортодоксальной социал-демократии приходится слышать, что в социал-демократии нет вождей, а есть лишь чиновники... это ведет к усилению вождизма... не позволяет массам разглядеть действительную опасность»[30]. Партийная элита обладает преимуществами перед рядовыми членами (имеет больший доступ к информации, возможности оказывать давление на массы). «Чем более расширяется и разветвляется официальный аппарат, чем больше членов входит в организацию... тем больше в ней вытесняется демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов. Формируется строго обособленная бюрократия со множеством инстанций. Таким образом, нет сомнения в том, что бюрократизм олигархической партийной организации вытекает из практической формальной необходимости... демократия — всего лишь форма. Но форму нельзя ставить выше содержания»[31].

Михельс с сочувствием цитирует мысль Руссо о том, что масса, делегируя свой суверенитет, перестает быть суверенной, для него представлять — значит выдавать единичную волю за массовую. «Масса вообще никогда не готова к господству, но каждый входящий в нее индивид способен на это, если он обладает необходимыми для этого положительными или отрицательными качествами, чтобы подняться над нею и выдвинуться в вожди»[32]. Причем

этих тенденций, зависит от исторических условий, от соотношения противоборствующих сил и, прежде всего, от поддержки народных масс (см.: Ostrogorski M. La Democratie et l'organisation des parties politiques. Paris, 1898; второе издание этой книги последовало в 1903 г.; русское же издание под названием «Демократия и политические партии» вышло в 1927 г. (1 том) и в 1930 г. (2 том); последнее издание данного сочинения в России вышло в 1997 г.).

[30] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 58, 59.

[31] Там же. С. 59.

[32] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 7. С. 76.

партийная элита оказалась подверженной всем соблазнам обладания властью и настроенной «использовать массы в качестве трамплина для достижения своих целей и планов». Особое внимание Михельс уделяет борьбе элит за позиции власти. «Редко борьба между старыми и новыми вождями заканчивается полным устранением первых. Заключительный акт этого процесса состоит не столько в смене элит, сколько в их реорганизации. Происходит их слияние»[33].

Невозможность демократии существовать без организации, управленческого аппарата и профессиональной элиты неизбежно ведет к закреплению постов и привилегий, к отрыву от масс, фактической несменяемости лидеров. «Вожди, как правило, невысоко ставят массы. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их от дел. Представитель... превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами. Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту»[34].

Михельс доказывает «формально-техническую невозможность прямого господства масс». Невозможность прямой демократии вытекает прежде всего «из численности». Гигантские митинги стремятся без подсчета голосов и учета различных мнений принимать резолюции целиком, не вникая в детали. Толпы заменяют и вытесняют индивида. Причем харизматических лидеров, поднимающих массы к активной деятельности, сменяют бюрократы, а революционеров и энтузиастов — консерваторы и приспособленцы. Руководящая группа становится все более изолированной и замкнутой, защищает, прежде всего, свои привилегии и в перспективе превращается в интегральную часть правящей элиты. Профессиональные функционеры профсоюзов, социалистических и левых партий, особенно ставшие членами парламента, меняют свой социальный статус, становятся членами правящей элиты. Таким образом, лидеры масс, став частью элиты, начинают защищать ее интересы и тем самым свое собственное привилегированное положение. Но интересы масс не совпадают с интересами бюрократических лидеров массовых организаций. Поэтому партий-

[33] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 7. С. 77.

[34] Диалог. 1990. № 5. С. 84–85.

ная элита склонна проводить консервативную политику, не выражающую интересы масс, хотя она и действует от их имени, конкурируя с другими фракциями политической элиты, а именно с элитой аристократии, менеджеров и т.д. Жизнь лидеров социал-демократических партий становится буржуазной или мелкобуржуазной, и они защищают свое новое положение, свои привилегии. Руководящая группа становится все более изолированной и замкнутой и в перспективе превращается в интегральную часть правящей элиты.

При этом Михельс отнюдь не отрицает способность элитарной структуры к демократической мимикрии. «Даже консервативные партии приняли в современном государстве демократический облик... встретившись с натиском демократически настроенных масс»[35]. И далее развивает эту мысль: «...В современной партийной жизни аристократия охотно демонстрирует себя в демократическом облачении, а в содержании демократии явно проступают аристократические признаки. Здесь мы встречаем аристократию, принявшую демократическую форму, там — демократию с аристократическим содержанием»[36]. Михельс делает вывод: «Господство в нашем обществе отношений сильной экономической и социальной зависимости делает невозможным в нынешних условиях появление идеальной демократии... Но тогда нам следует задать также второй вопрос о том... имеются ли в зародыше силы, которые бы приблизили общество к идеальной демократии, и пробиваются или вытесняются эти силы»[37]. Михельс употребляет специальный термин, соединяющий понятие демократии (формальной) и фактическую власть олигархии: «технодемократия».

Итак, поскольку элита «организуется и консолидируется, управляя массой», Михельс считает неизбежным элитарную структуру любой общественной организации. «Формальная специализация, являющаяся необходимым следствием любой организации», порождает необходимость профессионального руководства. А это приводит к тому, что «вожди становятся независимыми, освобождаясь от влияния масс». Сущность любой организации (партии, профсоюза и т.д.) содержит в себе «глубоко аристократические черты...

[35] Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия // Социс. 2000. № 1. С. 107.

[36] Там же. С. 112.

[37] Там же. С. 113.

Отношение вождя к массам они превращают в свою противоположность. Организация завершает окончательное разделение партии или профсоюза на руководящее меньшинство и руководимое большинство»[38]. Причем руководящее меньшинство — отнюдь не лучшие, высокоморальные люди, а чаще всего честолюбцы и демагоги. «Демагоги, эти льстецы массовой воли, вместо того, чтобы поднимать массу, опускаются до ее самого низкого уровня, но опять лишь для того, чтобы ложным, искусно изобретенным прикрытием... надеть на них ярмо и господствовать от их имени»[39]. Значительное внимание Михельс уделяет борьбе элит за позиции власти. «Редко борьба между старыми и новыми вождями заканчивается полным устранением первых. Заключительный акт этого процесса состоит не столько в смене элит, сколько в их реорганизации. Происходит их слияние»[40]. Как видим, Михельсу нельзя отказать во многих тонких наблюдениях и обобщениях. Но можно разглядеть и «белые пятна» в его концепции. Главный довод Михельса заключается в том, что неолигархическое управление большими организациями невозможно технически. Но ведь технические препятствия рано или поздно могут быть преодолены. Михельс не был знаком с возможностями современных (и тем более будущих) ЭВМ. Возможна ли демократия и неолигархическое управление большими организациями, если технические препятствия для этого преодолены, если существует развитая система прямой и обратной связи между руководителями и членами больших организаций, — проблема, которая еще ждет своего решения. Описывая действительную трансформацию лидеров социал-демократии, он абсолютизирует этот феномен, выводя его из «вечных» механизмов управления, с неизбежностью выливающихся в олигархическое правление. Ссылаясь на объективность закона олигархических тенденций, он скатывается на позиции их апологии. Более реалистичной представляется позиция М.Я. Острогорского, который, описывая еще в 1898 году процесс бюрократизации руководящей верхушки аппарата политичесаких партий, писал об этой тенденции как об опасности для демократии и отмечал наличие противоположной тенденции.

---

[38] Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

[39] Диалог. 1990. № 7. С. 76.

[40] Диалог. 1990. № 3. С. 77.

К элитологам первого поколения западные историки политической науки не без оснований относят и Жоржа Сореля, французского теоретика анархо-синдикализма, критика буржуазной демократии, которую он называл «раем для финансистов». Сорель с большим темпераментом доказывал, что демократия (буржуазная) — обман, что теория власти народа и капиталистическая практика разительно противоречат друг другу, что подобная политическая система, именуемая ее апологетами демократией, в действительности есть олигархия финансовых тузов[41]. При этом неизбежно возникает вопрос, с каких позиций критикуется буржуазная демократия — слева, с леворадикальных или марксистских позиций, или справа, с позиций правого радикализма и фашизма. Сорель же, которого Ленин называл «известным путаником»[42] (хотя их позиции в критике буржуазной демократии во многом пересекаются), с его политической неуравновешенностью все более склонялся к критикам справа (отметим, что Муссолини называл именно Сореля своим «духовным отцом»). Сорель писал, что в «век масс» углубляется противоречие между утопией (идеологией элиты) и «популярными мифами» (идеологией масс). Первая апеллирует к умам с высокоразвитой способностью к рассуждениям (специфическое качество элиты)[43]. Напротив, воздействие «популярных мифов» основано на внушении, на гипнотизировании масс; чем глубже они воздействуют на «массовые инстинкты», чем больше щекочут нервы толпы, чем активнее провоцируют слепое, стихийное начало, тем они действеннее[44]. Сорель во многом следует за концепцией массовой психологии

[41] Сорель Ж. Размышление о насилии. М., 1907.

[42] Ленин В.И. ПСС. Т. 18. С. 310.

[43] Отметим его близость к взглядам М. Шелера, одного из основоположников социологии познания, который также считал, что именно элита определяет ценностную ориентацию человеческих коллективов: масса принимает идеологические установки, выработанные элитой. Причем поскольку идеология, по Шелеру, — искаженное понимание мира (это близко определению идеологии, данному К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»), то «освобождение человеческого сознания» можно ожидать только от «новой элиты», способной противостоять стихийно складывающимся предрассудкам масс. — *Прим. авт.*

[44] Близких взглядов придерживается и рад современных исследователей. Сошлемся на американского политолога Ч. Макнейла, который гипертрофирует роль мифа как главной движущей силы истории. Он пишет: «Миф лежит в основе человеческого общества» (Foreign Affairs. 1982. № 1. P. 1).

Г. Лебона[45]. В свою очередь ряд идей Сореля развил К. Маннгейм в своей известной книге «Идеология и утопия». «Известный путаник» Сорель совершил ряд сальто-мортале в своей идейно-политической эволюции. С одной стороны, он развивал идеи анархосиндикализма, с другой — оказался одним из идейных предшественников фашизма (что ряд политологов считает одним из свидетельств близости ультра-левых позиций с ультра-правыми). Однако вопрос о том, можно ли проследить связь между основоположниками элитаризма и фашизмом, мы рассмотрим ниже.

Большой вклад в элитологию внесли крупнейшие социальные мыслители конца XIX — первых десятилетий XX века М. Вебер и З. Фрейд. Однако их взгляды также будут рассмотрены нами особо в связи с проблемой бюрократии, классический анализ которой дал Вебер, и социально-психологическим обоснованием элитаризма, оригинальная трактовка которого дана Фрейдом.

Еще раз отметим, что заслуга основателей элитологии в том, что они вычленили объект и предмет науки, систематизировали накопленные знания о правящих меньшинствах, попытались сформулировать законы структуры, функционирования, развития и смены элит. При этом они могли, увлекшись, что вполне естественно, предметом своего исследования, гипертрофировать роль элит в историческом процессе, недооценить роль неэлит, прежде всего роль народных масс.

[45] См. подробнее: Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М. : Политиздат, 1971.

ГЛАВА

4 ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛИТОЛОГИИ В XX ВЕКЕ, ЕЕ ТИПОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР

Возможности типологизации элитаризма. Творчество основателей элитологии (а все они, как мы видели, были и элитаристами), приходится, главным образом, на первую четверть XX века. В дальнейшем элитология претерпевает сложную, временами весьма причудливую эволюцию и в настоящее время представляет собой весьма пестрый конгломерат различных направлений и течений, порой остро полемизирующих друг с другом. Поэтому систематизация, классификация, типологизация этих направлений представляет собой сложную научную проблему.

Эту типологизацию можно проводить по разным основаниям. Одним из таких оснований может быть хронология; тогда мы можем вычленить следующие этапы развития элитологии: 1) конец XIX – первые три десятилетия XX века — творчество отцов-основателей элитологии, которое мы уже отчасти рассмотрели; 2) вторая половина 20-х – первая половина 40-х годов — формируется фашистский вариант элитаризма и одновременно консервативно-аристократический. Вместе с тем в конце 30–40-х годов делаются первые попытки реконструкции элитизма в плане совмещения его с ценностями буржуазной демократии (которые получат наибольшее развитие в послевоенный период); 3) со второй половины 40-х — до конца 60-х годов наибольшее влияние получает либерально-демократическая трактовка элитизма, теории элитного плюрализма. Вместе с тем возникает радикально-демократический вариант элитологии, пафосом которого является страстное обличение недемократичности, элитарности политических систем западных демократий, прежде всего политсистемы США (Р. Миллс) 4) 70-е годы — конец XX века и начало XXI века. Продолжающемуся господству политического плюрализма (в частности, теориям элитного плюрализма и полиархии) бросает вызов неоэлитизм, утверждающий элитарную структуру политической системы США и других западных стран (равно как и недемократических политсистем, что, собственно, само собой разумеется), причем атаки на плюрализм ведутся не только социологами левой ориентации, но и рядом консервативных политологов.

Однако приведенная нами классификация по хронологическому принципу страдает многими существенными недостатками. Руководствоваться этим принципом при написании книги значило бы обречь себя на неминуемые повторы, поскольку одни и те же или близкие методологические установки элитаристов продолжают существовать из десятилетия в десятилетие, лишь несколько модифицируясь в различные исторические периоды.

Возможна классификация элитологических теорий и по иному основанию, например по способам обоснования элитаризма (и тогда вычленить биологический, психологический, технологический и другие типы аргументации), по методологическим установкам и принципам построения элитологических концепций (и вычленить прежде всего ценностную и структурно-функциональную модели элиты).

Представляется оправданным и деление элитологов по политическим ориентациям и приверженностям. И тут мы увидим (порой не без некоторого удивления), что в элитологии представлены практически все направления и оттенки современного политического спектра. Попытаемся перечислить их (справа налево): фашистский вариант элитаризма, консервативно-аристократический, либерально-демократический, леворадикальный (иногда переходящий в антиэлитаризм, иногда стыдливо прячущий свой элитаристский авангардизм), коммунистический элитаризм. Последний еще более тщательно, чем это делают левые радикалы, маскирует свой элитаризм и поэтому по праву может быть назван скрытым элитаризмом: его представители утверждают, что при «реальном социализме» элиты не существует и существовать не может, тогда как на деле номенклатурная элита обладает полнотой власти и институциональными привилегиями.

Наконец, возможно деление элитологии и по географическому, точнее по региональномоу признаку. Тут можно вычленить Западную Европу как колыбель элитологии, затем элитологию США, куда после Второй мировой войны смещается мировой центр разработки элитологии. Своими особенностями обладает элитология развивающихся стран, где в центре исследований находятся традиционные элиты и элиты модернизации.

И несомненной спецификой обладает элитология в России. В условиях тоталитаризма и строжайших идеологических запретов она могла быть только лишь подпольно-диссидентской или эмигрантской — во всяком случае в отношении исследования совет-

ских элит, — а ныне, выйдя из подполья, она быстро набирает темпы, компенсируя потерянные в тоталитарные времена годы. Российская школа элитологии стала занимать заметные позиции в области общей теории элитологии (включая сам ввод термина «элитология»), развития полипарадигмального подхода к элитологии, последовательно исторического подхода к анализу элит – массовых отношений.

Представляет интерес сравнительный политологический анализ западноевропейской и североамериканской элитологических школ. Если для европейской элитологии в большей мере характерен ценностный подход, то для североамериканской — структурно-функциональный. Говоря об элитологии развивающихся стран, необходимо подчеркнуть особую роль латиноамериканской элитологии как наиболее продвинутой и развитой[1].

Так какое же основание для классификации элитологических направлений следует предпочесть? Увы, ни одно из делений по одному из указанных оснований не будет полным и исчерпывающим. И поэтому, как бы ни заманчиво было осуществить деление по какому-либо одному основанию, это не представляется возможным, точнее такое деление страдало бы неполнотой и односторонностью. Поэтому мы вынуждены будем проводить деление по нескольким основаниям, понимая, что, хотя это делает рисуемую нами панораму направлений элитологии более пестрой и менее стройной, но зато более полно отражающей реальную картину.

Таким образом, классификация направлений элитологии с необходимостью оказывается многоизмеримой, то есть осуществленной по нескольким основаниям, исходя из нескольких критериев. При этом мы отдаем себе отчет в том, что проведение классификации по разным основаниям делают ее более громоздкой и приводит к тому, что вычленяемые нами направления оказываются частично перекрещивающимися. Итак, предлагаемое нами деление оказывается многоизмеримым, точнее, отталкиваясь от хронологического принципа, мы будем дополнять его иными критериями, прежде всего исходными методологическими установками того

[1] Шестопал А.В. Миражи Эльдорадо в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; Его же. Леворадикальная социология в Латинской Америке. М., 1981. Об элитологии развивающихся стран Африки и Азии см.: Старостин Б.С. Социальное обновление: схемы и реальность. М., 1981; Чешков М.А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.

или иного направления элитологии, а также политическими ориентациями.

Макиавеллистская школа элитологии. Концепции Моски, Парето, Михельса дали импульс к развитию в 30–50-х годах теоретических обоснований элитаризма и эмпирическим исследованиям элитных групп, определяющих политический курс государств или претендующих на это. Макиавеллистская школа элитологии продолжала развивать идеи основоположников элитаризма. Признанным лидером этой школы в 40– 50-х годах был Дж. Бернхэм, автор книги «Макиавеллианцы. Защитники свободы»[2]. Прежде всего провозглашается необходимость элиты в любом обществе, неизбежность дихотомии элита-масса, противостояние активного привилегированного меньшинства и пассивной массы последователей. Это основано на естественном разделении управленческого и исполнительского труда. В состав элиты входят люди, обладающие определенными качествами, связанными с природными дарованиями и воспитанием и проявляющимися в их способности к управлению людьми, люди, могущие и готовые к борьбе за власть.

Для элитной группы характерна сплоченность, солидарность, организованность; она объединена общностью интересов и элитарным самосознанием, восприятием себя как особого слоя, призванного руководить обществом. Хотя персональный состав элиты изменяется, ее господствующие позиции в социально-политической системе сохраняются. Претендентов на элитные позиции в обществе всегда много, но никто добровольно не уступит им эти позиции, поэтому неизбежна борьба этих претендентов за место под солнцем. Побеждают сильнейшие.

Элита — наиболее ценные члены общества, ориентированные на удовлетворение важнейших потребностей общества. Элита выступает как конструктивная, творческая сила, ведущая за собой массу последователей. Легитимизация элиты означает признание ее ведущей роли массами. В современных условиях элита вынуждена считаться с демократическими предпочтениями масс и доказывать, что элитаризм не противоречит демократии. Напротив, она может обеспечить демократические «правила игры». Социальное равенство должно пониматься как равенство жизненных шансов, а не как равенство результатов. Поскольку люди не равны фи-

[2] Burnham J. The Machiavellians. Defenders of Freedom. N.Y., 1943.

зически и интеллектуально, задача элиты в современных условиях — обеспечение для них, по возможности, равных стартовых условий, на финише же все покажут разные результаты. Таково, как они утверждают, современное понимание свободы.

Фашистский вариант элитаризма. Расизм и элитология. Прежде чем мы перейдем к описанию фашистской интерпретации элитаризма, следует выяснить вопрос о связи теорий Моски, Парето, Михельса, Сореля с фашистской идеологией. Вот уже полстолетия этот вопрос обсуждается в западной политологической литературе. При этом выявились не только различные, но и противоположные точки зрения — от утверждений о прямой связи между элитаризмом и фашизмом до полного отрицания какой-либо связи между ними. Последняя точка зрения представляется нам наименее убедительной.

Приведем мысли сторонников первой точки зрения. Известный итальянский политолог Ф. Феррароти пишет: «Идеи Моски, подобно идеям Парето и Михельса... оказались в области политики пригодными для оправдания фашизма, независимо от субъективных позиций этих авторов»[3]. Еще более определенно пишет американский социолог Цандер, утверждая, что фашизм — «это осуществление идей Парето на практике»[4]. Не менее определенным является суждение американского леворадикального социолога Р. Баркли, который писал: «Генеалогия теорий элиты такова: от Платона и Ницше к Парето и Моске и далее — к фашизму, а в послевоенный период — к неоконсерватизму»[5]. В этих суждениях есть своя доля истины, правда, выраженная слишком прямолинейно, категорично, а потому и несколько односторонне.

Теперь выслушаем и другую сторону и приводимые ею аргументы. Известный американский политолог Дж. Сартори высказывается весьма категорично по этому поводу: теории элиты «либо верны, либо неверны, но, с моей точки зрения, бессмысленно спорить, являются ли они фашистскими или антифашистскими»[6]. Еще более известный французский политолог Р. Арон решительно

---

[3] Цит. по: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 802.

[4] The American Journal of Economics and Sociology. 1960. No. 4. P. 404.

[5] Barkly R. The Theory of the Elite and the Mythology of Power // Science and Society. 1955. Spring. P. 97.

[6] Sartory G. Democratic Theory. Westpoint, 1976. P. 41.

возражает против наличия связи между теориями Моски и Парето и фашизмом, ссылаясь на то, что Парето «колебался между авторитаризмом и интеллектуальным либерализмом». Арон высказывался в том смысле, что любые политические режимы в разной мере олигархичны, только фашистский — явно, открыто, в наибольшей степени, а конституционно-плюралистические режимы — в меньшей степени[7].

В конце 70-х годов в английском журнале «Политикл стадиз» развернулась характерная дискуссия по вопросу о взаимосвязи элитизма и фашизма. Ее открыли две статьи Д. Битхэма[8], в которых автор достаточно аргументировано утверждал, что симпатии Михельса к фашизму в 20-х годах не случайны, что они прямо связаны с его теоретическими концепциями, развернутыми в знакомой нам книге «Политические партии». Битхэму возражал Р. Беннет, который утверждал, что «эволюция Михельса от социализма (имеются в виду его симпатии в раннем возрасте к социал-демократии) к фашизму является фактом его индивидуальной биографии», а не следствием логической связи его концепций с фашизмом. По Беннету, «нет необходимой связи» между теориями элиты и фашистской идеологией. «Главный вопрос, поднимаемый элитарными теориями, — делает вывод Беннет, — это вопрос не о том, являются ли они просто тщательно разработанным прикрытием для фашистской идеологии, но о том, совместимы ли современные индустриальные общества и политические партии с целями демократии». Беннет придерживается той точки зрения, что теории элиты политически нейтральны, что они «не указывают определенно на какое-либо политическое направление»[9]. Подведем итог приведенной выше полемике. Имеется ли какая-либо связь между трудами основоположников элитаризма и фашизма или же она полностью отсутствует? Думается, определенная связь существует, вопрос скорее можно поставить так: прямая эта связь или непрямая? И справедливым будет последний ответ.

Теперь мы можем непосредственно перейти к фашистскому варианту элитаризма. В писаниях теоретиков фашизма элитаризм

---

[7] Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 121.

[8] Beetham D. From Socialism to Fascism // Political Studies. 1978. Vol. XXV. Part I. P.3–27; Part II. P. 161–181.

[9] Bennett D. The Elite Theory as Fascist Ideology. A Reply to Beetham's Critique of R. Michels // Political Studies. 1978. Vol. XXVI. P. 474, 475, 487.

принял наиболее уродливые, человеконенавистнические формы. Многие современные элитологи объявляют фашистскую доктрину «вульгарным» вариантом элитаризма, пишут о фашизме как «плебейском искажении подлинного элитаризма», занимая при этом консервативно-аристократическую позицию (ссылаясь, в частности, на то, что при фашистском режиме в Германии работы теоретика «аристократического» варианта элитаризма Ортеги-и-Гассета находились под запретом).

Отметим, что ряд элитологов часто нарочито игнорируют ее фашистский вариант, стыдливо замалчивают его. Подавляющее большинство современных теоретиков элиты стараются по возможности либерализировать элитаризм. Теоретик современного «демократического элитизма» П. Бахрах сетует на то, что термин «элитаризм» непопулярен в демократических странах, поскольку «фашизм и другие антидемократические движения» придали ему «специфический оттенок»[10]. Мы не можем игнорировать фашистский вариант элитаризма не только потому, что «из песни слова не выкинешь», но и потому, что попытки регенерировать эти концепции имеют место в ряде стран, в том числе, к сожалению, и в России.

Многие объективные исследователи теорий элиты (тот же Б. Битхэм) констатируют, что элитаризм составляет сердцевину фашистской идеологии. Доктрина фашизма прямо опирается на принцип элитарной структуры общества, принцип фюрерства, предполагающий неконтролируемую власть правителей и абсолютное бесправие управляемых. Гитлер в «Майн Кампф», наиболее циничном выражении расистского элитаризма, провозглашал, что «историю мира творит только меньшинство», обосновывал социальное неравенство в первую очередь расовыми различиями. Яростно нападая на принцип подчинения меньшинства большинству, называя этот принцип «еврейским», он, по существу, перефразировал основную установку элитаризма: «Принцип принятия решений большинством, отрицая авторитет личности и ставя на ее место толпу, грешит против основной идеи, заложенной в природе — идеи аристократии». И далее: «Марксизм есть не что иное, как политика евреев, заключающаяся в том, чтобы добиться систематического уничтожения роли личности во всех областях общественной жизни и заменить ее ролью «большинства». Действительным благо-

[10] Elites in a Democracy. Ed. by P. Bachrach. N.Y., 1991. P. 14.

детелем рода человеческого было немногочисленное творческое меньшинство. Обеспечить решающее влияние за этими головами... будет в интересах всего общества... Лучшей формой государства, лучшим государственным устройством будет то, которое естественно и неизбежно будет выдвигать на самые высокие места самых выдающихся сынов народа и будет обеспечивать им бесспорное руководящее влияние»[11]. Большинство — это «толпа бездарностей», меньшинство — «сверхчеловеки». Элита вправе попирать волю этого «неисторического» большинства. Мнение Гитлера о психологии толпы свидетельствует о том, что он читал Лебона и ненавидимого им «еврея Фрейда». Для Гитлера «масса — нетерпима, послушна авторитету, требует от своих героев силы, даже насилия». Гитлер признавал: «Масса, народ — для меня это как женщина. Любой, кто не понимает присущего массе женского характера, никогда не станет фюрером. Что хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, действия. Ради этого она пойдет на любую жертву...» Элитаризм Гитлера тесно переплетен с расизмом: «Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом своей силой... Все, чему мы изумляемся в этом мире — наука и искусство, техника и открытия, — все это только продукт творчества немногих народов, а первоначально, быть может, только одной расы»[12].

Фашистские теоретики Розенберг, Кронер, Леман противопоставляли «неполноценную» массу арийской элите, пытаясь обосновать «аристократический принцип» социальной структуры. А. Розенберг обвинял французскую революцию в том, что она провозгласила право большинства господствовать в обществе, «разлагая народы этим безответственным парламентаризмом».

Расизм (не только в его фашистском варианте) обычно тесно связан с элитаризмом. В литературе расизм обычно характеризуется в качестве идеологического обоснования угнетения и ограбления империализмом народов Азии, Африки, Латинской Америки. Но это касается только одной стороны расизма — внешнеполитической. У расизма есть и внутриполитический аспект. Расисты обычно утверждают связь расовой принадлежности людей с социально-классовой структурой общества. Представители расово-антропологической школы О. Аммон, Ж. Ляпуж утверждали прямую

[11] Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 374–376.

[12] Там же. С. 239–242.

зависимость между классовой принадлежностью индивида и его расовыми характеристиками. Обычно расисты утверждают, что на вершине социальной пирамиды должны находится лучшие представители расы, наиболее «чистые» в расовом отношении. Чтобы подтвердить этот тезис, достаточно обратиться к такому «авторитету», как А. Гитлер, который писал: «Раз мы объявляем непримиримую войну марксистскому принципу «человек равен человеку», раз мы оцениваем человека с точки зрения принадлежности его к определеной расе, то мы должны уметь сделать из этого все необходимые логические выводы до самого конца. Раз мы исходим из того, что решающее значение имеет раса, то есть степень чистоты крови, то мы должны этот критерий приложить и к каждому отдельному человеку. Как мы подразделяем целые народы в зависимости от того, к какой расе они принадлежат, так приходится подразделять и отдельных людей внутри каждого народа... это значит, что не каждый человек равен другому человеку... ибо и тут ту же роль играет степень чистоты крови»[13].

Обычно расисты изображают представителей господствующего класса как наиболее ценные в расовом отношении элементы. Двигателем истории они объявляют «цвет расы» — элиту, третируя народные массы как «бесцветных личностей». Смешивая биопсихические и социальные различия людей, расисты наделяют расу, эту биологическую категорию, несвойственными ей социальными чертами и, напротив, биологизируют такие социальные категории, как класс. Еще в конце XIX – начале XX века Ц. Ламброзо, М. Норддау и др. выступали с теориями о биологической природе господствующего класса. В. Ляпуж утверждал генетическую детерминированность элиты, которая формируется из долицефалов (длинноголовых), представителей, прежде всего, арийской расы, тогда как брахицефалы (короткоголовые) образуют низшие слои общества. Двигателем истории он объявлял «евгенические элементы» нации.

Расистский вариант элитаризма пропагандируют ультраправые организации в США и западноевропейских странах. В одной из американских ультраправых газет «Эттек» опубликован доклад ее главного редактора У. Пирса под названием «Элитаризм или расизм?», сделанный на собрании членов «Национального альянса», откровенной расистской организации. Пирс заявил, что в американских университетах, на страницах научных изданий идет дис-

[13] Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 370.

куссия по расовым проблемам. Вот какова, по Пирсу, расстановка сил: на одной стороне — «подлинные биологи, антропологи», обосновывающие «расовое неравенство»; на другой — «псевдоученые», приверженцы «либеральной догмы» о равенстве людей. «Либеральная ложь» проникла в среду преподавателей и студентов вузов, телевизионных обозревателей и журналистов, а через них — отравляет сознание широких масс, подтачивая «расовую чистоту». Пирс оговаривается, что ничего не имеет против негров, чиканос (иммигрантов из стран Латинской Америки) и прочих представителей «низших рас» при условии, что те «знают свое место». Но беда в том, что представители этих рас рвутся в элиту общества и делают это при пособничестве тех, кто забыл о «чистоте расы».

Пирс критикует сторонников «космополитического элитаризма», всех тех, для кого важен прежде всего социальный статус человека, уровень его достижений, а не то, какой он расы. Подобные люди — о ужас! — выбрали бы в качестве соседа скорее негра — рок-звезду, чем белого мусорщика. (Пирс провел социологический опрос среди белого населения крупных американских городов. В его опросном листе был, в частности, такой вопрос: «Кого бы Вы выбрали в качестве своего соседа: 1) белого мусорщика, 2) еврея-нейрохирурга, 3) негра — рок-звезду». Ответы были для Пирса обескураживающими. Респонденты выбрали в своем большинстве второй и третий варианты, обнаружив себя «предателями» белой расы.) «Космополитический элитаризм» относит к элите выдающихся людей, отвлекаясь от их расовой принадлежности, для него «элита — открытый клуб». Но ведь так, опасается Пирс, в элиту могут попасть евреи или негры. Пирс отнюдь не против элитаризма, это — «естественная и здоровая идея», разумная альтернатива эгалитаризму. Но «подлинная элита» для него — это элита лилейно-белая, а не космополитическая.

Корни и пороки «космополитического элитаризма» Пирс видит, во-первых, в индивидуализме, принимающем в расчет только достижения индивидуума, а не его социальную и этническую принадлежность (весьма вольная интерпретация индивидуализма); во-вторых, в принципе меритократии, который должен применяться только в «расово-гомогенном обществе». А для расово-гетерогенного общества это — «кратчайшая дорога в ад», ибо с неизбежностью ведет к утере «чистоты расы». Он заключает: «Мы должны предпочесть белого мусорщика черному знаменитому рок-музыканту или еврею — профессору психологии. Мы должны быть, иными словами, расистами в большей мере, чем элитари-

стами»[14]. Элитаризм желателен только «после того, как мы разрешим наши расовые проблемы». «Подлинной элитой» оказывается элита расово-сегрегированного общества, такого, какое было в ЮАР во времена господства расистов.

Справедливости ради заметим, что наряду с белым расизмом существует и «черный расизм», или расизм наоборот, — теории негритянской исключительности, восхваляющие негритянскую элиту, доказывающие, что по типу психобиологической организации негр выше представителей других рас. Существует также сионистский элитаризм, утверждающий «богоизбранность» еврейства. Называя элитой «тех, кто обладает превосходящим талантом к лидерству», американский социолог Н. Вейл в книге «Творческие элиты в Америке» пишет о значительных различиях в этом таланте у лиц разных национальностей и рас. Он старается с помощью многочисленных статистических выкладок показать, что состав творческой элиты США не соответствует национальной и расовой структуре страны: одни группы вносят в развитие американской культуры непропорционально большой вклад, другие — малый или нулевой. Исследуя научную, художественную, политическую элиту США, Вейл утверждает, что «выдающимся элементом интеллектуальной элиты США являются евреи». Как видим, расизм и шовинизм многолики. И любая их разновидность прямо или косвенно связана с элитаризмом.

Расистский элитаризм (или хотя бы его элементы) присущ и ряду фашистских группировок (пусть даже немногочисленных) в России в последние годы. Им заражены «бритоголовые», ряд фашиствующих групп в Москве, Санкт-Петербурге и многих регионах Российской Федерации.

Аргументы «от биологии». С самого начала XX века распространенным способом обоснования элитаризма являлись ссылки на законы биологии. В 30–40-е годы биологический подход оказался скомпрометированным его фашистскими проповедниками и к середине века утратил былую популярность. Однако в последние годы «биологический элитаризм» в несколько модифицированном виде стремится обрести «второе дыхание». Опираясь на успехи генной инженерии, он усиленно рекламируется в ряде стран, прежде всего Европы и Америки. Последователи английского

[14] Attack! 1997. No. 57. P. 3, 4.

социолога С. Дарлингтона считают, что различие между массой и элитой носит генетический характер и определяется в конечном счете «прочным материалом наследственности», причем ход истории определяется «объединенным генофондом» людей с лучшей наследственностью, т.е. элитой. Американский социолог Р. Уильямс также полагает, что различия между творческим меньшинством и нетворческим большинством обусловлено генетически: от рождения предопределено, в элиту или массу попадет человек (разумеется, с поправкой на статистические погрешности). И все же отметим, что наиболее серьезные антропологи, социологи, психологи справедливо считают, что у человека генетически заложены лишь определенные предрасположенности к тем или иным талантам. Его способности, социальные качества прививаются и формируются культурой, развиваются в благоприятной социальной среде.

Но было бы грубой ошибкой зачислять в расисты всех тех элитологов, которые используют аргументы «от биологии» для доказательства вечности и естественности элитизма. А эти аргументы становятся в последние годы все более распространенными. Хотелось бы сослаться при этом на книгу В.М. Кайтукова «Эволюция диктата. Опыт психофизиологической истории», книгу, интересно освещающую ряд вопросов о соотношении законов биологии и социальной жизни и вместе с тем содержащую ряд положений, вызывающих возражения. Прежде всего автор демонстрирует неисторический подход к феномену социальной структуры, считая, что во все времена неизбежно выделение властвующего меньшинства и угнетенного большинства, пишет об «имманентной необходимости системы диктата». Иерархия внутри социума, включающая существование немногих власть имущих и множество подчиненных, представляется ему инвариантом в историческом процессе, что определяется психофизическим генотипом подавляющей части людей, конформистски ориентированных. Выделение властвующего меньшинства — «глобальный закон живого, осуществляемый в природе с помощью естественного отбора, в мире гуманного социума претворяется в жизнь с помощью социально-сексуального стимулирования: поощрения сильнейших... любовью лучших женщин и не только качественно, но и количественно... Неравенство заложено в биологической основе человека»[15].

[15] Кайтуков В.М. Эволюция диктата. Опыт психофизиологии истории. М., 1991. С. 6, 76.

Ссылки на биологические законы стали обычными на Западе при обосновании элитаризма, и ими пользуются не только социологи, но и журналисты и политики. Так, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстен, обосновывая социальное неравенство и иерархическую структуру общества, ссылается на то, что «среди животных существует иерархия». Впрочем, он тут же пишет, что «Франция движется к большей социальной однородности»[16]. Биологический элитаризм прочно перекочевал и в научно-фантастическую литературу. Прежде всего хотелось бы назвать знаменитую антиутопию английского писателя О. Хаксли «Бравый новый мир», который сатирически изобразил возможные социальные последствия биологического элитаризма. В этом романе люди разделены на касты; низшие касты, исполняющие примитивную работу, даже не нуждаются в принуждении — им на генетическом уровне запрограммировали любовь к рабству. Массы манипулируются элитой при помощи «гипнопедии» (гипнотическое внушение людям мыслей о том, что они счастливы, удовлетворены своим положением) и «сомы» — напитка счастья. Хаксли обнаруживает движение к «бравому новому миру» уже в современной ему действительности. Это усовершенствованная техника внушения, развитие науки о социальных различиях, которая дает возможность правительственным чиновникам находить для определенного индивида соответствующее ему место в системе социальной и политической иерархии, евгеника, направленная на выведение элитных человеческих особей и стандартизацию остальных человеческих существ, чтобы облегчить правительственным чиновникам их задачи.

Любопытно описание Хаксли процесса искусственного выведения различных каст людей («процесс Бакановского»). Для этого производится облучение эмбриона рентгеновскими лучами и регулирование продолжительности воздействия кислородом на эмбрион. Чем ниже каста, тем короче воздействие кислородом. В эпсилонах — низшей касте — человеческий интеллект вообще не нужен. Так осуществляется промышленное получение миллионов идентичных близнецов. Это принцип массового производства, примененный в биологии. При этом важно внушить людям мысль о неизбежности их социальной судьбы, более того, сделать так, чтобы их предназначение им нравилось. Для этого и используется

[16] Giscard d'Estaing V. Democratie Francaise. Paris, 1976. P. 145.

«гипнопедия». Представителям каждой касты внушается, что они довольны своим положением и счастливы. Вот образец внушения детям из касты бета: «Дети гамма носят одежду цвета хаки. О, нет, я не хочу играть с детьми гамма. А эпсилоны еще хуже, они слишком глупы, не умеют ни читать, ни писать. Я так рада, что я бета. А дети альфа носят серую одежду. Их работа тяжелей моей, потом они так пугающе умны. Я искренне рада, что я — бета, потому что я не хочу так тяжело работать. И к тому же мы значительно лучше, чем гамма и дельта, а эпсилоны еще хуже...» Элитной кастой является альфа. Впрочем, даже не все альфа знают правду о мире и, если знают больше, чем коллеги, не смеют делиться с ними — это опасно для системы. «Правда — велика, но еще более великим является, с практической точки зрения, молчание о правде»[17]. Таков «бравый новый мир», тенденции к которому Хаксли видит в настоящем. Недаром летоисчисление в нем ведется со времени запуска Фордом конвейера.

Есть и «ослабленные» варианты антиутопий об элитарном обществе. В романе Ф. Корсака «Бегство Земли» человечество делится на два класса: текнов и триллов. Текны, составляющие ничтожное меньшинство населения, — это ученые, инженеры, исследователи. Это не наследственная каста. Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей, к 16 годам получал звание текна или трилла. Считалось, что «тайны науки» ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности. Каждый юноша и каждая девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться, что они никогда никому не откроют научных знаний, кроме тех знаний, которые можно распространять. Зато внутри класса текнов никаких ограничений не существовало[18]. Вариацией на близкую тему является антиутопия Курта Воннегута «Механическое пианино». Город Илиум распадается на две части — грязный поселок для рабочих и роскошные кварталы менеджеров и инженеров. Преодолеть барьер между ними можно было только при условии успешной сдачи экзаменов, на которых проверялись умственные способности людей. Удачливые могли перейти в элиту. Внешне все выглядело демократично: экзамен проводился по шкале «безошибочных показателей», не было никаких социальных перегородок. Но экзамены почему-то

[17] Huxley A. Brave New World. L., 1980. P. 4, 18, XII.

[18] Корсак Ф. Бегство Земли. М., 1972. С. 219.

выдерживали только выходцы из элиты, лишь у них обнаруживались способности стать менеджерами, инженерами... Антиутопии эти интересны тем, что дают наглядное представление о будущем, которое хотели бы подготовить человечеству сторонники биологического и технократического элитаризма.

Общим для биологического элитаризма является абсолютизация деления общества на высшие и низшие классы на том основании, что различия между людьми носят «генетический характер», что элита — люди, обладающие «более ценным генным капиталом», что «благо человечества требует селективно-элитарного подхода к воспитанию людей» (обычно разного для элиты и для масс). Оговоримся, что мы отнюдь не считаем биологический элитаризм частью или формой фашистской или расистской идеологии. Мы не имеем возможности вынести эту проблему в специальный параграф прежде всего потому, что она требует специальных знаний и специальных исследований, выходящих за пределы политологии и социологии. Коснемся, однако, разных точек зрения на данную проблематику. Вот одна из них. «Социальная биология» подменяет общественные законы биологическими и поэтому неспособна раскрыть сущность первых. Академик Н.П. Дубинин отмечал, что социобиология, механически перенося на человека законы генетики животных, неспособна объяснить феномен человека. Нет сомнения в том, что генетическая наследственность играет важнейшую роль в жизни человека, но она проявляется как бы в «снятом» виде, как подсистема в системе более высокого порядка. Становление индивида осуществляется под определяющим воздействием социальной, а не генетической программы. Человек обретает свою сущность, впитывая в себя социальные отношения, пропуская их через себя, активно участвуя в них; именно в процессе социализации личности развиваются (и формируются) ее человеческие свойства и качества; социальная позиция и поведение личности определяется не генетической программой, но социальными условиями его жизни. Н.П. Дубинин писал: «Социальное содержание... не записано в генетической программе человека. Мозг обладает безграничными возможностями для восприятия разносторонней социальной программы, обеспечивающей универсальную готовность новорожденного подключаться к общественной форме движения материи». В условиях изменчивой социальной среды мозг обнаруживает пластичность, лабильность. Попытки доказать, что различия нормальных

людей по интеллекту зависят от «генов интеллектуальности», не нашли убедительных подтверждений. Поэтому Н.П. Дубинин делал вывод о том, что «элитизм есть не что иное, как дискриминация путем намеренного развития одних людей за счет других»[19], что это классовая позиция идеологов эксплуататорского меньшинства.

Многие социологи отвергают аргументы социобиологии, обвиняя ее в непонимании специфики общественных законов, игнорировании роли культуры. Биологический редукционизм в трактовке социальных процессов, односторонний натуралистический подход к человеку и обществу, безусловно, слабое место в социобиологии. Тем не менее вопрос о социобиологии решается не столь однозначно. В социобиологии есть моменты, которые «работают» при объяснении некоторых социальных феноменов (если не сказать сильнее: являются эвристическими при их объяснении). Многие ученые считают плодотворной идею синтеза биологических и общественных наук, считая, что описываемые ими закономерности поведения животных проясняют генезис поведения человека. Они стараются объяснить ряд явлений коллективного поведения животных, прежде всего явлений альтруизма, которые генетически наследуются и способствуют выживанию данной популяции (см., в частности, работы академика В.П. Эфраимсона и его учеников).

Ряд биологических школ интересует проблема воспроизводства элиты (известно, кстати, что сам этот термин начиная с середины XIX века широко используется в генетике, семеноводстве для обозначения лучших, отборных семян, растений, животных, полученных в результате селекции для дальнейшего разведения), причем многих представителей этих школ волнует вопрос о том, нет ли тут общих — в биологии и социологии — закономерностей. В этом плане определенный интерес представляет гипотеза А. Ефимова о механизмах формирования и функционирования элиты, которая, по его утверждению, основана на учении академика Н.И. Вавилова и представляет собой социальную интерпретацию биологического «закона элитного ряда»: многие виды растений и животных существуют и успешно развиваются лишь при условии выделения у них элитных групп, как бы обеспечивающих жизнь

[19] Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 67.

популяции[20]. В случае же гибели или вырождения этих элитных групп и особей деградирует, а порой и исчезает вся популяция. А. Ефимов считает, что с учетом специфики общественных явлений этот закон можно приложить и к обществу. Можно согласиться с тем, что, если в том или ином обществе уничтожаются, «выбиваются» элитные группы и особи, происходит и деградация всего данного общества, прежде всего его культуры. Достаточно вспомнить, что, когда после Октябрьской революции (которая нанесла огромный ущерб генофонду нашего народа) на наиболее квалифицированных, выдающихся представителей российской интеллигенции были обрушены страшные репрессии, они были в значительной своей доле уничтожены в тюрьмах и концлагерях, частично высланы из страны или вынуждены были эмигрировать, это неминуемо привело к деградации культуры, науки (особенно общественных наук). А интеллигенция, из которой выбиваются лучшие элементы, неизбежно деградирует, на место подлинной культурной элиты приходят клики, группировки, которые формируются по принципу семейственности, протекционизма, угодничества перед власть имущими.

Можно упрекнуть представителей социобиологии в возрождении евгеники, которую расисты пытались использовать для обоснования своих построений. Но, с другой стороны, та или иная теория и ее авторы не могут считаться ответственными за неадекватную интерпретацию их концепции. В понятие и предмет евгеники можно вложить и иное, гуманное, содержание в плане борьбы с наследственными заболеваниями, улучшения наследственного, в том числе и психического, здоровья человечества. Однако, повторяем, все эти проблемы — весьма дискуссионные, требующие специальных исследований.

Но вернемся к проблеме фашистского и расистского элитизма, которую мы ни в коем случае не отождествляем с социобиологией. Хотелось бы завершить эту тему словами выдающегося русского социолога П.А. Сорокина: «...Теория чистых рас оказалась мифом, их нет... В наше время чистота крови сохраняется разве только на конных заводах, да в хлевах йоркширских свиней, да и там, кажется, не этим "расовым" признаком обеспечивается "симпатия" одного коня к другому»[21].

---

[20] Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция. М.: Знание — сила, 1988 № 1. С. 56–64.

[21] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 245.

В заключение обзора литературы по биологическому обоснованию элитаризма хотелось бы обратиться к серьезной работе по близкой проблеме — монографии Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее»[22], в которой футурологические прогнозы связываются с биотехнологической революцией и возможностями генетических модификаций Homo Sapiens. (Напомним, что Фукуяма стал в конце XX века одним из виднейших американских политологов благодаря своей известной статье, а затем и книге «Конец истории».) Можно согласиться с автором, что новейшие биотехнологии несут целый ряд угроз человечеству, причем угроз, в отличие от атомной бомбы и других средств массового уничтожения, скрытых, латентных. Новейшие биотехнологии способны не просто изменить образ жизни человечества, но и трансформировать саму человеческую природу, создать постчеловека. Биотехнологи рассматривают человека как объект, который можно с помощью нейрофармацевтики изменять, проектировать, перепрограммировать. Причем это уже делается в Америке для лечения психических болезней и, более того, для корректировки поведения людей.

Открываются возможности формировать и подвергать инженерному воздействию в нужном направлении генетический код человека. Другое дело, что эти нейрофармацевтические лекарства чрезвычайно дороги. Фармацевты утверждают, что они со временем будут дешевле, в перспективе будут доступны массовому потребителю. А пока они доступны лишь элите толстосумов. Именно эта социальная группа и оказывается владельцем психотропных средств, могущих, по мнению некоторых фармацевтов, вывести их отпрысков в элиту. Уже сегодня разрабатываются сложнейшие технологии, позволяющие создать условия для появления на свет детей с запрограммированными генетическими характеристиками. Итак, предполагается, что с течением времени все желающие могут со временем стать элитой или вывести в элиту своих детей (хотя это по определению уже не будет элита, если будет составлять большинство, а не меньшинство общества). Но пока только самые богатые имеют возможность «заказать» себе умных и здоровых детей, которые, как они уверены, безусловно окажутся элитой общества. Пребывание в элите будет гарантировано уже на генетическом уровне. Впрочем, авторитетные биологи и физиологи относятся весьма скептически к данным теориям.

[22] Fukuyama F. Our Posthuman Future. N.Y., 2002.

«Аристократический» и консервативный варианты элитизма. Начиная с конца 20-х годов развивался и ряд альтернативных фашизму трактовок элитаризма. И с разгромом фашизма элитизм не умер. Фашизм убедительно продемонстрировал миру, во что на практике может вылиться осуществление идей расистского элитаризма. Уже во второй половине 40-х — начале 50-х годов в Европе, в том числе и в Германии, стал популярен тезис о том, что с разгромом фашизма потерпел крах не элитаризм как таковой, а лишь его тоталитарный вариант. Немецкий социолог Э. Ракк объявляет проблему элиты «наиболее насущной германской и европейской проблемой», Г. Драйцель — «центральной проблемой индустриального общества»[23]. Ярым сторонником элитаризма выступил бывший министр обороны ФРГ, один из лидеров опоры немецкого консерватизма — ХДС — Г. Шредер. В 1955 году он писал: «Ни общие социальные рассуждения, ни страшные деяния национал-социалистической элиты не могут увести нас на ложный путь и заставить придать понятию "элита" только негативное значение». Для Шредера элита — это «меньшинство, которое чувствует себя объединенным общей социальной ответственностью и способно на действия высшего порядка»[24].

Еще ранее сформировался так называемый «аристократический» вариант элитаризма, представленный наиболее полно и ярко знаменитым испанским философом, социологом и культурологом Хосе Оргетой-и-Гассетом. Генетически этот вариант восходит к Ницше с его критикой «вульгарной массы», Буркхарду, Шпенглеру. В своей известной книге «Восстание масс» Ортега утверждал, что «человеческое общество по самой сути своей всегда аристократично, хочет оно того или нет; оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным». Собственно, всякое общество представляет собой динамичное единство двух факторов — меньшинства и массы. «Меньшинство — личности особой квалификации. Масса — это собрание средних, заурядных людей... Это люди без индивидуальности, представляющие собой обезличенный "общий тип". Общество, управляемое элитой, и масса, "знающая свое место", — условия "нормального" функционирования общества. Но этой нормы общество придерживалось в прошлом, когда "каж-

[23] Dreizel H. Elitebegriff und Sozialstruktur. Stuttgart, 1962. P. 8.

[24] Schrittenreihe der Bundeszentrale fur Heimatdienst. 1955. Heft 12. S. 6, 9.

дый специальный род деятельности (искусство, политика) выполнялся квалифицированным меньшинством". Масса не претендовала на участие, "она знала, что ей для этого не хватает квалификации, знала свою роль в нормальной динамике социальных сил". Но вот XX век взорвал эту норму, массы вышли из повиновения элите, "восстали против нее". ...Вся власть в обществе перешла к массам. Так как массы, по определению, не хотят и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уже об обществе, из этого следует, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию, культуру»[25]. Массы вытеснили элиты из традиционных сфер ее деятельности, они «вторглись в изысканные уголки нашей культуры», ранее доступные только ничтожному меньшинству. Ранее массы занимали «задний план социальной сцены, теперь они вышли на авансцену к самой рампе, на место главных действующих лиц. Герои исчезли, остался хор»[26].

Та консервативная идиллия, которая, по представлению Ортеги, имела место в прошлом, окончилась. Законное место избранных занимают варвары, чтобы насладиться тем, что было достоянием лишь немногих. «Масса захватывает место меньшинства. Сегодня мы присутствуем при триумфе супердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы при помощи материального давления. Масса, вообразившая себя элитой, несет разрушение». Ибо в обществе есть сферы деятельности, которые «по самой природе своей требуют специальных качеств, дарований, талантов. Таковы государственное управление, судопроизводство, искусство, политика». Упадок элит — трагедия XX века. Книга Ортеги — это изложение одного из вариантов доктрины «массового общества»[27].

Ортега жалуется на то, что сам смысл термина элита опошлен. «Когда речь заходит об "избранном меньшинстве", лицемеры сознательно искажают смысл этого выражения, притворяясь будто они не знают, что "избранный" — вовсе не "важный", т.е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к самому себе требовательней, чем к другим... деление общества на массы и из-

[25] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119.

[26] Там же. С. 120.

[27] См. подробнее: Ашин Г.К. Доктрина «массового общества».

бранное меньшинство — деление не на социальные классы, а на типы людей; это совсем не то, что иерархическое различие "высших" и "низших". Конечно, среди "высших" классов, если они и впрямь высшие, гораздо больше вероятности встретить людей "великого пути", тогда как "низшие классы" обычно состоят из индивидов без особых достоинств. Но, строго говоря, в каждом классе можно встретить и "массу", и настоящее "избранное меньшинство"»[28]. Таким образом, дихотомия элита-масса — норматив социальной жизни, нарушение этого норматива, вторжение масс в сферы творческой деятельности — сферы элиты — трагедия общества; «когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения... я и говорю о восстании масс»[29].

Если попытаться квалифицировать Ортегу по политической ориентации, то правильнее всего было бы охарактеризовать его позицию как либерально-консервативную. Было бы естественным предположить, что к его взглядам на соотношение элиты и масс ближе всего современные консерваторы. Но это не совсем так. Прежде всего дело в том, что современная консервативная идеология не представляет собой нечто единое. Следует различать праворадикальный консерватизм, традиционный консерватизм, неоконсерватизм. Что касается консерватизма праворадикального, он достаточно далек от рафинированного интеллектуализма Ортеги. Его воинствующий элитаризм достаточно примитивен, его политическая программа — твердая власть, сильная элита, способная расправиться с экстремистами и прочими «смутьянами», не очень связывая себя рамками демократических процедур, поставить «на место» иммигрантов, негров, цветных, а также «ленивую чернь». Они бичуют либеральную элиту, которая, как они утверждают, узурпировала политическую власть в странах Запада, контролирует государство и перераспределяет национальные богатства в свою пользу, в то же время бросая подачки низам, как в древнем Риме патриции подкармливали «клиентов»; которая делает «неоправданные» уступки расовым, национальным и социальным меньшинствам в ущерб «великому среднему классу». Они за «честную конкуренцию» для вхождения в элиту (а пока больше шансов у выпускников закрытых частных школ и престижных университетов).

[28] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 121.

[29] Там же. С. 122.

Лидеры праворадикальных организаций могут позволить себе осуждать элиту «большого бизнеса», разоряющего немонополизированную буржуазию, элиту владельцев средств массовых коммуникаций — «медиакратию». Некоторые ультраправые выступают за то, чтобы «достойная элита» сломала «санитарный кордон» демократии[30], которая не более чем «один из мифов XX века»[31].

Гораздо респектабельнее элитаризм консерваторов. Американские социологи П. Вирек, Ф. Уилсон утверждают, что основа социальной справедливости — неравное вознаграждение за неравные социальные функции. Элита, таким образом, должна быть вознаграждена в достаточной мере как меритократия — элита заслуг. Очень близки к этим рассуждениям взгляды Д. Белла, Н. Глязера, выступавших против того, что они назвали «чрезмерным эгалитаризмом» современного общества, т.е. необоснованных, с их точки зрения, притязаний масс на равенство с элитой. Этот эгалитаризм, утверждают они, мешает элите эффективно функционировать, и от этого страдает все общество[32]. Опасность массовых эгалитаристских движений видится в том, что их участники требуют равенства результатов, а не удовлетворяются равенством возможностей, провозглашаемым западными демократиями. Власть элиты заслуг представляется им воплощением идеи «справедливого равенства». Консервативный западногерманский социолог Г. Шельский выступает за традиционную элиту «как хранителя порядка и вечных ценностей» против «либеральных новых элит»[33]. Близкие идеи развивает французский консервативный социолог М. Алле, который утверждает: «Элита — группа людей выдающихся способностей, обеспечивающих прогресс». Неравенство, утверждает он, вечно, но «несчастье» в том, что «массы, ослепленные демагогами, увлекаются стремлением добиться тех же прав, что и элиты»[34]. Один из лидеров французских «новых правых» Л. Повель выступает в защиту сильной элиты и строгой социальной иерархии, которые только и могут обеспечить «устойчивый порядок». В своем романе — консервативной утопии «Блюмрок великолепный или

[30] Позиция неофашистской партии Итальянское социальное движение (см.: Rinascita. 1979. No. 24. P. 6).

[31] Слова неофашиста из ФРГ А. Эрхарда, по существу, повторяющего фашистского идеолога А. Розенберга (см.: Nation Europa. 1966. Mai 5. S. 3).

[32] Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism, N.Y., 1976. P. 223.

[33] Schelsky H. Die Arbeittun die Anderen. Oplagen, 1975.

[34] Schelsky H. Op. cit.

завтрак сверхчеловека» он пишет о том, что судьбы человечества направляются «высшими существами, одаренными космической мудростью и напрямую связанными с бесконечным вселенским разумом»; они-то и образуют элиту. По Повелю, неравенство предопределено природой: элитарность и гениальность передаются по наследству и никакая революция не может поколебать элитарную структуру общества; а равенство — это несправедливость по отношению к способным, к элите, ее преступная недооценка. В другой своей работе Повель утверждает: «Именно меритократия, основанная на отборе лучших, была бы наиболее совершенной социальной формой... Никакое человеческое общество не жило без элиты».

Откровенный элитаризм демонстрировала в США неоконсервативная администрация Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего (это относится и к администрации Буша-младшего). «Рейганомика» была нацелена на сокращение налогообложения состоятельных граждан, прежде всего экономической элиты, урезание социальных программ помощи малоимущим, сворачивание контроля над элитой крупного бизнеса. Близкую внутреннюю политику проводил кабинет М. Тэтчер, которая неоднократно предупреждала против «противоестественного равенства», выступая за «здоровый элитаризм»[35].

Леворадикальный американский социолог И. Горовиц связывает консерватизм с элитаризмом, поскольку тот «стремится утвердить элитаризм как основной социальный закон... Элитаризм, отстаиваемый неоконсерватизмом, лишь количественно отличается от биологической стратификации, пропагандируемой фашизмом... Большая часть населения удобно исключается из политики, право управления естественно выпадает на долю уже правящих классов. Схема элитаризма становится тщательно разработанным оправданием существующего положения вещей»[36].

Либеральный, леворадикальный элитаризм. Марксизм и элитаризм. Поскольку среди элитаристов и элитистов мы находим практически все оттенки современного политического спектра и ультраправых, и консерваторов, и либералов, и левых радикалов, и социалистов, и коммунистов, и троцкистов, и маоистов, сам термин «элитарист» порой искусственно объединяет совер-

[35] Murray P. Margaret Thatcher. L., 1980.

[36] Science and Society. 1956. Vol. XX. No. I. P. 11, 15.

шенно разнородных авторов. Но в отношении к проблеме элиты у них часто обнаруживается много общего.

В послевоенный период в западной социологии либерально-демократическая трактовка элитаризма стала наиболее влиятельной и распространенной. Для нее характерно реформирование элитаризма в сторону сближения его с классической демократической теорией. Собственно, начало этого реформирования относится еще к предвоенному периоду. Его инициаторами были эмигрировавший из Германии в Англию К. Маннгейм и эмигрировавший в США Дж. Шумпетер. Именно им удалось показать, что элитаризм и демократия при известных условиях совместимы.

Кстати, тут, может быть, уместно сказать о некоторых изменениях в географии элитологии. Если до Второй мировой войны центр элитологических исследований находился в Европе, а США были ее периферией (труды Моски, Парето, Михельса начали переводиться там только в 30-е годы, они и послужили стимулом развития элитологии на американском континенте), то после войны положение изменилось: этот центр прочно переместился в США. Там сложилось несколько школ элитизма: «макиавеллиевская», возглавлявшаяся профессором Нью-Йоркского университета Дж. Бернхэмом, и либеральная, во главе с крупнейшим американским политологом Г. Лассуэллом, ядро которой составили профессора Стэнфордского университета. Последняя оказала наибольшее влияние на развитие современной американской элитологии, из нее вышли многие политологи, и ныне задающие тон в американской элитологии. Эта школа выступила с идеями элитного плюрализма, который она рассматривала как синоним современной демократической теории. К 60-м годам в США сложился структурно-функциональный вариант элитаризма (С. Келлер и др.), в 70–80-х годах — так называемый неоэлитизм. Среди либеральных элитистов мы также находим большую пестроту точек зрения и позиций. Среди них есть и последовательные монетаристы, рыночники, считающие, что рынок естественно формирует элиту победителей в честной конкурентной борьбе. Однако элитаризм характерен и для неолибералов, сторонников государственного регулирования экономики, которую может спасти от кризисов элита квалифицированных менеджеров и чиновников, способных стабилизировать сложившиеся социальные и политические отношения и институты. Все современные либеральные и большая часть консервативных трактовок элитизма исходят из того, что существова-

ние элиты совместимо с демократией и последняя зависит скорее от качества элиты, прежде всего ее открытости и доступности. Поскольку именно Лассуэлл и его школа, объединившая виднейших послевоенных американских элитологов, опубликовавших серию трудов о политических элитах США, об элитном плюрализме и демократическом элитизме, наиболее влиятельна в американской политологии, мы будем ниже специально анализировать эти концепции. Здесь же мы хотели бы обратить внимание на некоторые, так сказать, «периферийные» для элитологии течения — леворадикальный и марксистский варианты элитаризма.

Казалось бы, представители правого политического спектра — это наиболее рьяные элитаристы, а левого и особенно крайне левого — антиэлитаристы. Но эта точка зрения поверхностна, она принимает видимость за реальность; в действительности же все значительно сложнее и запутаннее. Часто левые и ультралевые, которые охотно выдают себя за антиэлитаристов и сделали себе имидж на критике элитаризма, в действительности оказываются скрытыми элитаристами (и в этом отношении не уступают многим либеральным демократам). Возьмем таких признанных идеологов левых, как Сартр, Маркузе, Фонтэн, Иллич, Роззак. Они (точнее их последователи) охотно мечут громы и молнии против истеблишмента, против привилегий властвующей элиты, которая, обладая собственностью на средства массовых коммуникаций, манипулирует миллионными народными массами, обуржуазивая из сознание. Все это так. Вопрос только в том, кто будет субъектом предполагаемых ими радикальных революционных преобразований? Обуржуазившиеся массы, квалифицированные рабочие, многочисленный средний класс? Нет, массы консервативны, они «вписались» в существующий социальный строй и «безнадежны» как носители революционных изменений. Этим субъектом оказывается ничтожное меньшинство общества, радикальная интеллигенция, которая поведет за собой всех угнетенных «обществом потребления» — люмпен-пролетариат, дискриминируемые нацменьшинства, студенчество, не вписавшееся в истеблишмент, одним словом, аутсайдеров этого общества. Но разве это не новый элитаризм (а может быть, достаточно старый элитаризм), являющийся идеологией новой элиты или контрэлиты «потребительского общества».

Специфика леворадикального элитаризма, таким образом, заключается прежде всего в том, что это — замаскированный элита-

ризм, ибо пафосом его является протест против капиталистического истеблишмента. Западные социологи стали писать даже об «антиэлитарном элитаризме», имея в виду, в частности, «новых левых». Известно, что критический заряд «новых левых» направлен против потребительских идеалов, мещанского «довольного сознания», таких черт современного капитализма, как бюрократизация, манипулирование массовым сознанием, бездуховность. Они критикуют правящую элиту капиталистических стран и социально-политическую систему, обрекающих массы на пассивность. Но закономерен вопрос, с каких позиций ведется эта критика? И социологическая расшифровка оппозиционности «новых левых» дает любопытный результат: это критика с позиций тех слоев интеллигенции, которые разочарованы утерей своего былого привилегированного положения, былой элитарности.

Идеология «новых левых» возникла под воздействием таких социальных процессов, порожденных научно-технической революцией, как огромный количественный рост интеллигенции, ее «массовизация», ее все большее расслоение, причем верхушечный слой интеллигенции становится частью правящей элиты, тогда как подавляющее большинство ее все более сближается с рабочим классом. Функции, которые раньше были окружены ореолом исключительности, стали «массовидными» со всеми вытекающими отсюда последствиями — утратой их носителями былых привилегий (достаточно указать, что заработная плата некоторых крупных групп интеллигенции, например учителей, значительно уступает зарплате квалифицированных рабочих). Интеллигенция пролетаризируется, лишается былой автономии, оказывается подчиненной иерархической организации монополистического капитализма. В «писаниях» многих представителей левой интеллигенции отчетливо звучат мотивы ностальгии по утере былой эзотеричности, исключительности интеллектуала, протесты против его «омассовления». И левый радикализм в значительной мере проявляет себя в качестве идеологии «технократии без власти», элиты аутсайдеров, элиты оппозиционных слоев общества. Ее представители рассматривают народные массы как отсталые, косные, инертные, порой отзываются о них с элитарным презрением, считают, что борьбу с системой, с истеблишментом ведет лишь «критически мыслящий авангард». Не случайно в леворадикальной идеологии двигателем социального прогресса оказывается «активное меньшинство», противостоящее «интегрированной массе» (эта точка

зрения характерна для Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, раннего Д. Кон-Бендита, Р. Дебре[37]).

До эпохи НТР интеллигенция в целом не была включена непосредственно в процесс производства прибавочной стоимости и в значительной мере состояла из лиц «свободных профессий»; с этим было связано осознание ею себя как политически «неангажированного» слоя (отсюда и психология элитарной исключительности). В условиях НТР буржуазная интеллигенция претерпевает серьезнейшую трансформацию: бывший «свободный художник», гордившийся своей исключительностью, превращается в винтик поточного производства. «Омассовление» интеллектуального труда, ведущее к утере былых материальных привилегий (в сравнении с рабочим классом в первую очередь), вызывает недовольство широких слоев интеллигенции, будущей интеллигенции — студенчества, перспективы которого, прежде всего, в периоды экономического спада и перепроизводства лиц интеллектуальных профессий особенно неясны.

Леворадикальные мыслители фиксируют процесс концентрации экономической, политической, военной власти в руках властвующей элиты, превращающей народ в объект манипуляций, и протестуют против него. Мелкая буржуазия, интересы которой они в значительной мере выражают, недовольна государственно-монополистическим капитализмом, разоряющим многие ее слои и урезывающим демократию (центр принятия политических решений переходит от парламента, где вес мелкой буржуазии значителен, к исполнительным органам, где ведущая роль принадлежит финансовой олигархии и обслуживающей ее технократии). Противоречивость этого идеологического течения заключается в том, что оно, с одной стороны, борется с истеблишментом, допускающим лишь «прирученную оппозицию», функциональную по отношению к системе и снижающую реальную угрозу системе, с другой стороны, ему присущ элитаризм, презрение к «отсталой массе», вера в то, что лишь бунтарский авангард осуществит ломку системы, не останавливаясь перед насилием и по отношению к массам.

Наиболее последовательным критиком элитаризма, в том числе элитного плюрализма с леворадикальных позиций, выступал Р. Миллс. Он доказывал, что основным элитообразующим призна-

[37] Marcuse H. An Essay on Liberation. Boston, 1969. P. 52–64; Debray R. La critique des armes. P., 1974.

ком являются (прежде всего, в американском обществе) не выдающиеся индивидуальные качества, а обладание командными позициями в важнейших институтах общества — политических, экономических, военных. Принадлежность к элите дает возможность ее членам возвыситься над другими людьми — подавляющим большинством населения, принимать стратегические решения, определяющие судьбы миллионов людей. Фактором, сплачивающим властвующую элиту, является не только общая заинтересованность составляющих ее групп в сохранении своего привилегированного положения и социально-политического строя, обеспечивающего эти привилегии, но и близость социального статуса, образовательного и культурного уровня, духовных ценностей, стиля жизни, а также личные и родственные связи. Рекрутирование элиты осуществляется преимущественно из ее собственной среды. Первейшая задача этой элиты — обеспечение своего господства, своих привилегий. Миллс отрицает неизбежность элитарной структуры общества, критикует элитаризм с позиций последовательного демократа.

Отметим, что левый радикализм порой тесно смыкается с правоконсервативным элитаризмом и переходит в последний. Не случайно некоторые леворадикальные теоретики эволюционируют в сторону консерватизма, как это произошло с так называемыми «новыми философами» во Франции, эволюционировавшими от крикливого антиэлитаризма к достаточно традиционному элитаризму. Один из них, Б.А. Леви, в традициях классического элитаризма утверждает, что политическая власть — не надстройка, а основа общества и что поэтому власть элиты вечна. Другой «новый философ», А. Глюксман, воспроизводит знакомую нам концепцию о том, что власть элиты опирается прежде всего на идеологию, которую она выработала и в которую слепо уверовала масса.

Марксистские социологи обычно считают, что теории элиты — идеология эксплуататорских классов. Более конкретно высказался Е. Готтшлинг: «Элитарные теории — идеологическое выражение господства крупной монополистической буржуазии»[38]. Думается, что их социальная база значительно шире: питательной почвой для них может явиться и мелкая буржуазия, и определенные слои интеллигенции, и шовинистически настроенные «социальные низы», и «рабочая аристократия». Так, некоторые мелкобуржуазные

[38] Gottschling E. Herrschaft der Elite? B., 1958. S. 10–11.

слои и представители среднего класса рассматривают свое положение как привилегированное по сравнению с «низшими слоями» и вырабатывают мировоззрение, которое можно охарактеризовать не столько как элитарное, сколько как полуэлитарное или субэлитарное[39]. Ряд представителей этих социальных слоев с завистью смотрят на элитарное положение «верхов» и с презрением на «социальные низы». Из этих социальных слоев правящая элита вербует свою социальную опору.

Мы рассмотрели с позиций элитологии взгляды «новых левых». Но в политическом плане важнее позиция «старых левых», социалистов, социал-демократов на проблему элиты. Эта позиция неоднозначна. Некоторые социал-демократы критикуют элитаризм как недемократическую теорию. Но гораздо больше социал-демократов признают, что реалии сегодняшнего дня требуют наличия политической элиты и что разумная позиция социал-демократов — формирование из своей среды политических лидеров, которые могут и должны войти в состав политической элиты. Ряд лидеров социал-демократии, в частности СДПГ, отмечали близость своих взглядов со взглядами одного из выдающихся философов XX века К. Поппером. Нужно сказать, что последний подчеркивал важность контроля общества над элитой. Он писал, что «проблема контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти» в государстве в руках элиты — фундаментальная проблема политики, претендующей на демократизм, критикуя при этом марксистов, которые «так и не осознали всего значения демократии как единственного хорошо известного средства осуществления такого контроля»[40]. И этим словам не откажешь в справедливости.

Проблема отношения марксизма и особенно коммунистов к идеологии элитаризма требует специального исследования. С одной стороны, коммунисты прокламировали свой антиэлитаризм. Собственно, их идеология и была направлена против капиталистической элиты. Но, как не раз утверждали российские и западные элитологи, это была идеология контрэлиты, которая в борьбе за власть делала ставку на поддержку рабочего класса. Действительно, этот антиэлитаризм был на уровне пропагандистских лозунгов. В отношении к проблеме элиты особенно явно был виден разрыв

[39] Этот термин использует американский социолог А. Сингхэм (см.: Singhem A.The Hero and the Crowd in a Colonial Policy. New Haven; L., 1968).

[40] Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 151.

между словом и делом, пропасть между «высокой» теорией и «низкой» практикой, между провозглашенными нормативами и действительностью. Поэтому нам придется жестко развести эти элементы «реального социализма».

В официальной пропагандистской литературе советского периода картина рисовалась следующим образом: элита (причем сам термин находился под подозрением, предпочитались эвфемизмы) — часть господствующего эксплуататорского класса. Следовательно, она существует лишь в классово-антагонистических обществах. Социализм — общество без эксплуататорских классов, следовательно, общество без элиты. Для существования элиты нет и не может быть социальной базы. Государственные и партийные руководители — это подлинные выразители воли народа, его слуги, они пользуются беззаветной поддержкой масс. Получалось все очень идиллично и супердемократично. Беда лишь в том, что эти построения разительно отличались от действительности. Эта «социалистическая» действительность заключалась в отчуждении народа от политики, которая вершилась номенклатурной элитой, обладавшей огромными привилегиями и фактически бесконтрольно распоряжавшейся судьбами миллионов людей. Итак, в теории — отсутствие эксплуататорской элиты, на практике — тотальная власть партийно-государственной бюрократической элиты, престиж которой в глазах народа катастрофически падал, особенно в 80-х – начале 90-х годов (потому-то в августе 1991 года никто не встал на защиту разгоняемых чиновников ЦК КПСС и других номенклатурных структур).

Правда, марксистские теоретики признавали, что при социализме — первой фазе коммунистической формации — еще не преодолено социальное разделение труда, что отрицательно влияет на личность, включенную в социальный процесс прежде всего через выполнение своих производственных функций; эта односторонность должна компенсироваться другими формами социальной деятельности — участием в управлении производством и другими социальными институтами. Но в перспективе, с вступлением общества в стадию полного коммунизма, отчуждение масс от политики преодолевается, происходит переход к коммунистическому самоуправлению. Эти положения в лучшем случае лишь норматив, устремленный в далекое будущее, и его приложение к близкой перспективе — типичное мышление «не в масштабе», а в худшем случае всего лишь камуфляж всевластия тоталитарной элиты.

Парадоксальность ситуации заключается еще и в том, что, хотя концепции элиты возникли и широко распространились в современной западной политологии, дихотомия элита-масса как раз не может раскрыть сложную социально-классовую структуру этих стран, она неминуемо симплифицирует ее, не раскрывает глубину переходов, оттенков. В то же время социальная структура стран так называемого «реального социализма», идеологи которого, как мы видели, отрицали применимость к себе категории «элита», как раз была наиболее приближена к схеме элита-массы.

Еще одно уточнение. Сказать, что официальной советской идеологии чужд элитаризм, который существовал лишь де-факто, было бы, по меньшей мере, неточно. И не случайны вполне элитарные откровения Ленина о «тончайшем слое» партийных лидеров и Сталина о партийных руководителях как об «ордене меченосцев». Теоретической основой нового элитаризма было ленинское учение о партии нового типа, где существует ядро — профессиональные революционеры, партийные лидеры (Джордж Оруэлл назовет затем в своей антиутопии «1984» их «внутренней партией») и руководимые ими рядовые члены, большинство («внешняя партия», по Оруэллу). В своей работе «Что делать?», заложившей теоретический и организационный фундамент партии нового типа, Ленин упрекает в «наивном демократизме» тех, кто «подчеркивает не необходимость строжайшей конспирации... а "широкий демократический принцип"! Это называется попасть пальцем в небо»[41]. Далее Ленин продолжает: «...Организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества — обеспечено и нечто большее, чем "демократизм"»[42]. И стоит ли удивляться, что в партии «нового типа» в полном соответствии с известным нам законом Р. Михельса сформировался элитный слой руководителей.

Прав был М. Джилас, который видел именно в слое профессиональных революционеров, лидеров партии «зародыш и ядро нового класса партийно-номенклатурной элиты». Впрочем, позже М. Восленский утверждал, что изобретение номенклатуры — профессионального аппарата для управления страной — «заслуга»

[41] Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 138, 139.

[42] Там же. С. 141.

Сталина, который и превратил его в орудие неограниченной власти. Так или иначе, но генетическая преемственность тут явно прослеживается.

Номенклатурно-бюрократическая элита «реального социализма» носила полузакрытый характер, рекрутирование ее осуществлялось прежде всего в соответствии с критерием верности руководителю и директивам, «генеральной линии» партии и лишь после этого в соответствии с профессионализмом и компетентностью (то есть по принципу формирования «клик»). Итак, те, кто проклamировал непримиримую борьбу с элитой вплоть до ее полного уничтожения, сами воссоздавали элиту, причем в ее худшем, тоталитарном варианте, косвенно подтверждая тезис элитаристов о невозможности общества без элиты.

ГЛАВА

5 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЭЛИТАРИЗМА

Психологическое обоснование элитизма. Теперь, когда мы прояснили политический спектр элитизма, оказавшийся весьма широким, мы можем перейти к рассмотрению теоретических и методологических установок, из которых исходят авторы элитарных теорий и, в частности, к психологическому обоснованию его. Аргументы «от психологии» являются одним из самых распространенных объяснений элитаризма. Эти аргументы можно условно разделить на три группы: инстинктивистские, фрейдистские (близкие к первым, но учитывающие одновременно роль социальной среды на формирование личности ребенка) и бихевиористские (которые обычно рассматривают как альтернативную позицию, поскольку их сторонники считают, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей). Впрочем, у всех этих трех групп психологов можно обнаружить общие черты. Их, в частности, отмечает Э. Фромм. Если у инстинктивистов человек живет прошлым своего рода, то у бихевиористов — сегодняшним днем. Если для первых человек — это машина, унаследовавшая модели прошлого, запрограммированная на образцы поведения, в которых существуют множество поколений homo sapiens, то для вторых человек — это машина, способная воспроизводить только социальные модели современности. В обоих случаях человек, в сущности, марионетка, которой управляют либо инстинкты, запрограммированные в его генетическом коде, либо же воспитатели-манипуляторы.

Позицию инстинктивистов (У. Макдаугалл, К. Лоренц) по нашей проблематике можно суммировать следующим образом. Деление общества на элиту и массу — следствие врожденных черт личности, следствие генетически запрограммированных инстинктов. Большинству людей присущи инстинкты стадности, конформизма, послушания. А меньшинству присуща импульсивная, причем неумеренная, жажда власти, стремление командовать. Именно между такими людьми и происходит борьба за элитные позиции в обществе. Дж. Джиттлер пишет о «врожденных психических качествах», определяющих принадлежность индивида к элите или

массе. Элиту он определяет как «группу людей, обладающих определенными привилегиями, обязанностями и властью, которыми они располагают в связи с тем, что им присущи качества, которые рассматриваются как ценности в данную эпоху развития культуры»[1]. Положение личности в обществе оказывается функцией от ее врожденных свойств, отсюда — психологическая пропасть между элитой (обладающей психическим превосходством) и массой.

Один из тривиальных приемов защиты статус-кво состоит в утверждении, что элита образуется из наиболее одаренных, способных людей, пригодных для выполнения функций руководства обществом. М. Гинсберг и многие другие социологи обосновывают элитаризм ссылками на различия индивидуальных способностей людей, на жажду большинства людей иметь лидеров. У этого большинства имеется якобы инстинктивная потребность в подчинении, тогда как у меньшинства — врожденная жажда господствовать. Эти импульсы и определяют принадлежность людей к элите или массе. Итак, деление на элиту и массу соответствует, по Гинсбергу, самой природе человека. При подобном подходе в тени остаются социальные основы экономического и политического неравенства в обществе, которые выдаются за «естественную норму». Подобная концепция объективно прививает массам психологию неполноценности.

Воспроизводя теорию подражания французского психолога второй половины XIX – начала XX века Габриеля Тарда, социологи этого направления утверждают, что «масса подражает немногим, добившимся успеха», что подражание масс элите — «сердцевина социальной жизни». Не менее популярен среди современных элитаристов современник и соотечественник Тарда Густав Лебон, который считал, что в массе люди теряют способность мыслить, полностью подчиняются вождю или лидирующей группе; в толпе люди побуждаются к действиям не разумом, а эмоциями и инстинктами.

Большинство социальных психологов полагают, что подавляющее большинство населения (80–90%) конформны, пассивны, склонны следовать образцам, сконструированным активным, пассионарным меньшинством, только 10–20% обладают способностью осознать свои подлинные потребности и интересы и волей реализовать свои желания, и только небольшой процент (называются цифры

[1] Gittler J. Social Dynamics. N.Y., 1952. P. 148.

от 1 до 5–6%) обладают способностью сопротивляться внешнему давлению, выработать программу действий и повести за собой широкие народные массы по пути социальных преобразований.

Элитаристы консервативной ориентации обычно объявляют предпринимательство основой «человеческой природы». Богатство — доказательство выдающихся способностей человека и одновременно награда за них. Только таким людям и можно доверить управление обществом. Бедные же бедны потому, что у них от природы плохая генетическая наследственность, низкий уровень способностей, да и условия жизни не способствуют их развитию. Так что следовать за элитой, великодушно согласившейся указывать им путь, — лучше для них самих. Итак, правящий класс, по мнению многих элитаристов, выделяется в процессе конкурентной борьбы, в которой побеждают наиболее способные, мобильные люди, обладающие наивысшим интеллектом и волей к власти. Такой вывод часто подкрепляется математическими выкладками. А. Фриш установил, что в соответствии со статистическими данными из тысячи индивидов не более десяти способны к творческой деятельности (а следовательно, занять элитные позиции). А. Коулмен построил даже математическую модель распределения богатства, доказывая, что это распределение «склоняется к индивидуумам с высокими способностями» (а может быть, этот автор «склоняется» к апологетике исследуемой им социальной структуры?). Таким образом, способности людей «пропорциональны обладанию собственностью». Поэтому социальный строй, основанный на неравенстве с присущим ему элитаризмом, — вечный и «естественный» строй. Элита победила в «честном соперничестве», она наиболее пригодна для управления обществом. Чтобы оправдать и обосновать столь вольную конструкцию, многие психологи специально разрабатывают и широко применяют тесты для определения умственных способностей. Сами по себе эти тесты могут сыграть большую позитивную роль для оптимального рекрутирования элит. Но при одном условии: чтобы все члены общества имели при этом равные возможности, а именно это условие и отсутствует — мы повсюду сталкиваемся с системой привилегий, преференций, отражающих стратифицированность общества. Это справедливо (правда, в разной степени) по отношению ко всем социальным структурам современности — от западных демократий до развивающихся стран, в том числе и по отношению к России — как во время «социалистического эксперимента», так и постсоветской.

Бесспорно, люди одарены неодинаково, но следует ли отсюда, что одни люди должны эксплуатировать других или что более способные составляют привилегированный класс? Отнюдь не это обстоятельство играет решающую роль в социально-классовой дифференциации. Принадлежность к привилегированной верхушке, к элите общества, в том числе и в современных демократических странах, определяется прежде всего не умственными способностями, а размерами капитала, социальными связями, происхождением. Утверждения о том, что западные демократии открывают «равные возможности» для всех, хороши лишь как пропагандистский лозунг.

Распространенным психологическим обоснованием элитаризма является вульгаризаторская интерпретация тестов определения умственных способностей — «коэффициента интеллектуальности (IQ)». Обычно доказывается, что элита обладает (или должна обладать) наивысшим коэффициентом. Подобные исследования обычно направлены на то, чтобы обосновать право элиты на привилегированное положение именно на том основании, что ее IQ выше среднего. Однако при этом обычно игнорируется тот факт, что вне элиты оказываются люди с коэффициентом выше, чем IQ элиты. А главное — до сих пор ни в одной стране мира не было осуществлено полномасштабное, репрезентативное исследование умственных способностей элиты в соотношении с умственными способностями всего населения и «социальных низов» (может быть, потому, что вряд ли представители элиты заинтересованы в таком эксперименте, который может дать для них нежелательный результат и привести к конфузу).

В исследованиях умственных способностей часто произвольно постулируется, что IQ представляет собой постоянную, генетически обусловленную величину. В действительности это величина переменная, изменяющаяся на протяжении жизни человека; на нее влияют социальные условия, уровень культуры, образования. IQ элиты, если этот показатель в какой-то стране действительно выше среднего (что, разумеется, весьма вероятно), есть не нечто данное природой, но результат того, что представители элиты находятся в условиях, более благоприятных для развития интеллектуальных способностей (в большинстве своем это выходцы из более обеспеченных и более образованных семей). Утверждения ряда психологов об абсолютной генетической детерминированности умственных способностей человека крайне односторонни; речь

может идти лишь о сложном диалектическом взаимодействии природных и социальных факторов в процессе формирования и развития умственных способностей человека (вероятнее всего, при определяющем влиянии социальных факторов). Далее, многие психологические интерпретаторы элитаризма исходят из неверного тезиса о том, что IQ — единый показатель умственных способностей человека, который включает в себя способность к такой стороне умственной деятельности, как управление социальной жизнью. Но структура умственных способностей весьма сложна и дифференцирована; особенности личности, способствующие ее успехам, скажем, в области естественных наук, отнюдь не гарантируют ей успехов на поприще управления большими группами людей. Психологи, о которых идет речь, в полном соответствии со стереотипами обыденного сознания изображают дело таким образом, что люди с высоким IQ добились успеха, стали элитой общества, и это естественно и справедливо. Однако такой признанный специалист в вопросах тестирования, как американский психолог Дж. Кронбач, не без оснований считает, что подобные утверждения не более чем «иллюзия, результат игнорирования социальных условий»[2].

Отметим, что значительный процент населения различных стран выступает против определения IQ, среди них и представители элиты (главным образом те, у которых IQ низок). Интересны замеры IQ политической элиты, в частности американских президентов за шесть последних десятилетий[3]. Самым умным среди бывших глав государства признан Билл Клинтон — 182, на втором месте Дж. Картер — 175 баллов, Дж. Кеннеди — третий с 174 баллами, далее следуют Р. Никсон — 155, Ф. РУЗВЕЛЬТ — 147, Г.Л. Джонсон — 126, Д. Эйзенхауэр — 122, Дж. Форд — 121, Р. Рейган — 105. Замыкает список Дж. Буш-старший — 98 и его сын — президент Дж. Буш-младший — 91. При определении IQ президентов учитывались академическая успеваемость в школе и университете, самостоятельные публикации в прессе (т.е. без помощи сотрудников аппарата), ясность речи (о проблемах Буша-младшего с английским языком известно всем) и психологические показатели. В американских школах, где ежегодно проводится общее тестирование на интеллект, IQ оценивается по следующим крите-

[2] Cronbach J. Essentials of Psychological Testing. N.Y., 1966.

[3] Известия. 2003. 16 февраля.

риям: определение числового, логического, художественного и пространственного мышления. Одаренными признаются дети, чей показатель составляет от 120 до 150 баллов, а отстающими — от 60 до 90 баллов. Средний показатель IQ рядового американца — 100 баллов, максимальный возможный показатель, как считают специалисты, — 200 баллов.

Коротко о бихевиористской трактовке рассматриваемой нами проблемы. Один из основателей бихевиоризма Дж. Уотсон утверждал, что предметом исследования психологии вместо неопределенного термина «сознание» должно быть поведение — то, что поддается верификации; психологию следует превратить в науку, способную управлять поведением; манипулируя внешними раздражителями, можно воспитать человека с заданными константами поведения.

Итак, в противоположность интуитивизму бихевиоризм исходит из того, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей и стремление человека в элиту — следствие не врожденной генетической программы, а социальных потребностей, социальных стимулов. Человеческое поведение формируется под воздействием социального окружения, определяется не врожденными, генетически запрограммированными свойствами, а социальными и культурными факторами (которые и мотивируют стремление человека попасть в элиту). Поэтому психология призвана заниматься прежде всего изучением того, какие механизмы стимулируют поведение человека. Происходит переориентация с изучения инстинктов на изучение поведения и возможностей его изменения, изучение того, какие механизмы могут быть использованы для достижения максимальных результатов (максимальных для манипулятора). Таким образом, для психологии, выступающей как наука о манипулировании поведением, целью становится обнаружение механизмов стимулирования, помогающих обеспечить необходимое заказчику (а этим заказчиком не случайно особенно часто оказывается элита) поведение (прежде всего, поведение масс). Бихевиористы и видят свою задачу в изучении того, какие механизмы стимулируют человека в его деятельности и как они могут быть эффективно использованы в программировании поведения людей (заметим, поведения, нужного заказчику, прежде всего правящей элите). Впрочем, бихевиористы по понятным причинам не признают открыто, что выполняют социальный заказ элиты. И уж во всяком случае они не хотели бы, как правило,

выступать в роли пособников насильственного, диктаторского правления. Ведущий теоретик необихевиоризма Б. Скиннер писал: «Я уверен, что никто не хочет развития новой системы отношений типа "хозяин – слуга", никто не хочет искать новых деспотических методов подавления воли народа власть имущими. Это образцы управления, которые были пригодны лишь в том мире, в котором еще не было науки». Впрочем, автора этих слов Э. Формм резонно упрекает в наивности: «Спрашивается, в какую эпоху живет профессор Скиннер? Разве сейчас нет стран с эффективной диктаторской системой подавления воли народа? И разве похоже, что диктатура возможна лишь в культурах "без науки"?.. На самом деле ни один политический лидер и ни одно правительство никогда не признаются в своих намерениях подавить волю народа»[4]. Сам Скиннер в другом месте откровенно признает, что «...нам приходится иметь дело с *волей к власти или параноидальными заблуждениями* лидеров»[5]. Тем не менее школа Скиннера усиленно работает над решением проблем контроля и управления массовым поведением, заказы на которые, по-видимому, поступают не без ведома правящей элиты. Причем Скиннер выражал сожаление по поводу того, что «поведенческой технологии, сопоставимой по мощи и точности с физической и биологической, не существует»[6].

Однако инстинктивизм и антиинстинктивизм — крайние позиции, между которыми лежат компромиссы, переходы и допущения. Даже сам Б. Скиннер, подчеркивая определяющую роль социокультурных факторов, не отбрасывает полностью роль генетических предпосылок. Отметим, что широко распространенное отождествление фрейдизма с инстинктивизмом не вполне правомерно. С одной стороны, по Фрейду, определяющие жизнь человека влечения сводятся к инстинкту самосохранения и инстинкту сексуальности (в более поздних своих работах Фрейд пишет о борьбе Эроса и Танатоса). С другой стороны, по Фрейду, личность формируется в раннем детском возрасте прежде всего в результате среды, непосредственного окружения, семьи, где опреде-

[4] Цит. по: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 50.

[5] Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. М., 1994. С. 35.

[6] Там же. С. 32.

ляющая роль обычно принадлежит авторитарному отцу семейства. Все большее число психологов приходят к выводу о том, что утверждения, что поведение определяется либо наследственностью, либо обучением, страдают односторонностью, что это поведение — результат большого числа переменных, среди которых только две детерминируются либо генами, либо воспитанием.

Среди психологических трактовок элитаризма наибольшее распространение получило толкование этой проблемы фрейдизмом. З. Фрейд полагал, что дифференциация общества на элиту и массу выросла из родовых форм авторитета. Он особенно подчеркивал усвоенную с детства потребность человека в защите его отцом, вытекающую из «инфантильной беспомощности» человека. Тираническая власть отца над детьми приводит к восстанию взрослых сыновей и убийству отца. Но дети испытывают тоску по отцу и раскаяние. Этот психологический конфликт разрешается посредством идеализации убитого отца и замещения его другим. Этим отцом-заместителем оказывается обычно авторитарный лидер, авторитарная элита. К ним он испытывает те же амбивалентные чувства — любви и страха, уважения и ненависти, которые ранее пробуждал у них отец. Власть элиты представляется Фрейду неотвратимой: «Как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, так же нельзя обойтись и без господства меньшинства над массами, потому что массы косны и недальновидны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друг в друге вседозволенность и распущенность. Лишь благодаря влиянию образцовых индивидов, признаваемых ими в качестве своих вождей, они дают склонить себя к напряженному труду и самоотречению, от чего зависит состояние культуры. Все это хорошо, если вождями становятся личности с незаурядным пониманием жизненной необходимости, сумевшие добиться господства над собственными влечениями. Но для них существует опасность, что, не желая утрачивать своего влияния, они начнут уступать массе больше, чем та им, и потому представляется необходимым, чтобы они были независимы от массы как распорядители средств власти»[7].

Потребность в авторитете, по Фрейду, живет в «массовом человеке» прежде всего как выражение «тоски по отцу»; и элита стара-

[7] Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 97.

ется использовать эту потребность массы, чтобы вести ее за собой. Авторитарный лидер и авторитарная элита трактуются Фрейдом как «заместители отца». Механизм принятия массой авторитета элиты описывается Фрейдом следующим образом: ребенок, сформировавшийся под гнетом отца-тирана, защищает себя, развив механизмы повиновения, становящиеся источником мазохистского удовлетворения. Жизнь взрослого человека продолжает определяться защитными механизмами, сформировавшимися в детстве в результате реакций на отца, выступавшего по отношению к ребенку как социальный агент, часто враждебный. Став взрослым, человек получает удовлетворение, подчиняясь лидеру, элите, становясь конформистом, винтиком бюрократической машины.

Масса и ее психология рассматриваются Фрейдом (вслед за Г. Лебоном) как «регрессия человека к первобытной орде», а также к детской психологии, «регрессия к более ранней ступени, которую мы привыкли видеть у дикарей и детей». «Мы уже знаем, что пугающее ощущение детской беспомощности пробудило потребность в защите — любящей защите, — и эту потребность помог удовлетворить отец; сознание, что та же беспомощность продолжается в течение всей жизни, вызывает веру в существование какого-то теперь уже более могущественного отца»[8]. Подчинение масс элите Фрейд, как и Лебон, связывает с феноменом массовой психологии, оно вызывается не разумом, не пониманием целесообразности этого подчинения, а инстинктами и эмоциями: «Следует ожидать, что угнетенные классы будут испытывать зависть к преимуществам привилегированных... Вполне понятно, что у этих угнетенных развивается интенсивная враждебность против культуры, которую они укрепляют своей работой, но от плодов которой имеют лишь ничтожную долю»[9]. Противоречия элиты и массы рассматриваются Фрейдом — и в этом обнаруживается ограниченность его концепции — не как выражение объективного социального конфликта, но прежде всего как конфликт во внутреннем мире человека, его психическая драма.

Среди многочисленных последователей и реформаторов фрейдизма отметим А. Адлера. Согласно его теории, люди, рвущиеся в элиту, компенсируют комплекс неполноценности (хотя они

[8] Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. 1989. С. 181.

[9] Freud S. Aufgewalte Schriften. B., 1969. S. 120–129, 191–192, 264.

обычно не догадываются об этом) тем, что ведут ожесточенную борьбу за власть. Близкие идеи высказывал Г. Лассуэлл, развивавший фрейдистские идеи применительно к сфере политических отношений. Для него стремление непременно попасть в элиту — преодоление собственной неполноценности, обладание властью как бы «исправляет» заниженные оценки собственной личности. Это — «психопатология политики». Лассуэлл писал: «Может показаться странной мысль о применении психоанализа к исследованию политики. Психоанализ возник как отрасль психиатрии и был первоначально ориентирован на терапию душевнобольных». Но по мере роста популярности фрейдизма политологи стали применять методы психоанализа по отношению к исследованиям политических элит и добились интересных результатов. Психопатологические личности, обуреваемые страстью к власти, — наиболее частые персонажи среди стремящихся во что бы то ни стало попасть в элиту. Они подвизаются в политике или в бизнесе, даже в организованной преступности — «всюду, где они могут надеяться на то, что будут господствовать над другими»[10]. Им безразлично, где утвердиться, лишь бы обладать властью над людьми.

Проблема элиты занимает важное место в неофрейдизме. Его виднейший представитель Э. Фромм претендует на преодоление слабостей Фрейда, прежде всего его пансексуализма. Он справедливо критикует Фрейда за биологизм, недооценку социальных факторов при анализе поведения людей. Фромм показывает, что «наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности»[11]. Он совершенно правильно отмечает: «Для апологетов элитной системы социального контроля (когда все контролируется элитным слоем общества) очень удобно считать, что социальная структура возникла как следствие врожденной потребности человека и потому она неизбежна. Однако эгалитарное общество первобытных народов свидетельствует, что дело обстоит совсем иначе»[12]. В эксплуататорских обществах власть опирается на силу, страх и подчинение; господствующая идеология этого общества утверждает, что «все и вся должно быть управляемо — человек и природа — и каж-

[10] Lasswell H. Power and Personality, N.Y., 1948. P. 270, 303.

[11] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 21.

[12] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 127.

дый имеет отношение к власти: одни ее осуществляют, другие — боятся. Чтобы управление было эффективным, люди должны научиться послушанию (подчиняться). А чтобы подчиняться, они должны поверить в превосходство своих правителей, каким бы оно ни было — физическим или магическим»[13].

Неофрейдисты полагают, что основными психологическими механизмами, порождающими элитарную социальную структуру, являются садистско-мазохистские. Фрейд пытался объяснить их как явления сексуальные, по преимуществу либидозные. Фромм (а еще раньше Адлер) попытался дать несексуальную интерпретацию этих механизмов. По Фромму, садистские и мазохистские тенденции обнаруживаются всегда вместе, это — единство противоположностей. Садистские ориентации преобладают в элите, мазохистские — в массе[14]; они и объясняют бегство миллионов людей от свободы к авторитарным диктатурам, готовность подчиниться властвующей элите и даже получить мазохистское удовлетворение от этого подчинения, которое оказывается тем большим, чем более полным является это подчинение. Фромм тонко замечает: «...В психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Это отчаянная попытка приобрести заменитель силы, когда подлинной силы не хватает... «власть» и «сила» — это совершенно разные вещи».

Фромм описывает три садистских тенденции, которые и являются основой для элитарных ориентаций личности: 1) стремление человека сделать других людей зависимыми от себя и господствовать над ними, превратить их в свои орудия, «лепить, как глину»; 2) стремление не только иметь абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать; 3) стремление заставить других людей страдать физически и нравственно. Целью стремления может быть как активное причинение страдания — унизить, запугать другого, так и пассивное созерцание чьей-то униженности и запуганности. Нетрудно видеть, что ориентации эти глубоко безнравственны и патологичны. Поэтому их носители

---

[13] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 146.

[14] Точнее, формулировки Фромма более осторожны: «По-видимому, садистские и мазохистские черты можно обнаружить в каждом человеке. На одном полюсе существуют индивиды, в личности которых эти черты преобладают, на другом — те, для кого они вовсе не характерны. О садистско-мазохистском характере можно говорить лишь в отношении первых». — *Прим. авт.*

пытаются оправдаться в собственных глазах и глазах других людей. Вот типичный образчик их объяснений и оправданий, «рационализации» их стремлений: «Я руковожу, поскольку я знаю, что лучше для интересов руководимых, и поэтому они должны следовать за мной». Или: «Я такой выдающийся, уникальный, что вправе ожидать, что другие люди будут зависеть от меня».

Фромму не откажешь в тончайших психологических наблюдениях. Он замечает, что садист — это не просто человек, который сознательно наносит ущерб, мучает, убивает свою жертву. Иной садист по-своему любит жертву, он зависит от нее в известной мере (это как раз относится ко многим политическим лидерам). Жертва нужна ему, чтобы ее эксплуатировать, тиранить, поэтому он заинтересован в том, чтобы она жила и боялась его, — так феодал заинтересован в том, чтобы крепостной имел определенный достаток и чтобы он трепетал перед ним, почитал его. Он часто демонстрирует свою «любовь» к тем, кого он угнетает. Он по-своему и в самом деле «любит» их. Элита нуждается в массе и «любит» ее, стремясь «облагодетельствовать» массу, ибо она «лучше знает», что надо для ее блага. «В чем сущность садистских побуждений? Желание причинить другим людям боль в этом случае не главное. Все наблюдаемые формы садизма можно свести к одному основному стремлению: полностью овладеть другим человеком, превратить его в беспомощный объект своей воли, стать его абсолютным повелителем, его богом, делать с ним все, что угодно... Сущность садизма составляет наслаждение своим полным господством над другим человеком»[15].

Более сложным явлением Фромм называет мазохизм (характерный для масс, подчиняющихся элите). Известно, что у Фрейда мазохизм — проявление «инстинкта смерти». Фромм объясняет мазохизм как один из защитных механизмов, помогающих людям избежать изоляции, отчуждения (пусть даже деструктивным путем — подчиняясь авторитарной элите и в какой-то мере разрушая себя) и избавиться от «бремени свободы», от индивидуальности, раствориться в массе. В Германии между мировыми войнами деморализованные, разобщенные миллионы людей «вместо того, чтобы стремиться к свободе, стремились к бегству от нее». Подчинившись фашистской элите, они обрели «безопасность» (пусть обманчивую, иллюзорную, укрывшись под суровое крыло тоталитарной

[15] Фромм Э. Бегство от свободы. С. 136.

диктатуры), единение с другими людьми, разделяющими их чувства. Элита существует, поскольку большинство людей преклоняется перед властью, не являются независимыми, разумными, а нуждаются в мифах и идолах. Именно в характерах этого типа нашла живейший отклик идеология нацизма. «Но поскольку термин «садистско-мазохистский» ассоциируется с извращениями и неврозами, я предпочитаю говорить не о садистско-мазохистском, а об "авторитарном" характере, особенно когда речь идет не о невротиках, а о нормальных людях. Этот термин вполне оправдан, потому что садистско-мазохистская личность всегда характеризуется особым отношением к власти. Такой человек восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему»[16]. Из таких людей и рекрутировалась фашистская элита.

В «Анатомии человеческой деструктивности» Фромм показал сомнительность версии, ставшей штампом буржуазной социологии, о том, что социальная иерархия и элита необходимы для любого общества, что они базируются на генетической природе человека. «Анализ истории общества за последние пять-шесть тысяч лет эксплуатации большинства правящим меньшинством показывает весьма ясно, что психология господства — подчинения представляет собой адаптацию к социальной системе, а не ее причину». Как видим, Фромм придерживается принципа историзма при анализе проблемы элиты и социального неравенства. Приведенные выше положения Фромма позволяют нам с уверенностью сказать, что он, в отличие от Фрейда, не элитарист, а скорее наоборот, антиэлитарист. Во всяком случае, поскольку для Фромма исследование элит находится в фокусе его научных интересов, отнесем его с уверенностью к уже известной нам более широкой категории элитологов.

Отметим также позицию других последователей Фрейда — В. Рейха и Э. Эриксона. По Рейху, характер человека формируется в раннем детстве, в кругу семьи с ее нормами и установками, а поскольку ее структура носит, как правило, авторитарный характер, этот авторитаризм порождает социальную структуру с властвующей элитой и послушной ей массой. По Эриксону, участие взрослого человека в общественной жизни, в решении социальных конфликтов есть всего лишь средство решения внутренних

[16] Фромм Э. Бегство от свободы. С. 141, 142.

конфликтов, коренящихся в особенностях формирования личности в детском возрасте, вылившихся в невротические реакции. Объяснения факта проникновения того или иного человека в элиту он, как и другие фрейдисты, предлагает искать в психоанализе его личности.

Как видим, психосоциологи подменяют вопрос о причинах социального неравенства, существования правящей элиты и массы вопросом о том, каковы психологические особенности и психологические ориентации людей, которые способствуют их проникновению в элиту. Являются ли они генетически закодированными или же следствием особых условий, существующих в классово дифференцированных структурах, которые и вырабатывают стремление во что бы то ни стало «пробиться наверх», обрести богатство, влияние, известность, овладеть командными позициями? Являются ли они «нормальными» или патологическими? Эти фундаментальные вопросы остаются без ответа в рамках психосоциологии. И не случайно, что именно Фромм, который выходит за пределы традиционной психологической проблематики, наиболее глубоко из перечисленных авторов освещает эту проблему.

Чисто психологическая трактовка элиты представляется односторонней. Ибо за ее пределами остается социально-политическая сущность элиты. Причины выделения элиты не психологические (вернее не психологические в первую очередь), они порождены определенными социальными причинами (процессом разделения труда, политическими и иными процессами). Иное дело, что при этом было бы неправильным игнорировать социально-психологические механизмы, через посредство которых реализуется эта объективная социальная потребность.

Цивилизационный подход к элите. Интересным и плодотворным во многих отношениях представляется цивилизационный подход к элите. В конце XIX века его развивал Н.Я. Данилевский, сформулировавший общую теорию типологии культур, вскрывший односторонность европоцентризма («ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляет высшую точку развития»[17], — насколько это глубже теории «конца истории» Фукуямы...) и во многом предвосхитивший культурологические концепции XX века, в частности Шпенглера и Тойнби.

[17] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 109.

Для О. Шпенглера цивилизация — заключительная стадия развития любой культуры, эпоха упадка («...у каждой культуры есть своя *собственная* цивилизация ...оба слова ...понимаются здесь в периодическом смысле, как выражение строгой и необходимой органической последовательности. Цивилизация — неизбежная *судьба* культуры»[18]), омассовления и варваризации общества, когда на смену «сросшегося с землей народа» приходит «новый кочевник, паразит, обитатель большого города», оторванный от традиций, иррелигиозный и бесплодный. Эта безликая, лишенная корней масса — варвары; только элита сберегает ростки культуры.

Но особенно развернуто элитаризм сформулирован в цивилизационной концепции А. Тойнби, опиравшегося на труды Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Бергсона. Ему близка мысль Бергсона о том, что стимул и толчок социальному развитию дают «редкие сверхлюди, способные разрушить круг примитивной жизни и свершить акт творения». По Тойнби, «акты социального творчества — прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческого меньшинства». Это творческое меньшинство — элита; цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякают ее творческие потенции. А с течением времени творческий потенциал элиты иссякает, и она превращается в тормоз прогресса, пытаясь блокировать новую творческую элиту (контрэлиту). Иссякание творческой энергии элиты — причина, в частности, гибели Римской империи. Творческое меньшинство в современном западном мире также находится перед опасностью регресса. Западный индустриализм возник «из глубин творческого меньшинства, и это меньшинство стоит сейчас перед вопросом, способно ли оно руководить и управлять гигантской энергией высвобождающихся сил»[19]. Именно наличие элиты обусловливает развитие цивилизации, «подтягивание нетворческого большинства общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперед, на практике решается благодаря мимесису... Большинство дрессируется руководящим меньшинством и подражает ему»[20].

---

[18] Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 163.

[19] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 259.

[20] Там же. С. 260, 303.

Мимесис возникает как результат успехов элиты, когда же иссякает творческий потенциал элиты, успехи сменяются провалами, наступает надлом цивилизации. «Надлом означает исчезновение с исторической арены творческого меньшинства, вызывавшего доверие и добровольное желание подражать ему, следовать за ним. Постепенно ему на смену приходит правящее меньшинство, которое пытается узурпировать наследство, ему не принадлежащее. Доверие к себе оно пытается сохранить с помощью силы, все еще находящейся в его распоряжении»[21]. Итак, упадок элиты означает неотвратимый упадок общества. «Различие в руководстве обществом, когда оно растет и когда оно распадается, сводится к различию между способностью к творчеству и отсутствием таковой. Ибо... одним из симптомов социального распада и причиной социального раскола является вырождение меньшинства, ранее способного руководить благодаря своим творческим потенциям, но теперь сохраняющего власть лишь благодаря грубой силе»[22].

Цивилизационный подход к элите характерен для выдающегося российского социолога П.А. Сорокина, автора классических трудов по социальной стратификации, которая «находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности...»[23] Он утверждал: «Любая организованная группа всегда социально стратифицирована. Не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы плоской и в которой все ее члены были бы равными». Это — «миф, так и не ставший реальностью за всю историю человечества»[24]. Пирамида стратификации прочна, когда элита состоит из наиболее способных, талантливых; когда же элита становится закрытой, иммобильной, не допускает к управлению наиболее талантливых представителей социальных низов, общество обречено. Так было в России, когда «вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии талантливым самородкам из других слоев... благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются “бездарные правители”, а «головастиков» у основания пирамиды власти становится все больше. Когда наступает революция,

[21] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 355.

[22] Там же. С. 450.

[23] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 302.

[24] Там же. С. 304.

все барьеры и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом. "Привилегированные" оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих "социальных подвалов"... Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виновен, а кто нет... Но на второй стадии революция устраняет свои же собственные ошибки, воздвигая новое "сито", и циркуляция обретает обратное движение. Именно так, а не иначе развивались все революции»[25].

В заключение хотелось бы отметить весьма своеобразную модификацию цивилизационного подхода к роли элит в работах Л.Н. Гумилева. Его пассионарная концепция связана с теорией мутагенеза (этнос возникает в результате мутации — внезапного изменения генофонда общности под влиянием внешних условий). Пассионарность образуется внутри популяции людей, обладающих повышенной тягой к действию, к активности, дающих «пассионарный толчок». Развитие и рост цивилизаций он связывает с качеством их пассионарности, активности, творческого взлета, которые в наибольшей степени проявляются у элит; он называет их даже «вирусами пассионарности». Причем вероятность отбора в элиту самых талантливых людей наиболее велика в периоды подъема пассионарности в поведении этноса. И, напротив, когда этнос переживает снижение пассионарности, система отбора в элиту стремительно деградирует. На место выбывающих членов элиты приходят претенденты со сниженными качествами, порой просто злобные ничтожества[26].

Бюрократия как элита. Практически все элитологи согласны с тем, что элита управляет делами общества. Тогда, естественно, необходимо выяснить соотношение элиты и слоя людей, профессионально занимающихся управленческой деятельностью, — бюрократии (собственно, низшее и среднее звено бюрократии вряд ли можно отнести к элите; тогда естественно предположить, что элита — это высшее звено бюрократии). И не будут ли теории бюрократии эвристическими при анализе элиты?

И не случайно, что концепция бюрократии знаменитого немецкого социолога и политолога Макса Вебера рассматривается как

---

[25] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 292.

[26] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

уникальный вклад в элитологию, как одно из важнейших обоснований элитаризма. Именно Вебер заложил основы наиболее распространенной и влиятельной в современной социологии теории бюрократии, интерпретации места и роли бюрократии в обществе. Характерно, что многие социологи делят взгляды на бюрократию на две части: довеберовские, характерные и поныне для обыденного сознания (бюрократ — тот, кто затягивает решение вопросов или теряет нужный документ), и веберовские, или научные (в идеальной модели бюрократии, в идеальном типе, по терминологии Вебера, не теряется ни один документ, это — оптимальное прохождение документов, а главное — это оптимальная система разделения труда в сфере управления). По Веберу, бюрократическая элита пришла на смену аристократической. Власть волюнтаристская, основанная на прихоти, чувствах, предубеждениях ее носителей и потому власть непредсказуемая, сменяется правлением экспертов, принимающих оптимальные решения, действия которых предсказуемы, сменяется властью, основанной на бесстрастных формальных правилах и процедурах, подкрепленных жесткой дисциплиной, иными словами, иррациональная администрация сменяется рациональной. Ее особенности следующие. Во-первых, власть смещается от личной к имперсональной. Во-вторых, власть бюрократов — частично следствие их монопольного положения, частично — их способности сохранять свои профессиональные знания как официальные секреты. В-третьих, бюрократия приобретает значительно большую степень живучести, и поэтому идея ликвидации этих организаций становится все более утопичной. В бюрократической системе чиновники лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; имеют устойчивую служебную иерархию; имеют твердо определенную служебную компетенцию; работают в силу контракта, следовательно, на основе свободного выбора, в соответствии со специальной классификацией; вознаграждаются постоянными денежными окладами; рассматривают свою службу как главную профессию; делают свою карьеру в соответствии со старшинством по службе или в соответствии со способностями; не могут присвоить себе свои служебные места; подчиняются строгой единой служебной дисциплине[27].

---

[27] Max Weber's Theory of Organisation. Ed. by A. Henderson and T. Parsons. N.Y., 1947; Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренесанс. М., 1991. С. 83.

Эта концепция Вебера связана с его типологией оснований легитимности политического господства. Первый тип — традиционное господство, как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа, авторитет «вечно вчерашнего», авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение. Второй тип — харизматическое господство, авторитет внеобыденного личного дара, полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека. Третьим типом господства является рационально-легальное (оно же бюрократическое), «господство в силу "легальности", в силу обязательности легального установления и деловой "компетентности", обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил, — господство в том виде, в каком его осуществляет современный "государственный служащий"»[28].

Если первая модель преобладала в прошлом, в традиционном обществе, то вторая — в современном, «рационально-легальном». Бюрократическое управление максимально имперсонально, максимально свободно от субъективизма. И бюрократическая элита предпочтительна по отношению к традиционной аристократической элите, а также харизматической элите, возникающей вокруг харизматического лидера, обычно в периоды революций, коренной ломки социальных отношений.

Вебер отводит решающую роль в бюрократии профессионалам, техническим специалистам, опирается на научные методы управления, считая, что бюрократическое управление оказывается наиболее эффективным, максимально лишенным субъективизма, подкрепленным единообразием правил и инструкций, которыми руководствуются чиновники независимо от своих личных симпатий, они выступают как функция системы. Начиная с Вебера теоретики и исследователи бюрократии Р. Мертон, Бендикс, С. Липсет и др. считают процесс бюрократизации проявлением более широкого процесса — рационализации, имманентно присущей капиталистическому обществу; это — движение от традиционного общества, где власть передается по наследству (отсюда — «элита крови») в руки людей, обладающих знанием (к «элите знания»).

Как видим, Вебер позитивно интерпретирует феномен бюрократии, что, вообще говоря, достаточно необычно не только для

[28] Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646–647.

предшественников Вебера, но и для современных социологов и особенно для самих субъектов бюрократического управления. «Термины "бюрократ", "бюрократический" и "бюрократия" — это, конечно, бранные слова, — не без оснований пишет известный социолог Людвиг фон Мизес. — Никто не называет себя бюрократом или свои методы бюрократическими. Эти слова всегда употребляются в оскорбительном смысле. Они всегда подразумевают уничижительную критику людей, институтов или процедур. Никто не сомневается в том, что бюрократия глубоко порочна и что она не должна существовать в совершенном мире»[29]. А кто только не критиковал и не критикует бюрократию! И громче всех — сами бюрократы, желающие иметь своеобразное алиби. Критика бюрократии раздается и слева и справа. Острую критику бюрократии мы находим у Маркса, причем особенно у молодого Маркса (что имеет свое объяснение: когда Маркс стал писать о государстве диктатуры пролетариата, М. Бакунин не без оснований упрекал его в том, что это будет государством, руководимым пролетарскими чиновниками, новым видом бюрократии, новым привилегированным меньшинством[30]).

Как известно, Маркс исходил из понимания бюрократии как власти, отчужденной от народа, выражающей интересы эксплуататорских классов. Он связывал ее с потерей организацией содержательных задач своей деятельности, с главенством формы над содержанием (бюрократия «выдает формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное»)[31]. Бюрократия есть «государственный формализм». «Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства... Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низы во всем, что касается знания частностей; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»[32]. Для бюрократа характерен взгляд, «будто начальство все лучше знает»[33]. Бюрократия, по существу, владеет государством,

[29] Л. фон Мизес. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993. С. 9.

[30] Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 483.

[31] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

[32] Там же. С. 271–272.

[33] Там же. С. 201.

«это есть ее частная собственность. Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером»[34]. Следуя мыслям Маркса, Ленин писал: «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует... из самих условий образования и комплектования этого класса»[35]. И еще: «Бюрократическая система в конечном счете ведет к возникновению привилегированного слоя, оторванного от масс и стоящего над ними»[36]. Что ж, в этих словах много правды, даже больше, чем вкладывал в них сам вождь революции, ибо «социалистическая» бюрократия и привела к возникновению нового эксплуататорского слоя, новой элиты.

Известно, что марксизм ставит в качестве задачи слом бюрократической государственной машины, переход к общественному самоуправлению. Правда, подавляющее большинство политологов считает, что сложное современное общество, обходящееся без бюрократического аппарата, основанное на непосредственном самоуправлении народа, — не более, чем социальная утопия (причем подтверждением этой точки зрения оказывается и тоталитарная власть бюрократической элиты «реального социализма»). Л. фон Мизес пишет, что социалисты, «прогрессисты» в своей критике бюрократии присоединяются к тем, кого во всех других отношениях с презрением называют «реакционерами», утверждая, что бюрократические методы «не составляют существа той утопии, к которой они сами стремятся. Бюрократия, говорят они, это скорее неудачный способ, каким капиталистическая система пытается справиться с неумолимой тенденцией к своему собственному исчезновению. Неизбежный конечный триумф социализма упразднит не только капитализм, но и бюрократию. В счастливом мире завтрашнего дня, в благословленном раю всестороннего планирования больше не будет никаких бюрократов»[37]. Увы, практика «реального социализма» мало соответствовала этому нормативу...

---

[34] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 272.

[35] Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 439.

[36] Там же. Т. 33. С. 115.

[37] Л. фон Мизес. Цит. соч. С. 9.

Конечно, концепция бюрократии Вебера уязвима для критики. Для Вебера бюрократия — наиболее рациональная организация управления. Но это — предельная рациональность в средствах, которые обесцениваются и превращаются в свою противоположность — иррациональность целей. Это блестяще показывает Ф. Кафка в «Процессе». Чиновник рационально ведет дела в своей узкой области, но не понимает общей цели системы, которая оказывается иррациональной. Бюрократическое управление, которое Вебер считает рациональным, оказывается комбинацией частичной рациональности и глобальной иррациональности. Тем не менее Вебер трактует бюрократию позитивно, как имперсональное управление, основанное на компетентности (в отличие от управленческой деятельности в традиционном обществе, которое носит персональный характер, соответствующий личностному характеру власти в этом обществе, а управленческие решения — субъективны). Поэтому элита бюрократии (собственно, Вебер избегал пользоваться термином «элита», зато им широко пользуются продолжатели его социологической традиции С. Липсет, Р. Мертон. Ф. Селзник и др.) является оптимальным управленческим слоем. Рациональность, эффективность, строгая регламентация, разделение управленческого труда, безличность рассматриваются как идеал организационной деятельности. Это — «идеальный тип» бюрократии... Вебер подчеркивал, что это — господство закона, а не людей, что бюрократическая администрация означает осуществление контроля на основе знания, что делает ее специфически рациональной.

Продолжим рассмотрение аргументов против модели «идеальной бюрократии» Вебера. Еще Т. Парсонс, автор предисловия к американскому изданию трудов Вебера, указал на некоторые его слабости. Так, правление, основанное на компетенции, и правление, основанное на дисциплине, не всегда совпадают, вступают в конфликт друг с другом. Можно было бы сформулировать этот тезис гораздо более остро. В идеальной модели бюрократии Вебера карьера чиновника напрямую связана с его компетентностью; предполагается, что вышестоящий чиновник более компетентен, чем нижестоящий. Но реальность разительно противоречит этой идеальной модели. В частности, российский опыт свидетельствует о том, что норматив Вебера действует «с точностью до наоборот». Сплошь и рядом вышестоящий бюрократ отнюдь не компетентнее нижестоящего, но командует последним ex officio. Тут работает

известная формула: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Если, по Веберу, бюрократия — воплощенная рациональность, то рационально ли слепое повиновение приказам вышестоящего начальника? В модели Вебера чувствуется наследие традиций прусской абсолютистской бюрократии.

Сошлемся еще на два возражения по поводу рациональности и эффективности бюрократии, которые, хотя и сделаны в полушутливом гротескном жанре, отнюдь не становятся от этого менее весомыми. И прежде всего, на «закон Паркинсона» — закон самовозрастания бюрократии. Как показал Н. Паркинсон, бюрократия разрастается, как раковая опухоль, независимо от объекта управления, причем эффективность этого управления непрерывно снижается. Остроумное объяснение неэффективности бюрократии дает и «принцип Питера». Если начинающий бюрократ успешно справляется со своей работой, доказывая свою компетентность, его ждет награда — повышение в должности. Если он вновь доказывает свою компетентность, справляясь с должностными обязанностями, он вновь получает повышение и т.д. Но вот он доходит до ступени, где он не может добиться успехов, и тогда он не получает повышения, застревая на этой должности. И тогда может получиться, что все бюрократические должности заняты людьми, достигшими своего «уровня некомпетентности». Что ж, в этой шутке — большая доля правды. Модель Вебера далека от ее эмпирической верификации. Впрочем, Вебер отчетливо понимал это. Он прямо отмечал, что его идеальный тип — не результат эмпирического обобщения материала, но именно идеальное конструирование модели, которая может быть эвристической при построении теории, объясняющей социальный процесс. В модели Вебера элита бюрократии — элита компетентности. Увы, слишком часто она оказывается «элитой» некомпетентности.

Прислушаемся еще к одному возражению, высказанному М. Мейером, У. Стивенсоном, С. Уэбстером в книге «Пределы бюрократического роста»: бюрократия, как правило, генерирует «суббюрократию», над которой первая (элита бюрократии) теряет контроль; последние становятся как бы «антителами» в первоначальной бюрократической системе[38]. Существенно и замечание известного американо-израильского социолога А. Этциони о роли

[38] Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992. С. 156.

бюрократии в бизнесе, о том, что в современном капиталистическом обществе получение прибыли выше компетентности и «логики администрации». Интересы бюрократов государственных и частных учреждений не могут быть выше интересов класса капиталистов, «элиты, олицетворяющие цели производства и прибыли, должны быть более могущественны, чем те, которые представляют профессиональные ценности. Эффективной элитарной иерархией является такая, при которой структура элит и иерархия целей гармонично дополняют друг друга»[39].

Особый интерес представляет для нас вопрос о соотношении элиты и бюрократии. Некоторые политологи отождествляют эти понятия: бюрократия и выступает как элита. Но в этом случае необходимо было бы уточнить, что имеется в виду не вся иерархия бюрократии, а лишь ее верхушка. Кроме того, следует отметить, что данное отождествление не вполне корректно и потому, что в элите, в том числе политической элите, есть и такие члены, которые не могут классифицироваться как бюрократы. Другие политологи исходят из того, что бюрократия — административный аппарат элиты. Но эти разногласия носят в большой мере терминологический характер, речь идет о более широком (в первом случае) или менее широком понимании бюрократии. Интересна в этом плане трактовка бюрократии в СССР. Некоторые политологи считали, что элита — это верхушка бюрократической номенклатуры СССР, другие (в том числе М. Восленский) — что элита — социальный слой, из которого черпается номенклатура. Опять-таки разногласия носят больше терминологический характер. Представляется достаточно взвешенной следующая формулировка: «Политическая воля элит реализуется главным образом через бюрократический аппарат, постоянно занимающийся государственными делами. Элита намечает главные цели и магистральные линии деятельности государства, а бюрократический аппарат их реализует (последний может саботировать выполнение их). Сильная бюрократия может навязать свою волю, частично превращаясь в политическую элиту»[40].

В заключение отметим, что мы далеки от экстремистских лозунгов полного искоренения бюрократии, важно, чтобы чиновниче-

[39] Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992. С. 161.

[40] Санистебан Л. Основы политической науки. М., 1992. С. 32.

ство не перерастало в самодовлеющую силу, подминающую общество, не превращалось в господствующий класс, во властную элиту. Бюрократия как феномен имеет многовековую историю и предысторию. Элементы бюрократической системы существовали и в традиционном обществе, где абсолютно преобладали насильственные методы управления (например, древнеримская бюрократия). Бюрократическая система развивалась вширь и вглубь и достигла своего расцвета в индустриальном обществе (в системе рационального управления конвейерным трудом). Эта система в соответствии с потребностями общественной жизни принимает новые формы, она с необходимостью модернизируется в постиндустриальном обществе, где система управления, (в данном случае мы говорим о нормативе), основанная на стандартизации, сменяется системой управления, делающей упор на уникальность личности, на индивидуальное творчество, на индуцирование инициативы, идущей в направлении от вертикальной иерархизации к горизонтальной координации, к широкой самостоятельности субъектов управления и в общем к саморегулирующейся организации.

Технологический детерминизм и элитология. Если биологические и психологические интерпретации элитаризма выливаются в попытку доказать, что вхождение в элиту — следствие особенностей генотипа или психологических особенностей человека, то наиболее распространенные ныне варианты элитизма поднимают проблему на надиндивидуальный уровень, интерпретируя элиту как функцию социальных отношений, как удовлетворение потребностей общества в управлении. Такая потребность действительно существует, вопрос, однако, в том, должна ли она обязательно вести к власти элиты. Нельзя исключить, что элитаристы, ссылаясь на реальную потребность в управлении, гипертрофируют особую форму управления, связанную с узурпацией этой функции господствующим эксплуататорским классом, превращением ее в привилегию для узкого слоя представителей этого класса.

Обосновывая свою позицию, элитаристы обычно отмечают, что социальная организация порождает иерархию и элиту, функционирующую в интересах общества (а может быть, господствующего класса?). Элитаристы исходят из необходимости разделения труда в обществе и утверждают, что оно коррелируется с неравными способностями людей. При этом необходимость разделения труда на определенном этапе человеческой истории «незаметно» превра-

щается у них в необходимость антагонистического разделения труда. Можно согласиться с американским социологом Ф. Селзником в том, что управление социальной жизнью означает наибольшую вовлеченность человека в деятельность группы. Но отсюда он делает вывод, что те, кто наиболее вовлечен в деятельность группы, оказываются ее элитой, и ссылается на социологические исследования корпорации «Дженерал электрик». Но вот почему эта вовлеченность ограничена, как признает последователь Селзника Ч. Пирроу, «немногими наверху»?[41] Наконец, почему эти немногие получают огромные привилегии, которые тщательно оберегают? Мы видели, что еще Вебер фиксировал функциональный дуализм «идеальной организации» между управляющими и управляемыми. Власть бюрократической элиты, по Веберу, основана на компетентности. Однако сразу возникает вопрос, который вынуждены задать и сами последователи Вебера (например, Т. Парсонс): не смешивает ли Вебер два типа власти — основанный на компетентности и базирующийся на формальном положении в учреждении? Разве не типична фигура высокопоставленного чиновника, менее компетентного, чем некоторые из его подчиненных, которыми он тем не менее управляет в силу своего положения?

Широко распространенная ныне организаторская теория элиты (ее называют также функциональной, или технологической) нашла свое выражение в работах Дж. Бернхэма, А. Фриша, К. Боулдинга и их последователей, считающих, что формирование элиты зависит от тех функций, которые в определенную эпоху играют в обществе главенствующую роль. Если в XIX веке на первый план выдвигалась предпринимательская инициатива, то в XX веке решающими стали организаторские способности. Бернхэм писал, что с изменением характера современного производства функция управления стала решающей, сделав тех, кто ее осуществляет, элитой общества.

Технологический элитаризм за свою почти вековую историю значительно эволюционировал. Первой формой его были технократические теории. Их основатель Т. Веблен считал, что главную роль в современном производстве играет инженерно-техническая интеллигенция, она и должна быть элитой общества. Эти взгляды носили печать утопизма; в период «великой депрессии» 1929–1932 годов перепуганная буржуазия относила Веблена, Скотта и их сторонни-

[41] Perrow Ch. Complex Organizations. L., 1972. P. 192.

ков к «розовым», поскольку те носились с идеей заставить капиталистов под угрозой «забастовки инженеров» передать им бразды правления.

Второе поколение сторонников технологического детерминизма возглавил Дж. Бернхэм, который в своем программном произведении «Менеджерская революция» утверждал, что на смену капитализму придет не социализм, а «менеджеризм»; менеджерская революция приведет к власти новый правящий класс — элиту управляющих. Если Веблен призывал инженеров и техников оттеснить бизнесменов и взять в свои руки руководство индустрией и социальной жизнью в целом, поскольку они действуют с позиций производственной целесообразности, что совпадает с общественной пользой, то Бернхэм считал неправомерным относить к элите рядовых инженеров и техников, которых именует просто «квалифицированными исполнителями». К элите менеджеров он относит директоров, председателей советов, президентов крупнейших корпораций, тех, кто «фактически управляет процессом производства, независимо от юридической и финансовой формы — индивидуальной, корпоративной, правительственной». Прообраз класса менеджеров как новой элиты он видел в иерархии директоров американских корпораций «Дженерал Моторс», «Ю.С. Стил». Ссылаясь на концепцию американских экономистов Берли и Минза о разделении собственности и контроля, Бернхэм утверждал, что в индустриально развитых странах произошло «отчуждение» функции управления от функции собственности и что первая приобрела решающее значение; подлинной элитой оказываются уже не капиталисты, а управляющие и высшее звено администрации. Если во времена А. Смита капиталист был одновременно и управляющим своим предприятием, отмечал Бернхэм, то теперь он утрачивает функцию управления. При этом Бернхэм проводит аналогию с тем, как в средневековой Франции короли династии Меровингов утратили контроль над страной, который захватили реально правящие мажордомы династии Каролингов. Он выдает менеджеров за «новый класс», не связанный с капиталистами, а рекрутируемый из всех классов общества, вбирающий в себя наиболее способных людей. «Положение, роль и функции менеджеров ни в коей мере не зависят от сохранения капиталистической собственности», они связаны с расширением государственного регулирования экономики. Государственно-монополистические тенденции Бернхэм выдает за подрыв капитализма. «Когда

основные средства производства перейдут в собственность или под контроль государства... переход от капиталистического общества к господству менеджеров будет в основном завершен». К «новой элите» Бернхэм относит, помимо управляющих промышленными корпорациями, руководителей правительственных учреждений. Он пишет, что в менеджерском обществе происходит политизация всех сторон жизни. В капиталистическом обществе политика и экономика — отдельные сферы социальной жизни, в «менеджерском» — это различие исчезает, равно как и границы между политиками и «капитанами индустрии»; менеджеры управляют обществом. Капиталисты контролируют государство косвенно, менеджеры — непосредственно. Если в капиталистическом обществе власть сосредоточена в парламентах, то в менеджерском — в административных органах.

Нетрудно видеть, что идеал общественного устройства Бернхэм видит в государственно-монополистическом капитализме, при котором элита менеджеров эксплуатирует массы. Он цинично признает, что пропагандируемая им социально-политическая система может быть названа «типом корпоративной эксплуатации... Менеджерская группа эксплуатирует остальное общество»[42]. Менеджерская элита контролирует средства производства и имеет привилегии в распределении продуктов труда, государство оказывается «собственностью менеджеров». В будущем М. Джилас использует идеи Бернхэма для объяснения социальных процессов в странах «реального социализма». Бернхэм не скрывает, что «общество управляющих» будет классовым обществом, в котором есть привилегированные и угнетенные, короче, это — государственно-монополистический капитализм. Причем выступления против «общества управляющих» Дж. Бернхэм, А. Берли, Д. Элеско изображают как «бессмысленные» и «утопические», ибо они направлены против «квалифицированной элиты».

Утверждения теоретиков «элиты управляющих» о том, что место капиталистов занимает «новый класс менеджеров», малоубедительны. Реальный процесс отделения собственности на капитал от приложения капитала не означает перехода власти от капиталистов к менеджерам. Президенты и директора монополистических объединений являются, по существу, функционирующими капиталистами (в отличие от капиталистов-собственников). И вербуется

[42] Burnham J. The Managerial Revolution. N.Y., 1941. P. 80–125.

элита менеджеров отнюдь не из всех классов общества, как хотелось бы представить дело сторонникам «функционального» обоснования элитаризма. Исследования западных социологов показывают, что большинство высших менеджеров являются выходцами из привилегированных слоев общества. Еще Р. Миллз в 50-х годах показал, что только 8% управляющих американскими корпорациями были «выходцами из более низких слоев населения». С тех пор положение мало изменилось. Как свидетельствовал Т. Дай в 70-х годах, большинство американских менеджеров происходит из «высшего или высшего среднего класса». Аналогичную статистику приводят американские социологи в 90-х годах. Как писал Миллз, «ведущие администраторы и крупнейшие богачи из мира корпораций не представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире корпоративной собственности и привилегий»[43].

Можно допустить, что элитаристы нарочито подчеркивают сложность административного управления, возводя его в некое мистическое искусство, доступное лишь избранным. Ими «по счастливой случайности» оказываются представители господствующих классов. Но так ли таинственно искусство управления, что доступно лишь «избранным», причем главным образом из привилегированных слоев общества? Совершенно ясен апологетический смысл утверждений о «врожденных талантах» к управлению у власть имущих. Еще один аргумент — ссылка на то, что руководство общественной жизнью требует профессиональной подготовки; народ же не осведомлен, не подготовлен к такой сложной деятельности. Следовательно, ее надо предоставить специально подготовленной управленческой элите. Тезис бесспорный, но при условии равных для всех членов общества возможностях получить такое образование. В действительности в стратифицированном обществе эти условия оказываются далеко не равными. Американские социологи У. Уорнер и Дж. Эблеген называют «королевской дорогой» в элиту хорошее образование. Однако американская статистика показывает, что число студентов из семей рабочих и фермеров в несколько раз ниже, чем из семей «высшего» и «высшего среднего» классов.

Отметим, что в последнюю четверть века меняются акценты в обоснованиях элитаризма с позиций технологического детерми-

[43] Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 162–163.

низма. Причина этой трансформации — социальные последствия научно-технической революции, ведущие к росту влияния и статуса бюрократии и определенных слоев интеллигенции, в том числе гуманитарной, принимающей участие в управлении различными сторонами социальной жизни. Для обозначения именно этих слоев применяется термин «новая элита» (менеджеры, верхушка чиновничества и упомянутые выше слои интеллигенции), которая в отличие от «старой элиты» («элиты крови» и «элиты богатства») рассматривается как важнейший агент создания новых форм постиндустриальной социальной структуры. Много пишется о том, что НТР возносит на гребень власти и влияния эти социальные группы; западные футурологи (в том числе Д. Белл, Г. Кан, А. Винер) отводят им в будущем роль важнейших составных частей правящей элиты.

Современные западные социологи все больше отказываются от малоубедительных и легковесных восторгов по поводу «гениальности» высших слоев и ставят проблему элиты в прямую зависимость от бюрократизации общества, используя этот термин при анализе высших страт в бюрократической системе. «Новая элита», состоящая из должностных лиц «западных правительственных организаций и частного предпринимательства», объявляется продуктом «западных образовательных институтов». Эта элита вырабатывает «свою идеологию (технократический либерализм), свою систему рекрутирования (университеты, элитарные учебные заведения)»[44]. Вырабатывая свою идеологию, бюрократическая элита исходит из понимания общества как системы бюрократических институтов, эффективно руководимых квалифицированными менеджерами, из ведущей роли «новых элит», которые научными средствами регулируют социальные отношения, а «бесклассовое» рекрутирование элит приводит к оптимальному соотношению между элитами и массами, минимизируя или снимая социальную напряженность.

Такой подход учитывает то, что НТР приводит к росту влияния научно-технической и гуманитарной интеллигенции: правящая элита вынуждена обращаться к ней не только по технологическим, но и по политическим, а также социальным вопросам. Теоретики неотехнократии утверждают, что развитие НТР ведет к установлению власти интеллектуальной элиты. Однако более осторожные

[44] Politics and Society. 1980. No. 3. P. 353.

представители этого направления резонно замечают, что интеллектуалы в лучшем случае решают вопрос о способах, а не о целях жизнедеятельности общества. Хотя правящая элита может абсорбировать отдельных представителей верхушки интеллигенции и менеджеров, не они определяют политику.

В современных неотехнократических теориях проблема элиты занимает одно из центральных мест. У Дж. Гэлбрейта современная технология с неизбежностью порождает элиту, представляющую собой «техноструктуру», образуемую иерархией специалистов во главе с менеджерами. Причем техноструктура — это не совокупность личностей, но институт. Не индивид, не отдельный лидер, «а целый комплекс ученых, инженеров и техников, работников сбыта и рекламы, экспертов, бюрократов, координаторов... становится руководящим разумом деятельности фирмы. Это и есть техноструктура»[45]. Элита анонимна. Смерть и приход нового человека, продолжает Гэлбрейт, не оказывают ни малейшего влияния на «Дженерал Моторз» или «Континентал кэн». Люди чувствуют, что власть перешла к техноструктуре. Таким образом, «новая элита» — не элита личностей, но корпоративная элита, функциональная по отношению к современной технологии. Такая же корпоративная элита специалистов управляет и политикой. Техноструктура выступает как элита новаторов, руководствующихся не кратковременными интересами получения прибыли, а долговременными интересами увеличения мощи и престижа корпораций, которые совпадают с интересами общества в целом. По Гэлбрейту, власть ныне во все большей степени ассоциируется с доступом к знанию, информации, поэтому центр власти перемещается от элиты владельцев капитала к элите специалистов, носителей знания, «от капитала к организованному знанию». Кредо неотехнократов, как, впрочем, и всех технологических детерминистов, — «элита спасет мир», но только хорошая, квалифицированная элита. Но не является ли это всего лишь либеральной утопией, переходящей в концепциях Д. Белла, З. Бжезинского в утопию консервативную?

И Гэлбрейт, и Белл широко пользуются понятием «дефицит». В современных условиях такие факторы, как капитал, земля, труд, полагает Гэлбрейт, избыточны, тогда как знания дефицитны. Именно с изменением характера «дефицита», считает Белл, произойдет иерархизация элиты по новым критериям. Ссылаясь на

[45] Galbraith J. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973. P. 82.

объективный процесс возрастания роли ученых и специалистов, неотехнократы заявляют, что именно они — элита постиндустриального, информационного общества, ибо обладают научными знаниями, профессиональным опытом, умением руководить современными организациями. Эта элита не только более эффективна, но и более справедлива, ибо признает только одну ценность, одну заслугу — знание, это — элита заслуг, меритократия.

Проблема элиты стоит в центре концепции постиндустриального общества. Белл называет его основные черты: переход от производства товаров к экономике обслуживания; господствующее положение «класса» профессиональных и технических специалистов; централизация теоретических знаний как источник новаторства и формулирования политических принципов; контроль над технологией, создание новой, «интеллектуальной» технологии. «Осевым» принципом общества является наука, а его элита — те, кто представляют науку; происходит переход от «общества производящего» (индустриального общества) к информационному, от эмпирического знания к теоретическому как основному способу «проектирования мира». Отсюда — ведущая роль «интеллектуальной технологии» (особенно таких методов, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория игр, мощные современные ЭВМ, которые дали новые средства для экспериментов в области социальных отношений). На этом фоне и происходит рост значения научной элиты, которая выходит на авансцену постиндустриального общества. Она становится интегральной частью правящей элиты, оттесняя элиту собственников. Если раньше доминирующими фигурами в элите были предприниматели, бизнесмены, то на смену им придут ученые-математики, экономисты, социологи, специалисты в области вычислительной техники. Если центром жизнедеятельности индустриального общества была капиталистическая корпорация (и, соответственно, элитой общества была капиталистическая элита), то господствующими учреждениями информационного общества будут университеты, интеллектуальные институты типа «Рэнд корпорейшн», именно там будут ставиться задачи, требующие наиболее ответственных творческих решений, туда будут стекаться наиболее талантливые люди, образующие элиту общества (не реализуется ли в новом варианте идеал платоновской элиты царей-философов?). Руководство обществом из рук капиталистов, финансовой олигархии и выражающих их интересы политиков перейдет в ведение ис-

следовательских организаций, промышленных лабораторий, университетов и, соответственно, менеджеров, организаторов науки.

Впрочем, как бы спохватившись, Белл старается несколько ослабить слишком радикальный вывод о том, что элита ученых будет управлять обществом. Он оговаривается, что не верит, чтобы технократы и ученые смогли реально добиться такой власти, ибо в современном обществе политика превалирует над всем. Но, поскольку элита политиков основывает свои решения на рекомендациях экспертов, их мнение все чаще оказывается определяющим. Раз крупнейшие институты постиндустриального общества будут носить интеллектуальный характер, производственные и иные решения будут подчинены контролю «интеллектуальных центров общественного влияния». Важнейшие решения будут приниматься элитой политиков, но базироваться они будут на исследованиях и рекомендациях элиты интеллектуалов; принятие решений будет носить все более технический характер. Выращивание талантов и распространение интеллектуальных учреждений станет основной заботой общества. Интеллектуальные и научные круги не только будут привлекать наиболее одаренных людей, но в конечном счете они же будут определять и престиж человека, и его положение в обществе. Интеллектуальная элита рассматривается как одна из правящих элит, хотя непосредственная власть «находится в руках правительственной элиты».

По прогнозам футурологов этого направления, будущее общество должно быть дифференцированным, стратифицированным: элите противостоит непривилегированное большинство. В одном из прогнозов «Рэнд корпорейшн» элита будущего (верхушка ученых, экспертов) должна держать в подчинении большинство, пользуясь методами психологического манипулирования. Слой интеллектуалов и специалистов также оказывается неоднородным. Белл различает три «класса»: «творческую элиту ученых и высшей профессиональной администрации», далее «средний класс» инженеров, научных сотрудников и «пролетариат умственного труда» — техников, ассистентов, младших сотрудников, лаборантов. В постиндустриальном обществе, пишет Белл, основным противоречием является не противоречие между рабочим классом и буржуазией, а между элитой специалистов и «простонародьем». Для последнего характерен стихийный протест, иррациональная реакция на роль науки и научно-технической интеллигенции, все более упрочивающей свое доминирующее положение.

Итак, основное противоречие капиталистического общества — между пролетариатом и буржуазией — сменилось, по Беллу, противоречием между интеллектуальной элитой и массой, в том числе рабочим классом, который находится внизу его системы социальной стратификации. Он утверждает, что рабочий класс сокращается количественно (при этом он сужает понятие «рабочий класс», включая в него людей, занятых преимущественно неквалифицированным, тяжелым физическим трудом) и делает вывод о том, что «рабочий вопрос» перестал быть центральным, уступив место противоречию между квалифицированной элитой и неквалифицированной массой. «Решающее разделение в современном обществе пролегает не между теми, кто владеет средствами производства и недифференцированным пролетариатом, — пишет Белл. — Оно пролегает по линии бюрократических и властных отношений — между теми, кто обладает властью принимать решения, и теми, кто не обладает ею»[46]. Таким образом, перед нами вариант традиционной элитаристской дихотомии, хотя и с учетом социальных изменений современной эпохи. И субъектом социальных изменений оказываются не народные массы, а элита, выступающая носителем научно-технического прогресса.

Возвышение «новой элиты» многие американские социологи называют важнейшим элементом социальных изменений последних десятилетий. Эти положения стали настолько популярны, что перешли из узкосоциологических трактатов на страницы широкой прессы. Так, журнал «Ю.С. ньюз энд уорлд рипорт» поместил целый ряд статей, посвященных этой проблеме. Одна из них носит характерный заголовок: «Наша новая элита. Лучше или хуже?» «Э. Янг, бывший представитель США в ООН, карикатурист К. Трюдо, губернатор Дж. Браун, бывший государственный секретарь Г. Киссинджер... Что общего у этих людей?» — задает вопрос журнал и отвечает: все они принадлежат к растущему новому «классу профессионалов», «новой элите», власть которой исходит не от собственности на средства производства, а «от манипулирования словами, символами и идеями». Эти люди становятся все более могущественными «в лабиринтах коридоров правительственных учреждений», где эксперты трудятся над различными проблемами — от экологии до юношеской преступности. «Бизнес

[46] Bell D. The Coming of Post-Industrual Society. A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973. P. 14, 52, 119, 165–266, 339–368.

и промышленность зависят от профессионалов». Журнал, впрочем, признает, что остаются дискуссионными фундаментальные вопросы: являются ли эти люди новым классом? Правят ли они уже нынешней Америкой или будут править ею в ближайшее время? И будет ли это благом для общества? Американский социолог М. Новак изображает появление новой элиты как прогресс, как выдвижение на позиции власти одаренных и образованных людей; с их приходом в элиту социальная структура становится более справедливой и демократичной по сравнению с обществом, где господствовала «старая элита», включавшая в себя менее 1% населения. Можно согласиться с тем, что социальные группы, объединяемые понятием «новая элита», относительно демократичнее, чем элита земельной аристократии или финансовой олигархии. Однако демократизм этих слоев не стоит переоценивать. Выше уже отмечалось, что большинство членов этих групп — выходцы из высших и высших средних классов.

Большинство социологов, соглашаясь с тем, что «новой элите» принадлежит все возрастающая роль в управлении социальной жизнью, оговаривается, что это относится к верхушке интеллектуалов и менеджеров — «элите профессионалов», а не ко всей интеллигенции, численность которой быстро возрастает. Они признают, что среди интеллигенции западных стран, претендующих на то, что они вошли в постиндустриальное общество, растет внутренняя дифференциация, что социальный статус и жизненный уровень широких кругов интеллигенции падает. Констатируя, что в США наблюдается «перепроизводство интеллектуалов», М. Новак отмечает: поникнуть в «новую элиту» удается лишь тем, кто обладает такими преимуществами (лучше, если всеми сразу): «качественное» (элитное) образование, высокий доход и статус[47].

Известный американский социолог Э. Тоффлер пишет, что социально-политическое развитие передовых в экономическом отношении стран в последние годы все больше заставляет многих западных политологов отказаться от лозунгов правления большинства, характерных для эпохи индустриализма (или «второй волны», по его собственной терминологии), и открыто признать, что эпоха «сверхиндустриализма» («третьей волны») — это правление квалифицированного меньшинства. Он пишет, что «третья волна» бросает вызов «привилегиям и прерогативам нынешних элит». Ход ис-

[47] US News and World Report. 1980. Febr. 25. P. 65, 69.

тории будет во многом зависеть от «гибкости и ума нынешних элит, субэлит и сверхэлит». Если эти группы «окажутся близорукими и у них будет отсутствовать воображение, как у большинства правящих групп в прошлом, они будут сопротивляться третьей волне и... лишь увеличат риск своего собственного уничтожения»[48].

Нетрудно видеть, что концепции «новой элиты» — определенная модификация знакомых нам технократических теорий. Вряд ли можно всерьез принимать попытки представить «новую элиту» равно заботящейся о всех классах и слоях общества. Будучи привилегированной группой, она защищает свои специфические интересы и вместе с тем защищает социальную систему, которая и обеспечивает ее привилегированное положение. Ее «технизированное» сознание ориентировано на то, чтобы представить социально-политические проблемы как чисто технические, решаемые средствами современной науки; она предпочитает уходить от вопросов о целях и ценностях жизни, перенося центр тяжести на поиски наиболее эффективных средств их достижения. Однако претензии «новой элиты» (точнее ее идеологов) на политическую и идеологическую нейтральность и неангажированность вряд ли можно принять. Политические проблемы отнюдь не редуцируются до уровня технических, решаемых средствами науки; в этом случае они утратили бы характер проблем политических.

Не случайно, что в докладе Римскому клубу Дж. Боткина, М. Элмендиры, М. Малитца «Нет пределов обучаемости» осуждается взгляд на то, что массы инертны и не информированы, и потому решение социальных проблем лучше предоставить элите экспертов, и выражается сожаление по поводу того, что широкие научные круги стоят в этом вопросе на стороне элиты[49]. Та же мысль содержится в докладе Римскому клубу М. Зибкера и И. Кайа «К глобальному видению мировых проблем»: «Будущее человечества является проблемой, которую нельзя предоставлять только узким кругам»[50]. В еще одном докладе «Микроэлектроника: к лучшему или худшему?» говорится об опасности появления всемогущей технократической элиты, отмечается, что развитие новейшей технологии создает

---

[48] Toffler A.The Third Wave. N.Y., 1981. P. 10, 419, 441.

[49] Botkin J., Elmandjira M., Malitza M. No Limits of Learning. N.Y., 1979. P. 61, 112.

[50] Siebker M., Kaya Y. Toward a Global Vision of Human Problems. Technological Forecasting and Social Change. N.Y., 1974. P. 231–232.

технические предпосылки бюрократизации политической власти. «Микроэлектроника делает возможными всевидящие мониторы для тайного надзора элиты, оторванной от народа и противостоящей ему, за образом бытия и мыслей людей, создает широчайшие возможности для манипулирования их сознанием»[51]. Симптоматично, что ныне мы все чаще наблюдаем острую критику концепций «экспертократии», предлагаемой неотехнократами[52].

Элитизм и постмодернизм. Одним из последних и весьма влиятельных направлений в гуманитарных науках является постмодернизм. Причем не только в науках, а скажем шире, в культуре последней четверти XX века и первого десятилетия XXI века. И поскольку постмодерн захватил весьма значительную часть современной культуры, он не мог пройти мимо элитологической проблематики. Постмодерн начался, собственно, с явлений в области искусства, особенно изобразительного искусства (одной из его характерных черт является вытеснение и замещение этики эстетикой, примат чувственных и физических наслаждений, гедонистическая ориентация) и архитектуры. Экономическим фундаментом постмодерна многие исследователи считают (и не без оснований) постиндустриальное общество и последующие его ипостаси — информационное общество, общество знания (основанное на науке). Три этих термина рассматриваются либо как синонимы, либо как этапы развития одного и того же феномена, под которым подразумевается тип социального устройства, в котором главным культурообразующим центром становится производство, обработка и трансляция знания. Начиная со второй половины первого десятилетия XXI века распространенным термином для обозначения этого феномена оказывается «Learning Society»[53] — «обучающееся общество» или, скорее, «самообучающееся общество».

И содержание, и формы, и даже само название феномена постмодернизма — дискуссионные вопросы. Само название показывает,

---

[51] Friedrichs G. and Schaff F. Microelectronics and Society: for Better or for Worse. Oxford, 1982. P. 305.

[52] Эти идеи развивает, в частности, японский социолог И. Масуда. См.: Masuda J. The Information Society as Postindustrial Society. Tokyo, 1980.

[53] Kuhn M. (ed.). New Society Models for a New Millenium. N.Y.; Oxford, 2007. P. 232. См. также: Ашин Г.К. Мировое элитное образование. М.: Анкил, 2008. С. 4, 5.

что оно оппозиционно модернизму, расцвет которого (вместе с русским модерном) падает на конец XIX — первую четверть XX веков. Французское слово «модерн» означает: современный, новейший, соответственно «постмодерн» должен означать «постсовременный». Претензия на то, что это «самоновейшее» явление современной культуры означает, что мы живем в некотором постсовременном мире. Но учитывая, что постмодернизм отнюдь не считает себя футурологией, сам этот термин либо абракадабра, либо в лучшем случае парадокс. Думается, правильным ответом будет второй, поскольку парадоксальность вообще характерна для постмодерна.

Смена модерна постмодерном означало смену парадигм европейской культуры, связанных с идеалами прогресса, разума, либерализма. Общая тема нашего исследования обязывает нас из всех аспектов постмодерна ограничиться его философским и социологическим обоснованием. История постмодерна сложилась так, что большинство основателей и лидеров постмодернистской философии и социологии — это французы, и, рассматривая постмодернизм, мы будем ссылаться больше всего на французских авторов.

Постмодернисты затрагивают многие элитолгические проблемы. Пожалуй, больше всего это относится к творчеству М. Фуко. Он опирается на Ф. Ницше, с его категорией власти и воли к власти как центральной в его философии. Впрочем, принимая проблему власти как важнейшую, он идет от знаменитого положения Ф. Бэкона «знание — сила». В его эпистеме (категории, которую он определяет как фундаментальный код культуры, определяющей стиль мышления) на первый план выходит тема «знание – насилие», причем он даже усиливает тезис Ницше, доводя его до панкратизма[54], всевластия, который можно назвать и «панэлитаризмом». Власть у Фуко связывается не столько с лидерством, не столько с элитой, и даже не с элитократией, манипулирующей массами, не с властью того или иного класса, она не локализуется в государственном аппарате, она распространяется по всему социальному полю, пронизывает все общество, становится анонимной, неопределенной и вместе с тем всепоглощающей силой[55]. Свои элитологические выводы он подкрепляет исследованиями, прове-

[54] В этой связи хотелось бы сказать о российском политологе В.Ф. Халипове, который с совершенно иных позиций много лет создавал кратологию как систему наук о власти (см.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М.: Академический проект; Культура, 2005).

[55] Делез Ж. Фуко. М., 1998; Foucault M. Histoire de la sexualite. P., 1984.

денными им над психически больными людьми (его работа «Безумие и общество»), заключенными в тюрьмах (книга «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»). Он показывает, что власть наказания глубоко проникла в тело общества причем не толко в тюрьмах, но почти во всех социальных структурах. В «Истории сексуальности» Фуко определяет власть как стратегическое место, где встречаются все отношения власти и знания: «При слове "власть" в голову людям сразу же приходит армия, полиция, правосудие... мы локализуем ее лишь в государственных органах, тогда как отношения власти... проходят через множество других вещей»[56] «...политика — стержневой предмет нашего существования»[57]. Возникают структуры с автоматически функционирующей властью, развивается дисциплинарное общество, контролируемое с помощью все более дешевых и более эффективных средств в самых разных сферах общества — учебных заведениях, на службе, в армии[58].

Философские позиции Фуко (в том числе по проблемам власти, элиты) продолжал и развивал другой лидер постмодернизма — Ж. Деррида. Он также предельно широко рассматривал категории власти и господства прежде всего в ментальных структурах (например, в университете, где группа, признанная элитной, определяющим образом влияет на студентов, аспирантов, преподавателей и, выходя за пределы университета, на культуру общества). Нельзя не отметить также творчество одного из виднейших представителей постмодернизма Ж. Бодрийяра[59], который пишет о господстве в современной культуре ценностей знаков, представляющие собой имиджы и симулякры, обеспечивающие статус и власть. Кстати, мировой кризис некоторые экономисты считают следствием подмены реальных ценностей симулякрами, которые являются знаками долларовых активов, «мыльными пузырями», которые лопнули, спровоцировав этот кризис.

«"Пост" — это наилучший префикс при определении Западного общества: постнаучное, посттехническое, постиндустриальное и, особенно, общество постмодерна, — пишет английский социолог

[56] Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2002.

[57] Там же.

[58] См. подробнее: Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: МГИМО Университет, 2007; Его же. Риски в нелинейном глобальном социуме. «Старение» существующих обществ: как это сказывается на рисках. М., 2009.

[59] Бодрийяр У.Ж. Общество потребления. М., 2006.

и культуролог Кларенс Уолтон. — Так как переоценка прошлого необходима для преобразования настоящего и планирования будущего, постмодернизм оказался естественным союзником в виде литературной критики, называемой деконструкцией... С помощью деконструкционистов постмодернисты описывают признанные современные концепции как бессмысленные построения: свободные рынки, которые не свободны, разумные доводы, которые безрассудны... Всеобщей ошибкой является идентификация постмодерна и постмодернизма. Первый описывает настоящее, второй часто прогнозирует будущее. Постмодерн — это калейдоскоп, который присутствует в управлении, бизнесе, науке и культуре. Именно здесь проявляются главные и иногда противоречивые характеристики постмодерна... Постмодерн обозначает сдвиг в способе мышления от структурно обоснованного к условно обоснованному, что сместило центр от экономического к социокультурному значению, и. в некоторых случаях, от политики, преследующей особый интерес, к масштабной политике в таких областях, как окружающая среда, права человека и демократизация»[60].

* * *

Итак, мы выявили различия внутри единой элитистской парадигмы и вместе с тем основные черты этой парадигмы: признание необходимости и неизбежности элиты для любой социальной системы, институциональных привилегий этой социальной страты, дихотомии элита-масса как важнейшей характеристики политсистемы. Этой парадигме противостоит эгалитаристская парадигма, антиэлитизм. Однако и в истории политической мысли, и в настоящее время элитистская парадигма является превалирующей. Ряд исследователей считает, что в постсоветский период в российской политологии, как и в российском массовом сознании, элитистская парадигма вытеснила эгалитаристскую. Думается, однако, что дело обстоит сложнее: и в российском массовом сознании указанные парадигмы продолжают сосуществовать, и поиск оптимальной политической системы идет в условиях борьбы и взаимодействия, а отчасти и взаимопроникновения обеих парадигм. Так что положение о том, что элитистская парадигма вытеснила эгалитарную, представляется нам не вполне обоснованным.

---

[60] Walton K. Archohs and Acolytes. The New Power Elite. N.Y.; Oxford, 1998.

ГЛАВА

6 ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Общая картина эволюции элитологии не дает возможности раскрыть специфику развития элит в различных странах и регионах. Кроме того, не исключено (так полагает ряд западных политологов), что еще больший интерес представляют сравнительные исследования элит в различных странах, в различных политсистемах. Особый интерес представляет сравнительный анализ развития элитологии в России и в США.

Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной идеологией элита — атрибут антагонистического общества и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты — привилегированного слоя в виде прежде всего верхушки партийно-советской бюрократии — было очевидным для любого непредвзятого наблюдателя). Поэтому не случайно, что российская элитология сформировалась только в условиях демократизации политической жизни в России — в конце перестройки и в постсоветский период.

Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. А это вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая сформулировала бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократическому контролю над элитой, элитному образованию.

Следует отметить также, что были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на тысячелетнюю традицию русской дореволюционной элитологии и протоэлитологии. Впрочем, вопрос о хронологии российской элитологии — область весьма дискуссионная. По вопросу о возрасте российской элитологии можно получить два совершенно различных ответа: что она весьма молодая дисциплина, что ей всего лишь несколько десятилетий, причем некоторые исследователи считают, что ей всего лишь полтора-два десятка лет, и другой, что она имеет многовековую историю.

Генезис российской элитологии (ее правильнее назвать протоэлитологией) относится, по меньшей мере, к XI веку. В «Русской Правде» Ярослава Мудрого (978–1057) фиксируется социальное расслоение населения, права и привилегии элитного слоя, узакониваются два сословия — княжеские мужи и простолюдины. Первые и составляли привилегированное сословие (прежде всего княжескую дружину), посредством которого князья правили своими княжествами, оборонялись от врагов. Не случайно, что жизнь «княжа мужа» оберегалась двойною вирою. Знаменитый русский историк В.О. Ключевский считал, что «высшим классом... русского общества, которым правил князь киевский, была княжеская дружина», которая делилась на княжих мужей и младшую дружину — отроков. В среде «княжих мужей» возникает класс крупных земельных собственников — бояр, пользующихся широким кругом привилегий. Старших дружинников князь наделял административными функциями, оставлял в волостях своего княжества на «кормление». Первый киевский митрополит Илларион, поставленный Ярославом Мудрым, сравнивал киевских князей с римскими императорами, стремился создать идеальный образ правителя: источником его власти являлась Божья воля, это мужественный, грозный, но милостивый государь, защитник христианства. И христианская вера — опора единовластия, причем христиане должны подчиняться власти не по принуждению, а добровольно, сознательно.

Нестор (XI – начало XII века) был критиком межкняжеских распрей, ослаблявших страну. В его «Повести временных лет» ставится вопрос, «откуда есть пошла русская земля», говорится о возникновении государства как своего рода общественном договоре между народом и князем, которому народ вверил «владеть и княжить», легитимизируя его право управлять; при этом идут ссылки на божественное провидение. В «Поучении» Владимира Мономаха (1053–1125) рисуется образ добродетельного христианского правителя, соблюдающего евангельские заповеди и не допускающего беззакония. В «Слове Даниила Заточника» (XII век) содержится совет князю приближать к себе людей мудрых и справедливых, удаляя невежественных и корыстолюбивых. В XIII–XV веках в жанре «жития святых» обсуждалась проблема идеального государя. Должен ли он быть кротким, добрым, милостивым в соответствии с христианскими добродетелями и/или быть государем, призванным жестоко подавлять «смуту» внутри страны и прово-

дить активную наступательную внешнюю политику по отношению к врагам своей державы. Из ранней агиографической литературы получила известность «Повесть о житии и храбрости благоверного и Великого князя Александра» (XII век), прославлявшая его военные подвиги, мудрую государственную политику, его христианские добродетели. Памятником древнерусской литературы начала XV века является «Слово о житии и правлении Великого князя Дмитрия Ивановича», где князь рисуется как идеальный — сильный и вместе с тем милостивый христианский государь. Но особенно интересна, на наш взгляд, религиозная антропологическая элитология, включающая агиографию, агиологию, а также аскетику (учение о возвышении духа и духовности путем истязания плоти). Аскеза, духовное возвышение, нравственное совершенствование посредством ритуального воздержания, самоограничений, упражнений, постов, отрешения от мирского в себе рассматривались как средства духовно-нравственного очищения. Высоким примером самоочищения во имя Христа были жизнеописания святых угодников.

Возвращаясь к древнрусской политической элитологии, отметим взгляды игумена Псковского монастыря Филофея (1465–1542), который писал о богоизбранности великокняжеской власти, выдвигал идею мессианской роли Руси и ее правителей: «...Два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать». Государь как наместник божий имеет неограниченную власть.

Отметим позицию выразителя интересов земельной аристократии князя А.М. Курбского (1528–1583), который считал, что государь должен опираться на мудрых советников, выступал за сословно-представительную монархию, за думу при царе, состоящую из бояр (аналог западноевропейской аристократии), которая бы сдерживала абсолютную, деспотическую власть монарха. Иван IV Грозный, напротив, был сторонник неограниченной единоличной власти, утверждал, что государь должен быть самодержцем, карающим непокорных бояр и несущим ответственность не перед людьми, но перед Богом.

Русский мыслитель XVI века И.С. Пересветов указывал на вред удельного сепаратизма, самовластия вельмож и бояр, противопоставляя им служилое дворянство, ратовал за укрепление централизованного государства. Определенный вклад в российскую протоэлитологию внес хорватско-русский общественный деятель Юрий Крижанич (1617–1683), автор книги «Политика»,

излагающей науку «для государей и советников». Он — сторонник «совершенного самодержавия», которое не должно быть тиранническим, для чего должно подкрепляться справедливыми законами. Тиран «не печется об общем благе, а о собственной корысти». И далее: «честь, слава и обязанность монарха — сделать свой народ счастливым». Не государство для монарха, а монарх для государства.

Самобытным мыслителем был И.Т. Посошков, самоучка, убежденный сторонник реформ Петра I. В своем основном труде «Книга о скудости и богатстве» он излагает программу дальнейших экономических и политических реформ, осуществляемых сверху государем-реформатором. Он — сторонник ограничения власти боярства и дворянства, защитник интересов отечественных производителей, особенно купечества. Феофан Прокопович, сподвижник Петра I, входивший в его «ученую дружину», писал о важной роли просвещения народа, воспитания его добрым, совестливым. Лучшей формой государства считал монархию, которой «народ непререкаемо, безмятежно, еще и доброхотно повиновался». Он писал о преимуществах избрания людей из народа на элитные должности путем баллотировки. «Через сей способ можно во всех правлениях людей достойных иметь», тогда как из высокородных «много негодных в чины происходит».

В. Татищев (первая половина XVIII века) в своей «Истории российской с древнейших времен» выделял следующие этапы правления: «единовластительство» (862 год – начало XII века), «аристократия удельного периода» (1132 год – до правления Ивана III) и далее — утверждение самодержавия (от Ивана III до Ивана IV).

Интересны политические взгляды В.Н. Татищева, сравнивавшего различные типы правления, которыми считал монархию, аристократию и демократию, а также различные сочетания этих типов. Он считал, что преимущество того или иного из этих типов связано в различными внутренними и внешними условиями той или иной страны. В небольших городах и странах возможна демократия. В крупных странах, «но от нападений не весьма опасных, яко окруженны морем или непроходимыми горами, особливо где народ науками довольно просвячен, аристократия довольно способною быть может, как в Англии и Швеции... Великие же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвячен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержится, оба первые не годятся,

но нужны монархии»[1]. Как мы понимаем, речь идет прежде всего о России. Татищев пишет о всеобщности и естественности иерархизации в мире и в обществе: «Никакое сообчество, малое или великое, без начальства и власти быть не может. Начальство же и власть дается по преимуществу, по старейшеству, разуму и способности»[2].

В XVIII веке российские мыслители размышляли о таких проблемах элитологии, как феномен власти и его происхождение, легитимность власти государя, характер и типы политической системы, взаимоотношения государя и его советников, проблема рекрутирования элиты. Высоко оценивая реформы Петра I, великий русский ученый М.В. Ломоносов выступал за просвещенную монархию, связывая развитие России с просвещением, развитием промышленности и ремесел, науки.

В конце XVIII века впервые в российском обществе появился человек, который рассматривал управление и отношение элита-масса не с позиций элиты, а с позиций объекта ее управления — народа. Это был А.Н. Радищев — социальный философ, писатель, просветитель, крупный чиновник. В 1790 году он издал в частной типографии «Путешествие из Петербурга в Москву». Социально-политический строй России он именует «чудищем»: крепостное право, самодержавие, деспотизм гнетет общество. Он — сторонник естественного права людей, «принявших одинаковое от природы сложение и потому имеющих одинаковые права, следственно, равных во всем между собою и другим не подвластных». А в действительности — власть имущие, пресыщенные богатством, тиранически управляют народом: «Кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! Кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит»[3]. Сочинения Радищева — не рассуждения в рамках привычной элитаристской парадигмы, а, напротив, в парадигме эгалитаристской. Это развитие идей Руссо и других сторонников эгалитарной демократии.

---

[1] Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999. С. 47.

[2] Татищев В.Н. История российская с древнейших времен: собр. соч. В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 359.

[3] Антология мировой политической мысли. Т. 3. М., 1997. С. 561.

В работе «О самодержавстве» Радищев пишет: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние»[4]. Расплатой за вольнодумство был смертный приговор, замененный ссылкой в Сибирь...

В первой половине XIX века элитарная парадигма остается абсолютно преобладающей. Даже у одного из руководителей и идеологов декабристов П.И. Пестеля в его «Русской правде» говорится о «...разделении членов общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно»[5]. Определенный отход от элитарной парадигмы мы находим в работах другого видного деятеля и идеолога декабристов Н.М. Муравьева. Особый интерес представляет его проект конституции (второй вариант, 1824 год): «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью какого-либо лица и никакого семейства. Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя»[6]. Замечательные слова, которым, увы, не суждено было быть реализованными.

Идеология либерального реформаторства в России в начале XIX века строилась на элитарной парадигме, пусть слегка демократизированной. Отметим, что по поручению Александра I в период его либеральных задумок пользовавшийся его особым доверием граф Н.Н. Новосильцев разработал проект конституции под названием «Государственная уставная грамота Российской империи». В ней говорилось: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». А далее: «Но законодательной власти государя содействует государственный сейм... Да будет российский народ отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует сенат, а вторую, под именем посольской палаты, земские послы и депутаты окружных городских обществ»[7]. К сожалению, эта попытка конституционной монархии не была реализована.

---

[4] Антология мировой политической мысли. Т. 3. М., 1997. С. 559.

[5] Там же. С. 662.

[6] Там же. С. 669.

[7] Там же. С. 647, 651.

Это относится и к знаменитому проекту «Введение к уложению государственных законов» ближайшего сподвижника Александра I М.М. Сперанского. Он впервые в России сформулировал принцип разделения властей, ссылаясь на традиции народного представительства, предлагал привлечь к участию в законодательстве, суде и управлении народных представителей на разных уровнях. Реализация проекта была бы шагом к превращению России в конституционную монархию, означала бы прогресс в ее политическом развитии.

Элитарная парадигма лежит в основе консервативной идеологии. Министр народного просвещения при Николае I С. Уваров писал: «...Мудрые Правители, постигнув возможность влияния просвещения на судьбу Государств, занялись им как предметом особенных своих попечений...»[8] Народное образование должно развивать в «духе православия, самодержавия и народности». Далеко не самый консервативный славянофил К.С. Аксаков писал, что русский народ — это «народ негосударственный, не имеющий участия в управлении... он ищет свободы нравственной, свободы духа». Он писал: «Аристократии Западной не было вовсе. Не было и Западной демократии... Народ призывает власть добровольно, призывает ее в лице князя — монарха, как в лучшем ее выражении, и становится с нею в приязненные отношения»[9].

Взлет политической мысли, развивавшейся в духе эгалитаристской парадигмы, относится ко второй половине XIX века. Он проявился прежде всего в творчестве М.А. Бакунина. «Придать обществу такое устройство, чтобы каждый индивид... находил, входя в жизнь, почти равные средства для реализации своих различных способностей», мечтал он. Вступив в I Интернационал, он остро критиковал Маркса, говоря: «...Мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько-нибудь похоже на государственный социализм и коммунизм». Он задавал вопрос: а кто будет руководить этим «социалистическим» государством? По-видимому, чиновник, бюрократ. А над этим чиновником будет еще один чиновник и т.д. Так вот, эта бюрократическая прослойка и будет реально управлять обществом, она превратится в бюрократическую прослойку, привилегированное сословие (элиту). Государство диктатуры пролетариата, пропагандируемое Марксом, будет представлять

[8] Антология мировой политической мысли. Т. 3. М., 1997. С. 679.

[9] Там же. С. 790.

собой «деспотизм управляющего меньшинства», прикрываемый демагогическими фразами о том, что он — выражение народной воли. Анализируя взгляды Маркса и Лассаля, писал Бакунин, «приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народа привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые, как только станут правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»[10]. По поводу утверждения марксистов, что диктатура пролетариата будет недолгой и что ее целью будет образовать народ и поднять его политически, Бакунин выражает глубокий скептицизм, утверждая, что «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя».

Нужно ли говорить, что эта антиэлитаристская эскапада выпадала из общего хора консервативной элитаристской литературы. Даже либеральный элитизм был в ней редкостью. Отметим работы Б.Н. Чичерина, одного из лидеров либерального западнического крыла в русском общественном движении. Сторонник парламентаризма, он писал, что «парламент дает государству способных деятелей...»[11]. Приобретенные здесь опытность и знание дела, широта взглядов, умение ладить с людьми составляют лучшие свойства государственного человека. Чичерин был критиком бюрократии, хотя и понимал, что недостатки бюрократии во многом являются отражением всего общества в целом. Он писал о пороках бюрократии (которые, увы, сохранились и поныне): «...Формализм, лихоимство, своекорыстные виды, равнодушие к общественному благу — вот явления... которые довели ее до той степени непопулярности, на которой она стоит»[12]. Но, по большому счету, без бюрократии немыслимо государственное устройство. Ее только нужно поставить под недреманное око гласности, уравновесить ее общественным элементом. Бюрократия имеет свой собственный интерес, состоящий в том, чтобы властвовать безгранично. Действи-

[10] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 482.

[11] Чичерин Б.Н. О народном представительстве // Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 136.

[12] Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 169.

тельное положение вещей бюрократия понимает в превратном виде: стоящие наверху не имеют понятия о том, что совершается внизу, официальная ложь становится господствующим явлением общественной жизни. Уменьшить зло, происходящее от бюрократии, можно повышением умственного и нравственного уровня чиновников, обеспечением их материального и служебного положения, но, главное — широкой самодеятельностью общественных сил. С недостатками бюрократии придется мириться, пока не сформировано правовое государство. Чичерин защищал привилегии дворянской элиты. «Всякая грань, отделяющая дворянство от политической жизни, вредна. Место, дающее политический вес, должно быть дворянское. Наследственность высокого положения дает сословию дух независимости... если к этому присоединить перевес образования, дворянство и по своей способности, и по назначению призвано быть руководителем других сословий». Чичерин был сторонником конституционной монархии: в ней не владычествует масса, устраняется деспотизм большинства.

Плодотворной была концепция специалиста по государственной службе А.К. Сокальковского, который предвосхитил современную типологию рекрутирования и ротации элит (гильдийную и антрепренерскую), показывая, что новое лицо, взятое на государственную службу на высокую должность, прежде всего министра, минуя прохождение всех ступенек бюрократической иерархии, может быть полезным, ибо оно чуждо бюрократической рутине, принесет новые идеи, новые интересы. Однако тут возникает много минусов, поскольку у него нет опыта управления в бюрократической системе, он «может запутаться в тысяче специальных тонкостей»; оптимальный карьерный путь — соединение позитивных сторон обоих путей.

Интересна позиция философа и политолога консервативного направления К.Н. Леонтьева: «На которое бы из государств древних и новых мы ни взглянули, у всех найдем одно и то же общее: простоту и единообразие в начале, больше равенства и больше свободы... чем будет после... Потом мы видим большее или меньшее укрепление власти, разделение сословий»[13]. (Отметим, что это положение — более глубокое, чем у одного из признанных классиков элитологии Г. Моски, у которого «...во всех обществах... существуют

[13] Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 178.

два класса людей: класс, который правит, и класс, которым правят». Подход Леонтьева гораздо более историчен.) «Вообще... в сложные цветущие эпохи есть какая бы то ни было аристократия, с правами и положением... Эвпатриды Афин, лорды Англии, маркизы Франции, знатные дворяне России...». Ныне в мире происходят эгалитарные и либеральные процессы. Но нет никаких статистических подтверждений того, что «в эгалитарном государстве лучше (жить частным лицам), чем в сословном». Однако «все государства Европы сделали огромные шаги на пути эгалитарного либерализма, демократизации... Все общества Запада стали похожи друг на друга... (идет) подготовка к переходу в государство космополитическое, сперва европейское, а потом, быть может, и всемирное! Это ужасно!.. Неужели прав был Прудон, что революция неизбежна... Неужели таково в самом деле попущение Божие и для нашей дорогой России?.. Если так, то все погибло!»

Противоположный подходу К.М. Леонтьева подход к разрешению противоречия между массой и элитой предлагал народоволец П.Н. Ткачев. Подход по существу элитарный, но зато во имя большинства, во имя эгалитарных идеалов — бланкистский захват власти, осуществляемый революционным меньшинством (разумеется, передовым, самоотверженным, героическим) во имя будущего равенства и всеобщего счастья. Это меньшинство не очень разборчиво в методах достижения своей цели — годятся почти любые, вплоть до террора. Мысль о том, что в случае успешного захвата власти это меньшинство не захочет с ней расставаться, в голову как-то не приходит. Идеология и психология этой «революционной элиты» блестяще описаны в романе Ф.М. Достоевского «Бесы». Ткачев считает неправильным ждать, когда большинство населения уразумеет свои собственные интересы. Да тогда и революция будет как бы и не нужна. В письме к редактору журнала «Вперед», программа которого — «воплощение в дело потребностей большинства, им самим сознанных и понятых», Ткачев пишет: «Следовательно, революцию вы понимаете в смысле осуществления в общественной жизни потребностей большинства, им самим сознанных и понятых. Но разве это будет революция в смысле насильственного переворота? Разве когда большинство сознает и поймет как свои потребности, так и пути и средства, с помощью которых ему нужно будет прибегать к насильственному перевороту?.. Революция... тем-то и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а второй — большин-

ство»[14]. Затем подобную позицию во многом позаимствуют большевики.

Как видим, в российской общественно-политической мысли представлены все основные элитологические концепции — как исторически старейшая и наиболее укорененная: власть идет сверху вниз, от Бога и богоизбранных правителей, которым народ призван подчиняться, даже если они строги и даже деспотичны, так и радикально антиэлитная: власть должна идти снизу вверх, любая власть элиты ограничивает свободу народа и, наконец, либеральная: власть должна отражать интересы всех слоев общества, гармонизировать их.

Элитология XX века. В элитологии XX века происходила бурная схватка двух противоположных парадигм: элитаристской и эгалитаристской. Сначала дадим слово знаменитому представителю эгалитаристской концепции, теоретику анархизма князю П.А. Кропоткину. «Во все времена в человеческих обществах боролись два течения. С одной стороны, народные массы вырабатывали, в виде обычая, ряд учреждений, необходимых для того, чтобы общественная жизнь была возможна, чтобы обеспечить мир в своей среде... и помогать друг другу во всем, что требует соединенных усилий. Родовой быт у дикарей, сельская община и мирской суд, охотничьи и, позднее, промышленные артели, вольные города-республики вечевого строя, возникшие среди них зачатки международного права и многие другие учреждения были выработаны не законодателями, а самим народным творчеством. И во все времена появлялись также среди людей волхвы, шаманы, прорицатели, жрецы и начальники военных дружин, стремившиеся установить и упрочить свою власть над народом. Они сплачивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы начальствовать над людьми, держать их в повиновении, управлять ими и заставлять работать на себя»[15].

По Кропоткину, анархизм является представителем «творческой созидательной силы самого народа, стремившегося выработать учреждения обычного права, которые уберегли бы его от желающего властвовать меньшинства», попытку приложить достижения науки для продвижения человечества «на пути свободы,

[14] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 213–214.

[15] Там же. С. 191.

равенства и братства с целью осуществления наибольшей суммы счастья для каждой из единиц человеческого общества». В центре идейной борьбы в человеческом обществе на протяжении тысячелетий стоит борьба эгалитарной и элитарной идеологий. «Через всю историю нашей цивилизации проходят два течения, две враждебные традиции: римская и народная; императорская и федералистская, традиция власти и традиция свободы... Которое нам выбрать из этих двух борющихся в человечестве течений?»[16]. Выбор автора не вызывает сомнений.

Известно, как остро критиковал Кропоткина и других анархистов В.И. Ленин. Известно и то, что революцию большевики готовили под эгалитаристскими лозунгами. Иное дело, были ли они искренними или же прикрывающими их вождизм, не имела ли оснований критика большевизма как скрытого элитаризма. Пожалуй, наиболее авторитетным свидетельством в пользу элитаризма большевиков (пусть скрытого элитаризма) являются труды В.И. Ленина. Обратимся прежде всего к такой известной его книге, как «Что делать?», о которой в советское время писалось, что эта книга заложила идеологические и организационные основы партии «нового типа». Начнем с того, что в книге обосновывается типично элитарный взгляд на возможности рабочего класса самому выработать социалистическое сознание. Утверждается, что пролетариат сам в состоянии выработать лишь тред-юнионистское сознание, понимание необходимости борьбы за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, иначе говоря, за улучшение условий продажи своей рабочей силы, в то время как коренной, глубинный интерес этого класса состоит в свержении системы гнета и эксплуатации — капиталистической системы — и построении социалистического общества. Но это социалистическое сознание, идеи социалистической революции, социалистического преобразования общества могут быть внесены в рабочее движение только извне — интеллигентами, вставшими на позиции рабочего класса, социалистами, коммунистами. Итак, теорию социализма, стратегию и тактику социалистической революции разрабатывает элита интеллектуалов и организаторов, она вносит социалистическое сознание в рабочее движение.

Далее, насквозь элитарной оказывается организационная структура партии «нового типа»: строжайшая конспирация, тща-

[16] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 201.

тельный отбор члев партии и особенно лидеров партии, которым «некогда думать об игрушечных формах демократизма»[17]. Узкий слой партийных функционеров, ее элита, и широкий слой членов партии, выполняющих решения ее руководства — таков был зародыш будущего «нового класса». Когда же партия пришла к власти, элитарная структура партии была воспроизведена в масштабах крупнейшей страны мира. После Октябрьской революции Ленин писал о решающей роли революционного авангарда рабочего класса (т.е. партии, а фактически партийной верхушки) в руководстве обществом.

Известно, что Плеханов, Мартов и другие лидеры РСДРП категорически выступали против жесткого централизма ленинской партии, называя его сверхцентрализмом, смертельно опасным для партии, опасным прежде всего тем, что принижает инициативу масс, приучая их подчиняться указаниям сверху. Но Ленину нужна была именно такая сверхцентрализованная партия как важнейший инструмент завоевания и удержания власти. Тот путь к социализму, который предлагало правое крыло социалистов: партия добивается власти на демократических выборах, а предшествующая элита обновляется за счет широкого проникновения в нее наиболее инициативных представителей народа, объявлялся оппортунизмом.

Ленинские профессиональные революционеры превратились в профессиональных правителей, в правящую элиту, их власть была институтизирована в форме номенклатурной системы. Сам Ленин признавал: «Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»[18]. Провозгласив диктатуру пролетариата, большевики (вполне в соответствии с михельсовским «железным законом олигархических тенденций») установили фактическую диктатуру большевистской верхушки, большевистских вождей, большевистской элиты, переросшую в абсолютную власть харизматического лидера, опирающуюся на террористическую систему тотального контроля над населением. Об этой системе власти откровенно писал Сталин: «Компартия как своего

[17] Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 141.

[18] Там же. Т. 45. С. 20.

рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий его деятельность...» И далее: «Партия — это командный состав и штаб пролетариата»[19]. Позже по этому поводу Троцкий скажет, что диктатура пролетариата оказалась диктатурой партии, диктатура партии — диктатурой ее верхушки, диктатурой вождей: «Аппарат партии замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат, и, наконец, диктатор замещает Центральный комитет». А известный русский философ и историк П.Б. Струве писал: «Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение... эгалитарного социализма».

К классикам российской элитологии относится М.Я. Острогорский, юрист, политолог, член первой Государственной Думы. Его фундаментальный труд «Демократия и политические партии» был издан на французском языке в 1898 году[20], то есть на 13 лет раньше, чем книга Р. Михельса на эту же тему: «К социологии политических партий в современной демократии», изданная в Лейпциге в 1911 году. А именно за эту книгу Михельс считается одним из основоположников современной элитологии (наряду с Г. Моской и В. Парето) и, как утверждается во многих американских и западноевропейских учебниках по политологии и социологии, является основоположником социологии политических партий. В действительности эта честь принадлежит М. Острогорскому. В своей книге Михельс формулирует «железный закон олигархических тенденций»: демократия, чтобы сохранить себя, вынуждена создавать организацию, а это связано с созданием в ней активного лидирующего звена — элиты, и демократическая организация неизбежно превращается в олигархическую. Острогорский гораздо корректнее решает эту проблему, отмечает борьбу олигархических и демократических тенденций в политических организациях и отсутствие фатальной предопределенности олигархичности в политическом процессе.

Совершив ряд поездок в США и Англию с целью исследования политических партий в этих странах, Острогорский показывает

---

[19] Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 71, 72.

[20] Ostrogorski M. La democratie et les parties politiques. P., 1898. Вскоре книга была переведена на английский. В 1903 г. она была издана на русском, посл. издание вышло в 1997 г.

нарастающий в них процесс централизации и бюрократизации, выявляет роль кокусов — органов, выполняющих важнейшие функции, — организационные, пропагандирующие партийную идеологию, контролирующие избирательную кампанию партии, расстановку партийных функционеров и постепенно захватывающие власть в партии, которая сосредотачивается в руках партийной бюрократии, партийной элиты. Причем сам кокус внутренне неоднороден, в нем самом образуется еще более узкий круг партийных лидеров, сосредотачивающий в своих руках важнейшие политические решения. Острогорский показывает, как и каким образом контроль над партийной организацией переходит в руки партийных функционеров, партийной бюрократии, давая ей возможность, используя средства массовых коммуникаций, мобилизовать электорат в поддержку партии. Но нельзя принимать этот процесс сверхцентрализации власти за «явление естественного порядка, за неизбежное зло», есть возможность альтернативного развития политических структур, если опираться на народную инициативу, пропорциональное представительство, референдумы и т.д., стимулируя демократические тенденции. «Демократия, следовательно, нуждается в вождях, но... лишь при условии... что существует естественный отбор руководящей группы. Как создать более благоприятные условия для развития этого отборного элемента в общественной жизни? В этом заключается одна из основных проблем демократии»[21]. Помимо олигархической тенденции в политических партиях и организациях Остогорский допускает и обосновывает возможность альтернативного развития политических партий и политических систем с помощью таких механизмов, «как, например, пропорциональное представительство, референдум, народная инициатива...это изменение может произойти лишь после довольно долгой эволюции, так как оно обязательно предполагает демократию, в которой политическое образование будет стоять выше, чем сейчас»[22]. Таким образом, тенденцию, которую описывает Р. Михельс, Острогорский отметил не только раньше его, но и более глубоко и тонко. Причем для него эта тенденция —

[21] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 314. Отметим, что исследование трудов М.Я. Острогорского осуществлено в работе А.Н. Медушевского «История русской социологии, М., 1993.

[22] Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. В 2 т. Т. 2. М., 1930. С. 322.

отнюдь не фатальная неизбежность, как для Михельса, он поставил вопрос о возможности противодействия ей с демократических позиций.

Книга М.Я. Острогорского, явившаяся классическим элитологическим исследованием, оказала влияние на все развитие элитологии, в частности, на его современников — М. Вебера, Р. Михельса, а также крупнейших современных политологов, таких как Р. Арон, С. Липсет, К. Поппер, и на концепции элитного плюрализма.

Следует отметить, что концепция М.Я. Острогорского опиралась на труды других теоретиков либерального движения России, таких как В.И. Вернадский, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, М.М. Ковалевский.

Видный российский социолог и историк М.М. Ковалевский считал, что в отличие от аристократической Западной Европы российская политическая система была изначально более демократичной. «В самом начале русской истории, до появления князей в Киеве, Новгороде... власть была в руках городского веча; вече — народное собрание. Изначала, как говорит летописец, новгородцы и смоляне, и киевляне, и полочане, и все области сходятся на вече как на думу... Всего шире развернулась власть веча в Новгороде»[23]. И позже возникало народное самоуправление, например, в XVI веке на Дону, и эти традиции борьбы против самовластия верхов никогда не умирали.

Одним из видных теоретиков российского либерализма был Б.Н. Чичерин, который (впрочем, в рамках конституционной монархии) оправдывал наличие элиты дворянства в России. «Наследственность высокого положения» дает дворянству дух независимости, достоинство, особенно если это подкреплено хорошим образованием, подкрепляя ее роль как руководителя других сословий»[24].

Одновременно в конце XIX – начале XX века в России развивались и элитарные концепции. Наиболее ярким представителем этого направления был один из крупнейших российских философов Н.А. Бердяев, которого по праву можно считать классиком российской элитологии, ее аристократического варианта. Пожалуй, наиболее полно его концепция выражена в книге «Философия

[23] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 237.

[24] См. подробнее: Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д., 1995. С. 73–84

неравенства», на которую мы будем ссылаться. Но при этом нам придется сделать оговорку. В своих последних работах он пересмотрел ряд положений этой книги, перейдя на позиции персонализма, которые он называет персонализмом социалистическим. Он пишет: «Я вернулся к той правде, которую исповедывал в юности... Я называю это социалистическим персонализмом, который радикально отличается от преобладающей метафизики социализма, основанного на примате общества над личностью. Персоналистический социализм исходит из примата личности над обществом». Но бердяевский персонализм, несомненно, элитарный персонализм, ориентированный на элитизацию личности. Причем он почти не обращается к термину «элита», предпочитая ему старый термин «аристократия», считая его более адекватным.

«Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии... всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из положения низшего по существу не аристократично. Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм... Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она — жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала... Права аристократии — права прирожденные, а не благоприобретенные... Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению, по связи с прошлым. То, что представляется нам несправедливым и возмущающим в положении аристократа, это и есть оправдание его существования в мире, привилегия по происхождению, не по личным заслугам, не по личному труду и не по личному достижению. И это должно быть в мире. Гений и талант принадлежат к духовной аристократии потому, что гений и талант — даровые, не заслуженные, не заработанные. Гений и талант получены по рождению, по духовному происхождению, по духовному наследованию. Духовная аристократия имеет ту же природу, что и аристократия социальная, историческая, это всегда привилегированная раса, получившая даром свои преимущества»[25]. Бердяев признает, что в аристократизме есть «божественная несправедливость, божественная прихоть и произвол... Бездарное, плебейско-пролетар-

[25] Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 128–129.

ское требование уравнительной справедливости и воздаяние каждому по количеству труда есть посягательство на цветение жизни, на божественную избыточность... Но в несправедливой божественной избыточности может быть скрыт высший смысл мировой истории, цвет ее. Аристократия в истории может падать и вырождаться... Она имеет уклон к образованию касты. Она начинает противополагать себя народу. Она изменяет своему назначению и вместо служения требует привилегии. Но аристократизм не есть право, аристократизм есть обязанность. Аристократия по своей идее — жертвенна. Но она может изменять своей идее. Тогда она слишком цепляется за свои внешние преимущества и падает»[26]. Бердяев считает, что «демократию нельзя даже противополагать аристократии. Это понятия несоизмеримые, совершенно разнокачественные. И представительная демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии»[27]. Сопоставляя уровни развития разных стран и народов, Бердяев выводит «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элиты, составляющий свыше 5%, означает наличие в данном обществе высокого потенциала развития, но, как только этот коэффициент приближается к 1% и ниже, общество деградирует, в нем наблюдается застой и окостенение, сама же элита превращается в касту, в жречество.

В своих работах Бердяев развивает идеи богочеловечества — обобщая богатое интеллектуальное наследие человечества — от гениев патристики до В. Соловьева. В своих работах «Философия свободы» и «Смысл творчества» он пишет, что, поскольку Бог сотворил человека по своему образу и подобию, поскольку Бог – это Бог-творец, творчество — качество, приближающее человека к божественному. «Бог ждет от человека творческого акта как ответ человека на творческий акт Бога». В свободе и творчестве — богоподобие человека, причем свобода «аристократична, а не демократична», «огромная масса людей не любит свободы и не ищет ее». Но лишь свободный человек творит. Творчество — цель жизни человека, «то, для чего Бог создал его». Развитие творческой сущности, элитизация личности (а личность в потенции — это творческая личность) — это и есть приближение к божественному. В пер-

[26] Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 131.

[27] Там же. С. 125.

соналистской иерархизации Бердяева самый высокий уровень — творческая личность, ее высшее проявление — гениальность, которая включает в себя творческий экстаз, это — путь к святости.

Бердяев отстаивает неравенство и иерархию в социальной и культурной жизни. Культура качественна, аристократична, иерархична. Культура идет сверху вниз, и путь ее аристократический. Культура создается индивидуальностью, личностью, свободным духом. Культура развивается «благодаря досугу, благодаря возможности проявлять творческую избыточность, она предполагает первенство». Гуманистическая культура никогда не была народной, она была всегда культурой верхнего интеллектуального слоя. Он настаивает на незыблемости неравенства индивидуальностей.

Близких взглядов на элиту придерживался другой видный философ-персоналист — Н.О. Лосский. Он развивал концепцию «иерархического персонализма», который «есть учение о монархическом строении вселенной». Однако этот онтологический монархизм совсем не похож на политический монархический строй человеческого общества. «Во всяком органическом целом высшее начало, подчиняющее и объединяющее свои элементы, стоит онтологически на высшей ступени бытия, чем его элементы...»[28]. Возвышение, элитизация личности — это «правильный путь к Царству Божьему». Государство сильно, когда в элиту осуществляется отбор лиц, наиболее одаренных; косная, своекорыстная элита неизбежно будет свергнута.

Проблемам элитологии большое внимание уделял великий российский социолог П.А. Сорокин. Вынужденный эмигрировать из России (большевики не простили бы ему то, что он был секретарем А. Керенского), он возглавил социологический факультет Гарвардского университета. Сорокин — один из родоначальников и классик теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Особенно интересовала его восходящая мобильность в элиту. Монополия власти в руках узкого привилегированного слоя препятствует восходящей мобильности, делает общество «закрытым», загнивающим, препятствует наиболее талантливым выходцам из «низших» социальных страт, т.е. из народа, что губительно для общества. Объясняя феномен социальной мобильности в элиту, он применяет концепцию «головастиков» — тех представителей неэлитных слоев населения, которые по своим интеллектуальным

[28] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 475.

и иным способностям (прежде всего способностям к управлению) превосходят тех, кто держит в своих руках реальную власть (Сорокин в это время — начало XX века — не употреблял термин «элита»). Поскольку «головастики» (это как бы потенциальная элита, элита «в себе») превосходят реальную элиту, процесс социальной мобильности искажается, власть имущие устанавливают всяческие препятствия для прихода во власть наиболее достойных, качество правителей падает, что ведет к катаклизмам и в конечном счете к смене элит, порой через революцию, которая сметает все искусственные препоны на пути социальной мобильности.

В России первоначально, оттеснив боярство, дворянство успешно выполняло управленческо-административные функции. Но с конца XVIII века начался процесс вырождения дворянской элиты, которая подчас игнорировала государственную службу, превращаясь в социального паразита, транжирившего средства, накопленные предками. Когда «головастики» — талантливые выходцы из разночинцев и других более низких слоев общества — по своим способностям превосходят дворянскую правящую элиту, остающуюся еще у власти, мешая «головастикам» войти в элиту, превращая ее в контрэлиту, социальный баланс в обществе нарушается. «Когда аристократия сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры ей не нужны для защиты ее от посягательства со стороны "выскочек". Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах ощущается такая же острая необходимость, как костыль инвалиду, что, собственно, и происходит в истории. В периоды застоя в дореволюционные эпохи вырожденцы правящего класса прибегают исключительно к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду «головастиков» из низов и для монополизации всех высоких общественных позиций. Нечто подобное произошло в Древнем Риме, когда в середине II века до н.э. был принят закон о закрытии всех высших постов в стране для инородцев»[29].

Сорокин открыто говорит об исторической вине предреволюционной русской политической элиты, которую заботили не столько интересы страны, сколько собственные хищнические аппетиты. «Вот почему не следует удивляться приговору истории, вынесенному русской аристократии и пределу, который был положен этому наросту на теле России. Гибель русской аристократии произошла без всякого героизма. Нечто подобное можно наблю-

[29] Сорокин П.А.Человек, цивилизация, общество. С. 291.

дать и на примере других революций. Все это подтверждает нашу догадку относительно второй причины революций — вырождение элиты общества»[30]. Накануне революции дворянская элита упорно тормозила продвижение талантов из простонародья, аккумулировала бездарных политиков. Отсюда — неизбежность революции. И когда она происходит — «все барьеры на пути свободной циркуляции разрешаются одним ударом. Безжалостная революционная метла начитает выметать социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виноват, а кто нет. В мгновение ока "привилегированные" оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из "социальных подвалов". В "сите" селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникнуть все индивиды без всякой дискриминации. Но во второй стадии революция устраняет свои же собственные ошибки, воздвигая новое "сито"[31]. Итак, когда "головастиков" больше у основания социальной пирамиды, чем на ее вершине, социальный баланс нарушается, и они раньше или позже станут новой элитой. Все это не исключает того, что дворянская элита выполнила важные социальные функции, особенно культурные, и страшные репрессии по отношению к ней были трагедией для России».

Более 20 лет провел в эмиграции и выдающийся русский философ И.А. Ильин. Он считал, что демократия хороша лишь тогда и постольку, поскольку она рождает аристократию, подлинную элиту, отбирая в ряды верховной власти лиц, наиболее одаренных для государственной деятельности. Творческая изобретательность человека и общества может найти много новых путей для усовершенствования техники этого отбора, например путем организации профессиональных и т.п. форм представительства. Возможно, что этот отбор будет где-либо производиться не в формах демократической избирательной борьбы, а на основании объективных, точно установленных признаков, например на основании услуг, оказанных обществу и свидетельствующих о нравственной и умственной способности к государственной деятельности. Во всяком случае, однако, очевидно, что такая аристократия духа не будет возвратом к абсолютной монархии, а будет движением вперед. «Демократия, но не формальная, — писал он, — демократия качественности, ответственности и служения».

---

[30] Сорокин П.А.Человек, цивилизация, общество. С. 290–291.

[31] Там же. С. 292.

Много размышлял о проблемах элиты русский философ и историк Г.П. Федотов, эмигрировавший в 20-е годы во Францию, затем в США. Многие положения Г. Федотова остро полемичны, например, его постановка вопроса о соотношение элиты и интеллигенции. «Создание элиты, или духовной аристократии, есть задача, прямо противоположная той, которую ставила русская интеллигенция... Она поставила целью разрушить стену, отделяющую культурный слой, главным образом дворянский, от народа... любой ценой, хотя бы уничтожением самого культурного слоя, ради просвещения народа. Опуститься самим, чтобы дать подняться народу — в этом смысл интеллигентского «кенозиса» или народничества. Существование образованной элиты в безграмотной стране считалось аномалией»[32]. Федотов с надеждой писал: «Создание элиты в России дело не столь безнадежное... Прежде всего, в какой-то мере она существует. В России работают ученые с мировым именем», что говорит о неистребимости старой интеллигенции... Элита и ее ядро существует. Она рассеяна, придавлена, измучена, лишена корпоративного сознания... старая русская интеллигенция была орденской... Была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы...»[33]

Отметим в заключение, что нынешний взлет элитологических исследований в России в последние полтора десятилетия (а за этот период опубликовано более ста монографий, около полутора тысяч научных статей; только по проблемам федеральных и региональных элит), объясняется не только социальными потребностями, но и тем, что они могли опереться на многовековую элитологическую российскую традицию.

[32] Сорокин П.А.Человек, цивилизация, общество. С. 211–212.

[33] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. С. 216–217.

ГЛАВА

7 ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Становление американской элитологии. Английские колонии в Северной Америке, основанные в начале XVII века, управлялись английским королем и назначенными им губернаторами; элементы самоуправления строго контролировались и ограничивались. Было ли управление этими колониями демократическим с самого их возникновения? Такое предположение является более чем спорным. Тем не менее ряд политолов, прежде всего, американских, придерживается этой точки зрения[1]. Близкую позицию занимал и знаменитый французский исследователь американской демократии А. Токвиль, который писал, что «...в Америке аристократическая элита, будучи весьма слабой уже в момент своего зарождения, в настоящее время (30-е годы XIX века. — *Г.А.*) если не до конца уничтожена, то по меньшей мере ослаблена до такой степени, что вряд ли можно говорить о каком-либо ее влиянии на развитие событий в стране. Напротив, время, события и законы создали такие условия, в которых демократический элемент оказался не только преобладающим, но, так сказать, единственным»[2]. По отношению к США можно говорить о трансформации и смене элит, причем происходивших в оптимальной форме — бескровно. Тем не менее можно упрекнуть Токвиля за недостаточно исторический подход к проблеме трансформации американских элит: в сущности, он ведет речь об американских элитах эпохи Э. Джексона, в его книге фактически отсутствует исторический анализ эволюции этих элит, тут дается «срез» американских элит 30-х годов XIX века, а не процесс трансформации и смены элит. Г. Ласки правильно отмечает в своем предисловии к этой книге, что Токвиль «почти не проявил подлинного интереса к истории колониальной Америки и не заметил даже, что процессы, представленные им как новые, в действительности выросли из общественного развития, предшествовавшего 1776 году»[3]. Так что

---

[1] Brown R. & Brown B. Democracy or Aristocracy? Michigan Univ., 1964.

[2] Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 60.

[3] Там же. С. 5–22.

тезис, что американская аристократия была столь слаба с самого своего зарождения и ушла с исторической арены, по меньшей мере, неточен. Противостояние аристократической и демократической элит продолжалось достаточно долго, может быть, не следует считать, что оно вообще закончено, если иметь в виду продолжающееся противостояние элиты Северо-Востока, в частности, Новой Англии (старых денег) и опережающего роста богатства и влияния элиты Запада и Юга (новых денег), что, например, отражается на системе элитного образования, которое до сих пор по большей части сосредоточено на Северо-Востоке. Собственно, и сам Токвиль признает, что «промышленность может порождать аристократию... Промышленник все более становится похожим на правителя огромной империи, а рабочий — на бессловесную тварь»[4]. И далее: «...По мере того, как основная масса идет к демократии, отношения в конкретной группе людей, занятых в промышленности, становятся все более аристократическими. Кажется, что аристократия зарождается в недрах самой демократии... подобно аристократии минувших времен, она состоит из нескольких очень богатых и множества очень бедных людей... промышленная аристократия, набирающая силу на наших глазах, — одна из самых жестоких аристократий, появлявшихся на земле»[5].

На наш взгляд, обоснованной представляется точка зрения Д. Балцелла и ряда других американских политологов, считающих, что соотношение элит и масс в американской истории не было постоянным, что американская политическая система двигалась от весьма недемократической к более демократической. Первоначально американской элитой выступала так называемая «естественная аристократия», которая была, по существу, наследственным высшим классом. Причем Балцелл справедливо замечает, что «высший класс является социальной и исторической категорией», а отнюдь не «естественной аристократией»[6], что это была группа семей, чьи предки были членами элиты одно или несколько поколений. А далее американская элита институтизируется, почти полностью сохраняя черты закрытой, привилегированной касты. Причем эта элита была заражена этническими предубеждениями

[4] Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 406.

[5] Там же. С. 408.

[6] Ballzell D. The Protestant Establishment. Aristocracy and Caste in America. N.Y., 1966. P. 20.

(англо-саксизм) и достаточно консервативна на протяжении многих десятилетий. Не случайно, что в период «великой депрессии» 1929–1933 годов правящий класс США был резко настроен против реформ Ф. Рузвельта и только с победой «нового курса» американская элита начала интенсивно либерализироваться. Итак, представляется более обоснованным взгляд тех историков и политологов, которые считают, что управление колониями в ранний период американской истории было вполне элитарным, что это был период в целом недемократический, с определенным вкраплением демократических элементов, связанных с элементами представительных начал в ряде колоний, сосредоточенных в руках зажиточного меньшинства. Известный российский историк В. Согрин справедливо полагает, что политическая система начального периода американской истории представляла собой симбиоз английских традиций и американских нововведений, что на протяжении колониального периода недемократические (монархические, аристократические) начала преобладали над демократическими[7].

Управление колониями носило элитарный характер. Губернаторы назначались английским монархом, в колониальные советы входили наиболее состоятельные и лояльные представители колониальной элиты. В колониях зарождались и представительные органы в виде колониальных ассамблей, но, во-первых, их деятельность контролировалась и ограничивалась властью губернаторов, а, во-вторых, они сами представляли интересы наиболее зажиточного меньшинства. Подавляющее большинство колонистов было лишено избирательных прав прежде всего из-за высокого имущественного ценза, а также по религиозному, половому признакам. Причем депутатами ассамблей могли быть лишь выходцы из высших страт колонистов (имущественный ценз для имеющих право быть избранными в ряде колоний в несколько раз превосходил избирательный ценз). Таким образом, власть в колониях оказывалась в руках меньшинства — английских чиновников и представителей колониальной элиты (несколько семейных кланов фактически контролировали деятельность ряда колониальных ассамблей).

Однако в 60–70-х годах положение меняется. Когда британский парламент увеличивает налоговое бремя колонистов, ограничивает их экономические и политические права, обрушивает репрессии на неподчиняющихся, растет недовольство жителей

[7] Согрин В.В. Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001. С. 357.

примат по отношению к личности, а Джефферсон — в духе Локка, отдававшего приоритет личности. Развивая идеи народоправия, Джефферсон противопоставлял аристократический и демократический подходы к этой проблеме: «Вопрос о том, должна ли принадлежать власть народу или высшему сословию, служил причиной непрерывных смут, раздиравших в древности Грецию и Рим, точно так же, как теперь он вызывает раскол в каждом народе, если только кляп деспотизма не лишает его возможности мыслить и говорить»[8]. В одном из последних своих сочинений этот великий демократ, уже после того, как пробыл два срока президентом США (1801–1809), писал: «Массы человеческие не рождены с седлами на спинах, чтобы немногие привилегированные, пришпоривая, управляли ими с помощью закона и милостью божьей»[9].

Демократические идеи Джефферсона, развивавшие идеи европейских просветителей о равенстве и естественных правах человека, о народном суверенитете, были закреплены в Декларации независимости, подготовленной им и принятой 4 июля 1776 года всеми тринадцатью Соединенными штатами Америки. «Мы считаем самоочевидным истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительства, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй»[10].

Обосновывая принципы республиканизма и критикуя тех, кто допускал в определенной ситуации передачу полномочий правительства олигархии или монархии, Джефферсон отмечал, что те, кто делает подобные предложения, часто ссылаются на пример истории древнего Рима: «В качестве примера они взяли республику, раздиравшуюся мятежами и острейшей борьбой враждующих группировок, где правила жестокая и бесчувственная аристократия, правила народом, доведенным до отчаяния нищетой и несча-

---

[8] На что, между прочим, он получил от своего оппонента Гамильтона реплику: «Сударь, ваш народ — скот». — *Прим. авт.*

[9] Jefferson T. Memoirs, Correspondence and Private Papers. Vol. IV. N.Y., 1965. P. 452.

[10] Антология мировой политической мысли. Т. 5. С. 41.

стьями, волнения которого можно было усмирить только всемогущей рукой одного деспота. Поэтому их конституция допускала установление власти временного тирана, называя его Диктатором, и этот временный тиран после ряда прецедентов превратился в постоянного»[11]. Джефферсон предлагал разработать превентивные меры против того, чтобы олигархи воспользовались своими деньгами для того, чтобы вмешиваться в политику: «Будут деньги, будут и люди, а будут люди, будут и деньги. Наша ассамблея также не должна быть обманута честностью своих собственных целей и делать отсюда вывод, что этими неограниченными возможностями никто никогда не будет злоупотреблять, потому что они сами не склонны злоупотреблять ими. Следует ожидать того времени, а оно недалеко, когда коррупция в нашей стране... охватит стоящих во главе правления и распространится от них на весь народ, когда они станут покупать голоса народа и заставят его заплатить себе полной ценой... Противостоять коррупции и тирании надо до того, как они овладеют нами. Лучше вообще не пускать волка в овчарню, чем надеяться на то, что сумеешь вырвать ему зубы и кости после того, как он туда войдет»[12]. Мудрые слова, за которыми стоит глубокая проницательность политического деятеля. И еще: «...Говорят, что в Великобритании конституция опирается на честность палаты общин и мудрость палаты лордов; это было бы разумным, если бы честность можно было купить за деньги, а мудрость передавалась бы по наследству»[13].

Интересно и плодотворно следующее высказывание Джефферсона: «Лучшее правительство — это правительство, управляющее в наименьшей степени». Чем меньше проявляет власть правительственная элита, тем в большей мере управляет народ — главный субъект политики. Джефферсон стремился создать «систему, которая лишила бы корней старую или будущую аристократию»[14]. Он считал, что «любое правительство деградирует, если оно вверено лишь правителям народа»[15]. Большое внимание Джефферсон уделял демократизации образовательной системы, чтобы оно было

---

[11] Джефферсон Т. Заметки о штате Вирджиния // Антология мировой политической мысли. Т. 1. С. 539.

[12] Там же. С. 535.

[13] Там же. С. 533.

[14] Джефферсон Т. Автобиография // Демократия и XX век. Н. Новгород, 1997. С. 9.

[15] Там же. С. 13.

доступно не только для детей из элитных семей, но и для детей малоимущих: «...Школы должны находиться под наблюдением инспектора, который ежегодно отбирает наиболее одаренных мальчиков из числа тех, чьи родители слишком бедны, чтобы дать им дальнейшее образование»[16].

Среди американских политических мыслителей этого периода нельзя не сказать об англичанине Т. Пейне, приехавшим в Америку и ставшим активным участником революционной борьбы против английской метрополии. Его работа «Здравый смысл» (1776) явилась страстным призывом борьбы за независимость американских колоний. В ней говорилось: «"Общество" и "правительство"... это вещи не только разные, но и разного происхождения. Общество создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками... Первое — это защитник. Второе — каратель»[17]. Он призывает к созданию независимого американского государства, причем выступает как последовательный демократ, противник аристократической элиты. В работе «Права человека» он пишет: «...Правительства либо возникают из народа, либо утверждаются над народом... Бессмысленные, жалкие слова вроде "герцога", "графа"или "эрла" утратили свою притягательную силу. Даже обладавшие ими отвергли эту галиматью и, выйдя из рахитичного возраста, выбросили погремушку...»[18]

Перечисленные авторы-демократы в большей или меньшей степени антиэлитаристы. Им противостояли в ряду американских патриотов А. Гамильтон, Дж. Адамс и их сторонники, которые являлись в большой мере элитаристами. Отметим, однако, что эта борьба отступала на задний план перед лицом общей борьбы за независимость, за становление новой государственности США.

В вопросе о соотношении элиты и масс Гамильтон резко полемизировал с Джефферсоном, выступая с позиций элитаризма: «В обществе есть немногие и многие. Первые богаты, у них хорошее происхождение. Вторые — массы народа. Говорят: глас народа — глас божий. Но это не так. Народ переменчив, подвержен волнениям, он редко судит правильно»[19]. Пытаясь обосновать

---

[16] Джефферсон Т. Автобиография // Демократия и XX век. Н. Новгород, 1997. С. 10.

[17] Антология мировой политической мысли. Т. 4. С. 487.

[18] Там же. С. 493–495.

[19] Цит. по: Dye T. Who's Running America? New Jersey, 2000. P. 20.

невозможность и нежелательность правления народа, Гамильтон утверждал: «Дайте волю им (народным массам. — *Г.А.*), и они будут подавлять немногих»[20]. Он стоял на том, что «правление элиты предпочтительнее власти неинформированных и апатичных масс»[21].

Остановимся более подробно на наиболее крупном идеологе элитаризма в Америке этого периода втором президенте США (1797–1801) Джоне Адамсе. Высший слой (термин «элита» им не использовался), осуществляющий функцию управления обществом, развития культуры, он считал важнейшим элементом социальной структуры. Попытки ограничения власти и влияния элиты сталкиваются с большими сложностями и вообще мало перспективны. «Исключите аристократию из общества с помощью законов... и она все же будет тайно управлять государством, ее орудием станут избранные на главные посты, которые в постоянном страхе перед нею будут вести себя как обыкновенные марионетки»[22]. Подчеркивая значение и роль социального престижа в древнем Риме, он писал, что «римляне прибегали к символике, чтобы поощрять добродетели своих граждан... Различие в положении... подчеркивалось различиями в одежде... Все служило созданию достойного примера, вдохновляющего граждан»[23]. Адамс и сам с почтением относился к титулам. Он даже предлагал, чтобы к президенту США обращались со словами: «Ваше милостивейшее величество» (сравните это с отношением к титулам Т. Джефферсона или Т. Пейна как к «мишуре»). Только люди чести, люди с высокой репутацией могут вдохновить наиболее энергичных и талантливых граждан на общественно-полезные дела, считал он. Вместе с тем Адамс видел, что главным критерием элиты все более становится богатство. Он с грустью заключал, что богатству придают большее значение, чем добродетелям, талантам[24]. Адамс предвидел преобладание в США «экономической символики» над политической и опасался засилия меркантилизма, «восхищения народа благами, а не достойными государственными деятелями». Как

[20] Цит. по: Mins M., Cohen J. Power, inc. N.Y., 1976. P. 4.

[21] Survay of Social Science. Ed. by F. Magill. Pasadena (Calif.), 1995. Vol. 2. P. 591–592.

[22] The Works of John Adams. Boston, 1856. Vol. VI. P. 491–492.

[23] Ibid. P. 243.

[24] Ibid. P. 530.

только люди начнут гордиться «показной стороной вещей» — великолепными домами, роскошной одеждой и другими символами престижа, «этот вид тщеславия неминуемо изменит весь нравственный облик народа, отвлечет его внимание от талантов и добродетелей, направит их в сторону внешних, поверхностных явлений»[25]. Впрочем, романтическая ностальгия по рыцарским временам не мешала Адамсу вместе с Гамильтоном и Мэдисоном защищать тезис о необходимости сильного государства, выражающего прежде всего интересы зажиточных граждан и элиты богатства. Адамс в книге «Защита Конституции Соединенных Штатов» (1786), как и Гамильтон, исходил из того, что каждое общество необходимо делится на две части — привилегированное меньшинство и непривилегированное большинство. Дж. Адамс, А. Гамильтон, Д. Мэдисон, защищая интересы элиты, оправдывали экономическое неравенство, считая, что всеобщее равенство означало бы отказ от свободы. Они полагали, что сенат и палата представителей конгресса США должны выражать соответственно интересы богатого меньшинства и малоимущего большинства, подчеркивали, что сенат должен быть выразителем интересов меньшинства, «богатства нации» (слова Мэдисона), «аристократии... без которой не может существовать ни одно цивилизованное общество» (слова их сторонника Г. Морриса)[26]. Отметим, что Адамс прозорливо отмечал, что, прежде чем осуществляется политическая революция, происходит революция в сознании людей и, прежде всего, в сознании элиты, что в Северной Америке «революция совершилась в умах и сердцах народа, развиваясь с 1760 по 1775 год, в течение 15 лет до того, как была пролита первая кровь под Лексингтоном»[27].

Нам представляется обоснованной концепция известного американского историка В. Паррингтона о том, что с момента возникновения США в них развивались две идеологические традиции: одна — элитаристская, представленная А. Гамильтоном, Дж. Адамсом, Д. Мэдисоном, в дальнейшем вылившаяся в консервативную идеологию, другая — эгалитаристская (может быть, ее было бы точнее обозначить как умеренно эгалитаристскую, чтобы отличать

[25] Correspondence between John Adams and Mercy Warren. N.Y., 1972. P. 439.

[26] Соргин В.В. Политическая история США XVII–XX вв. М., 2001. С. 63.

[27] Там же. С. 30.

ее от концепций радикалов типа Г. Бабефа), в определенной мере антиэлитистская, виднейшими представителями которой явились Т. Джефферсон, Э. Джексон, А. Линкольн, которая позднее вылилась в леволиберальную идеологию; их борьба явилась стержнем идеологической истории США[28].

Элитология США в XIX веке. В первые десятилетия XIX века демократизация политического процесса в США продолжалась несмотря на сопротивление большей части элитарных слоев населения. Избирательный ценз понижался, а к концу 20-х годов был отменен в большинстве штатов. Новый этап развития американской демократии был связан с президентством Э. Джексона (1829–1837). В центре его социально-политической программы лежало широкое приобщение народных масс к управлению государством, стремление лишить элиту монополии на осуществление государственных функций. Для этого он предложил упростить систему государственного управления, чтобы государственные должности могли занимать простые люди, образовательный уровень которых, разумеется, уступал образовательному уровню элиты. Под лозунгом борьбы с коррупцией среди правительственных функционеров Джексон уволил большую группу чиновников, в том числе чиновников самого высокого ранга, расчищая места для своих сторонников. В результате число выходцев из элиты среди государственных служащих высокого ранга сократилось. На развитие демократического процесса в США сильное влияние оказал сам стиль президентства Джексона. Он был фактически первым президентом — выходцем из низших страт американского общества: родился в бедной семье, рано остался сиротой и проделал путь к высшему посту в Соединенных Штатах, опираясь на свои способности, энергию, работоспособность. Сама его биография отвечала «американской мечте» о равенстве возможностей в этой стране, возможностей простому человеку пробиться наверх, сделать карьеру, добиться богатства и высокого положения. Джексон критиковал «аристократизм», элитарность управления страной, особенно в периоды президентства Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, Дж.К. Адамса[29].

---

[28] Parrington V. Main Currents in American Thought. Vol. 1–3. N.Y., 1927–1930.

[29] The Papers of Andrew Jackson. Vols 1-2. Univ. of Tennessee, 1980–84.

В. Паррингтон писал об этом периоде истории США как о схватке народа и элиты, о стремлении массы покончить с аристократической системой управления[30]. Именно на президентство Джексона приходится посещение США А. Токвиллем, давшим глубокий анализ американской социально-политической системы. Токвиль также считал, что решающей силой в США джексоновского периода были народные массы, а не элита.

Выходец их французской аристократической семьи, Токвиль смог встать выше сословных предрассудков своего класса и понять, что времена аристократизма проходят, что американская политическая и социальная система показывает старой элитарной Европе нечто весьма значительное из ее неотвратимого будущего, модель общества, которое будет более эгалитарным, и те страны Старого Света, которые будут цепляться за элитаризм, связанный с феодализмом и его пережитками, проиграют, что будущее — за теми странами, где уровень эгалитаризма выше. При этом, понимая, что времена господства аристократии уходят навсегда, он не доверяет и приходящей ей на смену плутократии.

Ряд политологов XIX века, в том числе и Токвиль, наблюдая за процессами смены элит в европейских странах и пытаясь выявить их основные типы, говорили о кровавых и более или менее бескровных вариантах этой смены. Обычно они ссылались на смену элит в Англии в XVII веке и во Франции в XVIII, отмечая, что более мудрая правящая элита в преддверии наступающих перемен для того, чтобы неизбежная социальная трансформация была более мягкой, открывает шлюзы для вертикальной социальной мобильности, стараясь предотвратить революцию, абсорбируя поднимающуюся новую элиту, идя с ней на компромисс. Эта модель характерна для Англии и действительно является более мягкой, (хотя, впрочем, тактика правящей элиты не избавила страну от революции, даже если ее и именуют «славной революцией», и от казни короля). Напротив, твердолобая, непримиримая консервативная элита, которая отказывается идти на компромиссы с новой поднимающейся буржуазной элитой, сама провоцирует революцию, причем кровавую (имеется в виду Великая французская революция 1789–1793 гг.).

Анализируя социально-политическую систему США, Токвиль приходит к выводу, что в США указанный процесс проходит опти-

[30] Паррингтон В. Основные течения американской мысли. В 2 т. Т. 2. М., 1962. С. 173.

мально, ибо там члены формирующейся элиты аристократии быстро приспосабливались к изменяющейся ситуации, с готовностью превращаясь в демократическую элиту. Он пишет, что «ни в одной стране мира никогда... не существовало людей, более равных между собой по своему имущественному положению и по уровню интеллектуального развития. Принцип народовластия вышел за пределы общины и распространился на деятельность правительства, все классы пошли на уступки ради него... он стал законом законов. Демократия восторжествовала. Высшие сословия подчинились ей безропотно и без сопротивления как злу, сделавшемуся отныне неизбежным. С ними произошло то, что случается обычно с теми, кто теряет свое могущество: на первый план выходят чисто эгоистические интересы каждого в отдельности, а поскольку власть уже невозможно вырвать из рук народа и поскольку массы не вызывают у них столь глубокой ненависти, чтобы не подчиняться им, постольку они решают добиваться во что бы то ни стало благосклонности народа. В результате самые демократические законы один за другим были поставлены на голосование и одобрены теми самыми людьми, которые страдали от них в наибольшей степени. Действуя таким образом, высшие сословия не возбудили против себя народного гнева; напротив, они сами ускорили торжество нового строя. И — странное дело! — демократический порыв всего неудержимее проявлялся в тех штатах, где аристократия пустила наиболее глубокие корни»[31]. Таким образом, аристократическая элита с феодальным менталитетом сменяется буржуазной, толерантно относится к объективно неизбежным переменам в обществе, находя свое место в новой структуре власти, в новой элите. Иначе говоря, чтобы не быть смятой этими переменами, аристократическая элита спешит их возглавить.

Европейские колонии в Новом Свете, отмечает Токвиль, «если и не являли собой пример развитой демократии, то имели, по крайней мере, ее зачатки... у основной массы эмигрантов, покидавших свою родину, полностью отсутствовало чувство какого-либо превосходства над другими. Конечно, в изгнание отправляются отнюдь не самые счастливые и богатые люди, однако именно бедность, так же как и невзгоды, являются лучшей в мире порукой равенства между людьми. Случалось, правда, что и знатные господа переселялись в Америку вследствие политических

[31] Токвиль А. Демократия в Америке. С. 61–63.

и религиозных междоусобиц. Вначале здесь были приняты законы, устанавливающие социальную градацию, однако вскоре стало очевидным, что американская почва совсем не принимает землевладельческую аристократию»[32].

Токвиль отмечает, что элитой может стать не только феодальная аристократия. Социальная дифференциация и ранжирование людей может осуществляться и по иному основанию, прежде всего имущественному. Отметим, что в предисловии к двенадцатому изданию своей книги Токвиль писал: «...Неужели кто-то полагает, что, уничтожив феодальную систему и победив королей, демократы отступят перед буржуазией и богачами?»[33] Вместе с тем колонистам было не чуждо использовать критерии дифференциации, по которым выделяла себя феодальная элита (например, родовитость); многие первые колонисты выделяли себя как элиту по отношению к новоприбывшим, гордились своим правом первородства. Так, людей, выдающих себя за потомков первых переселенцев, например пассажиров «Мэйфлауэра», было (да и по сей день остается) во много раз больше их возможного числа (ситуация, аналогичная числу «детей лейтенанта Шмидта», описанная И. Ильфом и Е. Петровым). И тем не менее Токвиль имел основания утверждать, что «англоамериканцы принесли в Новый Свет равенство. Среди них никогда не существовало ни простолюдинов, ни дворян, им были чужды предрассудки, связанные с рождением или профессией. В таком общественном устройстве, основанном на равенстве, демократия возникла, не встретив никаких помех»[34].

Описывая американскую политическую систему, Токвиль пишет: «Народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей; участвует он и в претворении этих законов в жизнь — путем избрания исполнительной власти. Можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права, предоставленные правительству, весьма незначительны и ограничены... Народ властвует в мире американской политики, словно Господь Бог во Вселенной. Он — начало и конец всему сущему; все исходит от него и все возвращается к нему»[35]. Некоторое преувеличение роли народа в американской политике только помогает Токвилю донести до читателя свою

[32] Токвиль А. Демократия в Америке. С. 44–45.

[33] Там же. С. 23.

[34] Там же. С. 231.

[35] Там же. С. 63.

основную мысль. Токвиль продолжает: «Ни в одной части Нового Света европейцам не удалось создать аристократию. В то же время демократия процветает лишь в США... Американские законы хороши, и именно этим в значительной мере объясняются успехи демократического правления... но еще сильнее, думается мне, на него воздействуют их нравы... демократия пропитала обычаи, мировоззрения, традиции»[36].

Токвиль прозорливо отмечает и недостатки, и опасности явления, которое затем через сто лет Х. Ортега-и-Гассет назовет «омассовлением», могущим обернуться деспотизмом масс: «В прежние времена ни один монарх, какой бы всемогущей и абсолютной ни была его власть, не взялся бы единолично, без помощи промежуточных органов власти управлять всеми частями большой империи. Никто не пытался заставить всех подданных без разбору скрупулезно выполнять единые законы, никто не пытался руководить каждым человеком во всех его делах... тирания была свирепой, но ограниченной... установись сейчас деспотизм в демократическом обществе, он имел бы другой характер: он был бы менее жестоким, но более всеобъемлющим...»[37] Токвиль предчувствовал опасность явления, которое в XX веке назовут тоталитаризмом.

Рассмотрим, как в действительности изменялась и развивалась американская демократия, американская элита и ее взаимоотношения с народными массами в последжексоновскую эпоху — в период, предшествовавший гражданской войне 1861–1865 годов, а затем и после него, в период, который часто называют второй либерально-демократической революцией, и как эволюционировала элитология этого периода. В этот период на первый план выступила проблема отмены рабства — проблема, которая раньше не решалась, как бы загонялась внутрь, чему способствовал страх перед возможным расколом страны. Но проблема сохранения рабства на части территории страны представляла собой непреодолимый барьер на пути социально-политического развития страны, на пути развития демократии. Как неоднократно говорил великий американский демократ А. Линкольн, страна не может оставаться наполовину свободной и наполовину рабовладельческой[38]. Причем для Линкольна и руководимой им Республиканской партии этого

[36] Токвиль А. Демократия в Америке. С. 232.

[37] Там же. С. 496.

[38] The Collected Works of Abraham Lincoln. N.Y., 1905. Vol. 2. P. 461.

периода была характерна идеология социального эгалитаризма, лозунг которого был «цивилизация свободного труда». Он отмечал, что большинство американского народа составляют независимые предприниматели и фермеры, которые работают на себя, что труд как ценность стоит выше капитала, которым распоряжается меньшинство общества. Линкольн определял демократию как «управление народа, посредством самого народа, для народа». Это классическое определение демократии некоторые политологи приписывают самому Линкольну, некоторые утверждают, что эта знаменитая формула была выдвинута до него, но главное, что она выражает сущность его политических взглядов.

Разгром южных плантаторов привел к дальнейшей демократизации политической системы США. Период, называемый реконструкцией, привел к определенным сдвигам в структуре политической элиты США. На юг устремились те северяне, которые постарались возглавить процесс трансформации Юга по модели политсистемы Севера, сделать политическую карьеру и, прежде всего, обогатиться (недаром их называли «саквояжниками»). Процесс трансформации Юга был в значительной степени подчинен интересам элит, возвысившихся благодаря победе в Гражданской войне. Роль народных масс в политическом процессе, сыгравших решающую роль в победе северян в Гражданской войне, была принижена, на первый план выдвинулись интересы элиты северян. Изменились идеологические установки Республиканской партии, эгалитаристские элементы в них вытеснялись элитаристскими. Это относится и к идеологии Демократической партии. Эти изменения получили отражение в сделке Республиканской и Демократической партий, получившей название компромисса 1877 года. В социально-политическом процессе возобладали интересы элиты промышленного и банковского капитала. Большой бизнес доминировал не только в экономике, но и в политической власти как в периоды правления Республиканской, так и Демократической партий. Сильно увеличился разрыв между новой элитой и основной массой населения, капиталистическая элита получила преобладающее влияние на политический процесс. В структуре элит экономическая элита заняла доминирующее место, оттеснив политическую элиту. Американский историк П. Берч отмечает, что в конце XIX века представительство социально-экономической элиты в высших эшелонах государственной власти к концу 70-х годов превысило 80%, к концу 90-х — 86%, а к 1913 году превысило

90%[39]. Причем это изменение в структуре элит носило не конъюнктурный, а долговременный характер, ведущая роль экономических элит сохранилась на всем протяжении XX века.

Элитология США в XX веке. Мы уже отмечали противостояние двух тенденций в американской политической мысли — элитаристской и антиэлитаристской (с сильным вкраплением эгалитаризма), отражающих реальное противостояние элиты и масс. В последнюю четверть XIX – первую четверть XX века (и позже) оно приняло форму противостояния либерально-консервативной, индивидуалистической идеологии (неограниченная свобода частной собственности, невмешательство государства в социо-экономический процесс), непосредственно выражавшей интересы капиталистической элиты, и эгалитарно-демократического либерализма, продолжавшего традиции Джефферсона, Джексона, Линкольна, подчеркивавших принцип равных возможностей как стержня политической культуры США и выступавших за недопущение крайнего неравенства в структуре населения. С идеологическим оправданием первой тенденции выступали, в частности, сторонники социал-дарвинизма, такие как У. Самнер[40], которые считали наиболее удачливых капиталистов и особенно финансовых магнатов «естественной элитой» общества, победителями в конкурентной борьбе, а социальные низы — побежденными в силу своей «меньшей приспособленности». Выразителем второй тенденции в рассматриваемый период выступил социал-реформизм, видный представитель которого Л. Уорд, в отличие от большинства других сторонников психологического направления в социологии, считал, что разделение людей на элиту и массу обусловлено не различием врожденных способностей индивидов, а является следствием того, что представители различных социальных страт поставлены в неравные условия и обладают неравными возможностями (в частности, в области образования), тогда как принципы социальной справедливости и демократический менталитет американского народа требуют создания для каждого равных возможностей «продвигаться наверх», сделать карьеру, достичь элитного статуса[41].

---

[39] Burch P. Elites in American History. Vol. 2. N.Y., 1981. P. 320–321; Согрин В.В. Цит. соч. С. 169

[40] Sumner W. What Social Classes Owe to Each Other. N.Y., 1920.

[41] Ward L. Applied Sociology. A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. N.Y., 1906.

Процесс усиления власти капиталистической элиты, магнатов финансового капитала, превратившихся в фактическую несменяемую элиту США, вызвал сильную массовую оппозицию. Громкие разоблачения публицистов и социологов (Л. Стеффенс, Т. Лоусон и др.), названных апологетами финансовой элиты «разгребателями грязи», показали, что крупнейшие состояния в США (Рокфеллера и др.) нажиты во многом при помощи грязных махинаций. Полемика о роли экономической элиты, прежде всего магнатов финансового капитала, продолжалась и в 50-е годы. Дж. Чемберлен утверждал, что видные американские писатели, такие как Дж. Лондон, Ш. Андерсон, Т. Драйзер, С. Льюис, очень неглубоко трактовали образы лидеров американского бизнеса, чернили их. Профессор Гарвардского университета Н. Грас стал инициатором переписывания американской экономической истории с позиций подчеркивания творческой роли промышленных и финансовых магнатов США. Э. Сэвет писал в журнале «Форчун», что те «злоупотребления в практике бизнеса», которые, возможно, имели место, были «побочным продуктом огромных усилий людей, которые... совершили чудеса в области материальных достижений». Один из виднейших американских историков А. Невинс, защищая магнатов финансового капитала как творцов американской экономической мощи, писал, что Рокфеллер, например, благодаря своему организационному гению, своему упорству в достижении цели, проницательности ума и твердости своего характера вырисовывается как одна из наиболее выдающихся личностей того столетия, в котором он жил». С этими историками резко полемизировал с марксистских позиций американский публицист Г. Аптекер, писавший, что, с точки зрения этих «историков бизнеса», Рокфеллер создал нефтяную промышленность, Карнеги — сталелитейную, Гульд построил железнодорожную сеть, Морган развил финансы, а «безликая масса, именуемая бедняками или неудачниками, жила в трущобах и представляла собой предмет филантропических забот героев». И далее: «Величие нашей страны создано трудом масс, которые заставляют землю плодоносить, а машины — производить продукцию»[42].

Во всяком случае антимонополистические настроения масс в этот период были накалены и влияли на общественное мнение. Сторонники реформаторского крыла в Демократической партии

[42] Аптекер Г. Лауреаты империализма. М., 1955. С. 40, 78.

требовали усиления антимонополистического законодательства, совершенствования системы замещения элитных государственных должностей на принципах меритократии. Реформаторское течение возникло и в Республиканской партии. Такие политики, как Р. Лафоллет, такие социологи, как Л. Уорд, выступали за усиление эгалитаристских тенденций, заложенных Т. Джефферсоном, Э. Джексоном, А. Линкольном, за расширение демократических прав масс, ограничение власти финансовой олигархии.

Впрочем, на деле реформистский курс, проводимый президентом-демократом В. Вильсоном, отнюдь не ослабил финансовую олигархию. Объективно политика реформаторов работала на экономическую элиту, роль которой возрастала не через конфронтацию с массами, а, напротив, через определенные компромиссы, уступки массам, от которых элита выиграла гораздо больше, чем если бы проводила конфронтационную политику. Как пишет представтель президента РФ по правам человека В.П. Лукин, «практическое претворение в жизнь передовых гуманиститческих концепций о правах и свободах человека продвигалось достаточно медленно, поэтапно, часто в ожесточенной борьбе различных социальных слоев. Относительная свобода и защищенность от произвола суверена и государственного аппарата на протяжении большей части человеческой истории вплоть до начала XX столетия были доступны абсолютному меньшинству людей: как правило, только лицам мужского пола, достигшим совершеннолетия и представлявшим аристократию, военную, экономическую, церковную элиту общества. Таким образом, институциолизация прав человека происходила "сверху вниз" социальной лестницы, от элиты ко все более широким слоям населения. Даже в наиболее передовых странах мира этот процесс полностью закончился только во второй половине XX столетия»[43].

В период республиканских президентов консервативного крыла У. Гардинга, К. Кулиджа, Г. Гувера (1921–1933 гг.) роль социально-экономических элит еще более укрепилась, ее представительство на высших государственных постах составило 80%[44]. Позиции американских левых политиков значительно ослабли.

---

[43] Лукин В.П. Права человека и вызовы XXI столетия // Перспективы цивилизации. Философские проблемы: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2009.

[44] Согрин В.В. Цит. соч. С. 214.

Положение существенно изменилось в период кризиса 1929–33 годов, который американцы называли «Великой депрессией». Выход из глубочайшего кризиса предложил президент Ф.Д. Рузвельт и его «мозговой трест». Это был знаменитый «новый курс» — спасение американского капитализма путем глубоких реформ, прогрессивного налогообложения корпораций и перераспределения национального дохода в пользу широких народных масс. Характерно, что американский высший класс, прежде всего экономическая элита, напуганная реформаторскими планами Рузвельта, увидевшая в них угрозу своим привилегиям, была в своем большинстве оппозиционно настроена к нему. Рузвельт доказал, что миссия политической элиты, особенно в годы кризиса, — видеть дальше, чем это делают сами представители класса, интересы которого она объективно выражает (а вместе с тем интересы страны в целом), что «новый курс» был оптимальным путем к стабилизации американской социально-политической системы. Этот курс предложил модель отношений элиты и масс, в которой противоречия не перерастают в конфликт, в социальную революцию, а разрешаются путем компромиссов, модель, которая вышла за временные рамки «нового курса» и продолжает существовать и поныне.

Нужно отметить, что благосостояние масс США с 30-х по 70-е годы XX столетия росло несколько более быстрыми темпами, чем обогащение высшего класса (впрочем, это нельзя сказать об экономической сверхэлите — мультимиллионерах, миллиардерах — и тем более о появившихся во второй половине XX века мультимиллиардерах). Если социологи и политологи больше используют категории «высший класс», «высший–средний», «средний», «низший средний», «низший», то американская экономическая статистика использует деление на пять квинт. В 80-е годы — годы «консервативной волны» — доходы высшей квинты возросли более быстрыми темпами, чем остальных, особенно низшей квинты, в 90-х годах этот рост был более равномерным. Причем экономическая элита — сверхбогачи, финансовые магнаты, топ-менеджеры крупнейших корпораций — это особая, специфическая группа, они не просто на несколько порядков богаче остальных страт, это люди, живущие в своем мире, они отгорожены от остальных оградами своих имений, закрытых аристократических клубов, закрытых элитарных учебных заведений, со своей элитарной субкультурой, формируемой фамильными связями (элита США отличается сложным переплетением фамильных связей, наподобие тех, отме-

чает социолог и экономист Ф. Ландберг, которые связывали старинные аристократические семьи Европы: не случайно в США издается «светский регистр», где перечислены «избранные»). В их аристократические клубы (социологический анализ которых дал известный американский социолог и политолог У. Домхофф) порой принимаются представители верхушки политической элиты, отдельные «герои потребления», чьи имена у всех на слуху, идолы массовой культуры, получающие гонорары в сотни миллионов долларов, преуспевающие интеллектуалы. Но основу сверхэлиты составляют «старые деньги» Северо-Востока США (новые сверхбогачи — нувориши Запада и Юга принимаются не сразу). Естественно, эти люди не могут не привлекать внимание социологов, политологов, экономистов, исследующих этот феномен, то есть элитологов.

Американская школа элитологии сформировалась позже европейской школы. Ее основные направления начинают формироваться в 30–40-х годах XX века, после того как в США были переведены и изданы в 30-х годах основные труды В. Парето и Г. Моски, вырос интерес к элитологической проблематике, тогда и получил распространение сам термин «элита» (причем ряд американских политологов счел этот термин недемократическим, что в демократическом обществе предпочтителен термин «лидерство»). Предшествующие исследования политических, экономических и др. элит не носили системного характера и могут быть названы протоэлитологией.

В 30–40-е годы создается несколько центров элитологических исследований в США. Основателем одного из них, на наш взгляд, самого плодотворного, был Г. Лассуэлл (1902–1978). Многие современные элитологи США считают Лассуэлла своим учителем. В 20–30-х годах он работал в Чикагском университете, затем — в Йельском и Нью-Йоркском. В области теоретической политологии он попытался синтезировать бихевиористский и фрейдистский подходы к политической науке, создать единую интегрированную политологию, ориентированную не на кабинетные, а на полевые исследования. В предисловии к книге Лассуэлла «О политической социологии» известный американский политолог Д. Мэрвик называет Лассуэлла «пионером изучения политики как научной дисциплины»[45]. И с тем большим правом мы назовем его

[45] Lasswell H. On Political Sociology. Chi. & L., 1977.

пионером изучения политической элитологии и безусловным лидером либеральной трактовки элитизма[46].

Лидером другой школы был профессор Нью-Йоркского университета Дж. Бернхэм, предложивший технологическое обоснование элитаризма. В своем программном произведении «Менеджерская революция» (1940) пропагандируемой коммунистами социалистической революции он противопоставил революцию менеджеров, которая приведет к власти «новый правящий класс» — элиту управляющих. К этой элите он относит президентов, председателей советов, директоров крупнейших корпораций, а также лидеров правительственных институтов; он признает, что пропагандируемая им социально-политическая система (государственно-монополистический капитализм) может быть названа «типом корпоративной эксплуатации», менеджерская элита «эксплуатирует остальное общество»[47]. В другой своей работе он обосновывает макиавеллиевскую школу элитаризма[48].

Ряд американских элитологов считает сердцевиной американского элитаризма понятие «истеблишмент». Собственно, сам термин «истеблишмент» появился в Англии в середине XX века, его ввел историк А. Тейлор, называя этим словом «тех, кто ест иную пищу, чем другая часть населения, имеет свою привилегированную систему образования... свои институты — видимые и невидимые». Вскоре термин пересек океан и укоренился в американской элитологии. «Что такое истеблишмент? — задают вопрос исследователи этого феномена супруги Л. и М. Силк. — Многие видят в нем группу влиятельных людей, живущих преимущественно на Северо-Востоке страны и постепенно теряющих свое влияние, богатство и власть в пользу поднимающихся новых элит Юга и Запада». Термин «истеблишмент» подразумевает моральное лидерство. Гарвард и некоторые другие элитные университеты Северо-Востока прекрасно отвечают этим требованиям. «Образованные джентльмены — выпускники Гарварда создают рафинированную элиту». Американский истеблишмент «возник из белой англо-саксонской

[46] Исследования элиты занимали центральное место в наследии Лассуэлла. Его главные элитологические труды: Power and Personality. N.Y., 1948; The Comparative Study of Elites (with D. Lerner & E. Rothwell). Stanford, 1952; World Revolutionary Elites (ed. with D. Lerner). Cambridge (Mass.), 1965; Elite Analysis and the Contextual Approach, in: On Political Sociology, Chi. & L., 1977.

[47] Burnham J. The Managerial Revolution. N.Y., 1941. P. 80–125.

[48] Burnham J. The Machiavellians: Defenders of Freedom. N.Y., 1943.

аристократии, стал более разнообразным этнически и двигался в сторону меритократии»[49].

Начиная с 50-х годов XX века наиболее влиятельным направлением в политологии и социологии стал плюрализм. В начале 50-х годов такие его главные представители, как Д. Рисмен и др., считали, что термин «элита» — недемократический, предпочитали ему термин «лидерство», утверждали, что в США элита отсутствует. Позже Р. Даль, исходя из теории о совместимости элиты и демократии, выдвинул идею «полиархии»: множества центров власти в плюралистическом обществе.

В 50-х – начале 60-х годов XX века наиболее ярким американским элитологом стал Р.Миллс. Это был леворадикальный социолог, лидер американских «новых левых», критик американской политической системы. Подвергался резкой критике, если не сказать травле, со стороны ряда своих коллег — консервативных, а порой и либеральных социологов и политологов, рано умер. Ныне наиболее влиятельным американским элитологом левого толка, близким к неомарксизму, предпочитающим понятию «элита» термин «правящий класс», является профессор Калифорнийского университета У. Домхофф.

В 70-х годах в американской элитологии возникает направление, которые многие политологи называют «неоэлитизмом». Его представители — Т. Дай, Х. Зайглер и ряд других — критикуют плюралистическую интерпретацию американской политической системы, считая элиту атрибутом любой социальной структуры, и рассматривают американскую политическую и экономическую элиты как наиболее квалифицированные элиты в мире[50]. Но полемика по проблеме структуры политической власти и политических элит в США будет рассмотрена в последующих главах.

---

[49] Silk L. & Silk M. The American Establishment. N.Y., 1978. P. 5–7, 21, 32.

[50] По вопросу сравнения российской и американской элитологических школ см.: Согрин В.В. Российская политическая элита и американский опыт // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

ГЛАВА

8 ЭЛИТА: ПОНЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Рассмотрев генезис элитарных концепций, их причудливую эволюцию и попытавшись их типологизировать, мы можем перейти к основному — их содержательному анализу. И начать анализ той или иной концепции лучше всего с выявления содержания термина, являющегося для нее центральным, — термина «элита» (хотя мы и не склонны преувеличивать значения дефиниций, понимая, что они — только моменты, узлы теории). Не случайно, что сравнительные исследования социально-политических систем многие социологи и политологи начинают с анализа их элит, в концентрированном виде отражающих сущность, специфику той или иной политсистемы, а также с уточнения понятия элиты. Такой подход в определенной мере оправдан, с положением об особой важности исследований элит в любых социально-политических системах можно согласиться при условии, что их роль не будет абсолютизироваться, роль субъекта социально-политического процесса не будет отводиться целиком элитам, как это имеет место у ряда элитологов начиная с Г. Моски.

Известные специалисты по политической социологии М. Доган и Дж. Хигли в книге по компаративным исследованиям современных элит пишут, что политические режимы обычно рождаются в условиях кризиса, который влечет за собой острую конфронтацию политических элит, и характер этих элит неминуемо накладывает свой отпечаток на весь политический режим. Отметим, что для обоснования этого тезиса авторы обращаются к опыту России XX века, где советский режим был рожден в революционном кризисе 1917 года, постсоветский — в кризисе 1991 года[1], связывая с этими поворотными пунктами в истории России возникновение новых типов элит.

В XX веке понятие элиты прочно вошло в социологические и политологические словари. Вошло, несмотря на многочисленные возражения со стороны целого ряда социологов, целого ряда

[1] Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Ed. by V. Dogan and J. Higley. N.Y.; Oxford, 1998. P. 3, 4.

направлений социально-политической и социологической мысли. Прежде всего это возражения со стороны марксистов, многие из которых избегают употреблять этот термин, считая, что он не «стыкуется» с марксовой теорией классов и классовой борьбы (кстати, эта точка зрения, на наш взгляд, ошибочна), не говоря уже о явно догматичном убеждении, что если какая-то теория не совпадает с теорией марксизма, то она не верна. В советской литературе встречались и другие возражения против употребления этого термина: если он обозначает господствующий эксплуататорский класс, то он не несет никакого нового содержания, если же с его помощью классовая дифференциация общества подменяется дихотомическим делением элита-масса, то он ненаучен, к тому же он противоречит этимологии термина «элита»; считать, что у власти находятся «лучшие» люди — значит скатиться на позиции апологии власть имущих. Однако подобная постановка вопроса, ведущая к элиминированию элитологической проблематики, неминуемо ведет к обеднению анализа политических систем[2].

Но возражения против правомерности этого термина раздаются не только со стороны марксистов, но и среди части сторонников теории политического плюрализма, полагающих, что термин «элита», годный для характеристики примитивных политических систем, неприменим при анализе современных демократических структур. Единственное исключение они делают для анализа тоталитарных структур, когда дихотомия элита-масса может оказаться эвристической, как, в частности, полагают английские политологи С. Мор и Б. Хендри, не без основания утверждающие, что теории элиты приложимы к коммунистическим политсистемам, где власть сосредоточена в руках руководства компартий, образующих авторитарную элиту, контролирующую все стороны социальной жизни[3].

Наконец, против этого термина высказываются радикальные демократы, считающие, что наличие в обществе элиты означает узурпацию ею власти у народа (или хотя бы части этой власти); они

---

[2] Ашин Г.К. Социология человеконенавистничества. М., 1957; Его же. Миф об элите и массовом обществе. М., 1966. В работах 70–80-х гг. автор переходит к признанию правомерности и необходимости термина «элита» при анализе политических процессов (Ашин Г.К. Элита и господствующий класс // Вопросы философии. 1983. № 2; Его же. Современные теории элиты. М., 1985).

[3] Moore S. and Hendry B. Sociology. Suffolk, 1982. P. 146.

полагают, что уже само делегирование народом власти лишает его части суверенитета (собственно, эту мысль высказывал еще Руссо, считавший, что делегируя суверенитет, народ лишается его). Но тут неминуемо возникает вопрос о технической возможности управлять обществом без элиты. Известно, что Р. Михельс, а за ним большинство современных элитологов дают отрицательный ответ на этот вопрос.

Элитарные концепции явились отражением объективного исторического процесса, в котором прогрессивные изменения инициировались прежде всего творческим меньшинством общества. Их возникновение относится к ранним этапам человеческой истории. Низкий уровень развития производительных сил общества заставлял людей трудиться на пределе своих возможностей, почти не оставляя им свободного времени, без которого не может реализовываться свободное развитие человека. Но такое положение не означало консервации одних и тех же примитивных форм человеческой организации. Социальная эволюция нашла выход из этого положения, безусловно тормозившего прогресс. Развитие человеческой индивидуальности, развитие творческих потенций человека оказались сфокусированными в определенной группе людей — элите, которая и выступила важным инструментом общественного прогресса, его катализатором.

Однако положение осложнялось тем, что эти немногие, обладающие свободным временем (за счет эксплуатации подавляющего большинства общества), часто были далеко не лучшими или наиболее способными людьми. В сословном обществе человек выполнял только те социальные роли, которые были следствием его происхождения, его классово-сословной принадлежности. Поэтому порой наиболее одаренные индивиды не могли себя проявить, реализовать свои творческие потенции, что, естественно, замедляло прогресс человечества. С развитием товарно-денежных отношений, с разрушением сословных перегородок расширились возможности проникнуть в элиту для наиболее способных, одаренных людей с инновационными способностями, хотя все равно эти возможности остались неравными. В лучших условиях находятся выходцы из наиболее обеспеченных семейств, занимающих высшие ступеньки социальной иерархии. Собственно, стремление элиты передать привилегии, создать своим детям лучшие стартовые возможности в определенной степени, по-видимому, естественны. Однако на протяжении человеческой истории пробивала себе

дорогу тенденция, расширяющая возможности для наиболее способных личностей (независимо от их социального положения) пробиться в элиту, получить возможность реализовать свои творческие потенции, внести максимальный вклад в развитие человечества. Эта тенденция с особой силой проявила себя в постиндустриальном, информационном обществе.

Спор о термине. Обсуждая проблему элиты, мы сразу же столкнемся с острыми дискуссиями, в центре которых стоят два главных вопроса, связанных, во-первых, с пониманием этого термина, с дефиницией, с законностью его употребления и, во-вторых, с вопросом о соотношении элиты с другими категориями, раскрывающими социальную структуру и динамику общества — понятиями массы, класса, страты, лидерства и, прежде всего, с соотношением элиты и господствующего класса. Причем мы обнаружим целый калейдоскоп самых различных толкований этого термина.

На XIX Всемирном философском конгрессе в секции политической и социальной философии, где в числе других вопросов обсуждалась и проблема политической элиты, справедливо отмечалось, что все говорящие и пишущие об элите интуитивно понимают, о чем идет речь, но как только они пытаются эксплицировать это понимание, так неминуемо возникают разногласия, обнаруживается огромный разброс мнений и точек зрения, порой диаметрально противоположных.

Есть и чисто терминологические возражения, касающиеся того, что неправильно и даже аморально применять термин «элита», этимология которого не допускает сомнений в том, что имеются в виду лучшие, наиболее достойные люди по отношению к власть имущим, среди которых мы чаще видим людей циничных, неразборчивых в средствах, жестоких; недаром Ф. Хайек писал в «Дороге к рабству», что «у власти оказываются худшие»[4]. Возникает вопрос: можно ли применять термин «элита» по отношению к власть предержащим, среди которых слишком часто оказываются наиболее изворотливые, честолюбивые люди, готовые ради своего властолюбия к любым, самым беспринципным компромиссам.

Но хотя все эти возражения имеют определенные основания, сам по себе отказ от термина, который отражает определенную

[4] Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 187.

социально-политическую реальность, определенное социальное отношение, неконструктивен. Раз существует определенное явление — особая роль правящего меньшинства в социально-политическом процессе, значит нужен и соответствующий термин, фиксирующий его. Иное дело, что Парето ввел не самый удачный термин, но искать ему замену на другой — «правящая верхушка», «господствующий класс», «правящее меньшинство», «господствующие слои», «контролирующее меньшинство» и т.д. — мало что дает, ведь это будет спором о словах. В этой связи вспоминается позиция Б. Рассела, который, ссылаясь на Ф. Бэкона, говорил о том, что достаточно уточнить термины, чтобы элиминировать большинство споров, которые и ведутся из-за разного понимания слов. Итак, бессмысленно вести спор о словах, гораздо плодотворнее дискуссии не терминологические, а содержательные, прежде всего, о месте и роли элиты в социальной структуре общества, о том, определяет ли она социальный процесс, является ли она внеклассовой социальной группой, выражающей интересы общества в целом, как настаивает ряд авторов, или же это верхушка господствующего эксплуататорского класса, осуществляющая государственное руководство во имя поддержания социальной системы, которая ставит этот класс в привилегированное положение, позволяя эксплуатировать народные массы.

Этимология термина и его применение. Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *eligere* — выбирать; в современной литературе термин получил широкое хождение от французского *elite* — лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века он употреблялся (купцами, в частности) для обозначения товаров наивысшего качества. В XVIII веке его употребление расширилось[5], он начинает употребляться для наименования «избранных людей», прежде всего высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей [6]. С XIX века это понятие стали использовать также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных для их дальнейшего разведения. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам

[5] Elites in Latin America. Ed. by S. Lipset & A. Solary. Oxford, 1967. P. VII.

[6] Bottomore T. Elites and Society. L., 1964. P. 7; Ippolito D., Walker T., Kolson K. Public Opinion and Responsible Democracy. New Jersey, 1976. P. 122.

в системе социальной иерархии[7]. Тем не менее отметим, что понятие «элита» не применялось широко в общественных науках вплоть до начала XX века (т.е. до появления работ В. Парето), а в США — даже до 30-х годов прошлого столетия. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт, а отчасти и результат определенной социальной концепции. Что же такое элита? Выше уже отмечалось, что при ответе на этот вопрос в построениях элитаристов мы не только не обнаружим единодушия, но, напротив, натолкнемся на целый ряд суждений, порой опровергающих одно другое. Похоже на то, что элитаристы сходятся только в одном — в постулировании необходимости элиты для общества и ее соотносительности с понятием массы как неэлиты. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем согласия.

Ряд элитологов, в том числе российских, различает широкую и узкую трактовку понятия элиты. В широком смысле элита — высший слой в любой социально-политической системе, обеспечивающий ее интеграцию и выполняющий управленческие функции (как, например, аристократия в традиционных обществах). При таком подходе элита — внеисторическая категория, атрибут любого общества. Когда говорят об элите в узком (или собственном) смысле этого слова, включают исторический вектор в развитии правящих классов и социальных групп. В рамках этого подхода элиты возникают на определенном периоде развития общества, в определенных условиях, когда происходит переход от сословного общества к классовому, когда аристократия уступает место элите и последняя становится «институционализирующим институтом современного общества», причем становящимся институтом[8]. Это период Нового времени, возрастания роли народных масс в историческом процессе, демократизации общества, возникновения гражданского общества, создания конкурентной среды для достижения элитных позиций, когда принципом рекрутирования элиты является уже не столько предписанный статус (прежде

---

[7] Об этимологии термина см.: Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ // Элитизм в России: за и против / под ред. В.П. Мохова. Пермь, 2002. С. 29–30.

[8] Дука А.В. Региональные элиты Северо-Запада России. СПб., 2001. С. 50; Мохов В.П. Элитизм и история. Пермь, 2000. С. 10; Ашин Г.К. Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

всего происхождение) и даже не столько богатство само по себе, сколько личностные достижения, способности, высокий профессионализм. Для элиты, как правило, характерна высокая степень интегрированности, солидарности в сфере своих групповых интересов.

Интересно соотнести термины «элита» и «аристократия». Они во многом синонимичны. Как правило, под аристократией понимается принадлежность к высшему классу или слою по праву рождения (что близко понятию статусной элиты). Однако еще в античности употреблялось понятие «аристократии духа», не имеющее отношение к генеалогии (аналог — продуктивная элита, элита достижений). Впрочем, сам термин «элита», как уже было отмечено, возникает в условиях, когда рекрутирование в нее имеет тенденцию определяться не просто принадлежностью к привилегированному классу или слою, а именно личностными качествами, интеллектом, творческими достижениями (подробнее речь об этом будет идти в следующей главе, где анализируется исторический подход к элите).

Если суммировать основные значения, в которых термин «элита» употребляется социологами и политологами, то получится весьма пестрая картина. Начнем с определения Парето, который, собственно, и ввел это понятие: это лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности («Трактат о всеобщей социологии»), это «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества», «так называемые высшие классы», составляющие элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова *aristos* — лучший)... «большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть». Среди других определений отметим следующие: наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть; организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством (Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре); «высший господствующий класс», лица, обладающие в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством, лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством

над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн); люди, обладающие наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), люди, обладающие формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Кёллер); «боговдохновленные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройнд); харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) (В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма); наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интеллигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма); люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан); руководящий слой в любых социальных группах — профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров и проституток) (Л. Боден). В любом случае дихотомия элита-масса является для элитистов ведущим методологическими принципом анализа социальной структуры.

Приведем еще одно из последних обобщенных определений элиты, которое дают социологи А. Сванн, Дж. Мэнор, Э. Куинн, Э. Райс: «Элиты по определению — люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества, чем любая другая страта общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита — люди, которые занимают высшие

властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж»[9]. Эти авторы считают, что обычно их число составляет около одного процента от численности населения (другие элитологи дают и иные цифры — от 2 до 5%).

Сравним эти определения. Сразу же бросается в глаза смешение терминов: некоторые под элитой понимают только политическую элиту, у других трактовка элиты более широкая. Дж. Сартори справедливо пишет не только о множестве смыслов термина, но и о переизбыточности терминов: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящее меньшинство и т.п. А подобная переизбыточность ведет только к путанице. Прав А. Цукерман, отмечающий в этой связи: «Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием»[10]. Поэтому задача видится не в том, чтобы ввести еще один термин, а чтобы четко определить понятие, ставшее наиболее распространенным, — понятие элиты, ввести его со строгим, однозначным содержанием.

Существующие в политологии дефиниции различаются между собой и с точки зрения широты понятия элиты. Сторонники более узкого определения относят к элите только высший эшелон государственной власти, сторонники более широкого — всю иерархию управленцев, выделяя высшее звено власти, принимающее решения, жизненно важные для всей страны, среднее звено, принимающее решения, значимые для отдельных регионов, отдельных сфер социальной деятельности, и, наконец, разветвленный бюрократический аппарат. Чтобы иерархизировать структурные элементы элиты, С. Кёллер вводит понятие «стратегических элит». Появился и термин «суперэлита» или элита в системе элит. По отношению к низшим структурным уровням элиты предлагается термин «субэлиты», региональные элиты и т.д. Наконец, в самой политической элите следует различать правящую и оппозиционную элиты (если это «системная» оппозиция, борющаяся за власть в рамках данной политической системы) и контрэлиту, имеющую целью изменение всей политической системы.

Попутно сделаем еще некоторые уточнения. Отмечая наличие разных точек зрения на содержание термина «элита», нельзя пройти

[9] Current Sociology. L., 2000. Vol. 48. P. 46.

[10] Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80.

мимо своеобразной позиции американского социолога Р. Миллса, бывшего одним из лидеров «новых левых». Большинство западных политологов считают его элитаристом и сторонником институционального подхода к элите. Они склонны игнорировать специфику позиции Миллса. Последний признавал деление современного американского общества на элиту и массу, но это признание оборачивалось у него страстным обличением элитарности политической системы. И когда американские политологи, в частности Д. Гилберт и И. Кал, считают Р. Миллса и Ф. Хантера теоретиками элит в противоположность теоретикам плюрализма[11], тут нельзя не возразить. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько правомерно употребление американскими и западноевропейскими политологами термина «элитарист» в отношении всех исследователей, принимающих схему элита-масса. Следует различать аналитический и нормативный подходы к делению общества на элиту и массу и применять термин «элитарист» лишь к тем, кто (подобно Ортеге-и-Гассету) видит свой идеал в элитарной общественной структуре. Миллс же, признавая элитарность американской социально-политической системы, критикует ее как недемократическую (или, скажем мягче, недостаточно демократическую). Нетрудно видеть, что его идеал далек от элитаризма. Скорее следует употребить по отношению к Миллсу более нейтральный термин — «элитолог».

Как мы убедились, подходы социологов и политологов различных направлений и ориентаций отличаются большой пестротой. Но если все же попытаться сгруппировать все эти различные определения, то выявятся два главных подхода к данной проблеме: ценностной и структурно-функциональный. Сторонники первого подхода объясняют существование элиты «превосходством» (прежде всего интеллектуальным, моральным и т.д.) одних людей над другими; приверженцы второго подхода — исключительной важностью функций управления для общества, которые и детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции (причем выполнение данных функций с необходимостью осуществляется меньшинством). С. Келлер также полагает, что «две главные перспективы характеризуют прошлые исследования элит: моральная и функциональная. Первая перспектива концентрируется на моральном превосходстве определенных индиви-

[11] Gilbert D., Kahl J. The American Class Structure. Belmont, 1992. P. 191.

дов, вторая — на функциональной роли социальных страт». Однако обе эти главные интерпретации элитизма страдают существенными пороками. Этого не могли не заметить многие исследователи политический элит, такие, например, как Т. Боттомор, С. Кёллер, У. Рансимен. Именно Келлер отметила, что морализаторский подход легко деградирует в мистицизм, тогда как функциональный оборачивается тавтологией[12]. Поясняя эти положения, Рансимен пишет: «Если правящая элита определяется как совокупность лучших правителей, подобно тому, как элита шахматистов — это лучшие игроки, то сказать, что элита должна состоять из лучших правителей — не более, чем тавтология. Если, с другой стороны, элита включает тех, кому удалось занять правящие позиции, то тогда говорить, что они управляют потому, что обладают соответствующими качествами, — почти полностью неправда».

В самом деле на вопрос, кто обладает властью в том или ином обществе, элитарист функциональной ориентации обычно отвечает: тот, кто имеет власть, главным образом потому, что возглавляет определенные институты власти. А ведь подлинная проблема в том, чтобы объяснить, почему определенная элитная группа овладела властными позициями. Можно по-разному относиться к марксизму, но как раз в этом отношении он четко сформулировал проблему, попытавшись выявить, как экономически господствующий класс, владеющий средствами производства, оказывается и политически господствующим классом, то есть классом, осуществляющим политическую власть. Что же касается тесно связанного с функционализмом институционального подхода, широко распространенного в политологии и социологии, трактующего элиту как группу лиц, которые занимают руководящие позиции в важнейших социальных и политических институтах — правительственных, экономических, военных, культурных, то он грешит абсолютизацией формального механизма власти, непониманием его социально-классовой природы.

Из многочисленных критериев для выделения элиты функционалисты подчеркивают один, причем действительно важнейший. Дж. Сартори называет его альтиметрическим; элитная группа является таковой потому, что располагается по вертикальному разрезу строения общества — «наверху». Итак, согласно альтиметрическому

[12] Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. Wan Brunswick, 1991. P. 5.

критерию, саркастически замечает Сартори, предполагается, что кто наверху, тот и властвует, — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху. Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей. В связи с этим функциональный подход оказывается весьма уязвимым для критики с позиций тех социологов, которые отдают примат другому критерию выделения элиты — критерию достоинств, заслуг, согласно которому властвующая элита должна состоять из достойнейших, выдающихся, высокоморальных людей.

Однако ценностная интерпретация элиты страдает, на наш взгляд, не меньшими недостатками, чем структурно-функциональная. На вопрос, кто правит обществом, элитарист ценностной ориентации может дать ответ: мудрые, дальновидные, достойнейшие. Однако любое эмпирическое исследование правящих групп в любых существующих ныне (и существовавших ранее) политических системах с легкостью опровергнет такое утверждение, ибо покажет, что слишком часто это — жестокие, циничные, коррумпированные, корыстолюбивые, властолюбивые, не брезгующие для достижения своей цели никакими средствами лица. Но если требования мудрости, добродетельности для элиты — норматив, который начисто опровергается действительностью, тогда — пусть нас простят за каламбур, — какова ценность ценностного подхода? Обычно элитарист консервативной ориентации прокламирует в качестве своего идеала совмещение этого норматива с действительностью (таков был и идеал Платона) и, как следствие этого, совмещение формального и неформального авторитетов. Однако идеал этот с самого начала отягощен рядом предрассудков и стереотипных установок, ибо добродетельных, мудрых он почти всегда ищет в представителях господствующих классов (как это, собственно, и делал Платон). К тому же стабильность социальной системы — действительный идеал консерваторов — требует преемственности элиты, а для наиболее откровенных реакционеров это — переход элитных позиций от отцов к детям с минимальными возможностями доступа к ним «аутсайдеров».

Стремление элитаристов представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, легко оборачивается открытой апологетикой элиты. Если

подобные суждения можно простить мыслителям древности, то со времени Макиавелли они не могут не звучать наивно. Это особенно относится к современным исследователям элит, которые могут достаточно ясно видеть, сколь высок среди представителей элиты процент людей лживых, лицемерных, аморальных, ловких, изворотливых, беспринципных искателей власти. Можно задать сторонникам ценностного подхода к элите вопрос: почему среди правящей элиты процент выходцев из имущих классов во много раз превосходит процент выходцев из неимущих? Неужели среди меньшинства населения — богатейших людей, владельцев основных средств производства — и следует искать самых достойных, мудрых, способных? Права С. Кёллер, которая пишет, что подобные взгляды «близки к мистицизму». Для того, чтобы считать, что именно представители властвующей элиты являются наиболее достойными, высокоморальными членами общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление.

Сторонники «морализаторского» подхода к определению элиты — Билен-Миллерон и другие — вынуждены различать «хорошую» и «плохую» элиты. Естественно, «морализаторы» испытывают определенные неудобства от того, что правящая верхушка даже передовых демократических стран разительно отличается от рисуемого ими идеализированного портрета «благородной элиты». Недаром в свое время П. Сорокин и У. Ланден, сами не вполне свободные от подобного «морализаторского» подхода, исследуя элиты индустриального общества, сделали однозначный вывод об «аморальности верхов»[13].

Похоже на то, что ценностный или меритократический критерий выделения элиты оказывается чисто нормативным, не коррелирующимся с социологическими данными (таким образом, он оказывается в поле политической философии, а не политической социологии). И не случайно, что Г. Лассуэллу, взявшему у Парето термин «элита», пришлось менять акценты. Если у Парето термин носил и альтиметрический характер (элита — «высшие классы», «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества») и вместе с тем ценностной характер (элита — «наиболее квалифицированные» люди, «обладающие качествами, которые обеспечи-

[13] Sorokin P., Lundon W. Power and Morality. Boston, 1959.

вают им власть»), то Лассуэлл очищает термин от ценностных критериев, определяя элиту как людей, обладающих наибольшей властью. Но, избавившись, казалось бы, от одной трудности, Лассуэлл не только не избавился, а, напротив, усугубил другую трудность. Если мы ограничиваемся чисто альтиметрическим подходом, отвлекаясь от качеств правящих групп, то какое право мы имеем называть их элитой, т.е. лучшими, избранными? Как пишет Сартори, «почему надо говорить «элита», совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т.е. выражает в силу своей семантической значимости? Далее, если «элита» уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить, в свою очередь, искажение концептуальное. Если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, если мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие как терминологически, так и концептуально между *властной структурой* и *элитной структурой*. Не все контролирующие группы являются по определению... «элитными меньшинствами»; они могут представлять собой просто «властные меньшинства»[14]. Сам Сартори, обнаруживая недостатки и функционального, и ценностного подходов к элите и обсуждая проблему их синтеза, склоняется в целом ко второму.

Можно ли утверждать, что в общем ценностная интерпретация элитизма оказывается апологетикой элиты? Нет, это не так. Но она превращается в апологетику, когда ряд элитологов выдает должное за сущее. Иногда это — сознательная идеологизация элит-массовых отношений, иногда подобная аберрация происходит на уровне подсознания элитологов, иногда это — следствие того, что они находятся под влиянием магии самого термина, подталкивающего элитолога к тому, чтобы признать элиту как действительно «лучших».

Отметим при этом, что ценностной подход может вылиться не в апологетику, а, напротив, в критику элиты, в выявление несоответствия ее с нормативом и, таким образом, в программу повышения качества элиты. Поэтому многие политологи считают, что в этом — путь развития и даже путь спасения демократии. Как считает американский политолог В. Ки, решающим элементом,

[14] Сартори Дж. Цит. соч. С. 82.

от которого зависит благополучие демократии, является компетентность политической элиты: «Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку или катастрофе, то это именно идет отсюда». Близкую мысль высказал Д. Белл: «Оценка способности общества справиться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа».

Как мы убедились, аксиологический подход к проблеме (элита — совокупность индивидов, обладающих преимуществами по определенной ценностной шкале) оказывается уязвимым; сами элитаристы этого направления вынуждены признать, что часто это ценности с отрицательным знаком. Поэтому ныне большая часть элитологов склонна рассматривать элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к моральным и иным качествам самих этих лиц. Таков, в частности, подход «макиавеллиевской» школы элитаристов, отождествляющих, вслед за Моской, элиту с правящим классом. Но, вместо того чтобы объяснить, как и почему экономически господствующий класс становится политически господствующим, они рассматривают политические отношения в качестве первичных, определяющих все другие общественные отношения. В результате причина и следствие у них меняются местами. Отметим также, что ряд элитаристов (Ф. Ницше, Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, Т. Адорно) в противоположность трактовке элиты как группы, находящейся у власти, (это в их представлении обычно псевдоэлита или вульгарная элита — несамостоятельная, нуждающаяся в массе и потому подверженная массовым влияниям, развращенная массой), считает элиту ценностью в себе безотносительно к ее позициям власти. Более того, по их мнению, духовная, подлинная элита стремится отгородиться от масс, обособиться и тем сохранить свою независимость, уйти в своего рода «башню из слоновой кости», чтобы сохранить свои ценности от омассовления. Иллюстрацией подобных взглядов может служить известный роман Г. Гессе «Игра в бисер». Не менее интересна позиция Р. Миллса, который, различая властвующую и духовную элиту, искал путей к достижению подотчетности первой по отношению ко второй.

Небезынтересно продолжить рассмотрение длящихся не одно десятилетие споров элитологов относительно содержания понятия элиты. Полемика по этому вопросу велась на ряде международных социологических и философских конгрессов, конгрессов политических наук, где отмечалась произвольность иррационалистической трактовки элиты (в том числе харизматической), попыток

трактовать элиту как группу индивидуумов, обладающих определенными (превосходящими) психологическими характеристиками, «комплексом превосходств по уму, характеру, способностям» (Ля Валет). На IV Всемирном социологическом конгрессе (где имело место длительная дискуссия по проблемам элитологии), отмечалось, что дихотомическое деление элита-масса слишком поверхностно отражает структуру социально-политических систем. В докладе Ж. Ляво на этом конгрессе содержалось весьма примечательное признание: «Приходится удивляться тому, что социологическое исследование отталкивается от такого неточного, малообъективного и двусмысленного понятия, каким является понятие элиты. Добавление прилагательного «политическая» не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетическую общность людей, отличных от масс, термин «элита» имплицитно отсылает нас к многочисленным социальным философиям, стремящимся оправдать и распространить весьма неточную и "морализирующую" концепцию социальных различий». Тем не менее (и это характерно) после столь уничтожающей критики докладчик призвал не отказываться все же от понятия «правящая элита», полезного, как он отметил, в качестве исследовательской гипотезы.

«Какова ценность этого мнимонаучного понятия? — задал вопрос другой докладчик, Дж. Мейсел. — Следует ли отнести теории элиты к области донаучных? Или же их следует рассматривать исключительно в духе сорелевского мифа?»[15] Признавая консервативную ориентацию большинства элитистов, он заметил, что «понятие элиты поистине ниспослано самим господом Богом» всем тем, кто жаждет вступить в бой против гипердемократии и социализма, «этих утопий-близнецов». Дж. Кетлин в своем выступлении заметил, что «термин носит оценочный, а не научный характер». Собственно, подавляющее большинство участников дискуссии указывало на неопределенность термина «элита», но опять-таки не для того, чтобы от него отказаться, а чтобы внести необходимые уточнения. Дж. Сартори сделал это уточнение следующим образом: «В широком смысле элита — высшее руководство, то есть все, занимающие высокое положение и призванные к лидерству. Элита — синоним политической элиты. Ни одно понятие лучше, чем это, не подходит для определения правящего класса» (ниже мы постараем-

[15] См. подробнее: Maisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite". Univ. of Michigan Press, 1962.

ся доказать, что отождествление элиты и правящего класса неправомерно. — *Г.А.*). Ю. Пеннати выразил согласие сразу с двумя дефинициями: Монзела (элита — «малая группа, которая в большой социальной группе считается способной к управлению и лидерству, которая обладает внешними атрибутами власти и утверждается в результате определенного выбора или общественной оценки») и Стеммера (элита — «квалифицированное меньшинство, правящий класс в иерархически организованном обществе»). Упоминавшийся выше Ж. Ляво заключил: «Строго говоря, слово «элита» может пониматься не абсолютно, а лишь относительно; это понятие означает совокупность избранных или выдающихся индивидуумов определенной социальной группы (например, элита дворянства). Хотя критерии этого отбора продолжают оставаться неопределенными, по-видимому, это высокие качества человека»[16].

Как видим, критика термина «элита» выливается всего-навсего в его уточнение, которое делается опять-таки либо в ценностном, либо в функциональном плане. Большинство элитологов решительно отстаивают правомерность употребления понятия элиты. Так, французский социолог Л. Боден считает, что «слово элита сохранило весь свой престиж... Элита представляет собой группу, совершенно отличную от других. Ее даже едва ли можно назвать классом. Элита — это качество, воля, мораль. Она выдвигает проблему, которая должна решаться в условиях любых социально-экономических режимов, и будущее человечества зависит от этого решения».

Из нашего краткого обзора споров о понятии элиты можно сделать вывод о том, что как ценностная, так и функциональная интерпретации этого понятия не свободны от серьезных недостатков. Признавая это, С. Кёллер видит выход в том, чтобы примирить обе эти концепции, делая в высшей степени спорное допущение, что соединение двух неистинных концепций может дать одну истинную, во всяком случае находящуюся ближе к истине, более полную. Кёллер предлагает «анализировать властные функции элиты независимо от того, успешно или безуспешно выполняются эти функции»[17], отвлекаясь от качеств их носителей, то есть по суще-

---

[16] Transactions of the Fourth World Congress of Sociology. L., 1959. Vol. 1, 2.

[17] Keller S. Op. cit. P. 5. Хотелось бы отметить, что Кеплер с профессиональным интересом следила за процессом радикальных преобразований в Восточной Европе и России в конце 80-х — начале 90-х гг. Она писала: «Весьма впечатляющее зрелище — наблюдать процесс, как новые элиты возникают из коллапса системы, как Феникс из пепла» (P. XII).

ству воспроизводит в несколько модернизированном виде функциональную трактовку элиты. Напротив, Сартори, выявляя возможности синтезировать эти подходы, склоняется к ценностной, меритократической интерпретации. Он считает, что альтиметрическая (структурно-функциональная) характеристика элиты страдает недостатком «семантического свойства, искажая самый смысл первоначального понятия элиты, и если не провести разграничение терминов "властное меньшинство" и "элитное меньшинство" (первое — альтиметрическое, второе — меритократическое), то неизбежно окажутся перепутаны и оба явления»[18].

Кто же прав? Ясно, что эклектическое соединение двух концепций оказывается нежизнеспособным паллиативом. И уж если бы пришлось выбирать одну из двух приведенных выше концепций, политолог, на наш згляд, должен был бы предпочесть альтиметрическую модель. Попытаемся это обосновать. Будем иметь в виду, прежде всего, многозначность термина «элита», и, во-вторых, что существуют разные типы элит; причем критерии выделения этих элит могут быть различными. При выделении, например, культурной элиты «работает» ценностной критерий. Иное дело, когда мы вычленяем политическую элиту. Тут мы вынуждены обращаться к альтиметрическому критерию, ибо, если мы будем руководствоваться критерием ценностным, элитология может... лишиться своего предмета! Ибо, что греха таить, реальные власть имущие — это далеко не образцы морали, далеко не всегда «лучшие». Так что если в соответствии с этимологией термина, элитой считать лучших, избранных, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае подавляющее большинство их. Тогда в каком же смысле можно употреблять термин в политологии? По-видимому, именно в альтиметрическом, функциональном.

Среди видов элит различают статусную и достиженческую элиту или правящую и продуктивную. К продуктивной элите, считает С. Глазьев, «относятся лучшие представители нации, создающие возможности для ее развития, носители интеллектуального и производственного потенциала страны. Продуктивная элита работает, обеспечивая общественное благосостояние и социально-экономическое развитие. Правящая элита осуществляет власть, которая может употребляться как во благо общества, так и во вред. В зави-

[18] Сартори Дж. Цит. соч. С. 82.

симости от сочетания продуктивной и правящей элит достигается разное качество управления обществом. Когда правящая элита состоит преимущественно из представителей продуктивной элиты, обеспечивается компетентное управление обществом, власть используется для общего блага в целях максимализации возможностей социально-экономического развития. Когда же властвующая элита замыкается на обслуживание собственных частных интересов, продуктивная элита оказывается невостребованной, а сама власть употребляется во вред обществу»[19].

Наконец, мы говорили о том, что нужно различать в структуре политологии политическую философию и политическую социологию (наряду с другими политологическими дисциплинами, например политической психологией, политической историей и т.д.). Так вот, в рамках политической философии, поскольку она носит нормативный характер, следовало бы предпочесть ценностной, меритократический критерий, а в рамках политической социологии мы вынуждены, увы, ориентироваться главным образом на альтиметрический критерий. Разумеется, что не следует абсолютизировать различение политической философии и политической социологии. Мы согласны с одним из ведущих российских элитологов А.В. Дукой в том, что анализ реальности насыщен теорией, а теоретические положения проверяются (в частности, в элитологии) политической жизнью, что в этом отношении иерархии текстов не существует[20].

При подобном подходе уместно сослаться на Гегеля, который различал два вида истины: одна как соответствие мысли об объекте самому этому объекту, и вторая — истина более высокого порядка — как соответствие конкретного объекта понятию этого объекта. Спроецируем этот подход на элитологию. Тогда истиной первого порядка будет констатация того, что определенные люди занимают ведущие позиции во властных институтах общества и вследствие этого пользуются наибольшим влиянием в обществе и являются политической элитой. Истиной второго порядка будет суждение о том, что подлинная элита — та, которая соответствует понятию элиты (как вытекает из самой этимологии термина), —

---

[19] Глазьев С. «Продуктивная» и «правящая» элиты // Политическая элита: ежегодник. 2003. С. 12.

[20] Элиты и власть в российском социальном пространстве / под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 4.

это лучшие, мудрейшие, безупречные в нравственном отношении члены общества, являющиеся референтной группой, на ценности которых ориентируется общество.

Заметим при этом, что, если принять ценностные критерии, мы будем вынуждены различать и даже противопоставлять друг другу «элиту де-факто» и «элиту в себе», и тогда задача создания оптимальной политической системы превращается в задачу сделать «элиту в себе» «элитой де-факто». Или (что, в сущности, выражение этой же мысли другими словами) следует различать формальную элиту, которая должна оказывать наибольшее воздействие на принятие стратегических для общества решений, на социально-политический процесс в целом, и элиту неформальную, элиту в себе, отвечающую нравственным критериям элиты (государственная мудрость, честность, неподкупность), думающую прежде всего о благе общества, а не о своих партикулярных интересах — это как раз и есть ум, честь, совесть своей эпохи, что Ленин безосновательно приписывал партии большевиков.

Однако, сторонники функционального подхода сталкиваются с не меньшими затруднениями, чем приверженцы ценностной ориентации, ибо они вынуждены допустить, что один и тот же человек, обладая капиталом и властными ресурсами, считается членом элиты (в частности, экономической), а лишившись этих ресурсов, перестает быть таковым, то есть элита — не он, а его кресло, его деньги.

Мы уже отмечали, что у элитологов в ходу две трактовки понятия «элита» — в широком и узком смысле этого слова. В широком смысле слова под элитой имеют в виду любой господствующий класс в любой исторической эпохе, в этом смысле говорят о первобытно-общинной элите, об элите античного общества (в этом смысле термин «элита» полностью совпадает с термином «аристократия»). Это еще один синоним термина «господствующий класс». Но гораздо интереснее и продуктивнее употребление термина «элита» в узком смысле этого слова, когда мы его связываем с определенным историческим контекстом, с периодом Нового времени, когда отживает и ликвидируется сословное деление, в котором употребление термина «элита» не очень уместно, потому что к элите (опять-таки в нормативном смысле — «лучшим, избранным») придется тогда отнести любого потомка лица, занимающего элитную позицию, даже если это будет заурядный человек, а тем более выродок, мерзавец, он попадает в элиту по предписанному

статусу. С отменой сословного деления термин «элита» все более приближается к нормативному смыслу этого слова. Право входа в «элитный клуб» все более связывается не столько со статусной позицией того или иного человека (ascribed status), сколько с его личностными качествами, интеллектом, способностями, заслугами, то есть его статус все более становится не предписанным, но достигнутым (achieved status), причем, как правило, завоеванным в конкурентной борьбе (таким образом, наполняется содержанием термин «избранный», «отборный», избранный, например, населением, электоратом)[21].

Споры о термине в российской элитологии. Особо следует сказать о дискуссиях по проблемам элиты в нашей стране. В советской научной литературе термин «элита» впервые вводится во второй половине 50-х годов. Вводится, так сказать, через «черный ход», а именно — через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (насквозь идеологизированный жанр). Иначе говоря, речь могла идти лишь об элитах в капиталистических странах, причем в негативном контексте. Известно, что в советское время элитологическая проблематика применительно к анализу социальных отношений в нашей стране была табуирована. Официальная идеология утверждала, что в СССР нет эксплуатации человека человеком, следовательно, нет и не может быть господствующего эксплуататорского класса, нет и не может быть элиты. Это было ложью: при советской власти существовала высшая социальная страта (а элиту можно рассматривать как высшую страту в системе социальной стратификации), выполнявшая управленческие функции, обладавшая институциональными привилегиями, то есть всеми атрибутами элиты, пусть элиты весьма специфической. Как показал

[21] Очень точно формулирует эту проблему М.Н. Афанасьев, который отмечает, что при употреблении понятия «правящая элита» обычно оговаривают, «что оно не несет оценочного смысла и лишь констатирует наличие правящего меньшинства, которое всегда есть в обществе. Но тогда слово «элита» выступает по сути дела просто синонимом «правящего слоя» или «господствующего класса». Тогда вопрос, является ли это властвующее меньшинство элитой или нет, теряет смысл. А спросить, между прочим, хочется... Это интуитивное стремление обусловлено самой этимологией слова «элита». Такое несовпадение этимологии и обычного применения термина примечательно. Представляется очень неудобным употреблять слово, значение которого прямо связано с оценкой, и всякий раз при этом оговариваться, что употребляется оно не в оценочном смысле» (Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997. С. 255).

М. Джилас, особенность этой элиты, этого «нового класса» заключалась прежде всего в том, что эксплуатация им народных масс осуществлялась не посредством частной собственности на основные средства производства, а посредством коллективной собственности этого класса (причем в этой собственности находилось и само государство). И дихотомия элита-масса вполне «работала» при анализе социально-политическорй структуры так называемых «социалистических» стран. Не случайно цензура не допускала применения термина «элита» по отношению к странам, считавшимся социалистическими. Элитологический анализ правящих слоев социалистических стран проводился зарубежными советологами и политическими эмигрантами — А. Авторхановым, М. Джиласом, М. Восленским[22].

Любой господствующий класс идеологически оправдывает и обосновывает свое господство. Советская элита, этот «новый класс», пошла дальше, она, как отмечал Восленский, скрывала само свое существование, в советской идеологии этого класса не существовало. Считалось, что в СССР были только два дружественных класса — рабочие и колхозники, а также прослойка интеллигенции. И особенно тщательно эта элита скрывала свои привилегии: спецраспределители, спецжилье, спецдачи, спецбольницы — все это было возведено в ранг государственной тайны.

Дискуссии об элите, о смене элит, об их качестве, о самом термине «элита» применительно к политическому руководству России, о том, является ли постсоветская элита сложившимся социальным слоем или же она находится в начале своего формирования, широко развернулась в нашей стране в 90-е годы.

Так, известный российский социолог Ж.Т. Тощенко решительно возражает против того, чтобы нынешних правителей России называли элитой[23]. И в аргументах, подкрепляющих эту позицию, нет недостатка. Как можно называть элитой в ее истинном значении людей, чье правление привело к драматическому ухудшению жизни населения, к сокращению его численности? Тогда, может быть, это — образцы морали? Увы, это — одна из наиболее коррум-

---

[22] Авторханов А.Г. Технология власти. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

[23] Тощенко Ж.Т. Как же назвать тех, кто правит нами? // Независимая газета. 1988. 31 декабря; Его же. Парадоксальный человек. М., 2008.

пированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа. В этом — главная причина отчуждения, существующего между народом и элитой. Свое «вхождение во власть» эти люди достаточно трезво рассматривают как временное и соответственно действуют как временщики, озабоченные прежде всего быстрым личным обогащением. Побыв во власти и вылетев из нее, они оказываются обычно весьма богатыми людьми, крупными акционерами банков и корпораций, владельцами солидной недвижимости. Значительная часть их — бывшие партийные и комсомольские номенклатурщики, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать конъюнктуру, с легкостью поменявшие свои убеждения; часто это бывшие «теневики», затем легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым. Причем этим людям очень нравится, когда их называют «элитой». Это щекочет их самолюбие. Так правомерен ли по отношению к ним термин «элита»? Может быть, правильнее называть их правящей группой или кланом? Но тогда тот же подход следует применить и к политической элите других стран, также не отличающейся высокой нравственностью. Не будет ли тогда этот спор спором о словах, спором терминологическим? Если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае подавляющее большинство их. Попадут сюда А. Эйнштейн, А.Д. Сахаров, А. Швейцер, мать Тереза, но не попадут действующие политические лидеры. Тогда в каком же смысле можно употреблять этот термин в политической науке?

Подход политического социолога отличается от подхода культуролога. Культурологи обычно применяют термин «элита» к выдающимся деятелям культуры, к творцам новых культурных норм, иногда он выступает как синоним «аристократии духа». Для политического социолога элита — та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти, которая осознает общность своих интересов как привилегированной социальной группы и защищает их. Поэтому суждения о том, что мы в России много десятилетий XX века жили без элиты, ибо лучшие люди были уничтожены или томились в концлагерях, находились в эмиграции или «внутренней эмиграции» — суждения, которые можно часто встретить в литературе последних лет, — это суждения нравственные, аксиологические, но не политологические. Раз имел

место властный процесс, он осуществлялся определенными институтами, определенными людьми, как бы мы их ни называли; именно в этом функциональном смысле (а не морализаторском) политолог употребляет этот термин, безотносительно к моральным, интеллектуальным и иным качествам элиты.

Большой интерес представляет вопрос о религиозной трактовке элиты. Ввиду огромного количества литературы по этой проблематике ограничимся взглядами Православной церкви. Какими видит Церковь миссию элитарной части общества, ее роль и задачи? Особую важность представляют суждения по элитологическим проблемам в целом и, в частности, по вопросу о понятии термина «элита» митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, ныне Патриарха РПЦ. В статье «От социальной элиты к аристократии духа» он пишет: «В церковном словаре нет слова "элита". Это светское понятие, тогда как для традиционного сознания ближе понятие аристократии. По сути, эти два слова — синонимы. Обычно под аристократией понимается принадлежность к привилегированному слою по праву рождения, однако есть и особая разновидность аристократии — это аристократия духа. Конечно, в наше время такое словосочетание звучит непривычно, и подавляющее большинство людей предпочитает говорить об элите, но в семантической основе обоих понятий лежит идея отбора, избранности. Очевидно, что в структуре общества возможно вычленить определенную его часть — круг наиболее известных, наиболее одаренных личностей, руководящих другими людьми или достигшими успеха в различных областях деятельности.

На протяжении российской истории слой общества, который сегодня принято называть элитой, претерпел немало драматичных, подчас трагических коллизий. Мы знаем, что правители России порой склонны были прибегать к таким методам, как выкорчевывание традиционных политических элит и насаждение на их месте новых. Достаточно вспомнить царствование Иоанна Грозного или преобразования Петра I, когда по воле монарха в элиту вошли новые люди. В начале XX века потомственная аристократия, в составе которой были представители разных народов, сменилась новым руководящим слоем, в значительной своей части принадлежавшим к простым русским людям. В элиту начали приходить не по праву родства и крови, не по принадлежности к сословию, но благодаря собственным успехам, в первую очередь в экономической сфере. Динамично развивавшиеся в России капиталисти-

ческие отношения содействовали тому, что элита страны стала пополняться за счет людей, которым удалось успешно справиться с новыми историческими задачами: не только преумножить собственное богатство, но и содействовать росту благосостояния нации.

Спустя некоторое время в связи с революционными событиями произошла новая смена элит, которая сопровождалась большой кровью, изгнанием из России многих лучших людей страны.

Еще одна трансформация устоявшейся элиты произошла в последние десятилетия, когда партийно-правительственная номенклатура частично пополнилась, частично была заменена новыми людьми, пришедшими из политической и экономической сфер, причем если некоторые из них достигли впечатляющих успехов в созидательной работе, то другие олицетворяли собой торжество в общественной жизни принципов нигилизма и нравственного релятивизма. Следует отметить, что процесс смены элит в конце XX века в России и в Восточной Европе отличается характерной особенностью: нынешнюю элиту в основном составляют те, кто и при предшествующем политическом строе принадлежали к правящему слою, и даже если не входили в узкий круг лиц, принимающих решения, то все-таки занимали достаточно высокое положение в иерархии власти.

...В восприятии массового сознания минувшее десятилетие (имеется в виду 90-е годы. — *Г.А.*) связано, в частности, с процессом дезинтеграции страны и глубоким системным кризисом, но вместе с тем именно эти годы были временем формирования новой российской элиты... нынешний расхожий взгляд на элиту весьма мало соответствует принципам традиционной нравственности. Ведь у нас принято считать, что элита — это те, кто успешны, узнаваемы, живут в роскоши и имеют возможность безнаказанно совершать бесчестные и аморальные поступки. Словом, элита — это люди, которым дозволено все то, что не дозволено простому смертному... В результате люди подчас стремятся войти в элиту — политическую, экономическую, творческую — в немалой степени ради того, чтобы, приобретя деньги, власть и славу, присоединиться к "кругу избранных", привилегированному классу, которому общество готово прощать многое и чей потенциал вседозволенности значительно выше, чем у простых людей.

Церковь имеет совершенно иной взгляд на проблему того, кого следует считать лучшей частью общества... Служение — вот ключевое слово в церковном понимании того, кого следует именовать

истинной аристократией духа... Труд ради ближнего и стремление к духовному совершенству, самоограничение и самопожертвование суть те качества, которыми в Православии всегда характеризовались наиболее достойные... Собственно, истинной «элитой» рода человеческого Церковь всегда почитала святых»[24].

Но вернемся к нашим светским проблемам, к рассмотрению содержания термина «элита» в социально-политической литературе. Можно согласиться с мнением известного элитолога О.В. Гаман-Голутвиной о том, что понятие «элита» является одним из самых употребительных в политическом и социально-экономическом лексиконе и одновременно одним из наиболее спорных[25], что обусловлено и многозначностью термина, употребляемого в различных областях социальных наук (политологии, социологии, культурологии). Это — люди, обладающие наибольшими властными политическими и экономическими ресурсами, их важнейшая функция — принятие стратегических социально-политических решений. В социологии — это лица, занимающие наивысшие позиции в социальной иерархии, в культурологии — наиболее достойные по личностным качествам и достижениям.

Ответ на интересующий нас дискуссионный вопрос, на наш взгляд, связан с необходимостью различать в структуре политологии политическую философию и политическую социологию (наряду с другими политологическими дисциплинами, такими как политическая психология, политическая история и т.д.). Специфика политической философии заключается не только в том, что она представляет собой наиболее высокий уровень обобщения политической жизни общества, но и в том, что она делает упор на нормативность политических процессов, тогда как политическая социология описывает и объясняет прежде всего реальные политические процессы, которые порой весьма далеки от нормативных. Так вот, в рамках политической философии, именно поскольку она носит преимущественно нормативный характер, следовало бы предпочесть ценностной, меритократический критерий, а в рамках политической социологии мы вынуждены, увы, ориентироваться главным образом на альтиметрический критерий.

---

[24] Политическая элита: политический ежегодник. 2003. С. 60–63.

[25] Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди России 2003. М., 2003. С. 36.

Идеальная модель политической элиты — совпадение функционального значения термина с его аксиологическим значением. Элитология не может ограничиваться только политологическим подходом к определению элиты, для нее характерен более широкий социально-философский подход (напомним, что политическая элитология только специфическая часть элитологии, наряду с экономической, культурологической и т.д.). Подлинная элита — та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации. Компетентность, профессионализм — conditio sine qua non, непременное, но недостаточное и даже не главное качество подлинной элиты, главное же — ее моральные качества, готовность ставить интересы общества выше своих личных и групповых интересов, руководствоваться ими, жить ими. Это люди, глубоко уважаемые народом, им не нужны чины и звания для поддержания своего авторитета. Это патриоты своей страны, готовые к самопожертвованию во имя ее интересов, которые обладают стратегическим мышлением, могут предвидеть, сформулировать программу действий и обеспечить ее реализацию. Ее призвание — служение народу в самом высоком смысле этого слова. Поэтому часть общества, профессионально выполняющая функции управления обществом, не всегда подлинная элита, это может быть и квазиэлита.

Мы можем с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнить роль интегратора его интересов, не является образцом высокой морали; эту «элиту» правильнее назвать «и.о. элиты», т.е. она выполняет функции элиты, не будучи действительно элитой. Не случайно многие российские социологи и политологи считают, что подлинные элиты у нас не сложились, их заменяют кланы, клики.

Реальность не совпадает с нормативом. Порой именно для этой страты общества характерна коррупция, злоупотребление властью, использование своего высокого социально-политического статуса для собственной выгоды, вопреки интересам народа. Еще раз вспомним известные слова лорда Актона: «The power corrupts. Absolut power corrupts absolutely». (Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно.) Увы, это полностью относится

и к российской «элите, для которой характерно своекорыстие, коррумпированность, барский образ жизни при нищенском существовании огромной массы населения.

Вопиющее неравенство между социальными «верхами» и малообеспеченным большинством особенно опасно для России, пережившей столько революций и других социальных взрывов. Но оказывается, у нашей «элиты» плохая историческая память. В странах Скандинавии коэффициент дифференциации доходов (отношение 10% самых богатых и 10% самых бедных) не превышает 3–4,5. У нас этот разрыв в 2009 году зашкаливает за цифры 16–17. Законодательные и правящие органы не нашли или не захотели найти устойчивых каналов защиты интересов трудящихся. Среди «высшей» страты мы видим не только экономическую элиту, но и политическую, и высокопоставленное чиновничество — тех самых людей, которые и обязаны заботиться о благосостоянии народа. Но именно эти социальные группы демонстрируют свой эгоизм, они заботятся прежде всего о своем благосостоянии. Эта так называемая «элита» — одна из самых коррумпированных страт общества. Она не стесняется демонстрировать свое высокомерное отношение к простому народу, она ухитряется быть «более равной», чем другие, даже там, где по самому определению должно быть равенство, например, в соблюдении правил дорожного движения: «простые» автомашины должны уступать дорогу машинам с «мигалками». В час пик по Можайскому шоссе, Кутузовскому проспекту, Новому Арбату, пока обычные граждане вынуждены стоять в часовых пробках, крупные чиновники, многие депутаты Федерального Собрания пролетают по разделительной полосе. Когда эта «элита» возвращается с работы к себе на Рублевское шоссе, надолго перекрывается движение по этой магистрали, ущемляя интересы тысяч простых людей, унижая их достоинство. А народ терпит эту элиту хамов. Этот, в сущности, мелкий вопрос неплохо обнажает подлинное отношение элиты к «простому народу». Люди, избранные народом для того, чтобы принимать законы, должны быть примером для других граждан. Но депутаты и сенаторы не считают нужным жить согласно законодательству нашего государства. Право обгона «простых» машин элитными к тому же создает опасности для жизни людей. Собственно, так было и при советской власти, когда «слуги народа» в своих «членовозах» проезжали мимо автобусных остановок, на которых толпились «хозяева страны» в ожидании переполненных автобусов и троллейбу-

сов[26]. Нечто подобное было и в дореволюционной России. Но нынешняя элита говорит о создании гражданского общества и даже выставляет себя его горячим поборником. Только трудно отделаться от подозрения, что этой элите не нужно гражданское общество, которое отменит привилегии этой самой элиты, будет ее жестко контролировать[27], ей нужно «карманное» гражданское общество, квазигражданское, ровно такое же, как его квазиэлита.

В условиях мирового кризиса 2008–2009, больно отразившегося и на населении нашей страны, ее политико-административная элита должна быть особенно ответственной перед народом, разделять с ним тяготы, причиненные этим кризисом. Увы, в России этого не случилось. Вот несколько примеров, показывающих, как далека эта «элита» от народа, каков ее моральный уровень. 9 января 2009 года вместо упорной работы по преодолению последствий кризиса группа высокопоставленных чиновников, в числе которых был представитель президента в Государственной Думе, устроила себе «интенсивный» отдых. Они, взяв вертолет, полетели в Алтай на охоту на животных, занесенных в «Красную книгу». Известно, что охота на таких животных — преступление. Но, оказывается, она запрещена для «простых людей», а для «элиты» должны быть сделаны исключения. Но эти люди, считая себе представителями «элиты», надеялись на то, что никто ничего не узнает. Но вертолет потерпел крушение, были жертвы. Скандал стал достоянием широкой публики. Впрочем, правоохранительные органы подолгу сохраняют молчание, не принимают адекватных мер. Еще один пример. В самом начале кризисного 2009 года группа депутатов законодательного собрания Приморья решила обсудить путь выхода России из кризиса. А местом этого заседания был выбран... дорогостоящий

---

[26] Наша пресса неоднократно обращалась к этой проблеме. Президент, премьер министры неоднократно выносили решения по этому вопросу, был и специальный указ президента, но каждый раз эффект был весьма куцым, число машин с «мигалками» временно уменьшалось, но затем каждый раз все возвращалось на круги своя (см. статью в газете «Аргументы и факты» за № 50 от 2008 г. с характерным заголовком «Мигать они на нас хотели!»).

[27] Хотелось бы сказать об оценке нашей элиты не элитологом, а журналистом, замечательной, героической женщиной, которая постоянно боролась с квазиэлитой, — Анны Политковской, убитой в 2006 г. киллером в подъезде собственного дома. Знакомясь с российской литературой по элитологии, она сделала вывод: «У нас нет элиты. Есть начальники...» В 2009 г. к близкому выводу пришла Е. Альбац в радиопередаче «Сказано на Эхе»: «Элиты у нас нет, это те же самые рабы, только с большими деньгами».

горнолыжный курорт в Японии. Они сочли это лучшим способом экономии валюты. Что ж, с такой «элитой» Приморский край, несомненно, быстро преодолеет кризис...

Обобщая сказанное, мы приходим к выводу, подтверждающему, что следует отличать философский и культурологический подход к элите от подхода политологического. С позиций первого подхода элита — наиболее творческая, талантливая, пассионарная часть человечества; элитность — ценность в себе, безотносительно к позициям власти, это элита качества. Думать, что элиту можно назначить или сделать ее таковой посредством избрания (даже всенародного) — нонсенс. Этот момент очень точно понимал великий шотландский поэт Роберт Бернс: «Король лакея своего / назначил генералом. / Но он не может никого / назначить честным малым». Можно назначить кого-то министром или топ-менеджером. Но он не станет благодаря этому человеком элиты в подлинном смысле этого слова, не станет умнее или компетентнее. Как у того же Бернса: «Вот этот шут — природный лорд, / Ему должны мы кланяться. / Но пусть он чопорен и горд, / бревно бревном останется». Лучшее решение в этой ситуации — совпадение элиты качества и формального статуса элиты, подобно тому, как социология лидерства пришла к выводу о том, что лучший тип лидерства — в котором совпадает формальное и неформальное лидерство.

С позиций большинства политологов и специалистов по социологии политики атрибут элиты — принадлежность к власти, высокое политическое положение, наличие ресурсов власти; но при этом они отвлекаются от качества элиты, от ее нравственных характеристик. Какой же подход предпочтительнее? Опять позовем на помощь Р. Бернса: «При всем при том... / судите не по платью. / Кто честным кормится трудом, / таких зову я знатью». Между прочим, рассматриваемая нами проблема возвращает нас к платоновской постановке вопроса о философах-правителях...

Промежуточным результатом наших поисков будет дефиниция исследуемого понятия. В политологии *элита — высшая страта в системе стратификации* (независимо от оснований этой стратификации), управляющая подсистема в иерархизированной системе. В нормативном плане это — *доминантное меньшинство общества, являющаяся референтной группой для большинства общества, модель поведения, формальный и неформальный авторитет.*

Политическая элита — высокоинтегрированная (хотя и существующая в условиях жесткой внутренней конкуренции) социальная

группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества, группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегическое решения. Это группа, как правило, сплоченная, связанная взаимными интересами по сохранению общественно-политической системы, которая обеспечивает ей привилегированное положение в обществе.

В правящую элиту, помимо политической элиты, включающую людей, занимающих высшие позиции в институтах власти, входит экономическая элита, контролирующая материальные и финансовые ресурсы общества (эти две элитные группы могут конкурировать в борьбе за верховенство). В информационном обществе в состав правящей элиты могут (и должны) входить (хотя реально входят на вторых ролях) научная, культурная (в том числе медийная, она же медиократия) элиты.

Элиты формируются (рекрутируются) на основе принятых в обществе ценностей — высоким личным достижениям, компетентности в управленческой деятельности (достиженческий статус) или на основе предписанного статуса (богатство, происхождение, членству во влиятельных группах, кланах). Достиженческий статус элиты превалирует в открытых обществах, предписанный — в закрытых.

Понятие «элита» в социологических исследованиях (операциональный уровень термина). Завершить тему, связанную с понятием элиты, нам не удастся, если мы не спустимся с высот политологической теории к эмпирическим социологическим и политологическим исследованиям элит. Иначе говоря, нам необходим переход с концептуального на операциональный уровень.

Известный нам Т. Дай пишет: «Наша первая задача — ...разработать операциональное определение элиты, чтобы мы могли идентифицировать (по именам и по позициям) тех людей, которые обладают в Америке огромной властью»[28]. А тут социологов ждут новые трудности. Тот же Сартори (как ранее и английский политолог А. Гидденс) пишет, что неумение усмотреть и четко различать концептуальный и эмпирический подходы, как и неумение заняться ими в должном порядке — прежде концептуальном, затем эмпирическом — породило «невообразимую путаницу» в литературе об элитах.

[28] Dye T. Op. cit. P. 10.

Большинство политологов, ведущих эмпирические исследования элит, обращаются к альтиметрическому критерию. Профессор Мичиганского университета С. Элдерсфельд, стремясь приложить понятие элиты к эмпирическим исследованиям, пишет, что тут требуется понятие элиты в широком смысле, включающем не только лидеров, принадлежащих к высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах города, округа, штата, а также активистов партий, деятелей местного масштаба. Собственно, против этого трудно возразить, об этом социологи знают уже несколько десятилетий, по крайней мере, со времени известных работ Ф. Хантера и Р. Даля (кстати, остро полемизировавших друг с другом). Если политолог исследует только высший эшелон власти, включающий общенациональных политических лидеров и администраторов, он использует узкое понимание термина. Да и сам Элдерсфельд проводит сравнительное исследование элит США, Англии, Швеции, Нидерландов, ФРГ, Италии, Франции, беря 1500 высших служащих государственного аппарата и парламентариев этих стран[29] (т.е. четко выраженный альтиметрический подход).

Т. Дай в книге «Кто управляет Америкой?», ставя перед собой задачу выработать операциональное определение элиты, пишет, что в нее входят «индивиды, занимающие высшие позиции в институциональной структуре США»[30]. В другой книге, написанной им совместно с Х. Зиглером, говорится: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах — в корпорациях и правительственных учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти»[31]. В элиту США включаются высшие политические лидеры, руководители промышленности, финансов, владельцы средств массовых коммуникаций, в общем, «те, кто распределяет ценности внутри

[29] Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М., 1992. С. 3.

[30] Dye T. Who's Running America. N.J.: Prentice Hall, 2002. P. 11, 12.

[31] Элдерсфельд С. Цит. соч. С. 3.

нашего общества, и они же влияют на жизнь всех американцев». Ее численность — порядка пяти-семи тысяч человек. Критерий отнесения к элите, как видим, также альтиметрический.

Соглашаясь с тем, что альтиметрический (он же позиционный, часто его называют также функциональным) подход к элитам «работает» в рамках политической социологии, необходимо сказать и о его ограниченности, о необходимости дополнить его другими подходами и методами.

В современной социологии при выявлении того, кого можно отнести к элитам (причем разного уровня, от государственного до регионального и местного), используются три основных метода: позиционного анализа, репутационный и метод анализа принятия важнейших стратегических решений[32].

Позиционный анализ исходит из предположения, что конституции и официальные государственные институты, а также важнейшие негосударственные институты с их формальной иерархией дают адекватную картину иерархии властных отношений. Так полагают Т. Дай и его коллеги, считающие, что те, кто занимает высшие посты в институтах власти, определяющим образом влияют на политические события и являются элитой.

Позиционный, альтиметрический критерий использует и исследователь российских элит О. Крыштановская, накопившая большой эмпирический материал. Политическая элита определяется ею «на основе позиционного подхода, т.е. в нее включаются те лица, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения: депутаты Федерального Собрания РФ, правительство РФ, президент РФ и его ближайшее окружение и др. Мы не называем здесь лидеров крупнейших политических партий страны и глав региональных администраций, так как эти две категории составляют большинство российского парламента... Обозначим следующие «сквозные», функциональные группы элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита»[33]. Тер-

[32] Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978. С. 123–128; Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999. С. 204–205; Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 4. С. 97–99.

[33] Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51. Подробнее см.: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2003.

мин «политическая элита» используется для определения правящих групп, отвлекаясь от их личных и профессиональных качеств, он не носит оценочного характера.

Признавая ценность позиционного подхода (в рамках политической социологии), мы хотели бы высказать ряд существенных, на наш взгляд, замечаний. При таком подходе часто игнорируются весьма влиятельные лица, оказывающие косвенное воздействие на людей, наделенных официальными властными полномочиями. Этот подход таит в себе опасность принять за истину то, что лежит на поверхности, что формализовано в официальном статусе определенных лиц, опасность отождествить формальную и неформальную политическую структуру. Составив список лиц, занимающих высшие руководящие должности в той или иной стране, элитолог альтиметрической ориентации (именно для него и характерна приверженность к позиционному подходу) может полагать, что политическая элита ему известна и его задача состоит в том, чтобы определить ее характеристики. Но так ли это? Ведь вне этого списка официальных лиц могут оказаться люди, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие политических решений или на общественное мнение не меньше, а может быть, и больше, чем лица, попавшие в указанный список. Вспомним, например, роль А. Коржакова — «главного охранника» президента Ельцина, от которого зависел «доступ к телу», до его скандальной отставки в 1996 году.

Чтобы избежать подобной ошибки (точнее минимизировать ее), чтобы скорректировать недостатки позиционного метода, существует ряд других методов, среди которых особенно важен метод репутационного анализа или экспертных оценок. Суть его — определение людей, пользующихся властью и влиянием, при помощи опросов политических деятелей, верхушки бюрократии, а также ученых-политологов, социологов, выступающих в роли экспертов. Одним из первых этот метод использовал видный американский элитолог Ф. Хантер для изучения властных отношений в Атланте и других городах США, а также взаимоотношений между федеральными и региональными элитами этой страны. Отметим, что за последние годы российские политологи накопили опыт в разработке метода репутационного анализа. Мы имеем в виду прежде всего списки наиболее влиятельных политиков России (по экспертным опросам), которые публикуются в «Независимой газете» и некоторых других изданиях. Совмещая оба этих

списка (официальных политических руководителей и список экспертной оценки наиболее влиятельных политиков), накладывая один на другой, мы можем внести соответствующие коррективы и уменьшить возможность ошибок. Слабость метода репутационного анализа — в его субъективности, в том, что он дает сведения не столько о властной дифференциации, сколько о компетентности выбранных экспертов. Тем не менее указанный метод оказывается «работающим» при исследовании состава элит. Метод репутационного анализа не ограничивается формальными отношениями между представителями политической элиты, он позволяет выявить теневых, но весьма влиятельных политических акторов. Отметим, что в середине 90-х годов американский социолог Ш. Ривера с помощью этого метода смогла получить ряд интересных данных о тенденциях формирования состава посткоммунистических российских элит[34].

Очень интересны и поучительны сравнительные политологические исследования элит разных стран, различных политических систем. Результаты эмпирических исследований позволяют обнаружить как некоторые сходные процессы, происходящие в элитах различных стран, так и специфические для каждой страны. Например, Элдерсфельд, анализируя результаты своего эмпирического исследования, о котором речь шла выше, отмечает, что вызывает беспокойство тенденция к воспроизводству существующего типа элит, к медленному обновлению их состава. Но таковы же выводы из эмпирических исследований американских элит Р. Миллса, Ф. Хантера, Т. Дая и многих других элитологов. А как обстоят дела в российской политической элите? Анализ списков наиболее влиятельных политиков России в их динамике в «Независимой газете» и других изданиях при всех их недостатках все же позволяет судить о том, что те же отрицательные тенденции характерны и для российских элит. Обновляемость этих списков за 1993–95 годы низка, шла скорее «перетасовка карт» одной и той же колоды, т.е. рейтинги политиков, входящих в список, меняются, одни вырываются вперед, другие отстают, но это в большинстве одни и те же

[34] Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. 1995. № 6. С. 61–66. Этот подход развивается в ее последующих работах (см.: Rivera S. and Rivera D. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // Post-Soviet Affairs. 2006. № 2).

люди; мал приток в политическую элиту новых людей. Аналогичная ситуация была во второй половине 90-х годов. Впрочем, может быть, в такой ситуации есть один позитивный момент: низкая мобильность элиты, как правило, есть вместе с тем индикатор стабильности политической системы. Однако Россию «аршином общим не измерить»: наша политическая элита 90-х годов одновременно и нестабильна (о чем свидетельствуют частые перемещения лиц на руководящих должностях в период президентства Ельцина), и медленно пополняется новыми людьми (то есть ситуация одна из наихудших). Вывод может быть только один — следует стимулировать как раз противоположные процессы, а именно: во-первых, приток в элиту новых людей, высокообразованных и высокоморальных и, во-вторых, стабилизацию социально-политических отношений. Нельзя не отметить и многие слабые стороны метода репутационного подхода к определению элиты. Это не только мнение экспертов и членов самой элиты, это и общественное мнение, которое в значительной мере создается mass media, производящей мифы для масс по заказу опять-таки элиты. Но созданные медийной элитой мифы живут самостоятельной жизнью, и сама элита вынуждена считаться с ними (это якобы мнение масс), хотя это те персонажи, которые массы видят на экранах своих телевизоров, делая вывод о том, что эти люди «влиятельны», считая их элитой. СМИ и в целом массовая культура, будучи средством манипулирования массовым сознанием, интересны и своим вторичным (обратным) эффектом, становясь средством манипулирования той самой политической элиты, которая и считается таковой потому, что мелькает на экранах ТВ и в прессе. Таким образом, эта «политическая элита» оказывается зависимой от mass media, содержание которых определяется не массой, а элитой (пусть идеологической, культурной, непосредственно медийной элитой). Но исследуемый феномен общественного мнения оказывается просто эхом пиара, который заказывает опять-таки элита (кстати, это еще одно свидетельство того, что сама элита является во многом квазиэлитой).

Одним из самых надежных способов идентификации элиты, прежде всего политической элиты, является включение в эту категорию лиц, принимающих важнейшие, стратегические решения. Одним из первых этот метод применил Р. Даль, выявляя реальных людей, принимающих решения по управлению в городе Нью-Хейвен, и обнаружив, что состав людей, принимающих решения,

во многом зависит от рассматриваемых проблем (налоговая политика, строительство, система образования и т.д.), что, по его мнению, подтверждает плюрализм современных элит[35]. Одним из признанных разработчиков указанного метода является Р. Путнэм. Известный российский элитолог О.В. Гаман-Голутвина считает этот метод важнейшим. Именно в этом плане она определяет политическую элиту как «внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом»[36]. Действительно, рассматриваемый нами метод имеет много преимуществ; при таком подходе учитывается и прямое, и косвенное влияние акторов на процесс принятия решений (decision-making process). Тем не менее к этому методу элитологи прибегают не часто, ввиду сложности определения круга лиц, принимающих эти решения. Для этого нужно знать политическую кухню, куда вход для политологов весьма затруднен. Этот метод имеет и ряд существенных недостатков, связанных с выявлением роли тех или иных людей в принятии решений, где задействовано подчас слишком много людей — и политических лидеров, и их ближайшего окружения, и экспертов, готовящих решение, и спичрайтеров, и высших чиновников, оформляющих, редактирующих решение (и тем самым вносящих в него определенные нюансы, оттенки). Таким образом, в этом методе также заложены значительные элементы субъективизма. Мы не говорим уже об объективных факторах ситуации, заставляющих элиты или политического лидера принять то или иное решение, порой вынужденное.

Нам представляется, что каждый из перечисленных методов имеет свои достоинства и недостатки и для увеличения точности исследования эти методы следует объединить, тем более что они не являются альтернативными, а скорее взаимодополняющими. Наконец, к указанным методам следует добавить и метод, называемый

---

[35] Однако другой тоже известный политолог, У. Домхофф, решил перепроверить эти данные и пришел к противоположным выводам: три группы, выявленные Даем, близко связаны друг с другом и составляют единую элиту. — *Прим. авт.*

[36] Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 4. С. 99.

в социологии case-study, а также методы контент-анализа прессы, и др. информации, касающейся политической, административной, экономической, культурной и иных элит по каналам массовой информации[37].

Элиты в мировой политике. В современной политической науке широко обсуждается проблема роли элит в мировой политике. Дискутируя вопрос о структуре субъекта мировой политики, большинство западных политологов считает основным таким субъектом элиту, и прежде всего политическую элиту. Один из крупнейших западных авторитетов в области теории международных отношений (равно как и практики) Г. Киссинджер утверждает, что модель стабильного мирового порядка инициирует обычно политическая элита, вводящая культурные нормы, основополагающие принципы и моральные запреты в области международных отношений. Он пишет, что уникальный в мировой истории относительно продолжительный мировой порядок был разработан на Венском конгрессе, что в значительной мере связано с тем, что государственные деятели, собравшиеся в Вене в 1815 года, были аристократами, для которых существовали одни и те же моральные запреты и основополагающие принципы[38]. Он полагает, что и «новый мировой порядок» призвана формировать элита, имеющая те же высоконравственные принципы и моральные запреты, что и аристократия времен Венского конгресса. Это — типично элитарный подход к внешней политике, народные массы оказываются лишь ее объектом. Возникает вопрос: могут ли миллионные народные массы доверять мировую политику узким элитным группам? Перефразируя слова Наполеона, можно сказать, что мировая политика слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее внешнеполитической элите.

Думается, что элитарный подход к внешнеполитическим вопросам вряд ли можно считать решением этой проблемы. Есть

---

[37] Ашин Г.К., Лозанский Э.Д., Кравченко С.А. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. С. 257–264. Хотелось бы отметить, что к близким выводам приходят профессора А.В. Понеделков и А.М. Старостин (см.: Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д., 2004. С. 96) и профессор В.Г. Ледяев, который пишет о целесообразности использовать применяемые в элитологии способы определения элиты в комбинации на основе принципа дополнительности (Там же. С. 145).

[38] Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.

и иные мнения[39]. Известный американский политолог Дж. Огвин, также рассматривающий элиту как главный субъект современной мировой политики, отнюдь не считает это положение идеальным. Он пишет, что в современном политическом процессе на мировой арене реализуются, главным образом, материальные и иные интересы небольших социальных групп, воплощающих политическую и экономическую власть в различных регионах мира. И прокламируемый ныне новый мировой порядок (new world order), по его мнению, — более или менее замаскированная декларациями о «всеобщем благе» экспансия интересов элит и других социальных групп «сильных мира сего»[40]. Как видим, в отличие от Киссинджера, Огвин негативно оценивает элитарный характер современной мировой политики. Близкую к Огвину позицию занимает исследователь политических отношений на азиатском континенте Эйк Клод, считающий, что американизированный «новый мировой порядок» является антиподом подлинной демократии, что современные международные отношения ведут ко все большему отчуждению все более широких слоев общества от участия в политических решениях. Он пишет, что современная либеральная демократия ориентирована на создание политических условий для максимальной рыночной эффективности, это политический коррелят рынка, который выгоден собственникам, прежде всего финансовой элите. «Иначе говоря, либеральная демократия — это не власть народа, а выбор между различными элитами. Элиты управляют современной мировой политикой. Для них характерен аристократический подход к массам, сводящийся к тому, что "сапожники", то есть массы, могут судить о политике "не выше сапога"»[41] (выражение Ж.-Ж. Руссо).

Интересно, что элитаризм в современной мировой политике подвергается критике не только со стороны леволиберальных и радикальных политологов, но и части праворадикальных. Критикуя неолиберализм справа, английский политолог Й. Тэйлор утверждает, что идеологии, декларирующие свою ориентацию на гуманистический прогресс, создаются интеллектуальными элитами по

[39] Ашин Г.К., Додельцев Р.Ф. Народные массы и мировая политика. М., 1982.

[40] Ogwin J. Fragmentation in the Age of Globalism. N.Y., 1997. P. 13–15.

[41] Whose World Order? Ed. by H. Holm & G. Sorensen. San Francisco; Oxford, 1995. P. 37–41.

заказу политических и финансовых элит и служат элитизму, дискриминируя большую часть человечества[42].

Однако вернемся к книге Огвина. Разговоры о национально-государственных ценностях, считает он, являются обычно одной из разновидностей сокрытия личных и групповых интересов элит. Это Огвин в полной мере относит к США, которые «структурно элитарны». Их внешнеполитическая элита «вышла из получивших университетское образование представителей высшего и высшего среднего классов» и является подгруппой правящей элиты страны. Примерно то же положение в других странах мира, в том числе развивающихся. Когда те или иные страны мира следуют по пути, заботливо указанному им ведущими мировыми державами, возможные «призы» получают, главным образом, компрадорские политические и экономические элиты.

Огвин пишет, что элитарной по своей структуре является и Организация Объединенных Наций. Ее персонал (особенно высшего ранга) «рекрутируется из среды высшего и высшего среднего классов с университетским образованием. Во многих культурах (и традиционно в Европе) дипломаты рекрутировались из аристократии. ООН унаследовала это политическое неравенство. В определенном смысле в ООН господствует аристократия. Она, возможно, потеряла за последнее время контроль над правительствами (различных, в том числе ведущих стран мира. — *Г.А.*), но стремится управлять мировым правительством»[43].

Доводы Огвина не лишены оснований, в них отражаются определенные стороны мирового политического процесса. Огромная роль политических элит в этом процессе вряд ли может быть оспорена. Иное дело — оценка этого явления, а также вопрос о том, являются ли элиты единственным или даже определяющим субъектом мирового политического процесса. Думается, что точка зрения политологов, считающих, что современные международные отношения столь сложны, что они по силам только специально подготовленной элите и поэтому определяются элитами, страдает определенной односторонностью. Сам Огвин правильно замечает, что элиты удержатся у власти, если смогут совместить такие трудно совместимые ценности, как свои собственные интересы и интересы широких народных масс.

---

[42] Тэйлор Й. В умах людей. Дарвин и новый мировой порядок. М., 1996

[43] Ogwin J. Op. cit. P. 16.

Ряд американских социологов утверждает, что в последние десятилетия в американской внешней политике произошли процессы ее демократизации. «Одно время внешнеполитическая элита отличалась своей общей социальной основой — ее представители вышли из WASP (белых, англо-саксов, протестантского вероисповедания), преимущественно мужчин, которые окончили университеты «Лиги плюща» (об этом пойдет речь в последней главе данной книги). Сейчас ситуация определенным образом изменилась. Члены внешнеполитической элиты объединены больше идеологией, профессиональным интересом, чем происхождением»[44]. Блестящая карьера Мадлен Олбрайт, Кандолизы Райс, Хиллари Клинтон могут служить подтверждением этой точки зрения (не говоря уже о Бараке Обаме, статус которого заставил его непосредственно заниматься вопросами внешней политики).

Структура субъекта социально-политического процесса гораздо сложнее, чем это представляется многим элитаристам; элита — лишь один из ее элементов. Структуру этого субъекта можно представить в виде схемы: население (народные массы) — социальные группы и, прежде всего, социально-доминантные группы (элиты) — политические лидеры. Причем, если деятельность политических лидеров и политической элиты лежит на поверхности и может непосредственно фиксироваться, то роль других структурных элементов политического процесса требует для своего раскрытия проникновения в сущность этого процесса, ибо лежит в ее глубине[45]. Нельзя не предостеречь элитаристов от недооценки роли народных масс в политическом процессе, которые в решающих, поворотных пунктах истории непосредственно творят новые политические формы, свергая при этом старые элиты и выдвигая новые, легитимизируют их своим признанием или, напротив, делают элиту нелегитимной, лишая ее доверия.

Говоря о российской внешнеполитической элите следует сказать о радикальном изменении одной из важнейших осей современной мировой политики: отношений США — Россия. Если в 90-х годах Россия плелась в арьергарде американской внешней политики, ельцинская внешнеполитическая элита, по существу,

---

[44] Surwey of Social Science. Ed. by F. Magill. Pasadena, Calif., 1995. Vol. 2. P. 292.

[45] Ашин Г.К., Додельцев Р.Ф. Народные массы и мировая политика. М., 1982.

следовала американским советам[46], то внешняя политика президента В.В. Путина и президента Д.А. Медведева является независимой, выражающей интересы России.

Толерантность и элита. Выше мы главным образом критиковали политическую элиту в целом и российскую политическую элиту в частности. Вообще критика политической элиты — один из существенных признаках демократии (попробовал бы кто-нибудь публично критиковать советскую политическую элиту во времена ее тоталитарного господства! Результатом мог быть только концлагерь или вынужденная эмиграция). Однако только критиковать политическую элиту — значит проявлять явную односторонность. Но мы стараемся как можно более объективно ее описать, отметив и ее позитивные черты. Попробуем показать это на примере проблемы толерантности.

В XXI веке толерантность стала одна из нравственных основ мирового сообщества. Термин «толерантность» оказывается ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций XXI века. Только на основе принципов толерантности может выжить человечество в современном плюралистическом, мультикультурном мире. Альтернативой является гибель человечества в ядерном Армагеддоне.

Конфликты, чреватые разрушительными войнами, несущие опасность вылиться в столкновение цивилизаций, угрожают самому существованию человечества. Их глубинной причиной является интолерантность, нетерпимость, фанатизм, ксенофобия, экстремистский национализм, которые, увы, имеют тысячелетние традиции. Итак, толерантность — императив, одна из доминант нового века, общая тенденция мирового процесса. Культура толерантности должна бережно взращиваться, преодолевая традиции вековой интолерантности, традиционного противопоставления «мы» (хорошие) — «они» (плохие).

Но это отнюдь не означает того, что толерантность — то, что мы вынуждены принять по необходимости — ради собственного

[46] На одном из семинарских занятий этого периода на факультете международных отношений МГИМО(У) мне был задан вопрос о том, как я оцениваю работу министра иностранных дел А. Козырева. Я ответил: «Хорошо, если бы он был министром иностранных дел США, но поскольку он министр РФ, оценка будет иной». — *Прим. авт.*

выживания — и чем в менее милитаризированном мире можно было бы и пренебречь. Нет, мир, основанный на принципах толерантности, — это отнюдь не выбор между смертью и прозябанием. Это — атрибут высокоморальной жизни человечества. Это — доброта, гуманность, уважение к другому человеку, другой стране, к другой культуре, это живой и искренний интерес к иному (человеку, стране, цивилизации), это — расширение собственных интеллектуальных и нравственных горизонтов, выход за пределы индивидуального и коллективного эгоизма и нарциссизма, это — накопление и интеграция всего лучшего из многовекового опыта человеческих интерсубъективных и интернациональных отношений. Это — взаимное уважение и интерес одной цивилизации к другой, а отнюдь не «столкновение цивилизаций» (термин С. Хантингтона). Это — состояние, когда каждая цивилизация «смотрится», как в зеркало, в другую цивилизацию, чтобы лучше разглядеть и понять саму себя, чтобы обогатить себя знанием другого, контактами с другим, чтобы видеть в иной цивилизации не опасность, а новую возможность расширения сотрудничества, взаимного развития, поскольку цивилизации не альтернативны, а скорее взаимодополнительны.

Нетерпимость к иному, стремление сделать мир единообразным униформистским — это путь к энтропии, к регрессу. Не задумываться об ином, о его плюсах и минусах, начисто отметать иное — значит отказаться от развития, от прогресса; напротив, соотнести себя с иным — значит открыть себе путь к выработке новых, более высоких ценностей.

Именно такое понимание толерантности соответствует этимологии этого термина. Конечно, можно перевести его на русский язык как терпение. Но в терпении есть не только позитивный, но и негативный оттенок, типа «приходится терпеть». Понятие толерантности богаче по содержанию, причем оно предполагает именно позитивный смысл этого термина как открытость к иному, как позитивное отношение к внутреннему разнообразию, как свободу мыслить нестандартно, не так, как принято большинством. Таким образом, мы понимаем под толерантностью отказ от ксенофобии, автаркии, от подозрительности, недоверия к другим нациям и культурам, наконец, позитивное отношение к плюрализму современного мира, его мультикультурности.

Для элитолога интересен вопрос о том, в какой мере толерантность присуща элитам. К сожалению, российские социологи не

проводили исследований такого рода. Мы можем тут опираться лишь на исследования зарубежных элитологов. Исследования толерантности политических элит в демократических странах а также странах, находящихся в условиях демократического транзита, показывают, что они более толерантны, чем население соответствующей страны в целом. Однако мы не можем говорить о большей толерантности элит как о социологической закономерности. Дело в том, что, насколько можно судить по литературе, посвященной данной проблеме, замеры толерантности элит по сравнению с толерантностью населения в развивающихся странах не проводились (или они нам неизвестны). Но можно смело утверждать, что результаты подобных исследований были бы существенно иными. Так, измерения толерантности элит в сравнении с другими социальными группами в некоторых странах Ближнего Востока, Африки могут дать противоположный результат. В странах, для которых характерны ксенофобия, интолерантность по отношению к представителям иных рас, экстремистская элита может быть еще более интолерантной. Более толерантными являются элиты стран, для которых характерен инновационный тип развития, в которых системообразующими факторами являются экономические. Менее толерантными являются элиты стран, доминирующими факторами в которых являются политические соображения (особенно военно-политические), страны идеократические, где управление имеет авторитарный или тоталитарный характер. По-видимому, подобные результаты можно ожидать от такого рода сравнительных исследований в Иране, Северной Корее.

Почему же в демократических странах элита имеет тенденцию быть более толерантной, чем остальные социальные группы? Может быть, потому что у них больший политический опыт (а политика требует компромиссов и значительного уровня толерантности) или институтизация власти политической элиты требует стабилизации социально-политической системы, поддержания определенного равновесия различных сил, различных социальных и национальных групп. Или, как не без оснований полагает санкт-петербургский социолог А. Дука, интерпретируя результаты указанных исследований западных социологов, полученные ими данные объясняются не тем, что властные элиты являются более просвещенными, гуманными, прогрессивными, а тем, что в условиях рыночной экономики и демократических политсистем

именно эти группы могут в максимальной степени реализовать свои интересы[47]. Как правило, именно толерантная элита оказывается более мудрой, а ее политика — более успешной.

Элита и процессы глобализации. Процесс глобализации вносит в традиционное понятие элиты новые оттенки. Прежде всего меняются его масштабы: традиционно политическая элита рассматривалась в масштабе той или иной страны или региона; ныне говорят и пишут о мировой элите (а С. Московичи пишет и о глобализации масс, о появлении «массы мирового масштаба»[48]). Кроме того, традиционное рассмотрение элиты как определенной социальной группы, определенных персоналий дополняется понятием «элитных стран», жизненный уровень населения которых во много раз превосходит жизненный уровень слаборазвитых стран (к которым применяется эвфемизм «развивающиеся», хотя горькая правда заключается в том, что дистанция между первыми и вторыми увеличивается). Субъектами мировой элиты рассматриваются не только владельцы и топ-менеджеры транснациональных корпораций, политические лидеры ведущих мировых держав, люди, контролирующие основные мировые потоки информации, но и целые «избранные страны», такие как США и целые группы стран, составляющие так называемый «золотой миллиард»[49]. Подобные «элитные клубы» избранных стран фактически

---

[47] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / отв. ред. А.В. Дука. СПб., 2001. С. 8. См. также: Sullivan J., Walsh P., Shamir V., Durnum D., Gibson J. Why Politicians Are More Tolerant: Selective Recruitment and Socialisation Among Political Elites in Britain, Israel, New Zealand and The United States // British Journal of Political Sciences. 1993. Vol. 23. Интересно, что сходные результаты получены западными исследователями в странах Восточной Европы и в некоторых стран СНГ, в частности в России и Украине. См., напр.: Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M. Comparing Citizen and Elite Belief Systems in Post-Soviet Russia and Ukrain // Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 59. № 1; Miller A.H., Hesli V.L, Reisinger W.M. Conceptions of Democracy Among Mass and Elite in Post-Soviet Societies // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 17; Miller A.H., Reisinger W.M., Hesli V.L. Establishing Representation in Post-Soviet Societies: Change in Mass and Elite Attitudes Toward Democracy and the Market, 1992–1995 // Electoral Studies. 1998. Vol. 17. № 3.

[48] Московичи С. Век толп. М., 1988. С. 20.

[49] Отметим, что если администрация Дж. Буша говорила об однополярном мире под водительством США, то Б. Обама говорит, что ни одна держава ныне не может претендовать на единоличное лидерство. — *Прим. авт.*

существуют и в ряде регионов мира. Например, таким элитным клубом нередко считают ЕС. Такой же «элитный клуб» составляют на Ближнем и Среднем Востоке страны, богатые нефтью, — Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн и др.

Как пишет известный социолог и политолог З. Бауман, «...состояние 358 наиболее богатых «глобальных миллиардеров» равно общему богатству 2,3 млрд бедняков, составляющих 45% населения планеты»[50]. Сейчас соотношение «глобальных миллиардеров» массы бедняков еще более изменилось не в пользу бедняков.

По этому поводу один из выдающихся российских политических философов А.С. Панарин пишет: «Мы имеем дело с системой экономического геноцида... вопрос в том, в какой мере она будет пущена в дело». Он справедливо связывает это с «деликатной сферой отношений элиты к своему или не совсем к своему», а к «этому» народу... насколько нужен, полезен этот народ для новых хозяев мира[51]. Глобализация — феномен как транснациональный, так и национальный. Элита, захватившая в августе 1991 года правящие позиции в России, действует как не национальная, а как глобальная элита, она перестала быть голосом нации (собственно, дело обстоит так еще со времени перестройки), связав свою судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, в которую она и стремится прорваться (в обход народа). Итог весьма печальный. Страна отброшена далеко вспять. Особенно бесцеремонна экономическая элита, которая стремится ревизовать сложившийся гражданский консенсус, заявляя, что больше не намерена содержать и терпеть обременительное социальное государство и все, что ему соответствует в области культуры и морали, — защиту и покровительство слабых.

Во всем мире экономические элиты — миллиардеры и мультимиллионеры начали шантажировать собственные правительства тем, что будут вывозить капиталы за границу, если в своем государстве их будут облагать налогами, которые они считают слишком высокими, и обременять социальными обязательствами[52].

---

[50] Бауман З. Индивидуальное общество. М., 2002. С. 106.

[51] Панарин А.С. Горизонты глобальной гражданской войны // Новый мир. 2003. № 9. С. 223.

[52] И не пора ли правительствам стран мира, в том числе и России, принять «закон Тобина», который требует облагать любой экспорт капитала. — *Прим. авт.*

Теоретические трактовки глобализации восходят или близки к мондиализму — движению за политическое, экономическое, культурное объединение мира, управляемого мировым правительством и мировой элитой. Ряд политологов и социологов считает, что переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу означает вступление мира в зону повышенных рисков, угроз глобального масштаба. При этом только мировая элита может спасти человечество от подобных угроз — от терроризма до ядерного Армагеддона. Они считают, что усиливающаяся взаимосвязь и взаимозависимость стран мира неукоснительно ведет к формированию новой цивилизации, управляемой мировой элитой.

«Звезды экономической мысли» в виде сторонников Чикагской и Гарвардской экономических школ, решив принять участие в судьбе постсоветской России, немало ей навредили. Вот что говорит во этому поводу лауреат Нобелевской премии 2001 года по экономике Дж. Стиглиц: «...Россия получила совсем не то, что ей обещали сторонники рыночной экономики. Для большинства населения бывшего Советского Союза экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем предостерегали их прежние коммунистические лидеры. Перспективы на будущее мрачны. Средний класс уничтожен, создана система кланово-мафиозного капитализма... частично вина ложится и на западных советников, особенно из США и МВФ, так стремительно ворвавшихся в Россию с проповедью свободного рынка. Как бы то ни было, именно они обеспечили поддержку тем, кто повел Россию и многие другие экономики по новому пути, проповедуя новую религию — рыночный фундаментализм... последствия были катастрофическими... МВФ беспокоило то, что девальвация рубля вызовет новый виток инфляции. Его требование, чтобы Россия поддерживала завышенный курс рубля и многомиллиардные долларовые кредиты, которые пошли на это, в конечном счете привели российскую экономику к крушению. (Когда же, наконец, в 1998 году девальвация рубля все же произошла, бурной инфляции, которой опасался ВМФ, не последовало, и экономика испытала свой первый значительный рост.)»[53]. В связи с этим с необходимостью возникает вопрос: выражала ли постсоветская

[53] Стиглиц Дж. Глобализация: Тревожные тенденции. М., 2003. С. 165–167.

элита 90-х годов интересы русского народа или же за «глобальными ценностями», которыми прикрывались младореформаторы, были видны ослиные уши транснациональных корпораций? Опыт нынешнего мирового кризиса вновь делает эту проблему актуальной.

Выше отмечалось, что элита должна быть референтной группой, на которую ориентируется общество, на ней лежит функция выработки ценностей (среди которых такая безусловная для нашего народа ценность, как патриотизм), нравственных ориентиров, созидательной идеологии. Современная российская элита не справилась с выполнением этих функций (потому и ставится под сомнение, действительно ли она является элитой). Экономист и политолог М. Делягин считает, что она не справилась с выполнением своих обязанностей «даже не столько из-за развращенности длительным грабежом и разрушением собственной страны, сколько вызванного этой развращенностью обессиливающегося цинизма. Отсутствие идеалов и энтузиазма, неспособность воодушевить общество на решение ключевых задач делает российские элиты совокупностью ничего не желающих, кроме собственного обогащения, и ничего не могущих»[54] людей. В условиях глобализационных процессов российская элита, привыкшая к немыслимому еще десять лет назад комфорту, не готова пойти на значительные материальные жертвы во имя патриотизма. Одним из частных критериев патриотизма является вопрос о форме ее сбережений. Они вкладываются чаще не в российскую экономику, а в те акции (безотносительно к их национальной принадлежности), которые приносят большую прибыль, в зарубежную недвижимость, в доллары и евро. А если их активы контролируются ТНК и странами-конкурентами их собственной страны, эти «элиты» начинают реализовывать их интересы, превращаясь в коллективного предателя, подобно тому, как японская элита, вкладывая (особенно в последнее десятилетие) деньги в американскую экономику, озабочена процветанием этой экономики — конкурента японской, она начинает ассистировать ей в реализации ее интересов, как экономических, так и политических.

Во времена глобального кризиса, начавшегося с конца 2008 года, эта проблема особенно актуальна. Экономические элиты, обо-

[54] Делягин М. Глобальные требования к России // Наш современник. 2004. № 2. С. 193.

жравшиеся сверхприбылями и страдающие в результате этого несварением желудков, перед угрозой неминуемого банкротства обратились к своим правительствам с требованием государственной помощи им в размерах многих миллиардов долларов и в основном получили ее (разумеется, за счет населения России, обрекая часть его на безработицу и недопотребление).

Представители российской экономической элиты вместе с зарубежными спекулянтами вывезли из нашей страны сотни миллиардов долларов (и продолжают вывозить даже в период текущего мирового финансового кризиса). В годы высоких цен на нефть эта элита проводила авантюристическую политику — набрала многомиллиардные кредиты у иностранных банков и корпораций и оказалась перед лицом банкротства. И в период мирового кризиса она не постыдилась просить (и даже требовать) у российского правительства денег для расчета по своим зарубежным долгам, и некоторые частные и частно-государственные корпорации и банки (по-видимому, те, кто ближе к Кремлю) получили искомые деньги. Олигархи, начиная Дерипаски и Абрамовича, выстроились в очередь за получением «вспомоществования», желая перенести тяжести кризиса со своих плеч на плечи народа. Только за четвертый квартал 2008 года из России было вывезено 56 млрд долл. (почти в 3000 раз больше, чем запланировано в госбюджете на федеральную целевую программу «Спецподдержка инвалидов» за весь 2008 год[55].

«Элита глобализации не имеет отечества, она экстерриториальна, — пишет в одной из своих последних работ А.С. Панарин. — Военную защиту собственности этой элите лучше доверить не демократической армии, и в этом отношении народ оказывается лишним... либеральная теория демонстрирует откровенную идеосинкразию на само слово "народ"»[56].

Глобализация неизбежно ставит вопрос о соотношении глобальных и национальных элит, интернациональной и национальных культур, о проблеме патриотизма элит. Нынешние элитологи, вслед за К. Лэшем, ставят вопрос о «восстании элит» (может быть, следует говорить об «измене элит») своим народам. Известно, что у элит существует своя субкультура, свои жизненные стандарты,

[55] АиФ. 2009. № 7.

[56] Панарин А.С. Горизонты глобальной гражданской войны // Наш современник. 2003. № 9. С. 220.

свои предпочтения, свой менталитет. Эта субкультура резко контрастирует с национальной культурой.

Рассуждая о российских элитах, ряд политологов ставит вопрос о том, являются ли эти люди российской элитой? У многих ее представителей своя ценностная ориентация, не совпадающая с ценностной ориентацией российского народа (в основном, прозападная), они и детей своих предпочитают обучать в США, Великобритании, ФРГ, бульшую часть своих капиталов они перевели в западные банки. Так не является ли эта «новая буржуазия» компрадорской, имеет ли она моральное право считаться российской элитой? А также — какая идеология предпочтительнее для России: глобализм или, не хотелось бы говорить, «антиглобализм» (термин неудачный, неподходящий, наталкивающий людей на мысль о том, что его сторонники — мракобесы, идущие против прогресса, к доколумбовскому миру, противостоящие глобализму как объективной тенденции развития человечества). Гораздо правильнее называть «антиглобализм» альтернативным глобализмом или гуманистическим глобализмом. Морально ли быть сторонником такого типа глобализма, который повышает благосостояние «золотого миллиарда» за счет дальнейшего обнищания пяти миллиардов «неудачников»? В этой связи А.С. Панарин пишет, что глобалисты, «когда говорят о глобальном мире, на самом деле имеют в виду не мир народов, а мир элит, неожиданно вышедших из-под системы национального контроля и принимающих решения за спиной местного населения». Мы никогда не разберемся ни в причинах крушения СССР, ни в механизмах приватизации, если не поймем, что главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты является то, что она выражает интересы не своего народа, а компрадорской буржуазии. «Элиты, пожелавшие стать глобальными, не только отказались от национальной идентичности и от защиты национальных интересов. Они отказались разделять с собственными народами их судьбу, заявили о своем праве свободно мигрировать из трудных в легкие, привилегированные пространства, из сфер, требующих напряженности и ответственности, в прекрасный новый мир, где царят легкость и безответственность»[57]. В современной России мы сталкиваемся с процес-

[57] Панарин А. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник. 2001. № 11. С. 205, 207.

сами инволюции, за которые ответственность несет прежде всего политическая и экономическая элита. «Вывозя за рубеж миллиарды долларов и не желая их инвестировать в развитие высокой технологии, науки (прежде всего фундаментальной) и в образовательную систему России, они пассивно ожидают дальнейшего сползания России в страну "третьего мира", живущую за счет нефтяной и газовой труб. Размещая свои капиталы на Западе, они сами становятся заложниками этой ситуации, будучи не в силах защищать интересы России»[58].

[58] Самарин А.Н. «Реформаторские элиты» у власти: углубляющаяся деградация России // Конфликтология — теория и практика. 2004. № 1. С. 41.

ГЛАВА

9 ЭЛИТА И ПРАВЯЩИЙ КЛАСС. ЭЛИТА И «МАССА»

Элита и правящий класс. Обращаясь к общетеоретическим вопросам современной элитологии, необходимо рассмотреть еще одну проблему, являющуюся предметом острых дискуссий, — соотношение элиты как социальной группы и класса. В российской социологической и политологической литературе эта проблематика претерпела радикальную трансформацию — от гипертрофирования классового подхода в советское время до игнорирования проблемы классов, ухода от нее — в постсоветское, когда многие социологи как бы «стесняются» употреблять это понятие даже там, где оно совершенно необходимо, в частности, при анализе социальной структуры общества. Нам представляется, что обе эти вредные крайности следует преодолеть. Тут предпочтительна более взвешенная, последовательная и спокойная позиция западных, в том числе американских, социологов, большинство которых свободно от гипертрофирования проблемы классов и классовой борьбы и вместе с тем широко пользуются понятием «класс» при социальном и политическом анализе общественного процесса.

Попытки соотнести класс (в понимании марксизма или, скорее, неомарксизма) и элиту неоднократно предпринимались политологами разных школ. Известный английской элитолог Т. Боттомор отмечал близость марксистского понимания класса и употребления этого понятия Моской. Отказ от классового подхода, отмечает Т. Боттомор, требует отказа от видения социальной структуры «сквозь марксистскую классовую призму» и рассмотрения схемы элита-масса как идеального типа в духе Макса Вебера[1]. Можно согласиться с пониманием элиты школой Лассуэлла как верхушки правящего класса[2].

Отметим, однако, что элитаристы, как правило, отрицательно относятся к термину «класс». Элитаристы функционалистской

---

[1] Bottomore T. Elites and Society. Middlesex, 1964. P. 24–44.

[2] Lasswell H., Lerner D., Rotwell C. The Comparative Studies of Elites. Stanford Univ. Press, 1950. P. 13.

школы, определяя понятие элиты, обычно предупреждают против отождествления ее с правящим классом. Хотя теории Парето и Моски были явно направлены против марксизма, функционалисты часто пишут о «следах марксистского влияния» в трудах патриархов элитизма и призывают «до конца» освободиться от этого груза. Они не забывают, что Моска, подразумевая элиту, употреблял термин «правящий класс», а Парето одобрительно отзывался о теории классовой борьбы Маркса. Западногерманский социолог К. Клоцбах пишет, что необходимое «очищение» элитизма предпринял выдающийся немецкий социолог К. Маннгейм, который создал «более правильную теорию» о том, что понятие элиты «не тождественно понятию правящего класса».

По Маннгейму, элита — меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе, при этом он различал политическую, интеллектуальную, религиозную и другие типы элит. Маннгейм стремился доказать, что система элит стоит как бы над системой классов (затем этот подход продолжила С. Келлер). По Мангейму, развитие индустриального общества представляет собой движение от классовой системы к системе элит, от социальной иерархии, базировавшейся на наследственной собственности (что, по его мнению, есть главный признак класса), к иерархии, основанной на собственных достижениях и заслугах (во второй половине XX века этими положениями Маннгейма воспользовались теоретики меритократии). Таким образом, Маннгейм считал элиту индустриального общества «элитой способностей» (современные социологи обычно считают таковой элиту постиндустриального общества, однако, теория постиндустриального, информационного общества была сформулирована после смерти Маннгейма) в противовес «элите крови» и «элите богатства». Он видел свою задачу в элиминировании классового содержания, которое в скрытой форме еще просматривалось в ряде элитистских построений, стремился представить элиту чисто функциональной группой, выполняющей необходимые для каждого общества управленческие обязанности.

Проблема соотношения понятий «элита» и «класс» — предмет полемики в западной, в том числе американской, социологии. Это признает и большинство современных исследователей. Так, Р. Мартин считает, что исторически теории элиты развивались как

реакция на марксистскую теорию классов, хотя при этом оговаривается, что впоследствии некоторые элитаристы стали относиться к понятию класса с большей терпимостью. Еще более определенно высказываются американские социологи К. Прюит и А. Стоун. «Элитарные теории находятся в конфликте с марксистской идеей классовой борьбы, — заявляют они. — Если "Манифест Коммунистической партии" провозглашает, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит... Неэлиты являются пассивными наблюдателями в этой борьбе»[3]. Элитаристы, отмечают американские социологи Дж. Корветарис и Б. Добратц, «всеми силами стремятся опровергнуть марксистский тезис о том, что правящий класс — это владельцы средств производства, утверждая, что элита — это продукт чисто политических отношений»[4]. Новозеландский социолог С. Нг полагает, что элиту следует определять «исключительно в терминах власти, отвлекаясь от экономических отношений»[5].

Э. Карлтон, напротив, считает, что нельзя отождествлять элиту и класс. Хотя элита «часто путается с классом... элита не может быть отождествлена с классом в традиционном марксистском смысле слова как основанная на экономических детерминантах... В теории класс становится классом для себя, поскольку он субъективно осознает свое объективное классовое положение». Элита чаще употребляется в политическом контексте. «Строго говоря, термины элита и олигархия не синонимы. Олигархия — форма элиты, но элита не обязательно олигархия»[6].

«Энциклопедия социальной истории» подчеркивает, что элита «отличается от высшего класса, т.к., хотя она непропорционально рекрутируется из высшего класса, не все представители высшего класса входят в элиту... элита служит референтной группой для остального населения... она устанавливает стандарты вкуса и культуры в обществе»[7]. Известный английский социолог А. Гидденс

---

[3] Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites. N.Y., 1973. P. 4.

[4] Kourvetatis G., Dobratz B. Political Sociology. New Brunswick; L., 1980. P. 5.

[5] Ng S.H. The Social Theory of Power. N.Y.; L., 1980. P. 65.

[6] Carlton E. The Few and the Many. A Typology of Elites. Scolar Press, 1996. P. 3.

[7] Encyclopaedia of Social History. N.Y. & L., 1994. P. 225.

справедливо отмечает разноголосицу и путаницу в понимании социологами теории классов и теории элит.

Возникает естественный вопрос: если понятие «элита», даже по признанию многих элитаристов, малообъективно (Ляво), донаучно (Мейсел), если термин отягощен своей этимологией, заставляющей имплицитно предполагать наличие «лучших», «избранных» людей, которыми обычно и объявляются власть имущие, то не лучше ли вообще отказаться от этого термина, тем более что его часто трактуют как бесклассовое понятие, как альтернативу классовой дифференциации. Последний подход явно направлен на подмену деления общества на большие группы людей в зависимости от их отношения к средствам производства дихотомией элита-масса, основанной на различном доступе людей к власти, — признаке производном, вытекающим из социально-классовой дифференциации, а отнюдь не порождающим ее. И все же не будем спешить с выводами. Попытаемся подойти к проблеме с другой стороны, а именно, выяснить, нельзя ли использовать понятие «элита» не как альтернативу классовой дифференциации, а, напротив, для обозначения ее стороны и момента.

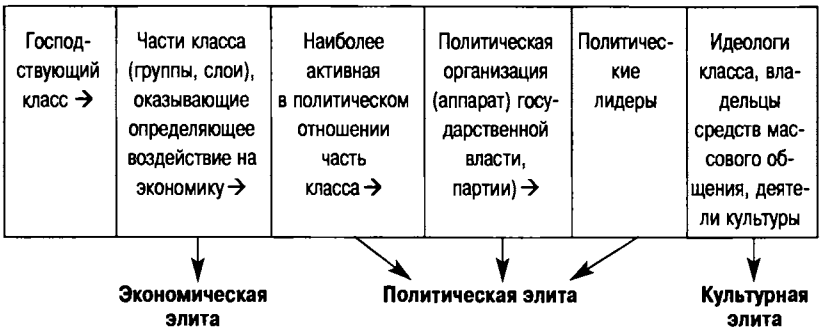
Вполне допустимо, что в определенных целях исследования социолог использует понятие «элита». При этом мы сталкивается с двумя случаями: 1) уровнем исследования, в котором еще не раскрыта классовая структура общества, но уже зафиксировано деление на «высших» и «низших», власть имущих и объект управления, правителей и исполнителей (ограничение этими представлениями, свойственными обыденному сознанию, может увести от понимания классовой дифференциации и ее причин); 2) использованием этого термина в отношении части класса, занимающего господствующие позиции в политическом управлении. В последнем случае необходимо уточнить это понятие, которое, по собственным признаниям многих элитаристов, представляется им неопределенным. Это уточнение необходимо прежде всего потому, что многие элитаристы, ссылаясь на этимологию термина, относят к элите «лучших», «избранных». Поэтому нам и представляется в этом плане предпочтительным структурно-функциональный подход к элите, поскольку он свободен от фетишизации политических элит, признавая, что это не обязательно «лучшие», «избранные» люди прежде всего с точки зрения критериев морали, а также иных критериев (включая интеллект). Во-вторых, уточнение термина необходимо вследствие того, что

этот термин часто используется для затушевывания подлинной основы социальной дифференциации (с ним связаны представления о том, что дихотомия элита-масса имманентно присуща всем социальным системам, прошлым и будущим, т.е. они неисторичны). В-третьих, необходимость уточнения связана с тем, что элитаристы, приписывая элите все достижения цивилизации, отрицают или принижают роль народных масс в историческом процессе.

Попытаемся соотнести феномен элиты с фактом социально-классовой дифференциации, таким образом введем нужный термин с качественно иным, чем у перечисленных выше элитаристов, содержанием: вместо того, чтобы противопоставлять его феномену классовой дифференциации или подменять последнюю, попытаемся определить его как существенный элемент этой дифференциации. Господствующий класс не есть нечто недифференцированное целое, нерасчлененное внутри себя, не есть некоторая абстрактная целостность; он включает в себя ряд слоев, роль которых в обеспечении власти этого класса различна. Господствующий класс не может осуществлять свое господство in extenso — в своей целостности, в своей совокупности. Его интерес как правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию и т.п. Ту часть господствующего класса, которая непосредственно осуществляет руководство обществом, держит руку на руле управления, и можно именовать политической элитой. Таким образом, класс может достичь своих целей только при помощи лидирующих, продуктивных элит.

В структуре господствующего класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к частному с учетом уровня активности и степени воздействия его на целое): господствующий класс > политически активная часть класса, его авангард > организация класса > лидеры. К политической элите и можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных членов правящего класса, включая слой политических функционеров этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров этих организаций, то есть людей, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса.

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС И ЭЛИТА

Вряд ли можно сомневаться в том, что при исследовании политического процесса нужен термин, обозначающий эту наиболее активную, организованную часть господствующего класса. Но очевидно и другое: если этим термином будет «элита», необходим ряд оговорок и уточнений, чтобы освободить его от того содержания, которое вкладывает в него большинство элитаристов, стремящихся фетишизировать слой лидеров и элиты, объявить его самым достойным, компетентным, наиболее пригодным для руководства обществом, представить этот слой подлинным субъектом исторического процесса в противоположность «нетворческой», «бесплодной» массе.

Выше уже говорилось о неадекватности ценностной интерпретации элиты — в ценностном отношении ее качества могут быть и со знаком минус. Говорилось и о недостатках функционального подхода, сторонники которого, как правило, трактуют элиту как бесклассовый слой. Как отмечает чешский социолог М. Нарта, «наиболее оправданным будет понимать под элитой специфические властно-политические группы, которые в условиях классово-антагонистического общества представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса»[8]. Понятие «элита» не совпадает по объему с понятием «правящий класс»: первое оказывается функционально как бы управленческим «исполнительным комитетом» второго. Эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Отметим, что к управленческой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других

[8] Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978. С. 144.

классов и слоев населения, прежде всего слоев, близких правящему классу. Таким образом, в составе элиты могут быть отдельные выходцы из неправящих классов (что отнюдь не означает внеклассовости рекрутирования элиты, на чем настаивают многие элитаристы). Подобное положение вдвойне выгодно господствующему классу: во-первых, это обеспечивает ему приток «свежих умов», во-вторых, расширяет социальную базу элиты. Как правило, вошедшие в состав элиты выходцы из «социальных низов», по существу, интегрируются господствующим классом. Элитологи вспоминают в этой связи невеселую шутку о том, что в сенате США заседают миллионеры — одни из них стали сенаторами, потому что были миллионерами, а другие стали миллионерами, сделавшись сенаторами. Можно сослаться и на то, что в составе американских высших менеджеров имеется лишь небольшой процент выходцев из «низов» (различные авторы называют цифры от 7 до 10%).

Хотя было бы ошибкой отождествлять элиту и правящий класс, еще большей ошибкой является отрицание связи между ними, что делают многие элитологи. Можно согласиться с С. Херкоммером, считающим, что понятие «элита» имеет смысл лишь в отношении к понятию «класс» и что социальные слои — моменты внутреннего разделения классов. Р. Мартин считает, что большинство элитаристов, начиная с Платона, отрицают деление общества на классы, некоторые, типа Бёрнхэма, пытаются сочетать концепцию классов и концепцию элит и некоторые, например, профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин, оперируют понятием «класс», возражая против термина «элита». Такое разделение в общем соответствует действительности (пожалуй, не очень удачен пример с Платоном, на которого указывает Мартин). Действительно, по мнению Цейтлина, концепция классовой структуры общества несравненно глубже дихотомии элита-масса[9]. Абстрактно говоря,

[9] Political Power and Social Theory. Ed. by M. Zeitlin. Greenwich, 1981. P. IX. Представляет интерес анализ соотношения между концепциями элиты и правящего класса, проведенный американским леворадикальным социологом У. Домхоффом, который пишет: «Понятие "правящий класс" относится к высшему классу, который является собственником непропорционально большой доли общественного богатства и выдвигает непропорционально большое число претендентов на позиции лидерства. Правящая элита, с другой стороны, включает всех, кто находится на командных позициях в институтах, контролируемых членами высшего (правящего) класса. Какой-то член правящей элиты может и не быть членом правящего класса» (Domhoff W. Who Rules America? New Jersey, 1967. P. 9–10).

Цейтлин прав. Но ведь совсем не обязательно рассуждать по принципу или-или, гораздо правильнее найти пути сочетания этих концепций.

Наконец, вопрос о том, следует ли употреблять термин «элита», зависит от предмета исследования. Для того чтобы вскрыть сущность социально-экономических отношений, сущность способа производства, генезис классового господства, можно обойтись и без этого понятия, используя категорию «правящий класс». Настоятельная потребность в нем возникает тогда, когда мы переходим к анализу механизма классового господства, внутренней структурализации и дифференциации самого правящего класса. Господствующий класс порожден определенным способом производства материальных благ; правящая же элита — это порождение и элемент политической системы классово-дифференцированного общества. Американский социолог Э. Карлтон, используя терминологию Маркса, пишет, что «класс в себе становится классом для себя, поскольку он осознает свое классовое положение»[10], причем он делает это, формируя свою элиту. Известно, что господствующий класс создает механизм реализации своей политической власти. Только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыками политического управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его классовый интерес.

Широко распространенные в зарубежной (а ранее и советской социологии) утверждения о том, что марксизм и элитология альтернативны, несовместимы, на наш взгляд, ошибочны. Весьма далеки от истины суждения о том, что марксизм всю проблематику властно-политических отношений сводит к вопросу о том, какой класс господствует в данном обществе, игнорируя роль внутриклассовых слоев, промежуточных и межклассовых групп. Маркс отнюдь не ограничивался лишь констатацией того, какой класс является господствующим в определенной общественно-экономической формации, в определенной стране. Его анализ политической структуры общества включал и распределение власти внутри господствующего класса. Важнейшим элементом этого анализа служит конкретно-историческое исследование процесса осуществления

[10] Carlton E. The Few and the Many. A Typology of Elites. Scolar Press, 1996. P. 3.

властных отношений в классово-дифференцированном обществе, роли правящей верхушки в реализации этих отношений.

К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» писал о роли бюрократического слоя, создаваемого буржуазией для управления обществом, того слоя, который в современной элитологической литературе именуется бюрократической элитой, который считает самое себя конечной целью государства и выражает совокупный интерес господствующего эксплуататорского класса. Причем этот эгоистический интерес буржуазия стремится представить как «всеобщий интерес», защищая таким образом «мнимую всеобщность особого интереса»[11]. Кстати, в немецких изданиях сочинений Маркса и Энгельса можно обнаружить присутствие термина «элита» (у Маркса — в одной из первоначально написанной глав «Капитала», у Энгельса — в его набросках об армии)[12]. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Разделение труда... проявляется теперь также и в среде господствующего класса... так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами, и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу»[13].

Действительно, одно дело — признать, что элита выражает интересы господствующего класса, и совсем другое — отождествить эти категории. Это было бы отождествлением сущности процесса политического господства с механизмом его осуществления. Эксплуататорский класс не может обеспечить, хотя бы чисто технически, свое господство путем равномерного распределения

[11] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 270, 271.

[12] K. Marx, F. Engels. Band 23. Dietzverlag, Berlin, 1972. S. 741. Band 14. S. 8.

[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 46.

функции политического руководства обществом среди всех своих членов; он может осуществить его через деятельность своего политического авангарда, наиболее политически активных его членов, которые непосредственно управляют организацией господствующего класса, прежде всего государственной машиной. Элита выступает представителем господствующего класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса — как глубинные, так и непосредственные, субординирует их; она «формирует» волю класса и руководит ее претворением в жизнь.

Таким образом, на вопрос, кто осуществляет власть в классово-дифференцированном обществе, мы можем ответить: господствующий класс. Когда же нас интересует, как осуществляется эта власть, необходимо выявить механизм политического господства этого класса, одним из важнейших звеньев которого является выделение правящей элиты. Господствующий класс и элита различаются прежде всего по объему: элита — часть класса. Далее, если класс определяется по своему месту в исторически определенной системе общественного производства, по своему отношению к средствам производства, то элита — по отношению к своей роли в политическом руководстве обществом; она объединяет ту часть господствующего класса, которая обладает навыками профессиональной политической деятельности и непосредственно осуществляет государственное управление.

Привилегированные сословия (дворянство, духовенство) в феодальном обществе составляли немалую часть населения: в конце XVIII века, например, в таких странах, как Франция (25 миллионов жителей) или Россия (39 миллионов), они насчитывали многие сотни тысяч человек; в XX веке в крупной индустриальной стране класс капиталистов насчитывал не один миллион людей. Что же касается элиты, то речь может идти лишь о сотнях, максимум о тысячах, причем далеко не всегда представителей только господствующего класса.

Анализируя пути осуществления правящим классом различных функций в обществе, можно выделить разные типы элит: политическую, экономическую, культурно-идеологическую. Если господствующим классом капиталистического общества является буржуазия, то экономической элитой современного капиталистического общества выступает финансовая олигархия и верхушка топ-менеджеров. Идеологи класса, деятели культуры, создающие

духовные ценности этого класса, владельцы средств массовых коммуникаций составляют его культурную элиту, причем часть культурной элиты выходит за пределы господствующего класса. О содержании понятия политической элиты говорилось выше. Заметим только, что политическая элита — это и есть элита в узком смысле слова (когда речь идет об элите как таковой, без прилагательных «культурная», «экономическая» и т.д., как правило, имеется в виду именно политическая элита).

Итак, в классово-дифференцированном обществе класс, обладающий собственностью на основные средства производства, является господствующим классом. В условиях капиталистического способа производства это — класс буржуазии. Но далеко не каждый член правящего класса непосредственно занимается политическим управлением: не каждый хочет этим заниматься и не каждый из тех, кто хочет, может это делать. В правящем классе можно различить политически активную и политически пассивную части, роли которых в жизни общества и особенно в политическом управлении различны. Правящий класс реализует свое господство в обществе, создавая организации. Для политического управления обществом господствующий класс формирует государственную машину; он создает также политические партии и другие организации своего класса, формирует слой функционеров, лидеров, осуществляющих политическое руководство. Политическая власть гарантирует привилегированное положение господствующего класса, его контроль за средствами производства. Наконец, для укрепления и стабилизации своей власти господствующему классу нужна идеология, обосновывающая и оправдывающая это господство. И опять-таки не весь класс участвует в выработке этой идеологии, а только его часть, которую и можно назвать идеологической и культурной элитой.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Как отмечалось выше, элита выражает волю господствующего класса, причем эту волю нужно, во-первых, выявить и, во-вторых, реализовать. Осуществляя эти функции, элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Для удержания своей власти правящий класс должен представить свой классовый интерес как интерес всего общества. Выдвигаемая им элита обретает определенную автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается как провод-

ник не узкоклассового, но «всеобщего» интереса. Это, разумеется, не отменяет классовой природы элиты, но модифицирует и в известной мере маскирует ее, что и дает основание многим политологам говорить о бесклассовости элиты.

Чтобы понять подлинную роль элиты в осуществлении господства в обществе правящего класса, важно соотнести и субординировать интересы этого класса в целом и интересы отдельных его членов, интересы отдельных слоев и групп этого класса, в частности, специфические интересы элиты. Важно, наконец, субординировать глубинные и стратегические интересы правящего класса, связанные с поддержанием системы, в рамках которой он и является господствующим классом, и непосредственные, связанные с увеличением его доли в распределении общественного богатства. Непосредственный интерес отдельного члена господствующего класса может противоречить интересам других его членов — его конкурентов. Это относится и к интересам различных, особенно конкурирующих друг с другом группировок господствующего класса, например военно-промышленного комплекса и слоев, связанных преимущественно с выпуском мирной продукции. Кто же реально осуществляет интеграцию и субординацию всех этих различных интересов и целей? В этом и состоят прежде всего функции политической элиты. Выделение политической элиты как бы актуализирует господство определенного эксплуататорского класса.

Как отмечает польский социолог В. Весоловский, элита капиталистического общества интегрирует многообразные интересы господствующего класса — экономические, политические, культурные, обеспечивает необходимые связи между бизнесом, политиками, военной верхушкой, владельцами средств массовых коммуникаций[14]. В иерархии этих интересов примат принадлежит отношениям собственности на средства производства, которые фактически и делают данный класс господствующим и кровно заинтересованным в сохранении социальной стабильности. Как пишет американский политолог У. Домхофф, «не все члены высшего класса вовлечены в управление; некоторые из них просто наслаждаются жизнью, которую дает им их богатство»[15].

---

[14] Весоловский В. Классы, слои и власть. М., 1981. С. 103–117.

[15] Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000. L., 1998. P. 2. См. также: Domhoff W. Who Rules America? — 4-th ed. N.Y., 2005.

Существование этой элиты способствует обеспечению стабильности существующей социальной системы независимо от того, какая из буржуазных или ориентирующихся на сохранение капиталистических отношений политическая партия находится у власти. Как пишет Т. Дай и другие американские политологи, власть в США «структурна», то есть не зависит от персональных изменений и других преходящих факторов; она прочно удерживается в руках элиты. Известно, что внутриполитическая и внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов формируется не персонально тем или иным президентом, но в большей мере той анонимной силой, которая представлена подлинной элитой, выражающей совокупный интерес господствующего класса, и прежде всего того слоя, который является доминирующим в составе этого класса и интересы которого могут вступать в противоречие с интересами других составных частей правящего класса.

Выше уже отмечалось, что властвующая элита, конечно, не только не противостоит правящему классу, но, напротив, обеспечивает его господство. Однако, это не исключает относительной самостоятельности элиты по отношению к классу в целом. Кстати, это в свое время отмечал К. Маркс. Известно, что в статье «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс показал большую степень самостоятельности государственной власти, особенно в условиях определенного равновесия классовых сил. Значительная доля этой самостоятельности существует и при отсутствии такого равновесия. И именно подобная относительная самостоятельность государственной власти может создавать иллюзию того, что она стоит как бы над обществом (отсюда и иллюзия надклассовости элиты, хотя она выражает совокупный интерес правящего класса, в частности класса буржуазии, куда лучше, чем это делал бы непосредственно тот или иной капиталист, осознающий лишь свой непосредственный, причем краткосрочный, интерес).

Относительная самостоятельность элиты по отношению к господствующему классу связана с различием интересов разных слоев этого класса. У элиты есть возможность не только лавировать между интересами отдельных групп и слоев правящего класса, но порой даже принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса. Так, «новый курс» Ф.Д. Рузвельта встретил сопротивление большинства капиталистов, не сразу осознавших свой собственный глубинный интерес, защите которого и служит государственное регулирование эконо-

мики, что и предлагал рузвельтовский «мозговой трест». История показала, что рузвельтовская политическая элита лучше поняла насущные и долгосрочные потребности господствующего класса, чем подавляющее большинство его членов.

И это понятно: капиталист заботится прежде всего о своей собственной, причем непосредственной, выгоде; ему близки слова, приписываемые бывшему президенту «Дженерал Моторз» и бывшему министру обороны США Ч. Вильсону: «Что хорошо для «Дженерал Моторз», то хорошо и для страны» (сам Вильсон, впрочем, упорно отказывался от авторства этих слов). Правящая элита, как правило, видит дальше, чем вся совокупность капиталистов, вырабатывая политический курс, который в конечном счете отвечает интересам господствующего класса. Причем элита стремится создать впечатление, будто она, принимая компромиссное решение, «равно заботится» обо всех классах и слоях населения. А идеологи господствующего класса, выполняя свою функцию, помогают правящей элите замаскировать ее связь с господствующим классом.

Ошибкой многих марксистских социологов является стремление элиминировать проблематику элитологии, свести все к проблеме классов и классовой борьбы. В ней имеется специфическое содержание, несводимое к последней. Иное дело, что вопрос о роли элиты в общественно-политическом процессе можно и должно рассматривать в связи с проблемой классов, классовых отношений.

Подведем некоторые итоги. За исключением Г. Моски и его последователей из «макиавеллиевской» школы, отождествляющих элиту и правящий класс, и некоторых других политологов, исследующих отношение элиты и господствующего класса, подходом, наиболее типичным для западной элитологии, является рассмотрение правящей элиты в отрыве от классовой структуры общества и, более того, противопоставление дихотомии элита-масса марксистскому учению о классах и классовой борьбе. И если марксистских элитологов можно упрекнуть в гипертрофировании классового подхода, то большинство элитологов впадает в другую крайность, отказываясь видеть связь элиты с отношениями классов и классовой борьбы. Как мы видели, возможно совмещение понятия «элита» с теорией классов. Поскольку анализ политических систем не исчерпывается выявлением того, какой класс является господствующим в данном обществе, а требует дальнейшей конкретизации властных отношений, понятие «элита» может служить делу уточнения и углубления такого анализа.

Элита и «масса». Следует заметить, что большинство элитологов (а среди них преобладают элитаристы) занимают не столько отношения элиты и классов, сколько элиты и «массы». И это не случайно. Ведь элит-массовые отношения — стержневая проблема элитологии. Выше мы видели, что обычно постулируется, что эти отношения — основа социально-политической дифференциации. В дихотомии элита-масса по определению характеристикой элиты является ее превосходство, в том числе психологическое[16]. «Масса растворяет в себе отдельных людей, которые теряют индивидуальность. Она — объект принуждения и безответственности, она бездуховна, она — "публика", от своеволия которой зависит судьба художника. Программа — одухотворение масс через воспитание и образование, повышение меры свободы»[17].

Элитаризм — древнейшее и наиболее распространенное направление элитологии (в главе 4-й мы квалифицировали ранние, часто неразвитые формы элитологии как протоэлитологию) — продолжает существовать и развиваться, сохраняя верность старым формулам элитаристов от Платона до Моски, в работах многих теоретиков постиндустриального и информационного общества конца XX – начала XXI века.

Это направление в элитологии ряд российских исследователей (А. Афанасьев, А. Дука, В. Мохов, Г. Ашин) с большим основанием обвиняют в неисторическом подходе к элите[18], в элитаристском фундаментализме. Заметим, что, как правило, всякий фундаментализм обнаруживает свой догматизм и односторонность. А между тем в самих элитах в последние столетия происходят столь значи-

---

[16] Карабущенко Н.Б. Психологическая дистанция (в дихотомии элита-масса). М., 2002.

[17] Ясперс К. Смысл и назначение истории». М., 1996.

[18] «Понятие элиты исторически обусловлено, и его употребление в собственном смысле (осмысленное употребление) есть указание на определенный тип социального господства... понятие *правящая элита* или лучше именно во множественном числе — элиты — не просто одно из многочисленных имен властей предержащих; оно подразумевает определенные параметры функционирования социального поля власти. Параметры эти таковы: несословный характер правящего слоя, свободная рекрутация — право на карьеру; конкуренция «вертикальная»: легальность оппозиции (контрэлиты), возможность смены правительства; конкуренция «горизонтальная»: борьба за влияние между разными группами (субэлитами), составляющими правящий слой; общественное признание «правильности» первенства тех или иных групп, основанное на соблюдении теми законов и установленных процедур» (Афанасьев М.Н. Цит. соч. С. 256–258).

тельные изменения, что они угрожают вытеснить элитаризм с его доныне лидирующего места в элитологии. Эти изменения выражаются прежде всего в том, что на протяжении Нового времени структура элит становится все более сложной и неоднородной, традиционная аристократия вытеснялась буржуазией, да и само представительство аристократии в современных политических элитах ряда стран, в частности Западной Европы (например, в дипломатической элите), объясняется в значительной мере тем, что в этих странах аристократия сумела сохранить себя как часть политического класса, войдя в коалицию с капиталом, приняв ценности буржуазного общества (классический пример этого процесса — Великобритания: этот же процесс описан А. Токвиллем в его знаменитой книге «Демократия в Америке»). Еще более важное значение для существенных сдвигов в элитах (и, соответственно, в элитологии) имела общая тенденция демократизации политической жизни, возрастание роли народных масс в историческом процессе (и потому стремление элиты заручиться их поддержкой или, по меньшей мере, нейтрализовать их, допустив массы к ограниченному участию в политическом процессе, расширив социальную базу рекрутирования элиты). И позиция элитологов, продолжающих абсолютизировать противоположность элиты и массы, утверждающих, что эти отношения в основе своей вечны и неизменны, лишь модифицируясь от эпохи к эпохе, меняя лишь свои внешние формы, выглядит весьма старомодной.

Указанные сдвиги в структуре современных элит (в первую очередь политических) привели к серьезным изменениям и сдвигам в мировой элитологии, к появлению либеральной, а также радикально-критической трактовки дихотомии элита-масса. Вызов элитаризму был брошен, помимо марксизма, считающего основой социальной стратификации классовое деление, а элит-массовые отношения — следствием этого (о чем речь шла выше), но и либерально-демократическими элитологами, такими как К. Маннгейм, Дж. Шумпетер, Э. Ледерер, Х. Драйцель, Э. Фромм, П. Бахрах, Дж. Хигли, которые, не отказываясь от дихотомии элита-масса, считают неправильным их резкое противопоставление, подчеркивают взаимосвязь этих категорий, значение открытой системы рекрутирования в элиту представителей более низких страт общества. Они впервые попытались представить элиту и массу не как вечные, внеисторические категории, но привязать их к определенному этапу развития социально-политических отношений,

связанному с процессами индустриализации и урбанизации, с отрывом миллионных крестьянских масс от их традиционных корней, от сельской общины, от стабильной деревенской жизни. Этот процесс они стали называть процессом массовизации или омассовления, или, как его назвал Ортега-и-Гассет, «восстания масс» (против элиты).

П. Мохов и А. Дука связывают генезис элиты с индустриальным обществом. С этим можно согласиться. Только заметим, что многие западные элитологи, употребляя термин «индустриальное общество», предпочитают пользоваться иной терминологией в данном контексте, говоря о «массовом обществе». Теоретики массового общества считают, что элит-массовые отношения сформировались именно в массовом (или современном) обществе. Но можно сказать, что тут расхождения скорее терминологические, чем по существу, «массовое общество» в большинстве случаев оказывается синонимом или эквивалентом индустриального общества[19]. Именно теория массового общества фиксирует переход общества от традиционализма к омассовлению, включая в этот термин отрыв населения (подавляющее большинство которого было сельским) от культурных, традиционных корней, связанных с изолированностью сельской жизни, автаркичностью, процессы бегства его в города, индустриализацию — то, что в рамках этой теории называется «массовизацией общества».

Массовое общество. Элита в массовом обществе. «Массовое общество» — этот термин представляется абсурдным. Мыслимо ли общество без народных масс? Предвидя этот вопрос, западногерманский социолог Г. Шишков поясняет: масса существовала всегда, но только теперь «омассовлено» общество. Употребляемое в социологии и социальной психологии понятие «масса» возникло в ходе эмпирических наблюдений над непосредственно обозримыми множествами индивидов (например, поведение толпы на улице, публики в театре, кинотеатре, на футбольном матче и т.д.). Обращало на себя внимание возникновение определенных психологических связей, заставляющих индивидов вести себя иначе, чем если бы они действовали изолированно, и нередко примитивизирующих их поведение, подчас даже порождающих психологи-

[19] См. подробнее: Ашин Г.К. Миф об элите и «массовом обществе». М.: Международные отношения, 1966; Его же. Доктрина «массового общества». М., 1971.

ческие аномалии типа массовой истерии. В дальнейшем эта эмпирическая констатация превращается в абстрактную модель, ставшую основой для объяснения самых различных сфер социальных отношений, поведения «человеческих множеств», уже не являющихся непосредственно обозримыми. Такой подход, когда термин «толпа» подставляется на место социально-политической категории «народные массы», когда социальные движения подводятся под социальную конструкцию, выработанную при наблюдении случайных сборищ, обывательской аудитории, вряд ли можно назвать научным. Саму доктрину «массового общества» можно в известном смысле рассматривать как перенос понятия «масса» на общество в целом, как описание функционирования общества по способу поведения «массы» (отождествляемой обычно с толпой).

Теории массы в западной социологии и социальной психологии претендуют на объяснение поведения человеческих множеств, как правило, непрочных и случайных (в отличие от классов и иных социальных групп), члены которых объединены лишь присутствием в одном месте и в одно время. Особое внимание при этом обращается на поведение больших скоплений людей, исчисляемых порой миллионами, на поведение масс в чрезвычайных обстоятельствах (феномены паники, массового экстаза и т.п.). Понятие массы в этом контексте является прототипичным по отношению к теориям массового общества. Эти теории создаются в ответ на потребность описания двух социальных тенденций, с особой силой проявившихся в XX и XXI веках: 1) возрастание роли народных масс в историческом развитии, 2) рост классовой поляризации, обострение социальных и национальных антагонизмов (и одновременно —контртенденция — дестратификация, то есть сближение социальных групп и слоев, а также национальностей в процессе глобализации). Обе тенденции обусловлены сдвигами в социальной структуре общества, ломкой старых, традиционных дифференциаций, порожденных прежде всего научно-техническим прогрессом.

Понимание категории «масса» в социологии и социальной психологии отличается, как мы видим, огромной пестротой в толковании этого понятия: 1) как толпы (Г. Лебон), 2) как публики (Г. Тард), 3) как гетерогенной аудитории, противостоящей классу и относительно гомогенным группам (Э. Ледерер), 4) как уровня некомпетентности, как «сниженного уровня цивилизации» (Х. Ортега), 5) как продукта машинной техники (О. Шпенглер), 6) как «сверхорганизованного», бюрократизированного общества,

где господствует тенденция к униформизму, отчуждению (К. Маннгейм). Вместе с тем имеется определенная общность методологических установок и исходных принципов в большинстве различных вариантов теорий массы — стремление исключить из социального анализа классовые отношения и отчасти отношения собственности, ограничить его интерперсональными отношениями, перевести в русло эмпирических исследований, психологического редукционизма.

Термин «масса» заимствован из языка консервативной критики социальных изменений XVII–XVIII веках. (Э. Берк, Ж. Де Местр называли пугающую их историческую силу «толпой», «массой»). У Г. Лебона моделью массы является толпа, рассматриваемая как психологический феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии, повода, вызвавшего ее образование. В толпе образуется социально-психологическое (духовное) единство — «душа толпы», она проникается общими чувствами, взаимовнушение дает ей колоссальное увеличение энергии, в толпе глушится, исчезает сознательная личность. Лебон допускает существование «героических масс». Но он считает, что чаще в толпе берут верх низменные страсти. Для Х. Ортеги-и-Гассета «масса» — это усередненная, худшая часть людей. Модель «массы» как толпы не является общепризнанной; в ряде социологических исследований обращается внимание на то, что эта модель находится в противоречии с эмпирически фиксируемыми тенденциями современного общества — ростом атомизации, некоммуникабельности, отчуждения; моделью массы видится не толпа, а публика, активистского участника толпы сменяет зритель. Например, Г. Тард требовал перестать смешивать толпу и публику: в первой люди физически сплочены (объединены общностью пространства), во второй — могут быть рассеяны в пространстве (например, читатели газеты); первая «гораздо более нетерпима, вторая более пассивна». Отсюда Тард делает вывод о желательности замены толпы публикой, которая более цивилизована.

Американский социолог Г. Блюмер считал главными характеристиками массы (как аудитории, например, зрителей кинотеатра) анонимность и изолированность ее членов, слабое взаимодействие между ними, разнообразие их социального происхождения и положения, отсутствие организованности. В известной книге Д. Рисмена «Толпа одиноких» (“The Lonely Crowd”) дана лапидарная

характеристика массы в системе современного общества: люди чувствуют себя отчужденными от него, от других людей, отношения между ними проявляются в форме недоверия, даже враждебности. Авторы других концепций массы стремятся связать массы с отношениями классов (чаще страт). Для Э. Ледерера, Х. Арендт «масса» — продукт дестратификации, своего рода антикласс. Для У. Корнхаузера масса — агрегат людей, в котором неразличимы группы или индивидуумы.

О массовом обществе пишут представители самых различных, подчас конфликтующих между собой направлений социологии. «Призрак преследует социологов, призрак массового общества», — пишет известный американский социолог Э. Шилз, сам отдавший дань описанию этого «призрака». Причем эта дискуссия продолжается больше столетия. «Массовое общество — один из распространеннейших терминов социологического словаря, — пишет американский социолог Э. Уолтер, — но его принятие менее всего похоже на единообразие. Одни отвергают его как обскурантистский бред, другие принимают за истину, третьи связывают в ним утомительный шаблон»[20].

Интересно, что в этой дискуссии до второй половины XX века редко кто объявлял себя сторонником массового общества, почти все пишущие о нем были его критиками. Английский публицист А. Стюарт не без оснований считает, что фразы о массовом обществе относятся не к рациональному мышлению, а скорее к области эмоций. Сторонники разных политических направлений используют термин «массовое общество» для критики тех черт современного общества, которые они не одобряют.

Что же такое «массовое общество»? Адекватная модель современного общества или же просто спекулятивная конструкция, не имеющая аналога в действительности и являющаяся орудием политической демагогии, средством уязвления политических оппонентов? Не будем спешить с ответом, заметим только, что такого рода критика не является чем-то исключительным, у нее имеется прочная традиция в лице консервативной идеологии, идущей еще от немецких романтиков, Ницше и Буркхарда. Доктрина массового общества — специфическое мироощущение, критичное в своей основе. Но критицизм этот не наступательный, а скорее глубоко

[20] Walter E. Mass Society. The Last Stage of an Idea // Social Research. Albany, 1964. № 4. P. 22.

пессимистический; он исходит из ощущений глубокого кризиса современного общества с характерным для него милитаризмом, бюрократизмом, манипулированием людьми, ростом социальных болезней. Это, несомненно, трагическое мироощущение, диапазон которого — от понимания того, что рушатся традиционные элитарные ценности, до тоски по «доброму старому времени» и одновременно панихида по нему.

При анализе истории той или иной концепции исторические экскурсы играют лишь вспомогательную роль, ее развитая форма служит ключом для раскрытия смысла ранних, еще неоформившихся набросков теории. В концепциях массового общества все обстоит иначе. Первые варианты их куда более откровенны и определенны, чем современные (сплошь и рядом противоречащие друг другу) концепции. Представления о массовом обществе вообще не являются продуктом какой-либо научной теории, преемственно развивающейся во времени. Это скорее идеологический язык, на котором говорят сторонники различных социологических и политологических теорий, над подлинным происхождением которых многие уже не задумываются. Выражения «масса», «массовизация» разные авторы интерпретируют по-разному, но никто из них не может освободиться от власти первоначального смысла этих категорий, от того способа восприятия общественных отношений, который с помощью данных категорий был впервые выражен и зафиксирован. Что же представляет собой способ восприятия, под власть которого подпадают теоретики массового общества, какую бы позицию — либеральную, радикальную или консервативную — они ни занимали?

Истоки доктрины массового общества — в консервативной, романтической критике капитализма со стороны классов, утрачивающих свои сословные привилегии, свой элитаризм, свой патриархальный жизненный уклад, бессильных перед лицом господства холодного рассчета и голого чистогана (Э. Бэрк, Ж.де-Местр, консервативные романтики Германии, Франции, Англии). И первым целостным вариантом доктрины был консервативный вариант, аристократическая критика социальных изменений Нового времени. Большинство теоретиков массового общества ссылаются как на своих предшественников на Лебона, Ницше, Ортегу. Ницше, пожалуй, наиболее яркий выразитель «бунта элиты против массы». Ницше, по сути, создал азбуку доктрины, и его слова, что отныне главную роль играет масса, а масса преклоняется перед всем за-

урядным, можно поставить в качестве эпиграфа к сочинениям нынешних теоретиков массового общества и массовой культуры.

Доктрина массового общества возникла, таким образом, как концепция откровенно антидемократическая, элитарная и никакие последующие перелицовки не могли до конца стереть с нее этого при рождении наложенного клейма. А эти перелицовки имели место. Если на первом этапе своего развития (конец XIX – первая треть XX века) основным объектом ее критики были демократические движения масс, то второй этап, связанный с именами Э. Фромма, Х. Арендт, Р. Миллса, А. Видича, характеризовался переносом острия критики на такие проявления госмонополистического капитализма, как манипулятивный тип управления элитой массами, рост бюрократизма, конформизма, отчуждение личности, чреватое ее распадом, кризис социального общения, гибель культуры при господстве маскульта.

Этот, ставший наиболее влиятельным, вариант доктрины массового общества в свою очередь подвергается острой критике со стороны таких консервативных и либеральных авторов, как Белл, Липсет, Уолтер, Этциони, считающих его «неоправданно критическим», неконструктивным. Д. Белл пишет, что «теория массового общества не служит больше описанием западного общества, выступая как идеология романтического протеста против современной жизни»[21], как этакий интеллектуальный снобизм. Э. Шилз, Дон Мартиндейл и др., стараясь использовать популярность теорий массового общества, стремятся выхолостить из них критическую направленность, трактуя их в плане апологии западного образа жизни. Они считают, что социальные коллизии лучше всего разрешаются законным бюрократическим путем, что в условиях роста среднего класса жесткая дихотомия элита-масса превратилась в атавизм. Массовизация трактуется в позитивном плане: усреднение образа жизни больших масс людей, рост среднего класса делает доступным для масс то, что еще недавно было привилегией элиты. Происходит «интеграция масс с центральными институциональными и ценностными системами»[22], выработанными элитой.

Теоретики массового общества определяют его структуру прежде всего с точки зрения отношений между элитой и массой, претендуя

[21] Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe, 1960. P. 36.

[22] America as a Mass Society. Ed. by Ph. Olson. Glencoe, 1966. P. 32.

на создание модели, в которой были бы учтены взаимоотношения обоих этих структурных элементов. Один из видных теоретиков массового общества У. Корнхаузер строит типологию социальных структур с точки зрения отношений элит и масс (неэлит). «Общинное общество», близкое к понятию «традиционного», характеризуется недоступными элитами (они наследственны) и неподатливыми неэлитами (связанными принадлежностью к общине). В тоталитарном обществе элита недоступна, а массы податливы (они не включены в автономные группы и легко мобилизуются элитой). Массовое общество — общество доступной элиты и податливых неэлит, в результате чего социальная активность его членов выливается во «вторжение в жизненные центры общества» (аналог «восстания масс» у Ортеги-и-Гассета). Альтернативой массовому обществу Корнхаузер считает плюралистическое общество, где люди объединены в многочисленные автономные «промежуточные» группы (социальные слои, организации, добровольные общества и т.д.), которые образуют своеобразный буфер в элит-массовых отношениях. Таким образом, конструируется идеализированный образ демократии, в которой ликвидируется социальная атомизация и массы защищаются от произвола элиты сетью независимых групп.

По Корнхаузеру, во всех обществах, кроме примитивных, существуют три уровня социальных отношений: первый — личностные отношения, их основная ячейка — семья; второй уровень включает «промежуточные отношения» — добровольные ассоциации, профессиональные объединения и т.д.; третий уровень — отношения государственные, национальные. В массовом обществе промежуточные отношения неразвиты, поэтому индивидуум и первичная группа непосредственно соотносится с государством и организациями национального масштаба. В этих условиях «элиты и неэлиты прямо зависят друг от друга: существует ситуация массового общества». Она-то и порождает массовое поведение, отличающееся иррационализмом и разрушительностью.

Массовые движения Корнхаузер считает угрозой демократии, ибо они идут вразрез с конституционными нормами и процедурами. Он противопоставляет им плюралистическое общество, где метод участия масс менее прямой, менее активистский. Главной гарантией против узурпации элитой власти является существование многих автономных групп, достаточно равных по своему потенциалу, чтобы породить истинную конкуренцию в борьбе за лидерство. В плюралистическом обществе, полагает он, ликвидиру-

ется база для массовых движений, исключается непосредственное вмешательство масс в политику, оно заменяется конкуренцией элит и реформистской деятельностью властей[23].

Среди современных западных социологов нет единства по поводу того, применим ли термин «массовое общество» к реалиям конца XX – начала XXI века. Большинство полагает, что термин «работает», и использует его при описании постиндустриального общества, меньшинство и такой влиятельный социолог, как О. Тоффлер, считает, что «общество третьей волны» (аналог постиндустриального общества) перестает быть массовым, уступая место демассификации. Если массовое общество производит однообразную конвейерную продукцию, то в «обществе третьей волны» технология доросла до уровня, который может учитывать индивидуальный вкус. Так, куклы японского производства — не просто воспроизведение определенного клише, а имеют индувидуальные отличия (как при ремесленном производстве), и миллионер может купить не серийный кадиллак, а сделанный по его персональному заказу: с помощью программного управления можно изготовить из типовых блоков машину по индивидуальному проекту, учитывая его вкусы и привязанности.

Исторический подход к элит-массовым отношениям. Теории массового общества лишь обострили проблему элит-массовых отношений, а отнюдь не решили их. Это относится и к проблеме исторического подхода к ним. Тем не менее проблема была заявлена. Еще раз сошлемся на Г. Драйцеля, отметившего, что различным типам социальных структур соответствуют различные элиты: социально-доминантные группы эволюционируют — от сословных к классовым (во главе с буржуазией) и к элитам демократических политических систем[24].

Последовательно поставлена проблема историзма правящих групп и элитогенеза в работах ряда российских элитологов[25].

---

[23] Подробнее о полемике элитаризма и плюрализма см. следующую главу. — *Прим. авт.*

[24] Dreitzel H. Elitbegriff und Socialsturtur. Eine Sociologische Begriffsanflyse. Stuttgart, 1962.

[25] Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения советских региональных элит. Пермь, 2000; Дука А.В. Элита как становящийся институт // Региональные элиты Северо-Запада России. СПб, 1999; Ашин Г.К. Элитизм и демократия // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

От неисторического подхода к элите, утверждений о вечности и неизменности дихотомии элиты и массы (Моска и многочисленные представители протоэлитологии), мы переходим к историческому подходу, устанавливаем, что термин «элита» в большей мере применим к социально-политической структуре, которая отражает этап формирования гражданского общества, где политический класс вынужден учитывать роль общественного мнения (и в значительной мере зависит от него), где он является таковым не просто потому, что за ним стоит властный ресурс, а потому, что он представляет интересы больших групп населения, то есть где власть носит в большой мере представительный характер, где элитный статус, как правило, является не предписанным (как в случае элиты крови), а достигнутым благодаря интеллектуальным и другим достоинствам личности, т.е. он все же в большей степени оправдывает термин «элита», чем элита традиционного общества, элита крови, где человек, занявший высокий пост, например монарха, может быть умственно отсталым, не способным к выполнению управленческих функций (если это имеет место в индустриальном и постиндустриальном обществе, то скорее как редкое исключение из правила).

Исторический подход к элите — это не просто привязка элиты к определенному этапу развития материального производства и социально- политических отношений. Это и учет изменений в самой элите, отвечающих историческим потребностям. В частности, потребностям, связанным с самим характером социального, политического, экономического управления. В традиционном обществе было минимум перемен, и для управления достаточна была относительно небольшая элита, которая в минимальной степени требовала элитного образования. В индустриальном обществе процесс управления усложняется, он требует увеличения количественных параметров элиты, рекрутирования в элиту представителей более низких страт общества, увеличения объема знаний, необходимых элитам, следовательно, увеличения и повышения уровня элитного образования. Еще большее усложнение, увеличение управленческих функций происходит в постиндустриальном, информационном обществе. Происходит еще больший численный рост управленцев. Теперь попробуем экстраполировать этот процесс на будущее. Тенденция уже выявилась — все большее увеличение элиты (количественное и качественное, абсолютное и относительное). А увеличиться она может только за счет неэлиты. И можно предположить, что в коли-

чественном отношении элита достигнет объемов, превосходящих неэлиту, следовательно, сам термин «элита» со временем отомрет, поскольку элита по определению — меньшинство общества.

Отметим также, что вопрос о генезисе элит, о том, что они возникают в исторически определенный период истории — лишь одна из сторон проблемы. Сказав «А», будем последовательны и скажем «Б»: коль скоро элита возникла, она с течением времени, с изменившимися условиями, может и отмереть.

Всякая вещь, имеющая начало, не вечна. Есть ли объективные предпосылки для развития социально-политических систем в этом направлении? Думается, что они имеются. Обратимся к вопросу о субъекте исторического действия, является ли он чем-то постоянным, неизменным? Одной из важнейших закономерностей исторического процесса является расширение субъекта исторического действия. И если согласиться с мнением большинства элитологов о том, что этим субъектом является элита, а не народная масса (проблема в высшей степени дискуссионная), то все равно возникает вопрос о том, является ли элита равной самой себе (хотя бы по объему) по мере развития демократии. Одним из существенных моментов демократии как раз и является расширение субъекта исторического действия. И это развитие может достичь уровня, когда с поднятием политической культуры населения, развитием демократических институтов размер элиты расширится до того, что сознательным субъектом исторического процесса станет не меньшинство, а большинство населения. Тогда термин «элита» перестанет быть необходимым. К авангарду общества подтянется большинство населения. Разве это не есть одна из важнейших целей демократии?

Однако и тезис о полной однородности общества, об отсутствии авангардного меньшинства, страт, различных по степени пассионарности, отрицание любых элит в различных областях человеческой деятельности, элитофобия — представляются не меньшим, если не большим догматизмом, чем абсолютизация элит-массовых отношений. Было бы глупым и недальновидным игнорировать различие умственных и иных способностей людей. Но не следует и абсолютизировать эти различия, превращать преимущества тех или иных социальных групп в институционально закрепленные привилегии, тем более передающиеся по наследству и ставящие людей в неравное положение, закрепляющие неравные стартовые возможности для личностного развития.

В заключение отметим одну опасную тенденцию, которая складывается в современной России. Существует опасность того, что в России формируются два мало связанных друг с другом мира — мира немногих наверху, разительно отличающегося от мира внизу (различающегося в десятки раз по размерам дохода, по образу жизни, даже по среде обитания)[26]. Новая российская элита превращается в замкнутую касту. Причем приток аутсайдеров в нее сокращается. Разрыв между 10% самых богатых и 10% самых бедных во много раз выше, чем в процветающих странах Западной Европы. Ее стратификацию скорее можно сравнивать со стратификацией стран «третьего мира». Причем между элитой и населением с уровнем дохода, равным прожиточному минимуму или ниже его, — почти нет буферных групп, могущих сгладить эти контрасты.

В советское время «идейные» журналисты-международники любили писать очерки под названием: «Нью-Йорк (Лондон, Париж и т.д.) — город контрастов». Не будут ли иностранные журналисты писать очерки под названием: «Россия — страна контрастов»?

Известные элитологи А.В. Понеделков и А.М. Старостин не без оснований пишут о феномене элитократии, когда элитные группы не только монополизируют власть в той или иной стране, но все более отдаляются от народа. Их образ жизни разительно отличается от образа жизни народа. Увы, этот феномен можно иллюстрировать на примере постсоветской России. На фоне обнищания миллионов людей в условиях мирового кризиса элита живет в условиях вызывающей роскоши, причем цинично демонстрирует ее на экранах телевидения. Олигархическая и политико-административная элита живет отдельно от «толпы», не смешиваясь с ней, отгороженная от «простого населения» заборами охраняемых загородных коттеджей, эта элита самовоспроизводится,

---

[26] Московская элита живет в престижных районах Садового кольца (на Остоженке, где стоимость квадратного места элитного жилья — от 12 тыс. долларов за кв. метр, в тихих арбатских переулках), вдоль трассы Киевское — Рублевское шоссе и т.п. местах, в загородных коттеджах стоимостью в миллионы долларов, их дети учатся в престижных частных школах с высокой вероятностью попадания в элитные вузы Москвы (а по желанию родителей — в Гарвард, Принстон, Оксфорд). Они отдыхают на лучших курортах мира, они — обладатели престижных иномарок. Российская элита — олигархи и обогатившиеся коррумпированные чиновники самого высокого ранга (нынешние и бывшие, вплоть до родственников Ельцина) —скупают самые дорогие квартиры в Лондоне, Париже, самые дорогие коттеджи на Ривьере или во Флориде и в Южной Калифорнии. — *Прим. авт.*

их дети учатся в элитных частных школах, знакомятся с «равными себе» по статусу, они поступают в элитные вузы, затем с помощью родительских связей получают высокие должности в крупных офисах, в политических, законодательных, судебных структурах, они откровенно (или замаскированно) презирают «неудачников», не имеющих их привилегий. Они редко общаются с «простым населением», они обычно не пользуются метро, а платные автомагистрали, которые скоро будут построены, еще более ослабят и так тонкую связь элиты и массы. Иначе говоря, элита превращается в закрытую самовоспроизводящуюся и потому, как показали еще Моска и Парето, в перспективе неизбежно разлагающуюся, деградирующую группу, (особенно эта судьба угрожает детям и внукам членов элиты). Отсюда — и опасность повторения судьбы боярского, дворянского и иных привилегированных сословий. В условиях мирового финансового кризиса эти тенденции лишь усилились. Похоже, «элита» напрочь забыла опыт трех русских революций прошлого века.

ГЛАВА

10 ЭЛИТИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ. ДИСКУССИИ О СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ И СТРУКТУРЕ ЭЛИТ В США[1]

На протяжении всей второй половины XX и начала XXI века среди американских политологов ведутся острые дискуссии по вопросу о структуре власти в США. Кто является субъектом власти и субъектом политического управления? Наиболее известные политологи США, такие как Р. Даль, Т. Дай, У. Домхофф опубликовали книги под сходными названиями: Кто правит? Кто управляет Америкой?»[2]

Ответы на этот вопрос даются не только весьма различающиеся между собой, но порой прямо противоположные. К началу века накал этой полемики не ослаб. За прошедшие десятилетия в ней лишь менялись акценты, менялись персоналии дискутантов, расширялся эмпирический материал. В первое десятилетие нового века эта полемика институтизировалась, развиваясь внутри трех сложившихся направлений — политического плюрализма (власть плюралистична, детерминируется взаимодействием различных групп интересов), элитаризма (власть концентрируется в руках небольшого числа людей, занимающих лидирующие позиции в важнейших социально-политических институтах, и это — норма политических систем), наконец, что эту власть не выпускает из своих рук господствующий класс США, представляющий прежде всего финансовую олигархию, владельцев и высших менеджеров крупнейших корпораций.

Собственно, спектр ответов на интересующий нас вопрос несколько шире. Мы можем выделить следующие основные точки зрения:

1. Позицию элитаристов (иногда их концепцию называют функциональной теорией элиты): власть в обществе осуществляется

---

[1] Ашин Г.К. Дискуссии о структуре власти и структуре элит в США // Общественные науки и современность. 2001. № 1; Его же. США: политическая история в ключе исторической политологии // Полис. 2002. № 2.

[2] Dahl R Who Governs? New Haven: Yale Univ. Press, 1961; Domhoff W. Who Rules America? N.J.: Prentice Hall, 1967; Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000, L.; Toronto, 1998; Dye T. Who's Running America? The Clinton Years. — 6-th ed. N.J.: Prentice Hall, 1995; Dye T. Who's Running America? The Bush Restoration. — 7-th ed. N.J.; Prentice Hall, 2002.

элитой, т.е. организованным и более или менее сплоченным меньшинством, имеющим в своем распоряжении рычаги власти; причем такое положение вещей — социальная норма (точка зрения Т. Дая).

2. Позиция элитологов, согласно которой власть в обществе, в частности, в современных Соединенных Штатах и других западных демократиях, осуществляют элитные группы, но это нарушение демократических прав народа, вызов демократии, положение, обрекающее большинство населения на политическую пассивность, на превращение в объект манипуляции со стороны правящей элиты (точка зрения Р. Миллса; подобные взгляды называются также критическими теориями элиты).

3. Позиция сторонников классового подхода, которые считают дихотомию элита-масса альтернативой классовому подходу и потому отвергают ее, считая, что власть в обществе (обществе классово-антагонистическом, во всяком случае) осуществляется господствующим эксплуататорским классом владельцев средств производства, что понятие элиты не является необходимым при анализе политической системы, поскольку совпадает с правящим классом. Конечно, сторонники этой точки зрения — прежде всего политологи-марксисты, хотя сюда относятся и некоторые политологи-немарксисты, а также политологи, так или иначе испытавшие марксистское влияние (например, У. Домхофф). Вспомним в этой связи, что сам Г. Моска отождествлял элиту и правящий класс, что позволило его оппонентам посчитать этот взгляд следами марксистского влияния.

4. Позиция политологов, которые считают понятие элиты совместимым с классовым анализом общества; элита выступает как «исполнительный комитет» господствующего класса (Э. Карлтон).

5. Плюралистическая концепция, согласно которой понятие элиты, применимое по отношению к недемократическим политическим системам, не «работает» при анализе современного демократического процесса, который представляет собой результат взаимодействия и конкуренции между «группами давления», выражающими интересы различных социальных слоев, и представляет собой определенный баланс интересов между различными слоями населения и выражающими их интересы «групп давления» или «вето-групп» (Д. Рисмен). Эту позицию можно назвать «радикальным плюрализмом».

6. Наконец, среди плюралистов существует, так сказать, «ослабленный плюрализм», включающий в себя элементы элитизма,

или «элитный плюрализм», когда политический процесс рассматривается как состязание и сотрудничество элит, выражающих интересы различных социальных групп (например, лидеры организаций рабочего класса, средних слоев, высшего класса), групп, играющих ведущую роль в основных сферах социальной жизни (политическая, экономическая, культурная и другие элиты — точка зрения В. Гэттсмена и многих других теоретиков элитного плюрализма).

Эту схему можно несколько упростить, объединив достаточно близкие между собой позиции (например, вторую и четвертую, а также пятую и шестую), и в этом случае конфликтующие позиции можно суммировать следующим образом, как это делает, в частности, американский политолог Г. Кербо[3]:

Три главных дискуссионных вопроса	Критические теории элиты	Функциональные теории элиты	Плюралистические теории
Нужны ли сильные независимые элиты в развитых индустриальных странах	**Нет**	**Да**	**Нет**
Выливается ли наличие сильных независимых элит в эксплуатацию (населения)	**Да**	**Нет**	**Да**
Управляются ли Соединенные Штаты элитой (элитами)	**Да**	**Да**	**Нет**

Однако эта полемика ведется в западной политологии, так сказать, не «на равных». Среди указанных точек зрения безусловно превалирует, во всяком случае количественно, плюралистическая концепция.

Д. Трумен, С. Липсет, Р. Даль и другие менее известные теоретики плюрализма охотно выдавали (и выдают) себя за наследников демократических философских и политических традиций, связанных с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье, отцов-основателей США, прежде всего Т. Джефферсона, идеологов либерализма XIX века Дж. Милля, А. де Токвилля. Кажется, ничто не предвещает заката эры торжества плюрализма. Однако некоторые симптомы этого

[3] Kerbo H. Social Stratification and Inequality. N.Y., 1996. P. 213.

заката уже начинают обозначаться. Теории политического плюрализма в последние десятилетия являлись не просто широко распространенными, они практически безраздельно господствовали в американской и западноевропейской политологии, да и продолжают господствовать, оставаясь и поныне дежурным, наиболее распространенным объяснением существа западной демократии. Плюралистические теории способствовали внедрению в массовое сознание образа справедливой демократической системы, учитывающей интересы всех групп населения. Этот образ, всемерно популяризируемый западными средствами массовой информации, выполняет, как отмечают многие западные политологи, вполне определенные идеологические функции. Плюралистическая концепция как нельзя более импонирует и большинству американских и западноевропейских политиков, и теоретикам политологии академического плана: ее положения выглядят заманчиво либеральными, бесклассовыми, деидеологизированными. Не случайно, плюрализм в современной западной политологии стал чуть ли не синонимом демократии.

Теория политического плюрализма стала банальным общим местом современной политической науки, неким символом общей веры. Но веры без достаточных оснований. Вспоминается в этой связи мысль Н.А. Бердяева о том, что когда идеология находится в зените своего влияния и популярности, она почти наверняка утрачивает свои основания.

Хотелось бы уточнить постановку вопроса о политическом (и идеологическом) плюрализме. Вопрос не стоит так: хорош или плох плюрализм, справедлив он или несправедлив. Да, он хорош, он справедлив. Но вопрос совсем в другом: соответствует ли этой модели современная политическая реальность, в частности политическая система США.

Усиление исполнительной власти, невиданный рост государственно-бюрократической машины, определенное снижение роли представительных учреждений вызывает тревогу в широких кругах общественности, в том числе американской и западноевропейской. Эти процессы не могли не получить определенного отражения в американской и западноевропейской политологии, в которой отмечается пересмотр (причем отнюдь не безболезненный) ряда концепций и доктрин, популярных в середине и второй половине XX века, когда, собственно, и началась полемика по вопросам роли политических элит в структуре власти в США. Центральный

вопрос этой полемики: является ли политическая система современных Соединенных Штатов образцом плюралистической демократии или же это элитарная структура? И в последнем случае не является ли концепция политического плюрализма (как реализованная в США) сознательно насаждаемой иллюзией?

Теории политического плюрализма и их критики. В модели плюралистической демократии ни один класс или группа населения не обладают монополией власти; организации, выражающие их интересы, выступают как «группы давления» на государственный механизм, который рассматривается как бесклассовый. В этой модели «диффузии власти» последняя рассредоточена между всеми социальными группами, но при этом остается в тени социально-классовая природа этих групп. Эта концепция отрицает классовую сущность политической власти, представляя государство в современных капиталистических странах с демократическим режимом как выражение воли всего населения.

Известно, что плюралистическая теория рисует социально-политический процесс в развитых капиталистических странах как конкуренцию и компромисс между множеством «заинтересованных групп», которые соперничают в разделе «сладкого пирога» — благ и преимуществ, создаваемых системой индустриального и постиндустриального общества. Взаимная конкуренция этих групп, по мнению сторонников этих концепций, страхует общество против опасности того, что одна из групп станет «доминирующей элитой». Предполагается, что «заинтересованные группы» или «группы давления» через свои организации могут влиять на политическую систему, участвовать в социальном контроле и управлении, причем не столько навязывая свою волю другим группам, сколько создавая коалиции, блокируя угрозы своим интересам, возникающие как со стороны государственных органов, так и со стороны других групп.

Модель плюралистической демократии претендует на целостное описание демократического процесса в современных развитых индустриальных странах, в которых по «техническим» (не по социальным) причинам не может быть осуществлена прямая демократия. Хотя индивидуум не участвует непосредственно в выработке государственной политики, предполагается, что он может вступить в формальную организацию, способную влиять на правительство в нужном ему направлении. Плюралисты исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего

большое число групп — профессиональных, религиозных, этнических, региональных и т.п., — создает потенциал для образования организаций, выражающих их дифференцированные интересы. Вопрос о классовых различиях и классовой борьбе тщательно обходится как «марксистские крайности», которые остались в прошлом веке (кстати, на этом основании игнорируется и марксистская критика плюралистических теорий). Организации рабочего класса — профсоюзы, партии — рассматриваются не как организации для ведения классовой борьбы, а лишь как средство усиления определенных групповых позиций в системе капиталистических отношений, прежде всего на рынке труда.

Классическими работами по проблемам плюралистической демократии являются труды Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля. Так, Даль пишет, что основная аксиома в теории и практике американского плюрализма такова: вместо единого центра суверенной власти должно быть множество таких центров, ни один из которых не должен быть полностью суверенным. Он утверждает, что это дает возможность гражданам и лидерам проявить свое искусство мирного улаживания конфликтов. Таким образом, структура политической власти США, по Далю, представляет собой полиархию, включающую множество центров власти. А подобная полиархия и представляет собой современную модель демократии.

Не следует понимать нас так, что мы — противники модели полиархии, модели плюралистической демократии. Напротив, модель заслуживает всяческого одобрения. Вопрос только в том, соответствует ли этой модели политическая система современных Соединенных Штатов. Еще раз вспомним при этом, что, по мнению Гегеля, истиной первого порядка является соответствие субъективного знания действительности и истиной более высокого порядка — соответствие объекта идее объекта, его понятию, его нормативу. Тогда истины первого порядка — это истины политической социологии, а истины второго порядка — истины политической философии. И если бы Р. Даль писал книги по политической философии — дисциплине нормативной, — тогда можно было бы только солидаризироваться с ним. Но ведь Р. Даль претендует на то, что он пишет труды по политической социологии, описывает реальный политический процесс в современных Соединенных Штатах. А вот соответствует ли полиархическая модель политической реальности США — проблема, по которой мнения самих американских политологов расходятся, и расходятся кардинально.

Является ли модель плюралистической демократии реализованной в современных Соединенных Штатах или же это — лишь норматив, лишь цель, лишь направление движения, по которому развивается политическая система США?

Как отмечают американские политологи У. Домхофф, Р. Уотсон[4] и др., лишь незначительное меньшинство американских граждан может оказать влияние на характер и направление внутренней и особенно внешней политики страны. В результате, по словам Р. Миллса, Соединенные Штаты управляются далеко не самыми лучшими, способными гражданами, но выходцами из узкого элитарного круга, главным образом из богатейших семейств Америки.

Следует заметить, что Р. Миллс своей книгой «Властвующая элита» нанес по идеологии плюрализма ощутимый удар. «Американцы никак не хотят отказаться от представления, что государство — это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимоуравновешивания противоборствующих интересов», — иронизирует Миллс. «Когда говорят о "равновесии сил", — продолжает он, — это вызывает представление о "равенстве сил", а равенство сил выглядит как нечто вполне справедливое и даже почетное. Но то, что для одного человека фактически является почетным равновесием, для другого часто оказывается несправедливым отсутствием равновесия. Господствующие классы охотно, конечно, декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство не прерывалось и не нарушалось»[5]. В действительности, как доказывает в своей книге Миллс, властвующая элита безраздельно господствует в американском обществе, вследствие чего «все разговоры о демократии в США звучат как издевательство».

Близкие идеи, хотя и не в столь радикальной форме, причем не по отношению к общенациональному, федеральному уровню, а к региональному, развивал Ф. Хантер в книге «Верховное лидерство, США». Исследуя структуру власти в городе Атланта (штат Джорджия), он показал, что все городские заправилы принадлежат к миру финансистов или зависят от него, что они объединены по интересам в несколько клик, которые сговариваются между собой

---

[4] Domhoff W. The Powers That Be. Process of Ruling Class Domination in America. N.Y., 1979; Watson R. Promise and Performance of American Democracy. N.Y., 1972.

[5] Миллс Р. Властвующая элита. М., 1956. С. 333, 336.

по важнейшим вопросам. Вывод его исследования был однозначным: «действительная структура власти в США ущемляет интересы большинства в пользу интересов элиты»[6].

Ответ сторонников плюрализма Ф. Хантеру не заставил себя долго ждать. Уже известный нам Р. Даль, исследуя структуру власти в другом американском городе — Нью-Хейвене (штат Коннектикут), пришел к выводам, прямо противоположным выводам Ф. Хантера. Даль исследовал, кто в Нью-Хейвене принимает решения в трех областях управления городской жизнью: 1) в выдвижении кандидатов (от партий) на политические и административные должности; 2) в руководстве городским планированием; 3) в осуществлении руководства народным образованием. Результаты исследования свидетельствовали о том, что в Нью-Хейвене структура власти не пирамидальная, как на этом настаивал Хантер. Эта власть скорее рассредоточена среди равных групп и индивидов. Ф. Хантер на материалах исследования, проведенного в Атланте, доказывал, что власть во всех наиболее важных областях городской жизни сосредоточена в руках городской элиты — собственников и высших менеджеров промышленных, коммерческих, финансовых корпораций и наиболее высокопоставленных чиновников. По Далю, напротив, получалось, что лидеры в каждой из трех исследуемых им структур Нью-Хейвена не были влиятельны в двух других структурах (только 3 из 50 выявленных им лидеров были влиятельны во всех трех структурах: мэр, его предшественник и руководитель городского планирования). Лидерство в Нью-Хейвене, другими словами, оказывается, по Далю, специализированным, дисперсным[7].

---

[6] Hunter F. Top Leadership, USA. Chapel Hill, 1959.

[7] Dahl R. Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven, 1961. Полемика между Хантером и Далем подробно проанализирована В.Г. Ледяевым в статьях: Ледяев В.Г. Социология власти: исследование Ф. Хантера // Социологический журнал. 2002. № 1; Его же. Кто правит? // Социологический журнал. 2002. № 2. Позицию Даля, изложенную им в книге "Pluralist Democracy in the United States" (Chi., 1967), что современная политическая элита — это правление лидеров разных элитных групп, достигших между собой понимания, также рассматривает А.В. Понеделков и сравнивает эту ситуацию с российской, делая вывод о том, что, с одной стороны, современный этап сближает современную российскую элиту с институционализированными формами воспроизводства и продвижения, характерными для западных элит, но отмечает, что в этом отношении новая российская политико-административная элита ближе к номенклатурной, чем к западной (Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. Ростов н/Д., 2005. С. 169–189).

Интересно, что через пару десятилетий структуру власти в том же Нью-Хейвене вторично исследовал другой американский политолог — У. Домхофф, написавший по материалам своего исследования книгу «Кто действительно правит?»[8]. Домхофф критикует Даля с позиций теории класса, критикует его прежде всего за то, что тот в своем исследовании жестко разводит экономическую, политическую и социальную элиты. Исследуя членство в городских престижных клубах, он показал, что большинство членов экономической элиты города являются в то же время и членами элиты социальной, делая вывод, что реальная власть в городе (а в нем, как в капле воды, отражается ситуация, существующая в стране) — в руках представителей господствующего класса.

Реакция на работы Миллса и Хантера со стороны теоретиков господствующих направлений в социологии и политологии, прежде всего со стороны теоретиков политического плюрализма, была резко враждебной. Тем не менее после выхода в свет книги Р. Миллса «Властвующая элита» каждый, пишущий о структуре власти в США с позиций плюрализма, должен был искать аргументы против концепции Миллса. Этими поисками отмечены работы плюралистов конца 50–60-х годов. Р. Даль обвинил Миллса в «логической неубедительности» и отсутствии достаточных эмпирических доказательств[9]. Д. Белл назвал концепцию Миллса «вульгарной социологией». Критикуя «Властвующую элиту», он, в частности, писал: «Даже если, как настаивает Миллс, американская политика определяется элитой, стоит указать, что эта элита... созидательная»[10]. В своей нашумевшей книге «Конец идеологии» Белл посвящает целую главу критике теории Миллса, где утверждает, что автор неточно и нестрого употребляет термин «элита», что он дает не эмпирический анализ власти в США, а лишь схему, причем «неудовлетворительную».

К дискуссии о структуре власти в США. Властвующая элита или элитный плюрализм — это центральная проблема в полемике о структуре власти в Соединенных Штатах, которая продолжа-

[8] Domhoff W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. N.Y., 1978.

[9] American Political Science Review. 1958. June. P. 463–467.

[10] Encounter. 1960. № 6. P. 55.

ется около полувека. «Каков характер этой власти?» — задают вопрос политологи Б. и П. Бергеры, исследовавшие эту дискуссию. Справедлива ли теория властвующей элиты или же многофакторная теория?[11]

В 50–60-х годах в фокусе внимания находилась полемика по этой проблеме между Р. Миллсом и Д. Рисменом, которую подытожил видный американский политолог У. Корнхаузер[12]. Миллс утверждает, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой, в то время как народ фактически бесправен, не он решает основные политические вопросы. По Рисмену вопрос, кто властвует в США, носит спорный характер: «ситуация гораздо более неопределенна», чем кажется на первый взгляд. Сущность американской политической системы, подчас искажаемую в реальности, Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом вето в сфере своих интересов. Он считает «упрощенным» мнение радикалов о том, что Америкой управляет Уолл-стрит. Утверждение, что в США правит или должно править меньшинство, он отвергает как марксистский экстремизм (в первом случае) или элитарный аристократический подход (во втором), допуская, однако, что последний был справедлив в прошлом. Несоответствие американской действительности своей схеме он склонен объяснять всякого рода досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т.д.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: высший — реальная власть, которая осуществляется властвующей элитой; средний — который отражает групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в кулуарах конгресса; наконец, низший — уровень «фактического бесправия» масс. Пирамида власти, рисуемая Рисменом, состоит из двух уровней, соответствующих второму и третьему уровням модели Миллса. Верхний уровень пирамиды Рисмена — «вето-группы», занятые прежде всего защитой своих интересов; низший — «неорганизованная публика». «Вето-группы» стараются не столько командо-

[11] Berger P., Berger B. Sociology. A Biographical Approach. N.Y., 1976. P. 295; Gilbert D., Kahl J. The Ametican Class Structure. A New Synthesis. Belmont, 1995. P. 190–204.

[12] Culture and National Character. Ed. by S. Lipset and L. Lowenthal. Glencoe, 1961. P. 252–262.

вать «публикой», сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против угрозы ущемления своей юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует плюрализм структур власти, что политическая власть в США представляется ситуационной и подвижной.

Миллс выявляет существенную тенденцию в развитии современного капитализма — концентрацию власти в руках финансового капитала и зависимых от нее элитных групп (политической, военной элиты). При этом он, однако, зачастую отвлекается от внешней формы этого процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. В то время как Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что господство элиты базируется на единстве и переплетении интересов корпораций, политических и военных институтов.

Рисмен уходит от анализа классовой сущности власти, настаивая на ее «дисперсии». Если сущность политической структуры США элитарна, то ее форма, ее оболочка, по крайней мере внешне, демократична. Механизм этого сокрытия сущности может быть предметом социологического и социально-психологического исследования. Рисмен и обращает главное внимание на зависимости, которые обеспечивают маскировку господства монополитической элиты, на внешне демократический и обезличенный механизм осуществления элитой власти, на «превращенную форму» определенного общественного отношения.

При социологическом анализе необходимо учитывать оба этих аспекта. Важно показать, что современное американское общество элитарно (как и его политсистема) по своей сущности (это удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-политический и социально-психологический механизм господства элиты (оказавшийся в фокусе внимания Рисмена и абсолютизированный им). Можно отметить, что Миллс порой слишком прямолинеен и недооценивает сложные окольные пути, используя которые элита реализует свою власть. Процесс, сущность которого вскрывает Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают один и тот же процесс, но первый — изнутри, второй — снаружи, первый раскрывает его сущность, второй — его внешние проявления.

	МОДЕЛЬ Р. МИЛЛСА	МОДЕЛЬ Д. РИСМЕНА
Уровни власти	A – властвующая элита B – множество групп с различными интересами C – массы, неорганизованная публика, практически безвластны	Отрицает властвующую элиту B – совпадает с Миллсом C – массы, неорганизованный народ, имеющий определенное влияние на «группы интересов»
Тенденции к изменениям	Растущая концентрация власти	Растущая дисперсия власти
Процесс управления	Одна группа определяет важнейшие политические вопросы	Кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса. Конкуренция между организованными группами
Последствия	Усиление корпораций, военщины, исполнительной власти. Уменьшение значения общественного мнения. Безответственность элиты, кризис демократии	Ни одна группа не возвышается намного над другой. Утрата интереса к политике Кризис лидерства

Постоянным нападкам плюралистов подвергается и книга Ф. Хантера. Ее критики, в частности Д. Ричи, утверждают, что «невозможно» доказать власть элиты в США, поскольку она не является явной, что клики, описанные Хантером, не связаны постоянно между собой, а вступают во временные отношения и соглашения друг с другом[13]. Мы видели, что одна из книг Даля «Кто правит?»[14] прямо направлена против Хантера. Даль утверждает, что политическая элита не является одновременно экономической и социальной элитой; сфера каждой из элит ограничена ее компетенцией, причем взаимная конкуренция этих элит заставляет их «чутко реагировать на нужды избирателей».

Либеральная демократия, с точки зрения Даля, — это и есть «повседневный плюрализм», плюрализм в действии. Этот вывод

[13] Ricci D. Community Power and Democratic Theory. N.Y., 1971.

[14] Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American city. New Haven: Yale Univ. 1961.

повторен им в книге «Демократия в Соединенных Штатах — обещания и дела» и других работах[15]. Одним словом, в 60-х годах в США и Западной Европе резко усиливается критика элитарных моделей политической системы современных развитых капиталистических стран, главным образом со стороны плюралистов. Ибо с изданием книг «Властвующая элита» Р. Миллса и «Верховное лидерство. США» Ф. Хантера обнаружилось, что анализ политической системы современных капиталистических стран, выявляющий дихотомию элита-масса, может нанести ущерб плюралистическим концепциям, а также имиджу США как демократической стране. Д. Белл, Р. Даль, Д. Трумэн и другие плюралисты участвуют в бескомпромиссной критике Р. Миллса, считавшего, что современная западная демократия предстает фактическим господством элиты финансового капитала.

Д. Трумэн критикует Миллса, а заодно и У. Липпмана, анализировавшего политическую систему США с прямо противоположных методологических позиций, за то, что они жестко противопоставляют элиту и массу, причем Липпман считает американскую политическую систему «всевластием масс», а Миллс — всевластием элиты. Трумэн утверждает, что оба они неправы, что распределение власти в США много сложнее: между элитой и массой стоят многочисленные ассоциации, «группы давления», профсоюзы, политические партии и т.д.

Критика Миллса раздалась и со стороны элитаристов, «функциональных» по отношению к политсистеме государственно-монополистического капитализма, напуганных радикальной позицией Миллса. Не случайно на IV Международном социологическом конгрессе Дж. Мейсел назвал Миллса «отцеубийцей» старой теории элиты. Потребовались «спасательные работы» по модификации элитаризма, смысл которых заключался в том, чтобы изменить его форму, но сохранить содержание. Большинство западных социологов стали требовать отказаться от понятия единой элиты, годного, по их словам, лишь для низкоорганизованных обществ, и признать множественность элит, стали доказывать, что применительно к современным демократическим политическим системам правильнее говорить не о единой властвующей элите, а о плюрализме элит, о «распылении власти». На том же конгрессе

[15] Dahl R. Democracy in the United States: Promises and Performance. Chi., 1971.

В. Гэттсмен заявил, что понятие единой элиты не может быть отнесено к индустриальным обществам, а Дж. Мейсел утверждал, что ясно очерченная дихотомия элита-масса достаточна лишь для начального анализа политических систем и что ее необходимо уточнить и дифференцировать. Он признал, что теория элиты зашла в тупик, что по мере усложнения социально-политической структуры общества элиты распадаются до понятия, которое становится «саморазрушающим».

Действительно, когда насчитывается множество элит, когда их находят в любом социальном слое, то общество рассматривается как баланс противоборствующих и взаимодействующих сил, различных групп (причем интересы каждой социальной группы выражает ее элита). Но о последнем обстоятельстве уже не обязательно упоминать: при данном подходе понятие «элита» настолько измельчено, что его можно вынести «за скобку» и утверждать, что общество представляет собой баланс «заинтересованных групп» (по терминологии Д. Трумэна) или «вето-групп» (термин Д. Рисмена). Элитарные теории оказались интегрированными политическим плюрализмом. В этих концепциях элиминируется само понятие «правящая элита», хотя они и исходят из элитарных установок. И можно согласиться с К. Прюитом и А. Стоуном, которые пишут о существовании в западной политической науке теорий двух типов: плюрализм I — теории «вето-групп», плюрализм II — теории множества элит[16]. Различия их явно несущественны: это «чистый плюрализм» (или плюрализм I) и несколько «разбавленный» (плюрализм II).

Поэтому явно ошибочна квалификация элитного плюрализма как элитизма или даже как концепции, находящейся посредине между плюрализмом и элитаризмом, как «разумного компромисса» между этими «крайностями». В действительности теории элитного плюрализма — вариант именно плюралистической идеологии.

Промежуточную позицию между элитаризмом и плюрализмом пытаются занять и сторонники концепций «неограниченной» социальной мобильности в индустриальном и постиндустриальном обществе, считающие, что та или иная общественная страта, опираясь на свою организацию, в определенный момент может участвовать в осуществлении государственной власти. По существу,

[16] Prewitt K., Stone A. The Ruling Elites. Elite Theory, Power and American Democracy. N.Y., 1973. P. 116–127.

перед нами все тот же «ослабленный» вариант плюрализма. Так, сторонники концепций неограниченной социальной мобильности исходят из того, что в современном западном обществе каждый индивид может относительно свободно переходить из более низкой страты общества в более высокую, в том числе в элиту, а страты последовательно сменяют друг друга у руля государственного правления (что вполне вписывается как в концепции открытого общества, так и политического плюрализма). Однако оппоненты подобных взглядов задают законный вопрос: есть ли возможность подняться в элиту у представителей всех классов или прежде всего (применительно к США) у белых англосаксов, протестантов из высших классов, чья власть основана главным образом на их богатстве, их позициях в финансах, индустрии, средствах массовой информации, которые получили дорогостоящее образование в частных школах, в элитных университетах, которые являются членами одних и тех же элитных клубов (точка зрения У. Домхоффа)?[17]

Но чем же объясняется распространенность и влиятельность различных вариантов плюралистической идеологии, в том числе элитного плюрализма? В значительной мере тем, что она учитывает определенные реальные процессы функционирования современных форм государственно-монополистической системы в условиях демократических политсистем, подчеркивает усложнение механизма властных отношений, некоторую автономию тех или иных социальных групп внутри господствующего класса. Иное дело, что этим моментам зачастую придается преувеличенное значение, и вся концепция выступает как утонченная форма оправдания статус-кво. Демократические свободы, по этой теории, обеспечиваются взаимными разногласиями и равновесием элит. Функции «ограничения», «сдерживания» по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, культурная, военная и другие элиты. Каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от «аутсайдеров» свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется единственно возможным ныне типом демократии.

Разделяя элиты по функциональному признаку, политологи плюралистической школы, естественно, не вскрывают классовую сущность каждой из этих элитных групп; они представляют эксплу-

[17] Domhof G. Who Rules Averica? Power, Politics and Social Change. — 5th ed. N.Y., 2006.

ататорский класс раздробленным на изолированные, конкурирующие между собой части (финансовая олигархия, политики, генералитет и т.д.), чье соперничество вытекает из «противоположности» функций управления.

Например, С. Кёллер утверждает, что в современном западном обществе лидерство принадлежит не одной элите, «а скорее комплексной системе специализированных элит, связанных с социальным порядком и друг с другом различными способами». Магнаты бизнеса, верхушка политиков, выдающиеся деятели культуры — «все они влиятельны, но в разных сферах; различны их ответственность, источники власти, способы избрания. Этот плюрализм элит отражает и поддерживает плюрализм современных обществ»[18]. Кёллер признает все же, что не все элиты одинаково влиятельны, и предлагает использовать термин «стратегические элиты» в отношении «тех элит, которые получили или добиваются влияния на общество в целом, в противоположность сегментарным элитам». Границы между стратегическими и сегментарными элитами Кёллер не считает четко выраженными. Она признает, что тенденция к плюрализму элит противоречит «давно замеченной тенденции» к монополизации власти, но тем не менее настаивает на своем главном тезисе, что в «либеральных плюралистических системах» лидерство осуществляется высокоспециализированными, функционально независимыми элитами.

Как уже отмечалось, Р. Даль сформулировал теорию полиархии — множественности центров власти (а значит, и элитных групп) в демократическом обществе. Демократией он называет систему, в которой власть дисперсна, в противоположность диктатуре — власти немногих, монополизировавших эту власть. Даль утверждает, что, хотя политическое влияние в обществе распределено неравномерно, это не означает, что верна «гипотеза об элите», которая представляется «циничной по отношению к демократии». Отрицание правящей элиты он обосновывает тем, что, во-первых, люди, имеющие власть, часто несогласны между собой и находятся в отношениях соперничества, и, во-вторых, власть различных групп людей является специализированной. Даль вводит понятие «кумулятивного неравенства», когда контроль над одним из ресурсов общества, например политической властью, ведет к контролю

[18] International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 5. P. 26. Даль занимает позиции элитного плюрализма.

над другими видами социальных ресурсов, таких как богатство, военная мощь и т.д. Думается, что Даль вводит «работающее» понятие, уточняющее и объясняющее процесс концентрации и монополизации власти в обществе. Казалось бы, оно должно логически вести к признанию правящей элиты. У Даля же все обстоит иначе: защищая современную американскую политическую систему, он утверждает, что она не приводит к «кумулятивному неравенству», сохраняя конкуренцию различных сфер общественной жизни.

Плюралистическая теория обладает большим влиянием еще и потому, что опирается на классическую концепцию разделения властей (законодательную, исполнительную, судебную) в демократических странах, благодаря чему в обществе вырабатывается система «противовесов», с помощью которой одни органы власти могут удержать от «крайностей» другие. Впрочем, ныне большинство государствоведов вынуждены признать, что осуществление действительного равновесия исполнительной и законодательной власти, не говоря уже о судебной, никогда не удавалось; экспансионизм исполнительной власти — это трудноосporимый факт.

Еще раз подчеркнем, что теории элитного плюрализма имеют определенные реальные основания. Они связаны с усложнением социальной структуры современных индустриально развитых стран, которое имеет следствием нетождественность экономической и политической власти, экономической и политической структуры общества. Можно сделать вывод о том, что концепция элитного плюрализма создает несколько одностороннюю картину структуры политической системы современных развитых индустриальных стран.

Неоэлитизм. Модели политической структуры развитых капиталистических стран. В 70–90-е годы ряд американских и западноевропейских политологов (Т. Дай, Х. Цайглер, У. Домхофф и др.) предпринимают фронтальную атаку на плюралистическую концепцию политической структуры капиталистических стран. Они ставят под сомнение, в частности, исходное положение плюрализма о том, что индивид в капиталистической системе может воздействовать на политику государства, участвуя в организованных группах, и что поэтому население «современных демократических стран» инкорпорировано в многочисленные группы и организации. Американская действительность, в частности, весьма далека от этого норматива, как это было продемонстрировано в ряде эмпирических исследований. Так, исследования известных

американских политологов А. Алмонда и С. Вербы показали, что в США только 1% опрошенных заявили, что надеются воздействовать на те или иные решения правительства через свое участие в деятельности политической партии, и только 4% — через различные формальные организации, включая профсоюзы. Таким образом, лишь ничтожное меньшинство «мыслит в терминах плюрализма». Большинство же не верит в постулаты плюрализма, является в своих воззрениях «доплюралистическим» и в общественной практике ориентируется на индивидуальные действия. И дело тут не только в том, что большинство населения «не имеет непосредственного контакта с организациями, которые могли бы обеспечить представительство их интересов». Как доказывают сторонники концепции «массового общества», которую канадский социолог Р. Гамильтон называет «патологической инверсией плюралистической теории», в современных Соединенных Штатах наблюдается как раз тенденция упадка роли автономных организаций, которые в условиях государственно-монополистического капитализма неизбежно бюрократизируются и не снимают отчуждение индивидуума[19]. Более того, сами эти группы, врастая в бюрократическую социальную структуру, служат не защите личности, но, напротив, оказываются дополнительным орудием в руках манипуляторской элиты.

К тому же многие, если не большинство, «добровольных», «демократических» ассоциаций в действительности далеко не демократичны (это относится, в частности, и к политическим партиям). «Предположение, — пишет Гамильтон, — что формальные организации являются демократическими — одно из главных допущений теории плюрализма»[20]. И, добавим от себя, одно из самых шатких. Критики плюрализма отталкиваются от знакомой нам теории Р. Михельса о том, что в любой демократической организации с течением времени складывается элита, неподконтрольная массе членов организации, и тогда демократическая структура уступает место элитарной. А если ассоциации, формальные организации служат интересам элиты, то, как отмечает У. Домхофф, направление их влияния будет противоположно тому, на которое рассчитывают плюралисты[21].

---

[19] Ашин Г.К. Доктрина «массового общества». М., 1971.

[20] Hamilton R. Class and Politics in the United States. N.Y., 1972. P. 39.

[21] Domhoff W. The Higher Circles & The Governing Class in America. N.Y., 1970.

Подводя итоги критики рассматриваемой концепции, Гамильтон пишет, что «теория плюрализма обнаруживает свою полную неадекватность». В описании того, как работает политический механизм индустриально развитых стран, она оказывается лишь «частично годной». «В лучшем случае, — отмечает он, — можно говорить лишь об ограниченном плюрализме или плюрализме для высшего и высшего среднего классов»[22]. Вот это замечание представляется нам весьма примечательным: «плюралистическая демократия» оказывается демократией весьма ограниченной, демократией, которая ориентирована на верхние страты социальной пирамиды.

К. Прюит и А. Стоун ищут спасение демократии в организациях, ассоциациях, группах, которые квалифицируются ими как посредники между элитой и массами. Тиранические элиты и атомизированные массы вряд ли возможны в условиях активной жизни групп[23], в условиях развитого гражданского общества, пишут они, повторяя концепцию Д. Рисмена, У. Корнхаузера и других плюралистов (хотя сам плюрализм описывается ими в терминах элитного плюрализма, а организации рассматриваются как связь между элитами и неэлитами).

Наконец, многие политологи пишут о несостоятельности претензий теории политического плюрализма на «деидеологизированность», считая, что данная концепция — это идеология защиты капиталистического статус кво; ее идеал — компромисс различных социальных групп и реформистская деятельность властей. Гамильтон замечает, что, хотя плюралистическая теория «претендует на то, что представляет собой деидеологизированный реализм, она сама обнаруживает себя исключительно полезной и удобной идеологией»[24]. Удобной, разумеется, для существующей политической системы. Ее сторонники представляют плюрализм как систему, регламентирующую конкуренцию заинтересованных групп в рамках буржуазно-демократических институтов и процедур. Все эти участвующие в конкуренции группы принимают общие «правила игры». И лозунг сторонников этого направления — «плюрализм в рамках консенсуса», согласия о сохранении фундаментальных основ системы, таких «правил игры», чтобы демократизм не выли-

[22] Hamilton R. Op. cit. P. 45.

[23] Prewitt K. Stone A. Op. cit. P. 74.

[24] Hamilton R. Op. cit. P. 74.

вался в «гипердемократию», чтобы он обеспечивал эффективное функционирование существующей политической системы.

Американские политологи Л. Филд и Дж. Хайли пишут, что в течение примерно полувека — с 1925 по 1975 год — элитарная парадигма мало разрабатывалась, сменившись парадигмой «государства благоденствия», плюрализмом, недооценивавшим роль элит. Зато в последней четверти XX века она сменяется элитистской парадигмой, которая становится популярной[25].

Все более явное несоответствие плюралистической модели реальному социально-политическому процессу в ведущих капиталистических странах предопределяет и ослабление ее идеологических функций. Похоже на то, что плюралистическая теория перестает быть тем «фиговым листком» для прикрытия элитарной сущности политической системы западных стран, каким ей надлежит быть по замыслу ее сторонников. Не случайно в американской и западноевропейской социологической и политологической литературе последних лет отмечается, что «поток плюралистической ортодоксии становится объектом все ширящейся критики»[26], что начинается нечто вроде «антиплюралистической революции».

Альтернативными по отношению к плюралистическим концепциям выступают, как мы уже видели, марксистские и неомарксистские, частично леворадикальные теории классов и классовой борьбы и особенно теории элиты. Не случайно критиков плюралистических концепций Т. Дая, Х.Цайглера и других близких к ним по своим взглядам социологов называют «неоэлитаристами». По словам Дая и Цайглера, они «бросили вызов» плюралистам, «поставив под сомнение эмпирическую обоснованность их теории, а тем самым подрывая их претензии на нормативные предписания»[27]. Не отрицая того, что в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, они резонно замечают, что различия между этими группами и группировками касаются, в сущности, частных вопросов, тогда как в основных, существенно важных для поддержания существующей социально-политической системы вопросах интересы элитных групп едины;

---

[25] Field L., Higley J. Elitism. L., 1980. P. 4–18

[26] Femia J. Elites. Participation and the Democratic Creed // Political Studies. 1979. P. 1.

[27] Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Duxbury Press, 1992. P. VII.

между ними существует фундаментальное согласие. От себя добавим, что это — согласие, базирующееся на общности интересов, проистекающих из того, что они — члены правящего класса.

Книга Дая и Цайглера «Ирония демократии», на которую мы и будем ссылаться, сопровождается характерным подзаголовком: «Необычное введение в американскую политику». «Необычность» эта заключается в том, что книга «не основана на плюралистической идеологии», что само по себе для американской политической науки — большая редкость. Нужно отметить, что в критике плюрализма авторы занимают достаточно сильные позиции. Но их позитивная программа достаточно скудна: это не что иное, как консервативно-романтическая мечта о «хорошей», «мудрой», «дальновидной», «высокогуманной» элите. Ответственность за неэффективность политики авторы возлагают на недальновидных политиканов, лидеров, лишенных ответственности перед народом, которые прикрывают теорией политического плюрализма свои эгоистические интересы.

К тому же авторы полемизируют друг с другом. Так, Дай считает, что путем реформ в США можно установить подлинно демократическую систему, при которой каждый участвовал бы в принятии политических решений. Цайглер же, в противоположность Даю, возлагает надежды на систему «просвещенного лидерства, способного сохранить личные свободы и собственность», отмечая при этом, что «хорошо организованное общество, управляемое образованной элитой, предпочтительнее нестабильности массового общества»[28].

Дай справедливо пишет, что плюрализм в американской политологии — апологетическая теория, «пытающаяся доказать демократический характер американского общества... Она развивалась как идеология примирения идеалов демократии с реальностями индустриального технократического общества». Плюрализм рисует «открытую систему лидерства», которая позволяет выходцам из низших классов подняться в верхние слои общества. Дай показывает, что эти утверждения полностью противоречат действительности, что «огромная власть в Америке сосредоточена в руках горстки людей». Последние представляют собой, по существу, закрытую элиту, причем несменяемую, ибо ее положение не зависит от таких эфемерных явлений, как выборы и смена администрации

[28] Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Duxbury Press, 1992. P. VIII, IX.

страны. Подлинная элита США — это Рокфеллеры и Гейтсы, а не тот или иной формально избранный лидер. В составе этой элиты ведущую роль играют собственники и высшие менеджеры гигантских промышленных корпораций и банков, в нее входят владельцы средств массовой информации, правительственная верхушка (причем ее члены, как правило, сделали карьеру в промышленных и финансовых корпорациях). Однако, элитарист Дай не столько осуждает такое положение, бросающее вызов демократической риторике американских политиков, сколько оправдывает его. Установки Дая весьма консервативны. Ссылаясь на то, что «Соединенные Штаты не уникальны в концентрации власти в руках немногих» (такое положение существует и в других странах и может считаться нормой), он выводит необходимость элиты из «общей нужды в поддержании общественного порядка»[29].

С иных, леворадикальных позиций критикуют теорию политического плюрализма Ф. Ландберг и У. Домхофф. Если бы теория политического плюрализма была состоятельной, отмечает Ландберг, если бы важнейшие политические и экономические решения в США были результатом компромиссов между примерно равными по силе конкурирующими группами и каждая группа принимала бы участие в выработке таких решений, тогда наблюдалось бы гораздо большее равенство между различными группами в распределении денег, влияния, престижа. «Если решения, касающиеся распределения основных экономических средств, принимаются сообща, чем же тогда объяснить, что это распределение столь неравномерно?» — задает вопрос Ландберг. С позиций плюрализма такое положение необъяснимо. Зато оно вполне объяснимо, если признать, что эти важнейшие для страны решения принимает элита США — магнаты финансового капитала и их ставленники на правительственных постах. Причем «почти все попытки представителей других... элит приобщиться к социально-политическим решениям финансово-политической элиты оказываются тщетными... Вся финансово-политическая элита и ее окружение — это сложное переплетение родственных отношений, наподобие тех, которые связывают старейшие аристократические семьи Европы»[30].

---

[29] Dye T. Who is Running America? The Bush Restoration. — 7-th ed. N.J.: Prentice Hall, 2002. P. 3–10, 143, 148. Дай пишет, что 7314 высших институциональных позиций (элитных. — *Г.А.*) занимают 5788 чел.

[30] Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. М., 1971. С. 395, 397.

Ответить на поставленный Ландбергом вопрос старается и У. Домхофф, который показывает, как собственники и менеджеры гигантских банков и промышленных корпораций осуществляют на практике свое господство в США. Он считает, что фальшивые, насквозь апологетические, по его мнению, теории политического плюрализма всячески маскируют политический процесс, посредством которого «правящий класс осуществляет свое господство над правительством». Не в последнюю очередь из-за подобных концепций, которые широко пропагандируются в США всеми средствами массовых коммуникаций, многие американцы даже «не имеют понятия о существовании этого высшего класса».

Итак, действительную власть в капиталистических странах, и в частности в США, считает Домхофф, имеет правящий класс — капиталисты, причем в структуре этого класса доминирующую роль играет монополистическая буржуазия. Но механизм осуществления этой власти достаточно сложен и хорошо закамуфлирован. Определенную роль в этом камуфлировании играют и плюралистические теории. «Плюралисты полагают, — пишет Домхофф, — что различные группы, включая профсоюзы, организации фермеров, потребителей, защитников окружающей среды, имеют возможность влиять на политические решения... и что нет такого явления, как правящий класс Америки»[31]. Подобные утверждения чаще всего представляют собой сознательное искажение действительного положения вещей. В одной из своих книг Домхофф исследует сплоченность правящего класса США, проявляющуюся, в частности, в создании им аристократических частных клубов, куда допускаются лишь «избранные». Важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах подобных элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие буржуазно-демократические институты, становятся достоянием общественности. Таким образом, массы видят только внешнее действие политики, в процессе которого лишь «озвучиваются» решения, принятые действительной элитой в кулуарах. Именно в интересах правящего класса и осуществляется внутренняя и внешняя политика США независимо от смены администраций. Политика, которую проводят

[31] Domhoff W. The Power That Be. Process of Ruling Class Domination in America. P. XI. XII, 3, 7–8; Domhoff W. State Autonomy or Class Dominance: Case Studies on Policy Making in America. N.Y., 1996.

«команды» Рейгана, Буша-старшего, Клинтона, Буша-младшего в действительности определяется этим классом. Таким образом, грубо попираются права американского народа, который фактически отстранен от формирования политики, отчужден от нее. «Члены этого привилегированного класса, — пишет Домхофф, — как свидетельствуют исследования социологов и журналистов, живут в хорошо охраняемых апартаментах, их соседями являются такие же избранные, они посылают своих детей в частные школы, выводят своих дочерей в свет, посещают клубы для избранных... их называют "патрициями", "брахманами", "аристократами", "бурбонами" в зависимости от того, как давно они разбогатели». Вот это-то «избранные», имеющие совершенно отличный от масс доход и ведущие иной образ жизни, и определяют внутреннюю и внешнюю политику США прежде всего через организации господствующего класса, которые, с одной стороны, маскируют их власть, а с другой — делают ее более прочной (ибо, как отмечают исследователи, власть элиты тем прочнее, чем менее она заметна).

Последняя четверть XX – начало XXI века: продолжение дискуссии. В 70–90-е годы этот незаконченный спор перерастает в полемику неоэлитаристов и теоретиков элитного плюрализма[32]. Неоэлитаристы рисуют следующую модель структуры политической власти в США (равно как и в других индустриально развитых странах):

1. Власть вытекает из распределения ролей и позиций внутри социально-экономической системы. Люди получают власть, занимая ключевые позиции в экономических, финансовых, военных и правительственных институтах. Власть находится в руках меньшинства; небольшое число людей распределяет материальные ценности в обществе: массы не определяют государственную политику.

2. Власть «структурна», то есть отношения власти продолжают существовать во времени независимо от частных изменений в периоды выборов: одни и те же элитные группы продолжают осуществлять власть в обществе независимо от исхода выборов. Для того чтобы сохранить стабильность социально-политической системы, переход в элиту должен быть медленным, длительным, причем только тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящие круги.

[32] Dye T., Zeigler H. Op. cit. P. 11, 12.

3. Существует явное различие между элитой и массами. Те немногие, которые управляют, не являются типичными представителями масс, элиты формируются преимущественно из представителей высшего социально-экономического слоя общества. Представители масс могут войти в элиту, только заняв высокий пост в институциональных структурах, причем принимая санкционированные элитой «правила игры».

4. Различия между элитой и массами основано прежде всего на контроле первой за экономическими ресурсами общества; индустриальные и финансовые лидеры образуют главную часть элиты.

5. Государственная политика выражает интересы не масс, а элиты. Существует конвергенция на уровне верхушки политической системы; небольшая группа оказывает преобладающее влияние в большинстве секторов американской социальной жизни — в индустрии, финансах, военных делах, внутренней и внешней политике.

6. Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политсистемы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах.

7. Элита почти не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени (через выборы или иные формы политической активности масс), она может рассчитывать на равнодушие большей части населения.

Сравним эту модель структуры власти в США с той моделью, которую конструируют сторонники теорий плюрализма:

1. Власть — атрибут отношений между индивидуумами, которые возникают в процессе выработки решений. Независимо от своей социальной и экономической позиции каждый индивид имеет власть в достаточной мере, чтобы побудить другого сделать то, что иначе тот бы не сделал.

2. Отношения власти не обязательно сохраняются во времени. Сеть отношений власти, формируемая для выработки конкретного решения, может быть заменена другой сетью, когда вырабатывается иное решение.

3. Различия между элитой и массами не четко фиксированы, они могут размываться. Индивиды относительно легко входят в ряды людей, принимающих решения (в зависимости от характера

этого решения, от того, касается ли это решение непосредственно этих людей).

4. Различия между элитой и массами основываются главным образом на заинтересованности в принятии того или иного решения. Лидерство флюидно и мобильно. Доступ к принятию решений может быть открыт через овладение искусством лидерства, информацию о проблеме, знание демократических процедур. Богатство и экономическая власть открывают доступ к политической власти, но это — лишь один из путей к ней.

5. Существует множественность элит. Решения достигаются в процессе взаимодействия элит — заключением сделок, посредничеством, компромиссами. Люди, реализующие власть через принятие некоторых решений, отнюдь не обязательно имеют влияние при принятии иных решений. Нет элиты, доминирующей во всех областях социальной и политической жизни.

6. Существует конкуренция между элитами. Институты и организации разделяют власть: предполагается, что они соперничают между собой. Хотя элиты обычно разделяют общее согласие относительно «правил игры», они преследуют различные политические цели. Политика — искусство компромисса между конкурирующими группами.

7. Массы могут оказывать значительное влияние на элиты, прежде всего, через выборы, через «группы давления». Конкуренция между элитами ведет к их подотчетности массам, хотя какие-то важные решения, затрагивающие жизнь людей, порой принимаются партикулярными элитами, которые могут быть и не подотчетны непосредственно массам.

Нужно сказать, что некоторые критики плюрализма утверждают, что он является скрытой формой элитаризма, что плюралисты ближе к элитаристской, чем к демократической позиции. При этом они ссылаются обычно именно на элитный плюрализм, который и рассматривают как вариант элитаризма. Однако если сомнение в демократическом характере элитного плюрализма представляется нам не лишенным определенных оснований, то суждение о том, что элитный плюрализм ближе к элитаризму, чем к плюрализму, нам кажется ошибочным. Вторая из анализируемых нами моделей современных политических систем убедительно свидетельствует об этом, показывая, что элитный плюрализм всего лишь вариант плюрализма. Вот уже много десятилетий борьбы политических партий и элитных групп США незыблемым основанием

стратегии этой страны является внутриэлитный консенсус, отражающий долгосрочный интерес ее правящего клаласса.

Сравним обе модели структуры власти — элитаристскую и плюралистическую. На наш взгляд, первая из них в гораздо большей степени отражает реальности современных капиталистических стран, и в частности США. Однако остается нерешенным ряд вопросов, в частности, являются ли эти две модели альтернативными, как на этом настаивают многие элитаристы и многочисленные сторонники плюрализма.

Отвечая на этот вопрос, отметим, что нельзя преувеличивать различия двух указанных моделей, как это делают и неоэлитаристы и многие сторонники плюралистической концепции. У них достаточно много точек соприкосновения, взаимных переходов, полутонов. В ряде существенных аспектов обе эти концепции не альтернативны, а комплементарны. Если мы проанализируем методологические принципы обеих концепций, мы сможем обнаружить их общность в ряде фундаментальных подходов, например, в игнорировании классовой сущности политических систем, в изображении государства бесклассовым органом порядка, в утверждении, что народ неспособен управлять обществом, что для этого необходимо политически активное меньшинство, элита или элиты.

Постмодернистские установки, как правило, требуют перехода от крайних точек зрения к попыткам синтеза, попыткам рассмотрения их не как альтернативных, но по возможности комплементарных, понимания того, что игнорировать мнение оппонента, считать истиной только свою точку зрения — значит занять тоталитарную позицию навязывания своей идеологии, подавления взглядов других. Ведь, может быть, в ином взгляде, ином подходе есть зерно истины, которое не следует отбрасывать, а, наоборот, учесть при анализе проблемы. И действительно, в последние годы идут поиски компромиссов, хотя и не всегда последовательных (когда за компромисс выдается всего лишь некоторая модификация старой позиции). Так, в 1991 году вышло новое, дополненное издание книги одного из видных элитологов США Сьюзен Келлер «За пределами правящего класса. Стратегические элиты в современном обществе» (Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. Wan Brunswick, 1991). В ней, с одной стороны, можно видеть попытку перебросить мостик между плюрализмом и элитаризмом — через ввод понятия «стратегические

элиты» — понятия нужного, выполняющего определенные объяснительные функции. Но все же если это и мост, то мост не поперек реки (соединяющий плюрализм и элтитаризм), а скорее вдоль нее — уточняющий позиции плюралистов. Равным образом это — псевдомост между понятиями класса и элиты. Можно придраться к самому названию книги Келлер «Beyond the Ruling Class». Стратегические элиты, выделяемые Келлер, это элиты не вне или выше правящего класса, они выполняют свои главные функции в интересах правящего класса. Так что книга, строго говоря, должна была бы называться «Within the Ruling Class» (внутри правящего класса). Весь пафос книги — в модернизации концепции элитного плюрализма.

Идут поиски компромиссов и в плане сочетания принципов элитизма и демократии, стала влиятельной концепция демократического элитизма. В 90-х годах почти не осталось чистых плюралистов, которые бы напрочь отрицали наличие элит в политической системе США и продолжали бы вслед за Д. Труменом и Д. Рисменом утверждать, что политические решения, принимаемые властями США — результат компромиссов между группами интересов. Американский социолог Т. Лоуи убедительно показал, что в этих «группах интересов» формируются свои элиты, которые наиболее активно лоббируют эти интересы. Одним словом, имеет место уточнение концепции плюрализма, а не синтез его с элитизмом.

С конца 60-х годов стало утверждаться мнение, что что плюрализм и элитизм следует рассматривать не как альтернативы политической реальности, а как две стороны единого элитистско-плюралистического континуума[33].

Среди сторонников анализа социальной структуры США сквозь призму дихотомии элита-масса происходят еще более существенные изменения. В свое время Миллс и Хантер использовали эту дихотомию для показа недемократичности (или во всяком случае недостаточной демократичности) политической системы США, которую они считали элитарной. Кстати, многие американские социологи, исследующие полемику плюрализма и элитаризма, ошибочно называют Миллса и Хантера элитаристами. Миллса и Хантера правильнее называть антиэлитаристами. Напротив, Дая и Цайглера можно с полным основанием называть элитаристами.

[33] Ледяев В.Г. Власть, государство и элиты в современном обществе. Пермь, 2005. С. 5.

Ведь для них наличие элиты — норматив для любого общества, и Америка в этом отношении не является исключением, для них это пример наиболее эффективной, квалифицированной элиты. Как и Миллс, Дай утверждает, что Соединенные Штаты управляются узкой элитной группой, как и Миллс, Дай — сторонник функционального или позиционного подхода к определению элиты. Наконец, Дай, как и Миллс, критикуют плюрализм как ошибочную в целом позицию, во всяком случае применительно к США, не подтвержденную эмпирически.

Но на этом сходство позиций Дая и Миллса заканчивается, и обнаруживаются фундаментальные различия. Если Миллс использовал дихотомию элита-масса в аналитических целях, выступая с позиций обличения американской политики как весьма далекой от идеалов демократии, то Дай исходит из того, что наличие элиты — одно из основных условий организации общества, что нет и не может быть общества без элиты (это означало бы анархию и дезорганизацию), и поэтому вопрос может стоять не о наличии или отсутствии элиты, а о качестве элиты, является ли она квалифицированной или нет. Наконец, если Миллс выступал с леворадикальных позиций (он был главой новых левых в США, одним из лидеров новых левых в мире в 50–60-х годах), то Дай занимает консервативные позиции, считая, что именно элита должна управлять обществом (только высококвалифицированная и тщательно подготовленная, получившая элитное образование).

Наконец, как мы видели, существует и третья позиция по вопросу о характере американской политической системы — утверждение, что в США существует правящий класс, основу которого составляют финансовая олигархия, владельцы и топ-менеджеры крупнейших корпораций, которые управляют не только экономикой, но и политикой. Большинство членов этого класса — наследственные богачи, большинство в детстве посещали элитные, так называемые «именные» школы, затем — элитные университеты, в основном университеты Лиги плюща (Ivy League). Они с детства осознавали себя как правящий класс[34]. Сначала социализация происходила в семьях американских богачей, затем в тех самых элитных школах, где им внушалось, что они — особенные, готовящиеся занять высшие, наиболее престижные позиции в стране,

[34] Cookson P., Persell C. Preparing for Power. Amepica's Boarding Schools, 1985.

затем на очереди были элитные университеты (при этом главное — членство в закрытых клубах этих университетов). Так закладывались неформальные связи, которые порой продолжались всю жизнь, члены этих клубов обычно всегда поддерживали «своих» и надеялись на солидарность соучеников. Это были «свои», «инсайдеры», сохраняющие дистанцию от аутсайдеров. Эти «избранные» охраняются от «простолюдинов» заборами своих имений. В этом кругу браки очень часто заключаются между членами того же класса, их можно назвать «династическими». Члены класса поддерживают связи между собой через закрытые аристократические клубы, где они встречаются за ужином, за бриджем, за гольфом, где обсуждаются (и часто предварительно решаются) важнейшие экономические и политические проблемы, вырабатывается общая стратегия — экономическая, внешнеполитическая и др. (с использованием фондов, созданных представителями этого класса, куда входят ведущие экономисты, политологи, юристы). А затем соответствующая программа передается законодательным и исполнительным органам страны, где заседают доверенные люди этого класса, и она «озвучивается» для широких масс через решения конгресса, президента, пропагандируется средствами массовой информации, подавляющая часть которых принадлежит этому классу.

Кто придерживается подобных взглядов? В 50–70-х годах это были прежде всего марксисты и неомарксисты Г. Аптекер, Ф. Ландберг, Б. Данэм. Несколько позже близкую точку зрения высказал профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин. Но наиболее плодовитым и известным автором, опубликовавшим на эту тему целый ряд монографий, является, безусловно, У. Домхофф, на труды которого мы еще будем ссылаться[35].

А теперь попытаемся сравнить модели структуры политической власти и элит США в соответствии с рассмотренными нами тремя направлениями (см. таблицу на последней стр. главы).

Кто же прав из основных дискутантов? Думается, что определенные основания имеет каждая из перечисленных концепций. Плюралистическая концепция привлекает своим генетическим родством с классическими демократическими теориями, с концепцией разделения властей, привлекает своим стремлением

[35] Domhoff G. Who Rules America? Power, Politics and Social Change. — 5-th ed. N.Y., 2006.

конкретизировать эти теории, раскрыть механизм реализации демократических принципов в современном обществе. Традиционная теория демократии, подчеркивая право каждого гражданина участвовать в политическом процессе, лишь декларировала это право, не раскрывая конкретные механизмы этого участия.

Плюрализм стремится сделать теорию демократии более реалистической, он, собственно, и видит свою задачу в том, чтобы выявить конкретные механизмы участия граждан в политическом процессе. Его сторонники считают, что это свое право граждане могут реализовать, вступая в какую-либо организацию — либо уже существующую группу давления (pressure group) или создавая новые подобные группы, тем самым получая доступ к влиянию на политику. Отсутствие монополии какой-либо элитной группы на власть, существование противоборствующих центров власти, конкурирующих друг с другом, контролирующих друг друга (полиархическая модель), создает для этого условия и возможности. В американском обществе существует сеть элитных групп с различными программами, которые порой кооперируются друг с другом, порой борются между собой. Власть в обществе представляется диффузной, специализированной. Каждая элита властна в своей сфере, но не во всех сферах жизни. При этом различные элитные группы влияют друг на друга. Эта полиархическая модель привлекательна именно как нормативная модель, она достаточно демократична. Однако у нее есть весьма уязвимое место. Главная ее слабость в том, что плюралистическая модель рассматривается как реализованная в политической системе США.

Вот эту-то слабость и заметили критики плюрализма. Они не отрицают плюрализм как теоретическую концепцию, но они показывают несоответствие политической практики США идеальной модели политического плюрализма. Именно в этом несоответствии и обнаруживаются основания для острой критики плюралистов. На огромном эмпирическом материале эти критики показывают, что реально важнейшие политические решения (равно как и экономические, а также и социальные решения, от которых напрямую зависит жизнь миллионов и десятков миллионов людей) принимает небольшая группа людей (несколько тысяч человек). Причем образ жизни этих людей качественно отличается от жизни подавляющего большинства американцев — отличается по богатству, по статусу, по степени влияния на исторически события. В процессе дискурса в рамках политической философии, т.е. делая

акцент на нормативность, мы хотели бы отдать предпочтение плюралистической модели политсистемы. Но когда плюралисты объявляют, что идеал плюралистической демократии реализован в современных Соединенных Штатах, это не может не вызвать возражений. В описании американской политической реальности, в описании структуры власти в США предпочтение приходится отдать неоэлитаристам, которые убедительно показывают, что реальная власть находится в руках узкой элитной группы, состоящей из нескольких тысяч человек, занимающих руководящие позиции в важнейших социально-политических институтах США.

Но неоэлитаристы, на наш взгляд, совершают существенную ошибку, абсолютизируя эту ситуацию, считая ее нормативом, принижая роль неэлитных страт в обществе, прежде всего народных масс в социально-политическом процессе, имеют тенденцию негативно оценивать эту роль, возлагая все свои надежды на квалифицированную элиту и видя образец этой элиты в современной элите США. Позиция неоэлитаристов страдает существенными пороками: утверждение, что именно элита является решающим субъектом политики, означает игнорированиание того, что в нормативном плане этот тезис противоречит принципам демократии, а вся концепция в целом игнорирует роль народных масс в историческом процессе, являясь неисторичной, ибо утверждает вечность и неизменность существования элиты как привилегированной социальной группы.

Наконец, серьезные аргументы выдвигают и сторонники концепции существования в США правящего или господствующего класса. Социальное неравенство объясняется не естественным неравенством человеческих способностей, а тем, что собственники основных средств производства, социального и символического капитала общества составляют господствующий класс общества. Этот класс занимает привилегированное положение в обществе, контролирует экономику, политику США, средства массовой информации, и защита своих привилегий — приоритетная ценность этого класса.

Очевидно, что перед нами — один из вариантов марксистской и неомарксистской интерпретации политического процесса. Он часто сопровождается утверждением, что не элита, а экономически господствующий класс управляет обществом. Указанная концепция также уязвима для критики. Нам представляется, что необходимо развести понятия «высший класс» и «правящий класс». Система элит не совпадает с классовой структурой. Думается, что те или иные решения не может принимать класс in extenso (в полном

объеме, в своей целостности), это — функция политической элиты. Класс не есть нечто недифференцированное целое, нерасчлененное внутри себя, не есть некоторая абстрактная целостность. Интерес правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию и т.д. Под элитой в этом контексте обычно и понимают те специфические группы, которые представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса.

И завершая анализ основных моделей структуры политической власти и структуры политических элит, мы хотели бы предостеречь от окончательных суждений, могущих звучать как приговор. Решение вопроса о том, кто прав из дискутирующих сторон, не может быть решен абстрактным теоретизированием. Правильность любого решения может быть подтверждена эмпирическими социологическими исследованиями. И при решении исследуемой проблемы мы будем опираться, как на определенный ориентир, на понимание различий между подходом политической философии, делающей акцент на нормативности, и подходами политической социологии, в фокусе внимания которой — описание наличного социального процесса.

ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ США
(конец XX – начала XXI века)

	Элитный плюрализм	Неоэлитаризм	Концепция господствующего класса
	Р. Даль	Т. Дай	У. Домхофф
Существует ли единый центр власти?	Нет	Да (правящая элита)	Да (господствующий класс)
Уровень сплоченности высшей страты	Невысокий. Элиты специализированы, каждая контролирует главным образом свою область. Конкуренция элит	Высокий. Различия касаются частных вопросов. Когда дело касается фундаментальных интересов системы, конкуренция отходит на задний план. Элита – сплоченная группа, хотя и не закрытая	Высокий. В господствующем классе доминируют богачи из мира крупных корпораций и банков

Политическая ориентация	Преимущественно либеральная	Преимущественно консервативная	Леворадикальная неомарксистская
Полезна ли обществу сильная сплоченная элита?	Нет, это опасно для демократии, несет угрозу тирании	Да, при условии, что это квалифицированная, эффективная элита	Нет, это оставляет массы беззащитными, повышает уровень их эксплуатации
Кто является субъектом политики?	Группы интересов	Правящая элита	Господствующий класс

ГЛАВА

11 ЭЛИТАРИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ. ЭЛИТАРНАЯ И ЭГАЛИТАРНАЯ ПАРАДИГМЫ

Выше мы видели, сколь разнообразны варианты и способы обоснования элитаризма. Однако между ними существует и фундаментальное сходство: все они едины в том, что без элиты не может быть нормального функционирования общества, что она имеет право на привилегированное положение, более того, она должна бдительно охранять свои привилегии от «посягательств» со стороны народных масс. При этом неизбежно возникает вопрос, как согласовать такие утверждения с концепцией демократии? Элитаристы не могут уйти от этого достаточно скользкого для них вопроса. Часть из них выступает с традиционной для элитаристов критикой демократии справа, обосновывая необходимость для общества сильной, независимой власти, которая только и может обеспечить квалифицированное управление обществом, без оглядки на дезинформированную, эгоистичную и близорукую массу, часто обосновывая власть авторитарной элиты. Однако большинство западных политологов стремится совместить принципы элитаризма с принципами демократии, приспособить демократические теории к элитарной структуре власти де-факто, создавая всякого рода паллиативные и компромиссные концепции типа «полиархической демократии» или «демократического элитизма».

Элитаризм как альтернатива демократии. С момента своего возникновения (и даже раньше, если иметь в виду труды теоретиков протоэлитологии) элитаризм как политическая и культурологическая концепция направлял острие своей критики против демократии и социализма. Причем, как признает известный американский политолог К. Фридрих, в теориях Карлейля, Ницше, Парето, Моски содержится немало «феодальных пережитков». Близкую мысль высказывает Т. Боттомор, указывая, что теории элиты представляют собой «попытки оживить старые идеи социальной иерархии и создать препятствия на пути развития демократии»[1]. Явные противоречия между элитаризмом и теориями демо-

[1] Bottomore T. Op. cit. P. 9.

кратии обнаруживаются в том, что, во-первых, элитаризм исходит из неравенства людей, тогда как демократическая теория предполагает политическое равенство людей (как пишет американский политолог У. Стэмпс, «демократией называется такая система, которая обеспечивает политическое равенство граждан, но она не гарантирует социального и экономического равенства»[2]); во-вторых, основа элитаризма — полноправие правящего меньшинства, в то время как юридический принцип демократии — признание воли народа в качестве источника власти (Парето указывал, что «болтовня о демократии — это плутократическая демагогия элиты манипуляторов»[3]. Для Михельса «ни одна система управления не совместима с постулатами демократии»).

«Правительство народа, для народа, управляемое народом», — так великий американский демократ А. Линкольн мыслил демократическую политическую систему. Но для элитаристов эта мысль оказывается неприемлемой или лишь частично приемлемой. Собственно, элитаристы охотно цитируют слова Линкольна, но часто снисходительно замечают при этом, что «старый Линкольн был слишком наивен» (во всяком случае в двух заключительных словах своего высказывания). Он-де не учел, что, во-первых, «технически невозможно» осуществить правление народа, особенно в крупной стране, и потому он должен предоставить полномочия, необходимые для политического управления, элите; во-вторых, основа элитаризма — утверждение, что народ некомпетентен в политике, «не информирован и дезинформирован», и если бы действительно управлял, неизбежно «навредил» бы самому себе. Его интересы гораздо лучше обеспечит «мудрая» и «подготовленная» элита. Элитаристы оспаривают формулу Линкольна либо в мягкой форме, утверждая, что «его слова нельзя понимать буквально», либо в резкой, заявляя, что, поскольку правительство, управляемое народом, с их точки зрения, неосуществимо на практике, сам этот лозунг есть лишь «идеологический камуфляж» правления элиты. Демократия, по мнению элитаристов, в лучшем случае может быть формой правления элиты, которая одобряется и поддерживается народом. Американский политолог Э. Хэкер пишет: «Народ правит, говорим мы об американской системе правления, но в буквальном смысле такое утверждение является абсурдным...

---

[2] Stamps W. Why Democracies Fail. N.Y., 1982. P. 134.

[3] Eisermann G. Vilfredo Pareto. Tubingen, 1961. S. 68.

Люди при голосовании лишь делают выбор из ограниченного числа альтернатив, которые им предлагаются»[4]. В том же духе высказывается бельгийский политолог В.И. Ганехоф ван дер Меерш, утверждая, что конституционная форма народного суверенитета «основана на фикции, будто правители всегда выражают волю управляемых».

Да, по конституциям демократических стран верховная власть принадлежит народу. Однако ни для кого не секрет, что политическая действительность даже западных демократических стран весьма далека от этого норматива. Американский социолог Э. Тоффлер отмечает понимание рядовым американцем того факта, что важные для его жизни решения принимаются помимо него, что он не только не может повлиять на эти решения, но и узнает о них лишь из газет, радио или телевизионных программ. Иначе говоря, он — пассивный объект социально-политического управления, но вовсе не его субъект. Современные политические системы отнюдь не способствуют действительному участию большинства населения в принятии жизненно важных для него решений, чаще выступая как механизм отчуждения народа от политической власти.

Элитаристы, особенно консервативного толка, отмечает К. Росситер, сам являющийся одним из влиятельных теоретиков американского консерватизма, скептически относятся к идее народного правления. Т. Дай признает, что элитаристская модель политсистемы рисует массы как апатичные, пассивные; он утверждает даже, что «ни один (!) серьезный ученый сегодня не может утверждать, что массы делают политику»[5].

Элитаристы считают, что многие положения классической теории демократии безнадежно устарели и не подтверждаются современными эмпирическими исследованиями. Так, эмпирические исследования Б. Берельсона говорят о том, что в западных демократиях граждане не проявляют достаточного интереса к политике и их знания в этой области весьма поверхностны и ограничены. Если в соответствии с классической теорией демократии активное участие народа в политике — не только гарантия учета интересов широких народных масс в государственных решениях, но и сред-

[4] Hucker A. a.o. Politics and Government in the United States. N.Y., 1965. P. 135.

[5] Dye T. Op. cit. P. 130

ство реализации творческих потенций, способностей личностей, то с точки зрения элитаристов участие масс в политике сводится лишь к участию в выборах, когда массы лишь избирают конкретных лиц, а не формируют политику, то есть их участие лишь легитимизирует власть конкретной элиты. Как писал Моска, «правда состоит в том, что избранники сами себя избирают через избирателей... и командуют ими»[6] (аргумент, на который сторонники элитного плюрализма отвечают указанием на то, что существует борьба внутри элит, которые обращаются за поддержкой к избирателям, тем самым вовлекая их в решение политических проблем[7]).

Прежде всего объектом атак элитаристов являются эгалитаристские концепции. И тут у них древние традиции. Еще Платон считал, что в демократии осуществляется «власть худших», которых большинство. Американский политолог Дж. Гилдер призывает восстановить веру «в подлинные тайны неравенства»[8]. Дежурным доказательством «естественности» элитаризма является именно ссылка на неравенство людей, из чего якобы с неизбежностью вытекает элитаризм. Но, как справедливо писал П.А. Сорокин, равенство (как и неравенство) можно мыслить по разному, например, как «абсолютное равенство одного индивида другому во всех отношениях», и тогда нельзя быть умным, ибо есть глупые, красивым, ибо есть безобразные[9]. Отбросив это примитивное, осмеянное П. Сорокиным равенство, будем говорить о равенстве политических прав, равенстве всех перед законом, наконец, о равенстве, как писал Сорокин, «в смысле пропорциональности социальных благ заслугам индивида» (впрочем, в последнем случае равные права опять-таки оборачиваются неравенством де-факто; о связанной с этим явлением проблемой меритократии речь пойдет ниже). Ясно, что элитаризм нельзя однозначно выводить из факта неравенства, нетождественности одного индивида другому. Именно в условиях высокой социальной мобильности, которые создает демократия, и возможен приход на выборные руководящие посты наиболее способных, талантливых людей, тогда как в «закрытых» политических системах к власти приходят представители узкого верхушечного слоя, оказываются невостребованными

---

[6] Mosca G. The Ruling Class. P. 154.

[7] Prewitt K., Stone A. Op. cit. P. 25.

[8] Gilder G. Wealth and Property. N.Y., 1981. P. 261.

[9] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 253.

таланты «простонародья», и именно власть аристократии и плутократии, равно как и «мобократии», порождает то явление, которое Платон называл «властью худших».

Думается, что демократия хороша именно тем, что в меньшей степени, чем иные политические системы, зависима от недостатков правителей. Обществу следует уповать не на мудрых правителей (хотя бы потому, что в этом случае мы все будем жертвами случая, и рано или поздно на место мудрого правителя или правителей придут люди с противоположными качествами), а на систему, минимизирующую влияние на общество дурного правителя. К. Поппер писал в этой связи: «Мне кажется, что правители редко поднимались над средним уровнем как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении и часто даже не достигали его. И я думаю, что в политике было бы разумно руководствоваться принципом: "готовься к худшему, стараясь достичь лучшего". По-моему, было бы безумием основывать все наши политические действия на слабой надежде, что мы сможем найти превосходных или хотя бы компетентных правителей»[10].

Многие либеральные политологи критикуют элитаризм как недемократическое мировоззрение. Примером такой критики может служить книга Д. Шпитца «Модели антидемократического мышления». Называя элитарные концепции угрозой для демократии, он разделяет их на аристократические (от Платона до Р. Грэма) и авторитарные (получившие наиболее законченное выражение в фашизме). Отвергая и те и другие, Шпитц утверждает, что «основывается на вере в демократию и убеждении, что свобода — достояние каждого человека, а не только прерогатива избранных»[11].

Что касается критики демократии с позиций элитаризма, то в ней присутствуют два главных мотива: во-первых, утверждение о невозможности демократии, во-вторых, о нежелательности демократии, даже если бы она была возможной. Как уже отмечалось, для элитаризма характерны утверждения, что демократия в смысле народоправия неосуществима, что мышление народных масс «упрощенно», «стереотипно», что народ нуждается в опеке со стороны «высокоодаренных личностей» (разумеется, из господствующего класса). Английский социолог М. Гинсберг считает, что демократия обнаружила свою неэффективность, что внутри нее

[10] Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 163.

[11] Spitz D. Patterns of Anti-Democratic Thought. Glencoe, 1965. P. 19.

заложены тенденции к образованию олигархии: «некомпетентность масс», неистребимое «стремление поклоняться лидерам» — все это создает элиту в любом, даже наиболее демократическом обществе. Массы подвержены «магии слов», они всегда — жертвы машины внушения, находящейся в руках элиты. Система представительного правления бессильна: она призвана представлять всех и во всем, но не представляет никого и ни в чем. Западногерманский элитарист И. Кноль утверждает, что демократия ведет к выдвижению посредственностей, к эрозии политического руководства; он критикует фашизм не за требования безоговорочного подчинения масс элите, но за теорию и практику «элиты крови», основывающуюся на «расовой чистоте», отмечая, что принципы отбора элиты должны быть иными.

Указывая, что общественная жизнь ныне исключительно сложна, элитаристы утверждают, что массы в силу своей «неподготовленности» не должны брать на себя функции руководства обществом. Демократия, считает французский социолог Р. Жилуэн, покоится на ложной идее, что политика — легкая вещь, доступная массам. Элитарист Н. Ротенштрайх противопоставляет «ложной идее правления большинства» власть, «базирующуюся на принципах», носителем которых является элита. «Демократия большинства» игнорирует качественные различия между людьми, о которых писал еще Платон, подменяя их «теорией качественного равенства индивидуумов». Ротенштрайх разбивает эту теорию следующим аргументом: «Если разум одинаков у всех людей, это должно вести их к одинаковым действиям, основанным на одинаковости их интеллектуальных интересов». С какой легкостью автор рассуждает об «одинаковых действиях» людей в социально дифференцированном обществе. Он заранее принимает посылку, что, будет ли человек членом элиты или окажется на нижних этажах социальной пирамиды — целиком зависит от его способностей. Ему как-то не приходит в голову, что не интеллектуальные способности человека, а его социальная принадлежность в большей мере определяет его положение в обществе, расчищая ему путь в элиту или, наоборот, создавая препоны на этом пути. Ротенштрайх считает, что нельзя допускать, чтобы народные массы управляли государством. «Большинство не может решать политические вопросы, ибо не имеет о них полного знания». Посему власть должна быть вручена людям, которые «действительно понимают», что необходимо в интересах общего благосостояния.

Элитаристы много рассуждают на темы об «иррациональности» масс, о мифах, которые те воспринимают как истины, об их неподготовленности к управлению обществом. Но позволительно спросить, кто повинен в этом. Элитаристы обычно ссылаются на инстинкты, якобы управляющие поведением масс, на «неуравновешенность» массовой психологии. Но, может быть, с большим основанием можно сказать, что действительным виновником оказываются социально-экономические препятствия, не позволяющие человеку из «низов» получить дорогостоящее образование, а также пропагандистская машина, средства массовой информации, собственниками или подлинными хозяевами которых опять-таки являются представители элиты. Выше уже говорилось о характерной программе увековечивания духовной отсталости масс, с которой выступил американский элитарист Г. Меджид, предлагающий дозировать политическую информацию (для масс — тщательно адаптированная, «просеянная» информация, для элиты — глубокое и полное знание о социально-политических проблемах, включая знание «политической кухни»).

Элитаристы пишут об «устарелости», «дряхлости» демократии, не обеспечивающей эффективного управления общественной жизнью, ибо она ущемляет права элиты, уравнивая ее с массами, о том, что при этой форме правления приходится жертвовать разумом, носителем которого является, разумеется, элита, в пользу «животных инстинктов» толпы. Более того, они доказывают, что демократии в точном смысле и не существовало никогда в истории, а была лишь более или менее искусная маскировка власти элиты. Критикуя демократию, элитаризм доказывает, что, с одной стороны, она не более, чем миф, а с другой — что такого рода иллюзии порождают, по выражению Моски, «худший тип политической организации — анонимную диктатуру тех, кто победил на выборах и говорит от имени народа»[12]. Моска утверждал, что лозунги, начертанные XX веком на своих знаменах — правление большинства и политическое равенство — неосуществимы, что это — уровень политической демагогии. Такова позиция элитаристов, а точнее элитаристов, наиболее последовательных по отношению к демократии.

Члены элиты составляют ничтожное меньшинство общества, но они навязывают ему свои решения, и государственный меха-

[12] Mosca G. Op. cit. P. 157.

низм оказывается лишь машиной, реализующей эти решения. Почему же они столь могущественны? В чем их сила? Вряд ли нужно всерьез спорить с мнением тех элитаристов, которые объясняют все это тем, что члены элиты — наиболее умные, достойные представители человечества. И дело не только в том, что это — неприкрытая апологетика власть имущих. Отметим, что эмпирические исследования элит даже в демократических странах не подтверждают наличия у них выдающихся качеств, в том числе интеллектуальных. Но если мнение указанных элитаристов в этом вопросе, мягко говоря, недостаточно обоснованы, прислушаемся к тем объяснениям интересующих нас явлений, которое дают те элигаристы, которые являются сторонниками классового подхода в объяснении социального неравенства. Возможности элит играть определяющую роль в проведении государственной политики они связывают с тем, что эти элиты выражают, в значительной мере формируют, а также воплощают в жизнь волю господствующего в их странах класса, владеющего средствами производства, политическим аппаратом для подавления эксплуатируемых масс, класса, идеология которого является господствующей идеологией в обществе. Причем интересы этого класса пришли в противоречие с интересами народных масс: коренной интерес ничтожного меньшинства общества, которое узурпировало всеобщие человеческие функции, включая управление политикой, экономикой, культурой, заключается в увековечивании социальных отношений, которые обеспечивает этому меньшинству привилегированное положение. «Философия элитаризма указывает на то, что те немногие, которые правят, отличны от массы управляемых. Элиты рекрутируются непропорционально широко из высшего класса. Элиты сохраняют консенсус по фундаментальным ценностям и по вопросу о сохранении существующей системы и только постепенности внесения в нее изменений. Неэлиты, принимающие базовые ценности элиты, могут иметь некоторую возможность вхождения в элиты, но оно должно быть медленным, чтобы сохранить стабильность»[13]. Впрочем, отдельные элитологи допускают, что элитаризм может быть сметен восстанием масс, а эгалитаризм, в свою очередь, восстанием элит, так что конкуренция и взаимодополнительность элитаризма и эгалитаризма — явления закономерные.

[13] Survey of Social Science. Ed. by F. Magill. Pasadena (Calif.), 1995. Vol. 2. P. 592.

Кто же принимает важнейшие государственные решения, которые порой означают для трудящегося потерю работы и невозможность прокормить семью, а подчас касаются и самой его жизни, ибо он может быть мобилизован для участия в войне, которую не начинал и не хотел, цели которой он не понимает или отвергает? Кто же вершит дела от его имени? Те, кто занимают высшие государственные посты, — президент, министры? Или же невидимое и несменяемое действительное правительство, богатейшие из богатых, оставаясь в тени, является действительным режиссером политической игры в странах, называющих себя демократическими? А может быть, элита толстосумов делит власть с политической элитой, с верхушкой военщины, владельцами средств массовой информации, образуя как бы систему элит, слой «сильных мира сего»? Тогда являются ли эти элиты конкурирующими или же они мирно сосуществуют, и их взаимодействие между собой не более чем своего рода разделение труда в рамках господствующего класса? Наконец, какова роль выборов в странах с демократическими режимами? Делают ли они народные массы субъектом политики, или же они, не меняя классового характера власти, влияют на то, какая из группировок господствующего класса вырвется вперед и получит наибольшие выгоды? Либо имеет место тенденция к тому, что государство во все большей мере становится не орудием подавления одним классом другого, но инструментом баланса сил, компромисса в отношениях между классами, их взаимной «притирки», учета интересов (пусть в разной мере) всех противоборствующих или, лучше сказать, взаимодействующих сил? Все эти вопросы усиленно обсуждаются современными элитологами, причем точка зрения радикальных элитаристов отнюдь не является превалирующей, скорее наоборот, в элитологии, и не только западной, идет настойчивый поиск компромисса между элитаризмом и демократией, точек соприкосновения между ними.

Демократический элитизм. Атаки радикальных элитаристов на демократию в наше время вряд ли могут рассчитывать на популярность. Гораздо распространеннее другая интерпретация отношения между идеологией и практикой элитаризма и демократии. В последние десятилетия стало возможным писать об «историческом примирении» элитаризма с демократией. При этом понятие демократии трактуется весьма вольно («предельно широко», как пишут сторонники этой интерпретации). Теоретики элитариз-

ма, как признает канадский политолог Дж. Портер, допускают для демократических систем широкий спектр различных политических режимов, вплоть до олигархических, и политическую апатию широких народных масс.

Характеризуя подобные тенденции в американской политологии, Р. Баркли пишет: «В США наблюдаются в настоящее время попытки совместить основные положения теории элиты с традиционно поддерживаемыми концепциями демократии». Обычно в этих случаях демократические концепции истолковываются таким образом, чтобы выхолостить из них упоминание о социально-экономическом равенстве в контексте реалий индустриального и постиндустриального общества».

Если первоначально элитаризм был откровенно враждебен демократии (мы видели это на примере трудов предшественников современного элитаризма от Платона до Ницше, основных работ Моски и Парето), то начиная с 30-х годов ряд политологов попытались совместить его с признанием ценностей демократических институтов. Сам Моска под конец жизни начал пересматривать свои взгляды на буржуазную демократию в сторону принятия некоторых ее принципов. Он видел в этом не отказ от элитарных установок, но их модификацию. Моска приходит к «парадоксальному» для себя выводу о том, что демократические методы могут быть использованы для увеличения силы и стабильности правящего класса, что в демократиях «ряды правящего класса более открыты» и уже поэтому последний более легитимен в глазах масс. Буржуазная демократия оказывается удобным инструментом маскировки всевластия господствующего класса и улучшения механизма реализации этой власти.

Позднее возникает концепция «демократического элитизма», которая не отрицает теорию народного суверенитета (что уже само по себе лишает ее первоначального содержания или вынуждает существенно скорректировать свои взгляды), это не правление народа, но власть демократической элиты, которая правит «на благо всего общества». Конечно, подобные концепции не лишены элементов демагогии. Впрочем, такого рода демагогия присуща в той или иной форме всем идеологам господствующих классов. И рабовладельческая аристократия, воспевавшаяся Платоном, и технократы, герои Веблена, и даже фашистские диктаторы претендовали на то, что осчастливливают народ, и порой даже верили в это, становясь жертвами собственной демагогии.

Теоретик современного «демократического элитизма» П. Бахрах пишет о том, что для того, чтобы объединить концепцию Моски—Парето с «современной демократической теорией», потребовалась ее радикальная ревизия, которая и была осуществлена Дж. Шумпетером и К. Маннгеймом в 30–40-х годах (оба они эмигрировали из Германии, первый — в США, второй — в Англию). Шумпетер предложил модернизировать понятие демократии, не отождествляя его с народоправием. Он согласен с Моской в том, что «идеи XVIII века — воля народа, общее благо» — не более чем мифы, используемые в пропаганде; «абсурдно» верить, что народ компетентно судит о политике. Поэтому вместо трактовки демократии как «правления народа» он предлагает, на его взгляд, «более реалистичную», выражаемую формулой «правительство, одобряемое народом». Шумпетер — сторонник «умеренной» демократии, в которой «страта элиты» была бы, с одной стороны, не слишком исключительной, с другой — не слишком доступной для «аутсайдеров» и в то же время достаточно сильной, чтобы быть способной «ассимилировать индивидов из низших страт, которые вырываются вперед». Его определение демократии (которое иногда называют «рыночной» демократией), ставшее весьма распространенным, предполагает элитарную структуру общества и возможность для масс делать выбор из конкурирующих элит[14].

Считавшиеся антиподами, теории элиты и концепции демократии (в понимании упомянутых политологов) находят точки соприкосновения. Правящая элита признается необходимой для любого общества, в том числе и демократического; отличительная черта последнего — конкуренция элит за позиции власти, а также более открытый их характер. Концепция демократии как политической системы, в условиях которой партии конкурируют в борьбе за голоса избирателей, предполагает, что массы могут в определенной степени влиять на политику, выбирая между конкурирующими элитами (хотя и признается, что у масс фактически слишком мало средств, могущих помешать элитам, в руках которых сосредоточены основные средства политического контроля, позволяющие отказаться от демократических норм и перейти к методам подавления в случае угрозы их интересам). Шумпетер и квалифицирует демократию как «институт для достижения политических решений, когда к властным позициям приходят посредством конкурентной

[14] Schumpeter J. Kapitalismus, Socialismus und Demokratie. Bern, 1946.

борьбы за голоса людей». В этой «рыночной» концепции демократии различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» принимают или отвергают их на выборах.

Близкую позицию занял и К. Маннгейм. В своих ранних работах он связывал элитаризм с авторитаризмом и антидемократизмом. Однако с течением времени его позиция меняется, и он ищет способы соединения элитаризма с демократией и приходит к следующему выводу: «Действительное формирование политики находится в руках элиты, но это еще не значит, что общество недемократично. Ибо для демократии достаточно, чтобы граждане, хотя они и не имеют возможности прямого участия в управлении, по крайней мере иногда выражали свои чувства, одобряя или не одобряя ту или иную элиту во время выборов». Маннгейм также пишет о принципиальной совместимости элитаризма с принципом «равных возможностей» при условии формирования элиты в соответствии с заслугами людей (позднее эта идея получит развитие в концепции меритократии М. Янга, Д. Белла, К. Боулдинга, считавших, что, если в основу формы правления положен принцип индивидуальной заслуги, в элиту войдут наиболее достойные, компетентные, талантливые люди).

«Не является ли противоречием говорить об элитах в демократическом обществе? — задает вопрос Маннгейм. — Не снимает ли демократия вообще отношение элита – масса? Мы не можем отрицать, что тенденция к уравниванию, к уничтожению страты элиты существует; но одно дело признавать существование тенденции, другое дело признать, что она должна идти до конца. Во всех демократиях, которые мы знаем, возможно отличить лидеров от ведомых. Значит ли это, что демократии являются неподлинными?.. Не должны ли мы предположить, что существует демократический оптимум отношения элита – масса? Оптимум не обязательно будет максимумом; если демократия предполагает антиэлитарную тенденцию, это не значит, что мы должны идти до конца к утопическому уравниванию лидеров и ведомых. Мы принимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, но скорее способом ее рекрутирования, новым самосознанием элиты»[15].

В США либеральный вариант элитизма развивался школой Г. Лассуэлла. В концепции Лассуэлла «демократия отличается от олигархии не отсутствием элиты, которая продолжает оказывать

[15] Mannheim K. Essays on the Sociology of Culture. L., 1956. P. 179, 200.

наибольшее влияние на общественную жизнь, а ее открытым, представительным, ответственным характером»[16]. Он утверждал, что элита современного западного, особенно американского, общества в отличие от предшествовавших типов элит обладает знанием и умением управлять и поэтому более подходит для руководства современным сложным и дифференцированным общественным организмом, чем закрытая аристократическая каста. Таким образом, в трактовке демократии отбрасывается «утопический» принцип равенства, молчаливо признается, что демократическое участие всех людей в политической жизни общества неосуществимо. Понятие «демократия» применяется к политической системе, где лишь элитные группы активно участвуют в управлении обществом, причем элита современного западного общества объявляется лучшей из элит на том основании, что она якобы открыта для всех наиболее способных к управлению людей (хотя эта открытость весьма ограниченная, как показывают эмпирические социологические исследования; в лучшем случае можно сказать, что дверь в элиту лишь несколько приоткрыта).

Что касается изображения американской элиты как лучшей из существующих и существовавших, это достаточно традиционно для американской социологии. Сошлемся на патриарха американской социологии и социальной психологии Э. Росса, который писал: «В нашем обществе не короли, не принцы, не дворяне, а банкиры, короли торговли, железнодорожные магнаты, капиталисты, политические деятели, издатели, писатели, артисты занимают высшие посты, переняв эстафету у первых... Общество представляет собой не многоэтажную пагоду, состоящую из замкнутых каст, но пирамиду, суживающуюся кверху и предполагающую иерархию позиций, к которым карабкаются отдельные личности». Что же касается открытости американской элиты, высокой мобильности в нее, этот тезис на большом эмпирическом материале оспаривается такими видными американскими социологами, как Р. Миллс, У. Домхофф и др.

Вопрос о соотношении элитаризма и демократии неоднократно поднимался на всемирных социологических и политологических форумах, в частности на IV Международном социологическом конгрессе. Один из теоретиков Итальянской социалистической

[16] Hoover Institute Studies. Series «B». Ed. by H. Lasswell. Preface. Stanford, 1952.

партии Н. Боббио, он же известный политолог и социолог, выступивший на этом конгрессе с докладом «Теория понимания политического класса в традициях демократических авторов Италии», утверждал, что последователи Моски П. Гобетти и Г. Дорсо сумели совместить элитаризм с демократией. Дорсо провел различие между собственно правящим классом (с его политической и интеллектуальной элитой) и политическим классом, определяемым как руководящий комитет и технический инструмент первого. Затем проводится дальнейшее различение между политическим классом, находящимся у власти, и оппозицией. Каждый политический класс имеет тенденцию расколоться на управляющий и оппозиционный. Когда этот естественный процесс приобретает контрастный характер, мы имеем дело с диктатурой. Когда же, наоборот, классы могут править в порядке устойчивой и регулярной очередности, мы имеем дело с демократией. Теория политического класса и теория демократии оказываются, таким образом, примиренными, поскольку демократия уже не отождествляется с верховной властью народа (!), но скорее является системой, имеющей более подвижные и открытые элиты. Теория элиты, вместо того чтобы быть антидемократической, становится основой нового, более реалистического понимания демократии. Мы не будем полемизировать с трактовкой Боббио о сущности классов и классовых различий, упрекать его в смешении понятий «класс» и «политическая партия», доказывать, что не «политический класс», а политическая элита является инструментом правящего класса. Разумеется, у власти могут находиться различные группировки правящего класса, например капиталистического, различные партии, но буржуазное правительство выражает совокупный интерес этого класса. Приведенная пространная цитата интересна тем, что наглядно показывает, как некоторые современные политологи так трактуют сущность демократии, чтобы примирить ее с постулатами элитаризма.

В последние годы было много попыток примирить элитаристов и леволиберальных и даже леворадикальных теоретиков. Так, М. Финочаро выступил с утверждением, что Моска и Грамши «принадлежат к одной и той же традиции — демократическому элитизму. Под элитизмом имеется в виду теоретическая ориентация, исходящая из того, что наиболее фундаментальным принципом является различие между элитой и массами или лидером и ведомыми. Под демократией здесь имеется в виду отношение между элитой и массами, при котором элиты открыты для обновления

элементами из масс, и это основы оригинальной теории демократии». Финочаро утверждает, что «Грамши гораздо в меньшей степени радикальный революционер, а Моска в меньшей степени реакционер, чем это принято считать, и оба мыслителя близки к политическому центру»[17]. Он солидарен с взглядом Боббио о том, что концепция равенства относительна, а не абсолютна, люди равны между собой в одних отношениях и не равны в других. «Существует традиция мышления, которая стремится объединить понятия демократии и элитизма, и Моска, и Грамши принадлежат к этой традиции»[18].

На том же конгрессе Боббио пропагандировал также взгляды последователя Парето Ф. Бурцио, который, как и его учитель, считал, что любая творческая, прежде всего политическая, деятельность должна осуществляться меньшинством, обновляемым за счет наиболее способных представителей масс. «Равные возможности», которыми якобы обладают члены «индустриального общества», позволяют «лучшим элементам из низших классов» подниматься в высшие, что обеспечивает подвижность, мобильность элиты и позволяет ей выполнять должным образом стоящие перед ней задачи. Разделяя эти позиции, Боббио в заключение своего доклада с торжеством заявил: «Теория политического класса в процессе своего развития перешла из рук врагов демократии в руки ее друзей».

Думается, однако, что торжество Боббио несколько преждевременно. Конвергенция элитарных и демократических теорий носит во многом формальный характер, причем она основывается на базе элитаризма, основана на растворении демократических ценностей в ценностях элитарных. Даже признанный авторитет в концепции демократического элитизма американский политолог П. Бахрах вынужден признать, и тут он полностью прав, что «в нормативном смысле существует фундаментальное различие между демократическими и элитарными теориями»[19].

Напрашивается вывод о том, что попытки совместить эти теории ведут к принесению в жертву во имя данной конвергенции

---

[17] Finocchiaro M. Beyond Right and Left Elitism in Mosca and Gramsci. New Naven, 1999. P. VIII.

[18] Ibid. P. 217–218.

[19] Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. A Critique. Little Brown & Co, 1967. P. 1.

некоторых фундаментальных принципов классической теории демократии, прежде всего принципа народоправия, связанного с самой этимологией этого термина. Однако сам Бахрах думает иначе. Он считает взаимодействие элитарных и демократических теорий «блестящей иллюстрацией гегелевской диалектики: первоначально аристократические теории власти критикуются теоретиками демократии Ж.Ж. Руссо, Т. Джефферсоном и др., в дальнейшем теории демократии подвергаются критике со стороны элитаристов (Моски, Парето), «истиной» же оказывается синтез элитарных и демократических теорий, то есть «демократический элитаризм». Противоречие между элитой и демократией снимается демократическим элитаризмом, созданным американскими (Г. Лассуэллом), а также европейскими (Р. Ароном во Франции, Дж. Пламентацом в Англии, Дж. Сартори в Италии) социологами, которые показали, что «господство политических элит ни в коем случае не подрывает демократический процесс»[20], ибо множественность элит, конкурирующих между собой, и отличает демократию (следует вместе с тем заметить, однако, что теория элитного плюрализма и демократический элитаризм не тождественны, в ряде вопросов они полемизируют друг с другом).

Прежде всего отметим, что вряд ли можно считать Бахраха сильным диалектиком. Его конструкция представляет собой типичный образчик консервативной интерпретации гегелевской триады как «примирения противоположностей». Реальная эволюция указанных теорий иная. На первом этапе — традиционные для идеологов эксплуататорских классов (прежде всего, рабовладельцев, феодалов) теории аристократического правления. Далее — критика их теоретиками нарождавшейся буржуазии, отстаивавших идеи народного суверенитета в борьбе против идеологов феодализма и абсолютизма. И наконец, буржуазия, пришедшая к власти, в лице своих идеологов критически переосмысливает свое отношение к идее народовластия, выявляя ее слабости, и вновь обращается к идеям элитаризма, но это уже не возврат к Платону и Ницше, но элитаризм, учитывающий популярность демократических идей, сохраняющий демократическую риторику (примером чему служит сам «демократический элитизм»). Вот как описывает свою позицию сам П. Бахрах: «Вплоть до совсем недавнего времени теории демократии и элитаризма рассматривались как несовпа-

[20] Elites in a Democracy. Ed. by P. Bachrach. N.Y., 1972. P. 2.

дающие и противоречащие друг другу. В то время как в чистом виде их считали противоречащими друг другу, в современной политической мысли существует, я полагаю, сильная, если не доминирующая, тенденция включать основные элитарные принципы в теорию демократии. В результате появляется новая теория, которую я бы назвал демократическим элитизмом»[21]. Книга, из которой приведена данная цитата, и называется «Теория демократического элитизма». В другой книге П. Бахрах пишет, что «проблема места политических элит в демократическом обществе является критически важной»[22].

Демократический элитизм отвергает как «наивную» идею народовластия, ссылаясь на то, что важнейшие политические, экономические, социальные, военные решения принимаются в западных странах, которые принято считать демократическими, незначительным меньшинством. «Классическая демократическая теория, без сомнения, все еще приятна для демократического менталитета, — пишет Бахрах. — Но в какой мере она действительна для массовых демократических обществ?»[23] Теории элитного плюрализма и демократического элитизма значительно ослабляют нормативно-ценностной аспект демократической теории, сводя демократию к методу принятия политических решений, переносят внимание с проблемы народа как субъекта политики на свойства политсистемы, среди которых доминирует атрибут политической конкуренции, дающий возможность избирателю выбрать одну из конкурирующих элитных групп. Американские историки политической науки обычно не делают различий между теориями элитного плюрализма и демократического элитизма, хотя эти различия существуют, и они в значительной мере связаны с расхождением идейных позиций их сторонников, тяготеющих то к либеральному (теории элитного плюрализма), то консервативному (неоэлитаризм) полюсам идейно-политического спектра. Эти расхождения не помешали представителям обоих течений выдвинуть тезис о том, что элиты не только несут особую ответственность за сохранение демократии, но и защищают демократические ценности, сдерживая якобы присущие массам антидемократические устремления.

---

[21] Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. P. 1.

[22] Elites in a Democracy. Ed. by P. Bachrach. P. 2.

[23] Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. P. 6.

В отличие от демократических концепций идеологов нарождавшейся буржуазии, рассматривавших народ как естественную опору демократии, «демократический элитаризм» видит эту опору в демократически ориентированной элите. Вместо того чтобы видеть угрозу демократии со стороны господствующих меньшинств, «демократический элитаризм» видит эту угрозу... в народных массах. «Теория демократии исходит из того, что либеральные ценности — личное достоинство, равенство возможностей, право на инакомыслие, свобода слова и печати, религиозная терпимость, надлежащие правовые процедуры — лучше всего обеспечиваются за счет расширения участия масс в политике. Исторически массы, а не элиты считались хранителями свободы. Например, в XVIII и XIX веках угроза тирании исходила от продажных монархий и разлагающейся церкви. Однако в XX веке именно массы стали наиболее восприимчивы к соблазнам тоталитаризма»[24]. Авторы при этом ссылаются на то, что массы могут быть гораздо правее элиты, что опыт XX века заставил по-новому взглянуть на роль народных масс в политической истории, ибо продемонстрировал «массовую поддержку» таких авторитарных и тоталитарных движений, как большевизм, фашизм, маккартизм, перонизм, пужадизм (можно было бы дополнить этот список исламским экстремизмом). П. Бахрах на этом основании пишет о том, что «разрушилась вера либералов в демократию», в народ. Если теоретики классической демократии вдохновлялись верой в народ, то «...сегодня социологи склонны отвергать эту точку зрения. Они поступают так не только из-за сомнений в приверженности неэлит свободе, но также и потому, что растет убежденность, что неэлиты по большей части вдохновляются в политических вопросах элитами. Эмпирический вывод о том, что поведение масс обычно является реакцией на позицию, предложения и образ действия политических элит, дополнительно подтверждает точку зрения, что ответственность за сохранение демократических "правил игры" лежит на плечах элит, а не народа».

Близкую позицию заняли такие видные американские политологи, как У. Корнхаузер, Дж. Сартори, которые постоянно колеблются между признанием демократических ценностей и страхом перед «крайностями» демократии, «не подорвавшей корни массовых движений». Сартори предостерегает, что подозрительность

[24] Dye T and Zeigler H. Op. cit. P. 19.

и тем более страх перед элитами «...не более, чем анахронизм. Мы должны бояться, что демократия, как в мифе о Сатурне, уничтожит своих собственных лидеров, создав условия для замены их недемократическими элитами». Не веря в творческие силы народных масс, в конструктивность их политической активности, эти политологи возлагают все свои надежды на просвещенные элиты, которые бы вдохновлялись демократическими ценностями.

З. Бжезинский и Р. Бейли провели небезынтересное сравнение содержания буржуазной идеологии конца XVIII и конца XX века[25].

XVIII век	XX век
Признание прогресса	Сомнение в прогрессе
Человек рационален	Человек иррационален
Мифы и суеверия вредны	Мифы и суеверия порой полезны
Общество управляется на основе народного согласия	Общество управляется элитой
Вера в демократические и гуманистические ценности	Сомнения в ценности демократии, приводящей к власти некомпетентные массы, ведущей к социальным катаклизмам

Подобная эволюция может свидетельствовать лишь о декадансе господствующей идеологии в странах Запада, о росте антидемократических настроений. М. Алле утверждает, что «судьба масс зависит от качества элиты», а поскольку современная элита Запада — лучшая из всех существовавших элит, «никогда еще массы не имели лучшей судьбы». Итальянский политолог Л. Кавалли, воскуряя фимиам западной демократическое элите, пишет: «Эта элита воспитывает народ в духе демократии, прежде всего создавая институты и привычки к информации, к независимым и в то же время ответственным решениям». Итак, все надежды следует связывать не с самодеятельностью масс, а с «хорошей, квалифицированной» элитой.

«Демократия — это власть народа, — пишут Т. Дай и Х. Цайглер, — но ответственность за выживание демократии лежит на плечах

[25] Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.Y., 1971. P. 115–116.

элиты. Это — ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы «правление народа» выжило. Если бы выживание американской политической системы зависело от активности, информированности и просвещенности граждан, то демократия в Америке давно исчезла бы, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям... Но, к счастью для этих ценностей и для американской демократии, американские массы не ведут, они следуют за элитами... Хотя символы американской политики основываются на демократии, ее реальность может быть лучше понята с точки зрения элитарной теории»[26].

Итак, демократия, опасающаяся народа. Поистине, это «ирония демократии». И злая ирония.

Еще один, последний по времени вариант демократического элитизма предложили известные американские элитологи профессор Техасского университета Джон Хигли и профессор Колледжа Лойолы Майкл Бартон. Свою концепцию они изложили в монографии «Элитные корни либеральной демократии»[27]. Как они сами пишут, их книга представляет взгляд на основы либеральной демократии с точки зрения теории элит. Политические режимы создаются элитами, от них зависят основные характеристики режима, прежде всего их стабильность или нестабильность. Либеральные демократии зависят прежде всего от того, является ли данный режим представительным или непредставительным, а также от того, насколько сплоченными они являются. С этой точки зрения рассматриваются качества элит и перспективы либеральной демократии.

Хигли и Бартон утверждают: «Sine qua non (непременным условием) либеральной демократии является артикулированная, объединенная консенсусом элита. Либеральная демократия не может сформироваться без этого условия»[28]. Доказывая свой тезис, авторы ссылаются на современный Ирак, где существуют три враждующих между собой элиты — курдов, шиитов и суннитов, что не позволяет создать режим либеральной демократии. На наш взгляд,

---

[26] Dye T., Zeigler H. The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Duxbury Press, 1972. P. 2.

[27] Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. N.Y.; Oxford: Lanham, 2006.

[28] Ibid. P. 1–2.

пример не очень удачный, в котором действительно существуют три враждебные группировки, которые ведут террористическую борьбу, между прочим, спровоцированную агрессией США. Но ведь указанный авторами принцип они относят к любой стране, что уже подрывает универсальность этого принципа. Авторы утверждают, что «разъединенная элита — почва для авторитарных режимов»[29]. На наш взгляд, объединенная элита скорее является почвой для авторитарных или, по крайней мере, не совсем демократических режимов, потому что сплоченной элите гораздо легче добиться повиновения народных масс, уменьшая их возможности сопротивления самоуправству элите, тогда как разъединенная элита создает возможность для населения поддержать одну из элитных группировок с более приемлемой для него программой[30].

Политические элиты Хигли и Бартон определяют как людей, которые способны благодаря своим позициям в могущественных организациях и движениях оказывать постоянное воздействие на политику[31]. Принадлежность к элите «порой была институтизирована». Это имело место в античности, в Византии, европейском средневековье, в партийной номенклатурной системе в СССР, в Югославии при Тито, в Китае, где и поныне власть концентрируется в руках 25–35 человек. Говоря о современной политической элите, они относят к ней около 10000 людей в США, примерно по тысяче человек в Германии, Франции и т.д. Говоря о «новой глобальной элите», они ссылаются на С. Хантингтона, который не случайно обращает внимание на десятки тысяч университетских профессоров.

Хигли и Бартон различают три основных типа политической элиты с точки зрения их структуры: 1) необъединенный тип с минимальной интеграцией; 2) структурно-интеграционный экстенсивный консенсус элит; 3) идеологически объединенная, строго централизованная элита, члены которой публично поддерживают идеологию и не обнаруживают открытых разногласий.

---

[29] Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. N.Y.; Oxford: Lanham, 2006. P. 3.

[30] Критикуя данное положение, автор этой работы хотел бы подчеркнуть свое уважение весьма компетентным элитологам — Дж. Хигли и М. Бартону. Автор хотел бы выразить свою личную благодарность г-ну Хигли за то, что на Конгрессе российских политологов в 2006 г. он произнес слово «elitology», что очень редко можно услышать из уст американских и английских политологов и социологов. — *Прим. авт.*

[31] Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. P. 7.

Наших авторов очень беспокоят тенденции фрагментации среди объединенных и консенсусных элит. Они даже задаются вопросом: не являются ли разъединенные элиты нормой? К 2000 году большинство стран мира являются демократическими (в том или ином понимании этого слова) Но в массовых обществах элиты, казалось бы ориентированные на массы, являются элитами манипуляторов, как это считает американский политолог Г. Виленский[32] и др.[33] «Теория элиты исходит из того, что те люди, которые серьезно влияют на политику, практически всегда составляют меньшинство. Эти элитные группы мобилизуют массы. В этом плане все политики, как аристократические, так и демократические, являются по существу элитистами[34].

Элита и масса. Поиск оптимума. Можно согласиться с мнением П. Бахраха, Т. Дая и других элитологов о том, что проблема элит и их соотношения с массами является ключевой для любой из существующих политических систем, в том числе и демократических. Другое дело — как эта проблема решается политологами различных направлений.

Их основные позиции можно суммировать следующим образом:

1. *Радикальный элитаризм.* Демократии как народовластия, по существу, быть не может. Причин тут несколько, из них главные — две. Во-первых, народ некомпетентен в политике, поэтому народоправие, если бы и было возможным, оказалось бы губительным по своим последствиям, привело бы к неминуемым политическим провалам и катаклизмам. Во-вторых, правление народа технически неосуществимо, непосредственная демократия невозможна, по крайней мере, в странах с большим населением, а представительная демократия неизбежно приводит к утрате народом части своего суверенитета, который отчуждается в пользу избранных представителей, которые в силу закономерностей, описанных Р. Михельсом, превращаются в элиту.

Ясно, что аристократическое третирование народа как косной, отсталой массы, неспособной самостоятельно управлять обще-

---

[32] Wilensky H. Rich Democracies: Political Economy, Public Policy and Performance. University of California Press, 2002.

[33] См. также: Ашин Г.К. Доктрина «массового общества».

[34] Higly J., Burton M. Op. cit. P. 202. В заключение авторы пишут, что для элит, как правило, характерно конфликтное и капризное поведение, с чем можно согласиться.

ственной жизнью, представляется большинству демократически ориентированных политологов не только неприемлемым по принципиальным соображениям, но и теоретически несостоятельным, ибо оно отрицает или принижает творческую роль народных масс в историческом процессе, возвеличивая правящее меньшинство как «избранных», «лучших», нередко впадая при этом в мистицизм, ибо эти «достойнейшие» таинственным образом оказываются по преимуществу представителями господствующего класса, а их «избранность», как правило, передается по наследству (за небольшим исключением, лишь подтверждающим правило).

Рассмотрим один из наиболее распространенных тезисов элитаристов о некомпетентности народа в политике (с ним согласно большинство сторонников «демократического элитизма»). Но каковы критерии компетентности? И можно ли говорить о демократии исходя из утверждения о некомпетентности народных масс? Или же демократия должна исходить из презумпции компетентности каждого взрослого и умственно здорового гражданина? В последнем случае мы неминуемо сталкивается с затруднением, заключающемся в том, что раз политика должна быть понятна каждому гражданину и зависеть от каждого, то тогда она по необходимости будет ориентироваться на низший общий знаменатель — на наименее компетентного в политике человека (иначе из политической коммуникации выпадет низший, по критерию компетентности, слой граждан). Все это говорит о том, что сомнения элитаристов в осуществимости полной демократии имеют определенные основания.

Политическая философия элитаризма во многом воспроизводит ход рассуждений Платона. Критерий справедливого общества — благо (но при этом возникает естественный вопрос: а что есть благо и для кого?). У элитаристов, как и у Платона, патерналистский подход к этой проблеме: народу во имя его же блага лучше вверять власть элите, ибо народ в своей массе не созрел (а может быть и никогда не созреет) для самоуправления; элита как бы облегчает жизнь народу (или, как изящно выразился пушкинский Б. Годунов, «сокращает опыт» народу), иначе к разумной политике ему пришлось бы идти через пробы и ошибки, через мучительный путь набивания шишек; а тут элита великодушно указывает наилучший путь.

Прежде всего возникает вопрос: а так ли это? Не прикрывает ли элита этими рассуждениями об общем благе свои собственные

своекорыстные интересы? Не рассматривается ли народное благо сквозь призму благ элиты? Но даже если предположить, что элита всегда принимает наилучшие политические решения, остается вопрос: так ли уж это хорошо для народа? Ведь в этом случае народ привыкнет во всем полагаться на элиту и никогда так и не станет самоуправляемым. Во всяком случае, если критерием оценки государственной политики считать эффективность ее институтов, то, по-видимому, управление следует доверить наиболее компетентным, мудрым, опытным — это будет правление узкого круга лиц. Если же этим критерием считать уровень самоуправления граждан, уровень их свободы, то придется сделать вывод о том, что власть должна быть предельно диффузной, максимально совпадающей со всем населением.

2. *Элитный плюрализм*, объявляющий себя альтернативным радикальному элитаризму, оказывается на поверку элитаризмом ослабленным (элитизмом), «размазанным», хотя он и оставляет некоторое, впрочем весьма скромное место народным массам, голосующим раз в несколько лет за ту или иную элиту и посредством этого имеющим возможность выбора из конкурирующих элит. Таким образом, недостатки предыдущего направления не снимаются, а лишь ослабляются. Кроме того, как мы видели выше, и это, пожалуй, самое важное, элитный плюрализм смешивает норматив, идеальную модель политического процесса, с реальным процессом, и тем самым выступает, по существу, с апологией политической системы современных развитых капиталистических стран (прежде всего, США), изображая ее как идеал, вершину демократии.

3. Более откровенным и последовательным по сравнению с элитным плюрализмом является *неоэлитаризм*, отвергающий плюралистическую трактовку политических систем современных развитых капиталистических стран, прежде всего США. С одной стороны, следует отметить, что неоэлитаризм приводит достаточно убедительные данные (в том числе статистические данные эмпирических политологических исследований), свидетельствующие о том, что важнейшие решения, жизненно важные для миллионных народных масс, принимает узкий круг людей «наверху» — несколько сот, иногда несколько тысяч человек. Но у неоэлитаристов, как, впрочем, и у всех элитаристов, мы видим явно неисторический подход к управлению общественной жизнью, рассмотре-

ние элитарной структуры политической системы как нормы, как закона политических отношений. К тому же в их работах мы опять-таки обнаруживаем апологию политической системы США и других западных демократий как управляемых наиболее квалифицированной элитой. При подобном подходе исследователь как бы закрывает для себя проблему развития, принципиального совершенствования демократической системы, обнаруживает непонимание и, более того, нежелание понять творческую роль народных масс в политической жизни общества, нежелание развивать творческую активность масс. Вместо стремления поднимать, усиливать роль народных масс как субъекта политического процесса, характерного для подлинного демократа (а Т. Дай, Х. Цайглер разделяют ряд идей «демократического элитизма») мы опять-таки видим стремление консервировать власть в руках узкой элитной группы общества. И судьба демократии оказывается полностью зависимой от такой, в сущности, зыбкой вещи, как политические ориентации и политическая культура элиты.

4. Заманчивой для демократа выглядит позиция *радикального антиэлитаризма.* Она во многом продолжает классическую демократическую традицию, рассматривающую элиту как возможную угрозу демократии, считает подлинной демократией политическую систему, в которой реализуется действительное народовластие; идеалом является непосредственная реализация власти народом. Однако подобная концепция вызывает целый ряд вопросов. И прежде всего — не утопична ли эта позиция? Ведь никогда на протяжении истории человечества этот идеал не реализовывался, особенно в крупномасштабных социальных образованиях, на протяжении существования института государства (даже в догосударственных структурах, в период родоплеменного строя выделялась родовая знать).

Кроме того, у человечества есть основания считать, что радикальный антиэлитаризм может быть опасной идеологией: ведь попытки ее воплощения в жизнь порой приводили к авторитаризму и тоталитаризму, что заставляет подозревать, что ряд вариантов «радикального элитаризма» представляют собой на деле скрытый элитаризм. Достаточно проанализировать грандиозный эксперимент с «построением социализма» в СССР. Мы были свидетелями того, что провозглашенные лозунги — социального равенства, отсутствия элиты, отсутствия эксплуатации — на деле обернулись новой формой социального неравенства, жестокой эксплуатацией

(пусть не отдельными капиталистами, а государством, оказавшимся фактической собственностью «нового класса»), образованием новой элиты, причем элиты тоталитарной. Один из парадоксов демократии заключается в том, что она исходит из презумпции равенства. В идеальной демократии «все равны». Но как только этот идеал пытаются воплотить в действительность (часто насильственным путем), каждый раз оказывается, что находятся люди (меньшинство), которые «более равны, чем другие». Таким образом, «чистая демократия» как общество равных — это в лучшем случае норматив, тогда как реальная демократия оказывается в большей или меньшей степени элитарной.

Итак, все перечисленные подходы к решению проблемы соотношения элитаризма и демократии не могут нас удовлетворить. Ясно одно — для элитаризма «переварить» демократию достаточно сложно и проблематично (если, конечно, из нее не выхолостить предварительно основное содержание), попытки такого «переваривания» грозят ему несварением желудка. Сторонники концепции демократического элитизма пытаются доказать совместимость элиты и демократии при условии, что сама элита носит открытый характер. Однако при этом сущность демократии искажается, она, так сказать, оскопляется. Основной вопрос демократии — участие рядового гражданина в политической жизни — становится второстепенным, а на первый план выдвигается проблема социальной стабильности, и сама эта стабильность социальной системы напрямую оказывается связанной со стабильностью и преемственностью элиты, пусть демократической элиты, готовой соблюдать традиции демократических «правил игры».

Мы столкнулись с еще одним парадоксом демократии. Проведенная до конца идея народоправия должна отрицать элиту, хотя политическая практика всегда обнаруживает ее присутствие во всех политических системах и режимах. В принципе типологию политических режимов можно проводить по основанию: народоправие — всевластие элиты. Однако обе эти модели — крайности, это идеальные типы в духе М. Вебера (по Веберу идеальный тип связывает ценностную и эмпирическую сферы культуры, позволяет продуцировать гипотезы, открывает возможности понимания, объяснения социальных процессов). Так в геометрии понятие точки, лишенной длины и ширины — абстракция, необходимая для решения геометрических задач; будучи реализованной, она

перестает обладать пространственными качествами, т.е. оказывается лишенной атрибута реальности. В политологии понятие демократии предполагает максимально возможное приближение к нормативу, к идеальной модели демократии, но, будучи реализованной до конца, она грозит превратиться в абстракцию, лишенную жизни. И тут можно согласиться с мыслью Ленина о том, что полная демократия — никакая демократия.

Наличие элиты в демократических политсистемах представляется парадоксом, противоречием в самом основании, хотя бы в соответствии с этимологией термина — народовластием. Демократия, казалось бы, должна в принципе отрицать элиту, поскольку само наличие элиты есть ущемление власти народа (если использовать классификацию политических режимов Аристотелем, правление немногих, лучших — это полития, аристократия (ее деградировавшая форма — олигархия). Однако, может быть, такое прямое сталкивание этих позиций как полярных, альтернативных есть определенная симплификация, а истина находится где-то посередине? Тут возникает ряд вопросов, и первый из них: осуществляет ли народ свою верховную власть в демократии непосредственно, прямо или же через ряд опосредствующих звеньев, одним из которых является наличие элиты.

Уже Руссо понимал, что в крупных государствах может существовать только представительная демократия, что само по себе ограничивает народовластие. Делегируя свои полномочия по принятию политических решений своим представителям, народ теряет часть своего суверенитета; но, отчуждая свой суверенитет, он его в значительной степени лишается; подлинный суверенитет неотчуждаем. Однако значит ли это, что наличие представительной элиты перечеркивает демократию? Мы рассмотрели позицию Моски и Парето, считавших, что необходимость элиты для управления обществом — свидетельство того, что демократия не более, чем фикция, это правление элиты лис, демагогов. Однако теория «демократического элитизма», как мы видели, предлагает и иное решение вопроса. Какая из них ближе к истине?

Теоретически возможны две предельные модели управления обществом: на одном полюсе — абсолютная демократия как самоуправление народа, который не нуждается в существовании особой группы, опосредующей отношения населения и управления, и абсолютная тирания, где роль населения в управлении равна нулю и власть есть самовластие лидера или элиты. Оба

предположения — гипотетические, реальные политсистемы располагаются между этими моделями. Тогда где же грань между демократией и тиранией? Казалось бы, ответ должен быть следующим: демократия — минимальная власть элиты, а тирания — максимальная. Но такое решение было бы слишком простым, не свободным от ряда недостатков. Ведь слабая элита обычно означает слабое управление, неминуемые ошибки, недовольство масс, волнения, нестабильность. Тогда скорее следует предположить, что демократия предполагает некоторый оптимум в отношении элиты и масс, где элита не подавляет массы, а инициирует их активность, где элита — средство оптимального управления, а не самоцель, не самодовлеющий центр общества. Хотя теоретически возможна, пусть даже в далекой перспективе, модель политической системы, где все члены общества обладают настолько высокой культурой управления социальными процессами, что не нуждаются в элите (разве только для чисто технического оформления их решений). Демократическая политическая система, лишенная начисто аппарата реализации власти народа, механизма этой реализации, превращается в ирреальность. Но данная модель — не пустая абстракция, это — ориентир, цель, приближение к которой и есть реализация демократии де-факто. И можно предположить, что в демократической политической системе существует в меру скромная элита, существует лишь для обслуживания интересов народа, это подлинные слуги народа. В этом плане и можно говорить о том, что концепция демократического элитизма, несмотря на ее внутреннюю противоречивость, может иметь определенные реальные основания. И можно согласиться с тем, что если мы допускаем наличие элиты в демократической политической системе, то эта элита должна отвечать ряду условий и прежде всего быть максимально открытой для талантливых выходцев из всех слоев населения.

Эта элита должна быть подлинной меритократией, элитой заслуг, элитой способностей, элитой компетентности. В этом случае термину «элита» возвращается его первоначальное значение (в соответствии с его этимологией). В элите действительно должны быть лучшие граждане, наиболее способные, внесшие наибольший вклад в развитие общества, в его благосостояние.

Теорию меритократии впервые предложил М. Янг в книге «Возвышение меритократии», написанной в форме антиутопии, где сатирически описан приход к власти и последующий крах новой

олигархии, господство которой основано на том, что она — открытая элита, состоящая из самых одаренных личностей, рекрутированных из всех слоев общества[35]. Затем Д. Белл в уже знакомой нам книге «Грядущее постиндустриальное общество» предложил вариант позитивной разработки концепции меритократии. Она основывается на принципе равных возможностей и противопоставляется рекрутированию элиты в прошлых социальных структурах, где оно происходило на основе критериев знатности и богатства; в постиндустриальном обществе определяющим является «принцип достижений»: элита рекрутируется в соответствии с личными достижениями и достоинствами. Основаниями для занятия элитных позиций в иерархии власти является обладание знаниями, высокая квалификация, высокие моральные качества. С одной стороны, теория меритократии направлена против эгалитаристских концепций и призвана оправдать привилегии новой интеллектуальной элиты. С другой стороны, поскольку рекрутирование этой элиты основано на принципе равных возможностей, она претендует на то, что определенным образом коррелируется с принципами социальной справедливости. Впрочем, в своей последующей книге «Культурные противоречия капитализма» Д. Белл обнаруживает понимание того, что меритократическая форма правления, демонстрируя несовпадение принципов справедливости и социального равенства, оказывается источником новой социальной дифференциации постиндустриального общества с ее противоречиями.

Но вернемся к отношению элит и масс в политических системах. Если они являются необходимыми компонентами всякой политической системы, неизбежно встает вопрос об их оптимальном соотношении. Если для элитистов элита — подлинный субъект политического процесса, а массы выступают как угроза этой системы, то для антиэлитаристов таким субъектом должен быть народ, а элиты рассматриваются как угроза демократии. Но, может быть, возможен компромиссный вариант? Например, можно считать оптимальной политической системой такую, где центр тяжести (власти) лежит посередине между элитой и массами. Однако тут же возникают вопросы и возражения. Во-первых, вероятность того, что центр взаимодействия элиты и масс окажется именно на полпути от элиты к массам, исчезающе мала.

[35] Young M. The Rise of the Meritocracy 1870–2033. L., 1968.

Во-вторых, данная модель наводит на мысль о стабильном равновесии, тогда как в действительности это равновесие весьма динамичное, подвижное, это отнюдь не идиллическое отношение, а скорее противостояние элиты и масс, и поэтому центр тяжести этой системы с неизбежностью подвижен, смещаясь к элите или к массам.

И уж если говорить об угрозе демократии, на наш взгляд, справедливы установки классической демократической теории, согласно которой эта угроза исходит прежде всего от элиты, поэтому для демократической политической системы оптимально, чтобы центр тяжести на этой модели смещался от середины в сторону масс. Вспомним в этой связи мудрые слова Макиавелли о том, что опасность злоупотребления властью с большей вероятностью исходит от тех людей, которые в наибольшей степени стремятся к этой власти (то есть скорее от элиты дворянства, чем от народных масс). Вспомним также не менее мудрые мысли Монтескье, писавшего, что власть имущие обычно стремятся к максимальной власти, поэтому так важна система сдержек и противовесов (прежде всего, в виде разделения властей).

Таким образом, демократической может считаться политсистема, которая реализует верховенство власти народа в том смысле, что его влияние на политику является решающим, тогда как влияние элиты является ограниченным, лимитированным законом политсистемы, в которой элита подконтрольна народу. Напротив, олигархический режим — режим всевластия элиты, когда роль народа в политике минимальна. Легко видеть, что реальные политические режимы расположены между этими крайностями.

Мы согласны с тезисом К. Поппера о контроле за элитой как центральной проблемой демократии. Поппер пишет, что «проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой — проблемой проектирования институтов контроля за тем, чтобы плохие правители не делали слишком много вреда... Мы должны защищаться от усиления власти правителей. Мы должны защищаться от их произвола»[36].

Самоуправление народа, антиэлитаризм — это нормативная установка теории демократии. Но эту мысль можно довести до абсурда, до анархического отрицания всякой политической власти.

[36] Поппер К. Цит. соч. Т. 2. С. 153.

Само наличие аппарата государственной власти предполагает признание относительной самостоятельности этого аппарата, наличие у него специфических интересов. Но весь вопрос — в степени влияния этого аппарата, в том, является ли он выразителем интересов народных масс или же интересов привилегированного меньшинства, а сам этот аппарат стоит над обществом.

Следовательно, если мы не можем игнорировать тезис о том, что наличие элиты — всегда реальная или потенциальная угроза демократии, то выход, условие сохранения демократии — в постоянном контроле народа над элитой, минимизация возможностей элиты выйти из-под контроля народа, ограничение привилегий элиты лишь теми, которые функционально необходимы для осуществления ее полномочий, максимальная гласность, возможность неограниченной критики элиты, разделение властей и относительная автономия политической, экономической, культурной и иных элит, наличие оппозиции, борьба и соревнование элит, арбитром которой (по крайней мере, во время выборов) выступает народ, иначе говоря, все то, что и составляет в своей совокупности современный демократический процесс. Однако это именно *современный* демократический процесс. Не будем его абсолютизировать, объявлять идеальным механизмом. Он во многом несовершенен. Это о нем говорил У. Черчилль, что он страдает множеством недостатков, только ничего лучшего человечество не придумало.

Мы покинем почву историзма, если будем считать, что современный демократический процесс (включающий наличие элиты) является чем-то вечным, вершиной, венцом политического развития человечества (как можно понять из известной работы Фукуямы «Конец истории»). Говоря о перспективах демократии, обратимся к ее конечным целям — превращению народа в подлинного субъекта политической власти и политического управления, что требует минимизации власти элиты, превращения ее в чисто технический инструмент власти народа, занимающий достаточно скромное место в системе общественного разделения труда, не стоящий над народом, а составляющий его часть. Одним из моментов развития демократии является разведение субъекта власти и субъекта управления. Если субъектом власти в демократической политической системе всегда является народ, то субъектом управления, то есть реализации этой самой власти, повседневного руководства социальным процессом может быть (пусть на определен-

ном историческом этапе) часть населения, профессионально занимающаяся управленческими функциями, находящаяся под неусыпным контролем народа, и возможности которой выйти за пределы законодательно закрепленных за ней прав отсутствуют или близки к нулю. Эту группу можно назвать административной элитой, хотя мы видели недостатки и ограниченность самого этого термина.

Недоверие масс к элите — естественное поведение людей, не имеющих непосредственного доступа к власти. Диапазон этого недоверия весьма широк — от проявления подозрительности до явного неприятия и даже более широко — от фанатической веры в элиту как носителя харизмы до полного отрицания права этой элиты на управление, отвержения ее, делегитимизации ее власти. Но политическая система может функционировать эффективно, если ее элита легитимизирована признанием масс, если ее ценности признаются массами как образцовые.

Вместе с тем здоровое недоверие масс к элите оправдано и в значительной мере конструктивно: оно мешает элите сосредоточить в своих руках тираническую, деспотическую власть. В сущности, теория общественного договора является определенной формой оптимизации отношений между правителем и элитой, с одной стороны, и населением — с другой. Именно на оптимизацию этих отношений направлена теория разделения властей: законодательной, исполнительной, судебной. Она призвана предотвратить концентрацию всей полноты власти в руках узкой элитной группы (расколотая элита вынуждена обращаться к массам за поддержкой, и те в этом случае выступают как арбитры в споре элит, получая таким образом возможность реализовать себя в определенной мере как субъекта политики).

Таким образом, для политической системы опасны обе крайности в отношениях элиты и масс — как слепое следование масс за элитой, которое выводит элиту из-под контроля, так и полное недоверие масс к элите, власть которой в этом случае перестает быть легитимной. Демократию в этом плане можно рассматривать как политическую систему, обеспечивающую контроль масс над элитой, которая не дает элите возможность лишить массы политической субъектности. Доверчивость масс к элите, с одной стороны, облегчает последней управление, с другой же — вводит ее в искушение монополизировать власть, перестать оглядываться на массы, превратиться в закрытую деспотическую группу, в своем

самодовольстве третирующую массы и с неизбежностью деградирующую без притока «свежей крови» извне.

Но все же как ответить на прямо поставленный вопрос: неизбежно ли деление общества на элиты и массы, необходима ли элита? Если народ — субъект власти, то ведь и этот субъект не бесструктурен; в нем можно вычленить более активных в политическом отношении людей и более пассивных (тогда почему бы первых не считать политической элитой, хотя их позиция не институционизирована?). Иное дело, что в перспективе мы можем прогнозировать рост активности людей в области социального управления и сокращения числа пассивных, некомпетентных, что равносильно поднятию всех до уровня элиты, и уже потому надобность в понятии элиты отпадет. Человек, преодолевающий отчуждение от политики, превращается в человека-творца, свободно творящего собственную историю, в том числе политическую. Однако мы полностью отдаем себе отчет в том, что данное утверждение делается в рамках политической философии, ориентирующейся прежде всего на норматив, а отнюдь не политической социологии, ориентирующейся на описание и анализ современных политических реалий.

Разумеется, понятие субъекта политического управления будет всегда уже понятия населения. Из него исключаются, например, психически больные люди, люди, которые не хотят участвовать в политическом процессе, но когда таких людей явное меньшинство, то употреблять по отношению к политически активному большинству термин «элита» бессмысленно (поскольку под элитой имеется в виду именно правящее меньшинство общества). Мы можем, исходя из реалий сегодняшнего дня, говорить, что элита необходима для политического управления, и будем правы. Но ведь политическая система, и особенно демократическая система, не есть что-то неподвижное, стабильное, она развивается, и можно выявить тенденцию этого развития, ее направленность в сторону расширения субъекта политической активности в перспективе до всего населения.

По мере того как исторические изменения становятся все более глубокими, возрастает и масса людей, включающихся в процесс исторического творчества, непосредственно осуществляющих эти изменения. А расширение массы исторического действия — это прежде всего расширение элиты, движение к обществу, где все большая часть его будет активным творцом исторического

процесса, т.е.выполнять функции элиты. И когда произойдет накопление «критической массы», когда большая часть общества может быть отнесена к элите, само понятие элиты может отмереть (поскольку элита — по определению — правящее меньшинство общества).

На наш взгляд, при ответе на вопрос: может ли общество функционировать без политической элиты, следует различать решение этого вопроса на уровне политической философии и политической социологии. В рамках политической философии, являющейся преимущественно нормативной теорией, мы можем говорить об обществе без элиты как идеале демократии, об обществе, в котором высокая политическая культура населения позволяет добиться максимальной вовлеченности членов общества (во всяком случае подавляющего большинства их) в управление всеми общественными делами (это и есть поднятие уровня масс до уровня элиты). В рамках политической философии мы снимаем возражение Р. Михельса, касающееся технической невозможности управления обществом без элиты (одно дело — утверждать, что оно невозможно сегодня, по техническим причинам, которые в перспективе могут быть преодолены, и совсем другое дело утверждать, что оно невозможно в принципе). В условиях информационного общества, его компьютеризации возможна эффективная система прямой и, главное, обратной связи между органами управления и всеми членами общества, позволяющая непосредственно и немедленно выявлять и учитывать мнение всех членов общества по всем вопросам социального управления. Не случайно, что ряд современных политологов признает, что внедрение ЭВМ может способствовать децентрализации политических решений, может привести к возрождению прямой демократии; что информационное общество создает условия формирования компетентного гражданина, создает возможность реализации тенденции к расширению участия масс в управлении политической жизнью общества[37].

В рамках же политической социологии, описывающей реальный политический процесс, порой весьма далекий от нормативного, мы выявляем роль и функции элиты в тех или иных политических системах, в том числе и демократических (тем самым признавая

[37] Microelectronics and Society. G. Freidrichs and A. Shaff (eds.). Oxfopd, 1982. P. VI.

правомерность на этом уровне теорий демократического элитизма). Кстати, в рамках политической социологии мы должны исследовать и возможности минимизирования роли элиты в политике, поскольку (и если) она идет в ущерб роли народных масс, должны разрабатывать модель политического управления, способную оптимизировать роль и функции элит, исходя из интересов народных масс.

Таким образом, на уровне политической философии мы можем попытаться разработать долгосрочный прогноз, выявлять далекие перспективы эволюции социального управления. Напротив, в рамках политической социологии мы делаем вывод о том, что в настоящее время и в ближайшей перспективе без элиты политические системы не могут функционировать. Следовательно, актуальнейший вопрос — вопрос о качестве элит, о путях совершенствования элит, о подлинной меритократии.

Причем на уровне политической философии, делающей ударение на должном, может «заработать» ценностной подход к элите, тогда как на уровне политической социологии «работает» функциональный подход (элитой оказываются люди, стоящие у руля политического управления, выполняющие политические функции безотносительно к их качествам; порой их характеристики часто оказываются со знаком минус, что ставит на повестку дня вопрос о смене элит).

Но если наличие элиты — необходимость на исторически обозримый период, то тем более необходим ответ на вопрос о том, как минимизировать вред, который может быть причинен обществу злоупотреблением элитой своей властью. Мы можем учитывать при этом и мнение тех, кто полагает, что власть — необходимое зло, с которым общество вынуждено мириться перед лицом несравненно большего зла — безвластия, деструктивного для общества. Условием решения этой дилеммы может быть только эффективный контроль общества над элитой. Это и является сущностной характеристикой демократии.

Для успешного функционирования и развития демократии нужен ряд условий, таких как экономическая стабильность, отсутствие социальной напряженности и тем более социальных потрясений. Но даже при наличии этих факторов для социальной системы существует опасность экспансионизма элиты (а элита — та страта общества, у которой стремление к власти, порой власти максимальной, иногда даже абсолютной — доминанта в ее ценно-

стных ориентациях). Поэтому гражданское общество должно принять некоторые профилактические меры для обуздания экспансионизма элиты и тем самым попытаться обезопасить себя от превращения элиты в доминирующую группу (эти меры, в сущности, — элемент того, что называется демократическими «правилами игры»).

В этой связи хотелось бы напомнить известные слова английского историка лорда Эктона: «Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно». Подлинные демократы не должны быть снисходительны к правящей элите. Какие же гарантии требуются для того, чтобы новая элита избежала коррупции, непотизма и иных пороков власти, не выродилась бы в деспотическую элиту?

Для этого нужны, на наш взгляд, по меньшей мере, следующие условия:

— полная гласность и ее логическое развитие — свобода слова, отсутствие монополии любой социальной группы на средства массовой информации: наличие альтернативных органов печати, телевидения, радио, с помощью которых возможна открытая и постоянная критика недостатков, ошибок, а возможно, и преступлений представителей власти, обнародование каждого факта нарушения ими демократических норм и процедур; должно быть исключено всякое преследование инакомыслящих;

— сильная оппозиция, политический плюрализм, свободная конкуренция потенциальных элит, их взаимная критика и соперничество, судьями которых являются народные массы, избиратели, тем самым контролирующие элиту;

— последовательное проведение разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной, которое может обеспечить определенное равновесие, баланс различных социальных сил, препятствуя опасному для общества бесконтрольному сосредоточению политической власти в руках узкой элитной группы;

— открытость элит, причем открытость в двух смыслах: а) открытость для социальной мобильности, для вхождения в ее ряды наиболее способных представителей самых широких слоев населения; б) открытость для постоянного обратного влияния масс на элиту, проявляющегося, в частности, в избирательных кампаниях;

— и, наконец, conditio sine qua non — строгое соблюдение законности, демократических процедур, что обязательно для нормального функционирования правового государства.

Сами же управляемые при этом не должны поддаваться демагогическим обещаниям искателей власти и не терять бдительности и здоровой подозрительности в отношении властей предержащих.

Элитарная и эгалитарная парадигмы. В предыдущих главах мы рассмотрели противостояние и борьбу элитарной и эгалитарной парадигм в истории элитологии. Особенностью нынешнего этапа в истории развития этих парадигм является, прежде всего, их внутреннее расчленение, усложнение, так что простое противопоставление элитаризма и эгалитаризма было бы в известной мере упрощением. В период господства (по крайней мере, на Западе) культуры постмодернизма с его релятивизмом, стремлением избежать абсолютизации противоположных парадигм, ориентацией на полипарадигмальность, на плюрализм, стремлением доказать, что противостоящие парадигмы могут быть не альтернативны, а взаимодополнительны, появился «ослабленный» элитаризм (его часто называют элитизмом). В отличие от элитаризма, возвеличивающего элиту как субъект исторического процесса, требующего для нее «свободу рук», выступающего идеологией «восстания элит» против масс, против демократии, элитизм выступает за элиту, ответственную перед народом, за демократический элитизм. Формирующееся в Новое время гражданское общество выдвигает свою элиту, противоположную аристократии, признающую суверенитет народа. Демократическая трактовка теории общественного договора заключается в том, что народ как бы «нанимает» правящую элиту и терпит ее власть (как всякая власть, она трактуется как необходимое зло) до тех пор, пока она служит ему, отвечая его чаяниям, и заменяет ее, если она перестает ему служить или делает это некачественно, недостаточно профессионально.

Не общество ждет «доброго царя», как это соответствует российской традиции, а гражданское общество выдвигает из своей среды руководителей, доказавших свою приверженность демократии, выражающих волю народа, обладающих качествами, необходимыми для оптимального управления, отвечающих его запросам и потребностям. Как писал Токвиль, народ становится всемогущим повелителем.

Вряд ли можно принять элитаристский подход, утверждающий, что история есть история элит (Моска, Парето), исторический процесс определяется объективными условиями его развития, в нем действуют народные массы, классы, страты, среди которых

особую роль играют элиты, политические лидеры (это — скелет структуры исторического процесса с точки зрения его субъекта, в этом процессе действуют миллиарды акторов, в различной степени влияющих на этот процесс, являющихся его субъектами). Иной вопрос, что степень этой субъектности различна.

Для элитарной парадигмы оптимальная политика — когда народные массы выведены из числа активных участников политического процесса и «не мешают» элите заниматься ее «профессиональным делом» — управлять обществом. Для эгалитарной парадигмы характерно утверждение народа в качестве подлинного субъекта политики, для бюрократии остается лишь техническое оформление его решений. Для современнной демократической системы отношение элита (управленческая структура) — население (народные массы) — это не субъект-объектное отношение (как в элитарной парадигме), когда одна сторона (элита) активна, а другая (народ) пассивна, но субъект — субъектное отношение, взаимодействие двух важнейших структурных элементов субъекта исторического действия, когда одна сторона отвечает на вызов другой, причем определяющей стороной является народ.

Английский политолог Дж. Уилсон пишет, что народ обычно не доверяет правящей элите, поскольку та стремится навязать населению свою волю, склонна видеть себя людьми высшего сорта, которые имеют право контролировать волю других людей. Причем определенное вмешательство государства может быть терпимо (иначе — хаос), но глас народа должен быть услышан. Любое эффективное применение власти элитой осуществляется только при условии получения ею мандата от народа, который может, когда это необходимо, лишить его этого мандата. Элита должна быть прежде всего квалифицированной, а уж потом думать о привилегиях. Она должна дать народу то, что он хочет, а не то, что она считает, что хорошо для него. Никто не имеет права навязывать свои ценности другим. А главное, элита должна постоянно отчитываться перед народом[38]. Опасность заключается в стремлении элиты превратиться в правящую касту, стремлении к формированию своей культуры, отличной от культуры народа, превращению в привилегированное меньшинство.

В элитарной парадигме важнейшим фактором легитимизации власти является согласие среди элит, обеспечивающее стабильность

[38] Carlton E. Op. cit. P. 19.

системы. В этом смысле отсутствие согласия между элитами, «раздрай» между ними — это трагедия легитимности, нестабильность, смута. Но стабильность социально-политической системы должна зависеть не от сделки элит (тогда народ является объектом управления), именно несогласие между элитами выявляет определяющую роль народа в стабилизации социально-политической системы, именно в этом случае его мнение является решающим. Если согласие между элитами увеличивает стабильность системы, то это может, как отмечал Р. Арон, уменьшать степень свободы народа.

Проблема отношения элитарной и эгалитарной парадигм усложняется при введении понятия элитизма, который занимает промежуточное положение между элитаризмом и эгалитаризмом. Причем понятие «элитизм» требует его расшифровки и расчленения с учетом течений внутри него. В этой связи нам потребуется выделить основной спектр течений и оттенков элитологии как науки об элитах. Элитология — наиболее широкое понятие, включающее в себя всю совокупность взглядов на элиту и ее интерпретаций — от сакрализации элиты как боговдохновленных личностей (или сверхчеловеков) до анархического отрицания элиты и, более того, элитофобии. Элитаризм занимает крайний правый фланг в классификации направлений внутри элитологии. Он включает в себя консервативный элитаризм и более либеральный, ослабленный вариант элитаризма, который и можно квалифицировать как элитизм. Вместе с «ослабленным», либеральным эгалитаризмом он составляет элитологический центризм. В свою очередь эгалитаризм также неоднородное явление; наряду с умеренным эгалитаризмом, который поддерживает принцип меритократии, понимая, что уравниловка, шариковское «все поделить», губительна для общества, подрывая стимулы повышения эффективности труда (хотя и выгодна для демагогов, бездарей и лодырей), существует радикальный элитаризм, на крайнем левом фланге которого находится элитофобия, переходящая в элитоцид. Феномен элитофобии описал еще Гераклит, о нем упоминал Платон. Элитоцид в XX веке практиковался большевиками (высылка элиты интеллигенции «философскими пароходами»), он составлял существенную сторону так называемой «Великой пролетарской культурной революцией» в маоистском Китае, а также режима «красных кхмеров» — полпотовцев, уничтоживших треть населения собственной страны. Элитоцид неизменно выливался в приход новой политико-административной элиты.

ТИПОЛОГИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭЛИТОЛОГИИ ПО ОСНОВАНИЮ: ЭЛИТАРИЗМ – ЭГАЛИТАРИЗМ

ЭЛИТАРИЗМ:	
Радикальный (консервативный) элитаризм	Жесткая дихотомия элиты и массы. Элиты полностью или большей частью закрыты. Господство правящего меньшинства над массами – норматив общественной жизни
Либеральный элитаризм (он же элитизм)	Дверь в элиты полуоткрыта. Значительная индивидуальная вертикальная мобильность, приток в элиту лучших представителей низших социальных страт
ЭГАЛИТАРИЗМ:	
Либеральный эгалитаризим	Открытость элиты. Максимальная вертикальная мобильность (групповая и индивидуальная)
Радикальный эгалитаризм	Движение к ликвидации социальных перегородок и обществу без элиты. Отсутствие социальной иерархии. Близость к анархии
Элитофобия, элитоцид	Насильственное уничтожение элиты как социальной группы

С 80–90-х годов XX века в России начался процесс переосмысления проблемы соотношения элитарной и эгалитарной парадигм. Однозначно негативное отношение к элитарной и тем более элитистской парадигмам стало меняться на поиск возможностей их совмещения на основе взаимодополнительности (в частности, возможности совмещения теории классов и теории элит)[39]. В 90-х годах в России начались дискуссии об элитарной и эгалитарной парадигмах в элитологии. Ряд российских социологов развивает исторический подход к проблеме генезиса элиты[40], некоторые

[39] Ашин Г.К. Элита и господствующий класс // Вопросы философии. 1983. № 2.

[40] Мохов В.П. Элитизм и история. Проблемы изучения российских региональных элит. Пермь, 2000; Его же. Современный российский элитизм: трансформация проблемного поля // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д., 2004; Дука А.В. Элита

элитологи (и раньше других А.В. Понеделков) стали писать о смене парадигм общественного сознания и, соответственно, о смене парадигм российской политологии с эгалитаристской на элитаристскую[41]. Определенные основания для этих суждений, несомненно, имеются. Это прежде всего отказ от грубой эгалитаристской модели политической структуры, пропагандировавшейся официальной советской идеологией, причем особенно многочисленными вульгаризаторами марксизма, модели, которая к тому же страдала явным лицемерием в условиях «реального социализма», с его единовластием тоталитарной элиты. Образ жизни этой элиты с ее институциональными привилегиями представлял вопиющий контраст с прокламируемыми эгалитаристскими принципами.

Как уже отмечалось выше, противостояние элитаризма и эгалитаризма наблюдалось на протяжении многих веков российской истории. Эгалитаристское мировоззрение было достаточно прочно укоренено в сознании русского крестьянства, и особенно в движении русских церковных раскольников. Эгалитаристские идеи, которыми пронизано раннее христианство, находили отзвук в русском народе. Идеологи российского церковного раскола резко обличали роскошь церковной элиты, в чем видели нарушение заповедей Христа. В Новое время эгалитаристские идеи получили развитие в творчестве таких российских мыслителей, как А. Радищев, М. Бакунин, П. Кропоткин. Эгалитаристские и элитаристские идеи в российской протоэлитологии сосуществовали, причем первые оказались в маргинальном положении по отношению к господствавовшей в обществе элитаристской идеологии. Эта элитаристская идеология в России насаждалась сверху и господствовала в официальной идеологии.

Впрочем противостояние этих парадигм, как мы видели, отмечалось и в западноевропейской политической мысли в Новое время, оказывая воздействие на развитие демократических теорий.

Для молодой, формирующейся российской демократии важен и интересен опыт развития зарубежных политических систем. Однако учет этого опыта отнюдь не означает его копирования или

как становящийся институт // Региональные элиты Северо-Востока России. СПб., 2001; Его же. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России... ; Ашин Г.К. Элитарная и эгалитарная парадигмы // Проблемы духовной и политической жизни. М., 1996.

[41] Понеделков А.В. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д., 1995. С. 5, 6.

бездумного перенесения на российскую почву моделей, выработанных, скажем, в ходе функционирования западных демократических политсистем. Такое их механическое перенесение при игнорировании особенностей российского менталитета, российской политической культуры способно лишь скомпрометировать эти модели в глазах масс, вызвать реакцию отторжения. Речь может идти о возможностях творческого синтеза российских культурных традиций и инноваций, принесенных эпохой постиндустриального и информационного общества, об учете мирового зарубежного опыта, прежде всего лучших достижений мировой политической мысли и демократической политической культуры.

При исследовании взаимодействия эгалитарной и элитарной парадигм нельзя не учитывать российских социокультурных традиций, традиций российской духовности, для которой характерен мучительный поиск социальной справедливости. В разрабатывавшихся русскими мыслителями моделях справедливого общества роль ценностных ориентиров, идеалов играли и эгалитаристские идеалы, причем часто эгалитаристские модели определенным образом сочетались с элитаристскими (пусть даже в виде утопической мечты о справедливом и добром правителе). Поэтому импортированная с Запада коммунистическая идеология нашла в России подготовленную, взрыхленную почву. В этом плане А.А. Зиновьев не без определенных оснований рассуждает о том, что традиционная «коммунальность», «коммунитарность», присущая крестьянской общине, традиции соборности, подготовили Россию на определенном этапе к восприятию коммунистической идеологии[42], которая была господствующей на протяжении почти семи десятилетий XX века. Думается, что движение российского сознания между анализируемыми парадигмами — элитаризмом и эгалитаризмом — это поиск оптимальной политической организации общества. И данный процесс не есть нечто выпадающее из хода развития мировой цивилизации. Выше мы убедились, что движение между этими полярными моделями политической системы характерно и для развития мирового политического процесса. Отказываясь от крайностей элитаризма и эгалитаризма, мы полагаем, что движение политической мысли может развиваться между этими крайними концепциями в их борьбе и взаимопроникновении.

[42] Зиновьев А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М., 1994.

В противостоянии элитарной и эгалитарной парадигм особенно интересна постановка вопроса о противостоянии концепции «восстания масс» (конец XIX века — Ницше — первая половина XX века — Ортега-и-Гассет) и «восстания элит» (конец XX века — К. Лэш), которое продолжается и в XXI веке, иначе говоря, элиты индустриального общества («века масс») и постиндустриального. Современная элита является в основном продуктом индустриального общества и в эпоху постиндустриального общества, она претерпевает качественные изменения. Это относится и к культурной элите. В период «господства масс», господства массовой культуры элита, по мнению highbrows (высоколобые интеллектуалы), «проституирована» массами, поставленная ими себе на службу, высокая культура капитулировала перед массовой, теперь от нее ждут реванша. И в самой элитологии на первое место в качестве предмета исследования выходит не статусная элита[43], а «элитность» как содержание, как качество элиты, что требует смены аксиологических норм самой элиты. Как пишет К. Лэш, «главная угроза, кажется, исходит от самих верхов общественной иерархии, но не от масс»[44]. То, что Лэш называет «восстанием элиты», есть симптом и проявление кризисного состояния самой элиты, которая не отвечает потребностям постиндустриального общества ни по составу, ни по качеству, ни по способу рекрутирования. «Восстание элиты» носит откровенно антидемократический характер. Элита призвана быть меритократией, быть инициатором инноваций постиндустриального, информационного общества, но статусная элита не выполняет этих функций, она больше заботится о сохранении своих привилегий. Американские «высоколобые» позволяют себе издеваться над американскими традиционными ценностями, считая себя космополитами, «гражданами мира», все более отчуждаются от народа.

Причем увеличивающееся отчуждение элиты от народа, прекрывающееся демократической фразеологией, — отнюдь не американский феномен, оно все более носит глобальный характер, оно в значительной мере относится и к современной России. Анализируя это отчуждение, элитологи А. Чернышов и С. Барзилов так пишут о нашей элите: «Чужими... для современной российской элиты давно стали не правительство или отдельные государственные

[43] Карабущенко П.Л. Восстание элит и его возможные сценарии // Властные элиты современной России... С. 253–259.

[44] Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 23.

или партийные функционеры, а само население. Оно даже в прихожую власти не допущено...» Необходимо построение подлинного гражданского общества, опирающгося на массовое движение, «поскольку современная политическая элита изжила себя и превратилась в откровенный тормоз общественного процесса»[45]. Постсоветское реформирование осуществлялось «сверху» и прежде всего в интересах «верхов».

Оптимальна ситуация, когда не общество зависит от элиты и лишь надееся на приход «хорошей элиты» (приносим извинение за тавтологию), а когда правящая элита зависит от общества, контролируется им. Для этого и требуется построение гражданского общества. При тоталитаризме личность остается один на один с надличностными силами, как бы они ни назывались — государство, партия, тоталитарное общество атомизировано, это, собственно, не общество, а «население», оно — объект управления элиты. Противоположностью тоталитарноного является гражданское общество — система неправительственных организаций, представляющих реальные интересы людей; оно не беззащитно перед государством, оно требует взаимной ответственности государства и общества. В нем господствует понимание того, что власть и политическая элита — наемная сила общества. И общество нанимает людей, достойных уважения, оно не смотрит на них как на «начальство», которому надо беспрекословно подчиняться, оно — работодатель политической элиты. Причем население кровно заинтересовано в повышении качества управленческой элиты, ее демократизации, гуманизации. В нормативе чиновники должны стать менеджерами по оказанию услуг населению. Не общество должно находиться «под колпаком» государственного аппарата, а чиновники должны находиться «под колпаком», под неусыпным контролем населения. Деятельность чиновников должна быть максимально прозрачной. И сама власть должна осознавать, что без опоры на гражданское общество невозможно эффективное управление в современном обществе, что управленческая элита сама заинтересована в максимальной вовлеченности общества в принятие стратегических решений. А пока, по данным международных исследований эффективности государственных органов в 158 странах, Россия занимает 107-е место[46].

---

[45] Чернышов А.Г., Барзилов С.И. Современная российская элита и провинциальная Россия // Властные элиты современной России... С. 281, 285.

[46] Известия. 2002. 26 июля.

Гражданское общество в России (у нас насчитывается несколько десятков тысяч гражданских организаций, в которых активно работает более миллиона человек) можно в лучшем случае назвать формирующимся. Наиболее активных деятелей, лидеров гражданского общества можно назвать «гражданской элитой», функция которой — помогать населению осуществлять контроль над официальными элитами. Созданная в 2004 году Общественная палата лишь первый робкий шаг в правильном направлении. Необходимо расширение ее прав в целях гражданского контроля за работой госаппарата; тогда она может стать определенным каналом обратной связи в системе управления страной. Введение гражданского контроля над бюрократией через Общественную палату и другие демократические институты поможет отслеживать уровень доверия граждан власти. Для достижения широкого представительства от различных групп населения в Общественной палате она должна формироваться за счет делегирования всех реально действующих в РФ общественных организаций, ассоциаций, профессиональных объединений. К сожалению, социологические исследования показывают, что деятельность в политических партиях, профсоюзах, общественных и религиозных организациях, органах местного самоуправления в настоящее время привлекает не более 2–4% граждан (исследование ВЦИОМ)[47]. Десятилетнее (1993–2003) социологическое исследование, проведенное под руководством Е.Б. Шестопал показало, что активизм, который является неотъемлемой частью демократической «гражданской культуры», во второй половине 90-х годов XX века и начале XXI века российскими гражданами не поддерживается. Граждане, которые в начале 90-х годов были готовы активно участвовать в управлении государством, в конце 90-х – начале XXI века не видят в этом смысла[48]. Элиты обманывают массы, считает большая часть населения, они освоили приемы манипулирования народным волеизъявлением, формально соблюдая демократические процедуры. 72% россиян считают влияние самодеятельных организаций на жизнь страны крайне незначительным.

---

[47] Известия. 2004. 30 сентября.

[48] Шестопал Е.Б. Динамика образа российской власти в процессе демократической трансформации (1993–2003) // Властные элиты современной России... С. 84.

Хотя В.В. Путин и объявил, что в стране «созданы условия для полноценного гражданского общества»[49], эта оценка представляется слишком оптимистичной, эти условия еще надо создавать. В стране отсутствует инфраструктура, необходимая для гражданского участия. Нет гражданских политических и общественных институтов, которым бы доверяло население. Итак, создается порочный круг: большинство населения не принимает активное участие в общественной и политической жизни, считая, что элита все сделает по-своему. Но ведь гражданское общество и нацелено на контроль за элитой, чтобы она не могла «делать все по-своему». Важнейший признак демократического государства — его публичность, направленность на служение обществу, создание условий для максимального проявления народом своей активности, а не поддержка действий элиты.

Мы сталкиваемся с явными противоречиями: с одной стороны, мы слышим заверения о приверженности идеям демократии, с другой — видим бюрократическое выхолащивание демократических институтов (таких как выборы губернаторов, ранее они избирались всем населением) при молчаливом согласии общества; понимание необходимости вступления в информационное общество и вместе с тем неспособность политической, экономической, интеллектуальной элит страны разработать стратегию и осуществить практическое руководство вступлением в современное постиндустриальное информационное общество. Разговоры о формировании гражданского общества, которые с готовностью поддерживает элита, остаются только разговорами. Так почему же не строится активно гражданское общество? Не потому ли, что оно не очень нужно правящей элите, поскольку оно призвано осуществлять функции контроля и прежде всего контроля над элитой и, что особенно неприятно для элиты, морального контроля над этой группой. Гражданское общество не строится сверху — по указаниям элиты или указам президента. Во всяком случае элитократия — не фермент построения гражданского общества, а препятствие для его строительства. Все, что действительно хочет элита, — это создать карманное гражданское общество, которое не будет посягать на самое главное для элиты — ее привилегии.

[49] Послание Президента Федеральному Собранию // Российская газета. 2003. 17 мая.

Беда России не только в том, что реформы спускаются сверху. В США «новый курс» также разрабатывался не населением, а «мозговым трестом» Рузвельта, элитой модернизации. Но в информационном обществе вертикаль власти не может заменить горизонтальные информационные потоки, почвой для которых является гражданское общество. Постиндустриальное общество размывает грунт под вертикалью командной системы, модернизационные процессы требуют сетевых методов управления, когда разветвленные горизонтальные сети сами способны модифицироваться в поиске оптимальных решений.

ГЛАВА

12 ТРАНСФОРМАЦИЯ И СМЕНА ЭЛИТ (на материалах российской истории)[1]. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

Закономерности трансформации и смены элит. Нами остались нерассмотренными такие важнейшие теоретические проблемы элитологии, как закономерности трансформации и смены элит. Мы бы хотели рассмотреть их на материалах российской истории элит.

Для элитариста нет вопроса, с чего начинать анализ той или иной политической системы. Ответ неизменен: с анализа элит. А исследование трансформации политической системы — со смены элит. Это — разворот известной нам элитаристской парадигмы, исходящей из определяющей роли элит в историческом процессе. И когда элитаристы, вслед за Г. Моской и В. Парето, полагают, что анализ политсистемы сводится к анализу политических элит, что политическая трансформация общества сводится к трансформации и смене элит, они еще раз обнаруживают свою односторонность, недооценку роли неэлитных сегментов общества, прежде всего народных масс, в политическом процессе.

Парето можно бросить упрек и в том, что, рассматривая смену элит как причину социально-политических изменений в обществе, он противоречит своей собственной плодотворной концепции, призывающей рассматривать общество как целостную систему, развитие которой задает программу движению тех или иных ее сегментов; каждый из элементов системы можно рассматривать как подсистему, функционирование которой можно понять лишь в связи с социальным целым. Следовательно, каждый элемент социальной системы можно понять лишь с точки зрения функции его, роли в поддержании целостности системы, ее гомеостазиса. Если последовательно использовать системный метод, в разработке которого серьезную роль сыграл и Парето, для объяснения процесса смены элит, следовало бы рассматривать эту смену как

[1] Мы решили сделать эту главу предельно краткой, поскольку на эту тему имеется фундаментальное исследование, которое мы и рекомендуем: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006.

момент (пусть даже важнейший момент) глубоких структурных изменений в обществе как целостной системе.

Однако не будем фиксировать свое внимание на недостатках концепции Парето, а отметим, что сформулированная В. Парето теория кругооборота элит вносит значительный вклад в объяснение процессов социальной динамики. Можно отметить и некоторые другие положения Парето, в которых при желании можно усмотреть ряд противоречий. С одной стороны, Парето подчеркивает преемственность элиты, с другой — пишет о закономерности смены элит. С тем же противоречием мы сталкиваемся в работах Моски, который отмечал, что стабильность элиты способствует процветанию общества, и вместе с тем признавал, что монополия на власть ведет к упадку и загниванию элиты. Моска делает вывод о том, что в истории человечества постоянно борются две тенденции: стремление доминирующей элиты монополизировать политическую власть и передать ее по наследству и постоянное стремление к возвышению новых политических сил, раскалывающих и ослабляющих при этом старую элиту. И он ищет компромисса, оптимума в соотношении этих противоположных тенденций, между консервативными и демократическими устремлениями.

Отметим и другое, на наш взгляд, еще более существенное противоречие, свойственное прежде всего концепции В. Парето — концепции циркуляции элит. Само понятие циркуляции элит представляется несколько неопределенным и поддается различным интерпретациям, что уже было отмечено рядом современных авторов. Известный английский элитолог Т. Боттомор справедливо считает, что из работ Парето неясно, относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой[2]. Американский элитолог К. Фармер также замечает, что понятие циркуляции элит у Парето иногда относится к постепенному движению индивидов в элиту, а в других случаях — к смене элит[3]. Как видим, Парето уходит от вопроса о различении понятий смены и трансформации элит (то есть радикальной смены социальной базы элиты, смены правящих классов в первом случае, и значительных надперсональных сдвигов в той же элите, связанных обычно с резким повышением уровня мобильности в элиту представителей низших страт общества во втором случае).

---

[2] Bottomore T. Elites and Society. L., 1994. P. 49–50.

[3] Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N.Y., 1992. P. 15.

Г. Моска, развивая близкие Парето идеи, полагал, что социальная мобильность, пополнение правящего класса выходцами из низов и смена правящих классов (элит) — залог здоровья общества, добавляя, впрочем, что все это — при условии преобладания стабилизационной консервативной тенденции, сохранения преемственности при обновлении правящего класса за счет лучших выходцев из масс. Поэтому, считает он, «в человеческих обществах преобладает то тенденция формирования закрытых, устойчивых, кристаллизированных правящих классов, то тенденция, ведущая к более или менее быстрому их обновлению»[4].

С точки зрения Парето, революция всего лишь борьба и смена правящей элиты потенциальной элитой, которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, вводя в заблуждение непосвященных. Итак, революции — не более, чем смена элит: старая элита, стоящая у власти, одряхлела, стала неспособной к эффективному управлению, в обществе возникает новая потенциальная элита, но, чтобы утвердиться в качестве правящей элиты, ей необходима поддержка масс, недовольных старым общественно-политическим строем[5].

Разделяя политически активную часть общества (по классификации Моски это «политический класс») на правящую элиту и контрэлиту, Парето пишет, то последняя может обладать качествами (прежде всего психологическими), нужными для управления обществом, но не имеет доступа к власти в силу существующих в обществе статусных и иных социальных барьеров. И это происходит на фоне неизбежной деградации наследственных элит, деградации не только умственной (ибо государственная мудрость не наследуется), но и моральной и волевой (старая элита, которая получила власть на «блюдечке с голубой каемочкой», часто не имеет политической воли бороться за эту власть). По мере смены поколений наследственной элиты растет несоответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям. Положение каждого последующего поколения определенной элиты прежде всего связано с преимуществами, которые дают им позиции их родителей. Но раз умственные и иные способности не наследуются, а дети представителей элиты получают преимущественный доступ к высшим государственным должностям, качество элиты неуклонно

[4] Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 196.

[5] Pareto V. Les Systimes socialistes. P. 40.

ухудшается. И в то же время укрепляется контрэлита, куда входят наиболее активные и способные люди, которым не нашлось места в правящей элите.

Какова же оптимальная политика, которую должна проводить элита, хотя бы с точки зрения интересов ее собственного выживания? По-видимому — приоткрывать дверь для наиболее мобильных и способных выходцев из «социальных низов» и попытаться абсорбировать их, чтобы поднять качество элиты, чтобы таким образом избежать революционных потрясений. Именно в этом преуспела английская политическая элита, на протяжении более четырех веков позволяющая наиболее одаренным из тех, кто не принадлежит к аристократии, занимать важные, порой высшие государственные посты, но не преуспела французская.

Предложенное Парето объяснение закономерностей смены элит через различение методов их господства (элита львов и элита лис) вряд ли можно считать исчерпывающим. Обратимся к еще одной трактовке этой проблемы. Сам Парето убедительно доказывает, что элита, пришедшая к власти, стремится пролонгировать эту власть до бесконечности. Элита не просто сумма правителей, это — особая социальная группа, скрепленная глубокими внутренними связями входящих в нее членов, общностью их интересов. И стремление увековечить свою власть, отсечь путь к власти неэлитам, увековечить политсистему, обеспечивающую монополию определенной элиты на власть — вот ее главный интерес. Он толкает ее на превращение элиты в закрытую социальную группу, стремящуюся минимизировать возможность социальной мобильности для неэлит, проникновения в ряды элиты и тем более посягательства контрэлиты на замену старой элиты. При этом эта группа опирается на такой мощный и стабильный социальный институт, каким является семья. Как отмечает английский элитолог М. Янг, основатель концепции меритократии, влияние аристократии не продержалось бы столь долго, если бы не поддержка семьи, которая всегда является основой наследования. Многочисленные исследования подтверждают, насколько сильны стремления родителей (прежде всего, разумеется, владеющих собственностью), чтобы дети продолжили их дело. Приписывать своим детям «несуществующие достоинства — этот тип психоза присущ миллионам семей»[6].

[6] Young M. The Rise of the Meritocracy. 1870–2033. L., 1988. P. 30.

Но парадокс заключается в том, что достижение этой цели — верный шаг в сторону деградации и грядущей гибели закрытой элиты. Собственно, этот сюжет, как мы видели, еще раньше, чем Янг, разрабатывал Парето, а последнего опередил его коллега и соперник Моска. Именно закрытость элиты приводит к ее деградации, к господству посредственностей, к ухудшению качества правителей и в конечном счете к падению правящей элиты под напором превосходящей ее (в том числе и по уму, и по пассионарности) контрэлиты. И поэтому подлинная мудрость элиты — не в том, чтобы строить китайскую стену, которая бы отгородила ее от неэлит, а в том, чтобы создать возможность вертикальной мобильности для наиболее способных людей из социальных низов, обладающих способностями к управлению, и так регулировать этот процесс, чтобы сохранить оптимальные пропорции между ядром элиты и ее новыми членами для поддержания стабильности социально-политической системы.

Сравним английскую и французскую модели трансформации и смены элит. История Англии свидетельствует о том, что ее феодальная аристократия сумела достичь определенный компромисс с народившейся и рвущейся к власти буржуазией (хотя путь к этому компромиссу не был мирным и не обошелся без революционных потрясений в XVII веке). Напротив, во Франции феодальная элита, не сделав вывода из английского опыта, пошла по другому пути, пути конфронтации, и жестоко поплатилась за свою неспособность найти подобный компромисс.

Но сказанное выше еще в большей мере относится к дореволюционной российской элите, о процессе зарождения которой, укрепления ее власти и ее деградации речь пойдет ниже. Отметим также, что особенностью истории России является то, что трансформации и смены элит были кровавыми, сопровождались истреблением элит, несогласных с курсом правящей группы, выкорчевыванием традиционных элит и насаждением новых. Это относится и к репрессиям против боярства Ивана Грозного, и к радикальным преобразованиям Петра I, и особенно к Октябрьской революции, после которой были уничтожены или вынуждены эмигрировать выдающиеся представители российской элиты (особый, невосполнимый ущерб Россия понесла в результате репрессий против выдающихся деятелей русской культуры).

Как видим, смена элит может происходить стремительно, как это было после революции 1789–1793 годов во Франции, после

Октябрьской революции, или постепенно, растягиваясь на многие десятилетия, как это было в Англии в XVII–XVIII веках. Парето писал, что элита, «не готовая сражаться в защиту своего положения», приходит в упадок и ей придется уступить место новой элите, обладающей мужеством и решительностью, которых не достает господствующей элите.

Интересно, что американский элитолог С. Келлер считает, что изменения 90-х годов XX века в Восточной Европе (распад СССР, изменение режимов в Восточной Европе) «иллюстрируют мысль Парето, что элиты теряют свое право на жизнь, когда они уже утратили волю к жизни... Весьма впечатляющее зрелище — наблюдать за процессом, когда новые элиты возникают, как феникс из пепла, из коллапса системы[7].

Разделяя политически активную часть общества (по классификации Моски, это «политический класс») на правящую элиту и контрэлиту, Парето пишет, то последняя может обладать качествами (прежде всего психологическими), нужными для управления обществом, но не имеет доступа к власти в силу существующих в обществе статусных и иных социальных барьеров. И это происходит на фоне неизбежной деградации наследственных элит, деградации не только умственной (ибо государственная мудрость не наследуется), но и моральной и волевой (аристократическая элита, которая получила власть по наследству, без борьбы, часто не имеет политической воли отстаивать эту власть). По мере смены поколений наследственной элиты растет несоответствие дарований индивидов занимаемым ими социальным позициям.

Говоря о динамике элит, Р. Михельс отмечал, что фактически происходит не смена старых элит новыми, а скорее переплетение новых элементов в элите со старыми. Вот как описывает этот процесс французский математик и социолог М. Алле. Общество делится на наиболее выдающихся людей, составляющих меньшинство (группа А), и людей со средними качествами и ниже средних — большинство общества (группа В). В силу законов генетики в ходе смены поколений происходит дальнейшая дифференциация населения. Группа А в свою очередь делится на меньшинство самых одаренных людей (подгруппа А1) и большинство менее способных (А2). В свою очередь группа В дифференцируется на более способ-

[7] Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elits in Modern Society. Wan Branswick, 1991. P. XII.

ное меньшинство (В1) и большинство менее способных (В2). И если не обеспечить условия для значительной мобильности в элиту, то реальная элита (которой оказывается группа А2) по своему качеству будет не только уступать группе А1, но и группе В1, иначе говоря, элита неминуемо деградирует, а наиболее способные люди в обществе образуют контрэлиту, превосходящую элиту по своим способностям.

Это в значительной мере относится к дореволюционной российской элите, о процессе зарождения которой, укрепления ее власти и ее деградации речь пойдет ниже, а также советской и постсоветской. Основная гипотеза, с которой мы приступаем к рассмотрению трансформации и смены российских элит, нам в общих чертах уже известна. Она состоит в том, что чем более закрыта элита, чем ниже уровень мобильности в ее ряды, тем больше вероятность ее вырождения, дегенерации и выше вероятность социальных взрывов, понижения качества элиты и, соответственно, качества управления обществом, и тем выше шансы контрэлиты, включающей в себя наиболее мобильных, политически активных людей, свергнуть правящую элиту, повести массы за собой. Поэтому, анализируя процессы трансформации и смены российских элит, мы будем в первую очередь обращать внимание на степень открытости или закрытости элит, чтобы проверить достоверность этой гипотезы.

Итак, мы рассмотрели взгляды основоположников элитологии на процесс смены элит, отметили определенные сильные стороны теорий Моски и Парето. Они выявили особую роль элиты в политическом процессе, сделали ее объектом специального исследования. Но справедливость требует сказать и о слабых сторонах их концепций. Если принять теорию Моски и Парето об определяющей роли элит в историческом процессе, схему Парето о циркуляции элит (а тем более абсолютизировать их), теряет всякий смысл понятие общественного прогресса, невозможно объяснить один из самых глубоких законов общественного развития — возрастания роли народных масс в истории.

Так верна ли теория Парето, подтверждается ли она историческими фактами? Однозначный ответ на этот вопрос был бы упрощением, если не профанацией. Он может быть отрицательным, если трактовать ее в том смысле (к чему склонялся сам Парето), что политическая история есть следствие смены элит, что она детерминируется элитами. Но в ней — большая доля истины, если

трактовать ее более широко, как подчеркивание особой роли политической элиты в историческом процессе (имея в виду при этом, что смена элит — не определяющая причина политического процесса, а скорее его результат, его момент).

Нас, естественно, особенно будет интересовать вопрос о том, накладывается ли схема Парето на политический процесс в России? В частности, произошла ли в конце XX – начале XXI века смена элиты «львов» — монстров тоталитаризма — на посттоталитарных «лис»? Но этот процесс мы попытаемся проследить от элитогенеза до современной российской элиты. Еще более интересна была бы попытка заглянуть в будущее российских элит. Чтобы страна, сидящая на трубе энергоносителей, не развивающая высокотехнологическую экономику, не заботящаяся в должной мере о развитии науки, культуры, образования, превратилась в конкурентоспособную страну, ей нужна умная, честная, квалифицированная и волевая элита, имеющая, в отличие от нынешней, четкую стратегию вывода страны на уровень современного информационного общества. Иначе — новый застой, который потребует новую смену или трансформацию элит.

Протоэлиты становления государственности на Руси. Закономерности трансформации и смены элит четко просматриваются на более чем тысячелетней истории России. На ее примере мы можем выявить зависимость качества элиты и стабильности социально-политической системы от степени ее открытости. Недаром Г. Моска ссылался на историю России (среди некторых других стран) для обоснования теории элит.

В.О. Ключевский писал о наличии двух взглядов на начало нашей истории. Одни начинают ее с IX века, другие с VII[8]. Более обоснована, на наш взгляд, вторая точка зрения. В VII–VIII веках славянские племена с родоплеменной знатью, племенными вождями (слово «князь» древнеславянское, первоначально означало племенного вождя) создают племенные союзы, затем — суперсоюзы (древляне, родимичи и др.), которые перерастают в предгосударственные и государственные образования с центрами в Ладоге, Новгороде и Киеве. Попытаемся коротко описать ранние российские элиты (термин «элита» мы употребляем в широком смысле; напомним, что в узком смысле элитогенез относится к Новому

[8] Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т.1. М., 1987. С. 162.

времени). Г. Моска писал, что в обществах, находящихся на ранних стадиях развития, «индивиды, проявляющие больше способностей в войне, легко добиваются превосходства над своими товарищами... Неизбежно, что класс военных будет шаг за шагом добиваться такого доминирования над другими классами, чтобы иметь возможность довлеть безнаказанно»[9]. Не будем дискутировать здесь об уместности термина «класс» в этом контексте, нам важна постановка вопроса и вывод Моски о том, что элитой становятся «правящие военные классы». К тому же одним из характерных примеров элиты традиционного общества, которой становится класс военных, он прямо называет Россию.

Близкую точку зрения высказывал и В.О. Ключевский, считавший, что высшим классом в складывающейся русской государственности во главе с князем была княжеская дружина. Разумеется, этот «класс» не был чем-то недифференцированным. Дружина «делилась на высшую и низшую: первая состояла из *княжих мужей* или бояр, вторая из *детских*, или *отроков*; древнейшее собирательное название младшей дружины гридь или гридьба... заменилось потом словом *двор* или *слуги*. Эта дружина вместе со своим князем вышла... из среды вооруженного купечества больших городов. В XI веке она еще не отличалась от этого купечества резкими чертами — ни политическими, ни экономическими. Дружина княжества составляла, собственно, военный класс; но и большие торговые города были устроены по-военному, образовывали каждый цельный организованный полк, называвшийся *тысячей*... Тысячей командовал выбиравшийся городом, а потом назначаемый тысяцкий, сотнями и десятками — также выбранные сотские и десятские. Эти выборные командиры составляли военное управление города и принадлежавшей ему области, военно-правительственную старшину, которая называется в летописи “старцами градскими”»[10].

Начиная с периода зарождения древнерусской государственности управление выступало как соединение политической, военной, социальной, судебной и отчасти культовой власти. Характерно, что эта первая элита в большей мере зависела от князя, чем князь от элиты (последнее было характерно для Западной Европы), она становилась элитой за службу князю, прежде всего воен-

[9] Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 189.

[10] Ключевский В.О. Цит. соч. Т. 1. С. 175.

ную, это была элита заслуг. Впрочем, по мере смены поколений она все более превращалась в наследственную элиту, «элиту крови», в боярство. Эта элита в значительной мере и существовала за счет княжеских доходов.

Что касается норманской теории происхождении государства на Руси, то следует заметить, что процесс складывания государственности восточно-славянских племен начал происходить еще до Рюрика, а, главное, приглашение «на царство» вообще было достаточно распространено в Европе (особенно в случае внутренних разногласий в процессе конкуренции за власть) и часто было более похоже на «наем» князя (монарха). Князь с дружиной осуществляли сбор дани, охрану государства от набегов соседей, прежде всего кочевых племен. Именно с династией Рюриковичей связано объединение северо-восточных славян с центром в Новгороде и юго-восточных с центром в Киеве и возвышение Руси в XsXII веках. Ключевский справедливо пишет «не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнарядными туземцами, а скорее о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были новгородцами с союзными с ними племенами для защиты от каких-то внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги... Почувствовав свою силу, наемники превратились во властителей, а свое наемное жалование превратили в обязательную дань с возвышением оклада». Общий интерес торговых городов Руси и примыкавших к ним селений состоял в том, что с появлением «наводнивших степи печенегов» появилась настоятельная потребность в военной силе, способной оградить пределы страны и ее торговые дороги от вражеских набегов. «Став носителем и охранителем общего интереса, подчинившего ему торговые города страны, этот князь с дружиной... превратился в политическую власть»[11].

Обычно великие князья назначали своих сыновей и других родственников править областями, волостями в качестве их посадников (наместников) и те платили как посадские дань со своих областей великому князю-отцу. Между отцом и детьми действовало семейное право. Но между братьями четкого семейного права (во всяком случае до Ярослава Мудрого) не существовало, и это порождало многочисленные конфликты со смертью отца — великого князя. Ключевский отмечает: «1) ...верховная власть была собирательная, принадлежала всему княжескому роду; 2) отдельные

[11] Ключевский В.О. Цит. соч. Т. 1. С. 160.

князья временно владели теми или другими частями земли. Следовательно, в рассматриваемом складе княжеского владения надобно различать *право* владения, принадлежащее целому владетельному роду, и *порядок* владения по известной очереди как средство осуществления этого права». Итак, верховная власть принадлежала роду, а не лицам. «Порядок лиц в очереди владения основывался на том, что дальнейшие поколения должны были подниматься по родовой лестнице и чередоваться во владении волостями в том самом порядке, в каком шли друг за другом их отцы. Итак, дети должны идти в порядке отцов; место в этой цепи родичей, унаследованное детьми от отца, и было их *вотчиной*». По мере размножения князей отдельные линии княжеского рода расходились все далее, отчуждались одна от другой, враждовали. «Каждый младший родич, областной князь, считал себя вправе противиться великому князю киевскому, если находил его действия неправильными, неотеческими»[12].

Центробежные силы подталкивались междоусобицами князей, их стремлением к независимости от великого князя. Кодификация права в «Русской Правде» Ярослава Мудрого не могла отменить указанный процесс; это право — отражение ситуации феодальных отношений, когда натуральное хозяйство стимулировало центробежные тенденции.

В «Русской Правде» четко обозначено, что по отношению к князю люди делятся на два сословия — на княжих мужей и простолюдинов. Первые служили князю, составляли его дружину, высшее привилегированное сословие, посредством которого князья правили своими княжествами, обороняли их от врагов; это была, так сказать, княжеская элита. В среде княжих мужей возникает класс крупных земельных собственников — бояр, пользовавшихся широким кругом привилегий. Боярство было первой формой российской элиты (или протоэлиты), оно рекрутировалось как сословие, получавшее награды и привилегии за службу. Так что Моска в общем был прав, называя первым правящим классом военное сословие, впрочем, дифференцированным внутри себя: старших представителей княжеской дружины князь наделял административными функциями. Эти люди становились все менее зависимыми от центра. Это особенно относится к удельным князьям, которые чувствовали себя независимыми царьками в своих вотчинах. Причем

[12] Ключевский В.О. Цит. соч. Т. 1. С. 186, 197, 206.

характерно было дробление уделов от одного княжеского поколения к другому. Феодальное дробление Руси привело к ее ослаблению и стало одной из главных причин поражения в битвах с Золотой Ордой и двух с половиной векового татаро-монгольского гнета.

Следует особо сказать о специфической социально-политической структуре Новгородской земли, в которой в XII–XVI веках отмечались элементы республиканского правления. Высшим органом было вече — народное собрание, в котором участвовали все свободные граждане, которые избирали и смещали всех должностных лиц, в том числе высших. Высшим исполнительным органом был Совет господ, в состав которого входили князь (отношения с которым строились на основе договора и функции которого были ограничены; важнейшей из них было руководство обороной Новгородской земли от внешней угрозы), архиепископ, посадские, тысяцкие, верхушка боярства. По существу, это и была политико-административная элита Новгородской земли.

В период возвышения Москвы, ставшей центром, собиравшим российские земли, определенным образом изменяется состав, структура, менталитет политико-административной элиты Руси. Собирание Руси сопровождалось вступлением на московскую службу множества князей, бояр из присоединенных к Москве княжеств, а также поступлением на службу московскому государю знатных иностранцев из Литвы, немецких княжеств, Золотой Орды. Великий князь, а начиная с Ивана IV царь, назначал наместников, управлявших отдельными регионами, назначал бояр и других представителей элиты на доходные должности, обеспечивающие «кормление» их обладателей. Нужно сказать, что традиции «кормления», которые глубоко укоренились в российской элите и представляли, по существу, узаконенную коррупцию, оказывали разлагающее влияние на эту элиту, да и на общество в целом. Можно объяснить (но не оправдать) причины этого явления — как объективные (необходимость разветвленной административной элиты в огромной стране и недостаток денег для вознаграждения за службу ввиду, прежде всего, огромных расходов на непрерывные войны), так и субъективные (живейшая готовность членов элиты извлечь максимум выгод из занятия своего административного поста). Нужно сказать, что эта традиция пережила тысячелетия, существует и до сих пор в коррумпированной части современной «элиты» (некоторые серьезные исследователи не без оснований, утверждают, что эта часть составляет ее большинство).

Правящий класс Российской империи. С созданием централизованного русского государства меняется роль монарха; он уже не первый среди других князей, он — самодержец, «помазанник божий», осуществляющий авторитарное правление, ломая сопротивление своевольных князей и бояр. Меняется и роль, да и самосознание политико-административной элиты, которая все активнее стремится править Русской землей не по частям и не в одиночку, как поступали их предки, а совокупно, через центральную власть. Итак, первым типом властной элиты на Руси было боярство (первоначально рекрутировавшееся как служилое сословие, затем уступившее эту роль дворянству).

Страна с огромной территорией, вынужденная постоянно обороняться от набегов кочевых племен на Востоке (и осуществляющая приращение своей территории также преимущественно на Востоке) и от экспансии Запада, страна, развитие которой было заторможено татаро-монгольским игом, страна, хронически отставававшая от западных стран, была вынуждена постоянно догонять Запад, чтобы выжить, вынуждена была прибегать к мобилизационному[13], форсированному типу развития, к модели модернизации, требовавшей огромного напряжения всех сил народа, причем в условиях постоянного отсутствия в казне денег. Этот тип развития предполагал командную, авторитарную, милитаризованную политическую систему, которая делала ставку на принудительные методы решения проблем, структуру с вертикальной иерархической системой управления. Эта авторитарная власть предполагала и авторитарную элиту, являющуюся проводником этой власти.

Причем создание такой элиты требует жестоких репрессий не только против нещадно эксплуатируемой массы населения, но и против самой элиты, чтобы добиться ее полной лояльности. Отсюда — периодические чистки элиты, наиболее известные из которых — жестокие репрессии Ивана IV против боярства. Исследователь российских элит О.В. Гаман справедливо пишет о том, что в своей книге «Перманентная чистка» З. Бжезинский ошибался, утверждая, что чистка элиты характерна исключительно для советского тоталитаризма. Это гораздо более широкое явление, присущие странам мобилизационного, милитаризированного типа раз-

[13] Мы используем типологию элит (мобилизационного и инновационного типов), предложенную О.В. Гаман-Голутвиной в монографии «Политические элиты России. Вехи исторической эволюции» (М., 1998).

вития. Именно государство и его элита инспирируют модернизационные процессы, которые в России всегда выступали как реформы сверху, при этом действуют насильственно, жестоко, преодолевая инерцию народных масс. А центральной власти приходится пришпоривать и саму элиту, подавляя ее действия, расходящиеся с требованиями централизованной монархической власти.

Особенность «смутного времени» заключалась в том, что истощилась питательная среда боярства как базы рекрутирования элиты — как в силу упадка экономической основы боярства — вотчинного хозяйствования, так и в силу массовой чистки боярства, произведенной Иваном Грозным. Потребовалось расширение этой базы за счет дворянства. Дворянство постепенно становится основой политической элиты России.

Династия Романовых продолжает курс на укрепление самодержавного правления. При Михаиле и особенно при Алексее создается аппарат служилой бюрократии, неуклонно теснившей элиту боярской аристократии. Соборное уложение 1649 года упорядочивает систему централизованного управления государством через систему приказов, управляющих делами государства.

Политические элиты Российской империи. Радикальные изменения в системе государственного управления и соответственно в системе политико-административной элиты произошли при Петре I. Петр осознавал тупиковость системы традиционной закрытой элиты, которая не давала ему возможности осуществить свои смелые модернизаторские замыслы. Ему нужны были способные и энергичные модернизаторы, нужна была управленческая элита, способная преодолеть инерцию традиционализма. И он умел находить организаторские таланты, поднимая в элиту наиболее способных, проявивших себя представителей более низких страт общества. Процесс модернизации общества с необходимостью оказывается и процессом модернизации элиты.

Необходимость модернизации отнюдь не сразу осознается и принимается всем обществом. Вначале ее носителем становится активное меньшинство, которое в борьбе за нее преодолевает инертность массы и сопротивление консервативной части общества. Если традиционная элита, как правило, видит в модернизации угрозу своему привилегированному положению, беря на себя роль центра и штаба сопротивления ей, то функцию инициатора, пропагандиста и руководителя модернизации берет на себя контрэлита,

которая в случае успеха и становится элитой модернизации. В условиях кризиса общественно-экономической системы возможен и иной вариант: часть традиционной элиты переходит на позиции защиты модернизации, порой ей удается возглавить этот процесс, став ядром будущей элиты модернизации. Понимание ключевой роли элиты в ходе модернизации давно стало достоянием политической науки. Хотелось бы отметить в этой связи, что ошибочно отождествлять понятия «элита модернизации» и «субъект модернизации». Первое — у́же, второе — шире. Первое понятие — сердцевина второго. Субъект модернизации — сложное гетерогенное явление, включающее в себя, помимо элиты, и другие общественные группы (именно в это время проявляется модернизационная роль купечества, представители которого, такие как Строгановы, внесли серьезный вклад в этот процесс).

Петру I, как и Ивану IV, пусть в меньших масштабах, приходилось прибегать к репрессиям по отношению к части элиты, активно сопротивлявшейся его политике, ставшей угрозой централизованного правления. Применительно к России XIV–XVIII веков справедливо суждение о том, что именно в период, когда элита являлась проводником, исполнительной машиной централизованной власти монарха, государство было сильным. И напротив, когда элита выходит из повиновения монарху, защищая свои групповые интересы, наступают «смутные времена», ослабление государства (как это было в конце XV – начале XVI и, во второй четверти XVIII века), хотя эти периоды можно объяснить и как реакцию на реформы и репрессии Ивана IV в первом случае и Петра I — во втором, как реакцию усталости от их преобразований и их бесконечных войн. Не только народные массы, но и элиты оказываются не готовыми к процессу ускоренной модернизации.

Курс Петра I на модернизацию страны требовал замены традиционной элиты элитой модернизации. И Петр I создавал разветвленную бюрократическую систему управления страной, во многом опираясь на модели управления западноевропейских стран. Эта бюрократия призвана была быть проводником абсолютистской внутренней и внешней политики. Политика модернизации требовала отказа от принципов местничества при формировании элиты, создания единой иерархизированной структуры чиновничества. Документом, определявшим правовое закрепление этой иерархии, была «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных» 1722 года (в то время это слово относили к женскому роду).

Она устанавливала, что основным принципом формирования административной и военной элиты должна быть не знатность происхождения, а квалификация, служебная пригодность, личные заслуги.

Строя элиту по принципу вертикальной иерархизации, государство получает важнейший механизм осуществления его централизованной абсолютистской власти. Реформы Петра I, проводимые сверху (как, впрочем, и все реформы в России), насильственно, требовали элит авторитарного типа, элит, всецело зависящих от власти монарха, осуществлявших централизованную, жесткую власть, получавших награды и привилегии за службу. Этой наградой гораздо чаще, чем деньги, были имения, которые жаловались государем. Кстати, тут с неизбежностью возникает противоречие, которое со всей силой обнаружилось несколько позже. Наследование пожалованных за службу усадеб освобождало значительную часть дворянства от необходимости поступать на государственную службу и ускоряло процесс создания бюрократической прослойки, той самой, которую в XIX веке стали называть «разночинцами».

На протяжении 300-летнего правления династии Романовых состав и структура российской политико-административной элиты существенно видоизменялись. При первых Романовых (XVII век) важнейшие государственные вопросы решались на Земских соборах, на которых были представлены центральная и местные элиты, верхушку боярства составляли члены Боярской думы, выполнявшей совещательные функции при царе; но в XVIII веке, как констатирует Ключевский, боярство разрушается. Россия становится империей; император наделен неограниченной властью, система органов государственного управления строится на принципах бюрократической централизации. При Петре I на смену Боярской думе приходит Сенат, который решает административные, законодательные и судебные вопросы. В XVIII веке, как пишет Ключевский, место боярства «заняла новая чиновная знать, состоявшая из выслужившихся административных дельцов... это чиновничество усвоило себе некоторые политические замашки аристократии и стремилось из простого правительственного орудия превратиться в правительственный класс, в самобытную политическую силу, поэтому и можно назвать чиновной аристократией»[14].

[14] Ключевский В.О. Цит. соч. Т. 5. С. 103.

Жалованная грамота дворянству, составленная по приказу Петра III, не была отменена Екатериной II. Она закрепляла привилегии дворянского сословия, которое освобождалось от обязательной государственной службы, его членам гарантировалась личная и имущественная неприкосновенность, в губерниях и уездах образовывались органы дворянского самоуправления. Это была плата молодой императрицы за ее нелегитимное восшествие на престол. Это была победа дворянской элиты, которая явилась главной причиной ее будущего поражения, т.к. обрекла бóльшую часть ее на паразитическое существование.

В XIX веке политико-административная элита претерпевает дальнейшую эволюцию. В начале царствования Александра I на него оказывал влияние либеральный кружок М.М. Сперанского, В.П. Кочубея, А.А. Чарторыжского, вынашивавших планы эволюции самодержавной монархии в сторону монархии конституционной (а само дворянское сословие превратить не в элиту привилегий, а в элиту ответственности, меритократию). Эти планы встретили резкое сопротивление со стороны российской административно-бюрократической элиты и были отвергнуты императором.

После подавления восстания декабристов, которых можно считать контрэлитой, попытавшейся свергнуть социально-политическую систему самодержавия и крепостничества, утверждается военно-бюрократический абсолютизм Николая I. Как отмечает российский элитолог А.В. Понеделков, бюрократия окончательно превратилась в самодовлеющую касту, стремившуюся подчинить себе все стороны человеческой жизни[15].

Поражение России в Крымской войне продемонстрировало отсталость — социальную и техническую, гнилость военно-бюрократической системы. На наш взгляд, вызывают уважение попытки Александра II либерализировать систему управления Россией, модернизировать ее элиту. Крупнейшая из реформ — отмена крепостного права, значительны и такие реформы, как реформа местного самоуправления (земства), судебная реформа, означавшая начальный шаг в направлении к правовому государству. Начавшиеся реформы были прерваны убийством царя и превалированием консервативной элиты, препятствовавшей процессу либерализации государственного управления.

---

[15] Понеделков А.В. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). С. 123.

В целом привилегированные, элитные сословия России претерпевали характерный цикл в своем развитии, превращаясь из элиты заслуг в элиту привилегий, статусную элиту, в значительной своей части в паразитическую социальную группу. Ведь в начале своего возникновения боярство получало свои привилегии, имения, денежные награды, высокие государственные посты за государеву службу. Потомки бояр, получивших имения и состояние за службу, воспринимали свое положение как должное, государева служба была многим из них в тягость, они стремились ее избегать. Монархи вынуждены были расширять социальную базу элиты, сделав основную ставку на служилое сословие — дворянство. Но с последним, как и следовало ожидать, произошла аналогичная с боярством метаморфоза. Дворяне получали в награду за службу имения с «крестьянскими душами». А их наследники воспринимали доставшуюся им собственность как должное, многие из них считали государеву службу тягостной обязанностью, стремились избежать ее. Иначе говоря, по существу имел место тот же цикл — от элиты заслуг к элите привилегий, статусной элите, все более становящейся паразитическим наростом на теле общества, проходя, пользуясь сравнением В. Парето, путь от элиты производителей к элите рантье. Монархи опять были вынуждены расширять базу рекрутируемой элиты. Кадры государственной службы (прежде всего ее нижние этажи) все более формировались из «разночинцев», которые, идя по ступенькам служебной иерархии, получали личное, а наиболее успешные из них — столбовое дворянство. Тем не менее «опорой трона» продолжало оставаться дворянство, занимавшее привилегированное положение на госслужбе. И тут наверху чаще всего оказывались не наиболее способные, а наиболее родовитые, что пагубно отзывалось на качестве политико-административной элиты. Это качество обратно пропорционально степени ее закрытости.

Но наиболее глубоким социально-политическим противоречием России было противоречие между всей иерархией «верхов» и народными массами. Все власть предержащие, все правящее сословие воспринимались народной массой как чуждая, враждебная народу сила, противостоящая ему, угнетающая народ.

Разрыв между народом и элитой возрастал и достиг своего апогея в царствование Николая II, вылившись в революции XX века. В ходе революции 1905–1907 годов Николай был вынужден пойти на существенные уступки в направлении конституционного

ограничения самодержавия, на созыв Государственной думы. Тем не менее правящая элита сохранила свой сословный характер; дворянство, несмотря на свое несомненное ослабление и оскудение, сохранило в элите основные позиции. Эта элита не могла приспособиться к изменившейся ситуации, к требованиям индустриального общества и бесконечно конфликтовала с думами. К этому добавились внутренние противоречия в элите при слабом (скажем иначе, мягком), нерешительном царе, противостояние правящей элиты и той части политической элиты, которая рекрутировалась по новому для России каналу — через выборы в Государственную думу. Усилия думской оппозиции и нападки либеральной и социалистической прессы, стремившейся скомпрометировать власть (во многом эта критика была справедливой), увенчались успехом. Властвующая элита полностью исчерпала доверие народа, утратила легитимность в его глазах, и в февральской революции не нашлось никаких серьезных социальных сил, которые бы поддержали разваливающийся режим.

Попытаемся дать общую оценку дореволюционным элитам. Оценка эта будет явно невысокой, несмотря на некоторые, пусть нечастые, взлеты этой элиты, — будь то «птенцы гнезда Петрова», военная и дипломатическая элиты Екатерины II, либеральная административная элита и дипломатическая элита (во главе с будущим канцлером А.М. Горчаковым) Александра II. В целом же эта элита представляла собой замкнутую касту, пропуском в которую был не ум, а знатность, где процветал непотизм, клановость, мздоимство, коррупция. Конечно, по сравнению с последующей элитой, например с палачами Сталина, эту элиту многие российские политологи ныне видят в розовом свете. Однако, если мы будем оценивать ее по мировым критериям, оценка, повторяем, будет невысокая. Именно в начале XX века обнаружился глубочайший кризис политической элиты царской России, которая потеряла всякий авторитет в глазах масс. Контрэлита, которая стремилась свергнуть самодержавный, монархический режим, оказалась более мобильной, более образованной, более ловкой. Именно она попыталась предложить определенные программы модернизации России. Трагедия России в том, что в условиях тяжелейшего кризиса, вызванного войной, разрухой, победителем среди гетерогенной контрэлиты оказались наиболее экстремистские силы.

Несомненно, что смена элит происходит, когда старые элиты оказываются неспособными ответить на вызов истории. И хотя

в последние годы появилось много публикаций, направленных на возвеличивание дореволюционной элиты, на доказательства того, что предреволюционная Россия динамично развивалась и беда в том, что контрэлита злокозненных заговорщиков прервала этот естественный процесс, дело обстоит значительно сложнее. Предреволюционная Россия переживала жесточайший кризис — экономический, социальный, военный, и самая значительная доля ответственности за него падает именно на правившую элиту, которая оказалась неспособной решить насущные задачи модернизации страны. На их решение претендовала контрэлита, которая, придя к власти и превратившись в правящую элиту, попыталась решить эту проблему самыми жестокими, порой террористическими методами, выбрав мобилизационно-милитаристский путь развития страны.

ГЛАВА

13 СОВЕТСКАЯ ЭЛИТА

О причинах краха царизма и Временного правительства, причинах победы Октябрьской революции написаны сотни томов. Здесь не место их анализировать. Нас интересует, прежде всего, один аспект этого процесса — смена элит. А это была, пожалуй, наиболее полная, радикальная, быстрая смена элит в истории человечества (если иметь в виду внутреннюю трансформацию страны, а не смену элит вследствие завоевания одной страны другой), более радикальная, в частности, чем смена элит, происшедшая во время Французской революции 1789–1793 годов.

Закрытая дворянско-чиновничья элита царизма деградировала, показала отсутствие политической воли, продемонстрировала свою неспособность управлять великой страной, модернизировать ее, абсорбировать лучших представителей «низших» страт. Как писал в этой связи П.А. Сорокин, «вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии "талантливым самородкам", "самоучкам" из других слоев, не желая урезывать себя в правах и готовый отвергнуть любых талантливых "пришельцев", таких, к примеру, как Витте»[1].

Скоро наступила расплата. К власти пришли энергичные, молодые, циничные, безжалостные представители контрэлиты, сумевшие, в отличие от старой элиты, наладить контакт с массами, мобилизовать их на штурм старых порядков, организовать их на свержение царской элиты, а затем и элиты «соглашателей», блокировавшихся с буржуазией. Победили крайне левые, экстремистские представители контрэлиты. Эти новые лидеры выступали под лозунгами эгалитаризма, антиэлитизма. Однако очень скоро оказалось, что вместо построения общества без элиты власть захватила новая, большевистская элита, а методы господства этой элиты оказались не только авторитарными, но и тоталитарными. Их антиэлитарные лозунги еще раз показали свою иллюзорность.

Но как же все-таки получилось, что большевики, выступившие с эгалитаристскими лозунгами, мобилизовавшие массы на борьбу

[1] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 292.

с правящей элитой эксплуататорского общества, взяв власть, сами превратились в новую элиту общества, которое они, ничтоже сумняшеся, называли социалистическим, в котором отсутствуют эксплуататорские классы и которое идет к преодолению классовых различий?

Революция, направленная против эксплуататорской элиты, против элиты царизма, элиты буржуазии, сама была в значительной мере элитарна. Революцию осуществляло меньшинство общества — петроградский пролетариат, матросы, часть солдат, уставших от войны. Правда, это меньшинство устами прежде всего большевиков громогласно декларировало, что действует от имени громадного большинства населения, трудящихся масс, что они и есть передовые выразители интересов народа. А большинство народа, в силу неграмотности и забитости, не дозрело до понимания своих интересов. Эти интересы и выражает авангард пролетариата, класса-гегемона, идущего во главе трудящихся масс. Соответствовала ли эта схема реальности? В скором времени ответ на этот вопрос был получен. Выборы в Учредительное собрание показали, что большевики оказались в меньшинстве, что, впрочем, их не смутило. Выборы, основанные на борьбе партий за голоса избирателей, были объявлены буржуазными. Контрэлита, превратившаяся в правящую элиту, и не думала отдавать власть. Напротив, вся ее политика была направлена на удержание этой власти, на превращение ее в тотальную власть, в диктатуру пролетариата, которая рассматривалась как важнейший рычаг построения нового общества. Впрочем, обещалось, что в соответствии с учением марксизма, диктатура пролетариата лишь временный этап на пути построения бесклассового общества, после чего она отомрет вместе с отмиранием государства в целом (после XXII съезда КПСС это положение было скорректировано в том смысле, что государство диктатуры пролетариата перерастает в общенародное государство), а, следовательно, сама постановка вопроса об элите неуместна, это — происки классового врага. Но отмирание государства переносилось на будущее. В настоящем же власть государства, а следовательно, и его элиты не только не ослаблялась, а, напротив, многократно усиливалась. Менялся только классовый состав элиты, направление ее деятельности, методы реализации ее управленческих функций.

Такой поворот событий не был неожиданным для наиболее проницательных мыслителей, которые прогнозировали вырождение леворадикальных лидеров в авторитарную, олигархическую

элиту, которая, придя к власти, будет диктаторскими методами управлять массами. Достаточно вспомнить «Бесов» Ф.М. Достоевского, где левоэкстремистские заговорщики стремились захватить власть, чтобы манипулировать массами, используя по отношению к ним террористические методы.

Теория «нового класса». Вопрос о правящем слое или правящем классе, который возникает после социалистической революции, был поставлен задолго до октябрьского переворота и обсуждался десятилетия после него. Задолго до Октябрьской революции зародились теории о новом эксплуататорском классе (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин). В этой связи несомненный интерес представляет концепция, которая в середине XX века получила название теории «нового класса». Целостную концепцию «нового класса» как политической элиты «реального социализма» разработал Милован Джилас. Однако эта концепция, как уже отмечалось, по существу, была обобщением и развитием взглядов ряда его предшественников, целой традиции критики марксистской теории о построении общества без элиты, которая рассматривалась как демагогическая теория, прикрывающая и оправдывающая приход к власти нового класса, устанавливающего жестокую диктатуру над населением.

Как известно, Маркс объявлял целью исторического развития (заметим, что эсхатология марксизма близка христианству, для которого конечной целью является второе пришествие Христа и установление царства божьего на Земле) построение коммунизма — общества без классов, без эксплуатации, следовательно, и без элиты. Но главным инструментом построения коммунизма является диктатура пролетариата. Само по себе общество без гнета и эксплуатации — цель весьма гуманная и благородная. Но, как говорят французы, дьявол проявляет себя в деталях. Вот на некоторых деталях марксистской концепции построил ее критику М.А. Бакунин. Когда Маркс в «Критике Готской программы» утверждал, что социализм делает экономические отношения настолько «прозрачными», что не требует товарно-денежных отношений, что работник, отработав, допустим, восемь часов, получает справку об этом и может получить необходимые ему продукты, на производство которых было затрачено другими людьми те же восемь часов, Бакунин задавал Марксу вполне невинный, на первый взгляд, а в действительности весьма ядовитый вопрос: а кто, собственно, будет выдавать

подобную справку? По-видимому, чиновник, бюрократ. А над этим чиновником будет еще один чиновник и т.д. Так вот эта бюрократическая прослойка и будет реально управлять обществом, она и превратится в привилегированное сословие. По Бакунину, государство диктатуры пролетариата, пропагандируемое Марксом, будет представлять собой «деспотизм управляющего меньшинства», прикрываемый демагогическими фразами о том, что он объявляется выражением народной воли. Анализируя взгляды Маркса и Лассаля, писал Бакунин, «приходишь к тому же самому печальному результату: к управлению огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом»[2]. А поскольку управление требует специальных знаний, этими «избранными» будут «ученые социалисты». Все это доказывает, «что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен в управляемое стадо». А в составе этого деспотического меньшинства легко могут оказаться непомерные честолюбцы, рвущиеся к власти.

Октябрьская революция, как утверждали большевики, направлена на свержение классового господства эксплуататорского меньшинства. Если все предыдущие революции были направлены на замену одного типа эксплуатации другим типом, то социалистическая революция отличается от всех предшествовавших революций тем, что она устраняет все и всяческие формы эксплуатации. Народные массы под руководством пролетариата и его революционного авангарда свергают господствующее эксплуататорское меньшинство; установившаяся диктатура пролетариата сама по себе есть лишь переходный этап к бесклассовому коммунистическому обществу, обществу без государства, без эксплуатации, обществу самоуправления трудящихся, обществу без элиты.

---

[2] Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 482, 483.

Вопрос, однако, состоит, во-первых, в том, действительно ли новое общество устраняет эксплуатацию, во-вторых, возможно ли в принципе общество без элиты и, в третьих, как оно может реализовываться на практике и не будет ли рисуемый марксистами коммунистический идеал прикрытием новой формы всевластия элиты, которая захватывает власть и устанавливает жестокую диктатуру, не брезгуя для «всеобщего счастья» никакими методами (как об этом писал Достоевский в «Бесах»). Сомнения на этот счет высказывали многие мыслители. По поводу утверждения марксистов, что диктатура пролетариата будет недолгой и что ее целью будет образовать народ и поднять его политически, Бакунин выражал глубокий скептицизм, утверждая, что «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечивания себя»[3].

Мысль Бакунина о диктатуре ученых, пусть даже социалистической ориентации, как новой, опаснейшей формы деспотии, где власть принадлежит монополистам знания, развил редко вспоминаемый ныне российский публицист конца XIX – начала XX века В. Махайский, позиция которого вылилась в откровенный антиинтеллектуализм. В книге «Социалистическая наука как новая религия» он объявлял интеллигенцию враждебным пролетариату классом, стремящимся к власти, к тому, чтобы стать новым правящим классом, превращающимся в элиту знаний и порабощающим массы. Причем свергнуть власть феодалов или буржуазии, которые не участвуют непосредственно в производстве, несравненно легче, чем элиту интеллигенции: первые являются лишь обузой общества и от их смены производство не пострадает. Но власть новой элиты знаний сбросить будет практически невозможно — ибо она обладает монополией на знание и без нее невозможно наладить производство. Как видим, эти взгляды являются как бы инверсией технократических теорий. Если для последних элита знаний обладала знаком плюс, то в теории Махайского — знаком минус. Опаснейшей организацией интеллигенции является, по Махайскому, социал-демократия, которая ищет поддержку у рабочих, чтобы, опираясь на них, захватить власть. Но это — типичная организация контрэлиты, которая стремится лишь использовать массы и которой ни в коем случае нельзя верить, иначе массы приведут к власти новый господствующий класс.

---

[3] Бакунин М.А. Цит. соч. С. 484.

Прежде чем перейти к следующему варианту теории «нового класса», хотелось бы сделать небольшое отступление отчасти для того, чтобы не нарушать принципов хронологии, а отчасти для того, чтобы доказать, что обвинения русских революционеров в элитаризме, во всяком случае их радикального крыла — от Нечаева и террористического крыла народников до большевиков — не лишены основания. Пожалуй, наиболее авторитетным свидетельством в пользу элитаризма (пусть скрытого элитаризма) являются труды В.И. Ленина. Обратимся прежде всего к такой известной его книге, как «Что делать?», о которой в советское время не без оснований писалось, что эта книга заложила идеологические и организационные основы партии «нового типа». Начнем с того, что в книге обосновывается типично элитарный взгляд на возможности рабочего класса самому выработать социалистическое сознание. Утверждается, что пролетариат сам в состоянии выработать лишь тред-юнионистское сознание, понимание необходимости борьбы за повышение зарплаты, за улучшение условий труда, иначе говоря, за улучшение условий продажи своей рабочей силы, в то время как коренной, глубинный интерес этого класса состоит в свержении системы гнета и эксплуатации — капиталистической системы — и построении социалистического общества. Но это социалистическое сознание, идеи социалистической революции, социалистического преобразования общества могут быть внесены в рабочее движение только извне — интеллигентами, вставшими на позиции рабочего класса, социалистами, коммунистами. Итак, теорию социализма, стратегию и тактику социалистической революции разрабатывает элита интеллектуалов и организаторов, она вносит социалистическое сознание в рабочее движение. Социал-демократическая (в дальнейшем коммунистическая) партия является соединением рабочего движения с социализмом.

Далее, насквозь элитарной оказывается организационная структура партии «нового типа». Строжайшая конспирация, строжайший отбор членов партии и особенно лидеров партии, которым «некогда думать об игрушечных формах демократизма»[4]. Узкий слой партийных функционеров, ее элита, и широкий слой членов партии, выполняющих решения ее руководства — таков был зародыш будущего «нового класса». Когда же партия пришла к власти, элитарная структура партии была воспроизведена в мас-

[4] Ленин В.И. ПСС. Т. 6. С. 141.

штабах крупнейшей страны мира. После Октябрьской революции Ленин писал о решающей роли революционного авангарда рабочего класса (т.е. партии, а фактически партийной верхушки) в руководстве обществом.

Известно, что Плеханов, Мартов и другие лидеры РСДРП категорически выступали против жесткого централизма ленинской партии, называя его сверхцентрализмом, смертельно опасным для партии, опасным прежде всего тем, что принижает инициативу масс, приучая их подчиняться указаниям сверху. Но Ленину нужна была именно такая сверхцентрализованная партия как важнейший инструмент завоевания и удержания власти. Тот путь к социализму, который предлагало правое крыло социалистов, а именно: партия добивается власти на демократических выборах, а предшествующая элита не ликвидируется, а обновляется за счет широкого проникновения в нее наиболее инициативных представителей более низких страт общества, прежде всего, рабочего класса, интеллигенции, отвергается как соглашательский и контрреволюционный.

Говоря о рассмотренной нами концепции Ленина, М. Восленский заметил: не рабочему классу нужны марксистские революционеры, а им нужен рабочий класс, «потому что без него они — горстка интеллигентов, при всей своей шумливой энергии власть в стране захватить не могут»[5]. Ленинские профессиональные революционеры превратились в профессиональных правителей, в правящую элиту, их власть была институтизирована в форме номенклатурной системы. Сам Ленин признавал: «Если не закрывать глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»[6]. Провозгласив диктатуру пролетариата, большевики (вполне в соответствии с михельсовским «железным законом олигархических тенденций») установили фактическую диктатуру большевистской верхушки, большевистских вождей, большевистской элиты, переросшую в абсолютную власть харизматического лидера, опирающуюся на террористическую систему тотального контроля над населением. Об этой системе власти откровенно писал Сталин:

[5] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 57.

[6] Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 20.

«Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий его деятельность...» И далее: «Партия — это командный состав и штаб пролетариата»[7]. Позже по этому поводу Троцкий скажет, что диктатура пролетариата оказалась диктатурой партии, диктатура партии — диктатурой ее верхушки, диктатурой вождей: «Аппарат партии замещает партию, Центральный Комитет замещает аппарат, и, наконец, диктатор замещает Центральный Комитет»[8]. А еще позже М. Восленский сделает вывод о том, что партия во все большей мере стала играть роль служанки номенклатуры, партийной элиты.

Именно Троцкому принадлежит важная роль в разработке теории «нового класса». Троцкий писал о бюрократическом перерождении руководящей верхушки партии, связывая ее с курсом Сталина на отказ от ленинских традиций, на перерождение партии, обличая Сталина в том, что он наделил аппаратную партийную элиту фактически бесконтрольной властью[9]. Находясь в эмиграции, он писал в бюллетене «Вестник оппозиции» о том, что сталинская клика подорвала позиции старой большевистской элиты — «ленинской гвардии», обрушила страшные репрессии на подлинных ленинцев, узурпировала власть в партии и государстве и привела к руководству страной элиту партийной бюрократии. Он подробно описывал процесс бюрократизации партийной элиты, развив концепцию образования на основе правящей партийной элиты нового господствующего класса. Иное дело, что сам Троцкий был не менее Сталина ориентирован на антидемократические, авторитарные, тоталитарные методы руководства; Сталин и Троцкий были непримиримыми соперниками в борьбе за лидерство в партии и государстве[10]. В книге «Преданная революция» Троцкий пишет о «термидорианском перевороте», совершенном Сталиным и его кликой. Именно Сталин создал бюрократический слой управленцев, подкупил этих людей многочисленными привилегиями, поставил их над народом. Это — перерожденцы, цеп-

---

[7] Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1954. С. 71, 72.

[8] Троцкий Л.Д. О Ленине. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 139.

[9] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 164–194.

[10] Как писал Л. фон Мизес, «диктаторская власть достается тому из кандидатов, кто сумел вовремя устранить соперников» (Л. фон Мизес. Бюрократия. М., 1993. С. 136).

ные псы Сталина, это новый класс эксплуататоров, который необходимо свергнуть, чтобы построить аутентичный социализм. И все же Троцкий в «Преданной революции» оговаривается, что возникшая бюрократия сталинского типа не является в полном смысле эксплуататорским классом, как буржуазия, т.е. эксплуататорским классом в классическом смысле, ибо она создана в порядке административной иерархии, во-вторых, не имеет специфических отношений собственности и не может передавать государственную собственность, которой она распоряжается, по наследству, хотя и признавал, что этот слой может развиться в классический эксплуататорский слой, в новую буржуазию. Не случайно, что М. Джилас критикует Троцкого за некоторую поверхностность, за то, что тот полагал, что бюрократическое перерождение верхов «реального социализма» связано с субъективными качествами Сталина, считал это позорным извращением социализма и предательством марксизма, не понимая, что образование нового класса в ходе революции — объективная закономерность. Как мы видели, у самого Маркса содержалась в зародышевой форме идея элитарного подхода к революции и послереволюционному периоду, а у Ленина элитарной подход получил дальнейшую разработку, систематизацию и был положен в основу организационной практики. Так что сталинизм не был чем-то абсолютно не связанным с ленинизмом (как это пытались доказать многие теоретики перестройки), но явился его брутальным продолжением.

Существенный этап в формировании теории «нового класса» связан с работами видного американского социолога и политолога Джеймса Бернхема, автора нашумевшей в свое время книги «Менеджерская революция» (она написана в 1940 году). Отметим, между прочим, что в свои молодые годы Бернхем увлекался сочинениями Троцкого и посещал троцкистский кружок в США. Вряд ли можно всерьез говорить о том, что теория «менеджерской революции» представляет собой развитие идей Троцкого, но можно сказать точнее, что определенные следы влияния трудов последнего можно заметить в работах Бернхема. По теории Бернхема, современная научно-техническая революция приводит к власти «новый класс» — профессиональных управленцев, который и становится подлинной элитой общества, оттесняя на периферию класс собственников на средства производства. Само государство оказывается собственностью «нового класса» — менеджеров. При этом Бернхэм говорит о двух типах менеджерского общества — демо-

кратическом и тоталитарном. Примером первого он называет США, второго — гитлеровскую Германию, «корпоративное» государство Муссолини и особенно Советский Союз. Утверждения коммунистов о том, что в СССР установлена диктатура пролетариата он отбрасывает как чистую демагогию (элитой может быть только меньшинство общества, а не такая огромная часть населения, какой является рабочий класс), прикрывающую реальную диктатуру «нового класса», реальную элиту Советского Союза, каковой является прежде всего верхушка партийной бюрократии, а также верхушка технократии — министры (наркомы), начальники главков, директора крупнейших предприятий. Именно этот класс и является привилегированной элитой советского общества, реально осуществляющей власть в СССР. Причем в XX веке обозначилась всеобщая тенденция, в силу которой отношения собственности оттесняются отношениями управленческими. Поэтому переход власти в руки нового класса — менеджеров, профессиональных управленцев — процесс неизбежный, и задача видится не в том, чтобы противостоять этой объективной тенденции, а в том, чтобы оптимизировать этот процесс, придать ему иные, не тоталитарные формы.

Труды Бернхема были одним из источником концепции «нового класса» югославского политолога, государственного деятеля (когда-то он был вторым человеком в политической иерархии Югославии, руководимой маршалом Тито), одного из самых знаменитых диссидентов XX века Милована Джиласа. Еще будучи Председателем Союзной народной скупщины (парламента Югославии), он резко выступал против авторитаризма, за демократизацию страны, за свободомыслие. «Новые идеи всегда рождались как идеи меньшинства. Люди не мыслят коллективно... Главная задача демократии — обеспечить свободное выражение идеи, чтобы никто не подвергался преследованиям из-за своих взглядов»[11]. Выступив против антидемократического курса компартии, он отказался от всех партийных и государственных должностей, подвергался репрессиям, сидел в тюрьме. В систематическом виде его взгляды изложены в знаменитой книге «Новый класс» (1957). Его книга — разоблачение сущности властных отношений в СССР, Югославии и других странах, называвших себя социалистическими. Отметая как демагогию пропагандистские утверждения о том,

[11] Борба. 1953. 22 декабря.

что в этих странах нет эксплуатации и, соответственно, нет эксплуататорских классов, он показывает, что в этих странах сформировался «новый класс» партийной и государственной бюрократии, безжалостно эксплуатирующий общество.

Почему люди, которые пришли к власти под эгалитаристскими лозунгами, обещавшие построить мир без элиты, превратились в самую авторитарную, больше того, тоталитарную элиту, подавляющую любую оппозицию, любое инакомыслие? В чем секрет власти этой элиты? Ответы на эти вопросы и искал М. Джилас.

Выше уже отмечалось, что мысли о будущем перерождении революционеров-социалистов, о том, что многие из них подчас злобные человеконенавистники (Достоевский), непомерные честолюбцы, стремящиеся к абсолютной власти (длинный ряд исследователей самых разных направлений, от Бакунина до Фрейда), мнимые друзья народа, на деле стремящиеся с его помощью прорваться к власти, а затем усесться на шее народа (Махайский), перерожденцы, предавшие светлые идеи, вдохновляющие подлинных революционеров (Троцкий), лицемеры, под флагом борьбы за справедливость и свержения элиты эксплуататоров добивающиеся себе особых привилегий, характерных для предшествующих элит (Дж. Оруэлл), многократно высказывались на протяжении последних полутора веков. Будет явной натяжкой утверждение о том, что это перечисление вскрывает генезис теории «нового класса». На большинство перечисленных авторов Джилас не ссылается, не использует их аргументы, некоторые из них были ему, по всей видимости, неизвестны (например, Махайский). Итак, во взглядах перечисленных авторов нет прямой генетической связи, преемственности. Мы хотели бы лишь подчеркнуть, что указанные идеи «витали в воздухе», их нужно было систематизировать, связать в общую концепцию. Это и сделал Джилас. То, что было высказано предшественниками в форме догадок, антиутопий, получило у Джиласа целостное теоретическое объяснение.

Еще до публикации своего главного труда Джилас выступал с обличением коммунистов в тайном элитаризме. «Бюрократическая и догматическая теория о том, что только коммунисты — созидательная сила социализма («люди особой закалки», по Сталину), служит основой для их отделения от общества... Она скрывает реальную тенденцию к созданию особого привилегированного класса по принципу политической и «идейной» принадлежности, а не на основе способностей и профессионализма.

Такая практика может превратить коммунистов в попов и жандармов социализма»[12].

Главной целью книги М. Джиласа «Новый класс. Анализ коммунистической системы» было доказать, что социализм в СССР и восточноевропейских странах не ведет к созданию бесклассового общества — программной установки компартии, а служит основой для образования нового привилегированного класса. Этим новым классом является бюрократическая верхушка партии и государства, или, точнее, последняя является ядром нового привилегированного эксплуататорского класса, который обладает неограниченной властью в этих странах.

Можно оспаривать ряд положений книги Джиласа, например, утверждение о том, что «действительным и непоколебимым создателем нового класса был Сталин» (Джилас далее набрасывает портрет Сталина, с которым он неоднократно встречался: «Узкоплечий коротышка, с руками и ногами несуразно длинными, а туловищем коротким... не слишком образованный и литературно одаренный, слабый оратор, но до гениальности способный организатор»[13]. Собственно, сам Джилас связывает происхождение нового класса с созданием Лениным партии «нового типа», пишет об объективной потребности элиты модернизаторов для страны, осуществляющей процесс индустриализации. Зачатки нового класса «могли находиться только внутри организации особого рода, опирающейся на сверхдисциплинированность и непреложное идейно-философское единообразие в своих рядах... Зачатки нового класса... в слое профессиональных революционеров... Эта крайне узкая прослойка революционеров и разовьется постепенно в новый правящий класс... Это не значит, что новая партия идентична новому классу. Партия — его ядро и основание... к нему можно отнести тех, кто... благодаря монополии на управление получает особые привилегии и материальные преимущества».

Может вызвать возражение тезис Джиласа: «Социально новый класс — пролетарского происхождения. Как из крестьянства вышла аристократия, а из среды средневековых торговцев, ремесленников и землевладельцев — буржуазия, так и главным образом из пролетариата появляется новый класс». Думается, что новая элита или, по терминологии Джиласа, «новый класс» вербовался в зна-

[12] Борба. 1953. 27 декабря.

[13] Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 209.

чительной части из маргиналов, людей, вырванных из собственной культурной традиции. Многие из них прошли путь из рабочих и крестьян до профессиональных управленцев; утратив старую культурную традицию, они редко достигали вершин подлинной культуры; значительная часть партийной элиты были выходцами из интеллигенции, часто люмпенизированной интеллигенции, кстати, тоже оторванными от своих корней и своим фанатизмом и жестокостью попиравшими традиции русской интеллигенции. Общий культурный уровень этой элиты был напрямую связан с жестокими репрессиями, обрушившимися на интеллигенцию, особенно гуманитарную интеллигенцию в процессе революции и в послереволюционный период, с растратой того культурного потенциала, для восстановления которого требуются многие десятилетия.

Можно спорить и по поводу того, является ли элита «реального социализма» классом, социальным слоем или кастой, но полемика по этому поводу была бы неплодотворной, она носила бы скорее терминологический характер. Предпочитая термин «социальный слой» по отношению к этой элите, мы считаем вполне применимым и термин «класс». Как правило, элита — часть, структурный элемент класса и по отношению к подавляющему большинству современных социально-политических систем дихотомия элита-масса не раскрывает сложности их структуры; но как раз по отношению к «реальному социализму» эта дихотомия «работает», выполняет объяснительную функцию, охватывает сущность социально-политических отношений. Попробуем проанализировать сущность рассматриваемой социальной группы с позиций классического марксистско-ленинского определения класса. Из четырех классообразующих признаков, которые выделял Ленин[14], то, что рассматриваемый нами социальный слой подпадает под первый, третий и четвертый признаки (место в исторически определенной системе общественного производства, роль в общественной организации труда, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой они располагают) достаточно очевидно и не требует особых доказательств, хотя и они в литературе советского периода игнорировались или замалчивались. Так, замалчивалась ролевая иерархизация социальных отношений; наличие в советском обществе господствующего и подчиненных классов в орга-

[14] Ленин В.И. ПСС. Т. 39. С. 15.

именно к «реальному социализму», обществу с наибольшей степенью огосударствления и бюрократизации.

Да, формальная собственность на средства производства у нового класса отсутствовала, отсутствовала частная собственность на основные средства производства. Но это была собственность групповая, это была фактическая собственность нового класса, властвующей элиты. Заменой и аналогом частной собственности на средства производства в этом обществе была близость к власти, которая и обеспечивала возможность распоряжаться всеми богатствами страны. Да, государство являлось собственником, но само государство было собственностью правящей элиты. Так что и второй классообразующий признак в полной мере «работал» в этом обществе, пусть в преобразованном виде.

Вот эту-то «тайну» господства нового класса и расшифровал М. Джилас. Он обнажил механизм эксплуатации новым классом трудящихся масс. Здесь и была сердцевина его концепции нового класса. Джилас писал: «...то, что перед нами особый класс, с особым видом собственности и власти, вовсе не означает, что классом он не является. Напротив... в СССР и других коммунистических странах возник новый класс собственников и эксплуататоров... Отличительная черта нового класса особая, коллективная собственность — более, чем даже в Египте при фараонах... материальные богатства становятся формально национальными, а в действительности — через право владения, пользования и распоряжения — собственностью отдельного слоя в партии и бюрократии... Здесь быть владельцем или совладельцем означает пробиться в ряды правящей политической бюрократии»[17]. В так называемую «социалистическую собственность», по Джиласу, была фактически запрятана собственность политической бюрократии, коммунистической элиты.

Концепцию Джиласа продолжили и развили и другие авторы, прежде всего М. Восленский, который вместо термина «новый класс» употребляет другой — «номенклатура». Сам Джилас признает правомерность этого термина, считая, что он отражает тот же феномен, который описан и им. В предисловии к книге Восленского Джилас пишет: «Предшествовавшие М.С.Восленскому авторы называли этот слой “партократией”, “кастой”, “новым классом”, «политической (или партийной) бюрократией», хотя и писали

[17] Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 214–221.

об одном и том же объекте. Но нет сомнения: термин «номенклатура» совершенно оправдан, когда речь идет об установившемся иерархическом режиме советской партбюрократии и связанных с нею бюрократий»[18].

Отметим, что Джилас избегает термина «элита». Восленский использует его, хотя и изредка. Для Восленского элита — это социальный слой, из которого черпается номенклатура, так сказать, социальная база последней. Думается, однако, что соотношение понятий элиты и номенклатуры несколько иное. Элита (имеется в виду политическая и политико-административная элита) — это высший слой советской номенклатуры. Но, повторяем, терминологические различия являются вопросом второстепенным. Восленский пишет о номенклатуре как о классе, привилегированном классе советского общества, классе правящем, классе эксплуататорском. Это прежде всего и объединяет его с подходом Джиласа, ставя его в ряд продолжателей его концепции.

Смена поколений советской элиты. До сих пор мы говорили о советской элите в целом. Но эта элита претерпела сложную эволюцию: каждое новое поколение этой элиты и похоже на предыдущее и вместе с тем значительно отличается от него. Поэтому эволюцию советской элиты можно представить как смену поколений элиты, каждое из которых обладает специфическими характеристиками.

Можно вычленить четыре поколения этой элиты.

Первое — «ленинская гвардия», осуществившая революцию, мечтавшая о мировой революции, рассматривавшая российскую революцию как базу революции всемирной; в ее костер они готовы были бросить страны и народы, включая свой собственный. Внутри этой элиты разворачивается ожесточенная междоусобная борьба за власть после смерти Ленина.

Второе поколение этой элиты — сталинисты, жестокие дисциплинированные исполнители воли Сталина, фанатично преданные харизматическому вождю. Большевистской элите стало понятно, что сильное государство должно ориентироваться на национальные цели. Происходит смена ориентаций этой элиты — курс на построение социализма в «отдельно взятой стране», на модернизацию милитаристско-мобилизационного типа, «подстегиваемую»

[18] Восленский М.С. Цит. соч. С. 77.

широкомасштабными репрессиями, которые ряд политологов квалифицирует как геноцид по отношению к собственному народу. Кстати, привилегии этой элиты были (особенно в сравнении с постсоветской элитой) более чем скромные, да и тех она могла легко лишиться, как только тот или иной ее представитель лишится своего поста (часто вместе с жизнью).

Третье поколение советской элиты — элита бюрократии и партийных функционеров, лидерами которой были Хрущев и особенно Брежнев, максимально расширивший ее права и «вольности». Это был период институтизации и рутинизации номенклатурной элиты, время относительно стабильных элитных карьер. В конце этого периода, в 70-х – первой половине 80-х годов, у власти находится элита застоя, геронтократическая элита. Отметим, что по уровню промышленного и научного потненциала СССР не уступал развитым западным странам, а по некоторым направлениям превосходил их (запуск первого спутника, запуск первых космонавтов).

Наконец, четвертое (и последнее) поколение советской элиты — «перестроечное». По своему составу оно было неоднородным, хотя политически в нем преобладали реформаторы во главе с Горбачевым, стремившиеся модернизировать застойную социально-политическую систему, построить социализм с «человеческим лицом», проводить курс на гласность и демократизацию режима. Трагедия этой элиты заключалась в том, что у нее были определенные пределы ее реформаторства, связанные с советским партократическим режимом. Социально-политическая система, которой они управляли, была принципиально не реформируема, она нуждалась не в модернизации, а в трансформации в иную социально-политическую систему. Но эта функция не могла быть выполнена этой элитой (тогда она и не была бы советской элитой), она была выполнена уже постсоветской элитой. Правление этой элиты многие политологи рассматривают (и не без основания) как размен власти на собственность.

Менялась и внешнеполитическая стратегия разных поколений этой элиты. Романтические грезы о мировой революции сменились — для второго и третьего ее поколения — имперской идеей, усилением и расширением государства, превращением его в супердержаву. Четвертое поколение осознает поражение СССР в «холодной войне», сдает свои внешнеполитические позиции, приведя к развалу «социалистический лагерь».

Эволюция и смена поколений советской элиты (собственно, она типична для эволюции элиты, описанной Г. Моской) — это история ее зарождения, прихода к власти, укрепления ее могущества, а затем вырождения, упадка и краха. Ее история свидетельствует о том, что на определенном этапе исторического развития, решая задачи ускоренной модернизации страны, используя военно-мобилизационный тип развития, на этапе, когда еще возможно было экстенсивное развитие страны, эта элита сыграла свою роль — сумела вывести страну на второе место в мире по экономическому потенциалу, добилась победы — пусть страшной ценой — в Великой Отечественной войне, а в послевоенный период сумела сравняться по своему военному потенциалу с другой супердержавой — и даже со всем противостоящим блоком наиболее развитых стран мира, с НАТО. Но она же показала свою неэффективность в условиях современной научно-технической революции, она не смогла ввести страну в постиндустриальное, информационное общество, которое требует адекватной ему социально-политической системы, системы, которая угрожала самому существованию этой элиты, на что она не могла пойти.

Те историки и политологи, которые утверждают, что правящая элита в советском обществе была бездарной и некомпетентной, лишь обнаруживают свою односторонность (как обнаруживали свою односторонность советские историки, объявлявшие таковой всю дореволюционную российскую элиту). В этом вопросе особенно необходим исторический, максимально объективный подход, свободный от конъюнктурных политических пристрастий. С этих позиций следует подходить к оценке советских элит. Это были подчас люди, фанатично преданные делу, идее, пусть ложной, будь то мировая революция или социализм и коммунизм в одной стране, люди, часто не имевшие личной жизни, «горевшие» на работе; это были люди, спаянные железной дисциплиной, умевшие, не колеблясь, использовать все средства, в том числе и антигуманные, аморальные, для достижения поставленных целей, настойчиво осуществлять свои стратегические замыслы, используя все наличные людские и природные ресурсы, мало заботясь о судьбах отдельных людей и даже миллионных масс. Вместе с тем это была элита приспособленчества, в условиях «большого террора» она «колебалась только вместе с генеральной линией партии». В ней утвердился своеобразный принцип «отрицательного отбора» — высокопорядочные, высокоинтеллектуальные люди

могли пройти сквозь сито партийно-номенклатурной селекции разве лишь в порядке редкого исключения или умело демонстрируя (или имитируя) свою лояльность и исполнительность. Социальный характер и политическое лицо этой элиты, методы ее правления убедительно описаны в книге советолога А. Авторханова «Технология власти».

Несомненно, что советская элита несет огромную долю ответственности за гигантские жертвы, которые понесли русский и другие народы Советского Союза — десятки миллионов жертв гражданской войны, коллективизации, репрессий КГБ, за вовлечение страны в изнурительную гонку вооружений, за политику, приведшую страну к общенародной катастрофе, к глубочайшему экономическому кризису.

Отметим и то, что нельзя абсолютизировать противоположность дореволюционной и советских элит. При всей радикальности смены элит после Октябрьской революции нельзя не разглядеть и черты определенного сходства чиновничье-бюрократической элиты царской России и советской партийно-административной элиты. Тут как бы воспроизводится тот же бюрократический тип чиновника, подобострастного к начальству, надменного по отношению к управляемым (в первые десятилетия советской власти это называлось «комчванством»), чиновника, для которого характерен карьеризм, погоня за начальственными должностями, привилегиями. Забегая вперед, скажем, что эти традиции российских административных элит быстро воспроизвела и постсоветская элита: несмотря на «демократическую» фразеологию, она не может отказаться от привычных административно-бюрократических методов управления.

Небезинтересно отметить особенности каждого поколения советской элиты, начиная с первого. Расправившись с царской политической элитой, с лидерами буржуазной бюрократии, большевики, захватив власть, расставив своих людей на важнейшие политические посты, спешно формируют политико-административную элиту. Из контрэлиты профессиональных революционеров большевистская верхушка превратилась в правящую элиту, сосредоточив в своих руках все рычаги власти, практически ни с кем не блокируясь (короткий период блокирования с левыми эсерами скоро прервался) и утверждая, что они действуют от имени рабочего класса и всех трудящихся. Бывшие профессиональные революционеры, занявшие ведущие политические посты, не имели навыков госу-

дарственного управления. В большинстве своем искренне верившие в коммунистические идеалы, революционные романтики, они далеко не всегда могли квалифицированно выступать в новой для себя роли. Сразу же после революции потребовалось создание разветвленного аппарата управления и, следовательно, широкое рекрутирование политико-административной элиты. Многие из рекрутантов были прагматиками, честолюбцами, карьеристами, вступление в партию служило для них пропуском на командные должности. В новой элите нашлись и крупные организационные таланты, которые смогли себя проявить именно при новом режиме и не могли реализовать себя в старой сословно-монархической политсистеме. Нельзя недооценивать организационные и публицистические таланты Ленина, Троцкого, Зиновьева, Сталина, Бухарина, Каменева, Рыкова и других партийных руководителей.

Ленинское поколение элиты было значительно моложе дореволюционной элиты, его образовательный уровень даже превышал уровень предыдущей элиты, но эти позитивные моменты перечеркивал ее аморализм, установка на то, что для великой цели — социалистических преобразований — все средства хороши (Ленин сформулировал это в виде тезиса о том, что нравственно все, что укрепляет диктатуру пролетариата, способствует построению коммунистического общества), пренебрежение к народным традициям, укоренившейся в народе культуре, его менталитету, убежденность в том, что человеческая природа подвижна, что людьми можно манипулировать, подвергнув коммунистической индоктринизации. Кстати, подобное же пренебрежение традициями и менталитетом российского народа продемонстрировала и постсоветская элита, которая пыталась насаждать реформы сверху необольшевистскими методами (хотя ее ценности и были по своему содержанию противоположными ценностями предшествующей элиты).

В структуре советской элиты интеллигенты (в том числе интеллигенты-эмигранты) составляли меньшинство, большинство же было за рабочими, люмпен-интеллигенцией, маргиналами, ненавидевшими старую элиту за свои прошлые неудачи, мстительными, лишенными культурных корней и традиций и готовых к крайне жестоким методам управления. Ленин писал в «Очередных задачах советской власти»: «Мы Россию *отвоевали*... Мы должны теперь Россией *управлять*»[19]. Новая элита стала управ-

[19] Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 172.

лять авторитарными, диктаторскими методами; чрезвычайные обстоятельства — революция, гражданская война, необходимость преодоления разрухи — служили основаниями того, что политические назначения производились подчас непосредственно высшими партийными лидерами, которые не обращались к демократическим процедурам (и даже к предварительному обсуждению кандидатур на эти должности в ЦК РКП(б). Узкий круг партийных лидеров занимал важнейшие политические, советские, военные посты, сразу же началась практика совмещения партийных и советских постов[20].

В ходе революции и Гражданской войны руководители компартии сплотились в единую властвующую группу, объединенную общей идеологией, общим интересом, наконец, близкими отношениями (в том числе неформальными). Ленин признавал, что реальная власть в стране осуществлялась «тончайшим слоем» наиболее авторитетных партийных руководителей, т.е. партийной элитой.

С победой Октябрьской революции руководство большевиков превратилось из контрэлиты в правящую элиту, которая, заняв позицию на вершине социальной пирамиды, приобрела относительную самостоятельность по отношению к рабочему классу, от имени которого она осуществляла власть. Во время Гражданской войны новая элита проводила репрессивную, террористическую политику по отношению к несоветским элементам общества. В практику новой власти вошли расстрелы, создание концлагерей, заложничество. Партия превратилась из революционной в управленческую организацию, наделенную административными функциями. Реальное управление страной осуществляла элита, началось отчуждение рядовых коммунистов от политического процесса.

В начале 30-х годов Сталин реорганизовал партийный аппарат, подчинив его задачам формирования авторитарно-бюрократического режима. Отрыв партийной элиты от партийных масс и тем более от широких слоев институтизируется, закрепляется системой номенклатурных привилегий для партийных функционеров, которая формируется начиная с 1921 года. Следует заметить, что этот элитаризм в руководстве партией вызывал активное противодействие, он подвергался критике группами «демократического централизма» и особенно «рабочей оппозицией». Отметим, что

[20] См. подробнее: Кислицин С.А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов н/Д., 1995.

брошюра Троцкого «Новый курс» была отчасти посвящена проблемам взаимоотношения партийной элиты и партийной молодежи, где ставились вопросы обновления и омоложения партийной элиты как средства борьбы против обюрокрачивания партаппарата, оторвавшегося от масс. Брошюра эта подлила масла в огонь внутрипартийной дискуссии и настроила против Троцкого большую часть партийной элиты.

Известный меньшевик А. Потресов выявлял различия между «первоначальным большевизмом эпохи революционного романтизма» и большевизмом, оказавшимся у власти, в котором отчетливо проявились черты бюрократического, авторитарного управления обществом: «Когда революционная волна окончательно спала и народ был взнуздан и оседлан новым господином, первоначальный большевизм быстро закончил свое развитие, превратив рабочие и крестьянские Советы в намалеванные декорации и консолидировавшись в независимую по существу от народа бюрократическую пирамиду... Первоначальное ядро убежденных большевиков, этой своеобразной породы фанатиков на подкладке революционного авантюризма и нечаевской неразборчивости в средствах — что дальше, то больше — и все сильней обрекается на ассимиляцию этой новой сменой людей, воспитанных не революционным подпольем и революционным хаосом, а атмосферой бесправия в обстановке консолидированного режима бюрократии»[21].

С болезнью и смертью Ленина начался раскол в партийно-государственной элите, острейшая междоусобная борьба; сначала борьба большинства членов Политбюро — Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова — против Троцкого и его сторонников, затем пришла очередь быть жертвой Зиновьеву, Каменеву и их группировке; наконец, большинство нового состава Политбюро во главе со Сталиным разгромило Бухарина, Рыкова, Томского и их сторонников. Как известно, итогом этой борьбы было установление единоличной диктатуры Сталина.

Имеется гигантская библиография работ, пытающихся объяснить феномен Сталина, но эти книги оставили множество «белых пятен». В контексте элитологии особенно важно обратить внимание на один аспект, связанный с проблемой, поставленной М. Вебером, — харизмы и особенно — наследование харизмы. Думается, что Сталин не был столь образованным человеком, чтобы читать

[21] Потресов А.Н. Дорога через абсурд // Новое время. 1992. № 36. С. 57.

М. Вебера (в отличие от трудов Н. Макиавелли: в его библиотеке найден экземпляр «Государя» с многочисленными пометками Сталина). Но он смог интуитивно понять суть проблемы, теоретически решенной Вебером, — легитимизации власти нового харизматического лидера, легитимизации наследования харизмы. Для этой легитимизации Сталину нужно было доказать, что харизматическое наследство Ленина перешло к нему. Однако старшее поколение большевистской элиты знало, что это не так. Но тем хуже было для этого поколения. Сталину нужно было освободиться не просто и не только от соперников, но и от целого поколения первой советской элиты, знавшего, что Сталин отнюдь не был ближайшим соратником Ленина. Значит, нужно было создать миф о легитимности передачи харизмы. И Сталин его создает начиная со знаменитой клятвы на похоронах Ленина: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал... И мы клянемся, что выполним эту заповедь...» Кстати, чтобы инициатива не была перехвачена Троцким, Сталин дезинформировал того о дате похорон (и тот, будучи на Кавказе, не успевал на похороны). От нескольких поколений молодых коммунистов скрывали «Письмо к съезду», в котором Ленин предлагал заменить Сталина на посту генсека. И Сталин и его приспешники создали не просто легенду, а целую мифологию, обосновывающую легитимность перехода харизмы от Ленина к Сталину, целый псевдофольклор типа вошедшего в хрестоматии того времени стихотворения: «...Два сокола ясных вели разговор. И соколов этих все люди узнали. Первый сокол — Ленин, второй сокол — Сталин». Была создана знаменитая киноленинниана 30-х годов, в которой Ленин появляется в самые драматические моменты в сопровождении Сталина, советуется с ним по самым важным вопросам. Получалось, что Ленин и Сталин были не разлей вода. И эту ложь старая партийная элита не могла принять, и она была обречена.

В беспрецедентных в мировой истории репрессиях сыграл свою роль сталинский восточный менталитет. Как происходили типичные дворцовые перевороты в восточных странах? Например, сын султана (особенно не старший сын, не имевший прав на трон) втягивает в заговор против султана часть дворцовой гвардии (в Турции — янычар). Но после убийства султана новый султан чувствует свою зависимость от тех янычар, которые осуществили заговор. Тогда он освобождается от ненужных свидетелей, приказывая казнить янычар, участвовавших в заговоре. А затем — казнить тех янычар, которые убили предшествующую группу янычар. И когда все прича-

стные к заговору — прямо или косвенно — уничтожены, султан чувствует себя прочно сидящим на троне. Собственно, и Сталин чувствовал себя уверенным и абсолютным властителем, когда он волна за волной уничтожал или «прочесывал» ненадежную элиту.

Многие полагают, что причина прихода Сталина к власти — его хитрость, коварство, жестокость. Это — версия ряда историков, публицистов, психологов. Не отрицая их суждений, попытаемся выяснить, нельзя ли социологически и политологически расшифровать причины победы Сталина — далеко не самой яркой фигуры в Политбюро — во внутриэлитной борьбе партийной верхушки. Именно Сталин понял, что самый перспективный путь прихода к власти в партии — сделать ставку на становящейся наиболее влиятельной частью партии слой — на верхушку партийной бюрократии, ее политико-административную элиту. Через орготдел ЦК, который он курировал (им руководили его ставленники В. Молотов и Л. Каганович), он особое внимание уделял подбору и выдвижению руководящих кадров — особенно секретарей обкомов, крайкомов, ЦК союзных республик, которые ex officio становились кандидатами в члены и членами ЦК партии. Это и принесло ему успех — постепенно он стал контролировать большинство членов и кандидатов в члены ЦК, что и позволило ему убрать со сцены всех своих соперников.

По отношению к элите Сталин действовал методом не только кнута, но и пряника. Он явился подлинным создателем развитой системы номенклатурных привилегий, которая лишь конкретизировалась, несколько видоизменялась следующими поколениями советской элиты. Эта система включала элитное жилье, спецмагазины и спецстоловые, спецбольницы, «пакеты» (вторая «секретная» зарплата, не облагаемая налогами) и т.д. М. Восленский считал, что именно Сталин создал номенклатуру, при помощи которой он и управлял страной. Джилас считал, что именно он является создателем и главой «нового класса». Поняв, что старую партийную элиту невозможно трансформировать в послушный инструмент своей воли, он ее уничтожил. Пиком террора была ежовщина. В результате того, что в ходе репрессий «ленинская гвардия», элита первого поколения была большей частью ликвидирована, преемственность между первым и вторым поколениями советской элиты была в значительной мере прервана. Уничтожены были не только антисталинисты и инакомыслящие, но, по существу, в целом генерация ленинской элиты. Сталину нужна была

элита не просто лояльная, но готовая идти за вождем в огонь и воду, горячо одобрять все его начинания (в том числе и новые репрессии по отношению к самой элите). Сформированная из низов новая элита обеими руками держалась за обретенную власть, защищала свой новый статус.

П. Сорокин, изучавший процесс взлета и падения элит (он предпочитал использовал термин «аристократия»), писал, что быть элитой в монархии Романовых (Габсбургов, Гогенцоллернов) означало иметь самый высокий социальный ранг. «Падение династий привело к «социальному падению» связанных с ним рангов. Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены en masse были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией»[22]. (Последнее положение представляется неточным, политической элитой стали не все члены партии, а ее верхушка. — *Г.А.*). Приведем мнение другого русского политолога и эмигранта Г. Федотова, который пишет в статье «Создание элиты»: «Новый правящий слой, который сформировался в России и уже резко отталкивается от народной массы, связан исключительно с государством... при всех усилиях его цивилизации он остается совершенно варварским»[23]. Разумеется, суждения Федотова весьма субъективны. Гораздо интереснее сравнение им первого и второго поколений советской элиты: «Первый полуинтеллигентский слой сподвижников Ленина: все эти Луначарские, Каменевы, Троцкие... не оставались чужды культуре XX века. Сталин от нее совершенно свободен, как и тот низовой полуграмотный слой, который он вызвал с собой к власти»[24]. Имели ли основания эти суждения? Расправившись со старой гуманитарной интеллигенцией, в числе которой было немало выдающихся ученых мирового масштаба, частью выслав их из страны, частью репрессировав, новый режим заполнял вакуум новобранцами — выпускниками рабфаков, Комакадемии, Института красной профессуры. Научный и нравственный уровень этого слоя резко снизился. Однако это не относилось в такой мере к технической интеллигенции. Задачи

[22] Сорокин П.А. Цит. соч. С. 375.

[23] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. С. 217.

[24] Там же. С. 109.

модернизации промышленности России требовали высокопрофессиональных специалистов, и технократически ориентированные руководители советского правительства создавали условия для деятельности технической интеллигенции, устанавливая им высокие оклады, хотя и они не избежали репрессий (процесс «Промпартии» и др.).

В период «большого террора» были уничтожены миллионы людей. Только к 1937 году из 2,8 млн членов партии было арестовано свыше миллиона и две трети из них расстреляны. Террор продолжался вплоть до смерти Сталина. Это был, как считает Р. Медведев, геноцид большевистской элиты.

В результате сталинских преобразований политической системы страны и особенно ее элиты были ликвидированы следы всякой оппозиции, установлен тоталитарный режим, элита сталинистов сформировалась по принципам личной преданности вождю и страха перед ним. Народные массы, в том числе рядовые коммунисты, были полностью отстранены от решения кадровых проблем, которые были прерогативой парткомов и их лидеров. Партия из революционной трансформируется в управленческую, превращается в важнейший элемент политического управления, это было огосударствление партии де-факто. Руководство партии превратилось в полузакрытую элиту, стоящую над обществом, ее управление носило директивный, командный характер.

Сталинская элита была жестока, беспощадна по отношению к своему народу, да и к самой себе... Тем не менее она смогла мобилизовать массы на модернизацию страны и добиться несомненных успехов (второе место в мире по объему производства, победа в Великой Отечественной войне), пусть ценой колоссальных жертв. Советская элита доказала, что авторитарные и тоталитарные методы могут дать результаты на определенном этапе, в условиях мобилизационного типа развития. Именно в условиях сталинской тоталитарной диктатуры сложились механизмы власти советской элиты, которые в дальнейшем пытались модернизировать, либерализировать, но их основы остались неизменными; их пролонгация привела к загниванию всей политической системы, к застою, а попытки отойти от них привели в конечном счете к краху системы.

Переход от второго к третьему поколению советской элиты был менее крутым, не означал разрыва между поколениями, но был по-своему драматичен. Достаточно сослаться на XX съезд КПСС, доклад на нем Хрущева с разоблачением культа Сталина и последую-

щий период «оттепели». Некоторая либерализация режима показалась опасной элите сталинистов, и они сделали в 1957году попытку дворцового контрпереворота. Его провал связан с тем, что Хрущев, контролируя секретариат ЦК и орготдел ЦК, привлек на свою сторону большинство членов и кандидатов в члены ЦК и рядом маневров добился того, что вопрос решался не на Политбюро, контролируемом сталинистами, а на пленуме ЦК КПСС, закончившимся разгромом группы Молотова, Маленкова, Кагановича и др. сталинистов.

Десятилетие руководства Хрущева интересно для элитологов и в разрезе взаимоотношения авторитарного лидера и элиты. В течение этого десятилетия он изгонял с командных постов явных сталинистов, выдвигал на их места своих людей. Каково же было удивление и горькое разочарование Хрущева, когда его в 1964 году предали его же выдвиженцы. А удивляться было нечему: социология элиты убедительно разъясняет это положение, показывая, что групповые интересы элиты приоритетны в системе ценностных ориентаций ее членов. Партократическая элита была недовольна постоянными экспериментами Хрущева по переструктурализации партийного и государственного аппарата (разделение обкомов и райкомов на промышленные и сельскохозяйственные, образование совнархозов и т.д.), которые сильно нервировали элиту, порождали неуверенность в ее будущем. Иначе говоря, групповые интересы возобладали над личной преданностью лидеру.

Элитный «дворцовый переворот», вознесший на вершину власти Брежнева, был переворотом элиты и для элиты. Организационные преобразования брежневского ЦК по сути своей были всего лишь откатом от хрущевских реформ и кое в чем были аналогичны известному указу Екатерины II «О вольности дворянской», эти преобразования укрепляли всю иерархию номенклатурных элит, расширяли их полномочия, увеличивали их бесконтрольность, приведя к огромному росту коррупции (впрочем, справедливость требует отметить, что процесс этот начался в предыдущем десятилетии, а также то, что уровень коррумпированности потсоветской политико-административной элиты значительно превзошел уровень коррумпированности «элиты застоя), к опасному для государства расширению теневой экономики. Для этого периода особенно характерна тенденция прихода к власти целых кланов, полумафиозных группировок, типа «днепропетровской мафии» Брежнева; группировки держались на взаимной поддержке и взаимном покрыватель-

стве, своего рода круговой поруке. В особо открытых и беззастенчивых формах власть клановой элиты реализовывалась в союзных республиках Средней Азии, Закавказья, в ряде регионов страны.

Загнивание, застой общества начался именно с загнивания, деградации элиты. Именно к этому периоду относятся многочисленные скандалы, связанные с семьями Брежнева, Щелокова, других представителей партократической элиты.

Застою этого слоя способствовало резкое уменьшение мобильности элиты — как горизонтальной, так и в особенности вертикальной, — типичные черты стагнации, которые привели к власти элиту геронтократии, неспособную принимать неординарные решения и всеми силами стремящуюся лишь к пролонгации своего господства. Люди, занимающие высшие посты в партии и государстве, стали фактически несменяемыми, они умирали, занимая высокие посты. Менее чем за три года страна торжественно похоронила трех генсеков. Конечно, не геронтократическая элита, не ее коррупция и связанные с ней скандалы — причина застоя, это — ее пена, один из его симптомов, но симптом характерный (подобно распутинщине при Николае II). Брежневско-андроповско-черненковская элита одряхлела не только по возрасту, но и по своим убеждениям, по своему менталитету, явно не вписывающемуся в потребности развития страны. Застой — это упадок страны, но вместе с тем это праздник, это лучшие годы партократической элиты. Пышным цветом расцвели семейственность, низкопоклонство, лесть по отношению к начальству.

Кто был оптимальным политическим лидером правящей элиты в СССР? Думается, не Сталин, хотя он внес наибольший вклад в ее создание, наводил на нее панический страх своим чудовищным террором; не Хрущев, который пугал ее своими экономическими и политическими импровизациями; тем более, разумеется, не Горбачев, (он рассматривался большинством партократической элиты как предатель корпоративных интересов); скорее всего, им был Брежнев (и его бледная тень — Черненко), который максимально расширил вольности этого слоя.

Хотя постсталинская элита продолжала ностальгически вспоминать «отца народов», в душе она вздохнула с облегчением, потому что избавилась от кошмара возможного ареста, пыток, расстрелов. Постсталинская элита отказалась от перманентных репрессий, угрожавших ей самоистреблением. Как мы видели, смены элит в середине 50-х годов — сталинской на реформаторскую — не про-

изошло, это во многом связано с тем, что народ продолжал оставаться пассивным, сломанным сталинскими репрессиями и идеологической машиной, да и сама постсталинская элита была плотью от плоти сталинизма и боялась радикальных сдвигов. Попытки Хрущева и Косыгина реформировать управление страной и особенно ее экономикой встретили упорное сопротивление элиты, которое они не смогли преодолеть. Изменилась структура отношений между политическим лидером и элитой. Сталин стоял вне и над элитой. Брежнев был первым среди элиты, он был «свой». Коллективное руководство, сформировавшееся при Хрущеве и получившее наибольшее развитие при Брежневе, означало максимум власти верхушки правящей элиты (при минимуме ответственности).

Время третьего поколения советской элиты — это время институтизации и, как сказал бы М. Вебер, рутинизации ее власти. Были четко зафиксированы механизмы передвижения на руководящие должности, расписаны привилегии, которые имели члены элиты того или иного уровня. Стабильность брежневской элиты, ее закрытость перешли в стагнацию. В период застоя был спрос на серость, заурядность: элита застоя не была заинтересована в том, чтобы выдвигать к руководству талантливых, высокообразованных и тем более неконформистских лидеров (они слишком контрастировали бы с этой элитой застоя). К началу 80-х годов анемия верхов была похожа на анемию элиты царизма накануне революции. А поскольку больше всего советская элита стремилась к пролонгации своей власти, в структуре советской политсистемы не существовало легитимных путей и традиций смены элит. Отчасти и поэтому курс горбачевской реформаторской элиты на перестройку был полностью неподготовленным.

Перестройка была необходима для элиты, для ее самосохранения; Горбачев в действительности был не предатель советской элиты, как полагали многие ее члены, он попытался использовать последний шанс для того, чтобы ее спасти. Перестройка была неизбежна потому, что, если воспользоваться формулой Ленина, верхи не хотели, а низы не могли жить по-старому. Перестройка объективно, независимо от намерений ее инициаторов, с самого начала ориентировалась не на ликвидацию власти правящей элиты, но на ее трансформацию, даже «облагораживание». Но перестройка при всей ее непоследовательности посягала на привилегии этого слоя. Его положение было глубоко противоречивым. С одной стороны, курс на демократизацию и гласность подрывал ее устои, с другой —

это слой, существовавший для того, чтобы проводить «установки сверху» (во всяком случае, таким его и создал Сталин), не смел открыто выступить против перестройки, ибо само его существование зависело от лояльности курсу, провозглашенному генсеком. Шесть с лишним лет перестройки были периодом резких персональных изменений в правящей элите общества, но она сохранялась как та же социальная группа. Партократическая элита по-прежнему сохраняла свою власть. И получалось, что перестройку воплощали в жизнь люди, для большинства которых она была как кость в горле. И уже только по этой причине перестройка была обречена.

Проводя свои политические преобразования, Горбачев опирался на уже существовавшие политические структуры и властные механизмы, внося в них персональные изменения. Он повторил ошибку Хрущева, о которой мы говорили выше (похоже, собственная история ничему не учит наших лидеров, в том числе и нынешних: достаточно сопоставить афганскую и чеченскую войны). И с ним произошло в августе 1991 года то же, что с Хрущевым в октябре 1964-го. Горбачева предало его же ближайшее окружение. Опять-таки корпоративные интересы элиты оказались определяющими.

Выявилась и еще одна существенная ошибка Горбачева — легковесность решения им проблемы сколачивания своей команды, своего ближайшего окружения, своей «внутренней партии», как бы сказал Дж. Оруэлл (тут, впрочем, более уместен термин, который использовала бывший представитель США в ООН политолог Джин Киркпатрик, — «президентская элита» — люди, являющиеся ближайшими соратниками лидера[25]). Горбачеву так и не удалось создать действительно сплоченную команду, безоговорочно преданную лидеру, понимающую его с полуслова[26]. Ему показалось достаточным, что партаппаратчики проявили лояльность генсеку (а что, собственно, им оставалось делать, если они хотели сохранить свои посты?) и, продвигая одних номенклатурщиков на несколько ступенек вверх, он полагал, что гарантировал их действительную лояльность, и ввел в политическую элиту лишь минимальное число неноменклатурщиков.

Собственно, всякий раз с избранием нового генсека перестановки в элите были неизбежны, каждый из них опирался на соб-

---

[25] Kirkpatrick J. The New Presidential Elite. N.Y., 1976.

[26] См. подробнее: Политические процессы в условиях перестройки / под ред. О.В. Крыштановской. М., 1991. Вып. 1. С. 8–27.

ственное ближайшее окружение, свою команду. Если Сталин сколачивал свою команду семь лет, Хрущев и Брежнев — боле трех лет каждый, то Горбачев наскоро сколотил ее за год, а затем постоянно менял ее состав. Зато он произвел наиболее радикальные перестановки в элите за предыдущие пятьдесят лет — со времени сталинских чисток. Кроме того, он снимал с постов своих собственных выдвиженцев (министра обороны Соколова, первого секретаря МК Ельцина, секретаря ЦК Добрынина), отправил в отставку подавляющее большинство тех, с кем он начинал перестройку. За годы перестройки ЦК КПСС обновился почти на 90%!

Особенно велики были перемещения внутри партийной и государственной элиты в 1989–90-х годах. Целые группировки и кланы старой элиты лишались своих постов. Это было глубочайшее потрясение правящей элиты, но тем не менее все же не было ее заменой, в социальном плане это не было сменой элит. Однако эти перемещения подорвали авторитет номенклатурной элиты, ее властные позиции.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ДИНАМИКА КАДРОВЫХ ПЕРЕСТАНОВОК В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ БРЕЖНЕВА И ГОРБАЧЕВА (чел.)[27]

		Годы правления					
		1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Брежнев	Выведены из состава Политбюро и Секретариата	2	2	3	–	–	–
	Введены в состав Политбюро и Секретариата	1	4	7	–	–	–
Горбачев	Выведены из состава Политбюро и Секретариата	2	6	4	6	5	21
	Введены в состав Политбюро и Секретариата	5	7	2	3	9	25

[27] Политические процессы в условиях перестройки // под ред. О.В. Крыштановской. М., 1991. Вып. 1. С. 10.

Сам Горбачев был выдвиженцем Андропова, он состоял в его команде и долгое время считал, что люди Андропова теперь, после его выдвижения на генсека, стали «его людьми», именно их он оставлял на руководящих постах (во всяком случае, до 1989 года), «вычищая» людей Брежнева и Черненко. Но политические курсы Андропова и Горбачева — это существенно разные курсы, и по радикальности, и по степени демократизации режима, которую они могли допустить. И люди из команды Андропова, доставшиеся по наследству Горбачеву, были не менее напуганы возможными последствиями перестройки для номенклатурной элиты, чем другие члены последней, «вычищенные» Горбачевым. Когда второго секретаря обкома Горбачев делал первым, когда секретаря обкома Горбачев делал секретарем ЦК КПСС, это еще не значило, что они будут ставить преданность патрону выше, чем интересы своей социальной группы — элиты партократии.

К концу срока своего руководства страной Горбачев начал осознавать этот факт и принял ряд решений о разработке механизмов передачи ряда властных полномочий от парткомов к Советам народных депутатов и трудовым коллективам. Начинается процесс ослабления роли Политбюро и Секретариата ЦК КПСС и, соответственно, нижестоящих парткомов. Горбачев вызывает дружную ненависть со стороны партократической элиты, которая сочла его предателем в собственном стане. Передача ряда властных полномочий от КПСС к Советам и другим общественным организациям была ударом по монополии партии на политическую власть. Это вылилось в переход центра власти от ЦК КПСС к Съезду народных депутатов, к отмене пресловутой 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, демократизации избирательной системы (выборам на альтернативной основе). От такого удара партократическая элита уже не смогла оправиться.

Начиная реформы, Горбачев понимал, что они опасны для властной партократической элиты, интересы которой он выражал (подобно тому, как Александр II — первый крепостник России — освобождал крестьян вопреки воле большей части помещиков). Но перестройка осуществлялась для того, чтобы спасти больную систему и вместе с тем спасти и сохранить правящее сословие или правящую элиту.

Семидесятилетняя история советских элит претерпела две главные трансформации — сталинскую мясорубку и перестройку. Причем обе эти трансформации были изменениями внутри одного

качества. Крах перестройки означал крах советской элиты, после него на повестку дня был поставлен вопрос о смене элит. Горбачев изменил политический курс страны, осуществил глубокие изменения (персональные) в составе политической элиты, и все же это не было сменой элит. Удалось ли осуществить смену элит в постсоветский период? Это будет предметом анализа в следующей главе.

Семидесятилетняя история советской элиты показала, что ей удалось выполнить определенные задачи, возникшие на первом этапе модернизации страны — на этапе движения к индустриальному обществу, в период экстенсивного роста промышленного потенциала страны; ей вообще удавалось решать задачи в условиях чрезвычайного положения — революции, войн, задач мобилизации масс на широкие социальные действия: индустриализацию, коллективизацию. Но эта элита не смогла выдержать испытание демократией, она была неспособна перестроиться на демократических основах, это было бы для нее самоубийством. Ослабление роли партаппарата в период перестройки[28] ослабило его контроль над региональной и республиканской элитами, которые становились все менее управляемыми, все более автономными от центра, что раскачивало весь каркас властных отношений в стране и вылилось в распад Советского Союза.

Выполнив определенные задачи первой волны модернизации (индустриализации страны), эта элита не смогла ответить на вызов второго этапа модернизации, на вызов постиндустриального общества (проиграв соревнование с Западом в условиях научно-технической революции). К сожалению, на вызов постиндустриального информационного общества не смогла ответить и нынешняя постсоветская элита.

Итак, мы рассмотрели коротко историю советской элиты; мы видели, что Октябрьская революция привела к коренной смене элит. Но обязательно ли новая элита оказывается лучше старой? Один из лидеров кадетов, выступая в Государственной думе незадолго до революции 1917 года, говорил о том, что худшего, более некомпетентного правительства быть не может. С тех пор на протяжении многих десятилетий нашей последующей истории вплоть

[28] Обратим внимание на то, что все теоретики компартии, все ее лидеры от Ленина до Черненко говорили о необходимости возрастания роли партии в жизни страны и лишь Горбачев, на словах повторяя этот идеологический штамп, привел к уменьшению этой роли. — *Прим. авт.*

до нашего времени мы не раз могли убедиться, как он недооценил тогда наши возможности...

Поскольку у новой советской элиты катастрофически не хватало квалифицированных кадров, а прежняя элита либо эмигрировала, либо была подвергнута репрессиям, была расширена социальная база рекрутирования элиты за счет рабочих, крестьян, маргинальных слоев, люмпен-интеллигенции, но качество этой элиты было весьма низким. Г. Федотов назвал власть этой элиты «диктатурой худших».

Известно, что правящий класс создает механизм своей политической власти, своего социального и морального влияния, получивший на Западе весьма емкое определение — «истеблишмент», и только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыками управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его интересы. Поэтому качество правителей — важнейший индикатор здоровья политической системы. На это обращали внимание многие мыслители, в том числе Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, который утверждал, что, если коэффициент интеллектуальности (IQ) падает ниже критической черты, это важнейший показатель упадка страны. Показатель этот у советской элиты был низким (хотя его, разумеется, никто не измерял, и это суждение подкреплено лишь косвенными данными), и особенно это относится к эпохе застоя. Впрочем, и в 1994 году депутат Госдумы Б. Федоров утверждал, что средний уровень интеллекта по стране выше, чем в правительстве и в Думе[29].

Лишь в начале своего правления советская элита была элитой революционеров и реформаторов, ориентированных на радикальные преобразования. В дальнейшем она становится все более консервативной, что особенно выявилось в период застоя, который был периодом деградации элиты, ее старения, характеризовался крайне низкими темпами ротации, недопущением в нее ярких, неконформистских лидеров. Когда явную роль в элите начала играть ее реформаторская часть, перестройка выполнила и функцию омо-

[29] Известия. 1994. 22 ноября. Отметим, что в период застоя рекрутирование элиты утратило свой мобилизационный характер во имя кадровой стабильности. Получил широкое распространение отрицательный отбор, когда лидер не давал дорогу опасным конкурентам.

ложения одряхлевшей элиты застоя (бóльшая часть которой была, наконец, отправлена на пенсию).

Советская элита жестоко эксплуатировала народные массы, и уровень этой эксплуатации был значительно выше, чем уровень эксплуатации трудящихся в капиталистических странах Запада. Н.А. Бердяев писал: «Новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы»[30]. Об этом же писала группа итальянских политологов в фундаментальном исследовании «История марксизма»: «...Все разраставшаяся бюрократия требовала себе особых функций, особого положения и раздувания роли "новых мандаринов" — партаппаратчиков, ответственных работников»[31].

Любой господствующий класс идеологически оправдывает и обосновывает свое господство — ссылками на Бога или на традиции, порой даже на социальную справедливость. Советская элита, этот «новый класс», пошла дальше, она, как правильно отмечал М. Восленский, скрывала самое свое существование; в официально опробированной советской идеологии этого класса или социальной группы не существует, есть только два дружественных класса и прослойка интеллигенции. И особенно тщательно эта элита скрывала свои привилегии — спецраспределители и спецжилье, высокие оклады и спецдачи — все это было возведено в ранг государственной тайны.

Особенность «нового класса», как мы видели, заключалась в том, что эксплуатация им народных масс осуществлялась не посредством частной собственности на средства производства, но посредством коллективной собственности этого класса. Поэтому изгнание члена элиты из этой группы означало и лишение его той части государственной собственности, которая находилась в распоряжении элиты. То же самое происходило в случае смерти члена этой элиты — ибо дети не наследовали посты своих родителей (это позитивный момент советской элиты, которая не докатилась до положения дел в Северной Корее, где это наследование произошло); даже существовала негласная установка на то, что дети высшей номенклатуры не назначаются на высшие номенклатурные должности, обычно они шли в другие, также престижные

[30] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 175.

[31] Storia del Marxismo. G. Einaudi (ed.). Torino, 1981. P. 44.

сферы деятельности. Кстати, такое положение дел не устраивало значительную часть этой элиты. Еще Моска писал, что каждая элита рано или поздно стремится превратиться в наследственную. Советская элита испытывала неудовлетворенность от того, что не могла передать основную свою собственность по наследству (поскольку это была государственная собственность, которой она бесконтрольно распоряжалась), и она все более стремилась превратить себя в элиту собственников, или, как говорят многие политологи и экономисты, «разменять власть на собственность», — что, вообще говоря, неточно выражает суть дела. Сама элита рассуждала несколько иначе: зачем менять власть на собственность, когда можно совместить то и другое; поэтому в период перестройки она использовала свое исключительное положение для того, чтобы стать собственником средств производства. Именно в конце перестройки старая элита, осознав неминуемость перехода к рынку и не желая оказаться на обочине, стремилась сохранить свое положение, дополнив власть богатством.

Эволюция и перерождении советской правящей элиты привело ее в конце 80-х – начале 90-х годов к обмену политической власти на собственность, на материальные блага, накопленные обществом. А. Зиновьев называет элиту этого периода «поколением предателей», разменявших высокие идеалы на материальные блага. Е. Гайдар, бывший и.о. премьер-министра, естественно, придерживается другой точки зрения: если у тебя есть власть, есть и собственность; если нет власти — так у тебя и собственности не будет[32].

До распада СССР западные советологи много лет дискутировали вопрос о том, была ли советская элита единой, монолитной, или же имел место элитный плюрализм и соперничество политической, экономической и других элит. В конце перестройки к этой дискуссии присоединились и российские политологи. Одни из них поддерживали точку зрения Джиласа о том, что партократия — определяющая сила в структуре элиты, другие, в частности свердловский политолог Л. Андреев, полагали, что такой силой является технократия, а политическая бюрократия вынуждена выполнять ее волю; один из аргументов заключался в том, что, какие бы решения ни принимали съезды партии и пленумы ЦК, они не выполнялись, если противоречили технократическим установкам элиты.

[32] Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Изд-во «Еразия», 1995.

Отметим, что в годы перестройки выявился раскол в советской элите на реформаторов и консерваторов; собственно, раскол в правящей элите постоянно сопровождает кризисные явления в экономике и политике. После краха советской элиты вопрос о ее монолитности или плюрализме представляет лишь академический интерес. В полной мере плюрализм элит выявился в постсоветский период.

Таким образом, хотя перестройка привела к беспрецедентным изменениям в составе элиты, она не была сменой элит, она была трансформацией той же самой элиты. Партноменклатурная система не могла не пасть, ибо она была не в состоянии ответить на вызов времени. Ее коренной порок — в самом монопольном положении партии, которая устраняла конкурентов и критиков и тем самым лишила элиту условий для нормального развития, привела ее к деградации.

Партноменклатура была не в силах отказаться от неограниченной, бесконтрольной и поэтому растлевающей власти (ибо для нее это было равносильно самоубийству). Смена элит осталась на повестке дня. Одним из результатов перестройки была конвертация власти правящей элиты в собственность. А далее на повестку дня поставлена конвертация собственности во власть. Августовский путч выявил момент истины. Партийно-бюрократическая элита, позиции которой оказались подорванными, попыталась взять реванш. Верхушка бюрократии — как в центре, так и в республиках и регионах, — была в своем большинстве на стороне путчистов, она и была главной движущей силой путча. Ясны и причины, по которым эти люди, поставив на карту свою карьеру, пошли на авантюру: они почувствовали, что почва уходит у них из-под ног. Ликвидация путча привела к снятию главнейшего тормоза социального развития общества, сковывающего энергию и активность народных масс. Псевдореволюционная «перестройка сверху» могла перейти в подлинно революционную «постперестройку снизу», создав активные предпосылки для демократических преобразований. Однако эти возможности не были реализованы.

ГЛАВА

14 ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭЛИТА. ПРОИЗОШЛА ЛИ СМЕНА ЭЛИТ?

Подавление путча сломало становой хребет партократической элите, порожденной тоталитаризмом. Но свято место пусто не бывает. Властные позиции занимает посттоталитарная элита. Что же она собой представляет? Чем отличается от предыдущей и что у них общего? А то, что это общее есть, подтверждается хотя бы тем, что многие члены новой элиты перешли в нее из старой, а также тем, что во многом она наследовала командно-бюрократический стиль прежней элиты, ориентацию на вертикальное управление, а не горизонтальное.

Постсоветскую элиту ряд политологов поспешил назвать демократической. Однако, на наш взгляд, это было несомненное забегание вперед. Во-первых, политическая система, пришедшая на смену советской, далеко не всегда и совсем не обязательно должна была быть демократической. Она может быть, в частности, авторитарной (что еще в 1989 году отмечали наши известные политологи И. Клямкин и А. Мигранян), как случилось с большинством союзных республик, ранее составлявших СССР, например с Таджикистаном. Кроме того, скоро явственно обнаружилось, что различия между старой и новой элитами не столь велики, как это ожидали многие политологи. И это объяснимо. И та, и другая элиты состоят из людей, воспитанных в условиях долгих десятилетий господства авторитаризма и тоталитаризма, которые порождали определенную ментальность, определенные привычки и стереотипы поведения. (А соперничество этих элит еще не означает их полярную противоположность; порой близкие по целям или по структуре элиты конкурируют особенно ожесточенно. Некоторые политологи не без оснований считают, что понадобятся годы и десятилетия для воспитания новой, подлинно демократической элиты.

Политическая культура не только старой, но и в значительной мере новой элиты отражает уровень политической культуры

[1] Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1; Ashin G. A Change of Elites // Sociological Research. 1996. Vol. 35. № 1. P. 55-70.

предшествовавшей политической системы, в которой политическая апатия людей легко перерастает в политический экстремизм. Демократические черты, которые присущи части новой элиты, должны еще долго развиваться. В этом плане интересны наблюдения Стефана Вильковича, польского политолога, пишущего о польском опыте демократического развития. Он отмечает, что демократии в обществе (в том числе, очевидно, и у элиты) ровно столько, сколько демократической культуры. А ее усвоение — длительный процесс. Он может развиваться в нужном направлении, если его участники признают себя учениками в области демократии и не будут считать себя демократами только потому, что боролись с ее врагом — тоталитаризмом. «Борьба с тоталитаризмом вовсе не является — по крайней мере, не обязательно является — школой демократии, бывает даже наоборот. Так во время этой борьбы демократические учреждения не могут правильно развиваться, а кроме того, почти всегда происходит какое-то заражение злом, характеризующим противника»[2]. Вспомним в этой связи такого «борца против тоталитаризма», как З. Гамсахурдия.

Таким образом, новую элиту можно считать демократической лишь условно, либо же как норматив, имея в виду, что создание демократической элиты — задача развития политической системы нашего общества. Поэтому возникает необходимость уточнить термин «демократический» по отношению к нынешней постсоветской России. Ведь вплоть до августа 1991 года этот термин имел у нас вполне конкретное (и весьма специфическое) содержание, объединяя различные силы, выступавшие против монополии на власть партноменклатуры КПСС. Однако ныне, когда это положение ушло в прошлое, необходимо, чтобы термин «демократический» обрел у нас новое, собственное содержание. Антикоммунизм не может быть основанием для отнесения его сторонников к демократам, среди антикоммунистов мы находим порой таких же сторонников диктатуры, например тот же Гамсахурдия или таджикские и узбекские фундаменталисты. Поэтому правильнее заменить в этом контексте термин «демократическая элита» более нейтральным — «постсоветская элита».

В пользу такого уточнения понятий можно добавить и еще ряд аргументов. Демократия — это власть народа, и ее сторонники —

[2] Новый мир. 1992. № 1. С. 200.

те, кто выражает думы и чаяния народа. Тогда можно ли считать «демократической элитой» тех, чья политика привела к драматическому падению жизненного уровня народа, что дает основания подозревать, что эта элита выражает интересы не народа, а быстро обогащающегося меньшинства (зачастую, криминально обогащающегося)? Постсоветская власть воспринимается народом, как показывают многочисленные социологические опросы, проводившиеся в 90-х годах, как «чужая власть» (слова известного, ныне покойного публициста Ю. Буртина), как власть узкой элитной группы, «приватизировавшей» государство.

По отношению к России XX века «не работает» один из наиболее принятых в социологии критериев отнесения людей к элите общества, под которой разумеется группа людей, ценности и модели поведения которых приняты в обществе в качестве образцовых (и, таким образом, элита выступает как референтная группа для большинства населения). Именно исходя из этого ценностного подхода, ряд социологов и особенно культурологов и публицистов утверждают об отсутствии элиты в России, в частности, в годы коммунистического правления, когда, по Г. Федотову и П. Сорокину, осуществлялась власть худших[3]. Некоторые социологи и сейчас не без оснований полагают, что правящий слой постсоветской России еще не дорос до того, чтобы называться элитой[4].

---

[3] Аналогичную позицию занимал лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек, который доказывал, что вообще в современном массовом обществе властная группа «...скорее всего будет сформирована не из лучших, а из худших элементов любого общества... чем выше умственные способности и уровень образования отдельных индивидуумов, тем резче разнятся их вкусы и взгляды и тем меньше шансов, что они единодушно примут какую-то конкретную иерархию ценностей... Можно сказать, что наибольшее число людей может объединить только наименьший общий знаменатель. Многочисленная группа, достаточно сильная, чтобы навязать свои взгляды на основные жизненные ценности и на все прочее всем остальным никогда не будет состоять из людей с развитыми, резко индивидуальными вкусами: только люди, образующие «массу» в уничижительном смысле слова, наименее оригинальные и независимые, сумеют подкрепить свои идеалы численностью» (Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 8. С. 189).

[4] Так, один из лучших российских элитологов М.Н. Афанасьев пишет: «Властвующие группы в современном российском обществе уже не являются номенклатурой, но (еще?) не реализуют себя как элиты» (Афанасьев М.Н. Клиентарные отношения в динамике российской государственности: автореф. дис... д-ра социолог. Наук. М., 1977. С. 43). В его работе говорится о широкой и узкой трактовке понятия «элита».

Но ведь властный процесс в России не прерывался в советский период ее истории, не прерывается и в постсоветский, он осуществлялся и осуществляется определенной группой людей, и поэтому политолог, специалист по политической социологии не может не анализировать социальную страту, выполнявшую и выполняющую властные функции безотносительно к ценностным критериям, к его оценкам этой группы; иначе говоря, при анализе элитных групп (в том числе современных российских), «работающим» оказывается не ценностной, а структурно-функциональный подход.

Смена элит в современной России протекает весьма специфично и отлично от того, как она осуществляется в подавляющем большинстве других стран. Известно, что в демократических (или хотя бы в нетоталитарных странах) со свержением старой элиты, элиты деградировавшей, оказавшейся неспособной осуществлять свои властные функции, к власти приходит контрэлита, становящаяся новой властвующей элитой. Причем формирование будущей элиты (контрэлиты) происходит в недрах старой социально-политической структуры, в среде политической оппозиции. Ситуация в России и вообще в странах СНГ в этом отношении весьма специфична. В условиях тоталитарной диктатуры указанный процесс деформируется, замораживается. Семь десятилетий попытки создания оппозиционных организаций безжалостно подавлялись КГБ. Тяжелейшие репрессии обрушились на диссидентское движение, его лидеров бросали в тюрьмы и лагеря, они гибли в ГУЛАГе, либо вынуждены были эмигрировать.

Большая роль в подтачивании тоталитарного режима принадлежит правозащитному движению. Оно было малочисленно (вспомним семерку смельчаков, вышедших на Красную площадь с плакатами, осуждающими вторжение войск стран Варшавского пакта в Чехословакию в 1968 году). Однако влияние этого движения в подтачивании тоталитарного колосса нельзя преуменьшать. Хотя это была неравная борьба («бодался теленок с дубом», пользуясь словами А.И. Солженицина), но велик был ее моральный эффект. В том, что диссидентское и правозащитное движение не было организованной контрэлитой, готовой взять власть из рук рухнувшего режима, — «заслуга» не только КГБ. В диссидентском и правозащитном движении большую роль играли те интеллигенты, которые отнюдь не стремились стать новой элитой. Вхождение во власть, считают многие из них, противно самой природе право-

защитного движения[5]. И плодами победы демократических сил в 1991 году воспользовались другие люди, многие из которых просто примазались к демократическому движению.

Однако, несомненно, что репрессивный аппарат советского режима смог искусственно задержать формирование новой элиты. Этот процесс интенсифицировался лишь в конце 80-х годов. Новая элита формировалась частично в недрах КПСС из тех, кто боролся с ее консервативным большинством, и тех, кто, почувствовав новые тенденции (и новые возможности для своей карьеры), поспешил отмежеваться от КПСС и примкнуть к новым структурам, и частично — из лидеров неформальных движений. Новая элита (в отличие от старой элиты) неоднородна — как с точки зрения идеологических ориентаций, так и политического «происхождения», компетентности, профессиональных качеств. Тоталитарную политическую элиту отличало единомыслие, внешне «монолитное единство». Еретики из ее рядов безжалостно изгонялись, лишались возможности продолжать политическую карьеру. Постсоветская элита впервые оказывается плюралистичной.

Сравним данные, характеризующие некоторые качества советской и постсоветской элит. Вот так выглядит динамика среднего возраста элит 70–90-х годов. Средний возраст «брежневской когорты» — 61,8 года, «горбачевской когорты» — 54,0 года, «ельцинской когорты» — 53,1 года[6]. Омоложение элиты — это хотя и существенный, но внешний показатель перемен, происшедших в стране и ее элите, показатель возросшей мобильности элиты (ее вертикальной мобильности, так как горизонтальная мобильность, которая как раз была высока в советские годы, в 90-е годы несколько упала). Возрос образовательный уровень постсоветской элиты по сравнению с советской, заметно выше процент лиц, имеющих ученые степени; в ней уменьшилась доля лиц, имеющих техническое и сельскохозяйственное образование, зато значительно

[5] При новом режиме диссидентов и правозащитников достаточно мягко оттирают от власти, а иногда стремятся «приручить», подкупить подачками. Но близость к власти, как отмечают сами правозащитники, обычно оказывается губительной для их движения. «Что это за главный защитник прав обездоленных, пользующийся кремлевскими льготами?» — задавали они законный вопрос (Известия. 1997. 5 июня).

[6] Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1955. № 1. С. 61.

(почти в два раза) выше доля гуманитариев, особенно экономистов и юристов.

Тот факт, что в прежней политической элите абсолютно преобладали люди, получившие техническое образование, приводил порой к сильным технократическим тенденциям в социальном управлении. Достаточно сказать, что Госплан был более чем на 90% укомплектован инженерами, экономисты были редки, гуманитарии вообще отсутствовали. Такое положение в значительной мере относилось и к правительству в целом, где даже министрами культуры были по большей части люди с техническим образованием. Начиная с 90-х годов этот крен значительно выравнивается. Тенденции роста гуманитариев в политической элите посттоталитарного общества еще более характерны для стран Восточной и Центральной Европы. Социальной базой нынешней политической элиты в этих странах стала интеллигенция, причем в подавляющем большинстве гуманитарная и художественная. (Попутно отметим большую ценность сравнительного международного изучения процессов смены элит в постсоциалистических странах.) За этими статистическими данными стоят социальные сдвиги в этих странах и, соответственно, сдвиги в стоящих перед их элитами задач, изменения в их системах ориентаций.

Продолжим сравнение старой и новой элит. «Номенклатура», «неофеодальная элита» (термин М. Восленского) была элитой закрытой, элитой кабинетных интриг и подсиживаний, не умеющей общаться с рядовыми гражданами и опасающаяся их, элитой неинтеллектуальной, а порой, явно антиинтеллектуальной, умеющей лишь отдавать приказы и карать несогласных. Постсоветская элита является более открытой, она выше по своему интеллектуальному потенциалу, выдвинута в значительной мере не «сверху», а «снизу», и уже потому умеет общаться с массами. Однако после того как она пришла к власти, быстро обнаружилось, что качества, которые нужны правящей элите, сильно отличаются от качеств, необходимых оппозиционерам. Когда требуется не столько выступать с зажигательными речами на митингах, сколько управлять обществом, управлять повседневно и квалифицированно, выясняется, что новая элита сплошь и рядом не готова к этой новой роли и что под ее прикрытием реально правит та же бюрократия, для которой рутинная работа привычна и удобна. Те качества элиты, которые необходимы на первом этапе преобразований, не всегда хороши на втором, когда главное — кропотливая организационная

работа по возрождению экономики, решению социальных и культурных проблем.

Пока же новая элита, как это подтверждалось опросами общественного мнения, вызывала разочарование в народе. Все чаще высказывались мнения, что она компрометирует в глазах народа демократические преобразования начала 90-х годов, прежде всего ликвидацию монополии на власть в стране КПСС. Младореформаторы и народ говорили на разных языках. И дело не только в том, что новая элита оказалась профессионально слабо подготовленной к управленческой деятельности. Профессионализм, в конце концов, дело наживное, тем более что в составе этой элиты были способные молодые экономисты, политологи и другие специалисты. Сложнее обстоит дело с ее моралью. Новая элита сплошь и рядом не выдерживает испытания властью.

Исследователи постсоветской элиты отмечают ее низкий нравственный уровень, то, что страсть к накопительству вытесняет из их сознания идеалы демократии, что одной из причин неудач реформ в России является эгоистический и корыстный интерес этой новой элиты[7]. Элите бюрократии в принципе выгодно сохранить и законсервировать нынешнюю «полуразвороченную», как говорил Е. Гайдар в 90-х годах, систему отношений собственности в России, ибо это помогает неономенклатуре «нести ответственность» за «ничью» собственность и распоряжаться ею, использовать ее как источник собственного обогащения. В результате общество не стало демократическим, народ, как и прежде, отстранен от рычагов власти и управления, обновилась лишь элита, сменились формы ее господства (прежняя элита была однопартийной, моноидеологичной, элита 90-х годов — плюралистической и многопартийной, но уже в первом десятилетии XXI века власть в стране осуществляет Единая Россия, что скорее напоминает власть КПСС, чем демократический плюрализм тех же 90-х годов). Вот как оценивал эту ситуацию Ю. Буртин: «Осталась система эксплуатации большинства населения» правящей бюрократической элитой, «только к прежним способам такой эксплуатации прибавились новые. Царят казнокрадство и коррупция, беспредельно царствует чиновник, а рядовой человек перед ним по-прежнему бесправен... ублюдочный псевдокапитализм, результат половинча-

[7] Политико-административная элита и госслужба / под ред. В.Г. Игнатова, А.В. Понеделкова. Ростов н/Д., 1996. Вып. 2. С. 16.

тых реформ, проведенных за счет народа в пользу "обновленной" и демократизировавшейся неономенклатуры»[8]. А вот взгляд на эту же проблему со стороны. Американский публицист С. Эрлангер в газете «Интернешнл геральд трибюн» так характеризует постсоветскую элиту 90-х годов: «...Вульгарные нувороши, этот новый класс, состоящий из преступников и вельможных воров, составляет основу феодального по своей сути производства». Произошла «замена коммунистической элиты сборищем теневых бизнесменов, коррумпированных чиновников и уголовников»[9].

Новая элита, рвавшаяся к власти, раздавала щедрые обещания, формулировала привлекательные лозунги, которые на поверку оказались обманом. Так, новая элита, идя к власти, обличала «номенклатурную приватизацию», ту самую, которая в народе получила название «прихватизации», и которую начала осуществлять в конце перестройки партократическая элита. Но что пришло ей на смену? Постперестройка не только не остановила процесс номенклатурной приватизации, но лишь усилила его. Изменился только ее субъект, и возросли ее темпы. На приватизации «нагрела руки» прежде всего элита бюрократии и спевшиеся с ней представители «теневого» бизнеса. И над народом нависла невеселая перспектива превратиться из объекта эксплуатации партократической элиты в объект эксплуатации (вряд ли более гуманной) криминально-бюрократической буржуазии. В условиях транзита постсоветской политической системы субъектом политических преобразований опять-таки оказывается прежде всего элита бюрократии, в каком бы обличии — тоталитарном или «демократическом» — она ни выступала, а народ по-прежнему оказывается отчужденным от власти. Как отметил Председатель Счетной палаты С. Степашин в 2004 году, «смена форм собственности, связанная с приватизацией в 90-х годах, не привела к повышению экономической эффективности предприятий»[10], зато эта приватизация — ваучерная и денежная — привела к ограблению народа.

Новая элита шла к власти на гребне справедливой критики привилегий коррумпированной номенклатуры. Но, придя к власти, многие ее члены прежде всего стали усиленно заботиться о собственных привилегиях. Вопрос о привилегиях набил оскомину

[8] Известия.1994. 1 июня.

[9] Известия.1997. 20 марта.

[10] Аргументы и факты. 2004. № 49. С. 8.

и покрыт изрядным налетом политической демагогии. Но он принципиально важен. Дело в том, что это явление на бытовом уровне выражает определенные сущностные процессы. Борьба с привилегиями элиты — одна из козырных карт в избирательных кампаниях Б. Ельцина в конце 80-х годов, на выборах 1989 и 1990 годов. Он тщательно разыгрывал эту карту, «отказавшись» от кремлевской больницы и «записавшись» в обычную районную поликлинику или появляясь в городском транспорте и обычных магазинах. Однако вскоре выяснилось, что привилегии новой элиты были не только сохранены, но и возросли на несколько порядков, они только изменили свой адресат.

Комиссия по привилегиям Верховного Совета, созданная в конце перестройки, всегда была «лишней» для этого органа, это — кость, которую он бросил массам, помнящим об обещаниях, данных им в процессе избирательных кампаний. Комиссия, хотя и просуществовала недолго, собрала богатый материал о безнравственности правящей элиты, не только старой, но и новой. Но характерно, что прежний, советский парламент не решился ее распустить. Это сделал новый, «демократический» парламент.

Новая элита перенимает традиции стиля жизни старой элиты (вместе с квартирами и дачами, занятыми новой элитой, которые они поспешили приватизировать). Кстати, это явление стало одной из основ блока старой номенклатуры и номенклатуры новой, квазидемократической. Депутаты первой, а затем и второй Государственной думы на первых же заседаниях сразу же стали обсуждать вопросы о повышении своей зарплаты до уровня зарплаты министров. Правительство России приняло решение о выплате депутатам Думы крупных суммы в долларах на покупку квартир в Москве. И это в стране, где трудящиеся месяцами не получают зарплату, где десятки миллионов людей живут ниже уровня бедности! Жесткая экономическая политика, сопровождающаяся обнищанием народа, взяточничеством, казнокрадством, использованием служебного положения в корыстных целях, компрометирует в глазах народа становящуюся демократию, толкает массы к оппозиции, к поддержке левых сил, что и было продемонстрировано на выборах в Госдуму 1993 и 1995 годах.

Новая элита должна быть элитой заслуг (меритократией), элитой ответственности, а не элитой привилегий. И тут возникает деликатный вопрос: а возможна ли вообще элита без институциональных привилегий? И еще один, связанный с ним: если это

и возможно, будет ли такая «дешевая» элита оптимальной? Ведь отсутствие всяких привилегий в условиях напряженной работы может помешать сформировать корпус политической элиты из действительно лучших, наиболее талантливых управленцев (иначе они уйдут в бизнес и другие структуры, как это и произошло в России в постсоветские времена, когда многие наиболее квалифицированные чиновники министерств уходили в финансовые и промышленные частные компании). Высокие правительственные посты, не связанные ни с какими привилегиями, могут потерять для них привлекательность. Так не будет ли наивным рассчитывать на то, что элита будет состоять из подвижников, идеалистов, думающих только о том, чтобы бескорыстно и самоотверженно служить народу?

Отметим, что политологи, особенно западных демократий, давно обсуждают этот вопрос. И тут сталкиваются леворадикальная и консервативная позиции. Первая исходит из того, что если элита будет обладать институциональными привилегиями, то она будет думать не столько о защите интересов народа, особенно его беднейших слоев, сколько о защите этих самых привилегий и поэтому с течением времени превратится в группу, противостоящую народным массам. Носители консервативных умонастроений возражают и досадливо отмахиваются от «назойливых» требований эгалитаристов. Зачем говорить только о привилегиях элиты? Подумайте сначала о ее огромной ответственности. Ведь если ее представители будут вынуждены думать о хлебе насущном, они с необходимостью будут хуже управлять общественными делами. В результате общество в целом только проиграет.

Кто прав в этом споре? Многие политологи полагают, что решение данной дилеммы — нахождение оптимума, «золотой середины», а точнее нахождение той грани, когда необходимые для выполнения политических и иных функций права (пусть это будут, по существу, даже привилегии) не переходили бы в злоупотребления, чтобы элита не превращалась в группу, эксплуатирующую общество.

С распадом СССР обнаружилась угроза не только ослабления, но и обрушения власти. Ельцин и его команда создают ее новые институты, и среди них центральное место занял институт Администрации Президента, которая, по сути дела, заменила огромный партийный управленческий аппарат (и даже заняла тот же комплекс зданий ЦК КПСС). Верховный Совет не контролировал

правительство. Вскоре возникает конфликт между президентом и Верховным Советом, который заканчивается роспуском последнего и расстрелом Белого дома. В Кремле процветал фаворитизм, рейтинги наиболее влиятельных людей в России определялись прежде всего их контролем над «доступом к телу» (в списке «Независимой газеты» наиболее влиятельных людей, помимо руководителя Администрации Президента, значился начальник службы охраны Коржаков, дочь Ельцина Татьяна). Решающую роль стало играть окружение Ельцина, его фавориты, «серые кардиналы», олигархи, получившие доступ к президенту благодаря подношениям и личным связям. Начинается борьба различных политических, силовых, финансовых структур за влияние на президента. Возросла и стала решающей роль «семьи» — неформальной структуры, объединяющей родственников и наиболее влиятельных чиновников, допущенных в окружение Ельцина олигархов, объединенных стремлением сохранить у власти контролируемого ими президента, дееспособность которого подвергалась сомнению. Демократизация властной структуры сопровождалась ее фрагментацией, резким ослаблением «вертикали власти» и государственного единства; ослабление федерального центра сопровождалось усилением влияния региональных элит и ослаблением влияния и роли федеральной элиты.

Произошла ли смена элит в начале 90-х годов? Попытаемся ответить на один из центральных вопросов элитологии периода демократического транзита: состоялась ли смена элит в нашей стране или же дело ограничилось трансформацией элиты?[11] Здесь необходимо ввести различение этих понятий. Первое означает свержение прежней элиты и приход к власти контрэлиты, что, как правило, является следствием революционных преобразований, перехода власти из рук одного класса в руки другого (или других). Второе — более широкое понятие, включающее в себя не обязательно смену элиты контрэлитой, но и радикальные преобразования внутри самой правящей элиты, возвышение, приход на лиди-

[11] Ashin G. A Change of Elites // Sociological Research. 1996. Vol. 35. № 1. P. 55-70; Lane D. and Cameron Ross. The Transition from Communism to Capitalism. N.Y.: St. Martin's Press, 1999; Sharon W. Rivera. Elites in Post-Communist Russia: A Changing of the Guard? // Europe — Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 3. P. 413-432; Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe. Ed. by J. Higley, J. Pakulsky, W. Wesolowsky. N.Y., 1990.

рующие позиции новой группировки внутри правящей элиты или даже иного социального слоя. Причем в отличие от персональных изменений, которые всегда происходят внутри любой элиты, трансформация элит связана с крутым изменением ее политического курса, изменением соотношения различных групп и социальных слоев внутри правящей элиты, изменением методов рекрутирования элиты, иногда — с допуском в элиту определенных представителей контрэлиты.

То, что в России начала 90-х годов произошла трансформация элиты, не подлежит сомнению. Но, как было отмечено выше, не всякая трансформация есть смена элит. В период перестройки сменилось свыше 80% членов и кандидатов в члены ЦК КПСС. Это была трансформация элиты, но не смена элит.

Иначе говоря, смена элит — это коренное, качественное изменение социально-экономического строя, важной стороной которого является изменение состава и социальной базы элиты, тогда как трансформация элит может происходить в рамках одного и того же социально-экономического строя (старого качества, в пределах узловых точек меры, пользуясь гегелевским языком). Итак, в первом случае мы говорим об изменении социально-классовой базы элиты, во втором случае дело может ограничиться изменением соотношения сил различных группировок внутри элиты или сменой контроля над элитой той или иной социальной группы. Указанное различение тем боле необходимо, что его не делает Парето и другие классики элитологии; в работах Парето, как уже отмечалось выше, не ясно, относится ли его понятие «циркуляции элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой[12].

Кризис советской социально-политической системы показал необходимость смены элит. Перестройка была попыткой радикального обновления элиты, хотя и непоследовательной. Она не

[12] Отмечая недостатки теории Парето, мы признаем, что в целом его концепция может оказаться эвристической для понимания политического процесса. Так, следует признать, что она работает при анализе процесса политического транзита в России последнего десятилетия, когда господство партноменклатуры (элиты «львов») сменяется господством элиты «лис». Но смена элит — не детерминанта исторического процесса, но необходимый момент перехода от одной социально-политической системы к другой; существенным моментом изменения социально-классовой структуры общества и является смена элит. — *Прим. авт.*

ские» — обогащаются. Главный интерес этой элиты, как говорил один из демократических лидеров конца 80-х – начала 90-х годов Ю.Н. Афанасьев, — используя власть, получить собственность уже не в управление, а во владение, причем не тайком, а на законном основании.

---

[13] Различные, порой даже противоположные позиции занимали советологи (впрочем, они лишились права называться советологами по причине исчезновения предмета их исследований — Советского Союза. С удовольствием признав это, они взяли себе другое наименование, более нейтрадльное — транзитологи). Некоторые из них доказывали, что произошла эволюция российских элит, другие обосновывали, что они претерпели качесвенное изменение и превратились в прозападных демократических политиков. Как писал Б.Г. Капустин, транзитология выдохлась (Полис. 2001. № 4. С. 10).

Сформировался новый истеблишмент, ориентированный на обслуживание интересов крупного российского капитала, складывающегося или уже сложившегося, в частности финансово-банковского и торгового капитала, а также энергетического, военно-промышленного, алюминиевого и других финансово-промышленных комплексов. Поэтому критики новой элиты стали говорить о демократах в кавычках («демократы» опозорились, «подставились», проворовались, утратили право апеллировать к властям от имени народа, они ничем не лучше партократов, даже хуже, ибо те никогда не воспринимались как «свои»).

Обратим внимание на вторую версию рассматриваемого явления, по которой смены элит вообще не произошло: прежняя, номенклатурная, в основном сохранилась де-факто, лишь перекрасив свой фасад — с партократического на псевдодемократический, возникла неономенклатура. Пришедшая к власти новая элита унаследовала от старой элиты так много, что кажется порой ее зеркальным отражением[14].

«Демократы», взяв на себя ответственность за проведение радикальных реформ, добиваясь перераспределения собственности и власти, стали лишь дымовой завесой, воспользовавшись которой, старая партийно-хозяйственная номенклатура прошлого — советская элита — вновь заняла (вполне легально) лидирующие позиции (Л. Тимофеев). Многие социологи при этом ссылались на то, что в ряде республик и областей резких изменений в составе элиты вообще не произошло, те же лица (в прошлом — партбоссы) просто пересели в новые кресла. В результате во многих регионах страны, во многих сферах социальной жизни дело обошлось в основном заменой кадров в самых верхних эшелонах власти, а то и просто ограничилось снятием наиболее одиозных фигур. В средних и низших эшелонах власти сохранилась прежняя партийно-советская номенклатура. (Впрочем, можно привести и иные

[14] В этом отношении интересны данные, приводимые О.В. Крыштановской в № 1 журнала «Общественные науки и современность» за 1955 г.:

Рекрутация современной элиты из советской номенклатуры (в %)

Всего из советской номенклатуры	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
	75,0	57,1	82,7	74,3	61,0

примеры — когда в политико-административной элите Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга произошли более существенные перемены.) Вот точка зрения некоторых известных в 90-х годах российских политиков: «...80 с лишним процентов партийных и хозяйственных номенклатурщиков остались в управленческих структурах, начиная с района и кончая Кремлем» (Т. Гдлян); «Коммунистическая номенклатура осела во всех эшелонах власти. Она никуда не исчезла и не меняется» (К. Боровой). После августа 1991 года почти никто из упраздненной номенклатуры КПСС не обратился на биржу труда: бывшие номенклатурщики либо вошли в состав неономенклатуры, либо стали руководителями или влиятельными советниками коммерческих структур. Большая часть ельцинской элиты состоит из выходцев из элиты горбачевской. Но нужно ли бросать упреки нынешней власти за это? Что предлагают ее критики справа — запрет для бывших активистов КПСС на занятие управленческих должностей? Совместим ли такой «запрет на профессию» с демократией да и целесообразен ли он? Во всяком случае, многие политологи утверждают, что тезис о том, что элита в основном не изменилась, является несколько односторонним, хотя и не лишенным некоторых оснований (особенно в некоторых регионах России, в частности в тех, которые составили так называемый «красный пояс»).

Третья точка зрения близка ко второй, но она по-другому обосновывается. Смена элит — видимость. И раньше коммунистическая элита страной не управляла: призывы к светлому коммунистическому будущему были лишь идеологическим камуфляжем, прикрывающим вполне реальное господство бюрократической чиновничьей элиты. Та же бюрократия правит и теперь, прикрываясь, как фиговым листком, демократической фразеологией. Переход к новой политсистеме не означал отход ее от власти, а скорее уход ее первых лиц, наиболее скомпрометировавших себя; для среднего и низшего звена этой номенклатуры нашлось место в неономенклатуре (особенно это относится к региональной элите). КПСС была, по сути, партией номенклатуры. Но в той же «партии власти» состоит и современная политико-административная элита, и вдохновляют ее не идеалы — коммунистические, антикоммунистические или какие либо еще, а ее интересы как правящей группы, которые она всеми силами защищает.

Часть партноменклатуры легко отказалась от идеологического коммунистического камуфляжа своего стремления к власти, часть,

отрицательно относясь к демократическим переменам в стране, стала опорой набравшей силы оппозиции, как коммунистической, так и националистической направленности. Большая часть номенклатурной элиты сбросила ставшую ненужной коммунистическую оболочку, уже стеснявшую ее, сковывающую возможности обогащения, грозившую оттеснить ее на обочину пути трансформации «реального социализма» в «номенклатурный псевдокапитализм». Собственно, феномен перерождения политиков, дорвавшихся до власти, — явление известное, достаточно древнее, многократно описанное в литературе: просто в России оно произошло особенно быстро и цинично.

Отчуждение власти от народа сохранилось, та же «партия начальства» опирается лишь на новые механизмы власти. Более того, переходный период (особенно в 90-е годы), когда старые, антирыночные, законы отменены, а новые, рыночные, еще не созданы или еще не работают — лучшее, сказочное время для бюрократической элиты, дающее ей такие права, о которых ранее она могла только мечтать. Именно она зачастую решает, разрешать или не разрешать преобразование тех или иных государственных предприятий в частные или акционерные, сдавать или не сдавать в аренду землю или городские помещения и кому именно. Отсюда — возможность получения громадных взяток, которые кладут начало созданию огромных состояний. Если прерогативой этой элиты ранее была власть, то теперь она дополнена собственностью, той самой приватизацией в интересах элиты, которую народ и окрестил «прихватизацией». Приходится признать правоту слов Э. Лимонова (который временами смешон своими экстравагантными выходками и стремлением эпатировать общественность) о том, что в яростной схватке коммунистов с демократами победили чиновники.

Наконец, появился и четвертый вариант интерпретации проблемы смены элит. И коммунистическая, и демократическая элиты скомпрометировали себя в глазах народа (первая — страшными репрессиями по отношению к собственному народу, вторая — жестокостью в проведении «шоковой терапии» и заискиванием перед Западом), поэтому нужна еще более новая, «незапятнанная» элита. Один из тезисов избирательной кампании В. Жириновского звучал примерно так: я и мои соратники никогда не состояли в компартии и не замарали себя действиями «демократической» элиты по ограблению собственного народа, нам можно верить, дайте нам «порулить», дайте шанс «новым людям». Стоя на близкой пози-

ции, Жириновского стремился оттеснить А. Лебедь. Создавая Российскую национально-республиканскую партию, он заявил: «Траченные молью Гайдар и Жириновский меня не интересуют». Его «третий путь» должен был быть альтернативой и коммунистической, и нынешней «демократической» номенклатуре, поскольку и те, и другие чужды народу и рассматривают его как «серую, управляемую массу», партия «третьего пути» должна заставить управленческую элиту подчиняться интересам общества и государства[15].

Какая же из предложенных версий истинная? Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос. Наша задача — дать максимально объективный анализ ситуации, способствовать правильному решению этого вопроса, который каждый должен решить для себя сам. Заметим, однако: ныне обнаружилось, что различия между старой и новой элитами не столь велики, это отнюдь не полярные противоположности. Третирование масс в той же мере характерно и для кандидатов в «самоновейшую» элиту с их безудержной демагогией и пренебрежением к демократическим нормам (в том числе международным). Но, может быть, этому обстоятельству как раз и не стоит удивляться. До сих пор в структуре государственных институтов России не существовало легитимных традиций смены элит. Подобно русской литературе XIX века, которая «вся вышла из гоголевской «Шинели», и советская, и постсоветская элиты вышли из тоталитарной советской политической системы, в ней воспитывались, и несут на себе груз ее политической культуры. Все это говорит о том, что процесс смены элит, по-видимому, будет достаточно длительным.

И большевистскую, и новую российскую элиты роднит утопическая уверенность в осуществимости глобальных, коренных социальных преобразований, игнорирующих социокультурные традиции, менталитет народа. В. Черномырдин во время своего визита в Бонн в 1997 г. говорил, что марксизм родился в Германии. Но только в России нашлись умники, готовые воплотить его теории в действительность. А ведь почти то же самое он мог сказать о тех «российских умниках», которые попытались переносить на российскую действительность модели монетаристской экономики, разработанные Чикагской и Гарвардской школами... И в том, и в другом случае мы сталкиваемся с непониманием элитами того, что человеческий менталитет, социально-культурные традиции —

[15] Известия. 1996. 31 декабря.

это мощные инерционные системы. 70 лет россияне воспитывались в идеалах коллективизма и государственного патернализма. И вдруг в один прекрасный день в начале 90-х годов ему дали новую команду: не надеяться на государство, ориентироваться на индивидуализм. И убежденность в возможности построить рыночную экономику в 500 дней — это та же элитарная «куриная слепота», проявлением которой являются и попытки новой элиты вычеркнуть из российской истории семьдесят советских лет. Нравится это или не нравится, но российская, и в частности советская, история — это тот грунт, опираясь на который инновационные элиты только и могут дать толчок подлинным реформам, могущим ввести Россию в постиндустриальное, информационное общество. Для этого не нужно поступаться российскими традициями, российским своеобразием, а, напротив, опираться на те элементы ее культуры, которые «резонируют» с требованиями постиндустриального общества.

Новая элита сохранила худшие черты предшествующей элиты: коррупцию (которая невероятно возросла), злоупотребление властью, некомпетентность. Новая элита, которая, идя к власти, ратовала за ликвидацию привилегий партократов, сегодня сама заполучила роскошные квартиры, дачи, машины, живет явно не по средствам. Номенклатурное прошлое и сегодня во многом определяет облик, черты поведения элиты, ее оторванность от масс. У элиты, стремящейся обратить государство в средство решения ее собственных проблем как привилегированной группы, публичность власти вызывает аллергию. Ей ближе теневые, закулисные способы решения стоящих перед ней вопросов.

Следует признать, что главное средство успешного проведения реформ в современной России — создание подлинного гражданского общества, которое базируется на дифференциации функций общества и государства, повышение роли населения как субъекта власти и собственности, в то время как в современной России власть, собственность и государство «отождествляется с государственной бюрократией, называемой по недоразумению элитой»[16]. Сравнение социальных культурных, демографических характеристик постсоветской и советской элит по многим (даже большин-

[16] Чернышов А.Г., Барзилов С.И. Современная российская элита и провинциальная Россия: этапы реформирования // Властные элиты современной России... С. 286.

ству) параметров оказывается в пользу первой, правда, вызывает сожаление резкое снижение в элите доли женщин и выходцев из рабочих и крестьянства. Иное дело — мораль этой новой элиты, ее социальный эгоизм, стремление к обогащению. Тут она элитных критериев явно не выдерживает, это не та элита, которая нужна трансформирующейся России, о чем красноречиво свидетельствуют результаты ее деятельности.

Управление Россией постсоветской элитой (так наываемыми «молодыми реформаторами») в 90-х годах привело к деградации (инволюции, снижению уровня организации системы) российской экономики, культуры. Распад старого порядка вылился в правовой вакуум, а последний — в развитие примитивных отношений, свойственных скорее традиционному, чем современному обществу (прежде всего, патрон —клиентских отношений).

Смена собственности, связанная с приватизацией 90-х годов, не привела к повышению экономической эффективности предприятий. Зато приватизация — ваучерная, денежная — вылилась, по существу, в ограбление народа. Как пишет академик Д. Львов, в результате приватизации две трети богатства страны стали достоянием 6% населения, которые взяли то, что им никогда не принадлежало. Пожалуй, самыми скандальными были так наз. «залоговые аукционы», когда государство продавало контрольные пакеты крупнейших, стратегических для страны предприятий по ценам, в сто и более раз меньшим их действительной стоимости («Юкос», «Сибнефть», «Норникель»). Председатель Счетной палаты С. Степашин подчеркивает, что львиная доля ответственности за нарушения в процессе приватизации лежит на высших чиновниках[17]. Таким образом, приватизация вылилась в взаимную коррупцию политико-административной и бизнес-элит.

Экономический ущерб, нанесенный России управлением подобной «элиты», как отмечает С. Глазьев, превысил экономический ущерб от гитлеровского нашествия в годы Отечественной войны[18]. Огромный ущерб страна понесла от «утечки мозгов», которая оценивается в сумме, превышающей 600 млрд долларов, интенсивного перекачивания природных, материальных ресурсрв за рубеж, бегства капиталов из страны, так нуждающейся в инвестициях в собственную экономику. Н. Шмелев считает, что

[17] Аргументы и факты. 2004. № 49.

[18] Глазьев С.Ю. Борьба продолжается // Русский дом. 2003. № 5.

сумарный вывоз капиталов (легальный и нелегальный) равен полутора триллионам долларов. Правящая элита продемонстрировала отсутствие воли к восстановлению и динамичному развитию страны и стремление к продолжению расхищения общественного достояния[19].

Как мы видели, за годы «реформ» 90-х годов почти вдвое сократилась легальная экономика страны, выросла теневая, упал жизненный уровень народа, ослабли международные позиции страны. Но если элита не управляет страной в интересах народа, она является псевдо-элитой, выступает как коррупционная и коллаборационистская сила. Значит, на повестку дня рано или поздно встанет вопрос о смене элит.

Был ли российский транзит конца XX века революцией? Ведь недаром многие политологи называют его «революцией сверху», «революцией верхов», или, пользуясь выражением канадского культуролога и политолога К. Лэша, «революцией элит». И если даже считать российский транзит конца XX века демократической революцией, ей не хватало демократии, ибо демократия — это подлинная власть народа.

[19] Самарин А.Н. «Реформаторские элиты» у власти: углубляющаяся деградация России // Конфликтология — теория и практика. 2004. № 1.

ГЛАВА

15 ОТ «МОНОЛИТНОСТИ» К ПЛЮРАЛИЗМУ ЭЛИТ (ТЕНДЕНЦИИ И КОНТРТЕНДЕНЦИИ)

Выше говорилось о полемике между советологами о том, являлись ли советские элиты монолитными или же в них были элементы плюралистичности. Ныне полемика прекратилась ввиду утраты предмета спора и очевидности плюрализма постсоветских элит.

Постсоветские элиты ныне обладают сложной структурой — это прежде всего политическая и политико-административная элита, среди которой следует различать общероссийскую и региональную элиты, бизнес-элиту, культурную элиту и др. И если можно сказать, что различия между специализированными элитами существовали и в советский период, то ныне мы являемся свидетелями появления новой элиты — бизнес-элиты, что изменило структуру всех российских элит. Если в советский, в том числе перестроечный, период политико-административная элита играла безусловно доминирующую роль, то уже во второй половине 90-х годов бизнес-элита претендовала на ведущую роль, ее представители (Чубайс, Потанин) занимали ряд высших позиций в правительстве. Отношения между постсоветскими элитами стали сложными и неоднозначными, они изменялись от консенсуса до конфликтов (и нам еще предстоит ответить на вопрос о том, доминирование какой элиты лучше для масс).

С чего начались радикальные социально-экономические преобразования России — от социализма (который был весьма далек от подлинного социализма) к государственно-неономенклатурному, бюрократическому, причем криминализированному капитализму? Прежде всего, с преобразований в элите. Именно элитогенез опередил, предварил формирование остальных социальных слоев, связанных прежде всего с пауперизацией населения, с обнищанием миллионов людей. Образовалась огромная пропасть между «верхами» и «низами», гораздо более глубокая, чем разрыв между «верхами» и «низами», существовавший в советский период, как и разрыв, существующий в современных социально ориентированных капиталистических странах.

Политико-административная элита. Разрушение партноменклатурной системы началось еще в конце 80-х годов — с ослаблением партийного контроля над экономикой, с ликвидацией отраслевых отделов ЦК КПСС; выборы в народные депутаты СССР на альтернативной основе открыли новый канал рекрутирования политической элиты. Ослабление общесоюзной элиты и усиление республиканских и региональных элит привели к неспособности первой отстоять единство Советского Союза.

Разгром путча 1991 года, крах КПСС, лишение властных функций партноменклатуры привели к вакууму власти, к дефициту управленческих кадров, к усилению рекрутирования демократически ориентированной элиты, резкому обновлению состава политической элиты. Вместе с тем, распад КПСС не привел к тотальному изменению персонального состава политической элиты, как это было в 1917–1920 годах (это особенно справедливо для региональных элит). Быстрая, калейдоскопическая смена персонажей, занимавших элитные посты, характерная для 1990–93 годов, с 1994–96 гг. сменяется прогрессивным уменьшением мобильности в политическую элиту[1], эта тенденция продолжает и поныне. Модель бюрократической системы с иерархией властных институтов и номенклатурной структурой заменяется более мягкой бюрократической полицентрической структурой. А в XXI веке маятник вновь обращается к централизации власти.

[1] В этом отношении определенный интерес представляет исследование американского социолога Ш. Риверы, проанализировавшей изменения в списках ведущих политиков России, публиковавшихся в «Независимой газете» (с 1993 по 1995 г.). Конечно, можно говорить о несовершенстве методики экспертной оценки рейтинга политических лидеров, к которой прибегает «Независимая газета». Но ее данные позволяют увидеть тенденцию уменьшения мобильности в элиту. За указанные два года состав группы 100 ведущих политиков становится более стабильным. В 1993 г. среднемесячная ротация среди этой группы составляла 12 человек, в 1994 г. — 9 человек. При этом индивидуальные позиции представителей политической элиты остаются неустойчивыми, политики постоянно поднимаются или опускаются по этой шкале (Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты в России // Новая элита в России. М., 1996. С. 36–40; см. также: Полис. 1995. № 6. С. 63–65). Как можно оценить эту ситуацию? С одной стороны, сокращение резерва высшей политической элиты свидетельствует об уменьшении ее открытости, рядовые граждане России ощущают, что доступ в высшие эшелоны власти ограничен, что существует разрыв между элитой («они», власть имущие) и массой («мы»), усиливается отчуждение власти от народа. С другой стороны, уменьшение мобильности в элиту может свидетельствовать о стабилизации системы и, соответственно,

Российскую политическую систему первого десятилетия XXI века политологи часто определяют как моноцентрическую, что несомненно так. Иногда ее характеризуют как плебисцитарно-бюрократическую, сопоставимую с некоторыми латиноамериканскими режимами[2]. Ее можно охарактеризовать как бюрократический госкапитализм.

Интересен вопрос о численности российской политико-административной элиты сравнительно с западными странами. Западные политологи, оценивая количественные параметры политической элиты, говорят о нескольких тысячах людей в крупных странах: в США — 5–7 тысяч, от полутора до двух тысячах в ФРГ, Великобритании, Франции или несколько сотен в меньших странах западной демократии. Нам представляется, что Россия укладывается в эти количественные параметры. Если говорить не только о политической элите в собственном смысле, а о более широкой категории политико-административной элиты России, многие социологи называют цифры, превышающие три тысяч человек[3].

Для нашей политсистемы очень характерна персонификация власти (причем не институциональная, а персоналистская). Структура политической и тем более правящей элиты в постсоветской России связана со структурой власти в стране. Она четко обозначена в Конституции РФ. Ее представляют прежде всего президент РФ, который является главой государства, осуществляет руководство его внутренней и внешней политикой, Председатель Прави-

политической элиты. В действительности же это не так: неустойчивость индивидуальных позиций представителей элиты ведет к развитию у них чувства неуверенности в прочности их положения, способствует их коррумпированности, толкает их на то, чтобы поскорее обеспечить свое будущее и будущее своих детей. Таким образом, ситуация явно не вызывает оптимизма: к минусам нестабильности элиты нужно прибавить минусы роста ее закрытости. Позднее Ривера продолжила исследование постсоветских элит (Rivera Sh. Elites in Post-Communist Russia: A Cnanging of the Guard? // Europe-Asia Studies. 2000. № 3).

[2] Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2. С. 9.

[3] Косвенным указанием на численность политико-административной общероссийской элиты является количество государственных деятелей и высших чиновников, которых обслуживает Управление делами Президента РФ. Его бывший руководитель П. Бородин заявил, что Управление обслуживает Администрацию президента, обе палаты парламента, высшие судебные инстанции, некоторые министерства и ведомства — в общей сложности 12 тыс. человек (Известия. 1997. 13 марта). Численность политико-административной элиты, во всяком случае, меньшая.

тельства РФ, которое осуществляет исполнительную власть, его заместители, федеральные министры и их заместители. К политической элите относятся глава Администрации Президента и его заместители, руководители ее основных подразделений, Полномочные представители Президента в федеральных округах (этот институт создан в 2000 году). К политической элите относится парламентский корпус: члены Федерального собрания — Государственной Думы (некоторые члены ее жалуются — и не без оснований — на то, что обладают довольно ограниченными ресурсами власти, что законодательная власть явно уступает исполнительной) и Совета Федерации, представляющий прежде всего региональные интересы и региональные элиты. Председатели этих палат — третье и четвертое лица государства. Отметим также роль (и соответственно влияние) их заместителей, а также руководителей партийных фракций. К элите относятся высшие представители судебной власти — Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ. Судебная власть в нашей стране много десятилетий была лишь послушным инструментом политической элиты, и ныне, декларируя свою политическую неангажированность, она так и не смогла выступить реальным противовесом в системе разделения властей, как это обычно имеет место в современной демократической системе; от предыдущей политсистемы нам досталось в наследство «телефонное право». Добавим к перечисленной элите руководителей силовых структур (верхушку генералитета), руководителей российской дипломатии (министр иностранных дел и его заместители, члены Коллегии МИД, послы в крупнейших странах мира и странах СНГ), но и этот список будет неполным. Особенно следует отметить важную роль казалось бы технического органа, Администрации Президента, которая упомянута в Конституции одной строчкой, но вырабатывает проекты важных государственных решений, а часто и сами решения.

Отвлечемся от текста Конституции и укажем ее очевидный перекос в сторону исполнительной власти. Указанные структуры разработали курс на бюрократическую централизацию страны, установление и укрепление контроля за всеми сферами социально-политической жизни (пример — отмена выборности губернаторов, в результате чего глава региона из избранного населением политика превратился в чиновника), жесткий контроль за содержанием телевидения и т.д., что не укрепляет демократизм политсистемы. Отметим слабость представительной власти (например, такого института, как Совет Федерации) и особенно судебной власти.

Пока речь шла главным образом о формальной структуре политсистемы и, соответственно, политической элиты. Но огромную роль в политическом процессе играет неформальная структура элит, прежде всего, группировки и кланы внутри элиты, ведущие открытую или чаще подковерную борьбу за власть и влияние, в том числе за влияние на президента (что играло важнейшую роль в период президентства Ельцина, и продолжает оказывать влияние и поныне). Каждая элитная группировка (клиентела) возглавляется лидером, который обычно контролирует ту или иную государственную структуру или определенный регион. Между ним и членами группировки возникают клиентарные отношения. В современных условиях, считает исследователь клиентарных отношений в российской государственности М. Афанасьев, «реальными структурными единицами властвующего слоя — факторами, чья деятельность структурирует сферу власти, — выступают клиентарные группировки»[4]. Он дает идеально-типическое определение властвующего слоя сегодняшнего российского социума как постноменклатурного патроната. Элементы кланового типа рекрутирования элит являются препятствием развитию российской государствен-

[4] Афанасьев М.Н. Клиентарные отношения в динамике российской государственности: автореф. дис... д-ра социологич. Наук. М., 1997. С. 43. Наличие группировок и кланов в российской политической элите отмечают и зарубежные политологи и политические деятели, такие как бывший посол США в России Пикеринг, который в 1995 г. обличал наличие в российской правящей элите властолюбивых, эгоистичных и коррумпированных классов — случай беспрецедентный в истории дипломатических отношений между США и Россией (Известия. 1995. 29 ноября). А немецкий парламентарий О. Ламбдорф писал в апрельском номере журнала «Интернационале политик» за тот же год: «В России возникла система олигархических кланов. Они конкурируют между собой за влияние и власть, а также за конкретные выгоды... для них важны собственные интересы, а не интересы общества. Их объединяет также тесное переплетение с политикой, т.е. с властями в Москве и регионах (как видим, автор говорит не только о политических кланах, но более широко, о трансэлитных кланах, у которых экономические интересы переплетаются с политическими. — *Г.А.*). Эти кланы уклоняются от любого демократического контроля и, наоборот, ставят палки в колеса демократического развития. Именно эти олигархические кланы фактически стоят у власти в Москве, а также в российских регионах» (Известия. 1997. 15июня) Отметим, что архаизация структуры элит в еще большей мере относится к ряду республик бывшего СССР, в которых произошел переход от бюрократического типа рекрутирования элит к простейшим добуржуазным формам — к кланово-олигархическим моделям (жузы в Казахстане, родственные кланы в Туркменистане и т.д.), а также к ряду республик Российской Федерации (тейпы в Чечне, Дагестане и т.д.).

ности, препятствием развитию демократии, влекут за собой авторитарные тенденции.

Большой интерес представляет вопрос о ценностных ориентациях политической элиты. Большинство экспертов-элитологов, отмечая эклектизм ценностных позиций этой элиты, сходятся на том, что их ценностные устремления сконцентрированы прежде всего на удержании собственности, богатства и власти. Наиболее лаконично и резко эта позиция выражена депутатом Государственной думы доктором политических наук прогфессором А.Г. Чернышовым: «Жажда личной наживы и власти. Под эти составляющие и выстраивается вся вертикаль власти, которая все больше стала напоминать вертикаль чиновников и вертикаль откатов»[5]. Детализирует эту модель элитолог В.В. Черноус, который добавляет в нее динамическую составляющую и обозначает прогноз изменений ценностных позиций современных элит в будущем: «Основной ценностной установкой у современной элиты является удержание власти как самоцель, так как это позволяет контролировать ресурсы и приватизировать значительную часть их результатов. Однако по мере развития и укрепления России эти эгоистические интересы в большей степени, чем при режиме Ельцина, совпадает с национальными, что позволяет высшей бюрократии не без частичных оснований их отождествлять. Следующая генерация элит будет более национально ориентированной, так как формируется в новых условиях, когда постепенно развеиваются иллюзии о принадлежности России к западному миру»[6].

В рамках другой модели ценностной ориентации элит обозначена более сложная их конфигурация, чем собственность и власть. Так, А.М. Старостин считает, что «ценностные позиции современной элиты концентрируются вокруг таких полюсов: "патриоты-государственники" (приоритет общенациональных интересов и государства как механизма их обеспечения) и "глобалисты-демократы" (паритет общенациональных и глобальных интересов и ограничение сферы регулятивных функций государства». Суждение В.Г. Ледяева даже более однозначны: «Пока в правящей административной элите преобладают державнические ориентации, они скорее всего будут доминировать и в дальнейшем». О.В. Гаман считает, что

[5] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д., 2008. С. 127.

[6] Там же. С. 41.

«роль идеологического фактора резко упала в 1990-е годы., после 2000-го значение вновь возросло. Одним из основных вопросов является отношение к роли государства, месту и роли России в мировой политике и экономике, методам управления»[7].

Что касается проблемы политических партий, то тут нетрудно разглядеть серьезный перекос. Очевидное и безоговорочное главенство ЕР дает определенные основания считать ее де-факто суперпартией, доминантной партией и даже псевдопартией (мнение политолога Ю. Коргунюка), похожей на КПСС. Как пишет политолог Д. Фурман, она стремится вобрать в себя всех более или менее значимых людей, причем лояльных по отношению к власти[8].

Выше отмечалось, что процесс трансформации политической элиты России связан с ее поколенческим обновлением, с ее омоложением по сравнению с советским периодом (особенно периодом застоя). В социальных трансформациях России периода перестройки наиболее значительную роль сыграло поколение шестидесятников. Отметим, что в «команде Ельцина» в момент ее прихода к власти до половины ее состава составляли политики 1935–1944 годов рождения. С 1992 года наблюдается дальнейшее омоложение политической элиты, где тон стали задавать политики 1945–1954 годов рождения.

Б. Ельцин оставил в наследство В.В. Путину ослабленную, коррумпированную политическую систему, деформированную вертикаль власти, кризис легитимности. Путину пришлось прежде всего восстанавливать управляемость властной системы, заняться стабилизацией социально-экономической системы России. Стабилизация политической системы коснулась в первую очередь самой политико-административной элиты. Лихорадочные кадровые перемещения сменились относительной стабилизацией, что не остановило роста коррупции.

На решение важнейших политических вопросов значительное влияние оказывают элита силовых структур, В ее состав входит прежде всего военная элита, которая переживала в 90-е годы не лучшее для себя время в связи с общей деградацией армии, утратившей прежний уровень материально-технического обеспечения, финансовых ресурсов; с 90-х годов армия в определенной мере

[7] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. Ростов н/Д., 2008. С. 41–42.

[8] Независимая газета. 2008. 7 февраля.

коммерцилизируется, растет коррупция в среде армии и ее элиты (от незаконных сделок по продаже списываемой военной техники до пресловутых генеральских дач); росло недовольство значительной части военной элиты государственной политикой по отношению к армии. В условиях внутриполитической нестабильности значительное влияние в государственной структуре не может не иметь элита МВД, однако престиж ее подорван коррупцией, криминализацией ее структур, неуважением к правам личности, неспособностью справиться с растущей преступностью. Элита ФСБ, которую некоторые элитологи считают наименее коррумпированной из силовых элит, в 90-е годы утратила былую роль и статус, остро нуждалась, как и армия, в техническом перевооружении, чтобы выполнять свою роль, в особенности в информационном обеспечении (со стороны службы внешней разведки, структуры ФАПСИ). С 2000 года резко увеличился военный бюджет РФ, бюджеты других силовых структур, значительно возрастает доля военных в структуре политико-административных элит (в 2002 году она превысила 25%)[9].

Несомненно, что наиболее близко к политической элите стоит административно-чиновничья элита, важнейшая функция которой — обслуживание политической элиты, практическая реализация ее решений. Деятельность этих элит и их функции постоянно переплетаются, поэтому многие социологи используют понятие «политико-административная элита» (включая в нее наряду с государственными руководителями высших администраторов и чиновников) как синтез политической и административной элиты. В этом смысле употребляется и термин «управленческая элита».

Это — социальный слой, который, пожалуй, более других (наряду с бизнес-элитой) выиграл от происшедших в стране социально-политических изменений последних лет. Ликвидация монополии компартии на власть имела следствием не только демократические начала в государственном управлении, но и фактическую бесконтрольность чиновничьей элиты. Именно в этом плане мы и приводили выше фразу о том, что в схватке демократов с коммунистами победили чиновники. Элитолог В.В. Черноус (Ростов-на-Дону) обращает внимание на то, что «административная элита

[9] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М., 2003. С. 251. Близкими данными оперируют американские социологи Ривера Ш. и Ривера Д.: Rivera Sh., Rivera D. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // Post-Soviet Affairs. Apr-June, 2006. Vol. 22. P. 125–144.

приобретает все более закрытый характер, что ведет к зашлакованности элит... Такая модель административной элиты сегментирована на конкурирующие группы, расстановка сил которых определяется системой взаимодействия с первым лицом государства и его администрацией»[10].

Чиновничья элита России обнаружила огромную живучесть и способность к расширенному воспроизводству — в полном соответствии с законом Паркинсона о самовозрастании бюрократии. Чиновничья элита исключительно дорого обходится обществу. Несмотря на призывы уменьшить число чиновников, раздававшиеся последние два десятилетия, их количество неизменно растет, управленческие расходы увеличиваются. В СССР на 100 тысяч работающих граждан приходилась тысяча управленцев; в России в 1994 году — полторы тысячи, а в 1996 году — 1,7–1,8 тысячи. А ведь правительство постоянно обещало сократить управленческие расходы. Сократили число министерств и ведомств, но на деле их просто слили, а общее число чиновников, особенно высших, продолжало расти. Страна страдала и продолжает страдать от проблем, связанных с раздутостью, низкой эффективностью государственного аппарата. С начала XXI века количество чиновников еще более увеличивается, В победившем в России бюрократическим капитализмом хозяином жизни стал бездушный и жадный чиновник. Власть в России находится в цепких руках бюрократии. Этого ли хотел народ, вышедший в 90-м году к Белому дому, чтобы дать отпор ГКЧП?

Контрэлита, рвавшаяся в конце 80-х – начале 90-х годов к власти, обличала советскую элиту в обюрокрачивании, обещала покончить с властью бюрократии. Но, добившись власти, новая элита сама стала испытывать потребность в разветвленном бюрократическом аппарате, и бюрократизация общества невиданно возросла. На этапе борьбы за власть в 1989–1991 годах те, кто объявлял себя демократами и противостоял коммунистической номенклатуре, критиковали бюрократизированную, отчужденную от народа власть. Придя к власти, они создали систему бюрократического управления, намного превосходящую советскую (хотя бы уже по количеству чиновников). Огромное количество зданий, принадлежавших различным партийным комитетам — вплоть до ЦК КПСС, зданий, занятых советским госаппаратом — все они

[10] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. С. 32.

были захвачены «новым старым» чиновничеством, кроме того, для них построены новые здания, «демократы» примерили чиновничьи одежды, которые так не нравились им ранее. «Демократические» аппаратчики пересели в номенклатурные «членовозы», переехали в квартиры бывших «вождей» и в соответствии с теорией Г. Моски и Р. Михельса, пользуясь всеми привилегиями, которые дает власть, быстро забыли о своих демократических обещаниях.

После шумной борьбы демократов против привилегий номенклатурной элиты нынешние российские высшие чиновники имеют разветвленную систему привилегий (всевозможные надбавки к должностному окладу — за выслугу и др., премии, удвоенное отпускное пособие с оплатой проезда до места отдыха и обратно, дотированные квартиры, дачи, столовые, больницы). Эти привилегии не поддаются учету, ибо соответствующие указы и инструкции регламентируют «спецкормушки» лишь в общих чертах, отдавая наиболее аппетитные детали на откуп самим чиновникам, т.е. это форма оплаты, размывающая грань между законным и незаконным. Разумеется, гораздо больше дает чиновной элите и всей чиновной рати торговля лицензиями, налоговыми льготами, не поддающиеся точным оценкам взятки, «откаты». Таковы результаты неформальной «приватизации» ими государства.

Постсоветская чиновничья элита в 90-е годы управляла страной явно неквалифицированно, о чем свидетельствует упадок российской промышленности (феномен деиндустриализациии, когда рухнул научно-технический комплекс, когда военные заводы, выпускающие высокотехнологическую продукцию, перепрофилировались на штамповку кастрюль и другой примитивной продукции), сельского хозяйства, культуры и науки на протяжении 90-х годов, невыплата зарплаты и пенсий и т.д. (кстати, этому упадку нашего хозяйства сильно «помогли» Дж. Сакс и другие западные советники нашего правительства[11]). Но, работая хуже основной массы

[11] Вот некоторые факты, опубликованные в прессе в 2004 г., когда в штате Массачусетс (США) состоялся судебный процесс над сотрудниками Гарвардского университета А. Шлейфером и Дж. Хэем — советниками «комиссара по приватизации» Чубайса. 136 миллионов долларов — ущерб, понесенный американским бюджетом. Ущерб, который понесла Россия, учету не поддается. Целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок с помощью тех же Шлейфера и Хэя, в том числе предприятие, разрабатывавшее графитовые покрытия для самолетов-невидимок типа «Стелс», после чего они заблокировали заказ военно-космических сил на производство высоких технологий (АиФ. 2004. № 43. С. 13).

населения, чиновники живут несравненно лучше последней, что само по себе аморально. Чиновники «приватизируют» сферы своей компетенции, что приносит им сказочное обогащение. Российская бюрократия — сплоченная сила, способная подчинить государство, направить его по латиноамериканскому пути развития. И это чиновничье самоуправство и необузданная коррупция 90-х годов плавно перетекла в XXI век. Это признал президент В.В. Путин: «Система защищает свои права на получение так называемой "статусной" ренты, говоря прямо — взяток и отступных. Такой способ существования власти представляет угрозу для общества и для государства»[12]. Элитолог А. Чирикова подчеркивает в этой связи нарастающий антидемократизм административно-политических элит: «Власть элиты все меньше нуждается в населении. Она становится все более закрытой»[13]. А чиновники последовательно извлекают выгоду из административного ресурса.

В законе «Об основах государственной службы в России» от 1995 года говорится о «государственных деятелях», которые значатся в нем как категория А (это и есть политико-административная элита страны), и о чиновниках категории Б и В, задача которых — «обеспечение исполнения полномочий лиц категории А». Заметим только, что в условиях высокого уровня коррупции ослабляется прежде всего авторитет высших чиновников, что автоматически усиливает позиции чиновников средних и младших. То есть власть все более переходит с верхних этажей на средние и низшие. Чиновники среднего уровня, функции которых — обеспечение полномочий лиц категории «А», в значительной мере выходят из-под контроля последних, становятся все более автономными и ощущают свою силу и бесконтрольность. Да, чиновника могут снять с работы, но что такое его зарплата по сравнению с полученными им взятками, которые на много порядков выше его зарплаты? А система кланов и клиентарные отношения, о которых мы говорили по отношению к группировкам в политической элите, в среде чиновничества еще более распространены.

«Правовой беспредел» в стране, когда федеральные и региональные законы не исполняются, в частности, закон о государственном бюджете, что характерно для ситуации России 90-х годов, толкает

[12]Российская газета. 2001. 4 апреля.

[13]Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. С. 31.

чиновников на коррумпированность, это для них — лучшее время, они тут правят бал. Например, если военные заказы в соответствии с законом о государственном бюджете финансируются на 100%, это означает, что они финансируются автоматически и чиновник лишь простой исполнитель, часть механизма. Но если заказ финансируется не полностью, то именно чиновник решает, кому дать и кому не давать ограниченные финансовые средства, тогда он — бог и царь и в потенции — богач, ибо ему будут предлагать огромные взятки — прямо или косвенно. При всех политических переменах последних лет российская бюрократия цепко держит власть в своих руках. Т. Гайдар в книге «Государство и эволюция» пишет: «Бюрократия легко отряхнула прах марксистской идеологии со своих ног... "Тело" и "мозг" этой системы остались неуязвимыми, сменилась лишь оболочка». Человеку противостоит по-прежнему огромная, жестокая и коррумпированная бюрократическая система, подминающая под себя все социальные отношения в стране, в том числе и складывающийся рынок, делающая его криминально-бюрократическим. Как вынужден был признать Б. Ельцин, в условиях «сверхнапряженного положения с финансами федеральные власти с удивительной легкостью расходуют колоссальные суммы на свое обустройство... Все это свидетельствует о том, что появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей»[14]. Создается система «неономенклатурного» капитализма. А раз возрастает роль чиновничества, неизбежно увеличивается коррупция.

Д.А. Медведев, призывающий (пока без должного эффекта) к модернизации страны, пишет: «Нашей работе будут пытаться мешать влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих "предпринимателей". Они хорошо устроились. У них "все сеть". Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его. Но будущее принадлежит не им, Будущее принадлежит нам. Таких, как мы, абсолютное большинство. Мы будем действовать. Терпеливо, прагматично, последовательно, взвешенно. Действовать прямо сейчас. Действовасть завтра и послезавтра. Мы преодолеем кризис, отсталость, коррупцию»[15].

[14]Известия. 1994. 1 июня.

[15] Газета. Ru. 2009. 10 сентября.

Огромный рост коррупции в России XXI века приводит к дискредитации административной элиты. Прокламируемая борьба с коррупцией сводится к антикоррупционной риторике. В 2009 году Верховный суд и Генпрокуратура заявили, что главные взяточники в нашей стране — милиционеры, преподаватели и врачи. Думается, эти органы покривили душой. Главные коррупционеры — чиновничество (особенно его верхушка), крадущее чуть не половину бюджета страны. По масштабам коррупции Россия опережает страны Европы и Северной Америки в 5–6 и более раз. Причем в России они не сильно скрывают награбленные капиталы, сколоченные «откатами» за принятие нужных заказчикам решений, а порой демонстрируют их, кичатся своими загородными имениями. Чиновники должны быть слугами общества, а в России они превратились в хозяев страны. С этим связано и усиление авторитарных тенденций в структуре ее управления. Мировой кризис не сократил, а даже увеличил коррупцию. С одной стороны, кризис представляет опасность для всех страт общества уже в силу усиления неопределенности ситуации. Но, по-видимому, чиновничество рассуждает так: пока мы у власти, эта неопределенность заставляет нас срочно обеспечить будущее наших семей. Чудовищно возросла практика «откатов». Коррупция превратилась в главную опасность для России.

В заключение отметим, что мы далеки от экстремистских лозунгов полного искоренения бюрократии, важно, чтобы чиновничество не перерастало в самодовлеющую силу, подминающую общество, не превращалось в господствующий класс, во властную элиту. Бюрократия как феномен имеет многовековую историю и предысторию. Элементы бюрократической системы существовали и в традиционном обществе, где абсолютно преобладали насильственные методы управления (например, древнеримская бюрократия). Бюрократическая система развивалась вширь и вглубь и достигла своего расцвета в индустриальном обществе (в системе рационального управления конвейерным трудом). Эта система в соответствии с потребностями общественной жизни принимает новые формы, она с необходимостью модернизируется в постиндустриальном обществе, где система управления (в данном случае мы говорим о нормативе), основанная на стандартизации, сменяется системой управления, делающей упор на уникальность личности, на индивидуальное творчество, на индуцирование инициативы, идущей в направлении от вертикальной

иерархизации к горизонтальной координации, к широкой самостоятельности субъектов управления и в общем к саморегулирующейся организации.

Демократия в стране постепенно «усыхает». Глава Московской хельсинской группы. Л. Алексеева заявила, что власти воспринимают любое протестное выступление как нарушение стабильности. Но ведь демократия существует только тогда, когда в стране существует настоящая оппозиция. А президент Фонда защиты гласности Ф. Симонов сказал, что «инакомыслие и гражданская активность приравниваются к преступлению против государства»[16].

Экономическая элита. До конца 80-х годов доминирование политической элиты было столь бесспорным, что многие политологи писали о ней как о единственной российской элите[17]. Затем ситуация радикально изменилась. В конце 80-х годов возникает бизнес-элита, которая стала не только определяющей силой в экономике, но и стала играть существенную роль в принятии политических решений. Бизнес-элита — важнейший структурный элемент экономической элиты России, которая включает в себя, кроме предпринимателей, также директорский корпус государственных предприятий. Возникли важнейшие функциональные экономические группы — ВПК, ТЭК, АПК, группы, объединяющие предприятия металлургической и обрабатывающей промышленности. Нужно сказать, что значительная часть нынешней экономической элиты России — выходцы из номенклатуры. Но необходимо отметить при этом, что бизнес-элита — единственная элитная группа (кроме культурной элиты), где бывшие номенклатурщики не преобладают. Впрочем, ее нельзя назвать и не номенклатурной: если к выходцам из партноменклатуры в ее среде добавить ставленников последней, ее уполномоченных, то ослиные уши номенклатуры проглядываются достаточно явно. Номенклатурные партчиновники, госчиновники и их родственники и доверенные лица в начале 90-х годов становятся бизнесменами, пускают в дело накопленный (на взятках?) капитал, действуя часто совместно с бизнесменами.

---

[16] АиФ. 2009. № 17.

[17] Лишь некоторые советологи в 60–80-х гг. различали (и, реже, противопоставляли) партократическую и технократическую элиты СССР. — *Прим. авт.*

Как возникла и как развивалась бизнес-элита? Каковы основные «этапы большого пути»? О. Крыштановская[18] и другие исследователи российской бизнес элиты датируют начало ее формирования 1987–1988 годами. Важную роль сыграл закон о кооперации 1988 года, а также упразднение отраслевых отделов ЦК КПСС, ослабление его контроля над экономикой, разрешение на создание кооперативных, негосударственных предприятий. Пионером тут выступила так называемая «комсомольская экономика», связанная главным образом с государственными предприятиями, которая получила право открывать лицевые счета, заключать договоры с государственными предприятиями и получать с них наличные деньги (и, таким образом, «зарабатывала» на конвертации безналичных денег в наличные). Но сверхприбыльны были работы, при которых им разрешалось осуществлять внешнеторговые операции, когда они покупали импортные товары по официальному курсу доллара (63–65 копеек). Тут уж «навар» составлял около 1000%. Комсомольские «центры научно-технического творчества молодежи» находились, как правило, под пристальным вниманием и опекой партийных органов, однако с течением времени обретали все бóльшую самостоятельность.

К 1988 году относится начало так называемой «номенклатурной приватизации» (некоторые социологи и экономисты называют ее «приватизацией государства государством»), точнее приватизации государственной собственности верхушкой номенклатурной бюрократии, технократии. Упраздняются ряд министерств и главков, то есть на деле они не ликвидировались, а скорее переименовались в концерны, акционерные объединения (в частности, министерство газовой промышленности превратилось в 1989 году концерн «Газпром»). Но это было не только переименование, а превращение государственной собственности в акционерную или государственно-акционерную собственность.

Распад СССР и гайдаровские реформы ускорили этот процесс. «Ваучерная приватизация», заявленная как «народная приватизация», оказалась для народа обманной: акции предприятий, подавляющее большинство которых были убыточными или бесприбыльными, в которые непосредственно или через чековые инвестиционные фонды вкладывались ваучеры, как и следовало

[18] О генезисе российской бизнес-элиты см. подробнее: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. С. 274–336.

ожидать, оказались с мизерным или нулевым доходом. Курс правительства на ускоренную приватизацию государственного имущества по заниженной стоимости означал сказочное обогащение бизнес-групп, близких к правительственным структурам, образовавших унию бизнеса и высшего чиновничества.

Этот курс добавил «жирка» возникающей бизнес элите, которая вкладывала ваучеры, скупая их по дешевке у населения, в акции высокодоходных предприятий, доступ к покупке которых был ограничен (например, акции того же «Газпрома» и которые можно было перепродать по высокой долларовой котировке. Небольшая часть этих акций доставалась работникам этих предприятий, а львиная доля — дирекции (причем даже относительно небольшой пакет акций «Газпрома», делал членов директората очень богатыми людьми), чиновникам. В результате приватизации начала 90-х годов свыше половины бывшей государственной собственности получила бывшая номенклатура, действующая в контакте с разбогатевшими «новыми русскими» (доли этой собственности распределялись фактически в соответствии с номенклатурным статусом чиновника). Изрядный куш получили представители теневой экономики, спекулянты, фарцовщики, кто уже поднакопил денежные средства и за бесценок скупал приватизируемые предприятия или солидные пакеты их акций. А этап «денежной приватизации», сменившей этап приватизации ваучерной, выгоден тем, кто накопил капитал, часто криминальным путем.

Первые «комсомольские» фирмы, находясь под контролем и покровительством партийных органов, заработали первые миллионы, используя монопольное право на покупку импортных товаров по официальному курсу (1 доллар = 63 копейкам). При их продаже они получали прибыль порой в тысячу процентов, подкармливая заодно «присматривающее» за ними партийное начальство, контролируя часть международного туризма, видеобизнес, первые коммерческие банки (как, например, «Менатеп»).

Многие директора предприятий настояли именно на тех способах разгосударствления, которые дали им если и не контрольные пакеты акций, то их значительную часть. Собственно, директора и другие руководители предприятий имели право на определенный процент акций (что само по себе составляет круглые суммы, если иметь в виду огромные предприятия, особенно новейшие); не удовлетворившись этим, они скупали (обычно через подставные фирмы) акции у собственных рабочих и служащих, часто не полу-

чающих вовремя зарплату. В результате государственного протежирования (со стороны коррумпированной элиты) небольшие группы людей получили доступ к огромным богатствам.

Не удивительно, что подобная ублюдочная приватизация не привела к созданию сильного среднего класса, который мог бы стать опорой стабильной социально-политической системы, а привела лишь к олигархическим тенденциям, к обогащению «новых русских», многие из которых либо сами вышли из партийного и государственного чиновничества СССР, либо были близки к нему, пользовались его покровительством. «Новые русские» ошеломили не только соотечественников, но и европейцев размахом своих трат, стремлением к роскоши, вульгарностью своих вкусов. Это «яростное» потребление — реакция на нестабильность социально-экономического положения в России, опасность все потерять. Так, в 1995 году Россия купила больше престижных моделей «мерседесов», чем любая другая европейская страна. Характерно, что сам Е. Гайдар признал, что проведенная в стране приватизация — приватизация номенклатурная, заметив при этом, что иной и быть не могла: «везде и всегда перераспределение собственности протекало в интересах правящей элиты»[19].

Директора получили значительную независимость от государственного контроля. Вступая в сделки с чиновниками, финансовыми структурами, они приватизировали предприятия, основные фонды которых продавались по «остаточной стоимости», во много раз меньшей, чем их реальная стоимость. Среди директоров явно различаются две группы — традиционные (продолжающие оставаться в государственном секторе экономики) и новые — негосударственные. Директора быстро превратились в собственников[20].

Особую роль в экономической элите играет элита финансовая. В августе 1988 году был зарегистрирован первый коммерческий банк. Большинство первых коммерческих банков было прямо или косвенно связано с партийными деньгами, а также комсомольско-

[19] Известия. 1995. 10 января.

[20] Вот довольно типичная схема сколачивания новых капиталов. Директор крупного авиационного предприятия получает причитающиеся ему по плану 20000 тонн алюминия по 1600 р.за тонну; 20% этого металла он, добившись экспортной лицензии, продает за рубеж по 1500 долл. за тонну. Часть полученных денег (ок. 3 млн долл.) пошло на взятки «нужным» людям, небольшая часть — на покупку продовольствия для своих рабочих, свыше миллиона долларов — его личная доля. — *Прим. авт.*

молодежными. Часть первых банков разорилась или слилась с другими, некоторые превратились в финансовых гигантов (по российским масштабам). 12-м из зарегистрированных был «Инкомбанк», 25-м «Менатеп»[21]. Приватизировались и государственные банки, такие как Промстройбанк (ставший акционерным коммерческим банком), Жилсоцбанк (ставший Мосбизнесбанком). Президенты и директора банков превратились в крупных собственников (их обогащение легко был предвидеть — ведь от них зависело дать или не дать какой-то фирме кредит и на каких условиях).

Еще одна база рекрутирования бизнес-элиты — легитимизация существовавшей и ранее «теневой» экономики, представители которой создали фирмы, заполненные выходцами из криминальной или полукриминальной среды; бывшие «фарцовщики» и спекулянты стали «отмывать» свои капиталы, легализоваться. Переплетение интересов чиновников и бизнес-элиты, связанных с системой льгот, привилегий, лицензий, беспроцентных или низкопроцентных кредитов — основа формирования класса криминально-бюрократической буржуазии.

Исследователь российских экономических элит Я. Паппе определяет их как группы людей, которые занимают ключевые позиции в важных экономических, политических и социальных структурах, имеют общие интересы и осознают их, постоянно взаимодействуют между собой или, по меньшей мере, поддерживают регулярные контакты. Среди них Паппе указывает прежде всего на элитные группы, возникшие на базе государственной экономики: газовую и нефтяную элиты. Богатейшая «нефтяная элита» владеет крупнейшими нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими предприятиями. Их контрольные пакеты находятся в руках нескольких холдингов, таких, как Лукойл, (а ранее и ЮКОС). Отметим также элиту владельцев металлургических предприятий (а среди них «алюминиевых баронов». Элиты промышленных групп (обрабатывающей промышленности, АПК) менее влиятельны[22].

Банки и финансово-промышленные группы, сложившиеся в России в 90-х годах, особенно активно и успешно лоббировали

[21] По словам президента «Инкомбанка» В. Виноградова, учредители его начинали с развития МЖК. Будущий президент «Менатепа», затем ЮКОСа М. Ходорковский начинал с молодежной организации, внедрявшей научные разработки вузовских ученых на предприятиях. — *Прим. авт.*

[22] Паппе Я. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М., 2000.

скую экономику. Как признал Е. Гайдар (что соответствует социологическим опросам), лишь небольшая часть бизнес-элиты поддерживает радикальные рыночные реформы[24], большинство вписалось в криминально-бюрократическую систему. Сращивание коррумпированного чиновничества с бизнес-элитой и мафией родило такого монстра, аналогов которому не было в истории России. Если искать в мире аналогии, то ближе всего к нам находятся социальные системы наиболее коррумпированных стран Латинской Америки. Причем то, что криминализация постсоветской России не является случайностью, подтверждается тем, что в еще большей мере, чем в России, криминализация имеет место в других странах бывшего СССР — в Таджикистане, в Грузии, в Азербайджане. В Грузии начала 90-х годов третьим человеком в иерархии страны был «вор в законе» Иоселиани, в Таджикистане «вор в законе» Я. Салимов стал в 90-х годах министром внутренних дел (позже был направлен послом в Турцию, затем переведен на должность руководителя таможни). Бывший министр внутренних дел России Куликов признавал, что на теневую экономику России падает до 40% ВВП[25] (на деле больше. — *Г.А.*). Эксперты считают, что доходы коррупционеров сопоставимы с бюджетом страны, вывоз ими долларов составляет 200–300 миллиардов. Профессор М.Х. Фарукшин отмечает, что часть политико-административной элиты сама приобрела новые качества, использовав при этом свои властные позиции. «Можно сказать, что политическая власть и в центре, и в большинстве регионов "построила" бизнес-элиту, подчинив ее своей воле. Для самой же бизнес-элиты в целом ха-

[24] Известия. 1995. 7 апреля.

[25] Достаточно указать на связь владельцев российского алюминиевого бизнеса 90-х гг. с мафией: отсюда их постоянные кровавые «разборки». Российский криминалитет вышел на международную арену, стимулировал мировой подъем уровня преступности. В зарубежных странах, особенно в европейских, рос страх перед российской мафией, активно действующей и за рубежом. Государственный советник Италии по борьбе с мафией П. Винья считает (его служба опирается, по его словам, в числе прочих и на данные аналитиков РАН), что криминальная элита в 90-х гг. контролировала около половины коммерческих банков России и до 80% СП. В процессе приватизации львиная доля голосующих акций предприятий переходит в руки криминального и иностранного капитала (последний сплошь и рядом создан бывшими советскими гражданами с криминальным прошлым). В этом — одна из особенностей приватизации по-российски, открывающей путь к бесконтрольному вывозу из страны природных ресурсов и денежных средств. — *Прим. авт.*

рактерно отсутствие связи естественного стремления к получению наибольших прибылей с инновационным подходом к управлению, отсутствие рвения переоснастить производство на базе высоких технологий»[26]. Проще воровать, преступать закон.

Запутанность, нестабильность, а главное, противоречивость российских законодательных актов не оставляет предпринимателям никакого иного выхода, как преступать закон, поэтому в преступники можно записать при желании почти любого из них. Все это очень выгодно чиновникам, могущим брать взятки за свою снисходительность, юристам, обслуживающим фирмы, и особенно криминалитету[27]. Судебный процесс по делу «Юкоса» перечеркивает свой правовой эффект тем, что это явно выборочная атака на концерн, который заявил о своих претензиях на политическое влияние.

Сама российская преступность строится на принципах элитаризма, ее возглавляет элита криминалитета — «воры в законе». В России отбывают наказание сотни тысяч людей. Но «воры в законе», как правило, за решетку не попадают... Политическая элита России, часто говорит о борьбе с преступностью, с коррупцией, о «самых решительных мерах». Стоит ли удивляться нулевому результаты этой борьбы, если она ведется (а порой и возглавляется) коррумпированными чиновниками. Для искоренения преступности нужно создание такого социально-доминантного слоя, который бы не только не допускал в свои ряды людей, нечистых на руку, но и подвергал бы их остракизму, слоя, который бы связал свою судьбу с карьерой на государственной службе, которая была бы высоко престижной и гарантирующей ему обеспеченное будущее, так что опасность быть выброшенным из этой структуры была бы несоизмерима с возможностью нечестного обогащения. Но пока «борьба с коррупцией ограничивается словами. Российская «при-

---

[26] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. С. 36.

[27] В американском конгрессе прошли специальные слушания Комитета по международным делам палаты представителей 30 апреля 1996 г. на тему: «Угроза со стороны российской организованной преступности», с участием Дж.Дейча (бывшего директора ЦРУ), Л.Фри (бывшего директора ФБР). Председательствующий Б. Гилман заявил: «...Организованная преступность в России — это, вероятно, самая быстро развивающаяся отрасль... Во многих аспектах власть фактически предстает как крупномасштабная клептократия, ориентированная на то, чтобы обогатить стоящих у власти и их приближенных» (Известия. 1997. 4 апреля).

ватизация государства государством» в начале 90-х годов привела к возникновению олигархии, тесно связанной с политической элитой[28].

Кризис конца 90-х ослабил большинство банков, привел к разорению многих из них, но укрепил позиции банков, пользовавшихся покровительством правительственных учреждений. Этот кризис показал банковскому сообществу, что в России можно действовать успешно только в тесной кооперации с государственными органами. Мировой кризис 2008–20009 годов продемонстрировал, что крупные банки, тесно связанные с государством, были первыми, получившими многомиллиардную помощь из стабилизационного фонда. Уже в начале кризиса они получили значительную часть государственного резервного фонда. Формально деньги были даны избранным банкам для помощи реальному сектору экономики. Но вместо помощи реальному производству, в том числе градообразующим предприятиям, среднему и малому бизнесу, вместо поддержки курса рубля ВТБ, Сбербанк и другие тесно связанные с правительством банки значительную часть этих средств перевели в доллары и евро, чем ослабили рубль, также они вывели часть денег за рубеж, тем самым объективно «сыграв» против своей страны. А правительство вряд ли не могло предвидеть эти эгоистические действия банков. Эти деньги в значительной мере не дошли до реального сектора, ослабили позиции промышленности, особенно среднего и малого бизнеса. Это либо ошибка правительства, либо нечто худшее.

Мировой кризис 2008–2009 годов обнажил сущность нашей «бизнес-элиты». За два десятилетия своего существования она не создала конкурентоспособные высокие технологии, новые качественные автомобили, самолеты, дороги, не облегчила жизнь бедноты масштабной благотворительностью, она предпочитала делить между собой природные ресурсы, принадлежащие народу, прежде всего нефтяные и газовые, заниматься спекулятивной перепродажей не ей созданного имущества. Миллиардные состояния олигархов созданы не их талантами как менеджеров, чаще всего они явились результатом криминального сговора с коррумпированными чиновниками. Само криминальное происхождение их богат-

[28] Отметим, что коррупционная приватизация имела место в Польше (в отношении концерна "Orlen", страховой фирмы PZU) и других странах Центральной и Восточной Европы. — *Прим. авт.*

ства предопределило ее неконкурентноспособность, слабость. Не случайно, что на кризис она реагировала обращением за помощью к государству, чтобы переложить на него ответственность за свою бездарную, крайне рискованную, авантюристическую, «предпринимательскую деятельность». Так нужна ли России подобная «экономическая элита»?

Региональная элита. Теперь нам пора ввести еще одно измерение структурных элементов элит, перейти к анализу соотношения общероссийских и региональных элит. Перенесемся в декабрь 1991 года в Беловежскую пущу, где лидеры трех республик, совершенно нелегитимно презрев результаты всероссийского референдума, в ходе которого более трех четвертей населения СССР высказались за сохранения Союза, ликвидировали его. Беловежские сидельцы не имели никаких конкретных планов дальнейших действий. Первый президент России не имел четких стратегических планов относительно самой России.

Народы СССР пережили трагические дни и годы. Но давайте начнем с вопроса о том, кто выиграл от распада СССР (мы не будем говорить о республиках Прибалтики, а только о республиках СНГ). Народы всех этих республик пережили и многие из них продолжают переживать существенное падение своего жизненного уровня, социальной (да и военной) защиты. Главная причина катастрофического падения производства в этих странах — разрыв хозяйственных, а также и культурных связей. Но есть, по крайней мере, одна социальная группа, которая оказалась в выигрыше, подняла свой статус, свое богатство. Это — элиты бывших союзных республик Кто в мире знал республиканского партийного чиновника Л. Кравчука? А после Беловежского сговора он стал «фигурой», пусть второстепенной, в мировой политике. Кто знал Ниязова и других республиканских руководителей? Теперь все меняется. Именно элиты, а не народы добились «самостийности», стали хозяевами положения в своих республиках. А сколько открылось новых посольств, куда элита новых государств может направлять своих детей и племянников — Вашингтон, Лондон, Париж... А то, что эти посольства должны содержать обедневшие, порой обнищавшие народы — это «временные трудности», которые перекрываются «государственным престижем». Именно республиканские элиты были основными двигателями распада СССР (в том числе и политическая элита РСФСР, ибо провозглашение государ-

ственного суверенитета РСФСР только ускорило процесс дезинтеграции великой страны, и чтобы понять это, достаточно задать себе вопрос: день независимости от кого? А мы по недоразумению отмечаем 12 июня как официальный праздник.

Итак, основной причиной развала СССР была эгоистическая политика республиканских элит, которые, презрев результаты референдума, на котором около 80% населения Советского Союза высказалась за его сохранение, объявили о независимости своих республик. Удивительна лишь быстрота трансформации, например, Верховного Совета Украины, который до путча был настроен резко антисепаратистски, а после него проголосовал за независимость республики. Итак, эгоизм национальных элит стал одной из основных причин трагедии народов.

Республиканские и региональные элиты в угоду своим интересам не остановились перед расчленением страны. Республиканским элитам оказалось выгодным направить социальное недовольство своих граждан в русло национализма и враждебности к России как якобы носителя имперских традиций и виновника ухудшения социально-экономического положения населения своих республик. Конфликты между бывшими республиками СССР они склонны представить не как конфликты элит, не сумевших или не захотевших решить сложные проблемы перехода к новым реальностям, а как конфликты национальные. Но за этими якобы национальными конфликтами лежит небескорыстный и недальновидный расчет властвующих элит конфликтующих республик, которые инспирируют и поддерживают национализм[29]. Прошло немного времени, и эйфория, которую испытывали народы этих стран по поводу повышения статуса союзных республик до уровня независимых государств, исчезла, она сменилась разочарованием и горьким осадком.

А теперь перейдем к анализу региональных элит России. Постсоветские региональные элиты пережили три основных периода.

---

[29]Пример трансформации коммунистической элиты в традиционалистско-национальную мы видим в республиках Средней Азии. Смешно думать, что двигателем их действий была коммунистическая идеология. Жесткая иерархическая структура власти, присущая коммунистическому режиму, очень подходила местным обычаям, клановости, консервируя где родовой, а кое где феодальный строй. Ведь первый секретарь ЦК компартии республики обладал всей полнотой власти, рядом с ним — элита, подобранная по родовому, территориальному признакам. Сегодня это — президенты и та же политико- административная элита. — *Прим. авт.*

Первый — самый короткий (август 1991 год – 1992 год) — период наиболее хаотичный, когда продолжавшаяся кое-где советская власть соседствовала с властью, которая объявила себя демократической, где назначенные центром главы некоторых регионов соседствовали с первыми руководителями исполнительной власти, избранными населением региона. В конце 1991 года V Съезд народных депутатов постановил, что до декабря 1992 года главы исполнительной власти региона будут назначаться президентом по согласованию с соответствующим Советом народных депутатов[30]. Номенклатурные руководители регионов должны были смениться постсоветскими, хотя на деле подавляющее большинство членов региональной элиты (свыше 82%, по подсчетам О.В. Крыштановской[31]) были выходцами из старой номенклатуры.

Второй период (1993–1999 годы) был периодом регионализации, усиления субъектов Российской Федерации. Региональные элиты сумели оправиться от потрясений, связанных с крушением ранее существовавшей системы, консолидироваться, переосмыслить свои ценности и цели. Хорошо известно, что чем слабее власть центра, тем сильнее власть региональных элит. Именно этот процесс мы и наблюдали в России того периода; власть явно смещалась от центра к периферии. Известно также, что преобладание центробежных сил, ослабление центральной власти опасно для целостности страны. Собственно, в опасности этого процесса мы убедились на примере распада Советского Союза. А не является ли этот распад моделью, показывающей возможную судьбу и Российской Федерации? Отвечая на этот вопрос, еще раз посмотрим на процесс распада СССР с точки зрения отношений между центральными, республиканскими и региональными элитами и их роли в этом процессе.

Дезинтеграционные процессы 90-х годов породили феномен регионализации как реакции региональных элит на слабость центральных властей, их неспособность создать адекватную интересам народа концепцию государственного и социально-экономического строительства. Российский центр, ослабленный внутренними

---

[30] Только позже была введена выборность губернаторов населением региона. Как известно, в ближайшем будущем губернаторы будут избираться Законодательным собранием региона по рекомендации президента. — *Прим. авт.*

[31] Крыштановская О.В.Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 65.

противоречиями, терял способность эффективно управлять государством. Политика фаворитизма и клановой балансировки элит породила альтернативные центры власти, практика эксклюзивных льгот искорежила экономическое пространство России. В этих условиях региональные лидеры и региональные элиты, пользуясь конъюнктурой, набирая власть и богатство, добивались удовлетворения своих растущих претензий.

Соотношение сил между центром и регионами по сравнению с советским периодом радикально изменилось — уже не только регионы искали в Москве высоких покровителей, а московские кланы и элитные группировки искали поддержки регионов в своей борьбе за власть. Центр делал вид, что правит, регионы играли роль управляемых; в действительности роль центра неуклонно падала. Отказ от вековых (со времени феодальной раздробленности Руси) традиций централизма и авторитаризма не снял многочисленные препятствия на пути складывания новой российской государственности. Амбиции национальных и региональных элит — один из источников напряженности в обществе. Именно они являлись инициаторами движения за суверенизацию, в котором эти элиты стремились упрочить свое положение, уменьшив зависимость от центра и даже обособившись от него. И тут опять-таки следует помнить опыт, связанный с распадом СССР, когда разрыв традиционных экономических связей привел к росту разочарования, увеличил бедствия народа. Одной из составляющих процесса разрушения и расшатывания российской государственности является эгоизм и властолюбие политических элит некоторых титульных этногрупп, проводящих политику дискриминации лиц нетитульной национальности, прежде всего при рекрутировании элит национальных республик.

В большинстве регионов на ключевых властных постах сохранились представители бывшей партийной и советской элиты. Причем там, где в начале 90-х годов губернаторов назначал Б. Ельцин, подходя к назначению, как правило, с политическими критериями (из политиков, которые в 1991 году выступали против ГКЧП), обнаруживалось, что почти у всех была ахиллесова пята — они пришли во власть, не имея своей команды; власть на местах, принадлежавшая бессменному чиновничеству, сформировавшемуся по большей части в советские времена, не приняла их (Ельцин был вынужден некоторых губернаторов, назначенных его указами, затем отстранять от должности другими указами). С введе-

нием системы избрания губернаторов в большинстве областей и краев были избраны губернаторы, находящиеся в оппозиции к центральной власти. К этому толкало положение в большинстве регионов России — с невыплатой в срок зарплаты, ухудшением социального обеспечения.

В этой ситуации большая доля вины президента Ельцина и федеральной элиты — в попустительстве сепаратистским настроениям элит ряда регионов, заигрывание с этими элитами; все это имело печальные последствия для страны: процесс децентрализации вышел из-под контроля федерального центра. В начале 90-х годов — во время резкого ослабления федеральной власти — региональные элиты не преминули воспользоваться благоприятной ситуацией и значительно усилили свои позиции. Это было время, когда Ельцин сказал (а потом долго жалел о сказанном): «Берите столько суверенитета, сколько сможете». И региональные элиты взяли суверенитета, больше, чем смогли, пренебрегая угрозой распада России как единого государства. Региональные элиты России, впервые (после феодальной раздробленности Руси в XII–XIV веках) выходя на общероссийскую арену, пытались (и кое-где не без успеха) «тянуть одеяло на себя», представители регионов-доноров уверяли при этом, что «Россия живет за наш счет», добивались для своего региона особых условий, что угрожало поколебать целостность страны. Федеральной элите пришлось идти на заключение двусторонних договоров с элитой ряда регионов. И таким образом, российский федерализм в этот период приобрел ассиметричный характер. Восстанавливать вертикаль власти в России пришлось уже в начале XXI века.

Стремительное повышение роли и статуса региональных (республиканских) элит, которые в советское время были всего лишь послушными проводниками политики верхов, оказалось не подкрепленным организационно; российская провинция испытывала дефицит квалифицированных лидеров и элит, носителей свежих идей. В провинциях сформировались кланы (впрочем, многие из них сохранились со времен партноменклатуры). Региональная элита в ее современном виде сформировалась из выходцев из бывшей партноменклатуры, которую кое-где потеснили активисты демократических партий, а также из хозяйственных руководителей. Выше уже отмечалось, что в большинстве регионов России радикальной смены элит не произошло. Правда, есть и иные примеры. Политологи много писали о «муниципальной революции» начала

90-х годов в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и некоторых других городах. Но это скорее исключения, подтверждающие правило. У региональной элиты — свои «правила игры», обычно не через демократически институты, а через традиционные отношения номенклатурного и постноменклатурного патроната. Население всецело зависит от «начальства». В этих отношениях взятка играет еще бóльшую роль, чем в центре (и она менее маскируется), эта элита более самоуверенна, ибо знает, что простой человек с ней не может побороться. Старые фигуры (старая элита) в новых интерьерах — повсеместная картина в регионах. В телефонном справочнике административных и хозяйственных руководителей Воронежской области 1994 года почти сплошь те же имена, что и в подобном справочнике 1990 года. В 39 районах области из 39 руководителей лишь 5 были новыми. Порой региональные руководители сидели в тех же кабинетах, в которых они находились в советские времена, изменились лишь названия их должностей. «Новая старая» номенклатура осуществляла власть в Татарстане во второй половине 90-х годов: в корпусе глав городских и районных администраций из 57 человек 37 — бывшие партноменклатурщики; высшие должностные лица республики — все из бывшей партноменклатуры. Быстрые переодевания в новые одежды не затронули номенклатурной системы, только ее носители сменили идеологические ориентиры.

Во многих регионах в избирательных кампаниях конкурировали не коммунисты и демократы, как это часто изображается в средствах массовой информации, а весьма трудно различимые между собой и по программам и по своему номенклатурному прошлому кандидаты. Обычно соперничали выходцы из партноменклатуры, оказавшиеся в разных лагерях. А массы — как были вне власти, так вне ее и остались. Губернатор Тульской области Стародубцев пришел к победе на выборах 1997 года под лозунгами замены продажного руководства честными, трудолюбивыми профессионалами, истинными патриотами России. После выборов на руководящие посты в области были назначены представители вчерашней партноменклатуры (многие из которых — пенсионного возраста), а коррупция чиновничества продолжалась. В провинции, увы, особенно справедлива фраза о том, что чем больше перемен, тем больше все остается по-старому.

Сдвиг к исправлению диспропорций в отношении федеральных и региональных элит начался с 2000 года (третий этап в развитии

постсоветской региональной элиты) и связан с политикой В.В. Путина по укреплению вертикали власти в стране, с формированием концептуально продуманной региональной политики. Политико-правовые реформы 2001–2003 годов привели к существенному росту авторитета и влияния федерального центра в регионах, а регионы получили гарантированную финансовую помощь из центра. Нужно сказать, что существовавшие в 90-х годах отношения «центр — регионы» тяготили и саму элиту регионов, подавляющее большинство которых являются дотационными. Впрочем, конфликты с центром ослабляли также и позиции регионов-доноров. Если в 90-х годах федеральная элита, как мы видели, искала поддержки элит региональных, то с 2000 года сами региональные элиты усиленно ищут поддержки центра. А точнее говоря, стремление гармонизировать отношения «центр — регионы» становится обоюдным.

Заметим также, что в структуре постсоветских региональных элит доминирующую роль играла и продолжает играть политико-административная элита, точнее происходит конвергенция политико-административной и бизнес-элиты. Часто региональный лидер сосредотачивает в своих руках и административную власть, и финансовую. Иначе говоря, структура региональных элит гораздо менее плюралистична, чем структура федеральных элит (впрочем, эта тенденция — доминирующая роль политико-административной элиты в системе элит — проявляется в последние годы и на уровне федеральных элит)[32]. Отметим, что исследование проблем региональных российских элит занял одно из центральных мест в российской элитологии[33].

---

[32] Заметим, что региональные элиты не обошла раковая опухоль всей современной российской элиты — ее мафизация. Некоторые губернаторы, по свидетельству печати, находились в услужении у криминального бизнеса. Сращивание региональных элит с мафией видно на примере Приморского края. С помощью криминальных элементов губернатор Наздратенко и его окружение, в том числе коррумпированные милицейские чины, убирали «ненужных» людей, вроде мэра Владивостока Черепкова. «Воры в законе» имели своих покровителей и в местных элитах, и в московских. И частные фирмы, и крупные государственные предприятия порой вынуждены «уходить под крышу» криминальных групп. По мнению некоторых наблюдателей, «фракция» уголовных авторитетов в 1995 г. могла бы составить 10–15% общего числа народных избранников. Симбиоз российской бюрократии и олигархии оформился в новое издание номенклатурной системы и укрепление безраздельно властвующего чиновничества. — *Прим. авт.*

[33] Элиты и власть в российском социальном пространстве // под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 5.

Культурная элита. В структуре российских элит культурную элиту мы поставили на последнее место по причине малого влияния ее на управленческие решения в стране, по ее малому престижу в современной России. А в нормативном плане именно культурная элита должна занимать первое место среди социально-доминантных групп общества, среди других функциональных элит. Ибо подлинная элита человечества — это прежде всего духовная элита, основная функция которой — нормотворческая; она призвана генерировать новые идеи, ставить и решать смыслобытийные вопросы, освещать своему народу и всему человечеству путь в будущее. Под элитой интеллигенции мы имеем в виду не просто людей, профессии которых связаны преимущественно с умственным трудом (это — интеллектуалы), а людей с обостренным чувством справедливости, людей, ориентированных на гуманистические ценности. Это не Горбачев, Ельцин, Зюганов или Буш и Блэр, это — А. Эйнштейн, Б. Рассел, А. Швейцер, А. Сахаров, А. Солженицин. Это слой людей, традиционно критически относящихся к власти и не рвущихся к ней, их идеал — не платоновские цари-философы, а сократовские критики власти. Потому-то интеллигенция не избалована симпатиями властей, хотя последние почти всегда пытаются ее подкупить, поставить себе на службу и, когда им это удается, коррумпированные интеллектуалы перестают быть подлинной интеллигенцией.

Именно *культурная элита* более всего соответствует самой этимологии термина «элита» (или, по крайней мере, наиболее близка к нему), это именно лучшие, наиболее способные, творческие, могущие найти нетривиальные решения проблем, стоящих перед страной, человечеством, расширить его интеллектуальные горизонты, обнаруживающие узость рамок прежних подходов и выводов. Интеллигенция как элита — нравственный фермент общества, это те, кто принимают на себя ответственность за все, происходящее в мире — и за свою социальную группу, и за свой народ, и за весь мир (так понимал элиту, в частности, Х. Ортега-и-Гассет). Если принять расчленение В. Парето власти на ту, которая основана на силе, и ту, которая основана на убеждении, то политическая элита является носителем первой, а культурная элита — второй. Именно элита интеллигенции — зачинатель и катализатор прогрессивных процессов, в том числе модернизации общества, движения его к индустриальному и далее — к постиндустриальному обществу.

больший вклад в генерирование нового знания (научная элита) или в создание новых форм эстетического освоения действительности, кто внес наибольший вклад в развитие искусства — русского и мирового. В советский же период оказалась полностью искаженной иерархизация внутри интеллигенции. Формальная и неформальная структура культурных элит разительно отличалась друг от друга. Стоявшие во главе Союза писателей Г. Марков или Союза художников Н. Пономарев отнюдь не были самыми выдающимися, талантливыми, уважаемыми, но зато были одобряемыми политической элитой. Или сравним формальную и неформальную структуры советской философии 30–70-х годов. Формальную представляли академики М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов, Г.Ф. Александров, Л.Ф. Ильичев. Ни один из них не был выдающимся философом. Это были партийные чиновники от философии. А неформальная, подлинная элита этого периода — это совсем другие люди — это А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, Э.В. Ильенков, М.К. Мамардашвили.

Интересны механизмы отбора в культурную элиту: тут возникает социальный фильтр, который либо способствует пропуску и отбору лучших, наиболее талантливых, либо препятствует подлинной, естественной иерархизации. Так, при советской власти обрушивались репрессии на «идеологически чуждых» писателей, художников, таких как М. Зощенко, А. Ахматова, Э. Неизвестный, и, напротив, поддерживались дутые фигуры. Иначе говоря, официальная формальная иерархизация людей культуры бросала вызов подлинной дифференциации по критериям таланта, оригинальности, творческих вкладов в развитие культуры[34]. В перестроечный и постперестроечный период многие дутые и «от начальства поставленные», пользуясь словами М.Е. Салтыкова-Щедрина, были сброшены с пьедесталов. Увы, это не сделало постсоветскую культуру и ее элиту процветающей; культура деградирует уже по иной причине: она брошена в пучину рыночных отношений, где процветает массовая культура, обладающая массовым спросом, и опять-таки на поверхности — отнюдь не самые талантливые. Сохранение и развитие культурной элиты, во многом определяющей интеллектуальный потенциал страны, является важнейшей общенациональной задачей.

[34] См. подробнее: Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. С.А. Кугеля. СПб., 1993.

Культурная элита является важнейшим субъектом социального действия, носителем социальных перемен. Только активное меньшинство может дать первоначальный импульс обществу, являясь ферментом социальных перемен. Сознание элиты — специфический и целостный социальный феномен, оказывающий самое серьезное влияние на развитие общества. Поэтому так важно исследовать менталитет российской элиты, ее понимание будущего России (серьезную попытку такого исследования осуществила группа авторов под руководством К. Микулинского[35], а затем А. Понеделкова и А. Старостина[36]). Важнейшая функция элиты — выдвинуть новые идеи, которые могли бы сплотить российский народ, не допустить распада России, деградации ее культуры, не просто сформулировать высокие идеалы, а доказать их действенность на своем собственном примере, как это сделали А. Сахаров и А. Солженицин. Именно такая деятельность соответствует высшему нравственному закону, который И. Кант назвал категорическим императивом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». И эта главная нравственная задача, в решении которой авангардная роль должна принадлежать интеллигенции, остается нереализованной. Отсюда и подмена подлинной элиты суррогатной, псевдоэлитой временщиков. Мы уже говорили о том, что отчасти это можно объяснить тяжелой историей страны, тем, что в XX веке были истреблены целые поколения блестящих интеллигентов, вытравлялась сама интеллигентность, которая порой превращалась в бранное слово (и не только в лексиконе большевиков).

Хотя американизированный ширпотреб настойчиво продвигается на нашем телевидении и других СМИ, он не укореняется на нашей почве. А когда «элита новых русских» преподносит капиталистические ценности через СМИ массам, это вызывает рвотную реакцию (как на съезде кинематографистов, где говорили о патриотизме, о соборности, произносили другие слова «высокого штиля», но реакция народа была по-Станиславскому: «не верю»). Перефразируя непопулярного ныне классика, скажем: страшно далеки они (эта элита) от народа узок круг этой элиты, ценности

[35] Элита России о настоящем и будущем страны / под ред. К. Микулинского. М., 1996.

[36] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах; Их же. Элиты и будущее России: взгляд из регионов. Ростов н/Д., 2007.

традиционной российской интеллигенции (включая советскую) народу ближе, понятнее, роднее.

Культурную и прежде всего научную элиту можно дифференцировать на техническую и гуманитарную. Не случайно, что в политической и научной элите 30-х – первой половины 80-х годов преобладали люди с техническим образованием (что, разумеется, не означает, что они принимали технократическое мировоззрение). Горбачевская программа «ускорения» также ложится в русло технократического мышления (недаром в ней говорилось о «человеческом факторе», человеке как «факторе производства»). Напротив, в оппозиции конца 80-х – начала 90-х годов (в контрэлите) преобладала гуманитарно-ориентированная интеллигенция. Первая ориентация характерна для апологетов индустриального общества, вторая — гуманистически трактует постиндустриальное общество. Важная функция интеллигенции — защита общества от манипулирования народом политической элиты. Если же она питает власть, поставляя интеллектуалов, становящихся функционерами власти, она теряет качество интеллигенции. Вспомним различение, введенное А. Солженицыным, — интеллектуалов и «образованцев», из которых формируется номенклатура и неономенклатура.

Культурная элита видит свое призвание в том, чтобы поднять духовность россиян, сформулировать общенациональную идею, цели и пути развития страны. Эти цели, во-первых, экономические — подъем производства, достижение высокого уровня жизни. Но для российского менталитета, российской культуры приоритетными являются цели надэкономические, как более возвышенные, прежде всего нравственные, и подлинная элита России — не элита потребления, а элита духовности.

Опасен разрыв между элитой (в том числе культурной) и массой. «Западнические» и «почвеннические» модели обустройства России, которые предлагает значительная часть российской культурной элиты, разительно отличаются от массовых ожиданий. Замкнутость элиты на себе самой делает ее планы заведомо утопичными, заведомо провальными, как и попытку перенести западные экономические модели на Россию, игнорируя ее культурные традиции в условиях вакуума власти и отторжения конкурентной этики. Если элита будет отождествлять свои ценности с западными, в то время как большинство народа находится в другом цивилизованном поле, это будет трагедией элиты и трагедией народа. Однако

помимо западнического эпигонства и недоверия к российским культурным традициям нашу элиту и наш народ ждет еще большая трагедия, если победит та часть культурной элиты, которая ориентирована на национальную замкнутость, на мессианство, на изоляционизм и ксенофобию. Да, мы решительно против массовокультурной экспансии, угрожающей российской культуре, но мы за самые широкие международные контакты на уровне высокой культуры. От нашей культурной элиты народ ждет принципиально новых, нетривиальных решений и подходов к судьбам нашей страны. Он заинтересован в такой модернизации общества, которая не будет означать отказа от его лучших культурных традиций и вместе с тем не будет отказом от достижений современной цивилизации. Нам нужно движение к постиндустриальному обществу с сохранением своей идентичности, своих особенностей, иначе говоря, к культурному синтезу.

О современном положении культурной элиты страны красноречиво свидетельствуют проводимые в последнее время социологические исследования. Остановимся на двух исследованиях, проводившихся практически в одно и то же время — в 1999 и 2000 году, одно — в Москве, другое — в Ростовской области и Краснодарском крае. Оба исследования показывают падение престижа культурной элиты (даже в ее собственных глазах). Исследование московской культурной элиты показало, что больше половины респондентов не относят себя к элите общества, ссылаясь на свое унизительно низкое материальное положение и, главное, на то, что власти не считаются с их мнением (налицо явление, которое называется кризисом самоидентификации). Исследование культурной элиты Ростовской области и Краснодарского края также показало, что она утрачивает свой авторитет, что роль ее в развитии страны (региона) незначительна, что сама культурная элита деградирует, занятая самовыживанием. Культурная элита, как показали исследования, выступает за усиление государственной культурной политики, за систему поддержки наиболее талантливых деятелей культуры, науки, особенно молодежи[37].

---

[37] Понеделков А.В., Старостин А.М., Денисенко И.Ф. Элита культуры — новое позиционирование в политике как процессе // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2000. № 4; Ашин Г.К. Сфера науки, культуры и образования // Социология власти. М., РАГС, 2000.

Теперь стоит опять обратиться к мнению элитологов-экспертов. Д.Б. Тен анализирует взаимодействие элиты «второго плана», куда в современной России относится культурная элита, с элитами «первого плана» и делает вывод: «В целом первые играют подчиненную роль, что неудивительно, учитывая, например, характер собственности на СМИ, источники финансирования научных учреждений и пр. Впрочем, некоторая автономия сохраняется; пример: пробуксовывающая правительственная реформа РАН». А.Г. Чернышов: «Интеллектуальная элита отстранена на обочину. Информационная — в основном занимается обслуживанием интересов политической и бизнес-элит». А.В. Чирикова: «К сожалению, роль интеллектуальной и культурной элиты становится все менее заметной. Если не считать ее косвенное влияние через образование, которое получают чиновники в вузах». С позиций исторической перспективы смотрит на роли «элит второго плана» доктор исторических наук профессор Я.А. Пляйс: «У интеллектуальной элиты есть своя профессиональная и нравственная миссия, и от этой миссии она "не увиливает", несмотря на сложность своего положения»[38].

Взаимоотношение элит: конфликт или консенсус? Если вопрос, произошла ли на рубеже 80-х и 90-х годов смена элит или дело ограничилось их трансформацией, до сих пор вызывает споры, то переход от единой властвующей элиты периода тоталитаризма к усложнению структуры элит и, более того, к элитному плюрализму — несомненен. Этот процесс относится прежде всего к 90-м годам, в XXI веке он продолжался скорее по синусоиде.

Вместе с тем, существует и контртенденции, в связи с тем что ЕР, как мы видели, превратилась в суперпартию, которая практически монополизировала телевидение и ряд других СМИ. Действительно, в тоталитарной системе элита слитна, такое общество не может терпеть плюрализм ни в чем (мы помним «бульдозеризацию» выставки живописи), и тем более элитный плюрализм. Напротив, в развитом гражданском обществе, где существуют группы с различными интересами и для нормального функционирования политической системы существенно важен учет интересов этих групп, естественен элитный плюрализм. Советская элита была

[38] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. С. 42–43.

единой. Разве Сталин потерпел бы раскол элит? Эту элиту объединял общий интерес — поддержание советской системы. В постсоветской России существует не только элитный плюрализм, но и разобщенность и борьба группировок внутри политической элиты; клановый и групповой эгоизм внутри элиты чреват междоусобными стычками, нестабильностью.

А что принес России переход от единой к плюралистичной элите? И — более широко — что лучше для народа вообще — единая элита или даже плюралистическая элита, но добившаяся консенсуса внутри себя или же элита, находящаяся в состоянии конкуренции между различными функциональными элитами или даже конфликта между различными группировками политической элиты? На первый взгляд ответ элементарен: единая элита, действующая согласованно, предпочтительна конфликтующей элите. Но не будет ли такой ответ поверхностным и односторонним? Может быть, и вариант монолитной элиты, и вариант элиты, раздираемой конфликтами, — «оба хуже», оба противоречат интересам масс. Если элита монолитна, роль народных масс минимизируется, эта элита склонна к авторитарному правлению, часто не получая отпора. Но если идет война элит, страдает опять-таки народ. Р. Арон считал[39], что тут мы имеем дело с выбором между стабильностью и свободой. Конфликтующие элиты — угроза для стабильности политической системы. Но монолитные, бесконфликтные элиты — это угроза для свободы народа, превращение его в объект управления элиты. Различие элит, разделение труда между ними, их взаимная конкуренция и критика может делать народ посредником и верховным судьей в этом споре, элиты ищут поддержки у народа, они вынуждены выражать не свои узкогрупповые интересы, а интересы народа, ибо иначе победит конкурирующая элита.

Однако от борьбы элит страдает стабильность политической системы, и когда борьба доходит до конфликта, до междоусобицы — опять-таки страдает народ. По-видимому, и монолитность, и конфликт элит — это крайности, нужно искать оптимум в отношениях между элитами и во внутриэлитных отношениях. Но в развитой демократии конкуренция элит — это «игра по правилам», а не битва на жизнь или на смерть, которая приводит к кровавым столкновениям. Народ, играя роль арбитра, выбирает одну из элит, оставляя для другой возможность победить в следующей избирательной

[39] Раймон Арон. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

кампании и не допуская установление диктатуры победившей элиты. Советская элита, если и не была монолитом (в ней можно было различить функциональные элиты, например технократическую, культурную, да и в самой политической элите имелись различные клиентарные группировки), то во всяком случае отличалась формальным, прокламируемым единством — идеологическим и организационным, признанием руководящей роли партии, лидирующей функции КПСС и, соответственно, дисциплиной, располагала большим мобилизационным потенциалом. Постсоветская элита обладает значительно более сложной структурой, она плюралистична, интересы ее структурных элементов могут существенно различаться, порой центробежные силы внутри нее превосходят центростремительные, хотя общие интересы, связанные со стабилизацией социально-политической системы, ее объединяют. Структура постсоветских элит в этом плане более приближается к структуре элит развитых демократических стран, включающих политическую элиту (правящую и оппозиционную), экономическую, культурную и т.д. Вместе с тем существует и значительное различие между этими структурами. В России абсолютное верховенство много веков (и до революции, и в советское время) принадлежало политико-административной элите, она занимала решающие командные позиции. Еще сильны традиции неправового, полицейского государства, традиции тоталитарного и авторитарного периодов российской истории, когда политико-административная элита, по существу, бесконтрольно распоряжалась страной, а отношения между различными функциональными элитами были строго иерархизированы, это были вертикальные властные отношения: все элиты были подконтрольны политической и не могли бросить ей вызов. Сохранились и традиции чрезмерной персонификации власти (царя-батюшки, генсека, президента). Порой политические элиты до сих пор считают себя вправе командовать прочими социально-доминантными группами, ориентируясь на вертикальные структуры власти. А в условиях гражданского общества должны преобладать как раз горизонтальные связи. Социально-доминантные группы действуют в пределах своей компетенции, пусть даже политическая элита играет роль «стратегической элиты» (пользуясь термином С. Келлер). Все элиты, обладая относительной самостоятельностью в демократическом обществе, стремятся усилить свое влияние на власть. Итак, монопольная власть политической элиты — наследие прошлого, которое должно быть преодолено.

Разумеется, конфронтация элит опасна для стабильности социально-политической системы, она неминуемо ведет к ослаблению, а то и к дискредитации власти. Но и другая крайность — единая, монолитная элита опасна для масс, минимизируя их роль в политическом процессе, который творится элитой за закрытыми дверями. Поэтому в политическом процессе важно найти *оптимум в отношении элита – масса.* В России в XXI веке можно констатировать смену векторов движения (от движения к плюрализму в 90-х годах к однопартийности в первом десятилетии нового века)

Элитные группы российского общества — одни из наиболее конфликтных групп России. Социальные перемены 90-х годов привели к глубоким расколам внутри элиты. Конфликт элит или конфликт группировок внутри определенной элиты особенно опасен, когда он приобретает криминальный оттенок, что, увы, становится правилом постсоветской жизни, с вываливанием «компромата» на политического противника и даже с убийством по политическим мотивам.

Если конфликтная теория элит полагает, что существует единая правящая элита, предполагая совпадение господства, власти, собственности, то функциональная теория исходит из плюрализма элит, из того, что распределение власти, богатства между социально-доминантными группами, занимающими различное положение в обществе, определяется их функциональной значимостью в системе власти (для политической элиты), в системе отношений собственности (для предпринимательской элиты), в системе науки, культуры (для интеллектуальных элит). Функциональная концепция элит предполагает различие между системами ценностей, которым отдается приоритет (власть — для политической элиты, финансовые ресурсы — для бизнес-элиты, культурные инновации и их социальное признание — для интеллектуальных элит). К заслугам функциональной теории элит относится выявление групп, оказывающих давление на элиты (прежде всего, политическую элиту), выявление элитных групп, опосредующих отношения между политическими и предпринимательскими элитами, механизм этого влияния (от лоббизма до воздействия на средства массовой информации, финансирования политических партий и избирательных кампаний). Порой при таком подходе элитные группы отождествляются с группами давления, которые не имеют фиксированной социальной позиции в структуре общества. Идея плюрализма элит может обернуться отказом от фиксации уровней соци-

альной иерархии элит, их социального статуса исходя из динамизма, подвижности этих параметров.

Для стабильного государства важно поддержание динамического равновесия между различными группировками элит. Поскольку складывающийся российский истеблишмент заинтересован в социальной стабильности, доминирование одной элиты должно уступить место диалогу элит, учету интересов других социально-доминантных групп, горизонтальным связям между элитами. Плодотворны подходы к феномену власти, не отождествляющие ее с господством, делающие упор на достижение согласия и разделение функций и полномочий между различными социально-доминантными группами. Хотя ни бизнес, ни культура не отгорожены от дискурса властных отношений, функцию правящей элиты можно видеть не в господстве, а в достижении консенсуса социально-доминантных групп и, более широко, всех классов и социальных групп общества, в учете их специфических интересов при принятии политических решений. Для демократической политической системы должны существовать горизонтальные связи элит (а еще лучше, если они преобладают над вертикальными). Нам не следует сохранять жесткие вертикальные связи в отношениях социально-доминантных групп, являющихся референтными группами для населения; задача — наладить плодотворный диалог между ними, найти баланс сил между различными элитами, утилизировать потенции каждой из элит на благо общества (уйти от конфликтов, в которых победа любой из элит означает ущерб для общества). Вопрос об оптимизации межэлитных отношений, прежде всего политико-административной и экономической элит, обсуждался на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей в ноябре 2004 года. Бизнес и власть «вместе ответственны за развитие экономики», сказал выступивший на съезде В. Путин. От имени предпринимателей А. Вольский отметил, что страна по-прежнему находится на экстенсивном пути развития и, если на смену политике выживания не придет политика модернизации, «это время может войти в историю как либеральный застой»[40]. Действительно, политико-административная элита не может не быть не заинтересована в ускоренном экономическом росте, а чтобы он был, необходимо доверие бизнеса к власти. Россия не может развиваться без ускоренной модернизации, развития высоких

[40] Известия. 2004. 17 ноября.

технологий, без развития энергосберегающих и металлосберегающих технологий.

Итак, мы пришли к констатации низкого качества современных российских элит. «Современное состояние российских элит далеко от оптимального, — пишет С. Глазьев. — Властвующая элита, сложившаяся на почве разграбления государственной собственности и присвоения национального богатства, преследует в основном частные интересы, которые во многом противоречат общенациональным. Ряд характерных для властвующей элиты мотивов — обогащение за счет присвоения чужого имущества, вывоз накопленных сбережений за рубеж... подрывает возможности социально-экономического развития и разрушает общество. Невостребованность продуктивной элиты приводит к тому, что лучшие умы: известные ученые, инженеры, работники культуры — уезжают за рубеж... Несоответствие правящей элиты стоящим перед страной задачам, ее оторванность от национально-культурной среды и компрадорский характер являются фундаментальной причиной чудовищного разорения России, бедственного положения народа, разложения государства и вырождения нации. Без кардинального оздоровления правящей элиты, ее наполнения представителями продуктивной элиты выйти из кризиса на траекторию успешного социально-экономического развития невозможно»[41].

Курс на российские реформы не может осуществиться без квалифицированной политической элиты, без элиты предпринимателей, без научной элиты, разрабатывающей программу реформ. Важно найти механизмы, снимающие конфронтацию элит ради сохранения таких базовых ценностей, как целостность страны, благосостояние ее народа; отсюда — важность выработки механизмов нахождения компромиссов, партнерства внутри элит и между ними. Оптимальна такая система отношений между элитами, когда преобладает не тенденция конфронтации, но эффективного взаимодействия, понимания того, что функции различных социально-доминантных групп общества взаимодополнительны и компромисс между элитами — в интересах их самих и общества в целом. Взаимодействие и сотрудничество элит — важное условие социального развития, основанного на партнерстве, важный элемент неконфронтационного развития.

---

[41] Глазьев С.Ю. От социальной элиты к аристократии духа // Политическая элита. Ежегодник. М., 2003. С. 12.

Внутриэлитный баланс сил и его динамика. А теперь бросим ретроспективный взгляд на структуру, внутреннее взаимодействие и соотношение элитных групп России за последние два десятилетия. Конец 80-х – начало 90-х годов были временем перехода от единой партийно-бюрократической элиты к элитному плюрализму, к конкуренции политико-административной, экономической (бизнес-элиты), культурной, федеральной и региональной элит. 90-е годы были временем ослабления федеральной власти и, соответственно, федеральной политико-административной элиты. Традиционному для России верховенству этой элиты бросают вызов региональные элиты и бизнес-элита. Ослаблением федеральной элиты воспользовались региональные элиты (особенно элиты национальных республик — субъектов РФ) и значительно усилили свои позиции. Федеральной элите пришлось идти на уступки, на заключение двусторонних договоров с элитой ряда регионов (например, с Татарстаном), в результате чего российский федерализм начал приобретать ассиметричный характер.

Середина и вторая половина 90-х годов было временем, когда наиболее влиятельным сегментом в структуре российских элит стала олигархическая элита, отдельные представители которой «ногой открывали» дверь президентского кабинета, «пробивали» свои проекты и расплачивались многомиллионными подачками президентской семье. Возросшее влияние региональных, а затем и олигархических элит ослабляло единство страны, ее мощь, и поэтому насущной проблемой для России в начале XXI века стало восстановление вертикали власти.

Период 90-х годов в России можно сравнивать с периодом «дикого капитализма» в США XIX века. Это был период, когда миллиардные состояния сколачивались «из воздуха», а точнее из богатейших недр России, прежде всего нефтяных, которые приватизировались кучкой толстосумов с благословения коррумпированных чиновников. Это был период жульнической ваучеризации, когда богатейшие предприятия России продавались за суммы, в десятки и сотни раз меньшие их действительной стоимости (а чиновники получали «откат» и также превращались в долларовых миллионеров). Олигархи в связке с высшим бюрократическим слоем стали высшим слоем в структуре властной элиты России.

Изменения в структуре российских элит, изменение баланса внутриэлитных сил наступает с 2000 года и связано с президентством В.В. Путина, когда и происходит укрепление вертикали

власти в России, когда криминально-олигархический капитализм эволюционирует в сторону государственного капитализма, укрепляется президентская власть и вместе с ней усиливаются позиции бюрократической верхушки. Если в 90-е годы в России преобладали центробежные силы, то в первом десятилетии XXI века побеждают силы центростремительные, укрепляются госинституты. Новым элементом в этот период является значительное усиление влияния силовых структур в системе политико-административной элиты России.

По сравнению с псевдолиберальным хаосом с элементами анархии и широким представительством криминалитета в политико-административной элите 90-х годов период начала XXI века был периодом определенного упорядочения государственного управления, периодом стабилизации политической системы. Однако задачи демократического транзита и создания гражданского общества не удается решить должным образом, и они продолжают стоять на повестке дня. Во властных структурах прослеживаются элементы авторитаризма, порой совершаются действия, не усиливающие, а тормозящие процесс демократизации (как, например, переход от избрания губернаторов к их фактическому назначению сверху, от выборности председателя Конституционного суда к его назначению Советом Федерации), не ставится проблема диалога политико-административной элиты с гражданским обществом при решении важнейших вопросов общественной жизни, чтобы не политико-административная элита, а народ в соответствии с Конституцией РФ стал подлинным субъектом государственной власти и государственного управления, а бюрократический аппарат выполнял бы задачи технического оформления решений, воплощающих волю народа, широко привлекал население к участию в государственном управлении. «Управляемая демократия» все более клонится к авторитаризму. «Единая Россия» все более напоминает КПСС.

В XXI веке мы наблюдаем несомненный отход от системы элитного плюрализма в сторону элитного монизма. Поскольку в стране не создана система противовесов, необходимая для действенного разделения властей, ведущей, доминирующей силой является исполнительная власть, при более слабой законодательной и еще более слабой, зависимой от политико-административной элиты судебной власти. Партия «Единая Россия» фактически монополизирует основные телевизионные каналы. Поскольку после выбо-

ров 2003 и 2004 годов, и тем более 2008 года, в стране нет сильной оппозиции, происходит некоторый возврат де-факто к политическому монизму, моноцентризму при том, что элитный плюрализм предпочтительнее с точки зрения развития демократии. В 2008 году без политической борьбы, по существу, автоматически избирается президентом Д. Медведев, кандидатура которого названа В. Путиным, т.е. еще раз используется сценарий преемника. Усиливается вертикаль власти, редуцируется система горизонтальных связей. По существу происходит возврат к однопартийной системе. Отсутствует сколько-нибудь сильная оппозиция, которая должна существовать в демократической системе.

Теперь посмотрим на оценку экспертами (ими в исследовании А.В. Понеделкова и А.М. Старостина явились 25 видных российских элитологов) элитологической ситуации и динамики ее изменений в России. Оценивая конфигурацию власти в современной России с позиций моделей Р. Миллса и Р. Даля, большинство опрошенных элитологов склоняется к тому, что пока в России работает скорее модель Миллса, власть сконцентрирована в руках элит и происходят процессы ее концентрации[42].

Период с 1989 до 2000 года был временем движения от единой, монолитной элиты партократической бюрократии, к плюрализму элит — политико-административной элиты, бизнес-элиты, возникшей в последние годы перестройки и укрепившейся в постсоветское время, региональных элит, роль и влияние которых возрастает, культурной элиты, которая после короткого взлета в перестроечный период вскоре вернулась на свое «законное», с точки зрения влияния на власть, последнее место. Период, начавшийся в 2000 году, стал периодом доминирования политико-административной элиты, а также возрастания роли элиты силовых структур. До сих пор в стране отсутствует четкое разделение властей — имеет место доминирование власти исполнительной, при значительной более слабой законодательной и совсем уж слабой и не являющейся независимой де-факто судебной властью. Учитывая отсутствие сильной оппозиции в стране, некоторые политологи считают даже, что страна возвращается к доминированию единой властвующей элиты, чем-то напоминающей советский период. Думается, такое сравнение означает некоторое преувеличение.

[42] Понеделков А.В., Старостин А.М. Российские элитологи об элитах. С. 29.

Было бы натяжкой делать вывод о том, что мы возвращаемся к советской модели монолитной элиты. Скорее мы возвращаемся к традиционной для России модели управления, в которой постоянно доминировала политико-административная элита, где всегда были сильны элементы авторитаризма. И даже увеличение в элите процента выходцев из силовых структур, что является новой тенденцией по отношению к постсоветской элите, этому не противоречит: большое представительство выходцев из силовых структур — характерная особенность и дореволюционной российской элиты (впрочем, это представительство было достаточно высоким и в советский период).

Пожалуй, интересно поставить вопрос о том, какая модель структуры элит и политическая система в целом могут считаться оптимальными для России? Думается, это скорее всего была бы система, где элиты чувствовали бы себя не «хозяевами земли русской», а наемным персоналом, пользующимся уважением и прежде всего квалифицированно обслуживающим интересы формирующегося в стране гражданского общества. Условием демократизации элит является движение к усилению элитного плюрализма, конкуренции его субъектов, транспарентности каналов рекрутирования элит.

А теперь нужно сказать о нетерпимости того жалкого положения, которое занимает в системе элит *культурная элита*. Ведь именно культурная элита менее других элит одержима стремлением к монопольной власти, и уже поэтому пребывание ее наверху властной пирамиды было бы менее всего болезненно для общества. Именно культурная элита могла бы быть неформальной элитой того негосударственного сегмента общественной жизни, который и можно назвать гражданским обществом, способным поставить под свой контроль правящую элиту, осуществить с ней партнерские отношения. Укрепление авторитета и влияния культурной элиты в системе российских элит является одним из магистральных путей строительства гражданского общества.

Что же касается роли культурной элиты в процессе демократического транзита России, то значительную роль она сыграла лишь в период перестройки, особенно в 1989 и 1990 годах. Это был ее звездный час, она была популярна, ее голос был слышен и авторитетен в массах, она внесла свой вклад в критику недемократического режима, узаконившего монополию правящей партии. Но — «мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Культурная элита, подо-

рванная псевдореформами в области образования, науки, искусства, брошенная правительством на произвол рынка, обреченная на обнищание, серьезного участия в дальнейших играх элит, борющихся за власть, не принимала. Причины этого ясны. Во-первых, эта элита, которая в наименьшей степени ориентитирована на власть. Во-вторых, в постсоветский период она и не имела этого шанса, если бы даже пожелала войти во власть как самостоятельная сила. Прочие элитные акторы не считали ее серьезным соперником в борьбе за власть, в лучшем случае обращались к ней за поддержкой в очередных избирательных кампаниях, причем среди культурных элит серьезной силой они признавали разве только элиты средств массовых коммуникаций. Так что вычеркнем культурную элиту из серьезных претендентов на власть, оставим ее там, где она, собственно, и находится — на периферии политической жизни, сделав исключение лишь для медийной элиты, которая всегда «на подхвате», и перейдем к «более серьезным» политическим акторам, «тяжеловесам» в политике. Но маргинальное положение культурной элиты в системе элит — трагедия для общества, одно из главных препятствий построения демократического самоуправляющегося гражданского общества.

Если определить общий вектор развития постсоветских российских элит за первое десятилетие (90-е годы), это движение от единой, «монолитной» элиты советского периода к элитному плюрализму. Однако это — не плавный, линейный процесс. Внутри этого главного направления мы видим и контртенденции — переход от почти классической модели более или менее равновесных межэлитных отношений (тут напрашивается аналогия с системой «сдержек и противовесов» в структуре западных моделей политических систем) к доминированию в 90-х годах олигархической элиты, которая оказывала прямое воздействие на политическую элиту (не говоря уж о других элитных группах) и принятие стратегических решений. В начале XXI века такой доминирующей элитной группой является политическая элита (которой ассистирует элита силовых структур, растет присутствие представителей силовиков в политической элите и других элитных группах). И резко падает влияние олигархической элиты в стране в целом и прежде всего ее влияние на политический процесс (особенно в период мирового кризиса).

Роль культурной элиты остается слабой как в 90-х годах, так и в первом десятилетии XXI века. Это изменение внутриэлитных

отношений можно рассматривать либо как волновое, колебательное, либо как продолжение традиционного для российской истории преобладания политико-административной элиты над всеми другими элитными группами. Во всяком случае это уменьшение плюрализма, усиление властной вертикали сопровождается сжатием демократии.

Основной вектор политического развития постсоветской России — от монопольной тоталитарной элиты к элите плюралистической — сменился движением от многопартийности к несомненному доминированию одной партии, неравенством в допуске разных политических партий к СМИ, прежде всего к телевидению. Ряд политических наблюдателей ожидает, когда российский политический маятник по закону движения всех маятников изменит свой вектор до положения оптимального для страны равновесия.

ГЛАВА

16 РЕКРУТИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Важнейшая задача элитологии — определение возможностей и путей повышения качества политико-административной элиты. Объективные критерии этого качества — результаты ее управленческой деятельности, синтетическим показателем которых является качество жизни ее населения: процветает страна или находится в состоянии упадка. Главные индикаторы здесь — благосостояние, здравоохранение, образование, социальная стабильность страны, обеспечение внешнеполитической, экологической, продовольственной безопасности, высокий уровень культуры народа, его духовности, вопрос о том, насколько полно реализуются его творческие потенции, насколько высок уровень его участия в определении политики страны. На достижение высоких показателей по этим критериям и должна быть направлена деятельность элиты, служащей обществу, а не рассматривающей его как средство достижения своих частных, эгоистических, партикулярных целей. И тут важнейший вопрос: действует ли политическая элита в интересах общества или же правит для удовлетворения собственного властолюбия и тщеславия, прикрываясь демагогическими утверждениями о заботе о благе народа.

Но для достаточно полной оценки качества элиты важны и субъективные критерии — ее нравственный, культурный, образовательный уровень, ее квалификация, а также такой существеннейший критерий, как отношение к ней населения. Тогда мы получим и ответ на вопрос о том, насколько легитимно правление этой элиты. О низком рейтинге политической элиты России свидетельствуют проводимые в последние годы опросы общественного мнения. Известно, что на общественное мнение оказывают влияние средства массовой информации, журналисты, публицисты, политические обозреватели, наконец, профессиональные политологи, не говоря уже о политических деятелях. Тогда возникает вопрос о том, можно ли считать качество элиты результатом стихийного политического процесса или же создание элиты заслуг, меритократии, квалифицированной элиты — это процесс управляемый, на который можно повлиять. Исследуя пути повышения качества элиты, элитологи

обычно указывают на такие пути, как смена старой элиты, исчерпавшей себя, деградировавшей, неспособной вписаться в новые социально-политические реалии, как внутренняя трансформация элиты, расширение ее социальной базы, масштабные персональные изменения в элите, изменение способов и типов рекрутирования элиты, элитное образование как способ повышения этого качества. Ниже мы коротко рассмотрим пути и возможности повышения качества элиты, обратившись к опыту, накопленному элитологией.

Типы и каналы рекрутирования элиты. Очевидно, что качество элиты во многом зависит от принципов ее формирования (рекрутирования). Известно, что политическое рекрутирование — это вовлечение людей в активную политическую жизнь. И важнейшее место в нем занимает процесс рекрутирования политико-административной элиты, обладающей наибольшими властными ресурсами, иначе говоря, процесс продвижения к вершинам политической иерархии. Механизмы элитогенеза и рекрутирования элиты различны, они зависят от характера общественно-политического строя (кровно-родственные отношения, принадлежность к правящему сословию, имущественный ценз, старшинство, партийная принадлежность, личная преданность лидеру, профессиональная компетентность и т.д.). Они направлены на решение стоящих перед обществом задач, на подбор на элитные позиции тех людей, которые обеспечат решение этих задач. Посредством этого процесса формируются законодательные и исполнительные органы современного государства, правительственный аппарат, руководящие кадры государственных учреждений. Исследовать процесс этого рекрутирования — значит исследовать политический процесс с точки зрения того, как люди вовлекаются в политику, выдвигаются на руководящие политические посты (в том числе становятся политическими лидерами), устанавливают политические контакты, как они делают политическую карьеру.

Важнейшими каналами рекрутирования элит являются государственный аппарат, органы местного самоуправления, политические партии, бизнес (выходцы из которого часто выдвигаются на элитные позиции в государственном управлении), система образования (особенно элитного образования). Роль и удельный вес каждого из этих каналов различны, они зависят от традиций той или иной страны, уровня ее политической культуры. Например, для стран Латинской Америки армия является одним из важнейших каналов рекру-

тирования элит, для стран Западной Европы это один из менее важных каналов. Российские социологи констатируют рост роли армии и силовых структур для формирования политической элиты в начале XXI века (в период президентства В.В. Путина). Для политической системы США одним из важнейших каналов формирования политической элиты является большой бизнес (происходит широкая миграция из бизнеса в политику и обратно).

В Российской Федерации (особенно на региональном уровне) важное место, как отмечают политологи, имеет клановый принцип формирования элиты, для которого характерны патрон-клиентские отношения, отношения личной преданности, корпоративная ориентация, значительная закрытость, непотизм.

В стабильных политических системах рекрутирование элиты институтизировано, то есть осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами (обычно освященными традициями), в результате чего персональный состав элиты с большей или меньшей периодичностью обновляется, а сама политическая структура остается в значительной степени неизменной. По-иному обстоит дело в условиях крутой ломки политической системы, в периоды политической нестабильности. Тогда происходит трансформация или смена элит; люди, занимавшие ключевые позиции в государственном управлении, лишаются своих постов; возникает много вакансий, которые заполняются с нарушением обычных рутинных норм. Недостатка в желающих занять элитные позиции общество никогда не испытывает, что стимулируется высоким статусом управленческой деятельности, престижем, возможностью получения ряда привилегий, в том числе материальных. Иное дело — насколько квалифицированными оказываются новобранцы на элитных позициях, каковы их моральные и деловые качества.

Система рекрутирования элиты имеет исключительную важность для политической системы; она может либо обеспечить более или менее равные возможности доступа к власти всем гражданам, либо ограничить эти возможности, а то и вовсе лишить их. Одна из характерных черт подлинно демократической политической системы — создание возможностей для каждого гражданина достичь такого положения, которое дает ему право считаться членом политической элиты[1].

[1] Eulau H., Czudnovski M. (eds.). Elite Recruitment in Democratic Politics. N.Y., 1976. P. 24.

В процессе рекрутирования политической элиты важнейшие моменты — широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты (селекторат), наконец, процедура, механизм этого отбора. Опыт последних двух-трех тысячелетий свидетельствует о том, что закрытая элита, которая формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей собственной ограниченной базе, неминуемо деградирует, загнивает, рано или поздно уступая место обществу с более открытой элитой, что ведет к изменению всей социально-политической структуры. И чем более закрытой является элита, чем уже ее социальная база, тем меньше у нее шансов продлить свое господство, выжить в соревновании с другими социально-политическими системами. Следует оговориться, что эта закономерность действует в тем большей мере, в какой оказывается более развитой система социальных коммуникаций, в том числе связей между странами, культурами, цивилизациями. При отсутствии или малой развитости таких связей общество с закрытой элитой может весьма долго сохранять свою устойчивость.

С. Келлер пишет: «Рекрутирование элит — предмет долгих дискуссий со времен Платона. Хотя специфические теории Платона (евгеническая теория) не защищаются ныне, идея о том, что элиты должны обучаться... и быть меньшинством, основанным на компетентности и морали — до сих пор незыблемы»[2]. Если иметь в виду, что существует три основных типа элиты — элита крови, элита богатства и элита способностей[3], то можно выделить три основных типа рекрутирования элит: по критерию знатности, богатства и способностям. Чаще всего эти критерии бывают смешанными, но с приближением к постиндустриальному обществу эти критерии неизменно эволюционируют в сторону таланта и способностей. Во всех случаях эти критерии были тесно связаны с типом общества, в котором осуществляется рекрутирование.

В целом можно сказать, что качество элиты зависит от способов ее рекрутирования, от того, насколько элита «прозрачна», открыта для наиболее активных, образованных, способных к инновациям людей из всех классов и слоев общества, а также от того, существуют ли заслоны на пути вертикальной социальной мобильности для

[2] Keller S. Beyond the Ruling Class... P. XI.

[3] Еще А. Шопенгауэр выделял три типа аристократии: аристократию рождения, аристократию богатства и аристократию ума и таланта. — *Прим. авт.*

людей случайных, нравственно нечистоплотных, т.е. действительно ли в элиту попадают наиболее достойные в нравственном и интеллектуальном отношении люди. Открытость элит — важный элемент «открытого общества» (термин К. Поппера), где высок уровень социальной мобильности. И соответственно, закрытые, непрозрачные элиты — элемент «закрытого общества», где социальная мобильность низка или даже отсутствует. Закрытый тип рекрутирования элиты является исторически первым, тогда как второй является результатом развития политической системы, ибо требует для своего функционирования высокого уровня политической культуры. Первый тип характеризуется прежде всего узостью социальной базы этой элиты. Это — господствующий класс, слой, сословие, который и монополизирует политическую власть; все элитные позиции заняты его ставленниками. Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для политической системы традиционного общества, а по отношению к современным политсистемам — для авторитарных и тоталитарных политических режимов. Поскольку данный тип рекрутирования элиты сужает социальную базу последней, препятствует занятию элитных позиций наиболее способными людьми из низших страт общества, инакомыслящими и т.д., она обрекает политическую систему на застой, последняя неминуемо вырождается, утрачивает способность к эффективному управлению, по существу, провоцирует образование контрэлиты, превосходящей правящую элиту по своим интеллектуальным и пассионарным показателям, которая использует недовольство масс существующей социальной системой для ее свержения, для смены элиты. Отметим, что наиболее дальновидные идеологи традиционного общества, такие как Конфуций, понимали недостатки закрытого типа рекрутирования элиты. Чтобы прорвать стену этой закрытости, Конфуций подчеркивал необходимость системы сдачи экзаменов на право занятия государственной должности.

Следует отметить общую тенденцию изменения рекрутирования элит от традиционного общества к современному. С. Келлер подчеркивает смену монолитных традиционных правящих классов гетерогенной сетью элит, собственность перестает быть основой формирования элит, обнаруживается явная тенденция перехода к типу рекрутирования элит, базирующемся уже «не на ascriptive (предписанных), принципах, а на receptive, achieved (основанных на собственных достижениях)», тенденция к тому, что правящие (стратегические) элиты более не образуют когерентную группу,

основанную на наследственном статусе и сильном чувстве социальной идентичности. Сейчас вопрос в том, можем ли мы подойти к модели рекрутирования элит на основе их компетентности и способности решать современные задачи. Келлер считает, что в демократическом обществе самое важное — репрезентативность политических элит. Модели рекрутирования и селекции элит позволяют судить об их ригидности. Причем важна не только мобильность индивидов в их движении на элитные позиции, но и подъем или падение целых групп внутри элиты[4].

Типологизация рекрутирования элит по основанию открытость — закрытость представляется нам более правильной, чем по основанию демократизм — авторитаризм, как предлагают некоторые политологи. Отметим, что и в демократических системах элиты могут весьма различаться по степени открытости. В этой связи интересен подход американского политолога Б. Рокмэна, вычленяющего две тенденции отбора элит в современных демократических системах — гильдийную и антрепренерскую. Для системы гильдий характерна высокая степень институтизации в процессе отбора, важная роль образования, прежде всего специального, медленный путь наверх, тенденция к воспроизведению характерных черт уже существующей элиты, небольшой, относительно закрытый селекторат. Антрепренерская система отбора исходит из того, что индивидам, стремящимся попасть в элиту, необходима поддержка не только внутри управленческой системы, в которой они и собираются делать карьеру, но и вне этой системы, и они находят эту поддержку (т.е. опираются на более широкий селекторат), и инерциальные силы организационных норм в меньшей степени тормозят их продвижение в элиту. По гильдийной модели обычно осуществляется селекция бюрократической элиты, а политическая элита рекрутируется преимущественно по антерпренерской модели. В системе гильдий кандидаты на продвижение должны обязательно угодить небольшой группе лиц наверху (которые и выполняют функции селектората). Бюрократическая элита заинтересована в организационной рутине, в привычных методах, в преемственности. Для антерпренерской системы, где селекторат более широкий, кандидату на элитные позиции нужно влиять не только на вышестоящих лиц, но и апеллировать к влиятельным людям вне этой системы. Критерии селекции разнообразны и противоречивы,

[4] Keller S. Op. cit. P. XIII–XX.

при продвижении вверх можно миновать карьерные ступеньки и рутинные процедуры. Только в этой системе, замечает Рокмен, «на высший пост США смог подняться бывший киноактер, вступивший в политику в 55 лет»[5]. Если спроецировать эту типологию на российскую историю последнего времени, можно сказать, что только по первой модели могли продвигаться наверх лидеры застоя, а по второй — многие лидеры начала постсоветского периода.

Но вернемся к более широкой типологии рекрутирования элит — закрытой и открытой. Открытый тип рекрутирования элиты обычно основывается на отборе, имеющем вид «честного конкурса», при котором решающим моментом являются личные качества человека, его способности, его образованность, нравственные характеристики, а не его (или его родителей) социальное положение, принадлежность к определенной социальной группе (привилегированному сословию, классу, национальности или группировке). Только при условии, что именно индивидуальные, а не надиндивидуальные характеристики должны быть критерием отбора, элита может быть ассамблеей лучших, достойнейших, то есть меритократией. Если же превалирует принцип выдвижения на элитные должности не самого умного, способного, честного, но зато «своего» человека, доказавшего преданность социальной группе, клану, лидеру, — это означает закрытый тип селекции, ведущий к негативным последствиям для общества и в конечном счете к деградации элит.

Однако, как убедительно показал выдающийся российский социолог П.А. Сорокин, вряд ли когда-либо существовало и когда-либо сможет существовать общество абсолютно закрытое, где отсутствовала бы вертикальная мобильность, равно как и общество, в котором вертикальная мобильность была бы абсолютно свободной[6]; подобное общество было бы абсолютно бесструктурным. Таким образом, общество с абсолютно открытой или абсолютно закрытой элитами — это «идеальные типы» (в веберовском смысле), реальные политсистемы лишь приближаются к одному или другому. Наиболее «чистой», приближающейся к модели полностью закрытой элиты является древнеиндийская кастовая система, в которой касты кшатриев и брахманов отделены практически непроницаемой перегородкой от низших каст; к этой модели близко большинство древневосточных деспотий. К противоположной

[5] Советское государство и право. 1988. № 5. С. 111–112.

[6] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 295–424.

модели — общества с открытой элитой — в наибольшей степени приближаются современные демократии, однако и тут утверждения об «обществе равных возможностей» скорее декларация о намерениях, чем констатация политической реальности. И в этой политической системе выходцы из высших страт общества, обладающие деньгами, социальными связями, возможностями для получения дорогостоящего образования обладают лучшими стартовыми возможностями для элитной карьеры.

Один из крупнейших американских политологов Г. Лассуэлл справедливо отмечал, что нельзя абсолютизировать тезис о «равном доступе к власти» в западных демократиях, просто тут нет абсолютных барьеров на пути рекрутирования элит. Демократия отличается главным образом тем, что она стремится уменьшить эти барьеры. Ждать большего было бы, по мнению Лассуэлла, «нереалистично», хотя бы потому, что социальный процесс требует определенного уровня социальной стабильности, а постоянная смена элит может расшатать политсистему. Политологические исследования свидетельствуют о том, что большая часть политической элиты рекрутируется из высших социальных страт. Так, в ФРГ до половины элиты рекрутируется из высшего и высшего среднего классов, составляющих 5% населения[7].

Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для традиционного общества, а по отношению к современным политическим системам — для тоталитарных и автократических политических режимов. Поскольку этот тип сужает социальную базу рекрутирования элиты, он обрекает политсистему на застой, она утрачивает способность к эффективному управлению, снижает качество элиты и, по существу, провоцирует образование контрэлиты. Социальная база элиты в демократических странах более широкая, даже при существовании в них господствующего класса, который цепко держит в своих руках основные нити государственного управления, выходцы из низших страт оказываются более представленными в политической элите. Это не означает, что в классово-дифференцированном обществе элита превращается в бесклассовую группу. Как убедительно показал Р. Михельс, избрание в парламент, назначение на значительную государственную должность выходца из низшей социальной страты обычно меняет его образ жизни, он перенимает стиль жизни и привычки представителей более высокой социаль-

[7] Eulau H., Czudnowski M. (eds.). Op. cit. P. 239.

ной страты, интегрируясь в существующую социально-политическую систему. Итак, существующие демократические политические системы явно не дотягивают до критериев открытой элиты, модель открытой элиты скорее норматив, цель которого они явно не достигли. Большая часть административного аппарата состоит не из избираемых, а назначаемых чиновников, и тут селекторат достаточно узок. Но узость селектората не обязательно свидетельствует о недемократичности политсистемы. Тут важен критерий отбора, которым руководствуется селекторат — представляет ли он собой честный конкурс, конкуренцию на основе способностей и заслуг или решающим оказываются богатство, знатность, связи.

А каковы традиции рекрутирования элиты в России? Если прав А.И. Пригожин, который относит Россию к типу обществ синкретических, где ценность человека определяется не столько его качествами, сколько принадлежностью к конкретному социальному целому — профессии, нации, классу, сословию, организации[8], то вряд ли это способствует укреплению и совершенствованию ее политической системы.

Более чем тысячелетняя история России — это типичная история закрытой политической системы и, соответственно, закрытого типа рекрутирования элиты с жесткой иерархизацией: великий князь (царь) – удельные князья – боярство – дворянство. Определяющим принципом рекрутирования элиты было местничество, назначение на высшие должности (например, на воеводство) определялось не столько квалификацией и даже заслугами, сколько знатностью, родовитостью. Немалую роль при рекрутировании элит традиционно играл фаворитизм. Нужно сказать, что принцип местничества не устраивал и складывающееся самодержавие и не только потому, что оно снижало качество элиты, сколько потому, что в интересах самодержавия было уменьшение автономии феодалов, усиление их зависимости от трона, чтобы они получали элитные посты «за службу» царю, а не за собственную родовитость. Конфликт между царем и боярством достиг своего апогея при Иване IV, когда он вылился в создание параллельного механизма управления — опричнины, привел к ослаблению роли боярства, хотя Боярская дума продолжала существовать как совещательный орган и при Михаиле, и при Алексее Романовых.

---

[8] Пригожин А.И. Патология политического лидерства в России // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 23–24.

Реформы Петра I подорвали местничество (но отнюдь не уничтожили его). Боярская дума была заменена Сенатом, назначаемыми государем чиновниками. Дворянство становится единым господствующим сословием, принцип местничества подрывался критерием квалификации и заслуг, что, впрочем, не перечеркивало сословность, а совмещалось с ней (преимущественное право на занятие высших государственных должностей имели дворяне).

Иерархизация чиновничества упорядочивалась введенной Петром I в 1722 году «Табели о рангах», которая во многом учитывала опыт западноевропейских стран по структурированию бюрократической системы. Это не означало, что правящий класс феодалов выпустил власть из своих рук или даже поделился ею с низшими сословиями; закрытая элита лишь слегка приоткрыла дверь для выходцев из более низких социальных слоев. Таким образом, ограниченное признание принципа квалификации и личных заслуг не подрывало сословность, а лишь модернизировало ее. В конфликте принципов эффективности и наследственности господствующий класс не шел на серьезный компромисс, на ущемление своих привилегий, но лишь на некоторые уступки; это приводило к тому, что принцип эффективности обычно приносился в жертву принципу сословности. «Манифест о вольности дворянской» 1762 года, освобождавший дворянство от государственной службы, превращал его в откровенно привилегированное, в определенной мере паразитическое сословие.

Процесс ослабления наследственной закрытости элиты, однако, продолжался в XIX веке (реформы Александра I, особенно в ранний период его царствования и гораздо более последовательные либеральные преобразования Александра II). В политико-административную элиту России проникают выходцы из разночинцев, вводятся элементы местного самоуправления. Хотя нежелание высших слоев общества служить государству (что вело к росту паразитизма высшего сословия России) вело к снижению удельного веса дворянства в низших и средних структурах аппарата управления, доля потомственных дворян в высших звеньях госуправления не падала в XIX ниже 70%[9]. Значительная демократизация государственного управления имела место в начале XX века под влиянием революции 1905–1907 годов (выборы в Государственную думу означали новый канал формирования элиты и др.).

[9] Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 166.

Но все это не решало радикально вопрос об отходе от закрытости элиты. Стабильная правящая элита должна включать в себя лучшие интеллектуальные силы общества, иначе она отталкивает последних. Крах самодержавной монархии был в значительной мере связан с крахом закрытой сословной элиты. Среди контрэлиты, возглавившей борьбу неэлит, прежде всего рабочего класса, крестьянства, победителями оказались левоэкстремистские силы во главе с большевиками.

Октябрьский переворот, сметя старую политическую систему, не привел к открытому рекрутированию элиты, на смену сословно-монархической элите пришла советская, рекрутирование которой приняло характер номенклатурной системы[10]. О последней сказано немало, — в частности, таким известным ее критиком, как автор нашумевшей в свое время книги «Номенклатура» М. Восленский. Поэтому остановимся лишь на некоторых ее чертах, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего изучения. Большинство советологов называют эту систему закрытой, аргументируя это тем, что путь на высшие номенклатурные (т.е. элитные) должности возможен лишь для членов номенклатуры, занимавших более низкие позиции, то есть для тех, кто уже входил в эту систему. Если это и справедливо, то лишь отчасти. Во-первых, исследователей, называющих номенклатурное рекрутирование элиты полностью закрытым, можно упрекнуть в неисторичности. Они забывают, что социальная база советской политической элиты многократно расширилась по сравнению с прошлым. В нее хлынул поток новых людей из социальных низов, и послереволюционная система рекрутирования элиты была во всяком случае менее закрытая, чем дореволюционная. Возможность элитной карьеры открылась перед гораздо большей частью населения страны, чем до революции. И хотя вертикальная мобильность ограничивалась целым рядом параметров — социальное происхождение (путь в элиту был закрыт для выходцев из бывших «паразитических классов», репрессированных органами государственной безопасности), политико-идеологическая лояльность, в ряде случаев нацио-

[10] В.П. Мохов определяет номенклатуру как организацию общества, при которой верховная власть «определяет тех, кто будет проводить политику Центра по отношению ко всему обществу», как способ «в условиях форсированного индустриального развития найти замену рыночным отношениям» (Мохов В.П. Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века. Пермь. 2004. С. 3, 36).

нальность, — все же новая система рекрутирования была менее закрытой, чем прошлая. Подобную систему рекрутирования элиты правильнее было бы назвать полузакрытой. Можно было бы даже утверждать, что в историческом плане это было шагом вперед. Этому мешает лишь одно обстоятельство: мы не можем не признать, что политика массовых репрессий, проводившаяся большевиками, в том числе против представителей прежней элиты, отрицательно сказалась на генофонде нации.

Американский советолог К. Фармер, исследуя рекрутирование элит, проводит различие между естественными (в нашей терминологии — «открытыми», и думается, что этот термин имеет преимущества, так как открытые элиты, как мы видели, не есть нечто «естественное», но результат исторической эволюции) элитами, которые «естественно возникают в условиях неконтролируемой конкуренции» (а элитные позиции — следствие обладания людьми определенными качествами), и «искусственными» элитами (близко к нашему термину «закрытые» элиты), члены которых занимают элитные позиции независимо от их качеств. Номенклатурную систему Фармер считает «безусловно искусственной»[11]. Мы уже отмечали, что осования для такого суждения имеются. Номенклатурная система сохранила высокую степень закрытости рекрутирования элиты. Достаточно сказать, что ни один высший политический руководитель страны не был избран в качестве такового легитимным путем всенародного свободного голосования.

В чем суть номенклатурной системы? Официальные советские источники определяли номенклатуру как «перечисление наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются и утверждаются парткомами (райком, обком, ЦК)»[12]. Кстати, и М. Восленский пользуется этой дефиницией как рабочим определением, конкретизирующем выявления сущности номенклатуры, заключающейся, по его мнению, в том, что она являлась правящим классом в СССР[13].

Понятие «номенклатура» оказывается ключевым для понимания административно-политической карьеры в Советском Союзе, для рекрутирования элиты. Основные ступеньки номенклатурной

[11] Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N.Y., 1994. P. 3.

[12] Партийное строительство. М., 1981. С. 300.

[13] Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза, М., 1991. С. 149.

карьеры: кандидат в члены КПСС, затем член КПСС; избрание на внештатный партийный пост (парторг, член партбюро и т.д.), что означает попадание в партактив; попадание в номенклатуру (в список должностей, назначение на которые — прерогатива парткомов), включение в номенклатуру определенного уровня, особенно высокого (обычно этому предшествовало включение в «резерв на выдвижение»). Иерархия номенклатурных должностей включала: номенклатуру райкома (горкома) КПСС; обкома (крайкома, автономной республики); ЦК компартии союзной республики; Секретариата ЦК КПСС; Политбюро ЦК КПСС. Высшие ступеньки политической карьеры — кандидаты в члены ЦК КПСС, члены ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, члены Политбюро ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС.

М. Восленский считал, что численность номенклатуры составляла около 750 тыс. человек (с семьями — более трех миллионов, т.е. менее полутора процентов населения). Он полагал, что советская элита — это социальная база номенклатуры. Думается, однако, что соотношение элиты и номенклатуры скорее обратное: номенклатура — более широкое понятие, чем элита. Советская элита — это люди, занимавшие верхние ступеньки в номенклатурной иерархии. Поэтому и численность советской элиты на несколько порядков ниже. Многие советологи относят к советской элите кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Ревизионной комиссии КПСС, членов ЦК КПСС; наряду с политической элитой сюда входили и представители технократической, военной, официальной культурной элиты. Но и этот в значительной мере, формальный подход нуждается в уточнении: в этот список могли не входить некоторые первые секретари обкомов, особенно вновь избранные, заместители заведующих влиятельнейшими отделами ЦК КПСС, некоторые члены военной верхушки, министры. Вместе с тем некоторые кандидаты в члены и члены ЦК КПСС — «номенклатурные» рабочие и колхозники, введенные в ЦК с целью «представительства трудящихся», но не обладавшие ресурсами власти, — не входили в политическую элиту де-факто.

Система номенклатуры не была стабильным институтом. Период сталинщины был периодом быстрых карьерных взлетов, обеспечивавшихся массовыми репрессиями и, как результат, постоянно возникавшими номенклатурными вакансиями. С середины 50-х и особенно с 70-х до середины 80-х годов система номенклатурной селекции стабилизируется, рутинизируется. Возможно-

сти продвижения наверх в условиях застоя были ограничены низкой сменяемостью элит: высшие государственные должности занимались фактически пожизненно. Система отдавала предпочтение хорошо «обструганным» партийным чиновникам, доказавшим свою лояльность правящей элите. И обрубались пути наверх личностям незаурядным, самобытным, нонкомформистским. Таков был номенклатурный «истеблишмент». В этой связи уместно напомнить наблюдение Ф. Хайека: чем выше умственные способности и уровень образованности индивидуумов, тем резче разнятся их вкусы и взгляды, а «тот, кто ищет единство взглядов, должен опуститься в сферы, где доминирует более низкий моральный и интеллектуальный уровень»[14].

В течение десятилетий система номенклатурного рекрутирования не удовлетворяла притязания людей с высокими интеллектуальными способностями, творческих, талантливых, потенциальную элиту общества, толкая их на диссидентство или внутреннюю эмиграцию, в контрэлиту (ситуация, чем-то напоминающая российскую ситуацию начала XX века, приведшую к трем революциям). Политическая система не может считаться устойчивой, если ее элита не включает в себя людей с высоким интеллектуальным потенциалом, с высоким уровнем пассионарности; в этом случае последние образуют контрэлиту, которая будет выше по своему качеству, чем правящая элита.

Номенклатурная система связана к клиентализмом, т.к. назначение на номенклатурную должность зависело от расположения вышестоящих инстанций. Номенклатурные руководители опасались тех, кто может их обойти, «подсидеть», продвигая по службе тех, кто внушал доверие своей преданностью, т.е. фактически практиковали отрицательный отбор. Тем не менее вывод, что каждое следующее поколение номенклатурной элиты ниже по своим интеллектуальным и профессиональным качеством, был бы некорректным. В 50–80-х годах росли формальные требования к людям, делавшим элитную карьеру (например, требование высшего образования — общего или полученного в высших партийных школах или Академии общественных наук при ЦК КПСС), но неизменно изгонялись те, кто не отвечал принятым стандартам. Все это закономерно приводило к деградации элиты, неспособной ответить на вызов постиндустриальной эпохи. Номенклатурная система была нацелена прež-

[14] Хайек Ф. Дорога к рабству // Новый мир. 1990. № 8. С. 189.

де всего на развитие в человеке исполнительских качеств. А в постиндустриальном обществе, которому приходится нетрадиционно, новаторски решать проблемы, с которыми человечеству зачастую еще не приходилось сталкиваться, необходимы механизмы отбора в элиту высокоодаренных людей, способных к инновациям, к синтезу возникающих в мире передовых технологий и социально-политических институтов и культурных традиций страны. В этих условиях номенклатурная элита, которая в период экстенсивного развития экономики могла мобилизовать массы (прежде всего насильственными методами) на решение стоящих перед страной задач и добиваться при этом определенных успехов, в новых условиях не могла не быть препятствием социального прогресса.

Перестройка была попыткой обновить элиту, удалив из нее наиболее консервативные элементы с целью спасти политическую систему. Но система, основанная на монополии партии на власть, была обречена. Смена элит в СССР диктовалась и необходимостью смены поколений, стоящих у власти. Фактически несменяемость элиты в застойные годы вылилась в правление геронтократии, которая практически была неспособна управлять огромной страной, и поэтому власть полностью оказалась в руках партийно-государственной бюрократии. В период перестройки произошло значительное омоложение правящей элиты (более чем на 4 года). Социальная мобильность элиты, минимальная в годы застоя, многократно возросла в годы перестройки.

К началу перестройки четыре пятых членов Политбюро были выдвиженцы Брежнева, только четверо были выдвиженцами Андропова. Горбачев проводит генеральную чистку Политбюро и ЦК КПСС. Пиком этой чистки был апрельский (1989) Пленум ЦК, когда подали в отставку 74 члена ЦК и 24 кандидата в члены ЦК.

Два десятилетия застоя (в том числе кадрового) сменились процессом бурной трансформации элиты, что было одной из причин дестабилизации всей политической системы, каждый член политической элиты чувствовал себя под ударом, были разрушены основные традиции номенклатурного рекрутирования элиты. Как и следовало ожидать, результатом этого было то, что вся элита дружно возненавидела лидера перестройки и только ждала удобного момента, чтобы сместить, а лучше уничтожить его.

На протяжении шести лет шли перманентные чистки и перемены в номенклатуре, особенно высшей; в состав государственно-

административной и партийной элиты вошли люди, ранее не входившие в номенклатуру (таковых было более 25%). Но Горбачеву это не помогло: его предали его же выдвиженцы. Социологически это легко расшифровывается: их корпоративные интересы оказались выше личной лояльности, более приоритетными в ценностной шкале этого слоя. Курс на демократизацию и гласность, переход к рыночным отношениям несли угрозу номенклатурному истеблишменту, подрывали устои власти партийно-советской элиты и, как следствие, вызывали тайный саботаж со стороны самой политико-административной элиты.

Подытожив сказанное, нетрудно сделать вывод о том, что номенклатурная система рекрутирования элиты недемократична, несправедлива, неэффективна. Но хотелось бы предостеречь от односторонних оценок. Прежде всего, важно, с чем мы соотносим эту систему рекрутирования элиты. Если с демократическими нормативами — все отрицательные эпитеты будут уместны. Но поставим ее в исторический контекст, сравним с дореволюционной и постсоветской системами рекрутирования элиты — и наши критические стрелы несколько притупятся. Номенклатурный управленческий аппарат порой работал более четко и слаженно, чем постсоветский, выпускал гораздо меньше документов с грубыми «ляпами», которые становились причиной скандалов и которые приходилось дезавуировать. А кадры, производимые этой машиной, оказались весьма живучими и далеко не случайно заняли многие высшие должности в постсоветских странах (Б. Ельцин, Л. Кравчук, Н. Назарбаев, Э. Шеварнадзе, Г. Алиев, С. Ниязов, И. Керимов, А. Бразаускас, П. Лучинский и др.). Объясняется ли это тем, что эта система производила людей, ориентированных на власть любой ценой, а идеология (коммунистическая) была лишь обрамлением этой главной цели? Именно эти люди обладали наибольшим опытом управленческой работы, и с ними не смогли конкурировать митинговые демократические лидеры, не прошедшие школу управления.

И второй вывод. Мы справедливо отвергаем номенклатурную систему. Но просто зачеркнуть ее опыт, начиная рекрутирование элит в постсоветской России с нуля, было бы неправильно.

Самое печальное — в том, что из номенклатурного опыта мы берем не отдельные позитивные моменты (такие, например, как сочетание вертикальной и горизонтальной мобильности в карьерах членов политико-административной элиты), а как раз ее негативные черты, такие как непотизм, протекционизм, клановость, отсутствие

подлинной конкурсности, идеологическая ангажированность, пусть с иными знаками, чем коммунистическая. Рекрутирование постсоветских элит во многих отношениях оказывается слепком с номенклатурного рекрутирования. Именно поэтому постсоветскую элиту часто не без оснований называют неономенклатурной.

Американский советолог Дж. Клюгмен, описывая факторы, способствующие попаданию в советскую элиту (речь идет о конце 80-х годов), пишет, что для элитной карьеры определяющими являются «вертикальные отношения между патроном и протеже. Более широкие социальные связи — вне команды — также важны: друзья, родственники, бывшие соученики, бывшие коллеги. Такие команды могут формировать нечто подобное мафиозным "семьям"[15]. Описание Клюгменом рекрутирования советской элиты периода перестройки сильно напоминает рекрутирование постоветской элиты. К сходным выводам приходит исследователь клиентарных отношений в среде российского постсоветского чиновничества М. Афанасьев. Приведем результаты опроса им слушателей Российской академии государственной службы при Президенте РФ, проведенного в 1995 году. Слушатели считают, что карьеру чиновника определяют главным образом отношения личной преданности, а также поддержка какой-либо экономической или финансовой структуры; влияние этих факторов гораздо сильнее, чем профессиональные характеристики (исполнительность, квалификация, образование, интеллектуальная самостоятельность)[16].

Таким образом, постсоветская элита (как и советская) сохраняет клановый характер, что в значительной мере обусловлено традициями российской политической культуры. Часто вместо термина «элита» используют термины: «правящая группа», «клика» и наиболее часто (и, на наш взгляд, не безосновательно) «клан», так как этот термин фиксирует сложившиеся в российской элите отношения, характеризующиеся значительной степенью закрытости, партикуляристской ориентацией членов группы, широкой распространенностью патрон-клиентских отношений, сплочнностью вокруг лидера; доказательства личной преданности лидеру стали выступать основой структурирования элитной группы.

Вместе с тем термин «клан» не вполне адекватен по отношению к структурированию российской элиты. Исторически кланы

[15] Klugman J. The New Soviet Elite. N.Y., 1989. P. 5.

[16] Афанасьев М.А. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.

формировались на основе родственных и этнических отношений, они свойственны правящим группам государств «третьего мира», они более точно характеризуют структуру элит среднеазиатских, закавказских постсоветских стран. Клановость — одна из главных причин деградации социально-политической систем этих стран. Тем не менее и российские элитные группы структурируются на основе ориентации на личность лидера, а не на безличные рациональные процедуры в веберовском духе, что не способствует становлению в чиновничестве гражданского сознания, ведет к архаизации элит-массовых отношений. Эти элементы клановости противоречат мировой тенденции движения к меритократическим элитам, являются препятствием становления демократической организации российской государственности.

Однако не стоит гипертрофировать сходство в рекрутировании советских и постсоветских элит, оставляя в стороне существенные различия между ними. Уже первые относительно демократические выборы 1989 года означали появление принципиально нового, причем мощного, канала рекрутирования элиты, где роль селектората выполняло не номенклатурное сито, а все население, точнее электрорат. Это был крутой поворот, несомненный прогресс для страны. Иное дело, что этот новый канал не привел к коренному улучшению качества элиты, что прежде всего связано с низкой политической культурой электората, с отсутствием в стране демократических традиций, что привело к тому, что избиратели отдавали голоса то В. Жириновскому, то С. Мавроди, то А. Коржакову. Этот канал не поставил препятствий для рекрутирования в элиту не просто беспринципным карьеристам (которые были в избытке представлены в номенклатурной элите), но и тем «новым русским», которые сделали состояние на коррупции.

Характерной стороной и моментом постсоветского транзита 90-х годов стало смена моделей рекрутирования элит — от номенклатурной, монополизированной политико-административной бюрократии к плюралистической, многоканальной, многопартийной, с несколькими центрами власти; наиболее сильным из новых центров власти оказалась на некоторое время бизнес-элита.

Номенклатурное рекрутирование опиралось на четкие «правила игры»; попавших в номенклатурные списки ждала, как правило, размеренная долгая карьера. Постсоветское рекрутирование элиты отличается, помимо гораздо меньшей регламентации, еще и многоканальностью. Плюрализм элит, сменивший единую номенкла-

турную элиту, означал и различие каналов и путей рекрутирования элит, различие правил и норм, складывающихся в продвижении наверх внутри различных элитных группировок и слоев. В целом можно сказать, что продвижение в элиту ускорилось, больше возможностей появилось у сравнительно молодых людей занять элитные позиции. Подавление путчей 1991 и 1993 годов стало стимулом прихода в политическую элиту новых людей, частичной смены и обновления элит. Это было время быстрых, порой головокружительных карьер и не менее быстрых падений. Что касается падений, то они продолжались и в последующие годы. Однако, следует заметить, что довольно скоро приток свежих людей в элиту уменьшается (1994–1997), идет процесс усиления исполнительных органов по сравнению с представительными, «назначенцев» на элитные должности по сравнению с избранными на элитные посты; доступ в элитные группы ограничивается в связи с их заполненностью.

Тенденция к дифференциации элит дополняется контртенденцией — сращиванием элит: политико-административной, финансово-экономической и — самое страшное для страны — мафиозной. Происходит криминализация значительной части политической и экономической элит; представители мафиозных кланов рвутся к власти.

Демократические перемены в ранее тоталитарной или авторитарной политической системе должны принципиально изменить модели рекрутирования элиты, стиль поведения последней, образ жизни, чтобы она не уподоблялась старой номенклатуре, озабоченной главным образом институтизацией своих привилегий. Увы, этого не произошло, неономенклатура во многом оказывается зеркальным отражением прежней элиты. Новые элитные группировки России сплошь и рядом оказываются результатом разложения и распада номенклатуры.

Наиболее распространенный способ продвижения «наверх», дающий максимальные шансы на успех в нынешней России, — стать членом «команды», работающей на влиятельного лидера, обрести покровителя, то есть вступить в клиентарные отношения (плюс — покровительство финансового спонсора, часто мафиозного). Между этими командами и внутри них непрерывно ведется открытая, а чаще закулисная борьба, имеют место скандалы, «разборки», борьба «компроматов». Итак, решающую роль в деле продвижения в элиту по-прежнему играют не личные достоинства, а принадлежность к «команде», клану, социальной группе, что,

разумеется, препятствует отбору в элиту действительно лучших, наиболее способных и, главное, высокоморальных людей.

Можно согласиться с утверждением А. Коржакова о том, что в ельцинской элите России оказались люди, «все меньше и меньше склонные следовать государственным интересам. Они лоббировали интересы кого угодно: коммерческих структур, иностранных инвесторов, бандитов, личные, наконец»[17]. Но тут только следует добавить, что эти слова в полной мере могут быть адресованы и самому автору книги, из которой взята эта цитата, и элитной группировке, в которую он входил и которая оказывала сильное влияние на президента и правительство.

Разумеется, высокоморальную элиту может иметь только высокоморальное общество. Связь тут двусторонняя, и именно на элите лежит особая ответственность. Ведь элита — это люди, в нормативе обладающие ценностями, на которые ориентируется население, их референтная группа. Она решающим образом влияет на формирование общественного мнения, которое играет важнейшую роль в защите общества от энтропии и стагнации. Аморальная элита — первый индикатор больного общества. Низкий уровень доверия населения России политической власти опасен для стабильности политической системы. Отметим, что критика властвующей элиты — имманентный признак демократической политической системы. Вместе с тем следует признать, что постоянная дискредитация политической элиты, поддерживаемая средствами массовой информации, снижает эффективность политсистемы. Критикуя политико-административный аппарат, СМИ почти не пишут о позитивных моментах в его деятельности, а политологи явно недостаточно разрабатывают программу улучшения рекрутирования элиты.

Президенту В.В. Путину прежде всего предстояло укрепить государственную структуру, властную вертикаль, преодолеть кризис легитимности ельцинского периода. Кадровая чехарда, характерная для позднеельцинского периода, сменилась относительной стабильностью. Реформа политической системы начинается с изменения взаимоотношений федерального центра с регионами, с создания семи административно-территориальных округов, руководимых полномочными представителями президента. Первый президентский срок Путина вывел из кризисного состояния отношение между центрами власти, между конкурирующими элитами,

[17] Коржаков А.В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 359.

внес большую упорядоченность в функционирование властных органов. Но характер политической системы в целом не изменился. Это продолжающаяся власть элиты высших чиновников, олигархов (их власть была подорвана, но не сломлена). Пожалуй, наиболее существенной новацией в российской элите путинского периода было значительное усиление роли и влияния «людей в погонах» в структуре российской властной элиты.

Хотелось бы отметить элементы некоторой преемственности в сфере рекрутирования элит при всей контрастности политических режимов России в последние три столетия. Так, читая введенный в 1995 году Закон «Об основах государственной службы Российской Федерации», невольно проводишь параллель с петровской «Табелью о рангах» и, в известной мере, с четко фиксированными регламентациями и привилегиями советской номенклатуры. Несомненно, позитивным моментом закона является то, что он предусматривает аттестацию государственных служащих. Регламентация карьеры чиновников — дело, в общем, нужное, но ясно, что эта регламентация лишь форма, и важно, каким содержанием эта форма наполняется. Попытки упорядочения системы рекрутирования элиты для повышения качества последней в авторитарных системах и в странах с неразвитой демократией часто носят паллиативный характер. Особую важность представляет вопрос о том, будет ли политико-административная элита рекрутироваться по открытой модели или же ее основой будет узкогрупповой интерес или личные пристрастия политического лидера.

Интересный анализ мобильности элиты дан О.В. Крыштановской, которая выделяет три фазы: инкорпорацию (вхожение в элиту), ротацию (перемещение кадров внутри элиты) и экскорпорацию (выход из элиты)[18]. Вхождение в элиту — это наделение индивида властным ресурсом, позволяющим иметь определенное влияние на процесс принятия политических решений, своего рода политическим капиталом, что, естественно, вызывает чрезвычайно высокую конкуренцию. И этот капитал не только атрибут элитной должности, он приватизируется, становится атрибутом инсайдера, причем он всячески старается увеличить его, занять все более высокое место в элитной иерархии.

Подавляющее большинство элитологов ограничиваются исследованием процесса вертикальной мобильности в элиту. Крышта-

[18] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. С. 84.

новская же специально исследует движение вниз по социальной лестнице, прежде всего выход из элитной групп, экскорпорацию, то, что порой называется «выпадением из обоймы», утрату элитного статуса, перемещение человека в неэлиту. Впрочем, возможна и частичная утрата политического капитала, или движение вниз по иерархической лестнице внутри элитной страты. Порой этот выход из элиты смягчается переводом этого человека на внешне престижные, но мало влияющие на политический процесс должности, то есть для него создаются своего рода синекуры (подобно тому, как в советские времена, члена ЦК КПСС, не справившегося с работой на самом высоком правительственном или партийном посту, переводят на якобы «спокойную» работу посла, тем самым нанося двойной вред дипломатическому ведомству — во-первых, самим приходом на эту доллжность непрофессионала, который почти всегда допускает существенные промахи на новой работе, и, во-вторых, перекрывая карьерный путь по-настоящему высокопрофессиональному, талантливому дипломату). Впрочем, такого рода перемещения имеют место и в постсоветский период. Однако для постсоветского периода гораздо более характерны перемещения на престижные посты в бизнесе, поскольку бывший политик сохраняет определенные связи в верхах, знание «корридоров власти», что полезно для бизнес-структур, причем его доходы, как правило, значительно возрастают. Порой высшие чиновники, занимая элитный пост, заранее подготавливают для себя «запасной аэродром», которым часто оказывается фирма, которой они оказывали услуги.

Дала ли какие-то позитивные результаты трансформация и смена элит в нашей стране за последнюю четверть века? Во-первых, как позитивный фактор, уже упоминавшееся снижение среднего возраста элитных групп, о чем речь шла выше. Во-вторых, появление новых каналов рекрутирования элит, прежде всего избрание в Государственную Думу, в законодательные собрания регионов (наиболее демократичный канал вертикальной мобильности).

В президентство В.В. Путина возросло значение и удельный вес канала, который сильно увеличил приход в политическую элиту представителей силовых структур. С одной стороны, увеличение доли силовиков в органах власти может быть оправдано тем, что в годы перестройки и особенно в 90-е годы роль силовых структур, особенно армии и органов госбезопасности, была резко снижена. КГБ был ликвидирован, расчленен между несколькими ведомствами, которые в своей совокупности сильно уступали КГБ по числен-

ности, а, главное, силовые органы были деморализованы и ослаблены, подорвана их репутация, органы МВД оказались предельно коррумпированы. Такое ослабление правоохранительного и репрессивного аппарата, рост преступности и беззакония стали представлять серьезную опасность для страны в целом и для ее элиты в частности. Путин не только приостановил процесс снижения роли и авторитета силовых органов, но, напротив, принял меры по усилению армии, изрядно обнищавшей за годы горбачевских и ельцинских реформ, а также органов госбезопасности и охраны порядка. Наконец, следует иметь в виду, что сокращение кадровых военных и в целом «людей в погонах» имело место в годы перестройки и особенно в процессе реформирования армии в 90-х годах, причем значительный процент уволенных еще не достиг пенсионного возраста, и люди искали себе применения на гражданской службе, прежде всего в управленческих структурах и в бизнесе.

Путин и его команда стояли перед задачей укрепления власти, преодоления того кризиса легитимности власти, который породило президентство Ельцина. С помощью офицерского корпуса, сохранившего традиции организованности, дисциплины, можно было усилить управляемость страны, стабилизировать власть.

Кроме того, возрастание роли силовиков в политической элите объясняется не в последнюю очередь и тем, что сам Путин вошел во власть именно из КГБ и разведорганов. Став президентом, Путин остро ощущал кадровый голод для формирования своего аппарата. Формируя президентскую команду и будучи вынужденным временно сохранить для более плавного перехода к реформированию структуры власти часть существовавшей при Ельцине политико-административной элиты, в том числе часть членов клана, более известного как «Семья», он опирался, во-первых, на своих петербургских коллег и друзей и, во-вторых, на выходцев из силовых ведомств (то есть во многом сохранился ставший привычным клановый подход). Ряд российских политологов считают, что возрастающее вхождение военных во власть корреспондируется с настроениями населения, уставшего от усилившегося в 90-х годах ослабления власти и видящего в увеличении в ней доли военных силу порядка. Офицеры силовых структур рассматриваются как одно из важных звеньев усиления президентской власти. В результате в 2002 году доля военных в политико-административной элите увеличилась с 11,2% до 25,1%[19].

[19] Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. С. 251.

Силовые структуры стали одной из важных баз рекрутирования политико-административной элиты страны. Ряд социологов и политологов употребляют термин «милитократия», обозначая указанный феномен возрастания доли «людей в погонах» во властной элите. Они считают, что это несет с собой ряд опасностей для демократической системы, поскольку само это вхождение военных во власть усилит намечающиеся тенденции к развитию авторитарной власти.

Впрочем, другие социологи и политологи считают, что мнение о милитаризации элиты неоправданно, потому что, во-первых, масштаб «милитаризации» политической элиты порой преувеличивается, во-вторых, выяснилось, что часть новых рекрутантов во власть из силовых ведомств оказалась малоэффективной на своих новых постах, в частности губернаторских, и вынуждена была оставить их.

Путинская элита стремится, с одной стороны, усилить властную вертикаль управления страной, сделать демократию в России «управляемой», с другой — сохранить рыночную экономику и продолжить реформы по ее оптимизации. При этом Путин рискует снижением своего высокого политического рейтинга, идя на ряд шагов, непопулярных в народе, таких как монетаризация льгот для ряда категорий граждан, отмена выборности губернаторов всеми гражданами региона и др. Для проведения этого курса необходима политика, сохраняющая динамичный баланс между уважением демократических ценностей и сильной властью. А такой курс требует повышения качества управленческой элиты.

Важнейший вопрос, стоящий перед исследователем проблемы рекрутирования элиты, можно ли как-то усовершенствовать селекцию политико-административной элиты и обеспечить создание меритократии, то есть «власти достойных»? Можно ли (и нужно ли) предотвратить создание контрэлиты, которая рано или поздно придет на смену существующей элите. Ясно, однако, что обеспечить стабильность политической системы невозможно, не упорядочив формирование элиты.

Как мы видели, важным путем повышения качества элиты является открытость ее рекрутирования, поиск наиболее способных, квалифицированных исполнителей на главные, да и на второстепенные роли. Как показывает опыт многих стран, существует несколько путей оптимизации ее рекрутирования. Это, во-первых, тестирование претендентов на государственные посты. Опыт тут накоплен немалый, начиная от экзаменов, которые должны были

пройти поступавшие на административные должности в императорском Китае и кончая самыми современными методами тестирования при приеме на работу в государственных и частных учреждениях США, Японии, ряда европейских стран. Кстати сказать, определенный опыт тестирования административно-политической элиты, пусть небольшой и не самый лучший, имеется и у нас: тесты были предложены кандидатам на министерские и другие руководящие посты в правительстве И. Силаева.

Это тернистый путь, ибо трудно представить себе, чтобы известные деятели, претендующие на руководящие посты, а тем более уже занимающие их, добровольно согласились на тестирование (включающее определение «коэффициента интеллекта»), не сулящее многим из них ничего хорошего. Не нужно это Дж. Бушу (известно, что его IQ ниже среднего) и многим другим конгрессменам США (как, впрочем, и других стран, включая Россию). В 2002 году американские сенаторы объявили о своем несогласии с тем, чтобы члены конгресса США проходили проверку на полиграфе (детекторе лжи). Можно не сомневаться, что они (по собственной инициативе) не согласятся ни на IQ, ни на другие виды тестирования. Это полностью относится и к российским законодателям. И тут важно, чтобы электорат смог демократическими методами заставить правящую элиту пойти по этому пути.

Еще один проверенный путь улучшения качества элит — замещение элитных должностей, по крайней мере в большей их части, на конкурсной основе. При этом могут использоваться разные типы и формы конкурсов: закрытые и открытые, региональные и общероссийские и т.п. Нужно превратить в реальность продекларированные намерения правительства набирать чиновников при помощи публичного тендера. Дальнейшее горизонтальное и особенно вертикальное передвижение чиновников по ведомственной лестнице должно также осуществляться на конкурсной основе. Причем в состав конкурсных комиссий следует обязательно включать представителей структур гражданского общества. Это позволит сделать процедуру найма чиновников конкурентной, открытой, более подконтрольной обществу, прозрачной.

Этой проблеме большое значение придает президент РФ Д.А. Медведев. В первый же год своего президентского срока он поручил специальной комиссии под началом главы Администрации президента С. Нарышкина заниматься подбором кадрового политико-административного резерва — потенциальной элиты страны. Уже

в феврале 2009 года была названа первая сотня имен кадрового резерва президента в возрасте от 25 до 50 лет. В этом списке — депутаты Совета Федерации, Государственной Думы, региональных законодательных собраний, вице-губернаторов и проявивших себя административных чиновников, представителей бизнеса, науки и образования. Задача комиссии — отобрать самых успешных, компетентных, стратегически мыслящих, и — обязательное условие — людей с незапятнанной репутацией. А в связи с задачей борьбы с коррупцией элитные места откроются. Предстоит серьезная и продолжительная чистка властной вертикали. Несомненно, чистка коснется не только губернаторского корпуса (она уже началась), но и правительства, государственного банковского сектора и ряда государственных служб, суда и прокуратуры. Кадровый резерв, думается, совершенно необходим для ротации политико-административной элиты. Для этого необходимы эффективные управленцы, способные принимать эффективные решения в условиях мирового кризиса. Причем создание кадрового резерва только еще начинается.

Отметим, что в законах о государственной и муниципальной службе на федеральном и региональном уровнях предусмотрено использование такой формы по отбору и оценке кадров, как конкурсы. Однако на практике этот метод при наборе на государственную службу применяется слишком редко. Так, опрос госслужащих и руководителей, проведенный под руководством профессора А.В. Понеделкова в регионах Южного федерального округа РФ показал, что фактически лишь один из десяти проходивших отбор на государственную службу (9,21%) прошел через участие в конкурсе. Абсолютное большинство служащих — 65, 13% было принято на работу на основании собеседования[20].

Важшейшая роль в тестировании и конкурсном отборе должна принадлежать независимым экспертам (включая психологов, социологов, специалистов по менеджменту), которые могли бы квалифицированно и беспристрастно оценить прошлую деятельность претендентов, степень их профессиональной подготовки, уровень культуры и интеллекта, нравственные и волевые качества.

Наряду с результатами тестирования следовало бы иметь медицинское заключение о здоровье соискателя государственной должности. Ну а пока человечество еще не изобрело «пробы»

[20] Понеделков А.В. Политико-административные элиты России. Ростов н/Д., 2005. С. 272.

на нравственность, то пропуском в элиту должна быть еще и безупречная репутация. Следует подчеркнуть, что предлагаемые меры могут дать должный эффект лишь в том случае, если будут применяться ко всем претендентам на все государственные посты, включая пост президента России. Именно так поставил вопрос президент РФ Д.А. Медведев.

Однако все сказанное лишь заключительная фаза рекрутирования элиты, так сказать, верхушка айсберга. Известно, что коммуникационные и организаторские способности личности, необходимые лидеру, руководителю, начинают формироваться в раннем детстве. Поэтому общество должно быть заинтересовано в возможно более раннем выявлении талантов и способностей и их развитии. Поиск одаренных детей, создание атмосферы, благоприятствующей появлению талантов, поднятие престижа образования, тщательный конкурсный отбор в вузы, обеспечивающие элитное образование, должны стать частью государственной политики.

И все же главное при рекрутировании элиты — критерий честности, порядочности. Позор нашей страны — коррупция. Как может народ терпеть коррумпированную псевдоэлиту, которая разворовывает около половины государственного бюджета? И дело даже не в том, что мерзавцы, обворовавшие народ, обеспечили себе сладкую жизнь, они развратили страну, подорвали веру народа в справедливость. Отсюда — и рост уголовной преступности, и низкая репутация страны в глазах мировой общественности. Конечно, непросто ликвидировать коррупцию. В таких условиях приходится завидовать китайцам, которые смогли резко изменить ситуацию с преступностью, прежде всего с преступностью верхов, пусть предельно жестокими мерами, пусть не на сто процентов. Но у нас же противоположная ситуация. Крупные воры могут откупиться, получить условный приговор или легкие наказания, которые только разжигают аппетит коррупционеров. Надо создать ситуацию, когда бы почва горела под ногами коррупционеров. Конечно, это потребует крутых перемен не только в правоохранительных службах, но и чистки тех людей, которые считаются «элитой». Коррупция может существовать только в условиях непрозрачных отношений — экономических, политических, духовных. И нужно создать эти транспарентные отношения. Если кто-то скажет: а как же государственные секреты? Это решаемый, технический вопрос. Коррупционерам удобно прикрываться секретностью, словами о внешних врагах. Да коррупция наносит России такой ущерб, который пре-

восходит ущерб, который мы можем понести от любых внешних сил. Юристы говорят, что невозможно окончательно победить коррупцию. Но ведь то, что происходит сейчас, нельзя назвать иначе, чем потворством коррупции. Да, нужна кропотливая работа по систематической ликвидации коррупции. Но начать надо с кампании по непримиримой борьбе с ней. И прежде всего с коррупцией «наверху». И важнейшей составной частью этой борьбы должно быть рекрутирование элит из людей с незапятнанной репутацией,

При этом очень важно, чтобы в такой огромной стране, как Россия, где центр всегда подпитывается провинцией, подготовка и рекрутирование элиты осуществлялись на возможно более широкой территориально-географической основе. Между тем сегодня наблюдается противоположная тенденция. Приток из провинции, особенно отдаленной, в элитные учебные заведения в последние годы сократился. У людей нет денег на дорогу, на проживание в столице. Говорят, талант, мол, все равно пробьется. Это опасное заблуждение. Кто-то, конечно, добьется успеха. Но многие могут потеряться в пути, если их вовремя не поддержать. А в накладе останутся в конечном счете государство и общество. Но эти вопросы мы подробно рассмотрим в следующей главе.

А пока попытаемся ответить на главный вопрос: изменилась ли кардинально в демократическом плане система рекрутирования российских элит? Обеспечивают ли существующие механизмы селекции отбор в элиту наиболее достойных? Ответ может быть только отрицательным. Но было бы неправильным завершать рассмотрение этого вопроса на столь минорной ноте. Да, селекция элит в России пока еще не обеспечивает отбор достойнейших, подлинной меритократии. Но ведь важна не только моментальная фотография нынешнего состояния дел. Важна тенденция. В более чем тысячелетней истории России просматривается движение от закрытой элиты к элите если еще не открытой, то гораздо менее закрытой. Однако тут не следует полагаться на стихийность, иначе переход от отрицательного к положительному отбору элиты, растягиваясь во времени, представляет угрозу самой российской государственности.

ГЛАВА

17 ЭЛИТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ[1]

Стратегия России в постиндустриальном мире и элитное образование. Современное общество большинство нынешних политологов и социологов называют постиндустриальным или информационным, а в последние годы — обществом знания. Под ним понимается тип социального устройства, в котором главным культурообразующим центром становится производство, обработка и трансляция информации. В обществе, основанном на прочном фундаменте знаний, высшее образование приобретает приоритетную роль в развитии отдельных стран и мирового сообщества в целом. Закономерно, что в таком обществе на первый план выходят люди, владеющие этим знанием, способные применить его на практике и создавать новое знание, составляющие его интеллектуальную элиту. Среди образовательных структур этого общества особое место занимает элитное образование, главной целью которого и является подготовка элиты знаний.

Начиная с середины первого десятилетия XXI века широко распространенным термином для обозначения рассматриваемого нами феномена оказывается «learning society»[2] — «обучающееся общество», или, скорее, «самообучающееся общество»[3], и добавление, раскрывающее его сущность — «lifelong learning» (обучение, продолжающееся всю жизнь).

---

[1] См. также: Теоретические основы элитологии образования / Г.К. Ашин, Л.Н. Бережнова, П.Л. Карабущенко, Р.Г. Резаков. М., 1998; Ашин Г.К. Проблемы элитного образования в зарубежной социологии // Общественные науки и современность. 2005. № 5; Его же. Мировое элитное образование. М., Анкил. 2008.

[2] Kuhn M. New Society Models for a New Millenium. N.Y.; Oxford, 2007. P. 211; Pollard A., Filer A. Learning, Differentiation and Strategic Action in Secondary Education // British Journal of Sociology of Education. 2007. July. № 4. P. 441-456). Польский социолог Л. Захер считает *learning society* более продвинутой формой информационного общества (New Society Models for a New Millenium. 2007. P. 232).

[3] Такое уточнение термина принадлежит японскому социологу И. Араи (New Society Models for a New Millenium. 2007. P. 481).

Английский социолог Дж. Филд не без оснований пишет о том, что, хотя в британской социологической литературе существует множество разногласий по вопросу о характере современного общества и о том, какой термин оптимален для его определения, но по одному вопросу существует консенсус — что термины «lifelong learning» и «learning society» являются необходимыми для современной социологии[4]. Постиндустриальному обществу соответствует экономика знаний, в которой не вещи, не движимое и недвижимое имущество и не природные, в том числе энергетические, ресурсы, составляют главные богатства общества, они уступают место новому приоритету — информации и интеллекту, производящему и обрабатывающему эту информацию. В этом обществе, войти в которое должно быть нашей стратегической целью, приоритетными являются духовные ценности, которые создают прежде всего люди, функционирующие в сфере науки и образования, — научная и образовательная элиты.

Вперед вырываются те страны, которые ориентируются не на добычу полезных ископаемых, даже если их запасы велики, порой уникальны, и не на их первичную обработку, а те, национальный продукт которых — это в первую очередь производство и переработка информации и производство, основанное на высоких технологиях, а следовательно, имеющих систему образования, готовящую людей, производящих информацию и инновационные технологии. А страны, которые живут еще в индустриальном обществе или тем более в традиционном, составляют периферию современного мира, даже если они располагают большими природными ресурсами. Знание в современном мире считается приоритетной ценностью.

Россия пока заметно отстает в процессе вступления в «learning society». В декабре 2006 года Всемирный банк представил очередной доклад о состоянии экономики в России. Эксперты банка считают, что все усилия правительства поддерживать прибыльные сырьевые сектора не выведут страну в разряд передовых. Во всяком случае ни одна страна, богатая природно-энергетическими ресурсами, не совершила прорыва в передовые страны. Исключение — Норвегия — скорее подтверждает правило, т.к. она получила энергоресурсное богатство, будучи уже одной из наиболее развитых стран мира.

[4] Field J. Lifelong Learning and the Learning Society. Trends and Prospects in Europe // New Society Models for a New Millenium. L., 2007.

В обществе, где лидирует экономика знаний, особую, если не центральную, роль играют образование и наука, прежде всего *элитное образование*, тесно связанное с производством знаний и подготовкой кадров, владеющих высокими технологиями, методологией анализа информации, кадров высочайшей квалификации, новаторов, открывающих новые горизонты перед человечеством, способом существования которого является непрерывное и быстрое развитие, когда старые знания быстро устаревают, требуется их постоянное обновление и переосмысление, требуются новые подходы, новые идеи, новые обобщающие теории.

В современном обществе информация превратилась в коллективный продукт человечества, продукт его глобализации, ставшей основным вектором исторического развития. Как пишет ректор МГИМО академик А.В. Торкунов, «индустриальная эпоха уходит в прошлое, на смену приходит эпоха глобальной информационной революции и принципиально иной информационной открытости. Стратегическим ресурсом XXI века становятся знания и умение человека пользоваться этими знаниями... самым значимым социальным аспектом глобализации стало расширение возможностей для раскрытия человеческих потенций. Мы больше не можем создавать закрытые системы и модели, будь то политика, экономика, культура, наука и образование»[5].

Будущее нашей страны будет определяться не нефтяными и газовыми богатствами и вообще не сырьевыми ресурсами, а прежде всего потенциалом, уровнем развития науки и образования, высоких технологий. Именно по этим параметрам измеряется конкурентоспособность экономики, место страны в современном мире.

Как заявили министры образования Группы восьми (G8) на саммите в Санкт-Петербурге 2006 года, «XXI век характеризуется стремительными социально-экономическими изменениями, которые в значительной мере обусловлены достижениями в сфере науки и технологии. В современном мире знания, накопленные в сфере наук, включая общественные и гуманитарные науки, и их эффективное применение являются важными инструментами для реализации человеческого потенциала, социальной гармонизации общества и социально-экономического развития, а также повышения конкурентоспособности и улучшения качества жизни»[6].

---

[5] Торкунов А.В. Наши университеты // Российская газета. 2006. 2 июня.

[6] http://www.G8/SUMMIT.ru (2006 Saint Petersburg, June, 1–2, 2006).

Но часть российской правящей элиты еще мечтает о том, чтобы завоевать статус первой энергетической державы мира[7], хотя сдается, что это всего лишь эвфемизм для обозначения энергоресурсной державы, это статус сырьевого придатка развитых стран Запада, а теперь и Востока. Это — тупиковый путь, он похож на стратегию тех генералов, которые постоянно готовятся к прошлой войне. Не может быть великой страна, основной источник дохода которой — продажа своих природных ресурсов. Стратегические планы таких стран, как Китай, Индия, считавшихся еще сравнительно недавно отсталыми, гораздо более амбициозны, они ориентируются на вступление в информационное общество[8].

В информационном обществе знания используются прежде всего для производства самих знаний. Оптимальным управлением этим обществом является эффективное использование знания для получения нового знания, в том числе самого общего, ориентированного часто не на прикладную цель, а именно на производство новых знаний (то есть это не прямой ответ на потребность субъекта, а решение более общей задачи: как решать определенный класс задач, в котором решение прикладной проблемы — частный случай общей теории). При этом выявляется относительная самостоятельность науки от прикладных целей субъекта, ее самовоспроизводство. Знания — интеллектуальный капитал, который отличается от природных, трудовых, денежных ресурсов еще и тем, что передавая его (или продавая за очень высокую цену) создатель не теряет эту информацию, он развивает и наращивает этот интеллектуальный капитал. А вот продавая материальные ценности, особенно природные ресурсы (они всегда ограничены, обычно невоспроизводимы, очень часто дефицитны), продавец делает свою страну беднее, подчас грабит своих потомков. Главным товаром в постиндустриальном мире является информация, отсюда и ключевая роль ее создателей и трансляторов. Решающую роль в постиндустриальном обществе играет человек, овладевший информационной культурой, человек как субъект производства и культуры в целом.

---

[7] В 2009 г. Россия вышла на первое место по добыче нефти, обогнав Саудовскую Аравию. Вопрос в том, стоит ли России гордиться этим достижением. — *Прим. авт.*

[8] В Китае экономика знаний стала государственной стратегической целью. Один из ее адептов Ли Теин утверждает: «Источник силы экономики знаний — образование. В современном мире конкуренция государств — это конкуренция в уровне знаний». — *Прим. авт.*

Министры образования «большой восьмерки» на саммите 2006 года «...констатировали, что образование, улучшение навыков и генерирование новых идей являются основой для общественного развития, экономического развития и эффективности рынка. Образование имеет критически важное значение для становления инклюзивного общества. Образование является фундаментом гражданского общества, содействует поддержке и обогащению культур, формирует взаимное уважение и понимание. Образованию отводится исключительная роль в развитии у каждого человека способностей адаптации к переменам»[9].

Пожалуй, наиболее отчетливо рассматриваемая нами проблема осознается в наиболее развитых, продвинутых странах. Там идет настоящая охота за талантами во всех важнейших областях человеческой деятельности — в политике, бизнесе, науке, искусстве (в том числе поиски их и за рубежом). При этом часто инициируется «утечка мозгов» из менее развитых стран, что обрекает последние на еще большее отставание. И речь идет не только о развивающихся странах. На заседании Еврокомиссии, обсуждавшем в 2004 году доклад по проблемам высшего образования и науки, приведенные цифры об «утечке мозгов» из Европы в США вызвали настоящую панику. Оказалось, что в США работают около 40000 ученых-исследователей из Европы, или 40% их общего числа[10].

В самих США одаренные дети (gifted children) «отслеживаются» государством, им платят стипендию, после окончания средней школы предлагают на выбор самые престижные университеты. Одаренным детям из малоимущих семей оказывают дополнительную материальную помощь. Подобные расходы окупятся сторицей.

В информационном обществе, в котором главной ценностью становится информация и, соответственно, «информационный человек», неизбежно возрастают требования к самой образовательной системе. Поэтому постиндустриальные структуры постоянно будут остро нуждаться в производстве высококвалифицированной элиты, меритократии, необходимость в которой будет постоянно увеличиваться.

Мировая философия и социология образования все отчетливее приходят к выводу, который при поверхностном взгляде может показаться недемократическим: научный и в целом культурный

[9] http://www.G8Russia.ru (June, 1–2, 2006).

[10] Известия. 2004. 19 ноября.

потенциал страны в современном информационном обществе определяется не столько средним уровнем участвующих в социально-экономическом процессе, сколько потенциалом ее культурной элиты. Именно поэтому особо важная задача системы образования видится в поиске и развитии потенциальных способностей и талантов, прежде всего подрастающего поколения.

Для развития экономики знаний в России необходимы изменения в массовом сознании, понимание того, что богатства страны прежде всего в мозгах, а не в недрах. Будет ли Россия существовать в XXI веке как великая держава или же окажется на периферии человеческой цивилизации? Наше будущее закладывается сегодня, оно в решающей степени будет определяться молодым поколением, которое начинает жить и творить в новом тысячелетии. В современном мире получает шанс стать процветающей страной такое государство, которое создает максимальный простор для реализации творческих потенций человека, для выявления талантов и способностей людей и которое сумеет поставить их на службу обществу. Поэтому общество должно искать, выявлять таланты и способности своих членов и желательно как можно раньше, с детского возраста, развивать и пестовать их. Известно, что разнообразные способности, например качества лидера, формируются уже в раннем возрасте. Для того чтобы выявить и развить эти таланты, нужны определенные предпосылки, и среди них создание равных стартовых возможностей для молодого поколения, возможности вступить в конкурентную борьбу за получение образования самого высокого уровня, которое явилось бы ключом к восходящей социальной мобильности. Каждый молодой человек должен иметь равные стартовые возможности для своего развития независимо от его или его родителей материального положения. Именно при этом условии к высшим, наиболее престижным позициям в обществе придут действительно наиболее талантливые, честные люди, могущие обеспечить оптимальное управление обществом,

Таким образом, любая социальная система, и особенно в условиях постиндустриального общества, нуждается в организации подготовки элиты, в системе элитного образования, желательно как можно более открытого. В современных условиях та система, которая закрывает путь наверх талантам (или ставит препоны на их пути, недостаточно широко открывая двери социальной мобильности, неважно, по каким причинам — идеологическим, социально-классовым или иным), обречена.

Понятие элитного образования. Термин «элитное образование» используется в литературе неоднозначно, порой в разных смыслах. Прежде всего элитным называют образование высокого качества (в англоязычной литературе — *high quality education*, иногда — *elite education*). Однако это не единственное значение, которое вкладывается в это понятие. Этот термин используется и в ином смысле. Под ним понимают также образование, нацеленное на подготовку элиты[11] — политической, экономической, культурной. Во втором случае главный вопрос: кого готовят к занятию элитных позиций? Выходцев из элитных семей, из богатых и знатных, готовя замену родителей детьми, чтобы воспроизводить элиты таким «естественным» способом? Или же следует искать одаренных детей, талантливую молодежь во всех социальных стратах общества? Первый подход — назовем его *«элитарным образованием»* — означает систему закрытого образования, рано или поздно он обрекает на деградацию элитное образование, да и саму подобную элиту. Применительно к России это бы означало подготовку к элитным позициям детей высших государственных чиновников и «новых русских», имеющих возможность нанимать дорогостоящих репетиторов, причем из преподавателей элитных учебных заведений. И только второй подход отвечает задаче создания элиты высокого качества, действительно лучших, отборных — в интеллектуальном и этическом плане. Это должна быть открытая система *элитного образования*, и уже поэтому она является более предпочтительной. Причем только открытая система элитного образования отвечает принципам демократического общества.

Порой под термином «элитное образование» имеется в виду также образование для элиты, для выходцев из высших привилегированных классов и страт общества. Для того чтобы не смешивать эти значения, уйти от разночтений, мы и вводим в этом случае термин «элитарное образование». Таким образом, элитарное образование — это образование для узкого круга, предназначенное для выходцев из знатных («элита крови») и наиболее состоятельных семей («элита богатства»).

---

[11] Так понимают задачу образования в привилегированных частных школах Великобритании социологи П. Куксон и К. Персел (Cookson P., Persel K. Preparing for Power. America's Elite Boarding Schools. Basic Books, 1985). См. подробнее: Теоретические основы элитологии образования / Г.К. Ашин [и др.]. М., 1998.

В этом случае неизбежно возникает вопрос о степени открытости системы образования. Поскольку элитарным образованием мы считаем закрытую систему образования, то термин «элитное образование» мы будем использовать по отношению к такому типу высококачественного образования, которое носит открытый характер, то есть им охватываются молодые люди, отличающиеся высокими интеллектуальными способностями, являющиеся выходцами из любых социальных слоев, классов, групп, где критерием отбора являются не знатность, богатство или связи, но именно интеллектуальные и иные качества личности, ее таланты.

Отметим, что термин «элитное образование» порой используют и как родовое понятие, относящееся как к закрытому, так и открытому высококачественному образованию. Заметим также, что в процессе развития образовательных учреждений различаются, а затем все более расходятся (особенно в современных условиях) два типа элитного образования — естественно-научного и гуманитарного. (Ч. Сноу писал по этому поводу о дивиргенции двух этих типов культур.) Соответственно, можно различать также социально-политическое и общекультурное элитное образование. Их различие связано прежде всего с тем, что первое ориентировано на подготовку политико-административной элиты, а второе — на подготовку культурной элиты, создателей духовных ценностей.

Элитарное образование	**Элитное образование**
Закрытая система образования самого высокого для своего времени качества, ориентиро- ванная на привилегированные социальные страты. Цель – воспроизводство существующей системы социальной стратификации, прежде всего существующей элиты (рекрутируемой по наследству, богатству, связям – семейным или личным, по принадлежности к определенным кланам и т.п.). Конечный продукт – статусная элита.	Открытая система образования самого высокого для своего времени качества. Предполагает высокий уровень социальной мобильности общества, конкуренцию абитуриентов по основанию способностей, трудолюбия, заслуг независимо от социальной страты, к которой принадлежит абитуриент. Это может привести к смене элит. Конечный продукт – элита достижений (меритократия).

Элитное образование востребовано, когда в обществе существует восходящая социальная мобильность, работают своего рода социальные «лифты», поднимающие на высшие (особенно элитные этажи

в системе социальной стратификации) наиболее талантливых, продвинутых, ориентированных на инновационные исследования молодых людей. Если механизмы социальной мобильности отсутствуют или неразвиты, потенциальные лидеры либо уходят в контрэлиту, либо маргинализируются, их таланты остаются невостребованными, либо они эмигрируют, как это получило значительное распространение в период псевдореформ 90-х годов XX века в России.

Наряду с массовыми образовательными учреждениями развивается и элитное образование, элитные школы и вузы. Интересно, что в России при Советской власти произошла инволюция этого процесса, когда после Октябрьской революции элитное образование было уничтожено или ушло в тень и лишь через несколько десятилетий возникло движение по воссозданию элитных институтов образования).

С конца XX и особенно в XXI веке можно зафиксировать общемировую тенденцию — стремление к демократизации образования, которое включает в себя движение от элитарного образования, ставящего людей в неравные условия конкуренции за получение доступа к образованию высшего качества (то есть означающего дискриминацию людей по социальным, а также национальным и иным критериям), к элитному, где образование высокого уровня дополняется его большей открытостью. Вместе с тем следует признать, что до сих пор открытость элитного образования никогда не была полной, это именно тенденция (причем во многих странах пока еще слабая). Это как бы один из векторов всемирного образовательного процесса. Нельзя не отметить также то обстоятельство, что ряд социологов выражают свои опасения по поводу опасности опошления самой идеи элитного образования, порождающего порой псевдоэлиту или квазиэлиту.

Из истории элитного образования. История элитного образования включает в себя историю развития элитных образовательных систем и институтов, а также историю элитопедагогики. Она особенно интересна с точки зрения впитывания современными образовательными институтами традиций, накопленных многовековым развитием элитного образования. Интересен и поучителен также опыт отказа от этих традиций (например, в России в послереволюционный период).

На заре человеческой истории на протяжении десятков тысяч лет образование было неотделимо от жизни рода, затем семьи:

мать обычно выступала в роли педагога по отношению к дочери, отец — по отношению к сыну, им ассистировали бабушки, дедушки, соплеменники (то есть специального института образования не существовало, он зародился на позднейшей стадии развития первобытного общества, точнее на стадии его разложения и возникновения классово-дифференцированного общества). Со временем домашнего образования оказалось недостаточно, и прежде всего тем, кто готовил себя (или кого готовили) на роль вождя племени, шамана или жреца. А в условиях растущего разделения труда, когда человеку потребовался значительно больший объем информации, стали создаваться специализированные образовательные институты; в это время возникает и профессия педагога. Одновременно обнаружилось, что система разделения труда требует различного уровня подготовки, соответствующего квалификации того или иного рода деятельности.

Первые образовательные институты возникли как институты элитарные. Само получение образования означало выделение индивида, приобретшего определенные знания, из числа прочих членов племени, возвышением над ними. Получение образования было и ценностью в себе, выступало как элитизация личности и вместе с тем было средством для занятия высокого положения в общине. Сами образовательные институты носили практически полностью элитарный характер и лишь много позже расширили круг принимаемых в обучение.

С тех пор человечество накопило огромный опыт элитного образования, опыт многих веков и даже тысячелетий начиная от домашней подготовки фараонов, царей, королей. Вспомним, что наставником Александра Македонского был Аристотель, наставником Нерона — Сенека (впрочем, Сенеке не удалось укротить неистовый характер Нерона, превратившегося в жестокого тирана, по приказу которого сам его учитель должен был кончить жизнь самоубийством), что воспитателем наследника российского престола Александра III — видный юрист и государственный деятель К. Победоносцев, вспомним также о знаменитых элитных учебных заведениях — от Академии Платона, Ликея Аристотеля до Оксфорда, Кембриджа, Сорбонны, Гарварда, МГУ. К периоду, который знаменитый немецкий философ К. Ясперс назвал «осевым временем» истории (VII–IV века до н.э.), относятся и первые классические образцы рефлексии по поводу сущности элитного образования, его содержания (элитопедагогики) и его предназначения.

Одна из первых целостных систем элитного образования была разработана Конфуцием. Эта система влияла на культуру Китая и всей Восточной и Юго-Восточной Азии на протяжении двух с половиной тысячелетий и продолжает влиять на нее. Это была не только система получения знаний, но прежде всего духовного, нравственного самосовершенствования. Проблемой для Конфуция была не только подготовка к государственному управлению «сына правителя» и администраторов-чиновников, но, более широко, воспитание «благородного мужа», каковым он считал не просто выходца из высших слоев общества, но человека, получившего всестороннее и глубокое образование и только в силу этого приобретшего право на занятие высокого (элитного) государственного поста. Это право проверяется системой строгих экзаменов, и только по их результатам человек может быть допущен к занятию административной должности. Целью Конфуция было воспитание совершенного (элитного) человека, стремящегося к добродетели, к знанию, осознающего свою ответственность. Итак, «благородный муж», то есть человек элиты, является таковым в силу воспитания в себе высоких моральных качеств, благодаря образованию. И перед человеком незнатного происхождения может открыться возможность войти в элиту общества, если он обнаружит высокие способности, будет усердно трудиться, проявит себя как добродетельный человек. Строгий отбор, экзамены на административные должности Конфуций считал важнейшим средством повышения уровня государственного управления. Это была первая образовательная система, которая включала в себя элементы и зародыш того, что в будущем будет сформулировано как принцип равных возможностей в области образования.

Великие античные философы были, как правило, основателями собственных школ, проявили себя как выдающиеся педагоги (Фалес, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур)[12]. Во многом благодаря их деятельности древняя Греция явилась колыбелью европейской цивилизации.

Часто первые образовательные учреждения носили эзотерический характер, создавались для узкого круга избранных. Так, школа Пифагора имела вид тайного союза, с жесткой системой индивидуального отбора кандидатов и посвящения «избранных» в тайны

[12] Теоретические основы элитологии образования / Г.А. Ашин, Л.Н. Бережнова, П.Л. Карабущенко, Р.Г. Резаков. М., 1998.

учения: высшей целью обучения было достижение совершенства личности. Учение пифагорейцев воспринималось как тайна, знать которую дозволялось только адептам, которые рассматривали себя как элиту общества.

Неформальной элитной школой был знаменитый кружок Сократа. Ученики Сократа прославили его методы элитопедагогики — обогащение человека знанием, умение мыслить диалектически; он выделял людей, быстро усваивающих науку, умеющих, как писал его ученик Ксенофонт, использовать знание для руководства людьми, чтобы сделать их счастливыми.

Целостная система элитного образования была разработана Платоном. Как большинство выдающихся философов античности, в том числе и его ученик Аристотель, он считал, что разрабатываемая им философия — не для толпы, но для избранных, и потому не подлежит массовому тиражированию, она предназначена для подготовки элиты — элиты стражей, офицерства и сверхэлиты — аристократии духа. Ранее уже говорилось о том, что Платон воспроизводил древний восточный миф (не ссылаясь на источник) о том, что при сотворении людей бог примешал к каждому человеку определенный металл: людям, достойным стать правителями, — золото, стражам — серебро, ремесленникам и земледельцам — медь и железо. И хотя Платон не был свободен от консервативной установки о том, что представители различных классов, слоев общества «большей частью» рождают себе подобных, он не абсолютизировал этот тезис, признавая, что «все же бывает, что от золота рождается серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же — и в остальных случаях»[13]. Так что классовый признак не является строго наследуемым, и поэтому необходимо более способных из низших слоев переводить в высшие, а менее способных детей из высших слоев — в низшие.

Выявление способностей ребенка и молодого человека происходит, по Платону, в процессе воспитания и образования. И особую роль для общества имеет воспитание и образование будущих правителей. Взгляды Платона откровенно аристократичны. Но при этом важно отметить, что критерий аристократизма для Платона прежде всего не родовитость, не богатство, а высокие интеллектуальные и моральные качества. Это люди долга и чести, призванные взять на себя ответственность за судьбы страны. И при

[13] Платон. Государство. Соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. 415 a; b.

выборе достойнейших для занятия элитных позиций селекторат должен пренебречь родственными или дружескими связями, что совершенно необходимо для поддержания статуса элиты, для легитимизации ее позиций. От селектората (которым являются философы-правители) требуется высокая принципиальность, и, «если ребенок родится с примесью меди или железа, они никоем образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников или земледельцев; а если у последних «родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи». Готовность отрешиться от родственных чувств и личных симпатий — тот оселок, на котором можно проверить нравственные качества лиц, осуществляющих селекцию; только на этой основе можно преодолеть протекционизм, непотизм и тем предотвратить вырождение элиты. По Платону, для того чтобы стать правителями, мало природных задатков, надо их выявлять и развивать в процессе воспитания, совершенствовать в процессе зрелого опыта. Наставники, предлагая детям различные упражнения, причем сложные, должны изучать наклонности и способности каждого ученика и особое внимание уделять тем, в которых они разглядели потенциальных правителей. Созданная Платоном Академия просуществовала почти тысячелетие.

Другой классик элитопедагогики — Аристотель, создавший в Афинах элитное учебное заведение — Ликей (лицей), соединявший функцию учебного заведения с разработкой философских и научных знаний. Он также ставил задачей воспитание духовной аристократии, как бы мы сказали, элитизацию личности, причем полагал, что глубины философии доступны лишь избранным. Кстати, его знаменитый ученик Александр Македонский упрекал своего учителя в том, что он обнародовал свое учение, предназначенное только для узкого круга, считая, что этим он подрывает авторитет правителя. «Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те же самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не только могуществом, сколько знаниями о высших предметах»[14]. Собственно, его учитель и считал знание о первопричинах мира, о сущем высшим качеством человека, свидетельством его элитности. Мы можем только сказать об определенной размытости понимания и Плато-

[14] Плутарх. Избранные жизнеописания. В. 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 22–23.

ном, и Аристотелем статусной элиты и элиты меритократической. Отметим, что древнегреческие элитные учебные заведения можно различать по степени их открытости (от закрытой школы Пифагора до несколько более открытых школ Платона и Аристотеля).

В древнем Риме образование в большей мере носило аристократический, статусный характер и было более прагматическим, практически ориентированным. Молодой аристократ воспитывался сначала в семье, тут же часто и получал начальное образование. Следующей ступенью была грамматическая школа, где преподавались греческий и латинский языки и литература, затем шла риторическая школа, имевшая главной целью развитие ораторского искусства.

В раннем Средневековье образование будущей политической элиты носило по преимуществу домашний характер. Средневековое мировоззрение определялось прежде всего учением о небесной и земной иерархии; средневековая система образования отражала эту иерархию, носила сословный характер. Господство «элиты крови» предопределяло закрытость аристократического обучения, которое первоначально имело преимущественно придворный характер. Но монополия придворного образования закончилась в связи с созданием школ при монастырях; некоторые из них отличались высоким уровнем учености. Но главный вызов домашнему и придворному обучению был связан с интереснейшим феноменом Средневековья — возникновением первых университетов (XI–XIII века). Первоначально университеты были полностью ориентированы на обслуживание интересов церкви, готовя теологов, специалистов по церковному праву. Затем обучение в них стало носить более светский характер. В университетах изучалась аристотелевская логика, физика, латынь, греческий, метафизика, математика и другие дисциплины. Прилежно обучаясь, студент получал степень бакалавра и, продолжая образование, магистра. Позже в качестве высшей ученой степени вводится степень доктора. Интересно, что университеты носили в значительной степени интернациональный характер, студенты могли переходить из одного европейского университета в другой, из университета французского — в немецкий или итальянский; такие переходы облегчались обязательным знанием латыни, на которой и читались лекции. Несмотря на засилье религиозной догматики, университеты способствовали развитию наук. Регулярные дискуссии, проводившиеся в этих университетах, развивали мышление, дисциплинировали его. В университетах фор-

мировались определенные традиции, которые развивались в эпоху Возрождения (особую роль в XV веке сыграла Флорентийская академия) и в Новое Время, когда именно с университетами, такими как Оксфорд, Кембридж, связано быстрое развитие наук, во многом предопределившее начало первой промышленной революции.

Широкое распространение образования подхлестнуло и мировое революционно-демократическое движение, вылившееся в революцию XVII века в Англии, XVIII века во Франции, в революционные перемены в XIX в. Европе, в три российские революции начала XX века, выход на политическую арену рабочего класса. Новые акторы на политический сцене покачнули позиции прежде всего феодальной элиты (элиты крови), а затем и буржуазной «элиты богатства». Новые технологии, резкий скачок науки, промышленности в XX веке диктовали новые подходы и требования к человеку, поиски новых путей в системе обучения. Появление новых профессий, связанных с высокими интеллектуальными затратами, заставило задуматься о возможностях человека, о том, как человек адаптируется в столь сложном обществе, как помочь человеку реализовать свой возрастающий потенциал. Самореализация (иногда говорят — самоактуализация) человека — это наиболее полное использование наличных талантов, способностей и их развития — на это направлена элитопедагогика.

Обобщая опыт развития мирового института образования, выдающийся испанский философ и культуролог Х. Ортега-и-Гассет писал в книге «Миссия университета» о том, что именно университеты являются центрами воспитания интеллектуальной элиты. Именно в них заложена идея элитизации субъекта образования. Миссию университета Ортега видел в воспитании «аристократии талантов», которые являются ферментами в развитии мировой культуры.

Идея университета родилась прежде всего как идея элитного университета. Гарвард, Принстон, Йель, Оксфорд, Кембридж, Сорбонна, Московский, Токийский и другие ведущие университеты мира играют фундаментальную, ведущую роль в формировании элит постиндустриального общества. Американский исследователь элитного образования А.Верспур пишет, что подобные университеты «очень сходны в своих функциях: они репродуцируют процесс селекции элит»[15]. Ведущие университеты США являются

[15] Revitalizing Higher Education. Ed. by J. Salmi and A. Versphoor. Wash., 1994. P. 26.

элитными учебными заведениями; их выпускники имеют наибольшие шансы достичь элитных позиций. Это полностью относится к английским университетам Оксфорду и Кембриджу. Английский социолог Х.Томас подчеркивал, что почти все члены Верховного суда Великобритании, епископы, консервативные члены парламента и многие лейбористские парламентарии — выходцы из элитных частных школ и элитных университетов. При этом шансы на получение элитного образования уменьшаются по мере движения вниз по социальной лестнице. Причем селекция элит в странах Запада отнюдь не обязательно связана с частными элитными университетами. Во Франции, где государственная служба традиционно считается одной из наиболее престижных, элитные вузы, готовящие высших государственных чиновников, почти полностью интегрированы в систему «Grandes Ecoles».

Элитные университеты в наибольшей мере ориентированы на производство интеллектуальной элиты. Это относится как к западным, так и российским университетам, таким как Московский, Петербургский, Уральский, Ростовский. Рассматривая современное состояние элитного образования, мы обратимся прежде всего к опыту элитного образования в наиболее развитых странах мира, сделав акцент на сравнении элитного образования России и США.

Опыт элитного образования в России. Создание элитных образовательных институтов в России началось в XVII–XVIII веках. Первым высшим образовательным учебным заведением в России была Славяно-греко-латинская академия, основанная в 1687 году по инициативе известного просветителя Симеона Полоцкого. Веком российского Просвещения был XVIII век. Петр I провел реформы, направленные на ускоренное промышленно-техническое, экономическое, военное и культурное развитие страны. В России стали открываться школы — инженерные, навигацкие, медицинские, землеустроительные. Петр I настойчиво прививал российскому дворянству мысли о необходимости образования, порой превращая это в обязанность, как одну из служебных повинностей дворянства. И идея необходимости образования для дворян получает признание, возникают образовательные институты, системе воспитания молодого дворянства уделяется пристальное внимание, а работа на ниве просвещения начинает считаться престижной. В XVIII веке возникает ряд закрытых учебных заведений — дворянских корпусов, где молодежь не только готовилась

к государственной службе, но и получала более широкое образование в области истории, искусства, математики, естественных наук. В 1701 году по указу Петра I была основана Школа математических и навигацких наук — одно из первых светских учебных заведений России. Одним из лучших дворянских учебных заведений считался Сухопутный шляхетский корпус, весьма престижными учебными заведениями были Пажеский корпус, Инженерный корпус.

Выдающуюся роль в развитии российской науки, а также элитного образования сыграла основанная Петром I в 1724 году Академия наук, ставшая питомником научных школ по основным направлениям естественных, технических и общественных наук, выпестовавшим крупнейших ученых мирового значения. Важнейшими центрами элитного образования стали основанный в 1726 году Петербургский университет и в 1755 году — Московский университет. Значительную роль в развитии элитного образования в стране сыграли классические гимназии (первая мужская гимназия открылась в 1804 году, первая женская — в 1870 году).

Видное место в развитии элитного образования в России и ее культуры в целом занимал Царскосельский Лицей, где на одном курсе учились А.С. Пушкин и будущий канцлер России А.М. Горчаков, а также И.И. Пущин и А.А. Дельвиг. Лицей воспитал целую когорту видных государственных и культурных деятелей страны.

XIX век был веком расцвета российской культуры, ее золотым веком. Это была, главным образом, дворянская культура, а также культура разночинцев. Благодаря творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского возникает одна из величайших в мире литератур. Творят великие музыканты — М.И. Глинка, П.И. Чайковский, М.П. Мусоргский. «Могучая кучка» объединяет выдающихся музыкантов, разворачивает просветительную деятельность. Создаются Московская и Петербургская консерватории, Академия художеств.

Замечательными достижениями в духовной культуре отмечен серебряный век российской культуры — литература (И.А. Бунин, А.А. Блок), живопись («Мир искусства», русский авангард), музыка (С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин), философия (В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, Н.А Бердяев), социология (П.А. Сорокин). Деятели культуры этого времени были тесно связаны с элитными учебными заведениями России, начиная с гимназий и кончая Московским и Петербургским университетами, Московской и Петербургской консерваториями, Академией художеств.

Важнейшей особенностью культурной жизни России явилось формирование в XIX веке нового для всего мира явления — интеллигенции[16], которая оказала большое благотворное влияние не только на духовную, но и, более широко, на социальную жизнь страны. Значительная и, как правило, лучшая часть интеллигенции была так или иначе связана с элитными учебными заведениями страны (это были либо их выпускники, либо сотрудники).

Опыт элитного образования в России нас будет интересовать не только в плане сохранения традиций институтов элитного образования и их лучших образцов в России, но еще в том отношении, что в советский период истории России был взрыв элитофобии, который в полной мере коснулся элитного образования. Это касается прежде всего системы среднего образования, когда развитая система классических гимназий и реальных училищ была разрушена и заменена системой «единой трудовой школы». Были также подорваны структуры высшего образования и его элитной основы, подверглись гонениям и были частично уничтожены многие научные школы, ранее занимавшие ведущее место в мировой науке. Подлинная элита российской интеллигенции была в значительной мере отлучена от высших учебных заведений (как чуждые в классовом отношении элементы). А оставшиеся были поставлены в убийственные для творческого духа цензурные рамки. Это относится главным образом к гуманитарным наукам. Что касается естественных и особенно технических наук, их большевики частично оставили в покое, а порой даже поощряли, если представлялась возможность использовать их потенциал для повышения военной мощи страны. Страшный удар был нанесен по российской гуманитарной науке, когда были высланы многие выдающиеся деятели российской и мировой культуры, а на оставшихся были обрушены чудовищные репрессии. Октябрьская революция стала трагедией не только для российской политико-административной и экономической, но и интеллектуальной элит. Она, по существу, загубила многие элитные учебные заведения, нанесла удар по интеллигенции в целом.

Преобразования в области образования прошли под флагом эгалитаризма и массовизации, имела место дискриминация при

[16] Как признавал К. Маннхейм, именно в России было впервые осмыслено понятие интеллигенции (Маннхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 400).

приеме в университеты и другие вузы страны, когда в них не принимали наиболее подготовленных абитуриентов из так называемых враждебных классов и интеллигенции, при этом создавались рабфаки для скороспелой подготовки в вузы представителей рабочей и крестьянской молодежи. Крупнейшие специалисты в области общественных наук заменялись менее квалифицированными, но зато присягнувшими на верность марксизму-ленинизму. Чтобы восполнить пробел в преподавательских кадрах, был создан Институт красной профессуры с филиалами по всей стране. По окончанию учебы в этом институте (если студентам посчастливилось уберечься от репрессий в годы сталинщины) его выпускники становились «красными профессорами». Кстати, нечто подобное затем повторилось на Кубе, когда левые профессора эмигрировали от диктатуры Батисты, а потом правые профессора — от диктатуры Ф. Кастро. И когда выяснилось, что некому читать студентам лекции по общественным дисциплинам, студенты старших курсов Гаванского и других университетов страны стали преподавать студентам младших курсов.

Но прежде чем вести речь о ситуации в высшей школе, необходимо коротко остановиться на положении в среднем образовании. Нам важно не только обобщить опыт привилегированных учебных заведений царской России, но и выявить его позитивные, а также негативные моменты. Необходим также анализ позитивного и негативного опыта советской средней школы. Известно, что после Октябрьской революции в Советском Союзе безраздельно господствовала теория и практика единой школы. На определенном этапе она сыграла позитивную роль, во всяком случае когда было необходимо экстенсивное развитие школьного образования, ликвидация обширных зон неграмотности. Позитивными моментами образовательного процесса в советский период истории было, во-первых, провозглашение права всего населения на всеобщее бесплатное образование и, во-вторых, определенные и крупные шаги в реализации этого права, прежде всего в среднем образовании (которое со временем стало обязательным), а также в огромном расширении масштабов высшего образования. К негативным моментам этого периода относится то, что единая школа, ставшая единообразной, порой просто серой, стандартизировала обучение, как правило, игнорировала индивидуальные особенности учащихся. При очень высокой наполняемости школьных классов учитель просто был вынужден «стричь всех под одну гребенку». К тому же советская школа

в течение десятилетий еще и осуществляла идеологическое оболванивание учащихся, их индоктринизацию. Но при всем этом было бы грубой ошибкой игнорировать крупные достижения советской средней школы, появление многих ярких педагогов-новаторов, внедрявших новые, прогрессивные методики в преподавание различных школьных дисциплин. Во всяком случае, по качеству образования в 50–80-е годы советское среднее образование стояло, по данным ЮНЕСКО, в первой десятке всех стран мира (занимало в отдельные годы второе – пятое места). Особенно отмечались успехи в преподавании математики и естественно-научных дисциплин. И не случайно, что на всемирных конкурсах, проводимых ЮНЕСКО и другими международными организациями среди детей и юношества, советские школьники часто оказывались победителями и во всяком случае были в числе призеров. Все это говорит не только об обилии талантов в нашей стране, но и о качестве педагогов.

Но перестройка и 90-е годы — долгие годы «реформ», которые заключались в экономии на образовании, бесконечной смене школьных программ, — обрекли нашу систему образования на деградацию; началось наше постепенное отставание от флагманов мирового образования. Наша образовательная система дала трещину и в настоящее время переживает кризис, из которого мы еще так и не вышли.

Советская концепция образования базировалась на положении о необходимости формирования ученика, его образа мыслей, ориентируясь на господствующую в обществе идеологию. Но это — типично тоталитарный подход, несовместимый с демократией. В обществе, переходящем от тоталитаризма к демократии, необходим переход к развивающему образованию, в котором ученик развивает *свои* взгляды, свой образ мыслей, развивается как личность, причем самостоятельная, автономная личность. Именно такой подход отвечает современным представлениям о демократии, о правах человека.

Но вернемся к проблеме единообразия, одинаковости средних школ советского периода. Уже тогда передовая педагогическая общественность страны ставила вопрос о том, как уйти от этого единообразия. Определенным ориентиром в этом отношении стало создание специальных математических школ, таких, например, как математическая школа при МГУ, в которую принимались талантливые дети со всей страны и где преподавали даже ведущие профессора МГУ, или балетные школы типа школы при Большом

театре, художественные школы, куда также отбирались талантливые дети, проходившие жесткий конкурс, музыкальные школы, наконец, спецшколы с углубленным изучением иностранных языков. Но все это было частичным решением указанной проблемы. Важным путем общего ее решения является дифференциация школьного обучения и прежде всего создание элитных школ. Но в полный рост эта проблема встала уже в постсоветский период. Однако тут возникает весьма болезненный для российского менталитета вопрос: совместимо ли создание элитных школ с социальной справедливостью?

Элитное образование и социальная справедливость. Полемика по поводу элитного и массового образования ведется и в странах Западной Европы, США, Австралии, Японии. Ряд современных исследователей пишет о пагубном влиянии на мораль (прежде всего молодого поколения) самого факта наличия привилегированных элитных учебных заведений. Профессор Стенфордского университета А. Пешкин пишет о разительном контрасте между элитарными школами Стенфорда и школами вестсайдского чикагского гетто. То, что учащиеся элитарных частных школ имеют несравненно большие шансы получить образование высокого качества и преуспеть в жизни, «вредно влияет на моральные устои молодого поколения». Неравные возможности в системе образования «подрывают веру в "Американскую мечту"»[17]. Впрочем, автор оговаривается, что он не сторонник ликвидации элитных учебных заведений. Многие американские исследователи жалуются на то, что отсутствует корреляция между способностями детей и возможностями получения образования высокого качества[18]. А некоторые профессора элитных университетов резко критикуют направленность и уровень преподавания в них[19].

---

[17] Peshkin A. Permissible Advantage? The Moral Consequences of Elite Schooling. L., 2001. P. 2, 120.

[18] Arrow K., Bowles S., Durlauf A. (eds.). Meritocracy and Inequality. N.J., Princeton, 2000. P. 90.

[19] Так, профессор Йельского университета Уилям Дерезевиц (William Deresiewicz) написал статью: «Пороки элитного образования» ("The Disadvantages of an Elite Education") и поместил ее на сайте в Интернете. Затем, в 2009 г., она была перепечатана в журнале "The Chronicle of Higher Education" и некоторых других (см: hptth//www Kosmopolitoorg/disadvantage-of-an-elite-education от 3 августа 2008 г.). Статья очень эмоциональная,

Теперь выслушаем и другую сторону — сторонников элитного образования, среди которых преобладают специалисты по социологии образования, придерживающиеся консервативной ориентации. Их аргументы также звучат весьма весомо. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе, наряду с государственной, должна существовать и независимая от него система образования, в том числе альтернативного образования, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из малообеспеченных семей не могут позволить себе оплачивать дорогостоящие частные школы, то они имеют право на дотацию со стороны государства, благотворительных фондов, на стипендии для талантливых детей из бедных слоев общества, которые имеются во многих элитных школах (увы, это не относится к российским элитным школам). Эгалитаристским критикам элитаристы отвечают, что элитные школы — это маяки образования, своего рода поле для экспериментов; эти же школы часто являются спонсорами одаренных детей безотносительно к их статусу — эти элитные школы готовы обучать самородков бесплатно и даже платить им стипендии, потому что наличие одаренных детей в привилегированных частных школах способствует подъему

откровенная, похоже, это «крик души» профессора. В этой статье Дерезевиц пишет о том, что «наши лучшие университеты забыли, что они существуют для того, чтобы формировать мышление, а не карьеру». Он обращает внимание на то, как обучают студентов в «так называемых "элитных университетах" типа Гарварда и Йеля». Хотя ему может быть и не удалось осветить проблему в широком социальном контексте, он убедительно пишет о том, что «не все в этих университетах так совершенно, как это полагают в Европе». Он пишет о снобизме студентов, полагающих, что нечего говорить с людьми, не учившимися в университетах «Лиги плюща» ("Ivy Leage"), об их неоправданно завышенной самооценке, их уверенности в том, что учеба в элитном университете определит их судьбу, их значимость, их идентичность. Порой их снобизм переходит даже в антиинтеллектуализм. И не удивительно, что так мало студентов, поступающих в элитные колледжи, понимают, что являются продуктами социальной системы, которая, делая их привилегированной группой, редко предлагает им что-то более возвышенное, чем карьера.

На эту статью пришло много откликов, прежде всего от студентов. Приведем наиболее типичные ответы: «Я поступил в Йель, чтобы получить степень»; «Я поступил в Йель, чтобы в будущем получить высокооплачиваемую работу». Эти ответы — косвенное подтверждение взглядов У. Дерезевица.

уровня обучения в самих этих школах, а воспитание ярких талантов выгодно для всего общества и прежде всего и непосредственно для спонсоров этих школ, особенно если ими являются крупные корпорации или государство, потому что выпускники этих школ являются базой для пополнения сотрудников этих корпораций, научных и просветительных учреждений, наконец, служат улучшению имиджа соответствующей корпорации и т.д.

Многие американские и английские специалисты по социологии образования подчеркивают, что Итон, Харроу (элитные школы), Оксфорд, Кембридж (элитные университеты) в Англии и Гротон, Сент-Поль (элитные средние учебные заведения), университеты «Лиги плюща» (такие как Гарвард, Йель, Принстон) в США должны не замыкаться в себе, но, напротив, выступать моделью, к которой должна приближаться вся система соответственно Великобритании и Соединенных Штатов[20].

Можно заметить, что картина, рисуемая сторонниками элитного образования, пожалуй, слишком розовая, это скорее норматив, идеальная модель, расходящаяся с действительностью (особенно российской), но зато служащая определенным ориентиром для образовательной системы. Можно и нужно выявлять недостатки си-

[20] Впрочем, ряд специалистов по исследованию образования элитаристской ориентации придерживаются иной точки зрения, которая сформулирована в книге «Структурализация массового высшего образования» (Structuring Mass Higher Education. The Role of Institutions. Ed. by Palfreyman D. and Tapper T. Routledge, 2008. Первый — директор оксфордского центра исследования образовательной политики, второй — научный сотрудник этого центра). Среди авторов книги — исследователи из США, Великобритании, ФРГ и других развитых стран. Они считают, что наиболее важное в развитии современного высшего образования во многих странах — продвижение его элитных моделей в массовые. И ныне особенно важно ответить на вопросы: имеет ли эта тенденция общенациональное значение, не подрывает ли она статуса элитных университетов, носит ли она глобальный характер и вообще не является ли она вызовом элитным институтам? Некоторые авторы ставят вопрос о том, не осуществляется ли эта экспансия «рядовых» образовательных институтов за счет элитных, тем более что правительства не прочь осуществить эту экспансию задешево? Если рассуждать в такой плоскости, впору ставить и вопрос о том, не время ли запатентовать структуру и методику элитных университетов, наконец, всю элитопедагогику, чтобы на нее не претендовали массовые вузы и платили (выражаясь торговым сленгом, неуместным для размышлений о таком высоком предмете, как элитное образование, но понятном тем, кто смотрит на высшее образование с позиций финансиста) «откат» элитным вузам?.. Будем надеяться на то, что до этого дело не дойдет. Не следует потакать эгоизму некоторых экстремистских элитаристов. — *Прим. авт.*

стемы элитного образования в разных странах (в том числе в дореволюционной и в современной России). Вопрос заключается лишь в следующем: эти недостатки следует выявлять для того, чтобы постараться их устранять, чтобы скорректировать эту систему образования с современными потребностями общества, или же для того, чтобы его отвергнуть в целом в пользу эгалитарного, усредненного образования, которое, как мы видели, было столь характерно для СССР.

В странах с рыночной экономикой большинство населения обычно считает, что социальная справедливость — это не равенство всех в нищете, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности отдельных личностей. Они обычно разводят понятия «справедливость» и «равенство», считая, что равенство может быть глубоко несправедливым. Это в полной мере относится к системе образования. Ведь если, к примеру, в начальной школе для всех — и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому «медведь на ухо наступил», — существует единая норма — 45 минут в неделю урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость — ни по отношению к личности (не дает ей возможности развивать свои способности), ни по отношению к обществу (лишает его талантов и успехов, которые могли бы быть достигнуты этими талантами). Это псевдоравенство. И реформируя российскую систему образования (если говорить о подлинных реформах, а не тех псевдореформах 90-х годов XX века, которые разрушали сложившуюся систему, но не создавали лучшую), безусловно, следует изучить и использовать богатый опыт элитного образования США, Англии, Германии, Франции, Скандинавских стран и, конечно же, опыт дореволюционной России. Однако, разумеется, слепо копировать этот опыт нам не следует.

Но пока мы еще не ответили на поставленный нами вопрос: справедливо ли элитное образование? Чтобы получить на него ответ, прежде всего и предлагается различение элитного (открытого) и элитарного (закрытого) образования. ***Элитарное*** образование — образование детей узкого круга, в который входят люди по критериям знатности, богатства, связям. Социологи обычно различают «элиту крови» (критерий знатности, господствующий в традиционном обществе), элиту богатства (критерий, основной для индустриального общества) и элиту знаний (критерий, становящийся приоритетным в информационном обществе). Поскольку элитар-

ное образование — образование для выходцев из узкого круга, оно, на наш взгляд, несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не входят в элиту общества или не могут себе позволить дать детям дорогостоящее частное образование.

Напротив, ***элитное*** образование, помимо того что это образование самого высокого уровня, характеризуется тем, что главным его критерием являются способности, таланты детей; оно не должно зависеть от происхождения и богатства родителей. Для усвоения знаний и ценностей, предлагаемых этой системой образования, необходим высокий уровень интеллектуальных способностей.

Различие между элитарными и элитными школами видно хотя бы из того, что отпрыски богатых семей, поступив в элитную школу, просто не смогут в ней учиться, если не обладают достаточными интеллектуальными способностями. Из такой школы они просто вынуждены будут уйти, поскольку в ней они «не потянут», даже если их родители и заплатили немалые деньги за их обучение. Можно видеть, что элитарное образование во многом сопряжено с системой закрытого рекрутирования элит, в то время как элитное образование — с системой открытого их рекрутирования.

Дискуссионным является и другой вопрос: правильно ли считать, что дифференциация образования и создание элитных школ служат укреплению и закреплению существующей социальной стратификации общества и уже поэтому не отвечают принципам и нормам социальной справедливости. Или же, напротив, более корректным является утверждение, что хорошее образование — один из важнейших каналов усиления социальной мобильности в обществе — служит как своеобразный социальный лифт, поднимающий людей снизу в более высокие страты общества (большая часть современных социологов придерживается последней точки зрения).

Не предвосхищая ответ на этот вопрос, обратимся к выяснению соотношения двух рассматриваемых нами видов образования — элитного и элитарного. Можно показать, что они соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади — общая. Элитарное образование может быть одновременно и элитным, и наоборот. Собственно, элитарное образование в определенной мере почти всегда является элитным (хотя бы с точки зрения его качества). Более того, можно утверждать (и мы это уже видели выше), что элитное образование исторически возникло и развива-

лось в рамках элитарного (иначе и быть не может в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все бóльшую роль при этом играли способности и все меньшую — знатность, богатство, связи родителей, Можно сказать, что дифференциация обучения вообще и элитное образование как ее момент соответствуют важнейшей тенденции современной цивилизации — процессу индивидуализации.

Однако наряду с общими элементами между элитарным и элитным образованием существуют различия, перерастающие в противоположность, и это позволяет нам классифицировать первое как несправедливое, а второе — как соответствующее современным представлениям о социальной справедливости.

Таким образом, мы прояснили, в чем главный недостаток и, более того, порок элитарного образования. И нам следует принять меры против существования этого явления, тем более что оно дает о себе знать в нашей стране как в условиях былой советской системы, так и в постсоветской действительности. Мы имеем в виду престижные полузакрытые школы, в которые детей зачисляют «по блату» или за взятку, престижные вузы, куда несравненно большие шансы поступить имеют дети, родители которых могут нанимать дорогостоящих репетиторов (преимущественно из числа преподавателей именно этих вузов), одним словом, при приеме в которые имеет место скорее «конкурс родителей», чем детей. Ныне положение изменилось лишь в том смысле, что место старой партократической элиты заняла элита «демократических» чиновников и бизнес-элита. Итак, нам необходимо расширение элитного образования при отсечении элитарного — во имя развития творческих способностей личности, во имя принципов демократии и социальной справедливости, во имя процветания общества.

Отметим, что направленное на достижение большей социальной справедливости в получении образования введение для выпускников школ единого государственного экзамена, по результату которого они должны зачисляться в вузы, пока не достигло своей цели. Нам необходимо выравнивание возможностей получения всеми молодыми людьми качественного образования, а у нас — фактическое неравенство в этом отношении, связанное не только с различием материального положения абитуриентов, но и с реаль-

ной дискриминацией по географическому признаку[21]. Поэтому нам необходима точечная государственная поддержка одаренных молодых людей.

Пока мы рассмотрели одну сторону проблем элитных вузов: как оптимизировать процесс поступления в эти вузы. Однако не менее сложная проблема, с которой столкнулась уже постсоветская образовательная система, стал набор в аспирантуру. В советский период лучшие выпускники вузов мечтали поступить в аспирантуру, там шел конкурс лучших из лучших. В 90-е годы ситуация резко изменилась, качественно ухудшилась. Ведь одна из важнейших функций элитных вузов — готовить элиту ученых и вузовских преподавателей, будущих доцентов, докторов наук, профессоров. Еще в советское время оклады младших и старших научных сотрудников, «остепененных» преподавателей вузов были хотя и не высокими, но, скажем, удовлетворительными, то в 90-е годы ситуация резко ухудшилась. Когда наука и высшее образование «подсели» на нищенский паек, количество желающих поступить в аспирантуру резко сократилось, а количественные изменения, по Гегелю, ведут при переходе узловой точки меры к изменениям качественным.

Совершенно очевидно, что ныне и в обозримом будущем общество не сможет функционировать без элиты. Значит, квалифицированную элиту, ориентированную на высокие гуманистические ценности, нужно готовить, причем готовить загодя, по возможности планомерно. Именно в этом плане особенно важна проблема элитного образования, которое может оптимизировать процесс рекрутирования и смены элит в обществе.

Социология элитного образования. Социология образования — это отраслевая социология, предметом которой является образование как элемент социальной структуры, взаимодействие сферы образования с другими элементами социума, законы ее функционирования и развития, ее институты. Образование можно

[21] Так, школьники отдаленных регионов, отдаленных сел и деревень (особенно небольших) практически не могут поступить в вуз, тем более столичный, по своему выбору: ведь в этих школах, в которых, к примеру, учитель биологии вынужден преподавать по совместительству иностранный язык (который он сам слабо знает) выпускники, несмотря на свои, возможно, выдающиеся способности, не смогут поступить в гуманитарный вуз, особенно столичный, где язык — одна из профильных дисциплин. — *Прим. авт.*

определить как получение знаний и усвоение ценностей индивидом, то есть в широком смысле его социализация. В социологии образования особое, причем все более важное место занимает социология элитного образования.

Основателем социологии образования является Э. Дюркгейм, который сформулировал 2 основные черты и задачи этой дисциплины следующим образом: 1) зависимость образования от других сфер общественной жизни и общественного разделения труда; 2) роль образования в общественном воспроизводстве и социальной мобильности населения; 3) равенство в школе — как разновидность социального равенства; 4) структурная перестройка системы образования в процессе исторической эволюции общественных отношений; 5) проблема социальных функций (социального назначения) образования и воспитания[22]. Как видим, все эти проблемы тесно связаны с вопросами элитного образования, а вторая и третья проблемы связаны с ними самым непосредственным образом.

Особенно велика роль образования для социальной мобильности и репродукции общества. Концепции социальной стратификации обращаются к классовой и статусной иерархии общества и неравномерности образовательных возможностей между людьми, принадлежащими к различным классам или имеющими различный статус. В исследованиях социальной мобильности ударение обычно делается на межпоколенческую мобильность, которая означает изменение класса и статуса от родителей к детям. Пример межгенерационной мобильности: когда сын или дочь рабочего становится менеджером. Напротив, если они остаются рабочими, это пример социальной репродукции. Системы социальной стратификации, которые подчеркивают аскриптивный (предписанный) характер классовой и статусной позиции, определяются как закрытые: они ведут к наследованию статуса, к воспроизводству класса. Те системы социальной стратификации, которые подчеркивают личные достижения, определяются как открытые, ведущие к социальной мобильности.

Как эти проблемы решаются в современной социологии образования? Большинство исследователей отмечает, что в западной социологии образования сложились следующие основные направления:

---

[22] Дюркгейм Э. Социология образования. М., 1996.

1. *Функциональная концепция* является наиболее влиятельной и распространенной. Ее отличает либерально-прогрессистский оптимизм, вера в движение постиндустриального общества к социальной стабильности, к процветанию, к обществу, преодолевающему бедность. Отмечая важную роль образования в социальной мобильности, функционалисты утверждают, что различные социальные роли, в особенности элитные, требуют различных способностей. И поэтому, чтобы общество функционировало эффективно, эти роли должны исполняться людьми с соответствующими способностями.

Образовательная система должна играть при этом ключевую роль, выполняя три жизненно важные функции в развитии общества. Во-первых, она способствует развитию человеческих ресурсов (особенно — подготовке беловоротничковых техников, менеджеров), столь необходимых для постиндустриального общества. Во-вторых, она создает механизм селекции индивидуумов в соответствии с их способностями и талантами, готовя их к той форме деятельности, к той работе, которую они могут лучше всего выполнять. В-третьих, функционалисты утверждают, что образовательная система способствует интеграции общества, его сплочению, прививая ценности информационного общества.

В нормативном плане система образования призвана обеспечить обществу эффективную и справедливую селекцию способностей и талантов, так что именно наиболее способные достигают самых ответственных, то есть элитных, позиций[23].

Образование и призвано развивать способности индивидов и используется как средство социальной селекции, причем оно обеспечивает селекцию, базирующуюся в большей мере на личных достижениях, чем основанных на предписанном статусе. С тем, чтобы привлечь наиболее квалифицированных людей на элитные позиции, эти позиции должны сопровождаться более высокими социальными и экономическими наградами. Функционалисты подчеркивают роль образования для удовлетворения нужд в социальном порядке, связанном с рациональностью, меритократией и демократией. Структурный функционализм утверждает, таким образом, что образовательная система способствует сплочению общества, прежде всего подрастающего поколения, прививая ему

[23] Bilton T., Bonnet K. a.o. Introductory Sociology. Great Britain: Bath Press, 2002. P. 267.

ценности информационного общества. Впрочем, многие сторонники этой концепции откровенно говорят о том, что не уверены в том, осуществляется ли эта селекция в соответствии с интеллектуальными способностями и заслугами самих обучающихся или же это определяется в большей мере такими «предписанными» факторами, как принадлежность к определенному классу или социальной группе.

2. *Концепция статусного конфликта.* Не удивительно, что функциональное направление в социологии элитного образования в последние годы подвергается все более острой критике со стороны других направлений. Вызов структурализму бросает *конфликтная* теория, или, как ее часто называют, концепция статусного конфликта. Сторонники этого направления начинают обычно с утверждений о том, что общество состоит из различных групп с разными, конфликтующими интересами, что сущность стратификации — стремление групп, захвативших власть, богатство и престиж (элитных групп), поддержать свою позицию за счет непривилегированных групп. Институты образования помогают репродуцировать и легитимизировать систему стратификации, объявляя, что она основывается на индивидуальных достижениях, тогда как на деле она отбирает на элитные позиции индивидов на основе предписанного статуса. Возникнув на базе веберовской традиции, сторонники этого направления подчеркивают попытки различных групп (этнических, профессиональных, классовых) использовать сферу образования как механизм получения привилегий; статусные группы пытаются увеличить свою восходящую социальную мобильность вплоть до уровня элитной группы. Эти социологи ссылаются, в частности, на то, что школьники и студенты из высших страт общества достигают более высоких результатов (у них больше амбиций, они имеют больше поощрений от родителей и т.д.). На деле же «социальная дифференциация, базирующаяся на классовых привилегиях, реализует себя в системе образования, воспроизводит через него правящий класс»[24]. Школа статусного конфликта подчеркивает попытки ряда социальных групп использовать образование как механизм для получения привилегий. Система образования способствует воспроизводству существующей

[24] Bilton T., Bonnet K. a.o. Introductory Sociology. Great Britain: Bath Press, 2002. P. 71.

в обществе социальной иерархии — различий в участии во властных структурах, экономического, статусного неравенства.

3. Неомарксистская теория элитного образования. К теории статусного конфликта близко стоит *неомарксистское* направление в социологии образования. Оно бросает своего рода вызов функционализму, подчеркивая, что организация образования во многом отражает диктат корпоративно-капиталистической экономики (S. Dowless, Y. Gintis), что школа выполняет заказ капитализма — служит корпоративной иерархии, передает привилегии от поколения к поколению; характер образовательной системы определяет господствующий класс, капиталистическая элита. Впрочем, некоторые представители этой школы (P. Willis) считают, что школы — не только агенты социальной репродукции, но и центры сопротивления капиталистическим порядкам, то есть центры формирования контрэлиты. Положение массовых школ относительно элитных ухудшается, в частности, потому, что элитные школы переманивают к себе с помощью стипендий детей из низших социальных страт. «Никто не возражает против того, чтобы сделать образовательные стандарты высокими, — пишет Дж. Мэтьюз в книге «Классовая борьба: что неправильно и что правильно в лучших американских элитных школах». — Но элитные школы существуют не только для высоких достижений, но и из желания поставить себя выше других»[25]. А это усиливает классовую сегрегацию в обществе.

Индустриальное и постиндустриальное общества подчиняются логике капитализма, характеризующегося жесткой иерархией власти и оставляют мало шансов пробиться наверх выходцам из рабочих семей. «Школы разделяют детей, богатые и бедные воспитываются по-разному... Школы для привилегированных делают упор на воспитание лидерских качеств в будущей элите»[26]. Напротив, массовые школы обычно ориентируют учащихся на исполнительские функции. Таким образом, школы и другие образовательные институты играют важную роль в воспроизводстве социального неравенства. Причем образовательная система помогает легитимизировать это неравенство. Она оправдывает это неравенство в сознании людей и примиряет их с их положением. Как это делается? Поскольку большинство людей верят в то, что образование предоставляет

[25] Mathews J. Class Struggle. What is Wrong (and Right) with American Best Public High Schools. N.Y., 1988. P. 4.

[26] Bilton T. a.o. Op. cit. P. 268.

всем равные шансы, существование разных уровней образования они считают оправданным. Выпускники элитных учебных заведений считают свои привилегии (высокую зарплату и т.д.) оправданной наградой за свои способности и прилежание, «а получившим образование более низкого уровня внушают, что они несут персональную ответственность за неудачную карьеру»[27].

Образование и социальное неравенство — центральная проблема в социологии образования. Большинство специалистов по социологии образования признают, что соотношение между классовыми различиями и уровнем образования иерархическое: чем выше класс, к которому принадлежит человек, тем, как правило, выше его образовательный уровень. Часто термин «класс» они заменяют термином «статусная группа». В иерархии статусных групп высшую строчку и занимает элита (прежде всего экономическая и административная). Весьма высокое место среди статусных групп отводится университетской элите, из которой в значительной степени рекрутируется административная элита (таких людей часто называют «мандаринами» — этот термин использовал М. Вебер, говоря о китайской императорской бюрократии, сдававшей сложные экзамены и получившей таким путем право на занятие элитных должностей). Преимущество в получении элитного образования имеет не только высший, но и высший средний класс. Большая часть среднего класса Великобритании платит весьма значительные деньги за дополнительные занятия с их детьми[28]. В результате больше половины поступивших в Оксфорд и Кембридж — выпускники частных школ[29].

4. *Элитное образование и теория «человеческого капитала».* В мировой социологии образования (прежде всего западноевропейской и американской), а также в экономической теории стала популярна концепция «человеческого капитала», согласно которой образование, как и в целом усвоение культуры, есть процесс накопления «человеческого капитала». Этим термином обозначают улучшение производительной способности человека благодаря прежде всего произведенным им расходам на образование, что ведет к повышению его общественного положения (статуса,

[27] Bilton T. a.o. Op. cit. P. 269.
[28] Ibid. P. 271.
[29] Ibid. P. 274.

престижа, заработной платы). Расходы на образование рассматриваются как «жертва», принесенная индивидом (а равно и обществом в целом) во имя будущих выгод. Обучение, с этой точки зрения, есть процесс превращения экономического капитала в личностный, процесс реконверсии экономического капитала в культурный. Причем именно инвестиции в «человеческий капитал» являются наиболее перспективными[30]. Социологи активно исследуют связь между уровнем образования и заработной платы, рассматривая образование как важную арену наращивания человеческого капитала.

Человеческий капитал рассматривается как важнейший ресурс в современной экономике знаний. Как пишет немецкий исследователь качества человеческого капитала Л. Воссман, «базовые знания формируются еще в школе и становятся фундаментом дальнейшей специализации личности. Причем качество базового образования имеет существенное влияние на потенциал будущего процветания индивидов и страны»[31], а специальное образование — на судьбы выпускников, их карьеры.

Интересно, что группа американских ученых (С. Фэн, Дж. Оверленд, М. Спэгет) попыталась с позиций концепции «человеческого капитала» проанализировать перспективы развития образовательной системы России (на материалах 1991–1996 годов). К сожалению, пишут авторы, обстановка в России не способствует тому, чтобы молодежь инвестировала время и средства в образование хотя бы потому, что заработная плата большинства выпускников российских вузов ниже доходов уличных торговцев, не говоря уже о мафиози. Сегодняшнему молодому поколению в России не хватает экономической заинтересованности инвестировать средства в человеческий капитал. И если молодежь будет стремиться в первую очередь к быстрым деньгам, следующее поколение россиян будет менее образованным, чем их родители, а значит, и менее производительным. Авторы книги советуют сделать систему образования России эффективным инструментом для инвестирования человеческого капитала, поощрять молодежь к инвестированию в образование и критикуют правительство России за недостаточность усилий в этом направлении. Но эта критика — с дружествен-

[30] Теоретические основы элитологии образования. С. 228–237.

[31] Wossman L. Schooling and the Quality of Human Capital. Berlin; N.Y., 2002. P. 1.

ных позиций. Авторы книги утверждают, что великая российская интеллектуальная традиция, соединенная с широкой грамотностью, технической подготовкой, обеспечивает мощную основу процветания России как в непосредственном будущем, так и в далекой перспективе[32].

Интересный *синтез конфликтной концепции и теории «человеческого капитала»* в социологии образования представляют работы виднейшего французского социолога П. Бурдье. В книге «Государственный нобилитет. Элитные школы в поле власти» Бурдье показывает тесную связь и обмен в области власти и в области образования, который имеет особое значение для истеблишмента. Поддержка стабильности элиты во многом обеспечивается системой контролируемых ею учебных заведений. Этот синтез создает «элиту элиты». Знатный титул сам по себе не обеспечивает еще подлинную элитность. Не обеспечивает ее и богатство само по себе... Элита не любит парвеню, с их быстрым успехом и дурными манерами. Элитное образование, академические звания сами по себе также совершенно недостаточны. Принадлежность к истеблишменту — символический капитал, имеющий свои собственные законы накопления, отличные от экономического капитала. «Элита элиты» соединяет в себе целый комплекс черт, которые дополняют друг друга. Это такие черты, как аристократизм рождения, личное богатство, меритократизм, воплощенный в академических успехах. Эти черты комбинируются, «воспитывая в новых лидерах абсолютную уверенность в своей легитимности»[33].

В другой книге, написанной П. Бурдье в соавторстве с Ж.-К. Пассероном «Репродукция в образовании. Общество и культура» показывается, что школьная система вносит свой вклад в воспроизводство структуры распределения культурного капитала и через него — социальной структуры, системы позиционных дифференциаций и дистанций: «Прогресс ведет нас от коллективного и наследственного статуса нобилитета прошлого к сегодняшнему образовательному нобилитету», — хотя все же элитные позиции продолжают находиться в очень тесной связи с социальным происхождением, то есть с приписанным статусом.

---

[32] Fan S., Overland J., Spagat V. Human Capital, Growth and Inequality in Russia. Denver, 1996. P. 335.

[33] Bourdieu P. The State Nobility. The Schools in the Field of Power. Oxford, 1996. P. 335.

Согласно Бурдье, несомненна связь между элитными школами и тем, что мы определяем расхожим термином «правящий класс». Интересно, что сравнивая образовательную систему США с французской и английской, Бурдье признает, что в Соединенных Штатах она более меритократична и там талантливый выходец из социальных низов имеет больше шансов пробиться наверх.

Исследуя культуру, «особенно в ее высокой или элитной форме», Бурдье (в соавторстве с П. Фергюсоном) приходит к выводу, что ее принципы противоположны экономическим принципам: «Экономика основана на профите, на эгоистических интересах, культура же — в нормативе — должна быть выше этих интересов». Но это — именно в нормативе. В действительности же культура, в том числе высокая культура, определяется вкусами, культивирующимися господствующими классами. «Хотя одна культура (или габитус) не выше другой, власть наделяет господствующий класс возможностью навязать свою волю, свое видение школы (или университета) так, как если бы это был единственный законный подход к оценке успеха учащегося с позиций своего собственного видения культуры». Таким образом, господствующая культура совершает «символическое насилие», она «легитимизирует успех учащегося с позиций своего общественного видения, габитус учащегося из доминирующих классов обеспечивает культурный капитал, который транслируется в успех, иначе говоря, оценивает учеников с точки зрения овладения ими доминирующей культуры, а превалирование у учащегося ценностей рабочего класса рассматривает как неудачу. Габитус оказывается критически важным в образовании. Таким образом школа, университет репродуцируют отношения классового неравенства»[34].

Бурдье пишет, что современная система образования демонстрирует преимущество доминантных социальных групп и поощрение конформизма учащихся и студентов из низких социальных страт (те из них, кто стремится получить высокие баллы, вынуждены дистанцироваться от того, что они действительно думают, и подлаживаться под принятый в том или ином учебном заведении культурный стиль). Образовательная система, несмотря на свои претензии на «неангажированность», «деидеологизированность», на то, что она выше экономических и политиче-

[34] Burdieu P. & Ferguson P. The Weight of the World: Social Suffering in Contemporary Society. Cambridge & Oxford, 1999. P. 484.

ских расчетов, функционирует точно таким же образом, как экономический капитал, создающий преимущества для доминирующих социальных групп. Таким образом экономические преимущества могут транслироваться в социальные преимущества (подобно семейному габитусу, который передается из поколения в поколение). Все это объясняет функционирование культурного капитала.

Свой подход Бурдье противопоставляет натуралистическому подходу, который редуцирует социальные различия к различиям в IQ, которые якобы предопределяют успех или неуспех человека в жизни и, в частности, в получении образования. Бурдье подчеркивает определяющую роль социальной структуры, играющей решающую роль в распределении шансов между классами. Конечно, можно критиковать Бурдье за то, что его теория слишком обобщена, недооценивает фактор случайности, спонтанности, ведь выходец из рабочей семьи все же попадает в Оксфорд. Впрочем, известно, что исключения подтверждают правила. Выходец из рабочей среды, оказавшийся в элитном учебном заведении, конструируя позитивный или негативный образ себя и своей группы (как это подчеркивает символический интеракционизм), обычно овнутряет господствующие в элитном университете ценности и смотрит на себя как на неудачника, формирует негативный имидж о себе самом, а свое образование рассматривает как путь вертикальной социальной мобильности, выхода из своего класса и вступления в более высокий класс.

И не случайно, что многие современные западные социологи, в том числе специалисты по социологии образования, пишут о важности понятия «социальный класс». Иерархия продолжает существовать, социальные акторы из высших классов занимают властные позиции в обществе, «теории класса все еще объясняют существующее неравенство в распределении богатства и власти»[35]. Статистика Великобритании отмечает, что всего в стране насчитывается 42% лиц физического труда, а в высшем образовании они представлены 24,5%, причем лиц низшей квалификации в этом слое — 5,6%, в высшем образовании выходцев из этого слоя — 1,9%[36]. И это несмотря на то, что предпринимаются попытки

[35] Bilton T. a.o. Op. cit. P. 285, 121, 123.

[36] From Elitism to Inclusion. Statistical Overview UK Universities. L., 2003. P. 33.

увеличить пропорцию студентов из «низших социальных классов», используя для этого «летние школы», системы грантов и т.д.[37]

В настоящее время наиболее демократической системой высшего образования в западных странах (в качестве основания демократичности в данном случае берется бесплатность образования или его низкая стоимость, поскольку бóльшую часть расходов берет на себя государство) является система высшего образования в странах Северной Европы и отчасти в ФРГ (где она бесплатна более чем на 80%.) Так, в Скандинавских странах — Норвегии, Швеции, Финляндии, Дании — существует бесплатное высшее образование. В последние годы к странам с бесплатным образованием присоединяется Япония. Признано, что такая система образования справедлива и выгодна для общества, ведь главным бенефициаром от расширения высшего образования является государство, т.к. бóльшую часть налогооблагаемого внутреннего валового продукта обеспечивает высокотехнологичная продукция, требующая работников высшей квалификации.

Противоположную модель финансирования высшего образования мы наблюдаем в США, где образовательная система является наиболее дорогостоящей. Причем обнаружилось, что европейская образовательная система все больше проигрывает соревнование с американской системой, причем именно в элитном образовании, потребители которого заинтересованы прежде всего в его качестве, а за ценой не постоят. Немецкие исследователи элитного образования в последние годы стали часто отмечать, что даже самые элитные университеты ФРГ, в том числе Берлинский, проигрывают в конкуренции с Гарвардом и другими элитными вузами США. Они ищут и пока не нашли ответы на вызовы со стороны элитных университетов США, точнее находят адекватный ответ в высокоплачиваемом образовании. С 2004 года и по настоящее время эта проблема обсуждается правительством ФРГ и бундестагом. Похоже, что влиятельные силы в ФРГ готовы пожертвовать огромным достижением страны в виде бесплатного высшего образования, чтобы повысить его конкурентоспособность.

Экономисты анализируют индекс человеческого развития (ИЧР), который рассчитывается с учетом ВВП на душу населения, уровня грамотности и средней ожидаемой продолжительности жизни. По расчетам ряда экономистов, ИЧР увеличился за по-

[37] Wodrow M., Yoke M. Op. cit. P. 5.

следние два десятилетия в подавляющем большинстве развитых стран мира. Но в России в 2001 году он был даже ниже, чем в 1980 (0,76 против 0,779)[38], и явно недостаточно увеличился в XXI веке[39]. И важнейшей задачей развития образовательной системы и развития России в целом должно быть поднятие ее ИЧР.

Государство и элитное образование. Как мы видели выше, элитное образование — часть общей системы образования, зависящая от нее. Поэтому для элитного образования небезразлична позиция общества, государства по отношению к образованию, политика государства в области образования в целом и элитного образования в частности. Опыт развития мировой системы образования в последние годы показывает, что в этой области должна формироваться гибкая система управления этим процессом (часто не прямая, а косвенная — в виде влияния), где отсутствует жесткая централизация, где нужно добиваться баланса правительственных программ образования и региональных, местных программ.

В пользу этого говорят результаты международного исследования национальных систем контроля за поднятием уровня высшего образования в ряде развитых стран Запада, получившие отражение в книге «Меняющееся отношение между высшим образованием и государством»[40]. Национальные программы развития образования включают в себя контроль за академическим уровнем образования, за уровнем менеджмента в образовании, педагогический контроль, сфокусированный на искусстве обучения, профессиональный контроль — анализ выпускников вузов с точки зрения учета требований «потребителей», поощрение разнообразия форм и методов обучения. Общая задача политики в области образования должна быть нацелена на ее вклад в социальное и экономическое процветание общества.

Исследуя элитное образование, нельзя не отметить некоторые общие сдвиги в развитии современных образовательных систем. Пожалуй, раньше всего следует отметить рост финансовых вложений в образование в мире в целом и особенно в наиболее динамич-

---

[38] Экономическая газета. 2004. № 21.

[39] По данным ООН, в 2006 г. Россия занимала по ИЧР 65 место в мире. — *Прим.авт.*

[40] Changing Relationships between Higher Education and the State. Ed. by Henkel M. and Little B. L., 1999.

но развивающихся странах. Причем рост отмечается не только в абсолютных цифрах, но и в процентах к ВВП. Американские президенты Дж. Буш-старший, а затем и У. Клинтон заявляли, что Соединенные Штаты гордятся тем, что расходы на образование в них превышают расходы на оборону. Барак Обама гарантирует, что мировой кризис не заставит США сократить финансирование образовательной системы.

Собственно, развитие науки и образования ныне являются важными показателями влияния и мощи страны (особенно если смотреть на эту мощь в динамике). Причем нетрудно обнаружить прямую зависимость между размерами финансирования образования теми или иными странами и темпами их социально-экономического развития; то есть вложения в образование оказываются наиболее эффективными с точки зрения социально-экономического прогресса. И соответственно, действует и обратная зависимость. Стоило, например, Бразилии на некоторое время уменьшить бюджетные ассигнования на образование, как это сказалось на замедлении темпов ее экономического развития и потребовало коррекции национальной стратегии. Увеличение расходов на образование касается и ряда развивающихся стран, берущих пример в этом отношении с «азиатских тигров».

Потребности информационного общества детерминируют необходимость существенных сдвигов, структурных изменений, смены приоритетов в социальной системе. Эта тенденция обозначилась в образовательных системах Северной Америки и Западной Европы.

Но, пожалуй, особенно интересен процесс развития в Японии и, более широко, в странах конфуцианской и буддийской культур. Хотелось бы вспомнить в этой связи послевоенную Японию. После 1945 года страна лежала в руинах, но экономическая разруха не привела к ослаблению внимания к образованию, а скорее обострила внимание к нему. И образование подрастающего поколения оказалось одной из точек опоры, позволившей Японии совершить в 70–80-х годах прыжок в постиндустриальный мир. Важнейшим элементом всякого, и в особенности элитного, образования в этих странах является воспитание в молодых людях высоких нравственных качеств. Этическое и эстетическое воспитание занимает важное место в школьных программах, образовательный процесс ориентируется на воспитание таких нравственных ценностей, как чувство долга, трудолюбие, самосовершенствование личности,

уважение к другим людям, особенно к старшим, к культурным традициям. В рамках этой традиции поощряется воспитание предприимчивости, но оно выступает прежде всего как средство самореализации личности (богатство как таковое занимает в системе этих ценностей второе место). Мощному технологическому рывку 60–80-х годов Япония в немалой степени обязана вниманию проблемам образования, прежде всего элитного (отметим тут роль Токийского университета). Повторим, что в тяжелейший для Японии период после поражения во Второй мировой войне в ее системе образования много часов отводилось нравственному и эстетическому воспитанию. Не с этих ли уроков начиналось «японское чудо»? А ныне Япония предлагает всем желающим молодым людям бесплатное высшее образование.

Потребности информационного общества требуют гармонически развитого человека, развитого не только интеллектуально и физически, но и нравственно. Такое общество нуждается в гуманитарной элите, в том числе людях, получивших широкое гуманитарное образование. Не случайно, что в последние десятилетия в США с их прагматической ориентацией в учебных планах школ, колледжей, университетов гуманитарные дисциплины занимают все более важные позиции.

Следует отметить, что эта тенденция гуманитаризации образования, являющаяся мировой, проявляет себя и в России, где направление развития системы высшего образования — сокращение технических вузов — сопровождалось увеличением гуманитарных специальностей, особенно юридических, экономических (причем даже с «перехлестом»: в последние годы обнаружилось «перепроизводство» специалистов по этим специальностям). Хуже обстоит дело с другими, более общими показателями российской образовательной системы. Сокращение ассигнований на образование сопровождается «утечкой мозгов», невысоким качеством массового (неэлитного) образования, застоем в таком важном показателе развития образования, как число студентов на тысячу человек населения. Известно, что ассигнования на образование — это вложение в будущее страны, а уменьшение этих ассигнований — мина замедленного действия под ее будущее. Возрождение России как великой страны возможно лишь в том случае, если образование станет действительно одним из важнейших приоритетов в ее социальном развитии. Ибо она может возродиться не за счет продажи своего газа, нефти и других сырьевых ресурсов (что означает ограб-

ление наших внуков и правнуков и прямую дорогу к превращению в категорию стран «третьего мира»), а только развивая те традиции великой культуры, благодаря которым она внесла неоценимый вклад в развитие мировой цивилизации.

К сожалению, с общемировой тенденцией быстрого роста количества вузов и качества высшего образования контрастирует политика в области образования в России, резко снизившей свои ассигнования в этой области в 90-е годы. В результате нас быстро обогнали в этой сфере большое число стран. Так, в 60–70-х годах по количеству студентов к общей численности населения Россия занимала одно из лидирующих позиций в мире. Ныне же по этому показателю Россию обогнали не только США и многие страны Западной Европы и Япония, но и такие восточноазиатские страны, как Южная Корея, Тайвань. Ссылки на экономические трудности (тем более в условиях высоких цен на энергоносители) не могут оправдать подобную недальновидную политику в области образования, которые снижают шансы России на подъем, на возрождение в послекризисный период XXI века.

Элитное образование в США. Мы специально рассмотрим элитное образование в США по той простой причине, что США — абсолютный лидер по высшему элитному образованию в современном мире — за последние годы из 10 элитных вузов с наивысшим мировым рейтингом 8 — американские.

Теперь коротко об особенностях элитного образования в Соединенных Штатах. Первые элитные школы (а несколько позже элитные вузы) стали возникать в английских колониях на восточном побережье Северной Америки, главным образом в Новой Англии, в XVII веке. Естественно, в качестве образца рассматривались знаменитые английские элитные школы — Итон, Хэрроу, Винчестер. Возникают и первые университеты, такие как Гарвард (основан в 1636 году как колледж, реорганизован в университет в начале XIX века; это, безусловно, самый знаменитый из американских университетов, который подготовил более 2,5 тысяч признанных национальных лидеров). Возникают Йельский, Колумбийский, Принстонский и другие университеты. Образцом, моделью служили знаменитые английские университеты — Оксфорд, Кембридж (кстати, только эти два университета остались в современной топ-десятке в окружении американских университетов). Все эти университеты, а также такие средние учебные заведения,

как Сент-Марк, Сент-Поль, Гротон, Сент-Джордж, носили элитарный характер: учащиеся и студенты были выходцами из аристократический семей американских колонистов Новой Англии, а затем и других районов Восточного побережья Северной Америки. С обретением независимости США число учебных заведений быстро увеличивалось.

Американские public schools принципиально отличаются от школ с аналогичным названием в Англии, где, собственно, и возник этот термин и где он означает привилегированную полузакрытую школу интернатского типа, обычно с высокой платой за обучение. В США этот термин имеет иное значение, соответствующее его этимологии (public — общественный): это бесплатная школа, спонсируемая государством, штатом, местными органами власти. Такие школы зародились в Соединенных Штатах в первые десятилетия XIX века. Их организаторы вдохновлялись идеей общей школы, обслуживающей плюралистическое общество[41].

Но в условиях глубокой классовой дифференциации общества, наличия классов и социальных групп с разными ценностными ориентациями, а главное, разными финансовыми возможностями, идея общей школы выглядела достаточно утопичной и сменилась концепциями, в большей мере отражающими реальную ситуацию в американской образовательной системе. Появился термин parentocracy (власть родителей), который означает зависимость того, в какую школу поступит ребенок — в элитную или массовую — от социального положения родителей, от их финансовой состоятельности, а также их связей, влияния. Эти ascribed (предписанный) статус, полученный молодым человеком от родителей, часто играл определяющую роль в его дальнейшей карьере.

Основное деление американских школ проходит по основанию: государственная (точнее спонсируемая государством, штатом, местными органами) и частная. У частных школ много преимуществ — они лучше оснащены в техническом отношении, у них меньшие по численности классы, а это значит, что преподаватели могут индивидуально подходить к каждому учащемуся, учитывать его психологические особенности (способности, скорость

[41] Equality and Inequality in Educational Policy. Ed. by Dawtrey L. Cliveland, 1995.

усвоения учебного материала, темперамент и т.д.); частные школы обладают более квалифицированным составом преподавателей (хотя бы потому, что в них выше зарплата учителей), лучшими библиотеками, там лучше условия для занятия спортом (бассейны, футбольные и баскетбольные площадки и т.д.).

Впрочем, деление школ на государственные и частные не единственное в определении качества школы. Было бы неправильным считать, что все частные школы лучше государственных. Бывают и исключения. Некоторые «паблик скулз» по качеству обучения превосходят многие частные — прежде всего благодаря своему расположению в наиболее престижных районах (вообще, местожительство в определенном районе оказывается ключевым понятием, дающем представление и о качестве жизни в целом, и о качестве образования. Община в престижном районе достаточно богата для того, чтобы поддерживать в порядке свою территорию и свои учебные заведения).

Специалисты по социологии образования отмечают, что частные школы не всегда дают лучшее образование; приводятся примеры, когда элитные частные школы отбирают при поступлении тех учеников, которые с большей вероятностью будут преуспевать в учении, и отсекают других, менее способных; бывают случаи, когда элитные частные школы, конкурируя за лучших учеников, переманивают наиболее талантливых учеников из других школ, предлагая стипендии для таких учеников из малообеспеченных семей. Это объяснимо: школа заинтересована в способных и хорошо мотивированных учащихся, которые помогают поднять общий уровень обучения в школе. Но тем самым ослабляется потенциал массовой школы, ухудшается ее положение по сравнению с элитными частными школами.

Из частных школ только незначительное их количество является подлинно элитными. Это наиболее престижные дорогостоящие школы для выходцев из высших страт общества. Их называют также «подготовительными» школами (prep. schools), некоторые из них — именные школы (named schools), названные обычно по имени их основателя или местоположения. Высокая плата и замаскированная дискриминация в практике приема позволяют не пропускать туда детей из менее престижных семей. Здесь преподают высококлассные педагоги, в старших классах порой — профессора, в классе всего несколько учеников, преподаватели их хорошо знают, подход к ученику — строго индивидуальный, учитываются его

интересы, запросы; тут не только обеспечивается обучение по лучшим академическим программам, тут обучают хорошим манерам, в этих школах завязываются светские знакомства, полезные в дальнейшей жизни. Ученикам стараются дать всестороннее развитие, и интеллектуальное, и физическое (в школе есть роскошные бассейны, поля для гольфа, теннисные корты). Подавляющее большинство выпускников «подготовительных школ» поступают в элитные университеты. Именно эти «socially elite» (в нашей терминологии «элитарные») школы вызывают наибольший интерес социологов образования[42].

Отметим в этой связи, что президнты США и в целом американское правительство, особенно в последние десятилетие, держат проблемы образования в фокусе своего внимания. В 1991 году Дж. Буш, выступая с речью об общей политике в области образования, подчеркнул, что родители должны быть свободны в выборе того, какого рода школы они предпочитают для своих детей. В инаугурационной речи 1993 года Б. Клинтон говорил как о важной национальной задаче о возможности выбора для каждого американца получить образование вплоть до высшего, что существенно важно в условиях информационного общества. В инаугурационной речи 1997 года он развил и конкретизировал это положение. Вопросам образования уделили большое место в своих программах основные претенденты на президентский пост в 2000 году Дж. Буш-мл. поставил проблему образования на первое место. Помимо ассигнования 5 млрд долл. на повышение грамотности, он предложил увеличить выделение грантов на высшее образование еще на 8 млрд долл., выступил за систему финансовых поощрений и штрафов штатов в зависимости от успехов местных школьников в проводимых общенациональных единых выпускных тестах. А в программе А. Гора стоял пункт об увеличении числа учителей и снижении численности классов в муниципальных школах. В инаугурационной речи в январе 2001 года Буш важное место уделил именно образовательным программам. О политике Б. Обамы в сфере образования речь пойдет ниже.

Следует отметить, что в конгрессе США постоянно и систематически обсуждаются проблемы образования в стране, в том числе элитного образования. Приведем несколько примеров. На слуша-

[42] The International Encyclopedia of Education. Pergamon, 1994. Vol. 8. P. 4827.

ниях в сенатском комитете по вопросам здравоохранения, образования, трудовых отношений и пенсий 10 июня 1999 года сенатор Ч. Крэсли (от штата Айова) внес законопроект об увеличении поддержки одаренных учащихся и студентов. (Заметим в скобках, что подобный законопроект неплохо было бы выдвинуть в Государственной Думе.) Причем он справедливо отметил, что оказание такой помощи талантам отнюдь не является элитаризмом. Это, напротив, нечто противоположное элитаризму. Задача видится в том, чтобы все учащиеся, студенты могли получать образование, соответствующее их талантам независимо от их имущественного положения. В законопроекте мы читаем: «Сенат предоставляет гранты одаренным и талантливым... которые смогут использовать эти средства на обучение по специальным программам, включая дистанционное обучение (что особенно важно для сельских районов)... Талант — это проблема для общества. Одаренные и талантливые ученики и студенты обладают огромным потенциалом стать либо лидерами, либо бременем для общества, поскольку могут использовать свой талант для деструктивных целей». На заседании этого же комитета 7 июля 1999 года сенатор Э. Кеннеди отметил: «Образование является нашим национальным приоритетом». На заседании этого же комитета 14 сентября того же года общественный деятель Б. Коэн сказал: «Соревнование (за мировое лидерство) перешло с полей сражений в классные комнаты... школы нуждаются в модернизации... эти деньги можно взять из ассигнований Пентагону»[43].

Такое отношение к образованию дало ожидаемые результаты: 24% американцев старше 25 лет имеют высшее образование — эта цифра выше, чем в западноевропейских странах. Впрочем, специалисты по социологии образования считают, что выпускники средних школ показывают на единых общенациональных экзаменах несколько худшие результаты, чем выпускники школ Западной Европы и Японии[44].

Мы видели, что элитное образование во много раз поднимает шансы американца на вертикальную мобильность. Эту роль элит-

[43] Hearing of the Committee on Health, Education, Labor and Pensions. US Senate. June 10, 1999. Wash., 1999. P. 1–3; July 7, 1999. Wash., 1999. P. 10; Sept. 14, 1999. Wash., 1999. P. 4–5.

[44] Рэнни О. Политическая система США. Сравнительная политология сегодня. М., 2002. С. 524.

ного образования можно подтвердить блестящей карьерой Б. Обамы, сделав ударение на роли в ней элитного образования[45].

Ныне реформа образовательной системы США стала одной из центральных проблеем внутренней политики США. 8 сентября 2009 года, в первый день американского учебного года, Б. Обама выступил в школе Уикфилд в Арлингтоне, пригороде Вашингтона. В своей речи он сказал: «Нужно, чтобы каждый из вас совершенствовал свой талант, навыки и интеллект, чтобы стать способными решать самые трудные наши проблемы». Произносил и другие правильные слова. Однако Обама подвергся критике. Отчасти основанием для обвинений в адрес Обамы послужило разосланное в американские школы письмо с темами сочинений, среди которых была и такая: «Чем я могу помочь нашему президенту?» И перед приездом Обамы в школу у ее дверей стояла группа демонстрантов, держащих плакаты, в которых президент и его администрация обвинялись в «индоктринизации» школьников, «промывании мозгов» и даже в попытке «внедрить социалистическую идеологию» в неокрепшие детские умы. Демонстранты держали плакаты такого содержания: «Г-н президент, держитесь подальше от наших детей» и «Наши дети служат Богу, а не президенту!»

---

[45] Б. Обама родился в 1961 г. в Гонолулу. По окончании привилегированной средней школы в Гонолулу поступил в Западный колледж штата Калифорния, затем перевелся в элитный Колумбийский университет и в 1983 г. получил степень бакалавра. В 1983-84 гг. работал в Международной бизнес-корпорации, является автором статей по финансам и международному бизнесу. В 1985 г. переехал в Чикаго, работал директором по организации деятельности церквей и общественных организаций, разрабатывал проекты изменений в сфере образования для неимущих, программы тренинга для безработных и другие социальные проекты. В 1988 г. поступил в Гарвардскую школу права, в 1991 г. получил степень доктора юридических наук. Занимал должность младшего научного сотрудника, затем консультанта в крупной юридической фирме «Минер, Бранхилл и Грант» по гражданским и общественным делам. В 1993–94 гг. Конституционного права в Чикагском университете. В 1996 г. он был избран в сенат штата Иллинойс, где получил опыт законотворчества, работая над разработкой реформ в социальной сфере, реформ в образовательной сфере и налогообложения. В 1995 г. вышла его книга «Мечты, унаследованные от отца», в 2006 г. увидело свет еще одно его сочинение «Смелость надежды». Обе книги стали бестселлерами. С января 2005 г. он — член сената США от штата Иллинойс. В ноябре 2008 г. на выборах президента США с большим отрывом обошел конкурента — республиканца Дж. Маккейна. Несомненно, что элитное образование является одной из важнейших составляющих, определивших его взлет. Ведь Обама — выпускник двух элитных университетов, входящих в Top ten мировых элитных университетов — Гарварда (1место) и Коламбии (10 место). — *Прим. авт.*

Еще в начале 2009 года Обама заверял, что мировой кризис не повлияет на фанансирования образования. Однако затем, выступая перед большой аудитории в штате Огайо, он сказал, что США не могут изолироваться от мировой ситуации, что США занимают 17-е место по числу выпускников учебных заведений, что самой конкурентоспособной страной в мире стала Швейцария, впервые оттеснившая США на второе место, что США не могут оставаться лидером в мире, если в ближайшее время не улучшат свои показатели.

Конкуренция элитных вузов[46]. Конкуренция элитных вузов выявление их рейтингов, определение того, из чего складываются эти рейтинги входит в предмет исследований социологии элитного образования. Высокий рейтинг — важнейший показатель элитности вуза; его обретение и поддержание является ключевой задачей университета, его администрации, его спонсоров: рейтинг университета прямо отражается на его благосостоянии.

Конкуренция в области образования имеет место во всех странах с рыночными отношениями, но она особенно остра именно в тех из них, в которых имеются элитные университеты. Впрочем, и в этих странах конкурентная борьба различается по степени остроты, по ее интенсивности, по ее формам. Так, в Великобритании она не столь остра, как в США, потому что трудно оспаривать лидерство Оксфорда и Кембриджа (порой исследователи элитного образования называют этих лидеров единым словом «Оксбридж»). Разумеется, это лишь подстегивает конкуренцию между ними, но отрыв от других университетов слишком значительный, чтобы опасаться потери, по существу, исключительного положения этого элитного дуэта, его монопольного (точнее олигопольного) положения. Близкая ситуация складывается в ряде других стран, например в Японии, где лидерство токийского университета почти столь же трудно оспорить. В США конкуренция гораздо более сильная, и лидерству Гарварда бросает вызов Принстон (и на год-два выигрывает первенство) или Йель и другие университеты Северо-Восточной «Лиги плюща» ("Ivy League"), традиционно считающиеся элитными (в нее также входят Коламбиа, Браун, Пен

[46] Ашин Г.К. Мировое элитное образование. М.: Анкил, 2008; Panfilova T.V., Ashin G.K. The Prospects of Higher Education in Russia // Russian Education Society. N.Y., Jan. 2009.

(Пенсильванский университет), а также университеты, не входящие в «Лигу плюща», но не менее знаменитые, такие как Стэнфордский, Джорджтаунский, Беркли, или такие богатейшие, как Техасский университет.

Отметим, что острейшая конкурентная борьба ведется за привлечение студентов из зарубежных стран. Она приносит доходы, измеряемые десятками миллиардов долларов. Победителями являются США, Великобритания, Австралия. Иностранных студентов привлекают прежде всего элитные вузы. Сейчас в вузах США обучаются более ста тысяч китайских студентов.

Интересно сравнение американской и западноевропейской систем высшего образования. Европе трудно конкурировать в этом отношении с США прежде всего по экономическим соображениям. Если США тратят на обучение одного студента более 20 000 долларов в год, то страны старого континента — в два-три раза меньше. Уже это подрывает привлекательность, конкурентоспособность Западной Европы в области образования. В докладе по вопросам высшего образования в Евросоюзе, представленном в 2004 году Еврокомиссией, говорится: «Рост недофинансирования европейских университетов подрывает их возможности по привлечению лучших талантов и совершенствованию научной и преподавательской деятельности. Из 3300 университетов только пара десятков старинных, именитых вузов формирует репутацию высшего образования ЕС, остальные оставляют желать лучшего»[47].

Специалисты по социологии образования часто подчеркивают, что в странах с рыночной экономикой сфера образования такой же бизнес, как и любой другой, хотя и обладающий несомненной спецификой. Специфика элитных учебных заведений в том, что конкуренция идет не за оптимальное соотношение качества и цены, как в других видах бизнеса, а практически исключительно за высочайшее качество образования, так как количество желающих получить образование в самом престижном вузе страны всегда значительно превосходит количество мест, причем независимо от стоимости образования.

По каким критериям определяется рейтинг элитных вузов США? Этот рейтинг определяется ежегодно, и он сильно влияет на положение университета. Среди этих критериев первое место занимает капитализация, активы университета, поскольку имен-

[47] Известия. 2004. 19 ноября.

но за большие деньги строятся великолепные здания (при этом тщательно сберегаются и реставрируются старые университетские постройки), покупается новейшее оборудование, строятся прекрасные спортивные сооружения — стадионы, бассейны, спортзалы, а главное, приглашаются лучшие профессора и преподаватели.

Другие позиции оценки элитности вуза:

— количество лауреатов Нобелевской премии, работающих в университете (отдельной строкой идет количество лауреатов Нобелевской премии — выходцев из данного университета), а также глав научных школ и направлений — национальных и мировых;

— качество профессорско-преподавательского состава (одним из важнейших показателей при этом считается количество статей, опубликованных в ведущих научных изданиях мира), индекс цитируемости профессоров и преподавателей вуза, методическое обеспечение учебного процесса, новейшие методические разработки и программы, индивидуальный подход к студентам, та система преподавания (прежде всего новаторская), которую можно назвать элитопедагогикой;

— величина библиотеки (количество единиц хранения) и качество ее обслуживания, при этом больше ценятся не огромные единые библиотеки, а множество специализированных библиотек (например, библиотека философская, социологическая, политологическая и т.д.; таких специализированных библиотек в Гарварде около тридцати, в Оксфорде больше двадцати);

— соединение обучения с научно-исследовательской работой, участие в международных и федеральных научных программах, количество грантов и национальных и международных премий, полученных университетом, качество оборудования научных лабораторий;

— традиции университета, количество знаменитостей среди его выпускников: президентов (в европейских элитных университетах — премьер-министров), выдающихся министров, лауреатов Нобелевской премии, мультимиллиардеров и др.;

— спрос на воспитанников университета (часто выпускники Гарварда могут не особенно утруждать себя в поисках работы — за большинством из них охотятся рекрутеры, представители известных фирм), заработная плата при поступлении на службу после окончания университета (она может превышать $90–100 тысяч);

— наконец, важное место среди критериев элитности вуза занимает уровень спортивной жизни в университете, количество чемпионов Олимпийских игр, победителей национальных первенств, знаменитых спортивных тренеров, количество и качество спортивных сооружений.

К самым престижным элитным университетам США традиционно относятся университеты «Лиги плюща» — Гарвард, Йель, Принстон, Колумбия, Пен (Пенсильванский университетт), Дартмут, Корнелль, Браун. Степень, полученная в них, производит впечатление на потенциального работодателя и обеспечивает допуск к «сильным мира сего». В целом те, кто окончил частные университеты, имеют более престижную и высокооплачиваемую работу, чем те, кто закончил государственные университеты[48].

Но это еще не все. Как писал еще Р. Миллс в своей известной книге «Властвующая элита», для искателя элитной позиции, для стремящегося быть «подлинным аристократом» недостаточно

---

[48] Опираясь на критерии, разработанные главным образом американскими исследователями элитного образования, Институт высшего образования Шанхайского университета в 2004 г. составил рейтинг 500 лучших университетов мира. В первую десятку вошли, как и следовало ожидать, главным образом американские университеты — Гарвард, Стэнфорд, Калтекс, Беркли, Массачузетский технологический институт, Принстон, Йель, Коламбиа, а также два британских — Кембридж (5-е место) и Оксфорд (9-е место). По американским данным ранжирования элитных вузов десятка лучших элитных (Top 10) вузов 2007 г. выглядит так: Гарвард, Йель, Кембридж, Имперский колледж (Лондон), Caltech (Калифорнийский технологический институт), Стэнфорд, Оксфорд, MIT (Масссачузетский технологический институт), Принстон, Коламбиа. Английское издание «The Higher Education» включает в «Top 10» конца 2008 г. Гарвард, Йель, Кембридж, Оксфорд, Caltech, Университетский колледж (Лондон), Чикагский ун-т, MIT, Коламбиа (несколько корректируя рейтинг в свою пользу). В 2009 г. Рейтинг *Top ten* существенно изменился. По американским источникам 9 июля 2009 г. он выглядел так: Массачузетский технологический ин-т, Гарвард, Стэнфорд, Калифорнийский технологический ин-т, Калифорнийский университет в Беркли, Университет в Корнуэлле, Университет штата Висконсин, Университет штата Миннесота, Калифорнийский технологический ин-т, Университет шт. Иллинойс, Университет шт. Мичиган. Впервые за 20 лет Гарвард потерял первое место, Кембридж откатился на 32-е место, Оксфорд — на 42-е. Мы считаем, что этот рейтинг скоро изменится. Такое быстрое изменение рейтингов, их нестабильность связана с определенной долей субъективизма в определении ранжирования элитных вузов. Английские источники порой завышают рейтинги вузов Великобритании, американские — вузов США. Рейтингам, составленным американскими, британскими, китайскими институтами, можно бросить справедливый упрек в занижении места российских университетов. — *Прим. авт.*

просто окончить Гарвард или Йель. Важно, какой Гарвард или Йель ты закончил. Под «настоящим» Гарвардом имеется в виду тот или иной аристократический клуб при этом университете — «Порселайн» или «Флай», под «настоящим» Йелем — «Фэнс» и т.д. В элитных учебных заведениях складывается специфическая элитарная субкультура, поддерживаемая фамильными связями, закрытыми школами, клубами.

Большинство стран особым образом финансирует ограниченное количество своих элитных университетов. Отметим в этой связи, что такие элитные университеты России, как МГУ, МГИМО(У), не требуют для себя особых привилегий. Ректор МГУ В. Садовничий сказал по этому поводу: «Никакой исключительности не будет... качественное образование должно быть доступно для выходцев из любых слоев общества»[49]. При этом он заверял, что МГУ выходит на уровень Гарварда и что многим западным университетам «придется тянуться за нами».

* * *

В заключение, опираясь на опыт мирового элитного образования и прежде всего исходя из потребностей социально-экономического и политического развития России, попытаемся поставить вопрос о том, какова должна быть государственная политика России в области элитного образования. Прежде всего необходим курс на постоянное увеличение инвестиций в область народного образования в целом, это — магистральный путь возрождения России с ее великими культурными, научными традициями. Нужна «точечная» поддержка талантливой и способной молодежи, которая бы включала в себя поиск и отбор одаренных детей, талантливых юношей и девушек, главным образом через уже опробованное нами проведение конкурсов — региональных и общероссийских, олимпиад, присуждение грантов их победителям и призерам, чтобы они могли подготовиться для поступления в элитные вузы страны (особенно это касается помощи одаренным детям, талантливой молодежи, живущей в провинции, в городах и селах, далеких от культурных центров). Это является важным элементом государственной политики в области образования.

Сравнивая образовательные системы России и США, прежде всего с точки зрения развития в них элитного образования, мы

[49] Известия. 2004. 3 октября.

видели глубокие различия этих систем, связанные с различием исторических традиций, менталитета, экономической и политической структуры этих стран. Несомненно, что в наибольшей степени эти образовательные системы различались в период, когда в нашей стране была установлена советская власть. Американская система образования всегда строилась по типу плюралистического развития, в котором конкурировали разные образовательные модели, где важную роль, наряду с государственными образовательными программами, играли программы, разработанные общественными организациями, причем федеральные носили скорее совещательный, чем директивный характер (что естественно при существовании частных образовательных институтов), где большое влияния на образование оказывали органы штатов и местные органы. Иначе говоря, это система с высокой степенью децентрализации. Противоположную модель образовательной системы представляла собой советская система образования: это была унификация, идеологизация учебного процесса, господствовал эгалитаристский подход к организации системы образования.

В постсоветский период образовательная система России быстро движется в направлении ее деидеологизации; перестал существовать тотальный государственный контроль, идет процесс диверсификации образовательных программ и образовательных институтов, большего учета групповых и индивидуальных запросов населения. Иначе говоря, это явное движение к плюралистической модели образования. Таким образом, мы можем констатировать определенную конвергенцию образовательных систем России и стран Западной Европы и Северной Америки в рамках парадигмы плюралистической образовательной системы. Тем более это ощутимо с принятием Россией Болонской конвенции[50].

И, в сущности, это только частный случай подобных конвергентных тенденций. Выше мы видели движение России от этатизма, от политического монизма к плюрализму политической системы, что, несомненно, сближает ее с политической системой стран

[50] Иногда в литературе встречаются утверждения о том, что принятие Болонской конвенции означает движение в сторону элитного образования. По-видимому, это не совсем так. Один из профессоров Оксфордского университета не без оснований отметил, что для образовательной системы невысокого класса или средней системы принятие Болонской конвенции является несомненный прогрессом. А для элитных университетов, в частности Оксфорда, это отнюдь не является прогрессом. — *Прим. авт.*

Западной Европы и Соединенных Штатов. Выше мы также видели движение российских моделей рекрутирования элиты — от номенклатурной к плюралистической, (хотя, как отмечалось, существуют и контртенденции), к разноканальности рекрутирования элит, одним словом, к более открытой системе рекрутирования элит, что также сближает ее с системой рекрутирования американских и западноевропейских элит. Итак, можно констатировать общее движение различных социально-политических структур к плюралистическим моделям, отражающим демократические процессы в современном мире. Эти изменения можно рассматривать как часть общего мирового движения к возрастанию роли индивидуума как субъекта социального процесса, в чем отражается гуманизация и демократизация мирового социально-политического развития.

Однако внушает тревогу существующее отставание российской системы образования, в том числе элитного. Выше мы видели, что большинство специалистов по экономике и социологии образования не без оснований считает, что для ускоренного развития страны наиболее эффективны инвестиции в «человеческий капитал», в сферы образования и науки (ряд экономистов считает, что каждый доллар, вложенный в развитие науки и образования, в близкой перспективе оборачивается выигрышем по меньшей мере 10 долларов). Поэтому можно говорить о недальновидности правительств, которые, планируя бюджет, не увеличивают (или даже уменьшают) в нем расходы на науку и образование.

Увы, резкое уменьшение ассигнований на образование и науку под видом «реформ», как это имело место на протяжении 90-х годов в России, привело к катастрофическому снижению уровня образования. А в XXI в., несмотря на декларирование приоритетности развития образовательной системы, продолжалось отставание в ее финансировании от передовых систем образования, особенно США, Великобритании, Скандинавских стран, Японии, где расходы на образование значительно превосходят затраты на эти цели России не только в абсолютных цифрах (что еще можно понять), но и в отношении доли этих ассигнований в ВВП. Это программирует дальнейшее отставание России в данной области, что может привести к дальнейшей деградации у нас образования и науки (а это, в свою очередь, к деградации экономики и культуры). Пока в России остались еще вузы и научные школы, имеющие высокие рейтинги в мировой системе образования и науки, необходимо, опираясь на них (прежде всего на элитные вузы и академические

институты), развивать систему образования и науки в России опережающими темпами. Если мы, конечно, не хотим оказаться на уровне стран третьего мира.

В современном мире сложился разветвленный рынок образовательных услуг, и мы должны более активно включаться в этот рынок, и быть в нем конкурентоспособными, причем постоянно работать над повышением этой конкурентоспособности, обеспечить которую призвано прежде всего элитное образование. А ведь элитное образование — один из мощных рычагов повышения качества государственного управления. Выше отмечалось, что элитное образование — это всегда инновационное образование. Для развития России, для ее рывка вперед, важнейшая стратегическая задача — переход на рельсы инновационного развития. Элитное образование является важным рычагом внедрения инновационных подходов во всех областях экономики, науки, культуры, в том числе и самой образовательной системе.

Д.А. Медведев пишет: «В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечено не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами... Чем "умнее", интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан»[51].

[51] Газета. Ru. 2009. 10 сентября.

Приложение 1

Программа курса элитологии, читаемого в МГИМО(У), МГУ, МПГУ

Лекция 1. Предмет элитологии, ее место в системе обществознания.

Лекция 2. Генезис элитологии. Протоэлитология.

Лекция 3. Классики элитологии конца XIX — первой трети XX в.

Лекция 4. Эволюция элитологии с 30-х гг. XX в. до начала XXI в.

Лекция 5. Методологические установки элитизма.

Лекция 6. История российской элитологии.

Лекция 7. История американской элитологии.

Лекция 8. Современные дискуссии о понятии элиты.

Лекция 9. Элита и правящий класс. Элита и массы.

Лекция 10. Элитарзм и демократия.
Элитарная и эгалитарная парадигмы.

Лекция 11. Элитаризм и плюрализм.

Лекция 12. Трансформация и смена элит (на материалах истории российских элит). Дореволюционные элиты.

Лекция 13. Теория «нового класса».
Советская элита (поколенческий анализ).

Лекция 14. Постсоветская элита, ее структура. Политическая и административно-бюрократическая элита.
Бизнес-элита. Культурная элита. Региональные элиты.
Взаимоотношение элит.

Лекция 15. Рекрутирование элит. Проблема элитогенеза.

Лекция 16. Элитное образование.

Круглый стол: Российские элиты и российская элитология.

Приложение 2

Philosophical Dimensions of Elitology[1]

Elitology has been formed on the basis of social and political philosophy. But it integrated the achievements and methods of other sciences, representing interdiscipline knowledge which lies at the joint of social philosophy, political science, sociology, history, psychology and cultural studies.

In a broad sense elitology is based on the teaching of differentiation of being, connected with its hierarchization (the key problem for understanding the elite phenomenon), as well as on synergetics. But let's get narrow the subject of elitology to the social dimension. It should be mentioned that one of the first thinkers to view society as a system in the state of dynamic balance was V. Pareto, a well-known classic of elitology. In this connection I would also like to mention the contributions by A. Bogdanov and T. Kotarbinsky who developed the systems approach in their respective theories of tectology and praxiology with most fruitful applications especially in the understanding of the functioning of political/administrative elites.

By inquiring into the processes of social differentiation and stratification, elitology emerges as a science dealing with the highest stratum in any system of social stratification, of its special functions of controlling system as a whole or some of its subsystems, and working out the norms and values that serve to self-preservation and development of the system. The elite includes the most respected persons who serve as the reference group and whose values other members of the society pattern their behaviour on. They are either upholders of traditions that help integrate and stabilise the society or, under different circumstances (usually situations of crises), the most active, 'passionary' members of the society – sources of innovations. Thus, elitology is a science dealing with elites, the foundations of the social differentiation, its criteria and legality. It goes without saying that this science requires the development of corresponding category network, including the definition of eliticity.

[1] The Report, made by **G. Ashin**, professor of MGIMO University (Moscow) at the XXI World Congress of Philosophy on 12.08.2003, Istanbul.

Finally, often (and first of all in political science) elite is used in the narrow sense of the term, i.e. as politico-administrative elite. It is this part of elitology that became (probably without sufficient reasons) the most wide-spread one though it is only one of many elitological disciplines. In the narrow sense elitology (to be more specific, political elitology) studies the process of social-political management; its primary task is understood as identification of the highest social stratum which directly exercises this management (managers as opposed to the managed), in other words, the composition of elite, its structure, the laws of its functioning, its coming to power and holding this power, its legality as a ruling stratum under condition of acknowledgement by mass followers its leading role in the social process, reasons for its decline, degradation (resulting mainly from its 'closedness'), its departure from the historical arena, transformation and change of elites.

The structure of elitology as a subject of study includes the history of elite studies, i.e. the history of elitology, studies of its laws – laws of its structure, links between its elements (political, economical, cultural elite and others) that are usually subsystems of elite as an integral system, the laws of elite functioning, the interaction between elements of this system, the role of each of these elements as far as elite is concerned as an integrate phenomenon, laws of interdependence and subordination of the system elements and, finally, laws of the development of this system, its transition from one level to another, usually a higher one, to a new type of connections within it.

The term *elitology* is a Russian neologism. First introduced in 1980s, it spread widely among Russian social scientists since late 1990s which saw publication of about a thousand new works on the subject resulting in the emergence of what may be called a Russian school of elitology.

Unfortunately, our foreign colleagues are not in a hurry (for the time being?) to acknowledge the necessity and legality of this term or its equivalent which has not offered yet. One can assume that the term «elitology» grate on the ears of those for whom English is a native language. It is no mere chance that they use the term «political science» instead of «politology» and «cultural studies» instead of «culturology». We do not insist on the term though; as a Russian proverb goes: «Call me a pot, if you will, but don't put me into the stove». Indeed, it is not the sign but its meaning that is of importance, here, too, the accent is not on the term, but on its contents.

In recent years the author had a chance to discourse on elite problems on a number of occasions, including international congresses and conferences and lectures at US and German universities. I was typically asked to deliver lectures and teach special courses under customary (in the USA and Western Europe) names of *Sociology of Elite*, if intended for departments of social sciences, and *Political Elites*, if intended for departments of political science. In fact, do such courses as *Political Elites* and *Sociology of Elite*, *Theories of Elite* as read at Western universities cover all elitological problems? They are rather parts of elitology dealing with different aspects of the elite phenomenon. This fragmentary approach makes it impossible to treat its object, the elite, as an integral whole, as a system with its own laws of functioning and development, to grasp the relations within the elite and between the elite and the society at large in all their varieties. It is this integral approach to the phenomenon of elite that elitology, especially the Russian school of elitology, insists on. As to the very term *elitology*, one should not exaggerate its importance: like any other piece of scientific vocabulary it is just an aspect of a concept, even if a key aspect. Elitology is the broadest term that encompasses all elite studies, regardless of the value preferences of this or that scholar, regardless of whether he/she is an apologist or a critic of elites. Elitology seeks to be a science, not an ideology.

It was argued (not without reason) by foreign colleagues that elitology is a clumsy term insofar as it combines roots of different origins – one, Latin, one, Greek. The author's answer was that he would gladly use the term *aristology* (free of this flaw) but for the fact that the term *elite* introduced by V. Pareto (deficient in many aspects) has by now become an established, indeed, term, and substitution of a new word would only bring greater terminological confusion. Another objection against introduction of the term *elitology* was that one should not increase the number of scholarly disciplines, following W. Ockham's famous methodological principle of not multiplying the number of essences. In defence of my position, I had to point out that Ockham's maxim was not quoted in full: the English scholar objected to multiplying the number of essences 'without reason'. Here we seem to have every reason for introduction of a new term: elites are salient in history in general and in Russia's democratic transition in particular.

But let us come back to courses read at West European and US universities and dealing with particular elites and/or particular aspects of elite studies. Courses called *Theories of Elite* usually centre on historical

or political issues. An interesting course called *Elitism* and based on a monograph of the same name by I. Field and J. Higly promotes an 'elite paradigm', but this is just one of paradigms that, specifically, takes no notice of the egalitarian paradigm, and for this reason alone it may not claim to cover the entire field of elitology. Neither can we be satisfied with elitarist approaches in the spirit of F. Nietzsche and J. Ortega y Gasset, for both take the mass/elite dichotomy for granted, unquestionably accept it as a norm of civilised society, ignore or underestimate the possibility of analysing and interpreting the phenomenon of elite from the egalitarian standpoint that sees the very existence of elite as an outrage against democracy and objects to its perpetuation.

Courses like *Political Elite* may claim even less to encompass the entire field of elite-related problems. The overwhelming majority of contemporary scholars recognise plurality of elites: political, economic, religious, cultural, etc. But if the word *elite* occurs in any context without a specifying adjective, one may be certain that it is political elite that is in mind. This is a sure sign of the predominance of political elite in public mind and indicates that non-political elites are forced into the background. This is a sad phenomenon, in my opinion, for it implies the priority or, stronger still, the superiority of political elites. For it seems more appropriate that the highest status in the hierarchy of elites (socially dominant groups) belong to the cultural elite – to creators of new cultural norms and values.

Perhaps, the closest to the subject of elitology is sociology of elites. However, the latter's field is far narrower than that of the former. Nor should one overestimate the importance and efficacy of sociological methods: elitology seeks to supplement them with methods practised in philosophical, cultural and psychological studies. The sociological approach developed by V. Pareto is an important part, but still only a part of elitology. The Russian school of elitology, therefore, advocates the system approach as a more promising one.

The Russian school of elitology is the child of the last fifteen years. Its emergence is easily explained. The elitological problems were taboo in the Soviet Union. Studies of Soviet elite were censured as ideologically unacceptable. The official ideology saw elite as an attribute of 'antagonistic' class societies, hence impossible in the classless socialist society, although the existence of the privileged stratum of Soviet bureaucracy (indeed, an elite) was an open secret. The subject-matter of elitology could thus enter Soviet social science only through the back

door, by means of criticism of bourgeois sociology – a permitted genre, though the very term *bourgeois sociology* made no more sense than, say, *bourgeois physics.*

It is not surprising therefore that Russian elitology was born in the course of the nation's democratic transition. With censorship abolished, the studies of elites boomed. One may say that Russia earned its right to elitology. It suffered so much from the unchallenged rule by incompetent, authoritarian (one may even say, totalitarian), often corrupted elite. It felt acute need for a scholarly discipline that could optimise norms and requirements for elite education, recruitment and means of democratic control over the elites.

Russian elitology has had important local roots. It could draw on the powerful traditions of the Russian pre-revolutionary philosophy, politiology and sociology as represented by such outstanding figures as N. Berdyaev, M. Ostrogorsky, P. Sorokin, I. Ilyin, G. Fedotov, whose contribution to elitology can hardly be overestimated.

Elitology is a complicated discipline that includes philosophical elitology, sociology of elites, political elitology, elitology of history, as well as history of elitology, elitological psychology (studying motivations for power, psychological peculiarities of elite strata, etc.), cultural elitology (studying elites in their functional role as creators of cultural values and the interdependence of the elite and mass cultures), comparative elitology (studying general laws and peculiar features of elites in various countries/cultures), elite education and elite pedagogy. This is naturally not a complete list.

Philosophical elitology is the highest level of generalization in elitology. It also has a complicated structure. One may distinguish between elitological ontology, elitological epistemology (studying, among other, sacral knowledge, esoteric gnotheology), elitological axiology, elitological philosophical anthropology.

Ontological elitology enquires into heterogeneity, differentiation and hierarchy of being. It is at this level that the problem of eliteness and eliticity is considered in its widest context. It should be noted here that heterogeneity and hierarchy of being was the focal point of ancient (Pythagoras, Heracleitus, Socrates, Plato) and medieval (St. Augustine, Thomas Aquinas) philosophy, debated by modern and 20th-century philosophers (N. Berdyaev, J. Ortega y Gasset).

It is primarily elitological epistemology that allows us to draw the vital distinction between the elitarianism (as characterised by 'closed-

ness') and elitism (as characterised by greater 'openness'). The elitarian gnotheology sought to a theory of esoteric knowledge for the 'chosen' ones, those initiated into secret wisdom and practices and marked by special grace; it emphasised occult knowledge, intuition and inspiration. Disintegration of primitive cultures resulted in social hierarchies based not only on social class differences, but also on unequal access to sacred knowledge. This secret knowledge was the symbolic capital of these proto-elites and legitimised their claims to social privileges. Elitarian esoteric knowledge was sought for millennia by earliest Indian and Chinese philosophers, including Brahmans and Taoists, pre-Socratic Greek philosophers (like Pythagoreans) and conceptualised in Plato's theory of eidetic knowledge. It was later developed by theosophists, such as Meister Eckhart, Swedenborg), H. Blavatsky. R. Steiner, the founder of anthroposophy, devoted himself to the development of speculative mysticism in the traditions of theosophy. This mystic, occultist, esoteric theory of knowledge with its elitarian bias should be contrasted to classical epistemology as represented by Kant which can be properly called 'elite' (considering its profundity, its critical, as well as open to criticism, character).

Elitological philosophical anthropology and elitological personalism is a tradition that originates in Confucius and Plato and is upheld in the 20th century by N. Berdyaev and E. Mounier. It addresses the complex issue of personality and focuses on the process of self-perfection taking men/women to the level of elite. Personal 'elitisation' has been the focal point of religious philosophies, from Buddhism (with its notion of 'enlightened' person) to contemporary philosophical anthropology which aspires to transcend all pre-set limits.

We have started out exposition of elitology with the branch thereof which had been the core of elite studies once but was largely ignored in more recent times, viz. philosophical elitology, and concluded it with what is nowadays its most favoured branch, political elitology. It is high time to correct this injustice and draw elitologists' attention again to the philosophical basics of their own field required to develop a comprehensive and convincing general theory of elitology.

Summary. The term «elitology» is a Russian innovation of the end of the 20th century. It was introduced to meet the needs of a complex discipline dealing with the elite phenomenon which integrates the achievements and methods of philosophy, political science, sociology,

history, psychology, cultural studies. In the Russian and world science elitological problems are being solved mainly by sociology and political science. The article shows the insufficiency of these approaches, the necessity of wider ways of approach which are characteristic for philosophy (including elitological ontology, elitilogical epistemology, elitological philosophical anthropology). The article also emphasizes the role of philosophy as the theoretical basis for solving elitological problems. Thus, the distinguishing between the approaches of political philosophy and political sociology turns out to be euristic as far as the solution of such disputable problems of elitology as the definition of the elite notion, relations between elitism and democracy, typology of elite recruiting, etc., are concerned.

Научное издание

Геннадий Константинович АШИН

ЭЛИТОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография

Редактор *В.М. Титов*
Художник *М.М. Петухова*
Компьютерная верстка *Н.А. Федорова*

Подписано в печать 31.03.2010.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 34,88. Уч.-изд. л. 33,44.
Тираж 500 экз. Заказ № 141

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26